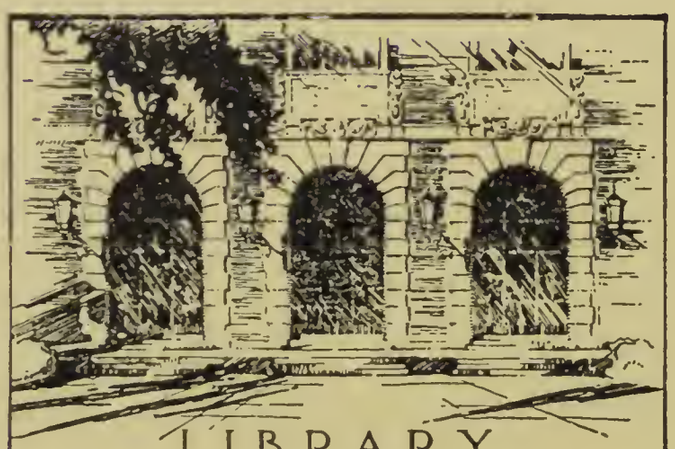
941
M36WmiRd
1863
v.1-2

Библиотека
Н. СКРЫЛЕВА



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

941
M36Wmi Rd
1863
v.1-2

CENTRAL CIRCULATION AND BOOKSTACKS

The person borrowing this material is responsible for its renewal or return before the **Latest Date** stamped below. **You may be charged a minimum fee of $75.00 for each non-returned or lost item.**

Theft, mutilation, or defacement of library materials can be causes for student disciplinary action. All materials owned by the University of Illinois Library are the property of the State of Illinois and are protected by Article 16B of *Illinois Criminal Law and Procedure*.

TO RENEW, CALL (217) 333-8400.

University of Illinois Library at Urbana-Champaign

MAR 07 2003

When renewing by phone, write new due date below previous due date. L162

№ 147.

ИСТОРІЯ
МАРІИ СТЮАРТЪ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. **М. Минье.**

Перев. **Дмитріева.**

Второе изданіе.

ЧАСТЬ I.

Цѣна за 2 части **2** р., вѣсов. прилаг. за **3** ф.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза».
1863.

6066

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 августа 1862 года.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

941
M36WmiRd
1863
v.1-2

МАРІЯ СТЮАРТЪ *).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Шотландія, до соединеніи ея съ Англіею подъ именемъ Великобританіи, болѣе всѣхъ государствъ Европы была волнуема внутренними безпорядками. Но ни при одномъ изъ своихъ національныхъ королей она не испытала столько революцій и трагическихъ катастрофъ, какъ при Маріи Стюартъ. Эта королева, которую несчастіе преслѣдовало со дня рожденія до самой смерти, имѣла только шесть дней отъ роду въ то время, когда была призвана къ трону. Вскорѣ принужденная бѣжать изъ своего королев-

*) Исторія Маріи Стюартъ (потому-что жизнь этой королевы—исторія) представляетъ собою длинный и, можетъ-быть, самый патетическій эпизодъ великихъ революцій XVI вѣка. Этотъ въ высшей мѣрѣ любопытный эпизодъ никогда еще не былъ разсказанъ съ такою полнотою и съ такимъ пониманіемъ общаго смысла эпохи, къ которой онъ относится, какъ въ предлагаемомъ сочиненіи. Если бы мы считали почему-нибудь полезнымъ перевести это сочиненіе со всѣми цитатами, въ немъ приводимыми, то читатели увидѣли бы, что книги, касающіяся одного съ нимъ предмета, составляютъ довольно обильную литературу, и что изъ документовъ, бывшихъ подъ руками автора, могъ бы выйти довольно обширный архивъ. Мы полагаемъ, что переводъ и предложеніе этого историческаго изысканія, и хорошо сдѣланнаго, и далеко не скучно разсказаннаго, и притомъ относящагося къ предмету, который не переставалъ возбуждать симпатическое вниманіе цѣлыхъ трехъ столѣтій, ни въ какомъ случаѣ не будутъ казаться нашимъ читателямъ излишними.

Ред.

ства, она сдѣлалась супругою наслѣдника французской короны и лишилась его на девятнадцатомъ году своей жизни. Въ ранней молодости, оставшись вдовою, она возвратилась въ Шотландію, гдѣ только-что совершилась протестантская революція. Здѣсь королева должна была встрѣтить старинное феодальное непокорство, усиленное всѣмъ фанатизмомъ новыхъ вѣрованій. Въ самое непродолжительное время свергнутая, заключенная, изгнанная, она, чтобы спастись отъ буйства своихъ подданныхъ, предалась во власть своихъ сосѣдей, которые девятнадцать лѣтъ продержали ее въ плѣну и, наконецъ, казнили на эшафотѣ.

Не первый, разсказывая эту трогательную и трагическую исторію, я постараюсь представить ея событія во всей ихъ дѣйствительности, и со всею возможною ясностію раскрыть ихъ истинныя причины. Къ матеріаламъ уже бывшимъ въ употребленіи или открытымъ въ недавнее время, я присоединю и такіе, которые оставались до сихъ поръ неизвѣстными. Располагая большимъ запасомъ свѣдѣній я, можетъ-быть, пролью новый свѣтъ на этотъ предметъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ остававшійся темнымъ. Чуждый всякаго предубѣжденія, я не буду ни защитникомъ, ни порицателемъ этой обольстительной королевы, внушающей къ себѣ сердечное сочувствіе даже въ потомствѣ. Въ своихъ сужденіяхъ о Маріи Стюартъ я не буду увлекаться односторонностію партіи и смотрѣть на нее съ католической или протестантской, шотландской или англійской точки зрѣнія. Но съ спокойнымъ безпристрастіемъ исторіи, безъ суровости и излишняго снисхожденія, принимая живѣйшее участіе въ ея положеніи и ея поступкахъ,

я постараюсь открыть что въ ея бѣдствіяхъ было ударомъ злополучной судьбы и чего она дѣйствительно заслуживала.

Прежде всего необходимо бросить взглядъ на политическое состояніе Шотландіи и духъ пресвитеріанской революціи, которые имѣли такое важное вліяніе на судьбу Маріи Стюартъ.

Расположенная на сѣверной оконечности Британскаго острова, покрытая горами, наполненная пустошами, прорѣзанная озерами, холодная, бѣдная и воинственная, — Шотландія постоянно защищалась самою природою отъ различныхъ завоевателей, занимавшихъ южную часть его. Въ древности она избѣгла римскаго ига; во времена германскихъ вторженій она не подпала оружію саксовъ, англовъ и датчанъ; ея не коснулось и владычество англо-норманновъ въ періодъ феодальный. Суровые и неустрашимые ея обитатели были раздѣлены на кланы, управлявшіеся главами рода или племени; этимъ правителямъ шотландцы оказывали строгую покорность и горячую преданность, доходившую до самоотверженія. Члены каждаго отдѣльнаго клана носили всѣ одно имя; по поводу взаимныхъ оскорбленій и убійствъ между кланами, поддерживались наслѣдственныя чувства мести и *ненависти на смерть*—чувства, составляющія одно изъ главныхъ отличій первобытнаго общества, которое не вышло еще изъ формъ семейнаго быта. Будучи потомками древней гальской расы, они отличались характеромъ предпріимчивымъ, безпокойнымъ умомъ, неукротимою отвагою, непостоянствомъ своихъ привязанностей и почти совершенною неподвижностью своихъ обычаевъ. Во время Маріи Стюартъ

кланы еще сохраняли языкъ, одежду, организацію и отчасти даже оружіе племенъ кельтическихъ.

Въ періодъ времени, съ конца XI по конецъ XIII вѣка, національные короли Шотландіи допустили въ низменныя страны ея бѣглыхъ саксонцевъ и нормандскихъ искателей приключеній, которые и утвердились тамъ скорѣе какъ поселенцы, нежели какъ завоеватели, и смѣшались съ пиктами и скоттами. Въ это же время феодальная система германскихъ народовъ появилась въ Шотландіи на ряду съ патріархальною системою гальскихъ племенъ, которая еще продолжала господствовать въ цѣпи горъ Грампіанскихъ на сѣверѣ и сохранялась съ нѣкоторыми измѣненіями въ горахъ Чевіотскихъ на югѣ, а также въ болотистыхъ земляхъ, отдѣлявшихъ Шотландію отъ Англіи. Такимъ-образомъ въ этомъ небольшомъ королевствѣ было два народа, два языка, два общества, двѣ формы организаціи. Древняя кельтическая раса занимала гористыя мѣста; а германская раса англо-саксовъ и норманновъ — равнины. Дикіе Highlanders или обитатели высокихъ земель, какъ ихъ называли, говорили по-гальски, вооруженные поселенцы низменностей — по-англійски. Первые по прежнему, управлялись системою клановъ, вторые — системою феодальной; тамъ признавалась преимущественно связь родовая, тогда-какъ здѣсь населеніе поставлено было въ политическія и территоріальныя условія воинственнаго общества.

Въ Шотландіи, имѣвшей въ то время очень мало городовъ, война была, такъ сказать, постоянна; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились крѣпости, въ которыхъ жители страны искали убѣжища во время частныхъ раздоровъ. Къ борьбѣ внутренней, ни-

когда почти не прекращавшейся, между кланами, а также между гайлендерами, т. е. обитателями горъ и лоулендерами (Lowlanders), т. е. обитателями равнинъ, присоединились войны внѣшнія, бывшія долгое время опустошительными. Англо-норманскіе короли, —которые завладѣли Ирландіею и покорили Валлисъ,—захотѣли подчинить себѣ и Шотландію. Осуществивъ это, они подчинили бы своей власти всю ту часть британскихъ острововъ, въ которой держалось независимо гальское племя. Много разъ они побѣдоносно вступали въ Шотландію; и несмотря на геройскія усилія Уэллеса (Wallace) и упорное сопротивленіе Роберта Бруса, они по видимому готовы были окончательно утвердиться въ ней при Эдуардѣ I и Эдуардѣ III. По всей вѣроятности, они бы въ это время и присоединили Шотландію къ Англіи, если бы не были вынуждены переносить свое оружіе на континентъ, гдѣ впродолженіи болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія защищали или распространяли свои владѣнія. Продолжительныя войны, которыя англо-норманскіе короли должны были вести съ королями Франціи, помѣшали имъ окончить завоеваніе Ирландіи и упрочить за собою обладаніе Шотландіею. Такимъ-образомъ съ 1357 г., когда Давидъ II взошелъ на тронъ Шотландіи, доблестно основанный отцомъ его Робертомъ Брусомъ, національная независимость Шотландіи сдѣлалась безспорною, и англійскіе короли перестали уже грозить ей.

Франція во многомъ способствовала къ упроченію этихъ важныхъ результатовъ. Подвергаясь постояннымъ нападеніямъ того же врага, она въ XIII столѣтіи заключила съ Шотландіею союзъ, продолжавшійся до конца XVI, и бывшій равно полезнымъ для обѣихъ

странъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ отъ англичанъ. Эта связь заботливо поддерживалась королями Франціи; они посылали помощь Шотландіи, когда ей угрожала опасность и получали содѣйствіе отъ нея, когда сами находились въ подобномъ положеніи; они окружали себя шотландскою гвардіей, раздавали титулы и земли членамъ знатнѣйшихъ домовъ — Стюартамъ, Дугласамъ, Гамильтонамъ, и сдѣлали свой дворъ какъ-бы убѣжищемъ или школою для благородныхъ шотландцевъ, искавшихъ на континентѣ пріюта или образованія. Такой союзъ продолжался до конца XVI столѣтія, и имѣлъ немаловажное вліяніе на судьбу Маріи Стюартъ, сдѣлавъ ее совершенно француженкою по рожденію, образованію, первому замужству и характеру, и возбудивъ духъ возмущенія въ высшей шотландской аристократіи, которая во время несовершеннолѣтія и отсутствія королевы сдѣлалась слишкомъ могущественною.

Пять королей, предшественниковъ Маріи Стюартъ на тронѣ Шотландіи, повинуясь общему стремленію всѣхъ государствъ того времени къ сосредоточенію власти, тщетно старались покорить монархическому порядку и пріучить къ послушанію это страшное дворянство. Тогда между ними и знатными баронами завязалась политическая распря, заступившая мѣсто прежней національной борьбы шотландцевъ съ англичанами. Эти бароны, изъ которыхъ бо́льшая часть была въ одно и то же время и начальниками клановъ и феодальными владѣльцами, располагали весьма значительными силами. Предводитель черныхъ Дугласовъ, защищавшій шотландскія границы на югѣ, одинъ имѣлъ отъ 1000 до 1500 человѣкъ всадниковъ обыкновеннаго конвоя, и могъ выставить въ поле до 40 т.

воиновъ. Короли же, напротивъ, неимѣли ни постояннаго войска, ни денежныхъ средствъ. Единственная сила ихъ заключалась въ королевскомъ титулѣ, не всегда уважаемомъ; а главною поддержкою въ дѣлахъ служила имъ случайная и измѣнчивая преданность знатныхъ фамилій, которыя они употребили одну противъ другой. Но, несмотря на такую слабость, династія Стюартовъ, въ лицѣ женщины взошедшая на тронъ Роберта Бруса, съ 1423 по 1542 годъ настойчиво стремилась къ ослабленію шотландской аристократіи.

Это трудное дѣло было начато Іаковомъ I-мъ. Послѣ 18-ти лѣтняго плѣна возвратясь изъ Англіи въ Шотландію, онъ принялъ за образецъ англійское управленіе, и пожелалъ ввести его въ своей странѣ. Чтобы уничтожить всякое сопротивленіе, онъ отправился въ горы и захватилъ тамъ болѣе сорока предводителей клановъ. Потомъ напалъ на многихъ знатныхъ лордовъ, самовластно распоряжавшихся своими участками и побѣдилъ такимъ-образомъ обѣ аристократіи, наиболѣе ограничивавшія королевскую власть. Онъ воспретилъ конфедераціи бароновъ; раздѣлилъ на двѣ палаты шотландскій парламентъ, составлявшій прежде одно общее собраніе, въ которомъ господствовало знатное дворянство; упрочилъ общее правосудіе, назначивъ четыре раза въ годъ собранія ассизовъ во всемъ королевствѣ, и подчинивъ имъ тѣ споры, которые прежде рѣшались съ оружіемъ въ рукахъ; наконецъ отнялъ у незаконныхъ и мятежныхъ владѣльцевъ графства и помѣстья, которыя они похитили у короны и которыя служили имъ средствомъ для возстанія противъ нея. Но дворянство, встревоженное этими нововведеніями и строгостями, которыми

они сопровождались, постаралось избавиться отъ нихъ убійствомъ. Между шотландскими аристократами составился заговоръ, и заговорщики, застигнувъ короля въ Пертѣ, убили его 14 января 1437 года.

Всѣ перемѣны, введенныя въ государствѣ Іаковомъ I-мъ, уничтожились во время малолѣтства его сына, Іакова II-го, который однакожь, достигнувъ совершеннолѣтія, снова возвратился къ намѣреніямъ своего отца. Графъ Дугласъ, самый значительный изъ южныхъ бароновъ, вошелъ въ союзъ съ графомъ Крофортомъ, имѣвшимъ обширную власть на востокѣ, и съ графомъ Россомъ, повелѣвавшимъ на сѣверѣ. Іаковъ II-й, не успѣвъ отвлечь Дугласа отъ этого опаснаго союза, самъ закололъ его кинжаломъ въ замкѣ Штёрлингѣ, куда онъ пригласилъ Дугласа, ручаясь ему за безопасность. Послѣ этого вѣроломнаго и насильственнаго поступка возгорѣлась ожесточенная война между фамиліями Стюартовъ и Дугласовъ; предводительствуя равными силами, противники двинулись другъ противъ друга. Двѣ арміи, каждая въ 40,000 человѣкъ, встрѣтились на берегу небольшой рѣки Каронъ. Здѣсь одна изъ сторонъ, во что бы то ни стало должна была побѣдить и ослабить другую. Стюарты одержали верхъ. Этому способствовало опасеніе, внушаемое дворянству и безъ того уже слишкомъ сильнымъ могуществомъ гордаго и честолюбиваго дома Дугласовъ, которые, въ случаѣ если бы побѣда осталась за ними, грозили бы ему еще бо̀льшимъ угнетеніемъ, нежели какое оно терпѣло отъ царствующаго дома. Іаковъ Дугласъ, оставленный частію своихъ приверженцевъ, былъ разбитъ, лишенъ владѣній и изгнанъ. Съ нимъ погибъ родъ черныхъ Дугласовъ, которыхъ огромныя владѣнія были раздѣлены между

Дугласами рыжими изъ отрасли Ангуса, Гамильтонами западными и потомками Скотта Беклейча на югѣ. Эти три фамиліи возвысились на развалинахъ низвергнутаго дома; впрочемъ ни одна изъ нихъ не достигла такого значенія, какимъ обладалъ онъ.

Предпріимчивый Іаковъ II-й не долго пережилъ успѣхъ, сдѣлавшій его грозою дворянства. Онъ погибъ въ 1460 году двадцати девяти лѣтъ отъ роду отъ пушечнаго выстрѣла при Роксбергѣ. Эта смерть избавила его, по всей вѣроятности, отъ смерти, бывшей удѣломъ его отца. Іаковъ III, по достиженіи возраста, въ которомъ онъ уже былъ въ состояніи управлять государствомъ, продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ. Но онъ дѣйствовалъ безъ должной осторожности и энергіи. Окруживъ себя министрами и фаворитами изъ низшихъ сословій, онъ передалъ свою власть въ такія руки, которыя ее не только не увеличивали, но еще подвергали опасности. Вмѣсто того, чтобы раздѣлять дворянство на партіи, онъ позволилъ ему соединиться противъ него, и выказалъ себя столько же робкимъ, какъ и неспособнымъ. Въ 1482 году шотландскіе бароны повѣсили на Лодерскомъ мосту его любимцевъ-плебеевъ, а въ 1488 году убили самого короля, настигнувъ его въ бѣгствѣ, послѣ проиграннаго имъ сраженія при Санчи.

Устрашенный или вразумленный несчастною судьбою своихъ предковъ, Іаковъ IV не сталъ слѣдовать ихъ примѣру. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ шотландскимъ дворянствомъ, терпѣвшимъ нападенія отъ его предковъ и примирился съ королями англійскими, съ которыми они постоянно воевали. Пользуясь внутреннею тишиною и внѣшнимъ миромъ, онъ старался укрѣпить свое королевство и дать ему возможное бла-

гоустройство. Онъ женился на дочери Генриха VII, искуснаго политика, который не задолго предъ тѣмъ прекратилъ въ Англіи продолжительныя междоусобныя войны домовъ іоркскаго и ланкастерскаго и который хорошо понималъ всю выгоду этого союза для своей не совсѣмъ еще утвердившейся власти. Тюдоры, династія которыхъ была основана Генрихомъ VII, имѣли совершенно другіе виды на Шотландію. Они уже не думали присоединить ее къ Англіи насильственно или на правахъ феодальныхъ, какъ хотѣли Плантангенеты; но желали привлечь ее къ союзу съ Англіей посредствомъ брачныхъ связей и трактатовъ, и оторвать такимъ-образомъ отъ союза съ Франціей, который, впродолженіи двухъ вѣковъ, совершенно разстроивалъ планы ихъ предшественниковъ и на островѣ и на континентѣ. Устроить политическое сближеніе двухъ королевствъ и такимъ-образомъ приготовить ихъ територіальное соединеніе, — такова была система Генриха VII, начало которой онъ положилъ бракомъ своей дочери Маргариты съ Іаковомъ IV и трактатомъ наступательнаго и оборонительнаго союза, который былъ первымъ покушеніемъ противъ старинной дружеской связи между Шотландіей и Франціей. Но Генрихъ VIII, не обладавшій ни осторожностію, ни политическимъ тактомъ своего отца, вскорѣ разстроилъ его дѣло. Въ 1513 году онъ заставилъ Іакова IV снова вступить въ союзъ съ Франціею и поднять противъ него оружіе. Правда, война эта имѣла печальный исходъ для короля и для дворянства Шотландіи, которые на этотъ разъ дѣйствовали единодушно: Іаковъ IV былъ разбитъ. Онъ нашелъ смерть на полѣ битвы при Флоденѣ, съ десятью тысячами своихъ приверженцевъ, между которыми были два

епископа, два аббата, двѣнадцать графовъ, тринадцать лордовъ, пять старшихъ сыновей знатныхъ бароновъ и много дворянъ низшаго разряда. При наслѣдникѣ его, Іаковѣ V, которому при восшествіи на престолъ было меньше двухъ лѣтъ отъ роду, Шотландія впала въ величайшіе безпорядки.

Во время продолжительнаго малолѣтства Іакова V, знатныя фамиліи Шотландіи другъ у друга оспаривали власть и вступали между собою въ битвы даже на улицахъ Эдинбурга. Особенно Гамильтоны и Дугласы рыжіе производили междоусобія въ странѣ. Въ главѣ первыхъ стоялъ графъ Аранъ, ближайшій наслѣдникъ престола послѣ Стюартовъ; послѣдними управлялъ графъ Ангусъ, женатый на вдовѣ Іакова IV, сестрѣ Генриха VIII. Фамилія Гамильтоновъ вообще оставалась вѣрною политикѣ французской; фамилія же Дугласовъ старалась распространить въ Шотландіи вліяніе англичанъ. Послѣ продолжительной борьбы обѣ эти партіи примирились, въ ущербъ государству. Молодой король былъ содержимъ подъ такою стѣснительною опекой, что казался совершеннымъ плѣнникомъ. Это развило въ немъ сильную и неумолимую ненависть къ шотландскому дворянству; и къ систематическому плану своихъ предковъ—какъ можно болѣе ослаблять это дворянство—онъ присоединилъ еще желаніе отмстить ему за себя. Едва освободясь изъ-подъ опеки графа Ангуса, который управлялъ отъ его имени, Іаковъ V пошелъ противъ него и заставилъ его бѣжать въ Англію, гдѣ этотъ глава рыжихъ Дугласовъ и жилъ въ изгнаніи до самой смерти короля.

Пылкій Іаковъ V болѣе своихъ предковъ оказалъ смѣлости въ повсемѣстномъ возстановленіи королев-

ской власти и уничтоженіи анархическаго могущества дворянства. Онъ обезсилилъ Дугласовъ рыжихъ, какъ его прадѣдъ, Іаковъ II—Дугласовъ черныхъ. Потомъ онъ предпринялъ походъ на южную границу, гдѣ жили совершенно отбившіеся отъ рукъ воинственные кланы Гепбёрновъ, Гомовъ, Скóттовъ, Керовъ; взялъ ихъ замки, захватилъ ихъ предводителей и уничтожилъ неповиновеніе. Оно повсюду внушилъ глубокій страхъ къ своей власти и строгости, наказывалъ убійства, вошедшія въ обычай у буйнаго и дикаго населенія, преслѣдовалъ поджигательства и кражу животныхъ—пороки, укоренившіеся въ нравахъ страны, улучшилъ судебныя учрежденія, способствовалъ умственному образованію, развилъ нѣкоторыя отрасли промышленности, украсилъ Шотландію множествомъ новыхъ зданій и повсемѣстно возстановилъ миръ и спокойствіе.

Но всѣ эти перемѣны были непрочны. Скользя, такъ сказать, по поверхности шотландскаго общества, онѣ неимѣли времени проникнуть въ его основы, чему главною причиною былъ Генрихъ VIII. Этотъ пылкій и властолюбивый король стремился вовлечь своего племянника во всѣ свои политическіе и религіозные планы. Разорвавъ связь съ римскою Церковью, онъ побуждалъ Іакова V произвести такую же религіозную перемѣну въ Шотландіи, какую самъ онъ сдѣлалъ въ Англіи. Онъ хорошо понималъ, что въ то время, когда послѣдняя сдѣлается страной протестантской, первая не можетъ оставаться католическою, не вступивъ опять, притомъ съ бóльшею силою чѣмъ когда либо, въ связи съ континентомъ, отъ которыхъ онъ и его отецъ старались ее отторгнуть, и что новыми причинами непріязни между двумя государст-

вами неизбѣжно будутъ возобновлены и усилены прежнія. Желая привлечь на свою сторону племянника, онъ предложилъ ему свою дочь въ супруги.

Іаковъ V нѣкоторое время колебался. Крайняя испорченность шотландскаго духовенства, соединявшаго съ общимъ въ то время развращеніемъ этого сословія, грубыя привычки и буйные нравы шотландскаго дворянства, склоняли его къ реформѣ. Значительныя имущества, которыми владѣло духовенство тоже соблазняли его. Онъ позволилъ, даже поэту Давиду Линдсэю и доктору Джоржу Бучанану писать на монаховъ и священниковъ сатиры, которыя пріобрѣли сильную популярность. Однако король скоро одумался. Самъ собой, или наученный другими, онъ пришелъ къ мысли, что унижая духовенство, онъ тѣмъ самымъ усилитъ дворянство; что имущества перваго изъ этихъ сословій не могутъ быть отняты безъ того, чтобы значительная часть ихъ не перешла ко второму. Поступать такимъ образомъ значило противорѣчить дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ и вредить себѣ самому; это значило оставлять планъ, которому уже больше столѣтія они слѣдовали относительно дворянства и принять совершенно противоположную систему. Сверхъ того Іаковъ V разсудилъ, что уничтожая духовенство, въ которомъ заключалось почти все просвѣщеніе королевства, и среди котораго находилась бо́льшая часть людей, способныхъ занимать высшія гражданскія должности, онъ ввергнетъ Шотландію въ невѣжество, и оставитъ феодальную аристократію безъ всякой оппозиціи и въ парламентѣ, и въ королевствѣ. Къ тому же примасъ Битонъ и нѣкоторые епископы предложили ему отъ имени духовенства ежегодную субсидію въ 50,000 ливровъ, кото-

рая удовлетворяла его корыстолюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ могла помочь ему защищаться противъ Генриха VIII, еслибы этотъ государь объявилъ войну.

Принужденный выбирать между уничтоженіемъ католической Церкви и ослабленіемъ феодальнаго дворянства, Іаковъ V-й остановился на послѣднемъ. Но отвергая тягостную дружбу Генриха VIII, онъ снова долженъ былъ прибѣгнуть подъ защиту союза съ Францискомъ I-мъ. Итакъ онъ по неволѣ возвратился къ старой политикѣ своего дома и своего государства. Онъ отправился во Францію и женился тамъ въ 1537 году на Магдалинѣ, дочери Франциска I-го. Эта принцесса черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего замужства умерла, и въ слѣдующемъ году онъ вторично вступилъ въ супружество съ Маріею Лотарингскою, вдовою герцога Лонгвиля, сестрою герцога Франсуа де-Гиза. Этотъ союзъ ясно опредѣлилъ тотъ планъ, котор ому предполагалъ слѣдовать король относительно религіозныхъ реформаторовъ, доктрины которыхъ незамѣтно проникали въ Шотландію, и поземельныхъ владѣльцевъ, которые тяготились его властію. Онъ началъ преслѣдовать протестантовъ строгими законами и наказаніями, и распространилъ свою жестокость на самыя знатныя фамиліи королевства. По всякому подозрѣнію въ заговорѣ, эти послѣднія подвергались страшнымъ наказаніямъ. Дворянство, доведенное до крайней степени раздраженія и ненависти, искало только случая, чтобы излить свою злобу на Іакова V. Случай этотъ скоро представился.

Генрихъ VIII снова началъ настаивать, чтобы король Шотландіи соединился съ нимъ и ввелъ религіозную реформу въ своемъ государствѣ. Онъ даже пріѣхалъ для переговоровъ въ Іоркъ, куда обѣщалъ

прибыть и Іаковъ V. Но впродолженіи шести дней дядя напрасно ждалъ племянника и въ бѣшенствѣ немедленно объявилъ ему войну. Это была опасная минута для Іакова V. Онъ не могъ отразить англичанъ безъ помощи военныхъ силъ шотландскаго дворянства; но въ интересахъ этого дворянства было скорѣе ослабить короля, нежели доставить ему побѣду. И король скоро узналъ это изъ печальнаго опыта. Когда англичане, опустошивъ пограничныя земли Шотландіи, воротились въ свои владѣнія, то дворянство отказалось преслѣдовать ихъ, объявивъ Іакову V, что эта война противна интересамъ государства, и что удаленіе непріятеля дѣлаетъ продолженіе ея безполезнымъ. Ихъ смѣлый отказъ повергнулъ короля въ глубокое уныніе. Однако же онъ отправилъ новое войско противъ англичанъ, подъ предводительствомъ Оливіера Синклера, который былъ ненавидимъ дворянствомъ, какъ любимецъ короля и другъ духовенства. Принявъ начальство, Синклеръ двинулся къ западнымъ границамъ, во главѣ десяти тысячной арміи. Шотландскія войска, встрѣтившись съ пятью стами англичанъ на восточной оконечности Сольвейскаго залива, обратились въ бѣгство, желая лучше унизить короля, подвергнувъ себя пораженію, нежели усилить его власть успѣхомъ. Позорное и знаменательное событіе у Сольвейскаго залива, поразило Іакова V. Онъ заболѣлъ лихорадкою и умеръ 14 декабря 1542 года въ замкѣ Фоклендѣ, тридцати одного года отъ роду. Незадолго до своей смерти онъ получилъ извѣстіе, что жена его въ замкѣ Линлитгау разрѣшилась отъ бремени дочерью; при этомъ онъ печально сказалъ о шотландской коронѣ, внесенной въ домъ Стюартовъ внукою Роберта Бруса: «женщиною она принесена и

съ женщиною погибнетъ». Эта женщина была Марія Стюартъ, родившаяся 8 декабря 1542 года.

Въ то время, когда на тронъ Шотландіи взошла королева, которая имѣла тогда только шесть дней отъ роду, и продолжительное малолѣтство которой снова вызвало и распространило анархическое господство дворянства, дѣло преобразованія, предпринятое пятью королями, ея предшественниками, не подвинулось далѣе своего начала. Прежнее положеніе Шотландіи почти не измѣнилось. Число городовъ ея мало увеличилось, благосостояніе ихъ мало возрасло на ея территоріи, все-еще наполненной пустырями, и покрытой замками. Кланы и лены существовали въ прежней силѣ, не встрѣчая отпора ни въ общинахъ, которыя еще недостаточно развились, ни въ королевской власти, которая еще не сдѣлалась довольно могущественною. Правда, королевская власть сильно стремилась учредить въ Шотландіи общую государственную организацію, но не успѣла дать ей ту силу, какую она пріобрѣтала во многихъ другихъ странахъ. Власть законодательная, сила общественная, и наконецъ власть судебная, остававшаяся наслѣдственною, не только въ баронскихъ помѣстьяхъ, но и въ королевскихъ округахъ, находились въ рукахъ дворянства, которое управляло парламентами, засѣдало въ судахъ, составляло феодальную армію, и изъ котораго были выбираемы даже городскіе старшины.

Шотландскій парламентъ составлялъ одно общее собраніе. Король Іаковъ I, по примѣру Англіи, однажды раздѣлилъ его на двѣ палаты, но это нововведеніе существовало не долго. Возвратясь къ своей прежней формѣ, шотландскій парламентъ былъ великимъ совѣтомъ страны, гдѣ въ общемъ собраніи

разсуждали свѣтскіе и духовные лорды, депутаты мѣстечекъ и коронныя должностныя лица. Поземельная аристократія легко пріобрѣтала въ немъ господство. По шотландской системѣ, отъ великаго совѣта страны отдѣлялось небольшое собраніе изъ тридцати двухъ членовъ, подъ именемъ «*Комитета статейныхъ лордовъ*»; оно приготовляло всѣ дѣла, которыя должны были разсматриваться въ сессіяхъ. Этотъ комитетъ, избранный парламентомъ, совершенно управлялъ имъ. Шотландскіе короли пытались учредить высшую судебную инстанцію надъ инстанціею феодальною. Этотъ новый судъ былъ сначала переходнымъ и состоялъ въ судебныхъ засѣданіяхъ (ассизахъ), которыя держали чрезъ каждые три мѣсяца въ различныхъ частяхъ королевства *лорды сессій*, учрежденные Іаковомъ I. При Іаковѣ IV, онъ сдѣлался постояннымъ, подъ именемъ *Трибунала лордовъ ежедневнаго совѣта*, имѣвшаго свои засѣданія въ Эдинбургѣ. Наконецъ онъ получилъ болѣе полное устройство при Іаковѣ V, который основалъ *Коллегію юстиціи*. Но этотъ судъ, раздѣленный между самими дворянами, находился въ слишкомъ большой зависимости отъ ихъ страстей и взаимной борьбы. Тамъ гдѣ нѣтъ независимой и безпристрастной общественной силы, не можетъ быть и власти судебной, которая бы пользовалась общимъ уваженіемъ. Судъ становится только новою формою угнетенія. Сильный пользуется имъ противъ слабаго.

Въ Шотландіи королямъ никогда не удавалось организовать государственную силу, которая бы имъ принадлежала. Обладая весьма незначительными денежными средствами, они не имѣли и постояннаго войска. Ихъ армія оставалась феодальною. По первому

сигналу, подъ знамена ихъ сходились на короткое время всѣ обязанные нести военную службу. Короли, не имѣя силы, достаточной для ослабленія дворянства, не имѣли также и правильно устроенной администраціи, которою они могли бы замѣнить его необузданное могущество. Вынужденные противопоставлять однихъ территоріальныхъ владѣльцевъ другимъ, они низлагали тѣхъ, которые имъ противились, и возвышали тѣхъ, которые имъ благопріятствовали. Такимъ образомъ, не ослабляя могущества аристократовъ, они только переносили его съ одного лица на другое. Вслѣдствіе этого феодальныя формы общества не уничтожились; короли, такъ сказать, только мѣняли однихъ противниковъ на другихъ. Они постоянно стремились сдѣлать коронныя имущества неотчуждаемыми, возвратить права похищенныя у королевской власти, уничтожить наслѣдственное право охраненія границъ, уменьшить наслѣдственный переходъ должностей, запретить конфедераціи бароновъ; но уступая непреодолимой силѣ обычаевъ и необходимости, они снова раздавали конфискованныя земли и отобранные титулы, допускали запрещенныя ими самими наслѣдственныя права, и бо́льшею частію оказывались совершенно безсильными противъ аристократическихъ союзовъ.

Изъ пяти королей, бывшихъ на тронѣ Шотландіи до Маріи Стюартъ, двое—Іаковы I и III—умерщвлены; II и IV—погибли въ битвѣ, а Іаковъ V, умеръ съ отчаянія, оставленный дворянствомъ, которое онъ надѣялся покорить, и побѣжденный въ ту минуту, когда считалъ себя торжествующимъ. Всѣ пять королей пали въ борьбѣ съ непокорствомъ шотландской аристократіи, или съ непріязнью Англіи. Побѣжденные

обстоятельствами, которыя превышали ихъ силы, они погибли всѣ еще въ молодыхъ лѣтахъ, жертвами заговоровъ, или въ битвахъ. Самый старшій изъ нихъ имѣлъ не болѣе сорока одного года, и всѣ оставили своихъ наслѣдственниковъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Впродолженіи пяти долгихъ, одно за другимъ слѣдовавшихъ, несовершеннолѣтій наслѣдниковъ престола, не только происходила остановка въ дѣятельности королевской власти, но и самая эта власть была парализирована. Дворянство снова получило то, что̀ оно потеряло изъ своего могущества, и Шотландія впала опять во всѣ прежніе безпорядки. Такимъ-образомъ эти пять королей, несмотря на свои намѣренія и усилія, не измѣнивъ положенія государства, передали другъ другу однѣ и тѣ же опасности. Эти опасности еще болѣе увеличились для Маріи Стюартъ, во время малолѣтства которой произошелъ переворотъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, прибавившій къ прежнимъ причинамъ безпорядковъ и раздоровъ новыя. Протестантская реформа только укрѣпила и расширила аристократическую анархію.

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ первый разъ на тронъ Шотландіи была призвана женщина; Марія Стюартъ принесла на него и слабость своихъ лѣтъ и слабость своего пола. Регентства, которое необходимо должно было быть продолжительнымъ при королевѣ восшедшей на престолъ шести дней отъ роду, домогался кардиналъ Битонъ, архіепископъ сентъ-андрейскій, который въ качест-

вѣ примаса стоялъ во главѣ Церкви, и Джемсъ Гамильтонъ, графъ аранскій, который былъ ближайшимъ наслѣдникомъ короны и успѣлъ заслужить расположеніе дворянства. Глава дворянства легко взялъ верхъ надъ главою духовенства. Собравшійся парламентъ вручилъ графу д'Аранъ регентство и опеку надъ королевой-ребенкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ кардиналъ Битонъ короновалъ Марію Стюартъ, 9 сентября 1543 года, въ Штёрлингѣ.

Съ этой минуты образовались двѣ партіи, дѣятельно оспоривавшія другъ у друга власть, особу и наслѣдство Маріи Стюартъ, опираясь одна на поддержку Англіи, другая—на помощь Франціи. Первая, состоявшая изъ бо́льшей части бароновъ, снова сдѣлавшихся совершенно независимыми, уничтожала всѣ предпріятія второй, къ которой примкнула разрушающаяся Церковь и которою руководилъ недовольный примасъ, вмѣстѣ со вдовствующею королевой, потерявшею въ это время всякое значеніе. Генрихъ VII счелъ своею обязанностью воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для выполненія плановъ своихъ относительно Шотландіи. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ предлагалъ свою дочь Марію въ супруги Іакову V, а теперь сталъ просить руку Маріи Стюартъ для сына своего, герцога валлійскаго. Этотъ проэктъ столько же соотвѣтствовалъ политикѣ, сколько обстоятельствамъ. Союзъ наслѣдницы Шотландіи съ наслѣдникомъ Англіи совершенно естественно и безъ всякихъ волненій долженъ былъ подготовить сліяніе обоихъ государствъ. Но Генрихъ VIII самъ повредилъ успѣху своихъ плановъ. Его необузданное желаніе, которое не могло примириться съ отсрочкою или подвергнуться неизвѣстности, сдѣлало его слишкомъ нетерпѣли-

вымъ и требовательнымъ. Онъ объявилъ, что молодая королева находится подъ его покровительствомъ, до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ возраста, необходимаго для вступленія въ бракъ; а въ ожиданіи этого онъ хотѣлъ, чтобы ему уступлены были многія самыя укрѣпленныя мѣста страны. Это было не завоеваніе королевства, какъ во времена Эдуарда, а конфискація королевскихъ владѣній и временная отдача Шотландіи подъ секвестръ Англіи.

Эта необдуманная торопливость и оскорбительная для гордости шотландцевъ требовательность, много повредили Генриху VIII, который убѣдился наконецъ и самъ въ необходимости уменьшить свои притязанія. Онъ ограничилъ ихъ только тѣмъ, чтобы Марія Стюартъ была прислана въ Англію на двѣнадцатомъ году и здѣсь вступила въ бракъ съ герцогомъ валлійскимъ, какъ только она достигнетъ узаконеннаго возраста. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ трактатъ 1 іюля 1543 г., но даже самый трактатъ этотъ возбудилъ въ Шотландіи народное неудовольствіе и стремленіе страны къ союзу съ Франціей. Графъ Аранъ, фамилія котораго постоянно находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ этимъ государствомъ, хотя на нѣкоторое время и былъ привлеченъ личными интересами на сторону Англіи, но вскорѣ по заключеніи трактата присоединился къ вдовствующей королевѣ, которая еще не была страшна для него, и къ кардиналу-примасу, котораго уже можно было не опасаться. Это сближеніе снова и совершенно неожиданно измѣнило политику Шотландіи. Трактатъ съ Генрихомъ VIII былъ уничтоженъ черезъ пять мѣсяцевъ по заключеніи, а 15 декабря, въ Эдинбургѣ, регентъ и государственныя сословія Шотландіи подписали

новый трактатъ, заключавшій условія тѣснаго союза съ Франціей и подтверждавшій, отъ имени Маріи Стюартъ, всѣ договоры обоихъ государствъ, начиная со временъ Роберта Бруса.

Чрезъ это война съ Англіей сдѣлалась неизбѣжною. Раздраженный Генрихъ VIII немедленно объявилъ ее. Отправленная имъ въ Фортскій заливъ флотилія разоряла берега и грозила сжечь самый Эдинбургъ. Черезъ нѣсколько времени англійская армія перешла южную границу Шотландіи и подвергла страну страшнымъ опустошеніямъ. Домогаться такимъ путемъ руки Маріи Стюартъ—значило получить непремѣнный отказъ. Этой неполитичной войной Генрихъ достигъ только того, что внушилъ шотландцамъ всеобщую ненависть къ англичанамъ,—приверженцы которыхъ уменьшались съ каждымъ днемъ,—заставилъ ихъ призвать на помощь союзныя французскія войска и возбудилъ жаркое преслѣдованіе противъ религіозныхъ нововводителей, державшихся его стороны. Начальники послѣднихъ, уже довольно многочисленные, были захвачены въ замкѣ Сентъ-Андре́ и въ оковахъ посажены на французскія галеры. Генрихъ VIII умеръ въ январѣ 1547 г., далеко не достигнувъ предположеной цѣли: соединить два дома—Стюартовъ и Тюдоровъ, и тѣмъ положить начало сліянію двухъ королевствъ—Шотландіи и Англіи.

Къ этой же цѣли и съ такимъ же увлеченіемъ стремился герцогъ Соммерсетъ, дядя (съ материнской стороны) Эдуарда IV и протекторъ королевства во время несовершеннолѣтія этого короля. Въ годъ смерти Генриха VIII онъ вступилъ въ Шотландію, во главѣ сильной арміи, обѣщая вывести ее обратно, если шотландцы обяжутся удержать свою королеву, не

посылая ее на материкъ до тѣхъ поръ, пока она достигнетъ брачнаго совершеннолѣтія, и разорвутъ всякія сношенія съ Франціей. Но тѣ рѣшились лучше сражаться, чѣмъ подчиниться волѣ англичанъ. 10 сентября 1547 г., при *Пинки* они вступили въ битву и проиграли ее. Эта роковая неудача, стоившая побѣжденнымъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ, открыла Шотландію ея непримиримымъ врагамъ. Англичане дошли до самаго Лейта; потомъ они утвердились въ южной части государства, гдѣ и подчинили себѣ знатнѣйшихъ лордовъ, владѣвшихъ воинственными пограничными округами.

Ослабленная, но не уничтоженная этимъ оборотомъ дѣла, національная партія прибѣгла къ Франціи, которая одна только была въ силахъ оказать шотландцамъ дѣйствительную помощь противъ англійскаго оружія. Чтобы заинтересовать ее не однѣми только политическими причинами, нужно было предложить ей то, чего съ такимъ жаромъ домогалась Англія— наслѣдство Маріи Стюартъ и опеку надъ нею. Эта королева, имѣвшая около шести лѣтъ, жила до сихъ поръ въ замкѣ Штёрлингѣ, вмѣстѣ съ двумя своими гувернёрами: лордами Эрскиномъ и Ливингстономъ. Послѣ битвы при Пинки, ее увезли изъ этого замка, который могъ подвергнуться осадѣ, въ монастырь Инчмагомъ, построенный среди озера Ментейтъ и не въ такой степени подверженный нападеніямъ англійской арміи. Вдовствующая королева, по согласію съ регентомъ, рѣшилась тогда отослать свою дочь на материкъ и обручить ее съ молодымъ дофиномъ Франціи, находившимся почти въ одинаковомъ съ нею возрастѣ. Предложеніе, сдѣланное хитрой государыней шотландскому дворянству и французскому двору, бы-

ло принято обѣими сторонами съ величайшею готовностью. Всѣ видѣли въ немъ собственныя выгоды. Королевство пріобрѣтало защитника, способнаго поддержать его независимость; вдовствующая королева надѣялась получить впослѣдствіи регентство; французскій дворъ видѣлъ въ этомъ неразрывномъ союзѣ вѣрное средство унять Англію. Но больше всѣхъ выигрывало при этомъ шотландское дворянство, буйному господству котораго удаленіе Маріи Стюартъ и ея замужство въ чужой землѣ должны были особенно благопріятствовать.

Какъ только этотъ проэктъ былъ принятъ съ обѣихъ сторонъ, Генрихъ II, который наслѣдовалъ Франциску I чрезъ три мѣсяца по вступленіи Эдуарда VI на престолъ, послалъ флотъ въ р. Фортъ, съ шестью тысячами дессанта и превосходною артиллеріей, подъ начальствомъ Андрè де Монталамбера, владѣльца Эссе. Этотъ начальникъ вспомогательныхъ войскъ, введенный въ собраніе парламента, объявилъ, что его государь, радуясь случаю укрѣпить старинный союзъ двухъ странъ посредствомъ брака двухъ ихъ наслѣдниковъ, охотно принимаетъ на себя защиту Шотландіи и воспитаніе ея молодой королевы при французскомъ дворѣ и торжественно обязывается уважать законы и привилегіи королевства. Эта сдѣлка разстроила планы лорда-протектора, который побѣдилъ Шотландію, не уничтоживъ въ ней духа сопротивленія, и который, опустошивъ ее, еще болѣе отдалилъ ее отъ Англіи. Въ публичномъ манифестѣ онъ объявилъ тогда, что онъ не имѣетъ никакого другаго намѣренія, кромѣ соединенія двухъ странъ посредствомъ брачнаго союза, на основаніяхъ совершеннаго равенства, подъ общимъ названіемъ Британіи. Онъ

увѣрялъ, что желаетъ этимъ положить конецъ войнамъ, которыя такъ долго ихъ опустошали. Но его политическія причины имѣли также мало успѣха, какъ и его военныя экспедиціи. Тогда герцогъ Соммерсетъ попытался воспрепятствовать юной королевѣ шотландской отправиться во Францію. Онъ послалъ флотъ подъ начальствомъ адмирала Клинтона, чтобы перехватить ее на дорогѣ, будучи увѣренъ, что та изъ двухъ странъ, въ рукахъ которой будетъ королева, овладѣетъ и ея королевствомъ.

Но дальновидность и благоразуміе мѣръ, принятыхъ вдовствующею королевой, отстранили отъ ея дочери и эту послѣднюю опасность. Она немедленно увезла юную Марію изъ Инчмагома въ Дэмбартонъ, куда съ неменьшею поспѣшностью и таинственностью прибылъ также адмираль Вильганьонъ съ четырьмя гальотами, назначенными для препровожденія во Францію молодой государыни. На королевскомъ гальотѣ, вмѣстѣ съ Маріею Стюартъ, отправились два ея гувернера, побочный братъ ея, лордъ Джемсъ, которому въ это время было семнадцать лѣтъ, и четыре ея сверстницы, принадлежавшія къ знатнымъ фамиліямъ: Флеммингъ, Ситонъ, Битонъ и Ливингстонъ. Ихъ называли четырьмя Маріями, потому-что всѣ онѣ носили имя своей королевы. Маленькая флотилія, съ своимъ драгоцѣннымъ грузомъ, оставила западный берегъ Шотландіи 7 августа, незадолго передъ тѣмъ, какъ англійская эскадра прибыла къ мысу Сентъ-Абботъ, для того, чтобы воспрепятствовать ея отплытію. Плаваніе этой флотиліи совершилось благополучно и 13 августа 1548 г. она вошла въ Брестскій портъ. Отсюда Марію Стюартъ повезли въ Сенъ-Жерменъ, гдѣ въ то время находился дворъ. Король

Генрихъ II принялъ ее тамъ и обращался съ нею, какъ съ дочерью. Онъ назначилъ ей содержаніе, соотвѣтствующее ея сану, и сталъ воспитывать ее вмѣстѣ съ своими дѣтьми.

Все было кончено. Неудавшійся планъ соединенія Шотландіи съ Англіей смѣнился старинной политикой соперничества и вражды, которая усилилась до такой степени, что постоянно поддерживалась втеченіи остальныхъ годовъ столѣтія, отличаясь то жестокостью, то коварствомъ враждующихъ сторонъ. Послѣ отъѣзда Маріи Стюартъ ви материкъ, ея королевство вело войну еще два года. Но съ присоединеніемъ французскихъ войскъ къ шотландскимъ, военное счастіе измѣнилось. Англичане были разбиты, потеряли бо́льшую часть укрѣпленныхъ позицій, занятыхъ ими послѣ битвы при Пинки, и принуждены были заключить съ Шотландіей—территорія которой была ими очищена—миръ, подписанный 24 марта въ Булони, а 20 апрѣля 1550 г. обнародованный въ Эдинбургѣ. Однакожь миръ не избавилъ ихъ отъ ненависти сосѣдей, вражду которыхъ они пробудили этой девятилѣтней войной.

Въ теченіи слѣдующихъ десяти лѣтъ, наступившихъ по заключеніи мира 1550 г. французское господство въ Шотландіи возрастало, усиливалось и, наконецъ, пало. Вдовствующая королева, честолюбіе которой равнялось ловкости, стремилась къ управленію государствомъ своей дочери. Она добивалась регентства съ тѣмъ же искусствомъ, какое выказала въ подготовленіи тѣснаго союза Шотландіи съ Франціей и въ устройствѣ брака Маріи Стюартъ съ дофиномъ. Безъ труда удалось ей пріобрѣсти поддержку своекорыстнаго Генриха II. Этотъ государь, особен-

ной благосклонностью котораго пользовались его братья—герцогъ Франсуа де-Гизъ и кардиналъ лотарингскій, уступалъ въ распоряженіе графа Арана, главы Гамильтоновъ, герцогство Шательро́, съ условіемъ, чтобы тотъ отказался отъ регентства. Между-тѣмъ Марія лотарингская своими обѣщаніями, возбуждавшими корыстолюбіе шотландскаго дворянства, все болѣе-и-болѣе пріобрѣтала его благорасположеніе. Она снискала также сочувствіе уже значительно усилившейся въ то время протестантской партіи, выказывая большую снисходительность къ ея ученію, и наконецъ привлекла на свою сторону графа Гэнтли, главу фамиліи Гордоновъ, и сильнѣйшаго владѣтеля на сѣверѣ, обѣщавъ отдать ему графство Мюррэй, а его старшаго сына сдѣлать графомъ Ротсэй. Въ то же время она добилась опекунства надъ королевой, видя въ этомъ средство къ достиженію власти въ государствѣ. Но только послѣ четырехлѣтнихъ интригъ и усилій достигла она своей цѣли. Весною 1554 г. слабый графъ Аранъ уступилъ ей наконецъ регентство, цѣною котораго пріобрѣлъ герцогство Шательро́ и значительный пансіонъ отъ Франціи. Кромѣ того онъ удержалъ за собою замокъ Дэмбартонъ до совершеннолѣтія королевы, былъ признанъ вторымъ лицомъ въ королевствѣ и въ случаѣ смерти Маріи Стюартъ долженъ былъ наслѣдовать престолъ. Марія лотарингская, въ присутствіи государственныхъ чиновъ Шотландіи и съ ихъ согласія, приняла отъ своей дочери, достигшей тогда двѣнадцатилѣтняго возраста, титулъ и власть регентши.

Такимъ-образомъ вдовствующая королева достигла наконецъ цѣли, къ которой стремилась такъ не-

утомимо. Она дѣйствовала безошибочно; но это было легче, когда она только желала, чѣмъ тогда, какъ получила желаемое. Легче было не дѣлать ошибокъ, стремясь къ власти, чѣмъ избѣжать ихъ въ управленіи государствомъ. Нуждаясь во всѣхъ, она умѣла угодить каждому. Но дѣла пошли иначе, когда она получила въ свои руки королевскую власть. Для нея было трудно избѣжать увлеченія, съ какимъ она выказывала свое пристрастіе къ Франціи, которой обязана была своимъ возвышеніемъ. Важнѣйшія должности въ королевствѣ она замѣстила французами. Вице-канцлеромъ былъ сдѣланъ де-Рюбе́, должность контролера отдана Вильмору, губернаторство Оркней — Бонтону, и наконецъ всѣмъ ходомъ государственнаго управленія завѣдывалъ д'Уазель, бывшій тайнымъ секретаремъ регентши. Такое управленіе Шотландіи посредствомъ иностранцевъ было не политично и опасно. Оно возбудило зависть въ шотландской аристократіи, которая охотно принимала помощь Франціи, но не могла сносить долго ея господства.

Однакожь разрывъ между Франціей и Шотландіей послѣдовалъ не скоро. Регентша еще ладила со всѣми, въ комъ нуждалась, для того чтобы выдать свою дочь за дофина и защищать Шотландію отъ Англіи. Положеніе этой послѣдней страны совершенно измѣнилось со вступленіемъ на ея тронъ Маріи Тюдоръ. Новая королева съ фанатическою ревностью принялась за уничтоженіе религіознаго переворота, совершеннаго ея отцомъ, Генрихомъ VIII, и утвердившагося въ правленіе брата ея, Эдуарда VI; католицизмъ былъ возстановленъ самыми крутыми мѣрами. Потомъ, выйдя за мужъ за Филиппа II, она связала Англію съ обширными владѣніями государя Испаніи и Обѣихъ Си-

цилій, герцогства Миланскаго, Нидерландовъ и Америки. Этотъ союзъ, одинаково опасный Франціи и Шотландіи, долженъ былъ мгновенно скрѣпить узы, связывавшія оба эти королевства. Онъ воспрепятствовалъ католико-національной партіи отдалиться отъ регентши, а партіи англо-протестантской — примкнуть къ королевѣ, преслѣдовавшей ея единовѣрцевъ въ Англіи, и къ королю, который былъ главнымъ противникомъ протестантства на материкѣ. Вслѣдствіе этого бракъ шотландской королевы съ дофиномъ сдѣлался совершенно необходимымъ, чтобы противопоставить одному союзу другой.

Марія Стюартъ была очень развита для своего возраста. Она была высока и хороша собою. Ея блестящіе глаза дышали умомъ. Ея руки были въ высшей степени изящны. Она имѣла нѣжный голосъ благородную наружность, исполненную граціи; говорила съ одушевленіемъ и вообще была уже чрезвычайно привлекательна. Рано выказались въ ней прелести, заставлявшія любить ее и дѣлавшія очаровательнымъ даже самое дѣтство ея. Она была воспитана вмѣстѣ съ дочерьми Екатерины Медичи, подъ надзоромъ ученой Маргариты французской, сестры Генриха II, покровительницы Мишеля де л'Опиталя, бывшей впослѣдствіи замужемъ за герцогомъ савойскимъ. Дворъ, среди котораго выросла Марія Стюартъ, былъ самымъ великолѣпнымъ, самымъ изящнымъ, самымъ веселымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ развращеннымъ въ Европѣ. Сохраняя еще нѣкоторые воинственные обычаи среднихъ вѣковъ, въ то же время пріучаясь къ умственной дѣятельности эпохи возрожденія, онъ имѣлъ характеръ наполовину рыцарскій, наполовину ученый. Турниры и

охота смѣшивались тутъ съ науками и ученостью; театральныя представленія и зрѣлища, дѣйствующія на умъ, смѣнялись гимнастическими упражненіями тѣла; грубыя древнія игры, основанныя на ловкости и силѣ, шли объ руку съ новыми, утонченными наслажденіями искусствъ.

Ничтó не могло сравниться съ блескомъ и шумомъ этого двора, введенными еще Францискомъ I, который привлекъ къ нему цвѣтъ французской аристократіи, воспитывая здѣсь молодыхъ дворянъ изо всѣхъ провинцій, въ качествѣ пажей *), и украсивъ его почти двумя стами дамъ и дѣвицъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства. Вся эта толпа придворныхъ безпрестанно переселялась тó на берега Сены въ роскошные дворцы Фонтенблó и Сенъ-Жермена, частію выстроенные вновь, частью передѣланные Францискомъ I; тò въ увеличенные имъ замки Блуа и Амбуаза на берега Луары, гдѣ проводили время предки его. Подражая отцовскому примѣру, Генрихъ II удержалъ тоже великолѣпіе и при своемъ дворѣ, которымъ съ дѣятельностью и увлеченіемъ руководила ловкая итальянка Катерина Медичи. Она привыкла къ этому при Францискѣ I, принявшемъ ее въ *маленькій отрядъ своихъ дамъ-фаворитокъ*, съ которыми онъ ѣздилъ охотиться за оленями и нерѣдко проводилъ время одинъ въ своихъ увеселительныхъ домахъ. Но по бóльшей части

---

*) При Францискѣ I, также и при Генрихѣ II такихъ пажей было около ста тридцати, изъ нихъ ежегодно до 50 человѣкъ выходили въ пѣхоту, въ тяжелую и легкую кавалерію, Брангомъ, т. II. стр. 353 и 354.

мужчины смѣшивались съ обществомъ дамъ почти безпрерывно. Королева и ея дамы присутствовали на всѣхъ играхъ и увеселеніяхъ Генриха II и его придворныхъ, сопровождали его на охоту; король также со своей свитой проводилъ по нѣскольку часовъ утромъ и цѣлые вечера на половинѣ Катерины Медичи. «Тамъ,—говоритъ Брантомъ,—всегда находилась толпа земныхъ богинь, одна прекраснѣе другой: каждый вельможа, каждый придворный, говорилъ съ тою, которая ему нравилась больше всѣхъ, междутѣмъ какъ король съ своими приближенными бесѣдовалъ съ королевою, или занималъ разговоромъ свою сестру, королеву дофину (Марію Стюартъ) и другихъ принцессъ.» Имѣя оффиціальныхъ фаворитокъ, короли хотѣли, чтобы и подданные тоже имѣли ихъ. «И тѣхъ кто этого не дѣлалъ,—говоритъ Брантомъ,—считали фатами и глупцами.» Францискъ I взялъ себѣ въ фаворитки сначала графиню Шатобріанъ, а потомъ герцогиню д'Этанъ; Генрихъ II былъ также рыцарски-страстнымъ поклонникомъ жены великаго сенешаля Нормандіи, Діаны де-Пуатье. Но кромѣ этихъ извѣстныхъ всѣмъ фаворитокъ, были и другія: Францискъ I, прославившійся своею безнравственностью, отличался тѣмъ, что самъ любилъ просвѣщать дамъ, поступавшихъ къ его двору. Его товарищемъ въ этихъ подвигахъ вольнодумства и разврата былъ дядя Маріи Стюартъ, богатый и разгульной кардиналъ лотарингскій *). Таковъ былъ дворъ, изъ жизни кото-

---

*) «Я слышалъ что какъ только ко двору являлась какая-нибудь красивая дѣвица или молодая дама, онъ тотчасъ же сближался съ нею и чтобы склонить ее, обыкновенно говорилъ, что самъ хочетъ заняться ея образованіемъ. Прекрасный наставникъ!.. Тогда говорили также, что изъ числа состоявшихъ при дворѣ и поступавшихъ

раго Брантомъ заимствовалъ бо́льшую часть безнравственныхъ примѣровъ, приведенныхъ имъ въ своихъ «*Свѣтскихъ женщинахъ*». Объ испорченности этого двора можно судить даже изъ стихотворенія, которое духовникъ Генриха II, поэтъ Меленъ де-Сенъ-Желе́, посвятилъ одной изъ красавицъ двора:

Si du parti de celle voulez être
Par qui Venus de la cour est bannie,
Moi, de son fils ambassadeur et prêtre,
Savoir vous fais qu'il vous excommunie.
Mais si voulez à leur foy étre unie,
Mettre vous faut le coeur en leur puissance,
Pour répondant à votre obéissance.
Car on leur dit qu'en vous, mes demoiselles,
Sans gage sûr, y a peu de fiance
Et que d'Amour n'avez rien que les ailes *).

Въ этой-то школѣ изящества и разврата, откуда выходили такіе остроумные и порочные короли, такія любезныя и въ то же время вѣтреныя принцессы, выросла и образовалась Марія Стюартъ. Въ дѣтствѣ своемъ она почерпала отсюда одно только хорошее;

туда вновь дамъ и дѣвицъ, почти вовсе не было такихъ, которыхъ бы не развратило или собственное корыстолюбіе, или щедрость кардинала; и очень немногія, а быть-можетъ и ни одна изъ нихъ не оставила этого двора съ незапятнаннымъ именемъ». Брантомъ, т. VII, стр. 540.

*) Если вы хотите принадлежать къ числу тѣхъ, которыя изгнали придворную Венеру, то я посланникъ и жрецъ ея сына, объявляю вамъ, что вы отлучены имъ. Но если вы хотите быть съ ними за одно, то вы должны предать свое сердце въ ихъ власть, въ залогъ вашего повиновенія; потому-что говорятъ: «на васъ, дѣвицы, безъ залога положиться нельзя, и что изъ любви вы не имѣете ничего, кромѣ крыльевъ».

но при этомъ нельзя было не дать ей замѣтить существовавшаго здѣсь зла, которому она невольно стала подражать впослѣдствіи, потому-что видѣнные примѣры рано или поздно непремѣнно отражаются на поступкахъ. Но сначала она пользовалась только изяществомъ и образованностью, процвѣтавшими при этомъ очаровательномъ и ученомъ дворѣ, гдѣ дочери короля съ любовью изучали языки и искусства и гдѣ у каждаго государя былъ свой поэтъ: у Франциска I — Маро; Генриха II — Сенъ-Желе; у Карла IX — Ронсаръ; у Генриха III — Депортъ. Это было время литературнаго переворота, который, отдаливъ французскую поэзію отъ наивной простоты среднихъ вѣковъ, съ цѣлью придать ей ученыя формы древности,—заставилъ ее потерять свою самостоятельность, не достигнувъ желаемаго величія. Такой родъ поэзіи могъ быть только минутной прихотью, хотя проповѣдывалъ его Іоакимъ дю Беле, развивалъ Ронсаръ, покровительствовалъ ему канцлеръ л'Опиталь, удивлялся Монтéнь и апплодировалъ весь дворъ Генриха II. Ронсаръ, жившій три года въ Шотландіи, въ качествѣ пажа при Іаковѣ V, былъ сначала наставникомъ Маріи Стюартъ въ поэзіи, а потомъ ея поклонникомъ

Скоро развернулись въ ней разнообразные дары ея богатой и очаровательной натуры. Въ десять лѣтъ она уже удивляла всѣхъ своею зрѣлостью, и въ письмахъ къ вдовствующей королевѣ, по поводу шотландскихъ дѣлъ, обнаруживала тонкость ума, необыкновенную для своего возраста. Тринадцати лѣтъ она декламировала предъ королемъ, королевою и всѣми придворными, въ залѣ Лувра, латинскую рѣчь, сочиненною ею самой. Уже способная къ скрытности, она умѣла сохранять политическія тайны, кото-

рыя довѣряла ей мать. Вотъ что́ писалъ объ ней кардиналъ лотарингскій къ своей сестрѣ: «Ваша дочь такъ развилась и развивается еще каждый день въ величіи, добротѣ, мудрости и добродѣтеляхъ, что совершеннѣе ея во всемъ прекрасномъ и благородномъ невозможно и быть, и теперь ничего подобнаго вы не встрѣтите въ нашемъ государствѣ, ни между аристократками, ни между дѣвушками низшаго и средняго классовъ, какія только находятся въ немъ. Я долженъ сообщить вамъ также, мадамъ, что король очень любитъ ее и всегда находитъ часъ времени для бесѣды съ нею, а она умѣетъ занять его разговоромъ о прекрасныхъ и разумныхъ предметахъ такъ, какъ этого не съумѣла бы сдѣлать иная двадцати-пятилѣтняя женщина.» Прекрасное воспитаніе, которое она получила, обогатило ея природныя способности разнообразными познаніями. Кромѣ латинскаго языка, на которомъ она хорошо говорила, она изучала исторію, знала живые языки, отличалась въ музыкѣ, очаровательно пѣла, акомпанируя себѣ на лютнѣ и сочиняла стихи, приводившіе въ восхищеніе Ронсара и дю-Беле́. Обладая живымъ и проницательнымъ умомъ, вкрадчивымъ и любезнымъ характеромъ, она составляла украшеніе двора, гдѣ всѣ восхищались ею. Кардиналъ лотарингскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ своей сестрѣ преобладаніе Маріи Стюартъ при дворѣ, который она съумѣла подчинить своему вліянію: «Увѣряю васъ, мадамъ, что никто не можетъ быть прекраснѣе и благороднѣе королевы, дочери вашей; она совершенно управляетъ королемъ и королевою.»

Когда этой очаровательной принцессѣ наступилъ пятнадцатый годъ, Генрихъ II-й сталъ торопить ея

бракъ съ дофиномъ. 31 октября 1557 г. онъ писалъ къ государственнымъ чинамъ Шотландіи, приглашая ихъ къ выполненію стариннаго обязательства, даннаго ими по этому предмету. 14 декабря государственные чины собрались въ Эдинбургѣ, подтвердили свои обѣщанія, которыя регентша съумѣла сдѣлать привлекательными для нихъ, и назначали десять коммиссаровъ, для того чтобы они ѣхали въ Парижъ, утвердить предстоящій бракъ отъ имени Шотландіи и присутствовать на торжествѣ. Этими коммиссарами были назначены: архіепископъ Гласго'скій; епископъ Рос'скій, епископъ Оркней'скій; графъ Ротъ; графъ Кассилисъ; лордъ Джемсъ Стюартъ, комендантъ замка Сентъ-Андре, бывшій въ это время двадцати шести лѣтъ; лорды Джемсъ Флеммингъ и Джорджъ Ситонъ и Джонъ Эрскинъ Дэнъ. Сообразно съ полученными инструкціями, они должны были прежде всего взять съ королевы и дофина клятву въ соблюденіи нераздѣльности законовъ и привилегій государства. Эта формальность была исполнена и контрактъ подписанъ 19 апрѣля 1558 г. на слѣдующихъ условіяхъ: старшій сынъ, происшедшій отъ этого брака, долженъ быть королемъ Франціи, если же отъ него произойдутъ только дочери, то старшая изъ нихъ дѣлается королевой Шотландіи, получая четыреста тысячъ экю, какъ французская принцесса. Она можетъ выйти замужъ не иначе какъ съ обоюднаго согласія государственныхъ чиновъ Шотландіи и короля Франціи. Дофинъ имѣетъ право пользоваться титуломъ и гербомъ короля шотландскаго, и если онъ умретъ на французскомъ престолѣ, то долженъ оставить королевѣ, женѣ своей, вдовью пенсію въ шестьдесятъ тысячъ турскихъ ливровъ.

Черезъ пять дней, послѣ этого, бракосочетаніе происходило съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ въ церкви Богоматери. Кардиналъ де Бурбонъ совершилъ его въ присутствіи короля, королевы, принцевъ крови и знатнѣйшаго дворянства. Едва только окончилась церемонія, новобрачная, примѣру которой послѣдовали и депутаты ея страны, поздравила дофина королемъ Шотландіи, и втеченіи многихъ дней празднества смѣнялись одно другимъ, наполняя Парижъ движеніемъ и радостью. Повсюду прославлялось величіе блистательной принцессы, которая, казалось, была призвана счастливо носить двѣ короны. И кто могъ угадать въ это время, что меньше чѣмъ въ десять лѣтъ она потеряетъ ихъ одну за другою и должна будетъ впасть въ бездну несчастій.

Самый французскій дворъ способствовалъ ея паденію, научивъ ее двуличности и коварству, которыя были для нея впослѣдствіи такъ пагубны. Не довольствуясь тѣмъ, что этотъ бракъ еще болѣе скрѣплялъ союзъ съ Шотландіею, вовлеченною черезъ него въ войну Франціи съ Англіей и Испаніей, Генрихъ II хотѣлъ упрочить за собою власть надъ этимъ королевствомъ, въ случаѣ еслибы Марія Стюартъ умерла бездѣтною. Онъ думалъ такимъ образомъ предотвратить восшествіе Гамильтоновъ на тронъ и присоединить къ Франціи страну, которая никогда не терпѣла мысли о соединеніи съ Англіей. 4 апрѣля 1558 г., т. е. за пятнадцать дней до принятія Маріею Стюартъ условій, сообщенныхъ коммиссарами шотландскаго парламента, она подписала въ Фонтенбло̀ два тайныхъ документа чрезвычайно-опасной важности. Первый изъ этихъ актовъ просто составлялъ полную отдачу Шотландіи королямъ французскимъ, въ ува-

женіе заслугъ, оказанныхъ этими королями въ разное время Шотландіи, въ защитѣ ея противъ англичанъ, *старинныхъ и закоренѣлыхъ враговъ* этой страны, и особенно въ вознагражденіе за помощь ей короля Генриха II, который, во время малолѣтства шотландской королевы, поддерживалъ ея государство на собственный счетъ.

Второй актъ былъ составленъ повидимому на случай неисполненія перваго, въ которомъ Марія Стюартъ передавала также Генриху II свои наслѣдственныя права на Англію и Ирландію. Онъ заключалъ въ себѣ предоставленіе королю французскому права пользоваться доходами королевства шотландскаго, до тѣхъ поръ, пока этими доходами не уплачивалась сумма, израсходованная имъ на защиту Шотландіи. Такъ-какъ это королевство, при своей бѣдности не могло уплатить суммы, простиравшейся до милліона золотомъ, то Марія Стюартъ отдавала его во владѣніе короля Франціи до уплаты долга доходами. Такимъ образомъ, съ согласія ближайшихъ своихъ родственниковъ, герцога де Гиза и кардинала лотарингскаго, она отдала Шотландію подъ залогъ долга, котораго это королевство не признавало вовсе.

Оба эти акта столько же неудачные, сколько и неудобоисполнимые, не могли быть полезными королю Франціи, но въ значительной степени могли повредить королевѣ шотландской, научивъ ее пренебрегать своимъ словомъ, играть своими обязанностями и черезъ это поставивъ ея на пути къ злополучію. И въ-самомъ-дѣлѣ, 4 апрѣля она подписала тайный протестъ противъ торжественныхъ обѣщаній, данныхъ пятнадцать дней спустя, въ присутствіи шотландскихъ коммиссаровъ. Уничтожая заранѣе согла-

сіе, которое должна была дать на статьи, составленныя чинами своего государства, сообразно съ его законами, она сказала въ этомъ протестѣ, что намѣрена располагать своимъ наслѣдіемъ на правахъ дѣйствительной королевы и потому, не желая чтобы оно досталось во власть какого-нибудь туземнаго вельможи, она хочетъ *связать, слить и соединить королевство шотландское съ короною Франціи.* Далѣе она прибавила, что принуждена подчиниться по наружности требованіямъ своихъ подданныхъ, потому-что живетъ далеко отъ своей страны, не имѣетъ во власти ея крѣпостей, а безъ этого опасается смутъ, которыя могутъ принести погибель.

И такъ первый шагъ въ жизни и управленіи Маріи Стюартъ ознаменовался актомъ слабости и предательства. Конечно, ее нельзя строго обвинять въ этомъ, потому-что она была еще очень молода и совершенно подчинена чужому произволу; но ей слишкомъ скоро пришлось раскаяться въ этомъ. Шотландскіе коммиссары, вовсе не подозрѣвая, что королева пренебрегла своими клятвами и произвольно распорядилась ихъ отечествомъ, возвратились въ Шотландію, чтобы и тамъ утвердить договоръ, заключенный 19 апрѣля. Парламентъ, видя свои желанія исполненными, ратификовалъ его въ декабрѣ 1558 г. и утвердилъ за дофиномъ корону, доставшуюся ему по браку. Онъ опредѣлилъ также, чтобы съ этихъ поръ всѣ акты издавались за подписью Франциска и Маріи, короля и королевы Шотландіи, дофина и дофины Франціи.

Этимъ бракомъ обозначались высшая точка французскаго вліянія на Шотландію. Достигнувъ ея, какъ крайняго предѣла, это вліяніе стало немедленно

ослабѣвать. Шотландія воспользовалась всѣми выгодами, какія оно могло доставить и теперь замѣчала въ немъ одни только неудобства. Она чувствовала, что независимость ея, защищаемая отъ вліянія Англіи, можетъ подвергнуться опасности со стороны Франціи, а она вовсе не желала замѣнить одного чужеземнаго господства другимъ. Съ другой стороны, Марія лотарингская, достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей,—лишивъ регентства графа Арана, выдавъ свою дочь за сильнѣйшаго изъ государей Европы, доставивъ Шотландіи французскій протекторатъ, соблюдала меньше осторожности въ отношеніи къ людямъ, которые, по ея мнѣнію, уже не могли быть для нея ни полезны, ни страшны. Она исключительно окружила себя своими соотечественниками и этимъ привела въ раздраженіе недовѣрчивую и завистливую шотландскую аристократію, которая по своимъ наклонностямъ и привычкамъ уже стремилась отдѣлиться отъ нея. Знатнѣйшіе бароны, и во главѣ ихъ герцогъ Шательро и графъ Гэнтли, уже обнаруживали свое недовѣріе по поводу войны, которую вели Франція и Шотландія противъ Англіи и Испаніи. Собравшись въ Кельсо, они отказались отъ вторженія въ англійскія владѣнія, опираясь на то, что для нихъ нѣтъ никакого интереса начинать наступательныя дѣйствія, и что они должны ограничиваться только защитою королевства въ случаѣ нападенія непріятелей.

Начавшіяся такимъ образомъ несогласія скоро пошли дальше. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія королены шотландской съ дофиномъ Франціи, Марія Тюдоръ умерла и съ ея смертью рушился тѣсный союзъ Испаніи съ Англіей. Кромѣ-того эта смерть повлекла за собою вторичное паденіе ка-

толицизма въ послѣдней странѣ, безпрестанно мѣнявшей свои религіозныя вѣрованія, подчиняя ихъ произволу государей. Дочери Катерины арагонской наслѣдовала дочь Анны Боленъ, немедленно возстановившая исповѣданіе, котораго держались отецъ ея, Генрихъ VIII и братъ Эдуардъ VI. Вступленіе Елизаветы на тронъ въ ноябрѣ 1558 г. измѣнило какъ отношенія Маріи Стюартъ къ Англи, такъ положеніе и, чувства партій въ Шотландіи. Елизавета была объявлена незаконнорожденною, когда ея мать была обезглавлена, и французскій дворъ смотрѣлъ на нее какъ на неспособную къ царствованію и по рожденію, и по религіи. По пристрастному взгляду этого двора, Марія Стюартъ, какъ происходящая по прямой линіи отъ Генриха VII и его старшей дочери Маргариты Тюдоръ, бывшей замужемъ за Іаковомъ IV, была законною наслѣдницей англійской короны. Съ опрометчивостью, превосходившею даже неблагоразуміе актовъ, заключенныхъ въ Фонтенбло, Генрихъ II-й заставилъ дофину принять гербъ Англіи и соединить его съ гербомъ Шотландіи. Этимъ поступкомъ онъ положилъ начало страшной борьбѣ между нею и Елизаветой *).

Но какова была въ-самомъ-дѣлѣ эта личность, вражду которой къ Маріи Стюартъ такъ безбоязненно возбудилъ французскій дворъ, и которая съ этой

---

*) Замѣчательно, что въ то время, когда король французскій и королева шотландская обнаруживали эти притязанія на тронъ Англіи. Филиппъ II, искавшій передъ тѣмъ руки Елизаветы, защищалъ ее передъ папой, когда тотъ хотѣлъ объявить ее еретичкой, и во всякомъ случаѣ требовалъ, чтобы это государство досталось ей, а не кому-нибудь другому.

минуты сдѣлалась ея соперницей, какъ королева и какъ женщина? Съ возвышеннымъ умомъ, съ повелительнымъ характеромъ, съ чрезвычайною гордостью соединяя сильную энергію, большую хитрость и способности, Елизавета должна была скрывать свои чувства и вѣрованія впродолженіи всего грознаго царствованія сестры, своей, которая навѣрно сослала бы ее куда-нибудь еслибы за нее не вступился Филиппъ II-й. Подозрѣваемая, она жила подъ надзоромъ, въ удаленіи отъ двора, и здѣсь получила привычку къ притворству, которая соединялась въ ней съ непреклонными и пылкими страстями, наслѣдованными ею отъ отца. Вотъ какъ описываетъ ее венеціанскій посланникъ Джовани Микеле, въ 1556 г. незадолго до ея восшествія на престолъ; тогда ей было двадцать три года: «Она одинаково замѣчательна,—говоритъ онъ,—какъ по своей наружности, такъ и по уму, хотя лицо ея скорѣе привлекательно, чѣмъ красиво. Она высока ростомъ и хорошо сложена. Цвѣтъ лица ея нѣженъ, хотя она довольно смугла. У нея прекрасные глаза, но особенно хороши ея руки, которыя любитъ выставлять на показъ. Ея умъ и проницательность удивительны, и она доказала это умѣньемъ держать себя среди подозрѣній, предметомъ которыхъ она служитъ и опасностей, которыя окружаютъ ее. Въ знаніи языковъ она превосходитъ свою сестру, королеву. Кромѣ англійскаго, испанскаго, французскаго и латинскаго,—въ этихъ онѣ обѣ одинаково сильны—она въ совершенствѣ владѣетъ языкомъ греческимъ и гораздо лучше королевы говоритъ по-итальянски; послѣдній языкъ ей очень нравится и она любитъ употреблять его. Она горда и надмѣнна. Рожденная матерью, обезглавленною за нарушеніе супружеской вѣрности, она

все-таки считаетъ себя равною съ королевой, сестрой своей, и свое происхожденіе законнымъ. Говорятъ, что она очень похожа на отца, который за это особенно любилъ ее, воспиталъ такъ же хорошо, какъ и королеву, и столько же позаботился объ ней въ своемъ завѣщаніи.» Обладая большими свѣдѣніями, Елизавета отличалась также разнообразными талантами. Она была прекрасной музыкантшей и восхитительно танцовала. Ея личныя достоинства, очарованіе свѣтлаго ума, всѣ прелести блистательнаго воспитанія, особенная оригинальность, необыкновенная граціозность и живое, сильное воображеніе, заставляли видѣть въ ней замѣчательную женщину; а въ то же время тонкость и проницательность ея сужденій, ея глубокая наблюдательность, изворотливый и высокомѣрный характеръ, дѣятельное честолюбіе — предвѣщали въ ней великую королеву.

Въ самый день своего вступленія на тронъ, она показала чѣмъ будетъ впослѣдствіи. Она съ достоинствомъ приняла корону, и изъ угнетенія перешла къ власти спокойно, безъ малѣйшаго смущенія. Принявъ политику, составившую славу ея правленія, она всегда слѣдовала ей, и ни разу ни уронила ея значенія. Нельзя сказать, что она была ревностной протестанткой, но она удалилась отъ католицизма, какъ отъ исповѣданія угнетавшаго ея въ дѣтствѣ и опаснаго для ея власти. Она скорѣе могла ненавидѣть его, чѣмъ опровергать. Несмотря на то, что, по ея словамъ, она читала твореніе св. Іеронима и св. Августина, и не была знакома съ сочиненіями Лютера и Кальвина, ей все-таки казалось, что между различными исповѣданіями христіанской религіи въ сущности очень мало разницы. Поэтому она приняла про-

тестантство больше изъ политическихъ цѣлей, чѣмъ изъ убѣжденія *); въ этомъ она видѣла средство привлечь къ своей партіи общественное мнѣніе, придать ей главнѣйшее значеніе въ государствѣ и ослабить партію ей враждебную.

Она немедленно же окружила себя людьми преданными и опытными. Между ними первыя мѣста занимали: лордъ Робертъ Дэдлей, одинъ изъ сыновей герцога Нортэмберленда, назначенный ею великимъ шталмейстеромъ и до самой смерти бывшій ея любимцемъ и Вильгельмъ Сесиль, получившій должность государственнаго секретаря и остававшійся сорокъ лѣтъ первымъ министромъ Елизаветы. Умѣя сохранять привязанность тѣхъ, кого она съумѣла выбрать, она всегда могла положиться на этихъ людей. Но при этомъ никогда ни на минуту не подчинялась она вліянію своихъ любимцевъ; самые лучшіе министры ея были только полезными орудіями въ ея рукахъ, но не больше. Она постоянно совѣтовалась съ ними, но рѣшеніе всегда предоставляла себѣ. Свою волю, подчинявшуюся только личнымъ разсчетамъ или политическимъ интересамъ, она высказывала иногда

---

*) Чрезъ полтора года послѣ своего восшествія на тронъ, она выдавала себя за католичку, предъ Куадра, епископомъ аквильскимъ, капелланомъ Филиппа II и его посланникомъ въ Лондонѣ, желая этимъ упрочить за собою благорасположеніе испанцевъ, и въ случаѣ нужды имѣть въ нихъ поддержку противъ Англіи и Шотландіи. «Недавно она говорила мнѣ,-писалъ Куадра къ Филиппу II, что она такая же католичка, какъ я католикъ, и именемъ Божьимъ утверждала, что ея религія ничѣмъ не отличается отъ исповѣданія католиковъ, находящихся въ ея королевствѣ. Епископъ аквильскій спросилъ, для чего она скрываетъ свою религію, «она отвѣчала мнѣ, что принуждена сдѣлать это *до времени*, ad tempus. Тайная депеша 3 іюня 1560 года.

медленно, часто смѣло, но всегда повелительно, по королевски. Небольше какъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она заняла тронъ Маріи Тюдоръ, испанскій посланникъ писалъ объ ней къ Филиппу II: «Ее несравненно больше боятся, чѣмъ королевы, сестры ея. Она повелѣваетъ и дѣлаетъ все, что̀ ей угодно, такъ же рѣшительно, какъ и король, отецъ ея.» Отзываясь о себѣ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства и могущества, Елизавета сказала, около того же времени: «Я докажу свѣту, что въ Англіи есть женщина, которая умѣетъ дѣйствовать мужественно и которой не помогаютъ ни конетабль Монморанси, какъ королю французскому, ни епископъ аррасскій, какъ королю испанскому!»

Такова была королева, сдѣлавшаяся опорой всѣхъ религіозныхъ диссидентовъ и всѣхъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ дѣлъ Шотландіи. Марія Стюартъ, слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, сама принудила ее къ этому, вызвавъ своими поступками горячую ненависть ея. Число такихъ диссидентовъ и недовольныхъ безпрестанно увеличивалось, потому-что регентша, Марія лотарингская, выдавъ свою дочь за дофина, не считала нужнымъ быть снисходительной къ партіи реформы, и думала, что можетъ безнаказанно пренебрегать высшей аристократіей государства. Она управляла имъ при помощи французскихъ солдатъ, и слѣдуя совѣтамъ Франціи, къ которой въ это время питали въ Шотландіи такую же ненависть, какую прежде—къ Англіи. Когда же на французскій престолъ вступили зять и дочь Маріи лотарингской, она стала дѣйствовать еще неосторожнѣе.

Генрихъ II-й умеръ 10 іюля 1559 года отъ удара копьемъ, полученнаго имъ на турнирѣ, и оста-

вилъкорону молодому Франциску II, который совершенно подчинился вліянію герцога Франсуа де-Гиза и кардинала лотарингскаго, братьевъ регентши шотландской. Хотя за три мѣсяца передъ этимъ (2-го апрѣля) былъ заключенъ общій миръ въ Като-Камбрези и хотя Елизавета была признана по этому трактату, однакожь Марія Стюартъ не оставляла герба Англіи, а теперь даже приняла титулъ королевы Англіи и Ирландіи. Это дерзское и тщеславное присвоеніе титула заставило Елизавету поддерживать съ своей стороны членовъ высшей аристократіи и религіозныхъ сектаторовъ реформатскаго исповѣданія, возстановившихъ въ Шотландіи англійскую партію. Съ этой минуты между мѣстнымъ дворянствомъ и чужеземными войсками, между протестантами и католиками, возникъ важный вопросъ о томъ, кто одержитъ верхъ — аристократія или королевская власть, старый или новый порядокъ вещей. Отсутствіе Маріи Стюартъ и неблагоразуміе Маріи лотарингской сильно способствовали рѣшенію его въ пользу феодальной аристократіи и пресвитеріанской Церкви, которыя пріобрѣтали господство въ королевствѣ.

Этотъ переворотъ долженъ быть изложенъ въ краткомъ очеркѣ. Протестантская партія, игравшая такую важную роль въ несчастіяхъ Маріи Стюартъ, зарождалась въ Шотландіи весьма медленно, и въ самомъ началѣ своемъ подвергалась жестокимъ гоненіямъ втеченіи всего царствованія Іакова V. Этотъ король ненавидѣлъ ее, какъ еретическую, и боялся ея противонаціональнаго духа: онъ смотрѣлъ на протестантовъ, какъ на враговъ древней Церкви и на союзниковъ Англіи. До полученія своего религіознаго устава изъ Женевы, шотландскій протестантизмъ заим-

ствовалъ первыя вѣрованія въ Германіи. По этому вначалѣ онъ былъ проникнутъ духомъ лютера. Въ 1625 г. парламентскимъ актомъ было воспрещено ввозить въ предѣлы королевства сочиненія этого опаснаго реформатора и распространять его ученіе. Но ни законы, ни угрозы не могли остановить развитія благочестивой и строгой идеи, обнявшей большинство народонаселенія, идеи за которую предавали сожженію аббатовъ, священниковъ, бенедиктинскихъ монаховъ, канониковъ Сентъ-Андре и дворянъ. Даже самый духовникъ короля, Ситонъ, оказавшійся слишкомъ благосклоннымъ къ ней, принужденъ былъ удалиться въ Англію, чтобы избѣжать костра, на которомъ, втеченіи одного только 1539 г., погибло семь мучениковъ за протестантство. Въ 1541 г. парламентъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества и смертной казни, запретилъ всякіе споры противъ папской власти.

Но скоро въ управленіе государствомъ вступилъ графъ Аранъ и при его регентствѣ все измѣнилось. Привлекаемый личными интересами на сторону Англіи, онъ условился съ другими статейными лордами дозволить чтеніе библіи на языкѣ народномъ и разрѣшить евангелическимъ реформаторамъ ихъ проповѣдь. Одинъ изъ этихъ реформаторовъ, Джорджъ Уишартъ, возвратившійся въ это время изъ Англіи, куда онъ бѣжалъ въ предшествовавшее царствованіе, распространилъ новое ученіе въ Шотландіи; между своими учениками онъ считалъ знаменитаго Нокса и былъ истиннымъ предшественникомъ его въ дѣлѣ проповѣданія и утвержденія протестантства. Это былъ человѣкъ высшаго ума, нѣжной души, набожности доходившей до аскетизма, который соединялъ чрез-

вычайную кротость съ самыми горячими убѣжденіями своими. Онъ съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ въ Монтрозѣ, Дэнди, Пертѣ и Эйерѣ противъ догматовъ римской Церкви и безпорядочной жизни ея духовенства. Его ревностными защитниками и покровителями были: графъ Гленкэрнъ, графъ Маршаль, сэръ Джорджъ Дугласъ, братъ Арчибальда, графа Авгуса, лэрды Брэнстонъ, Лонгъ-Индри, Ормистонъ, Кальдеръ и Лочъ-Норрисъ. Примиреніе графа Арана съ кардиналомъ Битономъ нисколько не остановило успѣховъ его проповѣди, хотя раскаявшійся правитель государства уже не покровительствовалъ ему больше, а ободрившійся глава Церкви употреблялъ всевозможныя средства для того, чтобы не допустить дальнѣйшаго распространенія реформы. Было даже совершено покушеніе на жизнь Уишарта, но оно не удалось, — и съ этихъ поръ онъ проповѣдывалъ не иначе какъ окруженный толпою бароновъ и вооруженныхъ людей. Но наконецъ графъ Патрикъ Ботвель *) съ отрядомъ солдатъ захватилъ его ночью въ мѣстечкѣ Ормистонъ и передалъ кардиналу Битону, который 28 марта 1546 г. приказалъ сжечь его живаго. Смерть этого реформатора въ высшей степени воспламенила ненависть протестантской партіи къ кардиналу и шестнадцать смѣльчаковъ, подъ предводительствомъ Норманда Лесли, старшаго сына графа Ротза, схватили, въ свой чередъ, самого Битона въ замкѣ Сентъ-Андре, зарѣзали его съ фанатическою жестокостью и потомъ вывѣсили, для поруганія, его трупъ на стѣну крѣпости.

---

* Отецъ знаменитаго Джемса Ботвеля, играющаго важную роль въ этой исторіи.

Это убійство возбудило всеобщее отвращеніе и сильно повредило дѣлу протестантовъ. Ихъ предводители, и въ числѣ ихъ Ноксъ, съ которымъ Уишартъ трогательно простился незадолго до своего ареста, сказалъ ему: «Удалитесь, довольно и одного для жертвы», были взяты въ плѣнъ въ замкѣ Сентъ-Андре, послѣ пятимѣсячной осады и отосланы во Францію. Долго продержали ихъ тамъ въ тяжеломъ рабствѣ, и протестантская партія оправилась отъ этого удара тогда только, какъ Марія лотарингская стала покровительствовать ей, съ цѣлію достигнуть регентства и управлять Шотландіею безъ препятствій. Съ этого времени она возникла съ новыми силами и Ноксъ, проведя нѣсколько лѣтъ въ цѣпяхъ на французскихъ галерахъ, былъ возвращенъ ей, чтобы воодушевить ее своимъ умомъ и своею смѣлостью.

Онъ достигъ уже въ это время полной зрѣлости возраста и его таланты, заслуги и несчастія доставили ему чрезвычайное вліяніе въ Шотландіи. Этотъ отважный реформаторъ родился въ 1505 году г.; первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ гаддингтонской школѣ, послѣ того, вмѣстѣ съ Бучананомъ, слушалъ, въ университетѣ Сентъ-Андре, курсъ богословія, читанный Джономъ Маджоромъ,—который получилъ образованіе во Франціи, подъ вліяніемъ свободныхъ доктринъ д' Айльи и Жерсона,— потомъ сдѣлался странствующимъ ученикомъ Уишарта и, наконецъ, плѣнникомъ Генриха II. Изъ трехъ языковъ, употреблявшихся учеными и проповѣдниками того времени, въ юности онъ зналъ одинъ латинскій и только послѣ 1534 года изучилъ греческій незадолго передъ тѣмъ введенный въ Шотландію однимъ профес-

соромъ, пріѣхавшимъ изъ Франціи, а въ 1550, когда его плѣнъ окончился съ заключеніемъ мира, онъ на материкѣ занялся и еврейскимъ. Владѣя этими тремя орудіями проповѣди, располагая обширными богословскими познаніями, одушевляемый могучимъ умомъ, увлеченный необыкновенною ревностью, при стремительномъ характерѣ и чрезвычайномъ краснорѣчіи, онъ посвящалъ себя дѣлу реформы повсюду, гдѣ только могъ принести ему пользу. Онъ отправился въ Англію, чтобы здѣсь содѣйствовать реформѣ, сильно развившейся при Эдуардѣ VI, но покинулъ эту страну, когда королева Марія возстановила въ ней католицизмъ; потомъ онъ управлялъ церковью англійскихъ эмигрантовъ во Франкфуртѣ и, наконецъ, поселился въ Женевѣ, гдѣ Кальвинъ, съ которымъ онъ равнялся въ непоколебимости характера, но котораго превосходилъ въ энергіи,—былъ его учителемъ и другомъ. Терпимость, выказанная Маріею лотарингскою въ политикѣ, дала ему возможность возвратиться въ отечество, и въ 1555 онъ прибылъ въ Шотландію чтобы сдѣлаться ея религіознымъ преобразователемъ и нравственнымъ властелиномъ.

По возвращеніи своемъ Ноксъ убѣдилъ послѣдователей новаго исповѣданія, не принимать болѣе участіе въ процессіяхъ господствующей церкви, что̀ они дѣлали до той поры, и открыто отдѣлиться отъ католиковъ. Въ то же время онъ привлекъ къ своему ученію троихъ молодыхъ и знатныхъ послѣдователей, которымъ предстояло играть важную роль въ дѣлахъ своего отечества. Лордъ Джемсъ Стюартъ, побочный братъ королевы и пріоръ Сентъ-Андре, равно замѣчательный, какъ по силѣ характера и по уму, такъ и по высокому своему положенію, принялъ проте-

стантство вмѣстѣ съ Арчибальдомъ, лордомъ Лорномъ, сыномъ графа Арджиля и лордомъ Джономъ Эрскиномъ. Двое изъ нихъ были впослѣдствіи регентами Шотландіи, первый подъ именемъ графа мюррей'скаго, а послѣдній—графа маркскаго. Вмѣстѣ съ другими могущественными баронами, каковы были—графъ Гленкэрнъ, графъ Маршаль, сэръ Джемсъ Сэндиленсъ, прозванный лордомъ Сентъ-Джономъ, потому-что онъ былъ пріоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Эрскинъ, Дэнъ и др., они образовали, по совѣту Нокса, религіозную конгрегацію и торжественно обязались поддерживать и распространять, свящ. писаніе. Духовенство, думая устрашить Нокса, вызвало его на судъ въ Эдинбургъ. Смѣлый реформаторъ явился туда, но для того только, чтобы публично изложить догматы преобразованнаго исповѣданія. Втеченіи десяти дней, утромъ и вечеромъ ежедневно, всходилъ онъ на каѳедру и безпрепятственно проповѣдывалъ передъ огромною толпою, привлекаемою его краснорѣчіемъ и плѣнявшеюся его объясненіемъ книгъ евангельскихъ. Народъ, въ высшей степени взволнованный его рѣчами, разогналъ празднуемую ежегодно процессію, въ память святаго Эгидія (Saint-Giles), патрона города, а статую святаго бросилъ въ озеро.

Когда новое ученіе распространилось и между дворянствомъ, и между народомъ въ сильной степени, то оставалось только добиться, чтобы оно было дозволено въ государствѣ. Ноксъ надѣялся и этого достигнуть. Съ этою цѣлью онъ подалъ регентшѣ просьбу. Но она приняла ее съ самымъ оскорбительнымъ презрѣніемъ, понявъ, что пора остановить развитіе переворота, равно опаснаго какъ для значенія

церкви, такъ и для государственнаго спокойствія. Духовенству не трудно было убѣдить ее въ необходимости наказанія Нокса и уничтоженіи нововведеній, сдѣланныхъ этимъ мятежнымъ проповѣдникомъ. Оно получило дозволеніе преслѣдовать и осудить своего опаснаго соперника, на убійство котораго оно уже покушалось въ графствѣ Ангусскомъ.

Ноксъ готовъ былъ пренебрегать опасностями, если видѣлъ въ этомъ пользу, но онъ вовсе не хотѣлъ погибать безплодно. При всемъ своемъ увлеченіи, онъ не былъ чуждъ благоразумія и умѣлъ, смотря по обстоятельствамъ, жертвовать собою и беречь себя. Видя, что еще не пришло время желаемыхъ имъ религіозныхъ преобразованій, онъ отступилъ передъ бурею, готовившеюся разразиться надъ нимъ, и снова поѣхалъ въ Женеву, куда его приглашали быть пасторомъ. Между-тѣмъ въ Эдинбургѣ былъ произнесенъ надъ нимъ смертный приговоръ и на площади Высокаго-Креста сожжено было представлявшее его чучело. Католическая партія, ободрившаяся послѣ приговора надъ Ноксомъ и его бѣгства, надѣялась запугать также и другихъ проповѣдникокъ реформы, бродившихъ въ государствѣ по всѣмъ направленіямъ. Джонъ Дугласъ, обратившійся въ протестантство кармелитъ и капелланъ графа Арджиля, замѣнилъ Нокса въ Эдинбургской общинѣ; Павелъ Метвенъ открыто проповѣдывалъ въ Дэнди, англичанинъ Джонъ Уиллочъ распространялъ евангельское ученіе въ графствахъ Ангусъ и Мернсъ: другіе пасторы пріобрѣтали послѣдователей въ другихъ округахъ и повсюду продолжались частныя собранія, въ которыхъ, наиболѣе свѣдущій братъ общины, читалъ св. писаніе и оканчивалъ чтеніе благочестивою проповѣдью. Регентша

вызвала всѣхъ этихъ проповѣдниковъ запрещеннаго вѣроученія къ отвѣту передъ собою и потребовала у нихъ отчета въ ихъ поведеніи. Они явились; но ихъ сопровождало такое значительное количество дворянъ протестантской партіи, что регентша, вмѣсто суда надъ ними, ограничилась только повелѣніемъ, чтобы они удалились въ пограничные округи. Но тѣ вовсе не думали повиноваться. Одинъ изъ западныхъ бароновъ Чальмерсъ Катгёртъ, окруженный другими приверженцами реформы, даже возсталъ съ угрожающею смѣлостью противъ преслѣдованій, которымъ протестанты подвергались со стороны духовенства «Епископы,—сказалъ онъ регентшѣ,—угнетаютъ и насъ и нашихъ вассаловъ для собственнаго обогащенія. Теперь они стали преслѣдовать нашихъ пасторовъ, чтобы ихъ погубить, такъ же какъ насъ. Мы не станемъ переносить этого болѣе.» При этихъ словахъ товарищи его, стоявшіе до тѣхъ поръ съ открытыми головами, гордо надѣли свои желѣзныя каски, какъ-будто баронъ, произнося ихъ, сдѣлалъ вызовъ на борьбу.

Регентша была вынуждена согласиться на безмолвную терпимость. Но скоро протестантскіе бароны и дворяне, возбужденные Ноксомъ, изъ своего убѣжища управлявшимъ всѣми ихъ дѣйствіями,—собрались 3 декабря 1557 г. вмѣстѣ, особымъ союзнымъ актомъ (covenant), опредѣлили они отправлять открыто свое богослуженіе, и также открыто возстать противъ обрядности прежняго вѣроученія; кромѣ-того они образовали особое управленіе въ государствѣ, подъ именемъ *лордовъ конгрегаціи*. Графы Гленкэрнъ, Арджиль, Мортонъ, пріоръ Сентъ-Андре, Эрскинъ Дэнъ и др. были главными *лордами конгрегаціи*, образо-

вавшими новую власть въ защиту новаго богослуженія.

Въ такомъ видѣ оставались нѣсколько времени обѣ партіи, не вступая въ борьбу. Регентша продолжала угождать протестантамъ до тѣхъ поръ, пока выдала дочь свою за дофина, и пока союзъ Англіи съ Испаніей не рушился со смертью католички Маріи и со вступленіемъ на тронъ протестантки Елизаветы. Но послѣ этого ея угодливость исчезла. Съ первыхъ же мѣсяцевъ 1559 г. она присоединилась къ опаснымъ цѣлямъ Франціи, желавшей упрочить за Маріею Стюартъ обладаніе Англіею, наравнѣ съ Шотландіею, при помощи католической партіи обоихъ государствъ. Регентша, утвердивъ своею подписью постановленіе синода епископовъ, осудила всѣ преобразованія, введенныя въ Шотландію и потребовала возстановленія безусловнаго единства вѣроисповѣданій. На это явное выраженіе нетерпимости протестантская партія отвѣчала угрозою возстанія.

Война, объявленная такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, не замедлила разразиться. Многіе города и въ томъ числѣ Дэнди Монтрозъ и Пертъ открыто приняли реформу. Ноксъ, вызванный изъ Женевы лордами конгрегаціи, прибылъ въ Шотландію въ началѣ мая 1559, въ этотъ разъ уже навсегда. Его горячія проповѣди противъ обрядности и установленій католицизма, побудили фанатическую и жестокую толпу низвергать иконы, разрушать монастыри, и грабить памятники прежней религіи. Это опустошеніе началось въ Пертѣ, но скоро ему стали подражать вездѣ, и разгнѣванная регентша грозила срыть этотъ городъ до основанія и его мѣсто засѣять солью.

Она собрала войска чтобы осадить Пертъ, а лорды конгрегаціи рѣшились защищать его. Но все-таки она

приступила предварительно къ переговорамъ съ ними, не соблюдая вовсе принимаемыхъ условій. Тогда армія конгрегаціи, подъ предводительствомъ лорда Джемса и графа Арджиля, съ которыми соединился сэръ Вильямъ Кёркальди, лэрдъ Грендж'скій, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ опытныхъ воиновъ въ Шотландіи, двинулась изъ Сентъ-Андре на Пертъ, который и заняла 25-го іюня. Она овладѣла также Стёрлингомъ раньше, чѣмъ регентша успѣла занять этотъ за́мокъ, взяла Линлитгоу и 30-го іюня вступила въ Эдинбургъ. Столица королевства подпала во власть протестантовъ, и здѣсь, какъ повсюду, гдѣ только проходила армія конгрегаціи и проповѣдывали ея пасторы, революція выразилась въ разрушеніи монастырей и другихъ святотатствахъ. Алтари были ниспровергнуты, образа разбиты, католическое богослуженіе прекращено.

Въ этой рѣшительной борьбѣ, протестанты обратились съ просьбою о помощи къ Елизаветѣ, а регентша торопила Генриха II-го присылкою подкрѣпленій. Въ ожиданіи заключено было перемиріе съ 24-го іюня по 10-е января 1560, и обѣ стороны согласились не препятствовать другъ другу въ отправленіи богослуженія. Лорды конгрегаціи 25-го іюля 1559 г. очистили Эдинбургъ, куда регентша обѣщала не вводить французскаго гарнизона. Время перемирія съ обѣихъ сторонъ было употреблено для увеличенія силъ. Генрихъ II-й только-что умеръ и, казалось, что французскія войска, находившіяся въ бездѣйствіи по заключеніи мира въ Като-Камбрези, были теперь больше чѣмъ когда-нибудь въ распоряженіи Маріи лотарингской, дочь которой вступила на престолъ могущественной Франціи. Дѣйствительно, небольшой отрядъ войска былъ немед-

ленно отправленъ къ регентшѣ, и французскій дворъ, которымъ управляли два ея брата, началъ готовить экспедицію подъ начальствомъ маркиза Эльбёфъ. Францискъ II послалъ въ Шотландію де-Бетанкура съ восемьюдесятью тысячами ливровъ. Онъ написалъ также къ пріору Сентъ-Андре угрожающее письмо, и приказалъ Бетанкуру объявить во всеуслышаніе, что до тѣхъ поръ не будетъ считать себя королемъ Франціи, пока не усмиритъ Шотландію.

Пока регентша получала войска и помѣщала ихъ въ Лейтѣ, укрѣпленія котораго она возобновила, съ цѣлью господствовать надъ Фортскимъ проливомъ и такимъ образомъ обезопасить съ этой стороны Эдинбургъ, конгрегація братьевъ тоже не оставалась въ бездѣйствіи. Ноксъ, тайно прибывшій въ Бервикъ, велъ тамъ переговоры съ сэромъ Джемсомъ Крафтсомъ, англійскимъ комендантомъ этой крѣпости и вытребовалъ кораблей для защиты Дэнди и Перта, солдатъ для противопоставленія французскимъ войскамъ и денегъ для уплаты дворянству, которое не могло продолжать войну на собственный счетъ. Кромѣ-того онъ писалъ къ Сесилю, что паденіе ихъ партіи повлечетъ за собою и паденіе его государыни, умоляя его въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ — уговорить Елизавету, чтобы она помогала шотландцамъ. «Дворянство этихъ округовъ, — писалъ онъ ему, — готово употребить послѣднія усилія, если только вы поможете ему. Именемъ Іисуса Христа, заклинаю васъ отвѣчать откровенно.»

Сесиль раздѣлялъ чувства Нокса, и не ожидалъ его письма, чтобы выразить ихъ передъ Елизаветою. Съ глубокимъ дипломатическимъ разсчетомъ, которымъ отличалась вся его сорокалѣтняя служба своей королевѣ, онъ составилъ 5 августа ноту *о средствахъ необ-*

ходимыхъ для окончательнаго успокоенія Шотландіи. «Шотландія,—говоритъ онъ здѣсь,—не можетъ иначе достигнуть благоденствія, какъ только при помощи двухъ средствъ: или соединясь съ Англіею неразрывнымъ вѣчнымъ союзомъ, или составивъ вмѣстѣ съ нею одну англійскую монархію. Чтобы утвердить вѣчный союзъ между обоими государствами, слѣдуетъ вырвать Шотландію изъ подъ вліянія Франціи, этого стариннаго врага Англіи. До тѣхъ же поръ, пока Шотландія будетъ находиться подъ французскимъ вліяніемъ, такой союзъ невозможенъ.» Чтобы освободить эту страну отъ вліянія Франціи, Сесиль совѣтовалъ своей государынѣ поддерживать ее, указывая при этомъ мѣры, которыя должны были принять шотландскіе чины. Мѣры эти клонились къ изгнанію французскихъ войскъ, къ исключенію иностранцевъ изъ всѣхъ государственныхъ должностей и къ удаленію ихъ отъ командованія войсками; кромѣ-того онъ предлагалъ также учредить совѣтъ управленія, независящій отъ королевы, а если она не приметъ этихъ условій, то передать королевскую власть ближайшему наслѣднику престола. Онъ оканчивалъ свою ноту словами: «Сдѣлавшись разъ свободною, Шотландія сама найдетъ средства къ соединенію обоихъ государствъ.»

Елизавета колебалась. Еще не прошло года какъ она вступила на тронъ, и она сознавала, что ея власть еще не вполнѣ упрочена. Она не чувствовала никакого расположенія къ пресвитеріанству, которое разрушало церковную іерархію и порождало въ государствѣ духъ партій. Къ боязни, возбуждаемой въ ней этимъ разрушительнымъ протестантствомъ, присоединялась еще и личная ненависть къ человѣку,

который былъ его главнымъ двигателемъ. Ноксъ оскорбилъ ея королевское самолюбіе, запальчивымъ сочиненіемъ своимъ противъ управленія женщинъ, изданнымъ въ царствованіе Маріи Тюдоръ *. Наконецъ недавній трактатъ въ Като-Камбрези, казалось, воспрещалъ ей непріязненныя дѣйствія въ отношеніи къ Франціи и Шотландіи. Но—какъ она всегда вела себя сообразно съ необходимостью и какъ Францискъ II и Марія Стюартъ сами уничтожили принятыя ею въ отношеніи къ нимъ обязательства, не признавая ея правъ на англійскую корону и присвоивъ себѣ ея титулъ,—то она рѣшилась защищать союзныхъ лордовъ. Такимъ-образомъ она вступила на путь, которымъ должна была идти всю свою жизнь,—противный ея убѣжденіямъ, но сообразный съ ея интересами.

Однакожь сначала она оказывала шотландскимъ инсургентамъ только слабую и тайную помощь. Сэръ Ральфъ Сэдлеръ привезъ имъ отъ нея три тысячи фунтовъ стерлинговъ и условился, чтобы верховная власть, находившаяся въ рукахъ Маріи лотарингской, была передана герцогу Шательро, который подъ вліяніемъ своего сына графа Арана, принялъ сторону протестантовъ. Послѣдній незадолго передъ тѣмъ возвратился изъ Франціи, гдѣ онъ сдѣлался кальвинистомъ и черезъ это потерялъ начальство надъ шотландской гвардіей. Ободрившіеся союзники потребовали, чтобы регентша прекратила укрѣпленіе Лейта, а такъ-какъ она отвѣчала имъ, что ея дочь, лицо которой представляетъ она, не нуждается въ дозволе-

* Это сочиненіе называется: *Первый звукъ трубы противъ управленія женщинъ.*

ніи своихъ подданныхъ; для того чтобы укрѣпить одинъ изъ портовъ своего королевства, — то они, 15-го октября 1559 г. открыли кампанію, съ арміею въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ, и 16 снова заняли Эдинбургъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія. Здѣсь союзники немедленно учредили два совѣта, составъ которыхъ выразилъ ихъ намѣреніе управлять государствомъ и преобразовать церковь. Герцогъ Шательро, пріоръ Сентъ-Андре, графы—Аранъ, Арджиль, Гленкэрнъ, лорды Рутвенъ, Бойдъ, Максвель, лэрды Дэнъ и Кёркальди Грэнджъ, Генрихъ Бальневзъ и Дж. Галибёртонъ, старшина города Дэнди, составляли первый совѣтъ, имѣвшій значеніе политическое; междутѣмъ какъ Ноксъ, Гудмэнъ и протестантскій епископъ галлоуэйскій образовали второй, бывшій совѣтомъ духовнымъ. Оба они на публичномъ засѣданіи, бывшемъ черезъ четыре дня послѣ этого, приняли чрезвычайно смѣлое рѣшеніе, послужившее началомъ тѣхъ насильственныхъ мѣръ, которыми наполнено царствованіе Маріи Стюартъ. Они низложили регентшу и сообщили ей объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы, вѣрные бароны нашихъ государя и государыни, вслѣдствіе важныхъ соображеній уничтожаемъ власть, полученную вами отъ ихъ величествъ, совѣтъ которыхъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ мы составляемъ по праву рожденія.» Они придали имя вѣрности своему неповиновенію, и именемъ права назвали похищеніе власти.

Устроившись такимъ образомъ, они выступили на Лейтъ. Но здѣсь ихъ разбили французскія войска, и они были принуждены вторично оставить Эдинбургъ, въ ночь 5-го ноября. Тогда только королева Елизавета рѣшилась подать имъ болѣе дѣйствительную и болѣе

явную помощь. Уильямъ Мэтлендъ лэрдъ, Летингтонъ, оставившій должность государственнаго секретаря при регентшѣ, для того чтобы посвятить свои способности на служеніе конгрегаціи, былъ посланъ тотчасъ же къ Елизаветѣ, чтобы поторопить ее присылкою флота и арміи въ Шотландію, если она не желаетъ видѣть подчиненія этой страны Франціи и подвергнуть опасности свои собственныя права на англійское королевство. Это былъ самый умный, самый ловкій, самый убѣдительный и самый изворотливый политикъ Шотландіи. Онъ умѣлъ уговорить Елизавету, указывая на ея собственные интересы. Эта королева послала герцога норфолькскаго въ Бервикъ, гдѣ онъ и заключилъ отъ ея имени оборонительный союзъ съ конгрегаціей, коммиссарами которой были Мэтлендъ, Бальневзъ, Питтароу и Рутвенъ. По условіямъ этого договора, королева должна была помогать герцогу Шательро и его партіи до тѣхъ поръ, пока они изгонятъ французовъ изъ своего отечества; а герцогъ Шательро и его партія должны были соединить свои силы съ войсками королевы англійской, въ случаѣ нападенія французовъ на ея территорію. Наконецъ, чтобы скрыть возмутительный характеръ этого договора со стороны союзниковъ, и его беззаконность со стороны Елизаветы, подданные Маріи Стюартъ заключили его отъ имени своей королевы, и обѣщали повиноваться ей во всемъ, что только не будетъ нарушать древнихъ законовъ и старинныхъ привилегій страны.

Это вмѣшательство Англіи въ шотландскія дѣла возбудило удивленіе французскаго двора, который, собственною неловкостью возбудивъ непріязнь Елизаветы, потребовалъ у нея теперь отчета. Но она

всегда умѣла находить достаточныя причины для оправданія дѣйствій, которыя могли принести ей пользу. Она смѣло отвѣчала, что не можетъ смотрѣть на аристократію и народъ Шотландіи, какъ на бунтовщиковъ, но что, напротивъ, она видитъ въ нихъ вѣрныхъ подданныхъ короны, съ тѣхъ поръ какъ они рѣшились возстать противъ короля Франціи, на защиту правъ его супруги и своей королевы. «Въ самомъ дѣлѣ,—прибавляла она,—если бароны допустятъ, чтобы въ отсутствіе ихъ королевы управленіе государствомъ было вырвано изъ ихъ рукъ; если они малодушно откажутся отъ независимости своей родины, пока королева будетъ слѣдовать совѣтамъ не шотландцевъ, а французовъ,—совѣтомъ своей матери и другихъ иностранцевъ, которые служатъ ей въ Шотландіи и совѣтамъ кардинала и герцога де Гиза, которыхъ она слушается во Франціи,—то они покроютъ себя стыдомъ предъ лицомъ свѣта; и если молодой королевѣ суждено пережить свою мать, то она сама будетъ осуждать ихъ, какъ подданныхъ трусливыхъ и испорченныхъ».

Во исполненіе Бервикскаго трактата, англійская эскадра вошла въ устье Форта весною 1560 г., и армія изъ шести тысячъ пѣхоты и двухъ тысячъ кавалеріи проникла въ Шотландію, подъ командою лорда Грэя. Въ Престонѣ къ ней присоединился герцогъ Шательро съ восемью тысячами конфедератовъ. Съ этого времени французы не могли вести войну съ непріятелемъ, далеко превосходившимъ ихъ силами. Они снова заперлись въ укрѣпленіяхъ Лейта, которыя господствовали надъ Фортскимъ заливомъ и служили пристанью Эдинбурга. Обложенные непріятелемъ съ моря, осаждаемые съ суши, французы вы-

держали въ Лейтѣ замѣчательную блокаду. Они дѣлали успѣшныя вылазки, и съ блистательною храбростью отражали непріятельскіе приступы. Но французскій дворъ не посылалъ имъ никакого подкрѣпленія. Его принуждали къ этому разстройство финансовъ и борьба, возгорѣвшаяся въ государствѣ между протестантами и католиками, между принцами лотарингскими и бурбонскими. Открытіе амбуазскаго заговора въ маѣ мѣсяцѣ заставило герцога де Гиза и кардинала лотарингскаго защищать самихъ себя, не думая уже о помощи сестрѣ своей, регентшѣ шотландской. Такая безпомощность дѣлала положеніе войскъ, осажденныхъ въ Лейтѣ, безвыходнымъ, тѣмъ болѣе, что все дворянство и въ томъ числѣ графъ Гэнтли, глава католической партіи, соединились для уничтоженія господства иностранцевъ, и для изгнанія ихъ.

Монлюкъ, епископъ валенскій, посланный Маріею Стюартъ и Франциском II-мъ, чтобы выиграть время съ помощью переговоровъ между регентшей и взбунтовавшеюся аристократіей, не имѣлъ успѣха въ этомъ порученіи. Сама регентша успѣла не больше его на совѣщаніи съ нѣкоторыми изъ бароновъ, потому-что прежде всего они требовали очищенія королевства французами. Наконецъ эта принцеса, изнуренная усталостью и заботами, заболѣла смертельно. Она приказала перевезти себя въ Эдинбургскій замокъ, гдѣ ее принялъ лордъ Эрскинъ. Здѣсь, чувствуя приближеніе смерти, ускоренной волненіями государства, сожалѣніемъ о потерѣ власти, трудами употребленными на ея защиту, и тяжестью положенія между враждебными требованіями шотландцевъ, съ которыми она желала бы согласиться, и приказаніями французовъ, которымъ она должна была повиноваться,—

она захотѣла еще разъ передъ смертью переговорить съ предводителями конфедератовъ. Герцогъ Шательро, графы Арджиль, Гленкэрнъ, Маршаль и лордъ Джемсъ собрались вокругъ нея. Регентша приняла ихъ съ прежнимъ радушіемъ и своею врожденною ласковостью. Печально говорила она съ ними о плачевномъ состояніи государства, которымъ много лѣтъ управляла спокойно и благополучно; выражала сожалѣніе о томъ, что принуждена была повиноваться приказаніямъ, которыя получала изъ Франціи и совѣтовала имъ удалить разомъ и французскія и англійскія войска; но все-таки старалась убѣдить ихъ, что лучше будетъ, если они предпочтутъ союзъ съ государствомъ, которое не можетъ угрожать ихъ національной независимости. Послѣ этихъ благоразумныхъ совѣтовъ, которые она могла давать, но которымъ не имѣла возможности слѣдовать, она обняла каждаго изъ нихъ и подала руку низшимъ дворянамъ, находившимся въ ихъ свитѣ. Это прощаніе умирающей королевы,—почти всѣ ошибки которой были дѣломъ ея совѣтниковъ и которую непокидали здравый смыслъ и кротость даже подъ вліяніемъ оскорбленій и мучительной агоніи,—глубоко тронуло присутствующихъ и они вышли отъ нея, обливаясь слезами.

Марія лотарингская не долго пережила эту трогательную сцену; она скончалась 10-го іюля 1560 г. Послѣ ея смерти, со стороны французскаго двора въ Шотландіи не было законнаго представителя власти, потому-что регентши не стало, а королева находилась внѣ предѣловъ государства. Французы не имѣли возможности держаться противъ непріятеля въ стѣнахъ Лейта, собственными средствами, потому-что на помощь Франціи нельзя было разсчитывать: она была

занята собственными раздорами и ослаблена начавшеюся въ ней гражданскою войною. Поэтому заключеніе мира было неизбѣжно,—а оно могло совершиться только на условіяхъ, предложенныхъ шотландской конгрегаціей.

Переговоры начались въ Эдинбургѣ; коммиссарами со стороны Елизаветы были Сесиль и Николай Уоттонъ, а со стороны Франциска II и Маріи Стюартъ епископы валенскій и амьенскій, ла Броссъ, д'Уазель и Ранданъ. Миръ былъ подписанъ 5-го и 6-го іюля, на слѣдующихъ условіяхъ: французскія войска должны очистить Шотландію; укрѣпленія Лейта должны быть срыты; король и королева Франціи отказываются отъ герба и титула государей англійскихъ; герцогу Шательро и другимъ дворянамъ, имѣвшимъ помѣстья во Франціи, возвращаются ихъ имѣнія въ этомъ государствѣ и титулы, отнятые у нихъ послѣ возмущенія; высшія должности: канцлера, казначея, контролера, поручаются не духовнымъ, а свѣтскимъ лицамъ и, наконецъ, охраненіе и администрація государства не должны быть предоставляемы иностранцамъ. Управленіе государственными дѣлами должно быть вручено совѣту изъ двѣнадцати членовъ, семь изъ нихъ назначаются по выбору королевы, а пять по избранію сословій. Этотъ совѣтъ обязанъ озаботиться улучшеніемъ государственнаго управленія. Было постановлено также, что свободный парламентъ соберется въ августѣ.

Таковы были главныя основанія эдинбургскаго трактата, утвердившаго въ Шотландіи паденіе французской партіи и торжество англійской. Онъ преобразовалъ государственное управленіе изъ монархическаго въ аристократическое, и приготовилъ, вслѣд-

ствіе побѣды реформаторовъ, паденіе древней религіи, обезпечивъ за феодальною аристократіею поддержку пресвитеріанской демократіи. Оба коммиссара Елизаветы хорошо понимали всѣ выгоды, какія она могла извлечь изъ подобнаго договора и тотчасъ сообщили ей по этому предмету свое заключеніе. «Этотъ договоръ, говорили они, окончательно утвердитъ за вашимъ величествомъ покореніе Шотландіи, котораго не достигъ ни одинъ изъ вашихъ предшественковъ, несмотря на множество одержанныхъ ими побѣдъ; онъ передаетъ въ ваши руки сердца и преданность дворянства, которыя принесутъ Англіи даже болѣе пользы, чѣмъ сколько могли бы принести доходы короны.»

По уничтоженіи въ Шотландіи чужеземнаго господства, оставалось еще довершить революцію религіозную, Лорды конгрегаціи поддерживали свой тѣсный союзъ, пока великое предпріятіе не было окончено. Въ періодъ времени между подписью трактата, который освобождалъ ихъ отъ всякаго сопротивленія и собраніемъ парламента, который долженъ былъ содѣйствовать достиженію ихъ цѣлей, они возбуждали всю страну, чтобы болѣе расположить умы въ свою пользу. Ихъ проповѣдники разсѣялись повсюду, и когда собрался парламентъ, то огромное большинство его членовъ было на сторонѣ измѣненія религіознаго устройства Шотландіи. Мелкіе бароны, которые уже тамъ не засѣдали болѣе, теперь снова собрались по случаю такого исключительнаго обстоятельства и опять получили право подавать голоса. Скамья духовенства была почти пуста; бо́льшая часть епископовъ и аббатовъ, засѣдавшихъ тамъ прежде, не захотѣли присутствовать при разрушеніи своей церкви. Почти

всѣ статейные лорды принадлежали къ конгрегаціи и парламентъ открылся подъ предсѣдательствомъ Леттигтона, который приноравливался ко всякимъ обстоятельствамъ и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, былъ всегда на сторонѣ сильнѣйшаго. Королевская власть была представляема безсильными и безмолвными знаками—короною, скиптромъ и мечомъ, положенными на пустомъ тронѣ. Удаленная и ослабленная власть была совершенно неспособна направлять и сдерживать революціонное собраніе, которому было поручено окончить трудъ, продолжаемый реформаторами болѣе двадцати лѣтъ, съ различными превратностями, но съ постояннымъ успѣхомъ. Сильная просьба самыхъ ревностныхъ реформаторовъ, если не сочиненная, то, по-крайней мѣрѣ, одобренная Ноксомъ, требовала отъ парламента, чтобы уничтожить римскую церковь и католическое духовенство; осудить ученіе о пресуществленіи тѣла Христова въ хлѣбъ; произнести осудительный приговоръ противъ заслуги дѣлъ, чистилища, паломничества, молитвы ко святымъ,—однимъ словомъ—уничтожить таинства и обряды древняго богослуженія, наконецъ лишить духовенство права засѣдать и подавать голосъ въ собраніи сословій. Парламентъ повиновался большей части этихъ повелительныхъ требованій; онъ удовлетворилъ реформаторовъ, признавъ ихъ вѣроисповѣданіе, удовлетворилъ и дворянство, уступивъ ему часть имущества, принадлежавшаго духовенству.

Парламентъ потребовалъ отъ реформатскихъ пасторовъ исповѣданія ихъ вѣры, которое они и составили въ четыре дня. Исповѣданіе это близко подходило къ символу англійской церкви временъ Эдуарда VI-го. Преобладавшія тамъ доктрины Нокса были почти

тождественны съ ученіемъ Кальвина. 17 августа парламентъ единогласно утвердилъ это исповѣданіе. Изъ свѣтскихъ лордовъ не признали его только графы Кассилисъ и Кэтнессъ, а изъ духовныхъ,—примасъ-архіепископъ сентъ-андрейскій и епископы дэмбленскій и дэнкельдскій, которые, не отказываясь отъ реформъ, необходимыхъ для уничтоженія злоупотребленій, требовали времени, чтобы осуществить эти реформы своевременно и съ обдуманностью. Побѣдившіе протестанты, какъ это бываетъ слишкомъ часто, выказали нетерпимость и прибѣгли къ насиліямъ. Рѣшеніями, слѣдовавшими одно за другимъ, отмѣнили они католическую религію и папскій судъ въ королевствѣ. Они опредѣлили страшное наказаніе противъ тѣхъ, которые станутъ служить мессу или присутствовать при ней, подъ опасеніемъ въ первый разъ—конфискаціи имуществъ, во второй—изгнанія, а въ третій—смерти.

Затѣмъ пасторы новой церкви въ Шотландіи издали книгу благочинія (Book of discipline), которая имѣла цѣлію установить между ними истинно христіанское управленіе. Онѣ неодобряли англиканской іерархіи почти такъ же, какъ іерархію католическую и называли ее остаткомъ суевѣрія и идолопоклонства, которыя должны оскорблять людей благочестивыхъ. Такимъ-образомъ, предписывая повиновеніе государямъ и начальникамъ, и объявляя врагами Бога и людей тѣхъ, которые покусятся уничтожить *святое учрежденіе гражданскихъ властей,* они однакожь не признали главу государства главою церкви, какъ это было въ Англіи. Религіозное самодержавіе стало принадлежать народу, который по этому сдѣлался источникомъ церковной власти. Одинъ онъ назначалъ

пасторовъ по избранію, но эти избранные изъ христіанскаго общества, прежде допущенія ихъ къ евангельской проповѣди, должны были подвергнуться публичному экзамену, производимому пасторами и старѣйшинами конгрегаціи, въ главныхъ основаніяхъ вѣры и въ тѣхъ различіяхъ, которыя существуютъ между церковью римскою и церковью пресвитеріанскою. Послѣ экзамена, не получая даже рукоположенія, употребляемаго со временъ апостольскихъ, они были вводимы въ среду братіи и принимали на себя исполненіе тѣхъ обязанностей церковной службы, для которыхъ были избраны. Они совершали таинства крещенія и причащенія, проповѣдывали слово Божіе и читали обыкновенныя молитвы и священное писаніе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было установленныхъ пасторовъ, эта послѣдняя обязанность исполнялась обыкновенными чтецами. Діаконы были избираемы для принятія церковныхъ доходовъ и раздачи милостыни.

Государство было раздѣлено на десять епархій, во главѣ которыхъ находились десять пасторовъ, облеченныхъ титуломъ суперинтендентовъ. Будучи обязаны посѣщать свои духовные округи, они должны были проповѣдывать тамъ три раза въ недѣлю; заботиться, чтобы всѣ церкви были въ полномъ порядкѣ; наблюдать, чтобы простые пасторы вели правильную жизнь и имѣли достаточно средствъ къ существованію; чтобы между народомъ распространялись христіанскіе нравы; чтобы бѣдные находили себѣ помощь, а юношество получало образованіе. По правиламъ изложеннымъ въ *книгѣ благочинія*, образовались въ Шотландіи тѣ приходскія школы, которымъ она обязана была впослѣдствіи просвѣщеніемъ, рас-

пространившимся среди низшихъ классовъ народа и тѣмъ благоденствіемъ, которое возрасло въ странѣ. Въ этой книгѣ говорится: «Для споспѣшествованія добродѣтельному и благочестивому воспитанію юношества, всякій приходъ въ сколько-нибудь значительныхъ городахъ долженъ имѣть своего школьнаго учителя, способнаго преподавать, по-крайней-мѣрѣ, граматику и латинскій языкъ... Что касается до приходовъ деревенскихъ, гдѣ народъ собирается одинъ разъ въ недѣлю, чтобы присутствовать при богослуженіи, то тамъ чтецы или пасторы будутъ обучать юношество началамъ христіанскаго ученія, исключительно по женевскому катехизису».

«Книга благочинія»,—назначавшая имущество, отнятое у католическаго духовенства въ пользу реформатской церкви, для народнаго образованія, вспомоществованія бѣднымъ, и въ то же время подвергавшая свѣтскихъ вельможъ строгому надзору пасторовъ,—не нравилась дворянству, которое, на основаніи изложенныхъ въ ней принциповъ, должно было лишиться своего состоянія и подвергнуться зависимости. Такимъ образомъ эта книга не получила такого одобренія, какъ «исповѣданіе вѣры». Многіе бароны не захотѣли ее подписать, другіе же, сначала согласившіеся, потомъ отказались отъ нея. Они желали сохранить за собою тѣ имущества, которыми завладѣли. Но, за исключеніемъ этого разногласія, старое дворянство и новая церковь дѣйствовали единодушно въ преслѣдованіи римскаго духовенства, въ уничтоженіи французскаго вліянія и въ ослабленіи королевской власти. Эдинбургскій трактатъ и парламентскіе акты, состоявшіеся въ августѣ 1560 года, сдѣлали изъ Шотландіи родъ протестантской республики, упра-

вляемой дворянствомъ и пасторами, и находящейся подъ покровительствомъ Англіи. Лорды конгрегаціи не стѣсняясь говорили, что «королева Елизавета позаботилась о безопасности и свободѣ Шотландіи, и потому королевство обязано ей болѣе, чѣмъ своей собственной государынѣ».

Парламентъ въ отсутствіе королевы предоставилъ соблюденіе правосудія и управленія государствомъ двадцатичетыремъ самымъ значительнымъ членамъ торжествующей партіи. Сэръ Джемсъ Сэндилендсъ Кальдеръ, пріоръ рыцарей святаго Іоанна Іерусалимскаго, былъ отправленъ во Францію, для представленія предполагаемыхъ мѣръ на утвержденіе Маріи Стюартъ и Франциска II. Но Марія Стюартъ и Францискъ II — и какъ государи, и какъ католики, — не могли дать своего одобренія революціи, которая измѣняла состояніе монархіи и народную религію. Присвоеніе шотландскимъ дворянствомъ верховной власти, заключеніе союза съ иностраннымъ государствомъ, сверженіе регентши, созваніе парламента безъ согласія и содѣйствія королевской власти, измѣненіе богослуженія, произведенное публичнымъ объ этомъ совѣщаніемъ, учрежденіе правительственнаго совѣта парламентомъ, — все это привело ихъ въ величайшее негодованіе; они уже чувствовали свое паденіе, еще не лишившись трона. Кардиналъ лотарингскій горько жаловался англійскому посланнику Трокмортону на помощь, которую Елизавета оказывала подобнымъ мятежнымъ поступкамъ: «Шотландцы, — говорилъ онъ, — не исполняютъ ни одной изъ своихъ вѣрноподданническихъ обязанностей. Король и королева Шотландіи имѣютъ только титулъ государей; ваша же королева имѣетъ надъ шотландцами власть дѣйствительную,

потому-что она обладаетъ ихъ повиновеніемъ». Когда Трокмортонъ явился къ Маріи Стюартъ просить ратификаціи эдинбургскаго трактата, она наотрѣзъ отказала въ этой просьбѣ и съ живостью отвѣчала: «Мои шотландскіе подданные совершенно не исполняютъ своего долга. Я—ихъ королева, они даютъ мнѣ это названіе; но ведутъ себя не такъ, какъ прилично подданнымъ. Я научу ихъ покорности». Трокмортонъ возразилъ на это, что если она не приметъ эдинбургскаго трактата, то сдѣлаетъ подозрительными для Елизаветы намѣренія свои и короля, своего мужа, и заставитъ думать, что не отказывается отъ притязаній на Англію, гербы которой она не перестаетъ носить. Раздраженная королева прекратила аудіенцію, давъ ему отвѣтъ очень неудовлетворительный. Несмотря, однакожь, на свое неудовольствіе, Марія Стюартъ увидѣла невозможность силою принудить своихъ подданныхъ къ прежнему повиновенію.

Французскія войска очистили Лейтъ; самъ же Францискъ II былъ слишкомъ занятъ покореніемъ гугенотовъ и борьбою съ возникающимъ сопротивленіемъ бурбоновъ и ихъ партіи, такъ что не могъ предпринять ничего рѣшительнаго въ Шотландіи. Его дяди, герцогъ Гизъ и кардиналъ лотарингскій, управлявшіе государствомъ отъ его имени, думали, что необходимо только выиграть время, дождаться несогласій между конфедератами, а покамѣсть позаботиться объ уничтоженіи безпокойства во Франціи. Они работали съ необыкновенною ловкостью и энергіей. Уничтоживъ амбуазскій заговоръ, повѣсивъ его второстепенныхъ и явныхъ предводителей, они арестовали принца Конде́, котораго преслѣдовали какъ тайнаго и главнаго вождя; напугали короля Наваррскаго, уничтожили стара-

го конетабля Анна Монморанси и его сыновей, и постоянно грозили тремъ братьямъ Шатильонамъ. Но ихъ политика страшныхъ угнетеній во Франціи и искусныхъ выжиданій въ Шотландіи была разстроена смертью Франциска II, послѣдовавшею 5-го декабря 1560 года. Марія Стюартъ овдовѣла, ея дяди, принцы лотарингскіе, потеряли вліяніе, а вслѣдствіе отдѣленія шотландской короны отъ французской уничтожилась и самая общность интересовъ, связывавшихъ оба государства между собою. Со вступленіемъ на престолъ Карла IX началась другая политика, подъ руководствомъ хитрой Катерины Медичи, которая боялась Гизовъ, не любила Маріи Стюартъ, и, не желая ничѣмъ рисковать, приняла систему: внутри государства—дѣлать соглашенія между партіями и ихъ предводителями; и внѣ—жить въ мирѣ и добромъ согласіи со всѣми.

Такимъ образомъ, супружество Маріи Стюартъ, разорванное смертью, имѣло печальныя послѣдствія, безъ малѣйшихъ выгодъ. Будучи причиною отсутствія королевы, оно ослабило въ Шотландіи значеніе королевской власти. Оно соединило дворянство и сдѣлало безпорядочное господство его преобладающимъ въ государствѣ. Оно имѣло своимъ результатомъ торжество протестантской реформаціи и къ опасностямъ феодальнаго своеволія присоединило тѣ, которыя были необходимымъ слѣдствіемъ религіозной демократіи, склонной къ неповиновенію государю подъ предлогомъ повиновенія Богу. Оно сдѣлало ненавистнымъ союзъ съ Франціей, котораго шотландцы прежде такъ искали, и возстановило англійское вліяніе, на которое они смотрѣли нѣкогда такъ непріязненно. Когда Марія Стюартъ снова сдѣ-

лалась королевою одной только Шотландіи, она нашла, что дворянство этой страны привыкло къ мятежамъ и захватило власть въ свои руки; что ея королевство, противъ ея воли, вступило въ союзъ съ сосѣднею, прежде непріязненною державою; что народъ исповѣдуетъ чуждую ей религію. Обычаи, власть, политика, вѣра,—все ей грозило опасностью.

Вдова на восемнадцатомъ году жизни, съ двѣнадцати лѣтъ француженка, Марія Стюартъ почувствовала что̀ отнимала у нея смерть мужа, низводя ее съ французскаго трона. Она предалась глубокой печали. Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль она не выходила изъ своей комнаты, и не принимала никого, кромѣ королевы-матери, короля, его братьевъ, короля Наваррскаго, конетабля Монморанси и принцевъ Лотарингскихъ. Какъ только она стала принимать иностранныхъ посланниковъ, ей начали дѣлать различныя предложенія о вступленіи въ новый бракъ, которыхъ она въ эту минуту не слушала. Мы разскажемъ впослѣдствіи любопытные факты, сюда относящіеся. Король Филиппъ II рѣшился предложить Маріи Стюартъ руку своего сына, донъ-Карлоса, имѣя намѣреніе поставить Испанію относительно Шотландіи въ такое же положеніе, въ какомъ находилась къ ней Франція. Короли Швеціи и Даніи тоже искали ея руки.

Елизавета послала графа Бедфорда выразить ея сожалѣніе вдовѣ Франциска II-го. Этотъ чрезвычайный посланникъ прибылъ въ Парижъ 3-го февраля, и, исполнивъ офиціальное порученіе, возложенное на него Елизаветою, онъ, кромѣ-того, просилъ королеву шотландскую ратификовать эдинбургскій трактатъ. При этомъ случаѣ Марія выразила желаніе жить съ Елиза-

ветою въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.—«Мы обѣ живемъ на одномъ островѣ,—сказала она Бедфорду:—говоримъ однимъ языкомъ, мы самыя близкія между собою родственницы и обѣ—королевы». Но, высказавъ ему всѣ эти причины къ самой тѣсной дружбѣ, она отказалась утвердить эдинбургскій трактатъ въ отсутствіи своего дяди, кардинала лотарингскаго, не бывшаго тогда при дворѣ, и, вособенности, не посовѣтовавшись объ этомъ съ своимъ дворянствомъ и парламентомъ. Затѣмъ любезно попросивъ портретъ Елизаветы, она пожелала свиданія съ нею, которое приведетъ ихъ къ болѣе скорому и болѣе вѣрному соглашенію, нежели всѣ заочные переговоры. Такимъ-то образомъ она избѣжала ратификаціи трактата, котораго рѣшилась не принимать.

Всѣ ея цѣли сосредоточились въ настоящее время на Шотландіи, въ которой смерть Франциска II-го была принята съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Смерть эта, уничтоживъ страхъ внушаемый Франціею, очень натурально раздѣлила партіи. Такъ-какъ національный вопросъ о независимости не существовалъ болѣе, то на сцену выступили интересы частные. Католическая партія одушевилась и ободрилась. Она имѣла тайное собраніе, на которомъ присутствовали: архіепископъ Сентъ-Андре, епископы эбердинскій, мюррейскій, росскій, графы Гэнтли, Атоль, Крофордъ, Сетерлэндъ, Кэтвесъ и многіе бароны. Они выбрали Лесли, въ то время эбердинскаго офиціала, а позднѣе—епископа росскаго, и отправили его увѣрить молодую королеву въ своей совершенной преданности. Лесли нашелъ Марію Стюартъ 14-го апрѣля 1561 года въ Витри, въ Шампаніи. Изъ Реймса, въ которомъ

она провела часть зимы съ своею теткою, настоятельницею женскаго монастыря св. Петра (Saint-Pierre les-dames), она уѣхала въ Лотарингію. Лесли предложилъ ей, отъ имени католиковъ, немедленно отправиться въ Шотландію; арестовать во Франціи ея брата Джемса,—котораго ей посылалъ парламентъ инсургентовъ,—на время, пока она не возвратится въ свое королевство; высадиться въ Эбердинѣ, гдѣ она найдетъ армію въ двадцать тысячъ человѣкъ, собранную ея друзьями на сѣверѣ Шотландіи. Марія имѣла достаточно благоразумія, чтобы не послѣдовать этому совѣту. Вспомнивъ, что предводители этой партіи въ послѣднее время выказали себя или слабыми, или мятежными, она не думала, что ихъ преданность очень ревностна, обѣщанія надежны и вѣрность продолжительна. Кромѣ того ей не хотѣлось показать себя исключительною, изъ опасенія какъ бы еще больше не ослабить себя. Она искала помощи вездѣ. Она уже поручила Престону Крэгмилару, Огильви Файндлетеру, Лёмсдену Бленерну и Лесли Очтермёчти, отправиться, въ качествѣ ея коммисаровъ, въ Шотландію, куда они прибыли 20 февраля 1561 года, чтобы засвидѣтельствовать ея привязанность, ея миролюбивыя намѣренія и извѣстили о ея скоромъ возвращеніи. Для возстановленія правильнаго дѣйствія власти, она отправила къ герцогу Шательро, къ графамъ Арджилю Гэнтли, Ботвелю, архіепископу Сентъ-Андре и лорду Джемсу королевское повелѣніе о созваніи законнаго парламента.

Собравшійся парламентъ отправилъ лорда Джемса къ его сестрѣ. Лордъ Джемсъ, казалось, былъ способнѣе всякаго другаго успокоить неудовольствіе Маріи Стюартъ и убѣдить ее скорѣе возвратиться въ

королевство. Путь его лежалъ чрезъ Англію. Елизавета и ея министры, съ которыми Джемсъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ, нѣсколько опасались предложеній, которыя французскій дворъ не преминетъ ему сдѣлать, чтобы привлечь его на свою сторону. Онъ былъ самымъ важнымъ лицомъ въ Шотландіи, по своему рожденію, по положенію которое онъ занималъ въ королевствѣ, по вліянію на всю реформатскую партію, какъ свѣтскій глава ея, наконецъ по той довѣренности, которую онъ внушалъ къ себѣ въ бо́льшей части дворянства. Несмотря на свою молодость, онъ успѣлъ уже отличиться на войнѣ—какъ солдатъ, во внутреннихъ безпорядкахъ—какъ политикъ. Онъ обладалъ самымъ твердымъ мужествомъ и необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Съ умомъ разсудительнымъ, съ характеромъ энергическимъ; неимѣющій той живости и тонкости, какою обладаютъ его хитрые и непостоянные соотечественники, открытый, грубый, но не безъ притворства и лукавства, онъ шелъ къ своей цѣли съ рѣшимостью и здравымъ смысломъ, которые обыкновенно ведутъ къ ней скоро и вѣрно.

Пріоръ Сентъ-Андре встрѣтился съ королевою, своею сестрою, въ Сенъ-Дизье́ на другой день послѣ того какъ она видѣлась съ офиціаломъ эбердинскимъ, Джономъ Лесли. Онъ постарался расположить ее къ партіи конгрегаціи и къ союзу съ Англіею. Но Марія Стюартъ не убѣдилась причинами, которыя онъ представлялъ въ интересахъ ея власти и спокойствія. Открывъ ему свои намѣренія, она объявила, что не утвердитъ эдинбургскаго трактата и постарается разорвать союзъ между Англіей и Шотландіей, который ей непріятенъ; она даже уси-

ливалась склонить къ своей религіи и къ своимъ намѣреніямъ лорда Джемса, которому предлагала санъ кардинала и богатыя бенефиціи во Франціи. Но лордъ Джемсъ не колеблясь отказался отъ всѣхъ этихъ выгодъ и, казалось, пріобрѣлъ еще болѣе довѣрія своей сестры этимъ доказательствомъ прямоты и безкорыстія. Марія обѣщала послать ему необходимое полномочіе, чтобъ управлять королевствомъ на время ея отсутствія. Она пожелала только, чтобы, возвращаясь въ Шотландію, онъ не ѣхалъ черезъ Англію.

Лордъ Джемсъ этого не исполнилъ. Онъ такъ твердо держался союза съ Елизаветой, въ которомъ видѣлъ главную силу своей партіи, что передалъ все происходившее между нимъ и сестрою англійскому посланнику, Трокмортону, который, чувствуя какъ важно для его государыни сохранить то вліяніе, которое она успѣла пріобрѣсти въ Шотландіи, посовѣтовалъ привлечь на свою сторону самыхъ способныхъ и сильныхъ людей этой страны ежегодною раздачею имъ 20,000 фунтовъ стерлинговъ. «Нужно,—писалъ онъ,—быть особенно внимательнымъ къ графу Арану, какъ второму лицу въ королевствѣ, и къ лорду Джемсу, который въ честности и вліяніи, по моему мнѣнію, не уступитъ тамъ никому.... Лордъ Джемсъ очень почтенный, искренній и благочестивый джентльмэнъ, и очень преданъ вашему величеству. Никто больше его не заслуживаетъ вашихъ милостей». Но бережливая Елизавета считала излишнимъ — къ связи, которая существовала между нею и лордомъ Джемсомъ по религіознымъ и политическимъ интересамъ, присоединять еще и денежную. По прибытіи его въ Лондонъ она приняла

его очень хорошо, но ничемъ не наградила, кромѣ своей благосклонности которая ей мало стоила.

Марія Стюартъ, не успѣвъ поколебать вѣрность лорда Джемса партіи реформаторовъ и его привязанности къ Англіи, не дала ему полномочія которое обѣщала. Жиль де-Ноайль былъ отправленъ въ Шотландію, чтобы предложить парламенту разорвать союзъ, недавно заключенный съ Елизаветою, и возобновить тотъ, который такъ долго уже былъ поддерживаемъ съ Франціею; но Ноайлю не удалось его порученіе. Парламентъ оказался столько же непоколебимымъ, какъ и пріоръ Сентъ-Андрѐ. Онъ отвѣчалъ уполномоченному Маріи Стюартъ, что помощь королевы Елизаветы избавила Шотландію отъ папской тиранніи и французскаго ига, и Ноайль возвратился безъ всякаго успѣха. Марія Стюартъ, проведя нѣкоторое время въ Реймсѣ и Лотарингіи, рѣшилась наконецъ отправиться въ Шотландію, увозя съ собою свою вдовью часть въ 60,000 ежегоднаго дохода. Она поѣхала не столько по желанію, сколько по необходимости. «Я часто замѣчалъ,—говоритъ Брантомъ,—что она боится этого путешествія какъ смерти, и во сто разъ лучше бы желала остаться простою вдовою во Франціи, чѣмъ ѣхать царствовать въ свою дикую страну». Она поручила д' Уазелю просить охранной грамоты для проѣзда ея чрезъ Англію. Но Елизавета не допустила д' Уазеля въ свои владѣнія и отказала Маріи Стюартъ въ ея просьбѣ.. «Ея величество — писалъ Сесиль,-объявила д' Уазелю, что она не желаетъ притворяться съ королевой шотландской и не пришлетъ ей грамоты до ратификаціи эдинбургскаго трактата; но послѣ ратификаціи она будетъ имѣть нетолько

свободный проѣздъ, но всевозможныя удобства и самый радушный пріемъ».

Марія Стюартъ была глубоко оскорблена этимъ отказомъ Она выразила это англійскому посланнику Трокмортону, въ словахъ полныхъ горечи и достоинства. «Милостивый государь, — сказала она,— ни что̀ меня такъ не огорчаетъ какъ то, что я забылась до такой степени, что просила у королевы, вашей государыни, милости, въ которой не нуждалась». Затѣмъ, вспоминая о своихъ неудовольствіяхъ противъ Елизаветы, она прибавила съ достоинствомъ и нѣсколько угрожающею живостью: «Сообщите вашей повелительницѣ, что христіанскимъ государямъ и государствамъ покажутся странными ея старанія возбудить противъ меня моихъ подданныхъ, и помѣшать мнѣ вернуться въ Шотландію теперь, когда я осталась вдовою. Я желаю только ея дружбы; я не поселяю раздоровъ въ ея государствѣ, и ничего не ищу у ея подданныхъ, хотя и знаю, что между ними есть такіе, которые готовы принять предложенія, если таковыя будутъ имъ сдѣланы. Не всѣ имѣютъ одинаковыя съ нею чувства въ религіи и въ другихъ предметахъ. Королева, ваша государыня, говоритъ, что я молода и что мнѣ недостаетъ опытности; но я достаточно имѣю и лѣтъ, и опытности, чтобы вести себя дружески и честно въ отношеніи моихъ родственниковъ и союзниковъ. Надѣюсь, мое благоразуміе никогда не измѣнитъ мнѣ на столько, чтобъ я забылась и говорила о ней иначе, нежели какъ слѣдуетъ о королевѣ и моей близкой родственницѣ.»

Когда на другой день, 21-го іюля, передъ своимъ отъѣздомъ она еще разъ увидѣла Трокмортона, то обратилась къ нему съ слѣдующими словами, полными

мрачныхъ предчувствій, которыя должны были осуществиться впослѣдствіи: «Надѣюсь, что вѣтерь будетъ мнѣ благопріятствовать и я не буду имѣть необходимости приставать къ берегамъ Англіи; если же пристану, то буду въ рукахъ вашей королевы и тогда она можетъ дѣлать со мною что̀ ей угодно. Если она на столько жестока, что желаетъ моей смерти, то пусть принесетъ меня въ жертву: можетъ-быть подобная участь будетъ для меня лучше жизни. Да исполнится воля Божія».

Проведя нѣсколько дней въ Сенъ-Жерменѣ съ королевскою фамиліей, она простилась съ нею и отправилась въ Кале, въ сопровожденіи герцога Гиза, кардиналовъ лотарингскаго и Гиза и нѣкоторыхъ придворныхъ. 14-го августа она сѣла на корабль съ тремя своими дядями, герцогомъ омальскимъ, великимъ пріоромъ герцогомъ Эльбёфомъ, Дамвилемъ сыномъ конетабля Монморанси, и многими дворянами. Брантомъ, бывшій въ числѣ сопровождавшихъ ее въ Шотландію, оставилъ объ ея отъѣздѣ трогательный разсказъ, изъ котораго я приведу нѣсколько строкъ: «.... Когда галеры вышли изъ порта и поднялся маленькій вѣтеръ, то были поставлены паруса.... Положивъ обѣ руки на корму со стороны румпеля, она залилась крупными слезами, обращая свои прекрасные глаза къ порту и къ тому мѣсту, отъ котораго отправилась и повторяя печальныя слова: «Прощай Франція!»... пока не настала ночь. Она отказалась отъ пищи и легла на палубѣ, гдѣ ей была приготовлена постель, потому-что она не хотѣла сойти въ каюту. Она приказала рулевому разбудить ее съ разсвѣтомъ, если еще будетъ видѣнъ берегъ Франціи; судьба этому благопріятствовала: вѣтеръ упалъ, и на веслахъ мы мало по-

двинулись въ эту ночь, такъ-что утромъ еще былъ видѣнъ берегъ Франціи. Рулевой не забылъ ея приказанія. Она поднялась на постели и опять стала смотрѣть на французскій берегъ, пока могла, повторяя слова. «Прощай Франція! кажется я никогда больше тебя не увижу.»

Хотя она и боялась попасться въ руки крейсеровъ, которыхъ Елизавета выслала въ море, но прибыла благополучно въ Фортскій заливъ послѣ пятидневнаго плаванія. Туманъ, поднявшійся наканунѣ ея пріѣзда, помѣшалъ видѣть маленькую эскадру, которая привезла ее въ отечество и бросила якорь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Этотъ туманъ разсѣялся утромъ 19-го августа, и Марія Стюартъ вошла въ Лейтскій портъ, гдѣ ея не ожидали. Едва только разнеслась вѣсть о ея прибытіи, какъ народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ ей навстрѣчу, а дворянство явилось проводить ее въ Эдинбургъ, въ замокъ ея предковъ. Этотъ радушный пріемъ ее тронулъ, но не обрадовалъ. Она съ грустью сравнивала бѣдность дикой страны, въ которую возвратилась послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія съ великолѣпіемъ двора, въ которомъ провела счастливые дни своего дѣтства и своей молодости. Для нея приготовили хорошую лошадь, а для дамъ и кавалеровъ ея свиты маленькихъ горныхъ иноходцевъ — «кое-какихъ,—говоритъ Брантомъ, и кое-какъ осѣдланныхъ». Увидя ихъ, королева—прибавляетъ онъ,—«заплакала и говорила, что это не похоже на пышность, приготовленія, великолѣпіе и на превосходныхъ верховыхъ лошадей Франціи.» Въ такомъ скромномъ видѣ она прибыла въ голирудскій дворецъ. Вечеромъ, граждане Эдинбурга явились подъ ея окнами, выражая музыкою своихъ трехструн-

ныхъ скрипокъ и пѣніемъ псалмовъ свою радость по случаю ея возвращенія.

Звуки этой нестройной музыки, гимны этой чуждой для нея религіи, еще болѣе увеличили грустное впечатлѣніе, испытанное Маріею Стюартъ при возвращеніи въ страну, въ которой она себя чувствовала чужою, которой нравовъ она не приняла, которой вѣрованій она не раздѣляла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Марія Стюартъ нашла въ Шотландіи очень много важныхъ и разнообразныхъ затрудненій. Какъ ей вести себя относительно торжествующей протестантской партіи? Какимъ-образомъ она соединитъ и заставитъ повиноваться дворянство, привыкшее къ возмущеніямъ и раздорамъ? Какимъ-образомъ уживется съ Елизаветою, своею могущественною сосѣдкою и непріятельницею? Наконецъ, какъ вступить ей во второй бракъ съ иностраннымъ принцемъ, не подвергая своей короны опасности, или съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ подданныхъ — не поселя раздоровъ въ государствѣ? Чтобы выйти счастливо изъ всѣхъ этихъ затрудненій, она должна была имѣть благоразумія больше, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ ея лѣтъ и природныхъ качествъ. Она была проницательна, но довольно неосторожна; одарена большимъ умомъ, и, однакожь, неспособна къ послѣдовательности и постоянству. Привѣтливая въ обращеніи, порывистая, граціозная и страстная, безгранично довѣряясь тѣмъ лицамъ, которыя ей нравились, съ пылкостію увлекаясь своими господствующими идеями,— она обладала всѣми прелестями женщины,

не обладая въ достаточной степени твердыми качествами, необходимыми для королевы.

Однакоже, будучи предупреждена объ угрожающихъ ей опасностяхъ, и слѣдуя благоразумнымъ совѣтамъ лорда Джемса и Летингтона, она сначала вела себя съ ловкостью. Членами ея тайнаго совѣта были назначены: герцогъ Шательро, графы Гэнтли, Арджиль, Ботвель, Эрроль, Маршаль, Атоль, Мортонъ, Монтрозъ, Гленкэрнъ, лордъ Джемсъ и лордъ Эрскинъ, вмѣстѣ съ государственнымъ казначеемъ, государственнымъ секретаремъ, клеркъ-регистраторомъ и клеркомъ юстиціи. Сохранивъ должность канцлера за графомъ Гэнтли, она назначила лорда Джемса первымъ министромъ, а Летингтона государственнымъ секретаремъ. Эти-то два протестантскихъ предводителя должны были сдѣлаться ближайшими совѣтниками католической королевы. По наружности признавая религіозный переворотъ, совершившійся въ ея государствѣ во время ея отсутствія, она требовала терпимости въ отношенія самой себя. — «Я рѣшилась, — сказала она за нѣсколько времени передъ отъѣздомъ изъ Франціи Трокмортону, — не принуждать никого изъ моихъ подданныхъ; но я должна желать того же относительно себя самой, и убѣждена, что ихъ не будутъ заставлять принуждать меня».

Но этой терпимости трудно было добиться отъ жаркихъ сектаторовъ; они смотрѣли на возстановленіе мессы, какъ на возвращеніе идолопоклонства. «Я желаю лучше видѣть—говорилъ Ноксъ,— высадку десяти тысячъ непріятелей на берега Шотландіи, чѣмъ одну католическую обѣдню въ этой странѣ.» Такимъ-образомъ, когда въ воскресенье, слѣдовавшее за прибытіемъ Маріи Стюартъ, была от-

служена месса въ ея собственной капеллѣ, вся протестантская партія взволновалась и почти возстала. Пасторы грозили. Народъ роптал. Со всѣхъ сторонъ слышались слова: «*Недопустимъ, чтобы идолы снова были возстановлены въ этомъ государствѣ.* Фанатическій *мастеръ* *) Линдсэй, въ латахъ, сопровождаемый толпой, столько же раздраженной, какъ онъ самъ, вошелъ на дворъ голирудскаго дворца, требуя смерти католическихъ священниковъ. Лордъ Джемсъ, предвидѣвшій эти безпорядки, разсѣялъ ихъ. Рѣшась не позволять тревожить религіозную свободу своей сестры, онъ самъ сталъ въ дверяхъ капеллы. Противопоставивъ этому шумному фанатическому безпорядку свою власть и энергію, онъ защищалъ капелланов королевы, которые спокойно окончили католическій обрядъ, къ величайшему соблазну Нокса, гнѣвъ котораго не пощадилъ даже лорда Джемса.

Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время послѣ этого событія, Ноксъ писалъ къ своему другу, Кальвину: «Пріѣздъ королевы нарушилъ спокойный ходъ нашихъ дѣлъ. Чрезъ три дня послѣ ея прибытія, идолъ мессы былъ уже возстановленъ. Нѣсколько серьёзныхъ и вліятельныхъ лицъ хотѣли этому воспрепятствовать, говоря, что ихъ очищенная совѣсть не можетъ допустить снова оскверненія земли Господа, которая силою его слова очищена отъ чужеземнаго идолослуженія. Но такъ-какъ бо́льшая часть людей, принадлежащихъ къ нашему вѣроисповѣданію, думали иначе, то нечестіе осталось торжествующимъ и въ настоящее время пріобрѣтаетъ новыя силы. Тѣ,

*) *Мастеромъ* называютъ старшаго сына какого-нибудь лорда.— Этотъ Патрикъ Линдсэй наслѣдовалъ титулъ своего отца, какъ шестый лордъ этого имени, въ 1563 году.

которые одержали здѣсь верхъ, представляли въ оправданіе своей снисходительности, что всѣ пасторы, а въ томъ числѣ и ты самъ, совершенно убѣждены въ томъ, что мы не имѣемъ права препятствовать королевѣ въ исповѣдываніи ея религіи. Несмотря на то, что я старался отвергнуть эту молву, которая мнѣ кажется совершенно ложною, она такъ глубоко проникла въ ихъ сердца, что мнѣ невозможно поколебать ее, если только я отъ тебя не узнаю, точно ли этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію нашей Церкви и какъ отвѣчали братья. Я часто безпокою тебя, но у меня нѣтъ никого другаго, кому бы я могъ довѣрить свои заботы. Откровенно сознаюсь, отецъ мой, что я по настоящее время совершенно не зналъ, какъ трудно и тяжело бороться съ лицемѣріемъ, прикрытымъ маскою благочестія. Я никогда не боялся до такой степени открытыхъ враговъ, когда среди скорби надѣялся на побѣду.»

Неудовольствіе Нокса высказывало всю новую нетерпимость, грозные признаки которой королева увидала при своемъ торжественномъ въѣздѣ въ Эдинбургъ. 2 сентября въ день назначенный для этого торжества, Марія Стюартъ, пообѣдавъ въ замкѣ, приблизилась къ городу, подъ балдахиномъ изъ фіолетоваго бархата, въ сопровожденіи дворянства и почетнѣйшихъ гражданъ. Шестилѣтній ребенокъ вышелъ изъ болака какъ-будто съ неба и, произнося стихи, поднесъ ей ключи Эдинбурга, библію и книгу псалмовъ. Чтобы напомнить ей о страшныхъ казняхъ Божіихъ за идолопоклонство, о которыхъ разсказывается въ священномъ писаніи, представлены были на ея пути казнь Корея, Дафана и Авирона, поглощенныхъ землею въ минуту жертвоприношенія и другія зрѣлища

въ такомъ же ужасномъ родѣ. Привѣтствуемая какъ королева, угрожаемаякакъ католичка, Марія, послѣ всѣхъ этихъ выраженій народной радости религіознаго фанатизма возвратилась въ Голирудъ, гдѣ она получила отъ города въ знакъ благополучнаго въѣзда серебряный позолоченный сервизъ цѣною въ 2 тысячи марокъ.

Благодаря твердости своего брата, достигнувъ лично для себя свободы въ исповѣдываніи своей религіи, королева поняла, что нужно обезпечить этимъ страшнымъ протестантамъ исключительное господство ихъ вѣры. И такъ она сдѣлала имъ уступки, которыя должны были ей дорого стоить. Она объявила въ совѣтѣ и въ прокламаціи къ народу, что въ установленной религіи не будетъ сдѣлано никакой перемѣны и что всякое дѣйствіе, какъ явное, такъ и тайное, направленное къ измѣненію ея формъ будетъ наказываться смертью. Такимъ-образомъ законною властію короны утверждались рѣшенія революціонной власти парламента. Марія захотѣла потомъ видѣть Нокса, можетъ-быть надѣясь смягчить его и привлечь на свою сторону. При свиданіи съ нимъ она разсуждала объ обязанностяхъ подданнаго и христіанина. Королева упрекала его, что въ книгѣ своей объ управлеціи женщинъ, онъ возбуждалъ народъ противъ государей, и просила его быть болѣе снисходительнымъ къ тѣмъ, кто думаетъ о религіозныхъ предметахъ иначе чѣмъ онъ.—«Государыня,—отвѣчалъ Ноксъ:—если оставить идолослуженіе и склонять народъ къ почитанію Бога согласно Его откровенію, значитъ возбуждать подданныхъ противъ государей, то меня нельзя оправдать, потому-что я дѣлалъ это; но если познаніе Бога и Его истинной вѣры приводитъ всѣхъ

добрыхъ подданныхъ къ искреннему повиновенію государямъ, то кто можетъ меня осуждать?» Марія смутилась. Ее наполнила ужасомъ теорія Нокса, низпровергавшая всякую власть, предоставлявшая самимъ подданнымъ судить о томъ, какимъ повиновеніемъ они обязаны своимъ государямъ, и уполномочивавшая ихъ къ возстанію, къ повызову ихъ духовныхъ вождей. Она увидѣла ту ужасную будущность, которая ожидала ее, какъ католическую королеву, среди этихъ гордыхъ и непокорныхъ протестантовъ и мрачныхъ пасторовъ-фанатиковъ. Не имѣя силъ отвѣчать, чувствуя, что это безполезно, она впала въ грустное молчаніе и съ четверть часа оставалась въ совершенномъ уныніи.

Лордъ Джемсъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ этой странной сцены, гдѣ Ноксъ явился молодой и любезной королевѣ, недавно вернувшейся изъ Франціи, какъ еврейскіе пророки являлись съ предостереженіями Всевышняго предъ царями израильскими и іудейскими. Онъ постарался ободрить свою сестру, и Марія Стюартъ, иронически соглашаясь съ словами Нокса, чтобы лучше выказать ихъ смыслъ, сказала: «Хорошо, я понимаю. Подданные мои должны повиноваться вамъ, а не мнѣ; они должны дѣлать то, что̀ имъ угодно, а не то, что я имъ приказываю. Вмѣсто того, чтобы быть ихъ королевой, я должна учиться быть ихъ подданною!» Доведенный до этой крайности своего ученія, Ноксъ вскричалъ, желая отступить: «Боже сохрани! Я очень далекъ отъ того чтобы приказывать, кому бы то ни было, а еще больше отъ того чтобы разрѣшать подданныхъ отъ ихъ законнаго повиновенія: желаю только одного, чтобы государи, какъ и подданные, повиновались Богу, ко-

торый повелѣваетъ королямъ и королевамъ быть отцами и матерями своей Церкви и питать ее». Марія, которая не намѣрена была сдѣлаться покровительницею религіи, которую она терпѣла, но вмѣстѣ ненавидѣла, дольше не могла удерживаться. Она выказала чувства, которыя до сихъ поръ скрывала, и съ гнѣвомъ сказала: «Не вашу Церковь буду я питать, а римскую, которую считаю истинною Церковью Божіей.»

При этихъ словахъ Ноксъ также не удержался. Онъ излился въ самыхъ сильныхъ ругательствахъ противъ католической Церкви, глубины догматовъ которой онъ не понималъ и которой великія постановленія были уронены въ глазахъ реформаторовъ продолжительными злоупотребленіями. Онъ объявилъ, что она исполнена заблужденій, осквернена пороками и предлагалъ доказать, что истина вѣры въ ней еще болѣе искажена, чѣмъ въ Церкви Іудеевъ. Королева положила конецъ этой дерзкой выходкѣ, и отпустила его. Онъ вышелъ прося Бога «излить на нее благословеніе въ шотландской республикѣ съ такою же щедростью, съ какою онъ излилъ ихъ на Девору въ республикѣ израильской».

Необдуманная запальчивость Нокса подверглась порицанію со стороны политическихъ предводителей протестантской партіи. Летингтонъ даже писалъ Сесилю: «Я желалъ бы, чтобы Ноксъ говорилъ тономъ болѣе любезнымъ съ такою молодою королевою, и чтобы его неудержимая пылкость не заставляла его произносить фразъ, неудобоваримыхъ для слабаго желудка. Она, безспорно, выказываетъ въ отношеніи къ нему благоразуміе выше своихъ лѣтъ. Да низпошлетъ ей Богъ помощь своего духа!» Между двѣнадцатью графами и лордами, изъ которыхъ со-

стоялъ тайный совѣтъ Маріи, она дала перевѣсъ послѣдователямъ новаго ученія. Въ общемъ засѣданіи, собравшемся для приведенія государства въ порядокъ и изъисканія средствъ къ подддержанію реформатской Церкви, было рѣшено, чтобы треть доходовъ съ церковныхъ имѣній оставшихся въ рукахъ прелатовъ или захваченныхъ дворянствомъ была передана королевѣ для содержанія проповѣдниковъ, для устройства школъ, для вспомоществованія бѣднымъ и для увеличенія ея собственныхъ доходовъ. Лордъ Джемсъ, Мэтлендъ, Летингтонъ, графы Арджиль и Мортонъ должны были наблюдать за ассигнованіемъ этой трети. Исповѣданіе вѣры осталось правиломъ новой религіи, но «Книга благочинія» была отвергнута дворянствомъ, которое охотно принимало ученіе пасторовъ, но вовсе не желало находиться подъ ихъ управленіемъ. Эти первыя дѣйствія царствованія Маріи имѣли цѣлію нѣкоторый родъ соглашенія различныхъ интересовъ въ странѣ, всегда готовой къ междоусобной войнѣ. Религіозное господство протестантской партіи; частная свобода королевы; распредѣленіе власти въ смѣшанномъ совѣтѣ; раздѣленіе церковныхъ доходовъ, изъ которыхъ двѣ трети предоставлялись въ пользу прежнихъ почетныхъ лицъ католическаго духовенства, или дворянству, а остальная треть шла въ пользу новой Церкви: таковы были первыя дѣйствія правительства Маріи Стюартъ по ея возвращеніи.

Виновникомъ этого распорядка былъ въ значительной степени, лордъ Джемсъ, котораго Марія наименовала графомъ Маръ, по случаю супружества его съ дочерью графа Маршаля, ввѣривъ ему чрезвычайную власть, для возстановленія покорности въ мятежныхъ пограничныхъ округахъ. Онъ исполнилъ

это порученіе съ рѣдкою энергіей и быстрымъ успѣхомъ. Главные члены высшаго дворянства не безъ зависти смотрѣли на милость, которою онъ пользовался. Вособенности были недовольны Гордоны, остававшіеся католиками, и Гамильтоны, которые сожалѣли о потерянномъ могуществѣ. Эта послѣдняя фамилія лишилась значительной части доходовъ, вслѣдствіе недавно происшедшихъ перемѣнъ, въ утвержденіи которыхъ римское духовенство упрекало королеву. Герцогъ Шательрò и его старшій сынъ графъ Аранъ совершенно не показывались при дворѣ со времени ея прибытія. Они все-еще держали въ своихъ рукахъ крѣпость Дэмбартонъ, но не имѣли никакого вліянія; и часть имуществъ Арбротскаго аббатства была у нихъ отнята. Архіепископъ Сентъ-Андрѐ, побочный братъ герцога, долженъ былъ уступить многія изъ своихъ бенефицій; лордъ Клавдій, сынъ его, принужденъ былъ отказаться отъ аббатства Песли, которое впослѣдствіи должно было перейти къ нему; аббатъ кильвиннингскій и другіе Гамильтоны должны были принести жертвы, которыхъ требовало отъ нихъ послѣднее собраніе. Что касается до графа Гэнтли, котораго старшій сынъ, Александръ Гордонъ, умершій въ 1553 году, былъ женатъ на одной изъ Гамильтоновъ, то онъ кромѣ причинъ неудовольствія, общихъ всѣмъ баронамъ неимѣвшимъ вліянія, еще боялся потерять графство Мюррэй, которымъ онъ давно пользовался.

Союзы недовольныхъ въ Шотландіи всегда возникали очень скоро. Но на этотъ разъ заговоръ не имѣлъ успѣха. Старшій сынъ герцога Шательро, графъ Аранъ, человѣкъ съ слабою головою, внезапно былъ пораженъ сумасшествіемъ. Въ припадкѣ безумія онъ от-

крылъ намѣренія графа Ботвеля и аббата Кильвиннинга, которые предлагали ему напасть на дворецъ королевы, овладѣть ея особою, убить графа Мара и захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Открытый такимъ-образомъ этотъ заговоръ былъ уничтоженъ. Графъ Маръ немедленно арестовалъ аббата Кильвиннинга и графа Ботвеля, который черезъ нѣсколько времени бѣжалъ. Обезсиливъ Гамильтоновъ весной 1562 года, онъ осенью уничтожилъ Гордоновъ.

Въ сѣверныхъ областяхъ Гордоны пользовались такою же властью, какъ Гамильтоны въ западныхъ. Гэнтли составилъ заговоръ для умерщвленія графа Мара и государственнаго секретаря Летингтона, и вздумалъ женить своего втораго сына, Джона Гордона на королевѣ. Гордонъ уже открыто возсталъ. Раненивъ, на улицахъ Эдинбурга, лорда Огильви, вслѣдствіе частной ссоры, онъ не послушался своей государыни, которая ему приказала отправиться въ крѣпость Стерлингъ. Собравъ до тысячи конныхъ воиновъ, онъ не обращалъ вниманія на королевскую власть. Его отецъ, графъ Гэнтли, укрѣпилъ замки Файндлетеръ, Эгендаунъ и Стратбоджи, и, расположившись въ горахъ, ожидалъ тамъ Марію Стюартъ, которая, посѣтивъ въ предшествовавшемъ году внутреннія области своего государства, имѣла намѣреніе объѣхать теперь сѣверныя. Она отправилась туда во главѣ небольшой арміи, предводительствуемой графомъ Маръ. Офицеръ, которому Гордонъ ввѣрилъ охраненіе замка Инвернесса, не пустилъ ее туда; королева осадила и взявъ этотъ замокъ приказала повѣсить коменданта. Въ этомъ путешествіи, которое въ то же время было и военною экспедиціей, Марія показала большое му-

жество, весело переносила всѣ неудобства, переѣзжала верхомъ чрезъ эту суровую страну, переплывала рѣки, располагалась на отдыхъ въ пустыняхъ и сожалѣла, «что она не мужчина, и потому не можетъ проводить ночи въ полѣ одѣтая въ куртку, имѣя ранецъ на спинѣ, прикрываясь глазгоскимъ щитомъ и вооруженная длинною двуручною шпагой». Возвратясь въ Эбердинскій замокъ, она отдала графство Мюррэй своему брату Джемсу и сдѣлала войну съ Гордонами неизбѣжною. Графъ Гэнтли дѣйствительно появился въ двѣнадцати миляхъ отъ Эбердина у Корричи во главѣ своихъ приверженцевъ. Но королевская армія, предводительствуемая новымъ графомъ Мюррэй, при которой находились графы Атоль и Мортонъ, одержала надъ нимъ совершенную побѣду. Гэнтли остался на полѣ битвы безъ погребенія, какъ государственный мятежникъ, и его неудача причинила минутное разрушеніе его дома. Изъ двухъ сыновей, которые у него остались, Джонъ Гордонъ былъ приговоренъ къ обезглавленію за бунтъ, но этотъ приговоръ измѣнили на заключеніе въ Дэмбарской крѣпости, а другому, Адаму Гордону была оказана пощада, по его молодости. Фамилія эта, занимавшая второе мѣсто въ государствѣ и имѣвшая возможность выставить въ поле до двадцати тысячъ солдатъ, лишилась своего титула, потеряла огромныя владѣнія и быстро пришла въ совершенный упадокъ. Лордъ Джемсъ испросилъ у своей сестры для графа Мортона, своего родственника, мѣсто государственнаго канцлера, оставшееся свободнымъ съ смертью графа Гэнтли. Немилость, которой подверглись Гамильтоны и погибель Гордоновъ, утвердили еще болѣе торжество протестантства, политическій предводитель котораго, Мюр-

рэй управлялъ Шотландіею такъ же полновластно, какъ и искусно.

Впрочемъ не единственно для того, чтобы царствовать съ мѐньшими безпокойствами и затрудненіями, Марія Стюартъ выказывала такое уваженіе Мюррэю и его партіи. Она имѣла еще другіе виды и подъ ея снисходительностью скрывалось большое честолюбіе. Она стремилась къ тому, чтобы Елизавета признала ее наслѣдницею англійскаго трона, а этого она надѣялась достигнуть легче съ помощью партіи протестантской, которая въ то же время была и партіею англійской. Послѣ смерти Франциска II она перестала носить гербъ Англіи и не объявляла себя болѣе соперницею Елизаветы. Но отказавшись отъ мысли свергнуть ее съ трона, она захотѣла ей наслѣдовать. Это была цѣль, предложенная ей лордомъ Джемсомъ, когда она возвратилась въ Шотландію, и къ которой онъ не переставалъ ее направлять. Желая согласить свою любовь къ сестрѣ, съ одушевлявшимъ его усердіемъ къ своей вѣрѣ, Мюррэй употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы между обѣими королевами возникла тѣсная дружба, которая могла бы впослѣдствіи соединить оба государства подъ однимъ скиптромъ и привести ихъ къ исповѣданію одной и той же вѣры. 6-го августа 1561 года, за тринадцать дней до прибытія Маріи Стюартъ въ Лейтъ, онъ писалъ самой Елизаветѣ письмо, которое дѣлаетъ честь его намѣреніямъ и чувствамъ. Оно свидѣтельствуетъ о его совершенной честности, глубокой разсудительности и разумномъ патріотизмѣ. Совѣтуя искреннюю пріязнь между двумя родственницами, и неизмѣнный союзъ двухъ коронъ, онъ въ письмѣ своемъ къ Елизаветѣ обращается къ ней съ слѣдующими словами,

столько же благоразумными, сколько любезными: «Вы обѣ — нѣжныя сестры, обѣ въ цвѣтущемъ возрастѣ, вы очень похожи другъ на друга превосходными качествами; Богъ щедро надѣлилъ васъ всѣми дарами природы и счастья, но полъ вашъ не позволяетъ вамъ увеличивать вашу славу войнами и кровопролитіемъ,—вы можете преуспѣвать въ ней только посредствомъ мирнаго царствованія.» Потомъ онъ упоминаетъ о титулѣ, который приняла его молодая повелительница въ то время, когда обѣ страны были въ войнѣ, и сожалѣетъ, что это поселило между двумя королевами опасное недовѣріе. Чтобъ обратить эту причину раздора въ средство къ сближенію, онъ проситъ, чтобы по совершенномъ признаніи настоящей власти Елизаветы Маріею, этой послѣдней дано было утвержденіе ея будущаго права: «Какое неудобство можетъ быть въ томъ,—говорилъ лордъ Джемсъ, если при неприкосновенности титула вашего величества, какъ для васъ самихъ такъ и для вашихъ потомковъ, будетъ сохранено королевѣ, моей государынѣ, ея мѣсто въ наслѣдованіи англійской короны, мѣсто, которое я считаю (ваше величество мнѣ простите это) ближайшимъ, по законамъ всѣхъ народовъ, такъ-какъ моя государыня происходитъ по прямой линіи отъ короля Генриха VII, вашего дѣда. Обѣ части этого острова соединила бы тогда вѣчная дружба. Престолонаслѣдованіе зависитъ отъ воли Божіей, которую человѣческая предусмотрительность не въ состояніи измѣнить. Но во всякомъ случаѣ подобное согласіе принесло бы намъ великое спокойствіе.»

Такое предложеніе не удивило Елизавету. Летингтонъ въ самую минуту смерти Франциска II говорилъ объ этихъ планахъ Сесилю, который скорѣе до-

пускалъ ихъ, нежели отвергалъ. Итакъ Марія Стюартъ, узнавъ по своемъ возвращеніи, что̀ произошло на этотъ счетъ, отправила Летингтона въ Лондонъ, для продолженія этихъ обольстительныхъ переговоровъ. Въ то же время она поручила ему увѣрить Елизавету въ ея дружбѣ и передать подарки, между которыми былъ алмазъ, обдѣланный въ форму сердца, въ знакъ добраго расположенія Маріи къ англійской королевѣ. Елизавета очень хорошо приняла Летингтона. Но она была мало расположена заранѣе дѣлать распоряженія о своемъ наслѣдствѣ. Ревнивая любовь къ своей власти должна была втеченіи всей жизни Елизаветы мѣшать ей назначить себѣ наслѣдника. Не отвергая желаній шотландской королевы, но и не удовлетворяя ихъ, она съ своей стороны потребовала ратификаціи эдинбургскаго трактата. Марія Стюартъ продолжала отказываться отъ этого по причинамъ весьма основательнымъ. Она говорила, что договоръ этотъ былъ заключенъ собственно съ ея мужемъ, что главныя его условія уже исполнены: французы очистили Шотландію, вновь построенныя крѣпости срыты, а она сама перестала носить гребъ и титулъ королевы Англіи и Ирландіи. Она прибавляла, что совершенно отказаться отъ помянутаго герба и титула она не можетъ, такъ-какъ это значило бы отказаться отъ своихъ будущихъ правъ. Впрочемъ, она предлагала подвергнуть трактатъ пересмотру, для опредѣленія ихъ взаимныхъ обязательствъ и разумнаго удовлетворенія обѣихъ, къ общей пользѣ ихъ государствъ и вѣчному миру ихъ подданныхъ.

Обѣ королевы шли такимъ-образомъ совершенно къ разнымъ цѣлямъ, и при этомъ столкновеніи притязаній было предложено личное свиданіе между ними,

какъ средство разсѣять недовѣріе и положить конецъ несогласіямъ. Когда Летингтонъ возвратился, 6-го іюля 1562 года, въ Эдинбургъ, съ ласковымъ письмомъ отъ Елизаветы, которая посылала свой портретъ Маріи Стюартъ, выражала ей намѣреніе поддержать дружескій союзъ двухъ королевствъ и предлагала ей пріятную перспективу скорой встрѣчи, Марія пришла въ совершенный восторгъ. Съ тою свойственною пылкостью надежды, отъ которой даже ни время, ни несчастія ее не исправили, она повѣрила и свиданію, и его счастливымъ послѣдствіямъ. «Я увѣрена,—сказала она посланнику Елизаветы,—что когда мы будемъ бесѣдовать вмѣстѣ, наши сердца будутъ такъ довольны, что самую бо̀льшую непріятность изъ тѣхъ, которыя произойдутъ между нами, мы почувствуемъ въ минуту нашей разлуки. Богъ свидѣтель, что въ глубинѣ моего сердца я ее люблю и уважаю, какъ мою дорогую и родную сестру.» Въ радостномъ изліяніи своихъ чувствъ она говорила объ Елизаветѣ съ смѣсью нѣжности и лести, которая могла нравиться тщеславію этой королевы, не будучи въ состояніи измѣнить ея политику.

Свиданіе, назначенное въ Іоркѣ, около осени 1562 года не состоялось. Междоусобныя войны на континентѣ, въ которыхъ Елизавета приняла участіе, помогая французскимъ гугенотамъ, какъ недавно помогала она шотландскимъ реформаторамъ, дали ей поводъ отложить его до лѣта 1563 года. Она послала къ Маріи Стюартъ сэра Генриха Сиднея, поручивъ ему выразить ея сожалѣніе о томъ, что она не можетъ видѣть ея, и предоставляетъ ей самой назначить время свиданія между 20 мая и 31 августа слѣдующаго года. Марія Стюартъ была опечалена и раздосадова-

на этой отсрочкой, которая должна была часто повторяться. Тѣмъ не менѣе она осталась вѣрна принятой ею политикѣ. Несмотря на то, что принцы лотарингскіе, ея дяди, требовали ея разрыва съ Елизаветой, которая посылала вспомогательныя войска принцу Кондѐ, адмиралу Колиньи и протестантскому дворянству, она осталась нейтральною. Поставленная между своими привязанностями и интересами, между своею религіей и своимъ честолюбіемъ, она ограничивалась тѣмъ, что совѣтовала заключить миръ. Зимою 1563 года она послала въ Англію Летингтона, поручивъ ему постараться о сближеніи Елизаветы съ Гизами и защищать права ея, Маріи, на наслѣдованіе англійской короны, если парламентъ будетъ заниматься этимъ дѣломъ. Летингтонъ долженъ былъ поддерживать тамъ права ея, какъ ближайшей наслѣдницы и просить Елизавету не назначать другаго наслѣдника, когда интересы ея государства и желаніе ея подданныхъ заставятъ ее сдѣлать распоряженіе на этотъ счетъ.

Преслѣдуя эти важные планы, Марія Стюартъ отдавалась въ то же время увлеченіямъ своихъ лѣтъ и своего характера при шотландскомъ дворѣ, который она оживляла своею живостью, вкусомъ, прелестями и граціей. Она перенесла туда обычаи и удовольствія французскаго двора. Окруженная привлекательными молодыми женщинами изъ нѣкоторыхъ лучшихъ фамилій государства, она занималась тò музыкою, тò танцами, тò соколиной охотой, или сочиняла стихи съ тѣми, кто, также, какъ и она, любилъ поэзію. Пылкость, съ которою она предавалась этимъ удовольствіямъ, нечестивымъ въ глазахъ пресвитеріанскихъ пасторовъ, подвергала ее строгому осужденію

съ ихъ стороны. Сколько разъ Ноксъ съ своей каѳедры возставалъ противъ пировъ и праздниковъ этого веселаго двора, который такъ скоро долженъ былъ сдѣлаться такимъ мрачнымъ и печальнымъ!

Къ-несчастію для очаровательной, легкомысленной Маріи, слишкомъ большая короткость въ ея обращеніи дѣлала ее предметомъ нескромныхъ покушеній: слишкомъ большая свобода женщины заставляла забывать почтеніе, приличное королевѣ. Капитанъ Генбернъ позволилъ себѣ съ нею самую дерзскую неделикатность и только бѣгствомъ избѣжалъ наказанія. Этотъ примѣръ не удержалъ однакожь несчастнаго Шателара, дворянина изъ Дофинѐ, внучатнаго племянника Баяра, по материнской линіи; онъ обладалъ большимъ остроуміемъ, хорошо пѣлъ и недурно писалъ стихи. Онъ прибылъ въ Шотландію съ Дамвилемъ, вторымъ сыномъ конетабля, влюбленнымъ въ Марію Стюартъ и сопровождавшимъ ее въ отечество. Онъ писалъ къ ней стихи, на которые Марія Стюартъ отвѣчала также стихами, что̀ и возбудило въ немъ безразсудную страсть. Возвратясь во Францію, онъ не хотѣлъ, во время первой междоусобной войны, идти съ Дамвилемъ противъ гугенотовъ, своихъ единовѣрцевъ, ни сражаться съ гугенотами противъ Дамвиля, своего патрона, и воспользовался этимъ случаемъ чтобъ возвратиться въ Шотландію. Марія Стюартъ приняла его очень ласково и пылкая страсть Шателара дошла до послѣдней степени. Если вѣрить словамъ Нокса, она ободряла Шателара своимъ обращеніемъ, неприличнымъ порядочной женщинѣ. Впродолженіи всей зимы 1563 года онъ былъ допускаемъ къ ней въ кабинетъ съ бо́льшею свободой, нежели кто-ни-

будь изъ дворянъ. Королева иногда опирались на плечо Шателара, и эта опасная фамильярность воспламенила его до такой степени, что онъ рѣшился на все, для удовлетворенія своей страсти. Однажды вечеромъ онъ спрятался подъ кровать королевы. Его тамъ открыли и Марія ограничилась тѣмъ, что запретила ему показываться при дворѣ. Вмѣсто того, чтобы повиноваться, онъ тайно послѣдовалъ за королевою въ замокъ Файфъ, и черезъ два дня снова спрятался въ ея комнатѣ. Марія Стюартъ замѣтила его въ ту самую минуту, какъ хотѣла лечь спать. Она начала кричать и звать на помощь. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди и, въ порывѣ негодованія, она приказала Мюррэю, который вошелъ первымъ, убить Шателара. Мюррэй успокоилъ ее и приказалъ схватить несчастнаго дворянина, который черезъ два дня былъ приговоренъ къ смертной казни. Идя къ эшафоту, онъ читалъ «посланіе къ смерти» своего друга Ронсара, въ которомъ находились стихи, совершенно подходившіе къ его положенію и состоянію его чувствъ:

Le desir n'est rien que martire,
Content ne vit le desireux,
Et l'homme mort est bien heureux,
Heureux qui plus rien ne desire *.

Прибывъ на мѣсто казни, онъ поднялъ глаза къ небу и сказалъ: «О, жестокая женщина!»

Это приключеніе сопровождалось оглаской; оно заставило еще больше желать, чтобы королева устранила новымъ бракомъ опасности, которымъ подвергали ее красота и вдовство. Кромѣ-того, къ этому ее

* Желаніе—есть мученіе; желающій не бываетъ доволенъ, но мертвый—счастливъ. Счастливъ кто ничего не желаетъ болѣе.

побуждали: необходимость имѣть наслѣдника для шотландскаго трона, молодость, желаніе подданныхъ и предложенія, уже давно дѣлаемыя многими принцами Европы. Второе супружество Маріи, переговоры о которомъ продолжались четыре года, вызвало вмѣшательство самыхъ значительныхъ государей Европы, Филиппа II, Катерины Медичи, императора Фердинанда, Елизаветы, королей шведскаго и датскаго: изъ нихъ одни старались о томъ, чтобы заключить этотъ брачный союзъ, другіе — чтобы ему воспрепятствовать. Такъ-какъ онъ имѣлъ необыкновенную важность, по множеству разнообразныхъ интерессовъ, которые привелъ въ столкновеніе, по тѣмъ цѣлямъ, которыя разоблачилъ и по своимъ ужаснымъ послѣдствіямъ, то мы разскажемъ въ подробности, при помощи новыхъ документовъ, его любопытные фазисы и печальный конецъ.

Не прошло еще и мѣсяца со дня смерти Франциска II-го, какъ явилось множество претендентовъ на руку его вдовы. Марія Стюартъ отказала королямъ шведскому и датскому, и ея выборъ, повидимому, падалъ на донъ-Карлоса, сына Филиппа II-го. Дяди ея, кардиналъ лотарингскій, сообщилъ о возможности этого супружества Шантоне, посланнику испанскаго короля при французскомъ дворѣ. Этотъ планъ возбудилъ недовѣріе, и встрѣтилъ сопротивленіе со стороны Елизаветы и Катерины Медичи, которыхъ интересамъ онъ одинаково противорѣчилъ. Какъ для той, такъ и для другой, былъ слишкомъ опасенъ бракъ наслѣдника Испаніи, Нидерландовъ, Милана, королевства Обѣихъ Сицилій, Франшъ-Конте́ съ королевою шотландской, простиравшей свои виды на корону Англіи. Катерина Медичи, имѣвшая болѣе возможности мѣшать

этому браку, нежели Елизавета, поручила епископу лиможскому, своему посланнику въ Мадридѣ и дочери своей, вышедшей, послѣ катокамбрезійскаго мира, замужъ за Филиппа II-го, препятствовать выполненію плана, употребивъ все свое вліяніе. «Чтобы остановить это,—писала она,—я сдѣлаю тайно всѣ зависящія отъ меня распоряженія.» Она склонила даже на свою сторону герцога Гиза и кардинала лотарингскаго, убѣдивъ ихъ доводами, основанными на глубокихъ политическихъ соображеніяхъ. Она сказала имъ, что если ихъ племянница, имѣющая право на англійскій престолъ, выйдетъ замужъ за испанскаго принца, то можетъ случиться, что Шотландія и Англія прибавятся къ владѣніямъ католическаго короля и еще увеличатъ его могущество; она заклинала ихъ съ самою жаркою настойчивостью—никогда не содѣйствовать браку, который можетъ поставить французское королевство въ величайшую опасность, въ какой оно когда-либо находилось. Кардиналъ и герцогъ ей это обѣщали. Они дали ей слово, что будутъ дѣйствовать согласно ея совѣтамъ, такъ-какъ они предпочитаютъ благосостояніе Франціи выгодамъ своей племянницы. Къ чести ихъ надобно сказать, что они сдержали это обѣщаніе. Въ то время, когда Марія Стюартъ оставляла Францію, она совѣтовалась съ герцогомъ Гизомъ на счетъ своего супружества. Герцогъ отвѣчалъ, что не хочетъ ей ничего совѣтовать, потому-что онъ не въ состояніи дать ей совѣтъ наиболѣе для нея полезный и предлагалъ ей самой сдѣлать выборъ. Но этому выбору, который по прежнему обращался на испанскаго принца, помѣшалъ кардиналъ лотарингскій, который встрѣтившись съ императоромъ Фердинандомъ

въ Инспрукѣ, вступилъ съ нимъ, безъ вѣдома своей племянницы, въ переговоры о бракѣ ея съ эрцъ-герцогомъ Карломъ, вторымъ сыномъ императора. Новый проэктъ не могъ не разстроить прежняго. Онъ долженъ былъ внушить Филиппу II-му опасеніе, какъ бы желая женить своего сына на королевѣ шотландской въ ущербъ своему кузену, эрцъ-герцогу, не возбудить неудовольствія въ своемъ дядѣ, императорѣ. Это дѣйствительно и случилось. Какъ-только Филиппъ II-й узналъ объ этихъ новыхъ переговорахъ, онъ немедленно прекратилъ свои.

Маріи Стюартъ это было очень непріятно. Эрцъ-герцогъ не имѣлъ ни власти, ни арміи, ни денегъ; онъ не понравился бы шотландцамъ—какъ иностранецъ, раздражилъ бы протестантскую Церковь какъ католикъ. Такимъ-образомъ Марія была расположена отказать ему, потому-что онъ бы ее поставилъ въ невыгодное положеніе, не принося ей никокаго средства защищаться противъ неудовольствія своихъ подданныхъ и противъ ихъ безпокойнаго духа. Она не приняла также предложеній графа Арана, за котораго желала выдать ее королева англійская, и герцога нёмурскаго и ферарскаго, которые были для нея слишкомъ ничтожными и слабыми государями. Рѣшительнымъ поступкомъ Марія, вопреки своему дядѣ, кардиналу лотарингскому, возобновила переговоры о супружествѣ съ донъ - Карлосомъ. Она поручила своему секретарю Летингтону, въ одну изъ его многочисленныхъ поѣздокъ въ Лондонъ, передать посланнику Филиппа II-го при Елизаветѣ, что она рѣшилась не выходить замужъ за протестанта, и не возьметъ католика, предлагаемаго королевою англійскою; что

ни ея положеніе, ни интересы не позволяютъ ей принять руку эрцъ-герцога, и что если она вступитъ въ бракъ съ испанскимъ принцемъ, который одинъ ей по душѣ, то, согласно данному отъ нея приказанію, онъ, Летингтонъ, отправится во Францію и предложитъ ея руку Карлу IX, несмотря на разность лѣтъ и на родство Маріи съ этимъ государемъ. Это послѣднее опасеніе должно было взять верхъ надъ всѣми другими соображеніями Филиппа II-го.

Какъ-только этотъ подозрительный и колеблющійся государь узналъ о разговорѣ Летингтона съ епископомъ Куадрою, онъ немедленно написалъ къ послѣднему, что бракъ между королевою шотландскою и его сыномъ «можетъ послужить средствомъ къ поправленію религіозныхъ дѣлъ въ англійскомъ королевствѣ, и потому онъ рѣшился осуществить его на самомъ дѣлѣ». Онъ просилъ освѣдомиться о всѣхъ сношеніяхъ, которыя королева шотландская имѣла въ Англіи, и вести переговоры о бракѣ въ величайшей тайнѣ, такъ-какъ дѣло это должно быть окончено прежде чѣмъ о немъ узнаютъ, изъ опасенія вызвать двойное сопротивленіе—французскаго двора и англійской королевы. Онъ прибавлялъ, что это будетъ также средствомъ какъ можно менѣе оскорблять императора, который не зналъ настоящихъ намѣреній королевы шотландской и полагался въ настоящемъ случаѣ на предложенія кардинала лотарингскаго. «Если-бы я считалъ бракъ съ эрцъ-герцогомъ вѣроятнымъ, и ожидалъ бы отъ него тѣхъ же самыхъ результатовъ, какъ и отъ брака ея съ моимъ собственнымъ сыномъ, то согласился бы на него съ величайшимъ удовольствіемъ, изъ любви, которую я питаю къ императору,

моему дядѣ, и къ его дѣтямъ. Къ переговорамъ въ пользу моего сына, побуждаетъ меня ваше увѣреніе, основанное на томъ, что̀ вы слышали изъ устъ посланника королевы шотландской о нерасположеніи ея къ какому-нибудь другому браку, и о малой пользѣ, которая могла бы отъ него произойти; притомъ же я опасаюсь, чтобы она не вышла за короля французскаго. Я хорошо помню тѣ заботы и безпокойства, которыя я испытывалъ въ то время, когда она была замужемъ за королемъ Францискомъ. Если бы этотъ король былъ еще живъ, то безъ всякаго сомнѣнія мы вступили бы съ нимъ въ войну, потому-что я былъ бы обязанъ защищать королеву Англіи противъ нашествія на ея владѣнія, которое было рѣшено».

Исполняя это повелѣніе, Куадра отправилъ Люиса де-Паца къ шотландской королевѣ для переговоровъ о супружествѣ ея съ донъ-Карлосомъ. Пацъ былъ отправленъ Куадрою тайнымъ образомъ черезъ Ирландію. Онъ вошелъ по этому предмету въ сношенія съ Летингтономъ и Мюррэемъ, и по окончаніи ихъ вернулся въ Лондонъ, а Марія Стюартъ предписала своему секретарю въ Брюсселѣ, Роле, вести чрезъ посредство своей тетки, герцогини Аршотъ, и кардинала Гранвеллы, прямые переговоры о заключеніи предполагаемаго супружества. Въ то же время Діэго Перецъ, секретарь испанскаго посольства въ Англіи, по этому же предмету отправился въ Аррагонію, гдѣ находился тогда Филиппъ II-й.

Эти переговоры, при всей ихъ таинственности, не могли однако не дойти до слуха протестантскихъ пасторовъ. Послѣдніе рѣшительно возстали противъ мысли о супружествѣ своей королевы съ католическимъ

принцемъ, и Ноксъ, по своему обыкновенію, публично протестовалъ. Обращаясь къ реформатскому дворянству и, извѣщая его о предстоящей опасности, онъ говорилъ: «До меня доходятъ слухи о супружествѣ королевы. Герцоги, братья императора, короли, всѣ ищутъ ея руки. Замѣтьте день, милорды, въ который я предупреждаю васъ объ этомъ, чтобы впослѣдствіи вы были моими свидѣтелями. Если шотландское дворянство, служащее Господу Іисусу-Христу, попуститъ кого-нибудь изъ невѣрныхъ сдѣлаться супругомъ и господиномъ нашей государыни, то оно этимъ самымъ будетъ споспѣшествовать изгнанію истинной вѣры изъ своего отчества и призоветъ на него кару Божію.»

Королева пришла въ негодованіе отъ этихъ словъ и несмотря на безполезность своего предшествовавшаго свиданія съ Ноксомъ, снова потребовала его къ себѣ. Она упрекала его въ неблагодарности и дерзости, говоря, что сдѣлала все, чтобы смягчить и удовлетворить его; но ничего не могла добиться по его упрямству; она разразилась противъ него упреками за то, что онъ осмѣлился разсуждать о ея бракѣ, который до него не касается вовсе, и угрожала ему своимъ мщеніемъ. Ноксъ отвѣчалъ ей, что всходя на каѳедру, онъ не владѣетъ болѣе собою, и повинуется совершенно тому, кто повелѣлъ ему нельстить плоти; что его назначеніе состоитъ не въ томъ, чтобы посѣщать дворцы королей или покои дамъ, а въ проповѣданіи Евангелія.—«И я это признаю,—отвѣчала королева,—но зачѣмъ вы вмѣшиваетесь въ мое замужство? Что вы такое въ государствѣ?—«Я родился подданнымъ этого государства,—отвѣчалъ Ноксъ, не смущаясь,—и несмотря на то, что я ни баронъ, ни лордъ, ни графъ, все-таки

Господь Богъ сдѣлалъ меня, недостойнаго, полезнымъ членомъ этого государства. Въ этомъ качествѣ я обязанъ, точно такъ же, какъ и всякій членъ дворянства, указывать народу на угрожающія ему опасности, и по этой причинѣ, то что̀ я говорилъ публично и повторю передъ вами: если дворянство этой страны будетъ согласно на соединеніе ваше съ невѣрнымъ мужемъ, тогда оно отвержется Христа и отгонитъ вѣру и измѣнитъ свободѣ королевства.» Раздраженная королева приказала ему выйти. Проходя переднія комнаты, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ придворныхъ дамъ, разряженныхъ и весело разговаривавшихъ между собою, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью полною горькой ироніи:—«О, прекрасныя дамы,—сказалъ онъ имъ,—какъ пріятна была бы наша жизнь, если бы она могла всегда продолжаться, и если бы можно было и на небо пойти въ этихъ прекрасныхъ нарядахъ! Но, какая скверная вещь эта смерть, отъ которой вы ничѣмъ не избавитесь! И когда она придетъ, отвратительные черви примутся за ваше тѣло, даже если оно не будетъ такъ нѣжно; а бѣдная душа, боюсь я, будетъ такъ слаба, что не сможетъ унести съ собою это золото, уборы, жемчутъ и камни!»

Ноксъ былъ такъ же безпощаденъ и къ Мюррэю, который слишкомъ благопріятствовалъ намѣреніямъ своей сестры. Онъ обвинялъ его въ томъ, что онъ забываетъ Бога, желая удержать свою власть и высокое положеніе. Но онъ ему объявилъ, что его честолюбивая снисходительность не предохранитъ его отъ близкаго паденія. Мюррэй, оскорбленный, удалился отъ него. Ихъ старая дружба охладѣла и впродолженіи полутора года они едва обмѣнива-

лись только нѣсколькими словами. Летингтонъ, возвратясь изъ Англіи, также жаловался на вспышки и недовѣріе реформатора, который подвергалъ свою государыню подозрѣніямъ и враждѣ, распуская слухъ, что она выходитъ замужъ за испанскаго принца. Упрямый Ноксъ не переставалъ бить тревогу; онъ написалъ къ Сесилю, съ которымъ былъ въ постоянной перепискѣ, что все потеряно, и что изъ двѣнадцати членовъ совѣта королевы, девять на ея сторонѣ и втайнѣ раздѣляютъ ея намѣренія.

Но проэктъ, которымъ Марія дорожила больше всего, не осуществился. Ея бракъ съ донъ-Карлосомъ, который встрѣтилъ самое живое сопротивленіе въ Шотландіи и препятствія различнаго рода, но одинаковой силы въ Англіи, во Франціи и въ Австріи, не состоялся вслѣдствіе обыкновенной медлительности испанскаго двора, который всѣмъ этимъ интересамъ далъ время дѣйствовать и одержать верхъ. Императоръ Фердинандъ просилъ Филиппа II-го, какъ добраго родственника, ходатайствовать за эрцъ-герцога передъ королевою шотландскою; и отъ 6-го августа 1564 года, писалъ къ Діэго Гусману де-Сильва; занявшему, послѣ Куадры, должность посланника въ Лондонѣ. «Все это заставляетъ меня оставить предположеніе на счетъ принца. Я не хочу ни дѣлать непріятности императору, ни мѣшать браку эрцъ-герцога, на котораго смотрю какъ на роднаго сына. Я такъ же бы точно былъ доволенъ, если бы королева шотландская вышла замужъ за него, какъ и за принца донъ-Карлоса, и употреблю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы привести это дѣло къ счастливому концу». Онъ поручилъ Сильвѣ объявить о

своемъ отказѣ и употребить всѣ возможныя старанія въ пользу эрцъ-герцога. Независимо отъ своей природной нерѣшительности, Филиппъ II-й былъ остановленъ самыми наклонностями донъ-Карлоса. Этотъ молодой человѣкъ, съ безпорядочнымъ умомъ, съ буйными наклонностями, способный на самыя рѣзкія крайности въ своихъ поступкахъ, получилъ сотрясеніе въ мозгу, вслѣдствіе паденія, которое подвергло опасности его жизнь. Въ тотъ же самый день, въ который Филиппъ II-й передавалъ свои рѣшительныя намѣренія Сильвѣ, онъ писалъ къ кардиналу Гранвеллѣ, слѣдующія замѣчательныя слова о наслѣдникѣ своихъ коронъ, который спустя четыре года такъ несчастно погибъ. «Принимая въ соображеніе характеръ моего сына и нѣкоторые его поступки, я думаю, что онъ не съумѣетъ извлечь изъ этого супружества тѣхъ плодовъ, которыхъ я надѣялся; то есть возвращенія королевствъ шотландскаго и англійскаго къ католической религіи, ради которой только я готовъ былъ подвергнуться всему, что̀ могло бы произойти».

Принужденная отказаться отъ донъ-Карлоса и не желая выйти замужъ за эрцъ-герцога, который, говорила она, «былъ самою выгодною партіей для того, чтобы подвинуть ея дѣла въ Англіи и Шотландіи», Марія Стюартъ перестала думать выйти замужъ за какого-нибудь изъ государей континента. Всѣ они были одинаково исключены изъ ея выбора, одни—по причинѣ ихъ религіи, другіе— вслѣдствіе ихъ отказа; одни— какъ слишкомъ слабые, другіе—какъ слишкомъ могущественные, и всѣ—потому-что не нравились ея подданнымъ и встрѣчали сопротивленіе королевы

англійской Что могла она предпринять въ такомъ положеній. «Я рѣшилась, говорила она, выйти за кого-нибудь изъ жителей этого острова, о чемъ и католики и протестанты меня настоятельно просили, грозя недопустить, чтобы я поступила иначе.

Около этого-то времени Елизавета, боясь, чтобы она не вышла за иностраннаго принца, поручила своему посланнику Рандольфу сдѣлать ей самое странное предложеніе. Она предложила ей въ мужья своего фаворита Роберта Дэдли. Рандольфъ сначала не рѣшался исполнить это порученіе. Несмотря на то что Робертъ Дэдли былъ сынъ герцога Нортомберлэндскаго, который, во времена Эдуарда VI, послѣ паденія герцога Сомерсета, управлялъ Англіею съ величайшимъ полновластіемъ, онъ стоялъ слишкомъ далеко отъ трона, чтобы серьёзно искать руки королевы; и казалось невозможнымъ, чтобы Елизавета имѣла дѣйствительное намѣреніе сдѣлать своего любовника мужемъ своей кузины. Однакоже, вслѣдствіе вторичнаго приказанія своей государыни, Рандольфъ сдѣлалъ формальное предложеніе Маріи Стюартъ. Она нашла его оскорбительнымъ и съ гордостью сказала ему: «Неужели вы думаете, г-нъ Рандольфъ, что для меня будетъ очень почетно до такой степени унизить свой санъ? Развѣ королева, ваша государыня, поступаетъ сообразно своему обѣщанію обращаться со мною, такъ какъ съ сестрою или дочерью, совѣтуя мнѣ выйти замужъ за милорда Роберта, вступить въ союзъ съ ея подданнымъ?» Рандольфъ намекнулъ, что лордъ Робертъ Дэдли можетъ сдѣлаться достойнымъ этого высокаго союза, получивъ отъ Елизаветы большія почести. Онъ старался также со-

блазнить Марію, давъ ей понять, что цѣною этого брака будетъ наслѣдованіе англійскаго престола; но Марія отвѣчала, что даже эта перспектива не можетъ заставить ее рѣшиться, тѣмъ болѣе, что Елизавета можетъ сама выйти замужъ и имѣть дѣтей. «А въ такомъ случаѣ, сказала она, что̀ меня обезпечитъ, и что̀ я могу выиграть?» Она согласилась впрочемъ поговорить объ этомъ съ Мюррэемъ, Летингтономъ и графомъ Арджилемъ. Всѣ эти лица были не прочь отъ такого союза, если бы его результатомъ было признаніе правъ Маріи на наслѣдованіе англійскаго трона. Они обѣщали употребить все свое вліяніе, чтобы склонить королеву къ этому союзу въ томъ случаѣ, если Елизавета объявитъ ее своею наслѣдницею и парламентскимъ актомъ утвердитъ корону Англіи за дѣтьми, рожденными отъ этого брака.

Но вскорѣ появился другой претендентъ, вполовину англичанинъ вполовину шотландецъ, находившійся въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, чѣмъ лордъ Робертъ. Графъ Леноксъ изъ дома Стюартовъ, изгнанный изъ Шотландіи за то, что принялъ сторону Генриха VIII, бѣжалъ въ Англію, гдѣ Генрихъ выдалъ за него свою племянницу Маргариту Дугласъ, дочь графа Ангуса и Маргариты Тюдоръ, вдовы Іакова IV. Отъ этого брака родился лордъ Генрихъ Дарнлей, который, слѣдовательно, принадлежалъ къ двумъ фамиліямъ, занимавшимъ троны Англіи и Шотландіи, и имѣлъ въ это время девятнадцать лѣтъ. Его мать не переставала поддерживать дружескія и родственныя отношенія съ Маріею Стюартъ съ самаго ея прибытія въ Шотландію; въ это время она тайно предложила ей выйти за него замужъ.

Чтобы лучше убѣдить ее, она ей напоминала, что онъ носитъ, какъ она, «прозваніе Стюарта, столь пріятное для шотландцевъ»; что онъ съ ней одной религіи и что послѣ нея онъ ближайшій наслѣдникъ престола. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ своихъ Марія не отвергла этого предложенія, и позволила графу Леннoксу возвратиться въ Шотландію и вступить въ обладаніе тѣмъ имуществомъ и почестями, которыхъ онъ былъ лишенъ за свое преступленіе. Но на это необходимо было согласіе Елизаветы. Сесиль спросилъ Мюррэя и Летингтона, не будетъ ли возвращеніе Леннокса имѣть важныхъ невыгодъ для протестантства и ихъ партіи. Мюррэй отвѣчалъ ему на это, отъ 13 іюля 1564 года: «Наше положеніе, благодаря Богу, не такъ слабо, чтобы мы могли опасаться, даже въ такомъ случаѣ, еслибъ первый подданный въ этомъ королевствѣ вздумалъ присоединиться къ мятежникамъ; потому-что мы пользуемся милостью нашей государыни и свободой совѣсти на столько, на сколько можемъ желать; возвратится ли онъ или невозратится, дѣло религіи ничего отъ этого не потерпитъ». Елизавета, послѣ нѣкоторыхъ увертокъ, позволила наконецъ Леннoксу возвратиться въ Шотландію, и даже собственноручнымъ письмомъ рекомендовала его Маріи Стюартъ. Она угадывала скрытную цѣль этого путешествія, и въ настоящую минуту не была, можетъ-быть недовольна, что сынъ графа Леннокса искалъ руки королевы, ея кузины. Двухъ такихъ претендентовъ, какъ лордъ Робертъ и лордъ Дарнлей, едва было достаточно въ ея глазахъ, чтобы отдалить континентальныхъ искателей, которыхъ она еще боялась; ихъ же

обоихъ она надѣялась легко отстранить потомъ. Такимъ-образомъ она надѣялась помѣшать всѣмъ бракамъ по очереди ловкими интригами и своевременнымъ сопротивленіемъ; и насильно удержать Марію Стюартъ въ положеніи, въ которомъ она сама находилась по собственной волѣ.

23-го сентября 1564 года графъ Леннокcъ возвратился въ Шотландію. Марія Стюартъ приняла его чрезвычайно милостиво и скоро возвратила его прежнее положеніе, къ большому неудовольствію фамиліи Гамильтоновъ, старыхъ его враговъ. Она говорила съ нимъ о брачныхъ предположеніяхъ, которыя были главною причиною его возвращенія въ отечество. Но Марія Стюартъ желала предварительно узнать мнѣніе Елизаветы относительно своего супружества и своихъ правъ на англійскую корону. Она дала это щекотливое порученіе Джемсу Мельвилю, который былъ отправленъ ею въ Лондонъ, а также долженъ былъ тайно переговорить съ лэди Леннокcъ о скорѣйшемъ прибытіи Дарнлея въ Шотландію. Джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова, тонкій дипломатъ, Джемсъ Мельвиль всю свою юность провелъ на континентѣ, котораго интересы ему были хорошо извѣстны, и говорилъ на всѣхъ, болѣе употребительныхъ, языкахъ; онъ жилъ при дворѣ французскомъ, посѣщалъ германскіе дворы; девять лѣтъ принадлежалъ къ блистательной свитѣ конетабля Монморанси, три года пользовался довѣренностью электора-палатина, и былъ очень цѣнимъ Елизаветою, у которой не могъ не успѣть.

Эта государыня, такая же тщеславная женщина, какъ искусная королева, дѣйствительно оказывала

ему необыкновенное вниманіе. Она изъявила желаніе, чтобы Мельвиль постоянно обѣдалъ у мадамъ Стаффордъ, ея главной наперсницы, чтобы имѣть возможность чаще видѣться и бесѣдовать съ нимъ. Она играла и танцовала въ его присутствіи, одѣвалась то по-англійски, то по-итальянски, то по-французски, нѣсколько разъ въ день перемѣняла костюмъ, чтобы привлечь его взглядъ, получить его одобреніе, и даже разъ, показывая свои великолѣпные золотисто-бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, спросила, у кого лучше цвѣтъ волосъ, у нея или у шотландской королевы. Мельвиль, какъ ловкій придворный, отвѣчалъ что никого нѣтъ въ Англіи, кто бы могъ сравниться съ нею, и никого нѣтъ въ Шотландіи, кто бы могъ сравниться съ Маріею Стюартъ. Но Елизавета не удовольствовалась этою уклончивою лестью и заставила Мельвиля сказать себѣ, что цвѣтъ лица ея бѣлѣе, что она лучше играетъ на клавесинѣ и танцуетъ съ бо́льшимъ достоинствомъ.

Въ восторгѣ отъ этого маленькаго превосходства, она изъявила большое желаніе видѣть Марію Стюартъ, представляла, что чувствуетъ къ ней большую нѣжность, и съ жаромъ поцѣловала ея портретъ, который вынула въ присутствіи Мельвиля изъ ящика, гдѣ хранились и многіе другіе. Эти изъявленія наружнаго расположенія всегда были у нея средствомъ прикрыть или преувеличить ея чувства и служить ея политическимъ планамъ. Хитрая королева не забыла того, что́ занимало ее въ Шотландіи. Она спросила Мельвиля, поручила ли ему Марія отвѣчать на предложеніе, сдѣланное ей Рандольфомъ насчетъ Роберта Дэдли. Когда Мельвиль сказалъ, что его го-

сударыня вовсе не имѣетъ желанія вступить въ этотъ бракъ, то Елизавета казалась очень недовольною. «Лордъ Робертъ,—прибавила она,—мой лучшій другъ; я его люблю, какъ брата, и еслибы когда-нибудь рѣшилась выйти замужъ, то вышла бы непремѣнно за него. Не будучи въ состояніи поступить противъ своихъ убѣжденій, я желала бы по-крайней-мѣрѣ, чтобы выборъ моей сестры палъ на него, потому-что нѣтъ никого другаго, котораго я болѣе пламенно желаю видѣть раздѣляющимъ съ нею мое наслѣдство. Это было бы самымъ лучшимъ средствомъ уничтожить всѣ мои опасенія. Я хорошо знаю вѣрность и усердіе лорда Дэдли, онъ никогда не потерпѣлъ бы ничего, могущаго уменьшить наше доброе согласіе. Пусть моя сестра не пренебрегаетъ имъ: черезъ нѣсколько дней я сдѣлаю его графомъ лейстерскимъ и барономъ Денбай».

Дѣйствительно, Елизавета возвела лорда Роберта въ эти достоинства съ большою торжественностью въ самомъ Уэстминстерѣ. Она своими руками надѣла графскую корону на голову своего фаворита, и когда окончилась церемонія, обратилась къ Мельвилю и спросила, что онъ думаетъ о лордѣ Робертѣ. Мельвиль отвѣчалъ, что считаетъ его счастливымъ, ибо онъ имѣетъ государыню, которая умѣетъ такъ вознаграждать заслуги. «Я знаю,—сказала она, указывая на Дарнлея, который несъ передъ нею государственный мечъ, по званію перваго принца крови, и намекая на предполагаемое предпочтеніе къ нему Маріи-Стюартъ,— я знаю, что этотъ *молодой шестъ* вамъ больше нравится». Чтобы лучше прикрыть намѣренія своей государыни, Мельвиль отвѣчалъ въ томъ

же шуточномъ тонѣ: «Умная женщина не выберетъ такого мужа, хорошенькаго, тоненькаго, безбородаго и больше похожаго на женщину, чѣмъ на мужчину».

Елизавета часто возвращалась къ этому предмету и старалась увѣрить Мельвиля, что если ея сестра, королева шотландская, выйдетъ замужъ по ея совѣту, то дѣло о ея наслѣдствѣ будетъ скоро рѣшено. Она говорила, что самые искусные юристы въ королевствѣ, между-тѣмъ, по ея приказанію разсмотрятъ этотъ важный вопросъ. Она снова объявила ему, что желаетъ остаться *королевою дѣвственницею*, «если только,—прибавила она,—ваша государыня, измѣнивъ своимъ обязанностямъ, не заставитъ меня выйти замужъ». Мельвиль отвѣчалъ на это, что ея рѣшеніе не выходить замужъ согласуется съ возвышенностью ея чувствъ и что ея сердце слишкомъ велико для того, чтобы она рѣшилась раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свою самодержавную власть или рискнула выбрать себѣ господина. Отпуская его она сказала ему слѣдующія слова, скорѣе любезныя, чѣмъ искреннія: «Увѣрьте вашу королеву, что я нѣжно люблю ее; что я желаю жить съ нею въ дружбѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь и что я совершенно удалила изъ своего сердца всякую ревность и подозрѣніе».

Послѣ возвышенія Лейстера, Елизавета, казалось, еще съ бо̀льшимъ жаромъ принялась за осуществленіе мысли женить его на королевѣ шотландской. По этому предмету Рандольфъ получилъ инструкціи еще болѣе положительныя. Самъ Лейстеръ писалъ Маріи письма, полныя покорности и лести. Наконецъ Летингтонъ и Мюррей, на совѣщаніи, которое они имѣ-

ли въ Бервикѣ съ графомъ Бедфордомъ, снова обѣщали содѣйствовать осуществленію этого брака, если наслѣдованіе англійскаго престола будетъ утверждено за Маріею Стюартъ парламентскимъ актомъ. Сама Марія, несмотря на нежеланіе, такъ гордо и ясно ею высказанное, казалось, готова была согласиться на этихъ условіяхъ. Въ началѣ 1565 года она удалилась въ Сентъ-Андре, чтобы воспользоваться бо́льшею свободою вдали отъ дѣлъ и двора; ее туда сопровождалъ Рандольфъ, котораго она принимала съ большою короткостію. Она жила тамъ безъ всякой пышности и почти безъ свиты, въ домѣ одного купца, и здѣсь-то вела самыя задушевныя бесѣды съ посланникомъ Елизаветы, то за столомъ, гдѣ Рандольфъ сидѣлъ подлѣ нея, то во время прогулокъ верхомъ, въ которыхъ онъ сопровождалъ ее. Она говорила ему, что непремѣнно должна выйти замужъ, чтобы избѣжать множества непріятностей, и готова слѣдовать совѣтамъ Елизаветы.— «Если она хочетъ,— прибавляла она,—обращаться со мною какъ съ своею сестрою или съ дочерью, то я готова повиноваться ей и почитать какъ старшую сестру или мать. Но если она хочетъ видѣть во мнѣ только свою сосѣдку, королеву шотландскую, то при всемъ моемъ желаніи жизнь съ нею въ дружбѣ и поддерживать миръ, она не должна разсчитывать на уступки, на которыя я въ первомъ случаѣ охотно бы согласилась». Въ концѣ этой бесѣды, гдѣ заходилъ разговоръ и о Лейстерѣ, она, казалось, поставила свое рѣшеніе въ зависимости отъ признанія ея законной наслѣдницей англійскаго трона. Въ-самомъ-дѣлѣ когда Рандольфъ спросилъ ее, что́ она думаетъ о Лей-

стерѣ, «я думаю, отвѣчала она, что онъ долженъ быть настоящій дворянинъ, какъ говорятъ про него многіе, и таковъ, что королева, моя сестра, которая считала бы его достойнымъ сдѣлаться ея мужемъ, еслибы онъ не былъ ея подданнымъ, не должна находить никакого возраженія, чтобыонъ сдѣлался моимъ. Впрочемъ,— прибавила она,—мои дальнѣйшія дѣйствія будутъ зависѣть отъ воли вашей государыни, которая будетъ моею руководительницею».

Въ такомъ положеніи были эти переговоры, когда Генрихъ Дарнлей пріѣхалъ въ Шотландію. Елизавета позволила ему отправиться къ своему отцу, графу Ленноксу подъ предлогомъ устройства семейныхъ дѣлъ. Она знала о его видахъ на Марію, и можетъ-быть предвидѣла, что Дарнлей также точно помѣшаетъ браку Маріи Стюартъ съ Лейстеромъ, какъ Лейстеръ помѣшалъ ея браку съ кѣмъ-нибудь изъ государей континента. Въ-самомъ-дѣлѣ эта изворотливая государыня желала только замедлить дѣло и держать все въ неизвѣстности. Дарнлей былъ принятъ королевою, своею кузиною, очень любезно. Онъ обладалъ пріятными манерами, изящною наружностію и всею прелестью молодости. Руководимый совѣтами своихъ честолюбивыхъ родителей, онъ выказывалъ при этомъ довольно такта. Съ ловкостію, какой въ немъ уже не замѣчалось впослѣдствіи, онъ хотѣлъ съ самаго пріѣзда привлечь на свою сторону Мюррэя, стараясь угодить ему. По утрамъ онъ присутствовалъ на проповѣдяхъ Нокса, а по вечерамъ танцовалъ съ королевою. Этимъ онъ хотѣлъ успокоить недовѣрчивую шотландскую Церковь и понравиться при дворѣ.

Съ этой минуты начинается борьба между двумя претендентами: однимъ, принадлежавшимъ партіи реформаторовъ, и другимъ, принадлежавшимъ партіи католической; между Лейстеромъ, поддерживаемомъ Летингтономъ и Мюррэемъ, и Дарнлеемъ, сторону котораго сильно держали графъ Атоль всѣ шотландскіе бароны стараго вѣроисповѣданія, и одинъ итальянецъ, по имени Давидъ Риччіо, заступившій при королевѣ мѣсто Роле, бывшаго секретаремъ по иностранной корреспонденціи, и успѣвшій пріобрѣсти надъ нею сильное вліяніе. Летингтонъ написалъ тогда Сесилю нѣсколько писемъ, наполненныхъ самыми глубокими политическими соображеніями въ пользу брака, который онъ считалъ выгоднымъ для ихъ общаго дѣла и для обоихъ государствъ. Онъ умолялъ его выпросить у королевы Елизаветы согласіе на условіе, которое одно только могло обезпечить успѣхъ. Но Елизавета жаловалась, что изъ этихъ переговоровъ дѣлаютъ торгъ, и смѣялась надъ Летингтономъ, который, безпрестанно говоря о ея наслѣдствѣ, *казался ей колоколомъ часовъ смерти, ежеминутно издающимъ похоронный звонъ*. Летингтонъ отвѣчалъ, что его государынѣ нужно противопоставить подобную причину возраженіямъ иностранныхъ государей, чтобы вездѣ знали, что въ вопросѣ о своемъ замужствѣ она не дѣйствовала легкомысленно, уступая просьбамъ англійской королевы. Что касается до него, то съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ и благороднымъ патріотизмомъ онъ говорилъ Сесилю о соединеніи Англіи и Шотландіи, которое будетъ слѣдствіемъ этого брака. «Это событіе,—говорилъ онъ,—доставитъ намъ обоимъ болѣе славы, болѣе прочную признательность потом-

ства, нежели та, которую удалось стяжать храбрымъ сподвижникамъ короля Эдуарда I-го въ завоеваніи Шотландіи и короля Роберта Бруса въ ея защитѣ.

Мюррэй также ничего не забывалъ, чтобъ убѣдить Елизавету. Онъ умолялъ Сесиля ходатайствовать у нея, чтобы, признавъ права Маріи Стюартъ на англійскую корону, она ускорила бракъ ея съ Лейстеромъ. Онъ говорилъ, что если не состоится этотъ бракъ, тогда онъ самъ потеряетъ свое вліяніе; что та политика, которую онъ неуклонно поддерживалъ впродолженіи четырехъ лѣтъ въ отношеніи къ Англіи, необходимо будетъ оставлена; что королева, его сестра, потеряетъ къ нему довѣріе, тѣмъ болѣе, что ни одна изъ надеждъ, которыми онъ ее льстилъ, и въ виду которыхъ онъ заставлялъ ее дѣйствовать, не сбудется; что уваженіе, которое она оказывала королевѣ Елизаветѣ, прекратится; что Марія Стюартъ снова сблизится съ своими родственниками и католическими государями, отъ которыхъ теперь удалилась; что новый король будетъ чувствовать къ нему смертельную непріязнь за хлопоты о другомъ и желаніе помѣшать ему; что, если этотъ король папистъ, то придется или повиноваться ему, или сдѣлаться предводителемъ недовольныхъ и снова испытывать тѣ непріятности и бѣдствія, которыя прекратились уже пять лѣтъ тому назадъ.

Эти сильныя причины должны были побудить Елизавету къ рѣшимости, которой, повидимому, ожидала Марія Стюартъ. Она повторила Рандольфу, что англійская королева, если желаетъ, можетъ имѣть огромное вліяніе на ея рѣшенія.—«Мой мужъ,—сказала она ему,—долженъ быть похожъ на того, кого ваша госу-

дарыня хочетъ мнѣ дать.» Но Елизавету волновали противоположныя чувства; политика заставляла ее уступить Лейстера королевѣ Шотландіи, а привязанность—сохранить его для себя. Кромѣ-того она питала непобѣдимое отвращеніе къ тому, чтобы назначить себѣ наслѣдницу. Вслѣдствіе этого Сесиль писалъ: «Ея величество королева очень желаетъ, чтобъ милордъ Лейстеръ былъ мужемъ королевы шотландской; но когда дѣло доходитъ до требуемыхъ условій, я вижу, что ея пылкость ослабѣваетъ.»

Но надобно было дать отвѣтъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Елизавета уже истощила всѣ свои хитрости и отсрочки. Принужденная высказать положительно свое мнѣніе, она вовсе не хотѣла признать правъ Маріи Стюартъ на наслѣдованіе англійскаго трона, до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ замужъ. Она поручила Рандольфу объявить ей объ этомъ, впрочемъ увѣряя ее, что если она выйдетъ замужъ за Лейстера, какъ за простаго графа, то можетъ вполнѣ разсчитывать, впослѣдствіи, на щедрость англійской королевы, и не будетъ имѣть причины раскаяваться. Она очень хорошо знала, что Марія съ пренебреженіемъ отвергнетъ такой неравный бракъ, если цѣною его она не купитъ англійской короны. Рандольфъ сообщилъ Маріи Стюартъ отказъ Елизаветы, которая была имъ очень недовольна и заплакала. Что должна была дѣлать королева шотландская, обманутая въ своихъ честолюбивыхъ и упорныхъ надеждахъ. Ей оставалось обратиться только къ Дарнлею. Она вдругъ остановила на немъ свой выборъ столько же по склонности, сколько по необходимости. Дарнлей ей чрезвычайно понравился и скоро

овладѣлъ этимъ сердцемъ, въ которомъ съ одинаковою легкостью можно было возбудить любовь и отвращеніе. Марія Стюартъ скоро не могла уже сладить съ страстью, которую онъ ей внушалъ и выказывала ее при всѣхъ. Когда Дарнлей заболѣлъ, она не покидала его ни днемъ, ни ночью, и постоянно ухаживала за нимъ, въ его комнатѣ, какъ-будто онъ былъ уже ея мужемъ. Все соединилось здѣсь къ тому, чтобы сдѣлать этотъ бракъ неизбѣжнымъ, и любовь, и родственныя отношенія, и требованія обстоятельствъ. Этому браку благопріятствовали: графъ Атоль, графъ Кэтнессъ, лордъ Рутвенъ, лордъ Линдсэй, лордъ Юмъ, нѣкоторые изъ Дугласовъ, связанные родствомъ и дружбою съ Леннокcами и все дворянство, втайнѣ остававшееся вѣрнымъ католическому исповѣданію. Марія Стюартъ возвратила изъ Франціи смѣлаго графа Ботвеля, чтобы въ случаю нужды противопоставить его Мюррэю, съ которымъ онъ находился въ личной враждѣ, и который принудилъ его за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ бѣжать на континентъ; кромѣ-того она предположила снова возвратить милости графу Гэнтли, фамилія котораго была унижена Мюрреемъ.

Но этотъ бракъ также встрѣтилъ множество препятствій и былъ причиною большихъ тревогъ. Партія протестантовъ и лорды конгрегаціи видѣли въ немъ начало возстановленія католицизма. Герцогъ Шательро и всѣ Гамильтоны, съ давнихъ поръ непримиримые противники Леннокcовъ, предугадывали въ немъ будущее паденіе своихъ фамилій. Мюррэй, обладавшій, по мнѣнію Дарнлея, слишкомъ большою властью, ожидалъ вѣрной опалы. Наконецъ королева Елизавета была чрезъ него въ опасности скоро вступить во вра-

жду съ Шотландіею, которой король и королева, опираясь на католическія державы Европы, могли возбуждать противъ нея значительную часть ея подданныхъ, еще придерживавшихся старой религіи государства. Графъ Леннокcъ нисколько не скрывалъ этого, и весьма неблагоразумно говорилъ, что король испанскій будетъ ихъ другомъ и что они могутъ разсчитывать на большинство англичанъ.

Рѣшившись выйти за Дарнлея, не смотря на всѣ эти страшныя сопротивленія, Марія Стюартъ попыталась уменьшить ихъ число или силу. Она склонила на сторону этого брака уступчиваго Летингтона и хотѣла сдѣлать то же съ Мюррэемъ, который былъ менѣе сговорчивъ и уже удалился отъ двора. Призвавъ его къ себѣ, она потребовала, чтобы онъ подписалъ бумагу, содержавшую въ себѣ одобреніе этого брака и обѣщаніе поддерживать его всѣми средствами. Мюррэй отказался и съ твердостью возразилъ ей, что бракъ этотъ слишкомъ опрометчивъ; что иностранные государи будутъ его осуждать; что англійская королева имъ оскорбится; что и онъ, съ своей стороны, принимая прежде всего въ соображеніе сколько можетъ этотъ союзъ принести пользы истинной религіи Христа, не желаетъ, чтобъ королева соединилась съ человѣкомъ, который до того времени оказывался скорѣе врагомъ, нежели другомъ этой религіи. Марія, раздраженная этимъ сопротивленіемъ, употребила все, чтобы восторжествовать надъ нимъ: она просила, угрожала, сердилась, заклинала, но все было напрасно. Она отпустила Мюррэя, упрекая его въ неблагодарности. Она приписывала ему самыя честолюбивыя намѣренія и даже увѣряла, что онъ хочетъ сдѣлаться королемъ

шотландскимъ. «Я хорошо вижу, на что онъ мѣтитъ; онъ хочетъ возложить корону на свою голову!»

Мюррэй отчасти оправдалъ подозрѣнія своей сестры враждебностью своихъ дѣйствій. Во главѣ пяти или шести тысячъ человѣкъ онъ явился въ Эдинбургѣ, чтобы осудить графа Ботвеля, котораго обвинялъ въ неоднократномъ покушеніи на его жизнь и котораго Марія Стюартъ вызвала изъ ссылки. Онъ соединился съ графомъ Арджилемъ и герцогомъ Шательро съ намѣреніемъ защищать и поддерживать себя общими силами. Онъ вошелъ также въ сношенія съ пасторами протестантской религіи, которые собрались въ это время въ Эдинбургѣ, желая устранить угрожавшую имъ опасность. Наконецъ, чрезъ посредство англійскаго посланника Рандольфа, онъ обратился къ Елизаветѣ за помощью, какую ей будетъ угодно оказать ему. Узнавъ отъ двуличнаго Летингтона о предполагаемомъ бракѣ Маріи съ Дарнлеемъ, англійская королева горячо возстала противъ исполненія этого плана. Вовсе не желая дать требуемое отъ нея согласіе, она передала этотъ предметъ на обсужденіе своего тайнаго совѣта, который постановленіемъ отъ 1 мая, объявилъ подобный бракъ оскорбительнымъ для обѣихъ королевъ и опаснымъ для обоихъ государствъ. Въ негодованіи своемъ совершенно забывъ о своихъ недавнихъ хлопотахъ въ пользу Лейстера, она сказала французскому посланнику Полю-де-Фуа: «Я никакъ не могла думать, чтобы королева шотландская имѣла такъ мало самолюбія, чтобы рѣшиться выйти замужъ за сына графа Леннокса, за своего вассала!» Въ то же время она поручила Трокмортону отправиться въ Шотландію, чтобы сообщить Маріи Стюартъ о

мнѣніи тайнаго совѣта Англіи и воспрепятствовать этому браку съ помощью всѣхъ, кому онъ былъ непріятенъ. Трокмортонъ долженъ былъ снова предложить ей Лейчестера, а также еще двухъ: герцога Норфолька и графа Арэнделя.

Но когда онъ прибылъ въ Шотландію, Марія Стюартъ зашла уже такъ далеко, что не могла отступить. Она собрала высшее дворянство въ Стёрлингѣ и 15 мая объявила ему о своемъ намѣреніи выйти замужъ за Дарнлея, причемъ ни одинъ голосъ не рѣшился противорѣчить ея волѣ. Въ тотъ же самый день она сдѣлала Дарнлея графомъ росскимъ и лордомъ ардмэнакскимъ, подаривъ ему значительныя помѣстья въ государствѣ. Эти рѣшительные поступки сдѣлали посольство Трокмортона совершенно безполезнымъ. Онъ сообщилъ Маріи постановленіе тайнаго совѣта Англіи, причемъ выразилъ удивленіе королевы, своей государыни, что графъ Леннокcъ и лордъ Дарнлей, будучи ея подданными, и не испросивъ ея дозволенія, рѣшились принять участіе въ такомъ дѣлѣ, которое одинаково интересуетъ и Англію и Шотландію. Марія Стюартъ дала Трокмортону слѣдующій гордый и вмѣстѣ умный отвѣтъ: «Неудовольствіе моей доброй сестры по истинѣ изумительно, потому-что выборъ, который она порицаетъ, былъ сдѣланъ согласно желаніямъ, которыя переданы мнѣ мистеромъ Рандольфомъ. Я отвергла всѣхъ иностранныхъ искателей руки моей и избрала англичанина, происходящаго отъ королевской крови обоихъ государствъ и перваго принца крови Англіи. Поэтому меня удивляетъ позднее неодобреніе выбора въ равной степени соотвѣтствующаго выгодамъ обоихъ королевствъ.»

*

Впрочемъ она все-таки отложила день празднованія своей свадьбы, надѣясь смягчить свою опасную сосѣдку и избѣжать совершеннаго разрыва съ нею. Эта уступка не удовлетворила однакожь Елизаветы, которая желала не отсрочки, а совершеннаго оставленія проэкта, и потому неблагосклонно приняла справедливыя возраженія Маріи Стюартъ.

Елизавета, столько же вспыльчивая и хитрая, приказала посадить въ Лондонскую башню графиню Ленноксъ, уже и прежде находившуюся подъ бдительнымъ надзоромъ въ собственномъ домѣ, по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ предводителями англійскихъ католиковъ. Она требовала, чтобы графъ Ленноксъ и Дарнлей, какъ англійскіе подданные, возвратились ко двору. Когда Рандольфъ передалъ имъ это приказаніе, Ленноксъ отказался повиноваться ему, говоря, что такъ-какъ его жена задержана въ Англіи, то онъ не возвратится до тѣхъ поръ, пока не будетъ убѣжденъ въ лучшемъ къ себѣ расположеніи англійской королевы. Отказъ Дарнлея былъ менѣе почтителенъ и болѣе высокомѣренъ. «Я не считаю себя,—сказалъ онъ, обязаннымъ повиноваться никому, кромѣ королевы шотландской, которой я служу и которую почитаю. Ваша государыня завидуетъ моему счастью. Но я еще нуженъ здѣсь, въ чемъ вы убѣдитесь черезъ нѣсколько дней. Я вовсе не предполагаю возвратиться, и находя, что мнѣ очень хорошо здѣсь, я думаю здѣсь и оставаться. Вотъ вамъ мой отвѣтъ.» Вызывая Леннокса и Дарнлея, Елизавета въ то же время поручила Рандольфу увѣрить въ своей помощи протестантовъ и диссидентовъ Шотландіи.

Послѣдніе употребляли всѣ свои силы, чтобы вос-

препятствовать браку Маріи. Генеральный соборъ шотландской Церкви, созванный графомъ Арджилемъ и Ноксомъ, постановилъ, чтобы граждане Эдинбурга были вооружены, и чтобы подано было королевѣ прошеніе, о совершенномъ воспрещеніи мессы не только въ государствѣ, но и въ самомъ дворцѣ, а равно и объ обязательномъ присутствованіи всѣхъ подданныхъ при молитвахъ и церемоніяхъ господствующей Церкви. Графъ Гленкэрнъ и пять коммисаровъ, избранныхъ общимъ собраніемъ, представили это прошеніе королевѣ, которая обѣщала имъ твердо поддерживать ихъ богослуженіе, но для себя самой просила того же снихожденія, которое она оказывала другимъ. Она съумѣла умѣрить притязаніи протестантовъ; однакожь ей не удалось привлечь на свою сторону Мюррэя, который отказался прибыть въ Пертъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Дарнлей и Леннокcъ угрожаютъ его жизни. Въ это же самое время Мюррэй рѣшился на отчаянную крайность. Вмѣстѣ съ герцогомъ Шательро, графами Арджилемъ, Ротзомъ и лордомъ Бойдомъ, онъ предположилъ схватить королеву и Дарнлея на пути изъ Перта въ Келлендеръ, зàмокъ лорда Левингстона. Заговорщики хотѣли передать Дарнлея англичанамъ, или даже убить его заключить Марію въ Лочливнѣ и поставить Мюррэя во главѣ правленія. Но королева, вò-время предувѣдомленная о ихъ преступномъ намѣреніи, быстро покинула Пертъ, и въ сопровожденіи трехсотъ человѣкъ кавалеріи, подъ начальствомъ графа Атоля и лорда Рутвена, проѣхала кинросскіе дефилеи, гдѣ ее должны были атаковать, и куда дѣйствительно прибылъ, черезъ два часа послѣ

ея проѣзда, графъ Арджиль съ своими людьми; но она уже счастливо достигла Келлендера.

Это преступное намѣреніе возбудило всеобщее негодованіе страны; и тѣмъ, кто его предпринялъ, ничего болѣе не оставалось, какъ начать открытый мятежъ. Дѣйствительно, они не замедлили прибѣгнуть къ нему. Мюррэй призывалъ народъ и *братію* къ оружію. Марія также съ своей стороны издала прокламацію, которою требовала, чтобы всѣ коронные вассалы явились въ Эдинбургъ, готовыми къ войнѣ, и съ достаточнымъ продовольствіемъ для немедленнаго выступленія въ походъ. Кромѣ-того, чтобы религіозная партія не пристала къ мятежникамъ, она обнародовала другую замѣчательную прокламацію, съ цѣлью успокоить протестантскую Церковь, и сама въ первый разъ присутствовала въ Келлендерѣ при богослуженіи пресвитеріанскаго пастора. Сознавая какъ необходимо для нея торопиться выходомъ замужъ и такимъ-образомъ избавиться отъ всякихъ попытокъ на разстройство этого брака, она возвела, 20-го іюля, Дарнлея въ санъ герцога Альбани, а получивъ 22-го разрѣшеніе изъ Рима, привезенное ей епископомъ дэмбланскимъ, назначила воскресенье, 29-го іюля днемъ своего бракосочетанія.

Наканунѣ этого торжества, особою грамотою она передала титулъ короля Дарнлею, который въ тотъ же вечеръ былъ провозглашонъ тремя королевскими герольдами на площадяхъ Эдинбурга. На другой день въ шестомъ часу утра былъ совершенъ въ Голирудской капеллѣ обрядъ бракосочетанія. Марія явилась въ траурѣ на эту церемонію, послѣдствія которой въ непродолжительномъ времени должны были сдѣлать-

ся такъ печальны. На ней были тѣ же—платье чернаго бархата и большой бѣлый вуаль, которые она носила съ самой смерти Франциска II. По окончаніи бракосочетанія по католическому обряду, Дарнлей поцѣловалъ ее и оставилъ одну у подножія алтаря слушать мессу, вѣроятно боясь сдѣлаться слишкомъ подозрительнымъ. Послѣ того онъ упросилъ Марію, чтобы она сбросила трауръ, и въ другой одеждѣ присутствовала за банкетомъ, при которомъ по древнему феодальному обычаю имъ прислуживали одинъ за другимъ первѣйшіе лорды государства. Шталмейстеромъ королевы былъ графъ Атоль, форшнейдеромъ графъ Мортонъ, кравчимъ графъ Крофордъ, тѣже должности при королѣ занимали графы Эглинтонъ, Кассилисъ и Гленкэрнъ. При крикахъ *щедрость!* въ народъ бросали деньги и весь остальной день прошелъ въ танцахъ и весельи. Дарнлей, торжественно признанный королемъ, былъ упоенъ счастіемъ и гордостью; Марія же, надолго считая себя счастливою, испытывала наслажденіе, возбуждаемое удовлетворенною страстью. Посланникъ Елизаветы писалъ о нихъ слѣдующее: «Это уже не тотъ лордъ Дарнлей, котораго мы знали прежде. Его рѣчь дышетъ гордостью, такъ-что его можно принять за повелителя всего міра. Онъ достигъ всѣхъ почестей, которыя женщина можетъ оказать любимому мужчинѣ. Королева не требуетъ для самой себя тѣхъ знаковъ уваженія, которые оказываются Дарнлею,—она сосредоточила на немъ всѣ возможныя достоинства и отличія; чтобы угодить королевѣ, надо сперва угодить ему; вся ея воля, всѣ ея желанія заключаются въ

томъ, чтобы дѣйствовать и поступать сообразно желаніямъ лорда.»

Этотъ бракъ положилъ конецъ довольно искреннему согласію, которое впродолженіи четырехъ лѣтъ поддерживалось между двумя королевами взаимною надеждой, которая съ обѣихъ сторонъ была обманута. Елизавета постоянно стремилась къ ратификаціи эдинбургскаго трактата, не будучи въ состояніи принудить къ нему Марію; Марія съ своей стороны постоянно желала признанія своихъ правъ на наслѣдство англійскаго престола, въ которомъ отказывала ей Елизавета. Непріязненность обѣихъ королевъ поселила вражду между самыми государствами.

Надобно сознаться, что вина во всѣхъ этихъ дѣлахъ на сторонѣ Елизаветы, а не Маріи. Эта королева, хитрая и гордая, недовѣрчивая и властолюбивая, вздумала управлять Маріей не удовлетворяя ея желаній; отдѣлить ее отъ всѣхъ, не вознаграждая ея ничѣмъ, что̀ могло бы привязать къ ней шотландскую королеву. Она не желала, чтобы Марія Стюартъ вышла замужъ за кого-нибудь изъ континентальныхъ государей, что̀ сдѣлало бы ее слишкомъ могущественною; ни за англійскаго подданнаго, который бы упрочилъ за ней наслѣдованіе англійскаго трона, ни за члена царственныхъ домовъ Тюдоровъ и Стюартовъ, что̀ могло бы подготовить соединеніе обоихъ государствъ; она противодѣйствовала донъ Карлосу, возставала противъ эрцъ-герцога Карла, оттолкнула Лейстера, выказала нерасположеніе Дарнлею. Она могла бы выдать Марію замужъ по своему желанію, еслибы согласилась назначить ее своею наслѣдницей. Она этого не сдѣлала и осудила себя на политику, пол-

ную осторожности, интригъ, зависти, предательства и борьбы. Постоянно интриговать въ Шотландіи, и бороться съ заговорами въ Англіи, возжигать междоусобную войну въ сосѣднемъ государствѣ и предупреждать ее у себя: вотъ политика, которой она постоянно слѣдовала впродолженіи двадцати лѣтъ, съ 1565 по 1586 годъ.

Съ другой стороны стремленіе злополучной судьбы Маріи Стюартъ, пріостановленное на нѣкоторое время, вновь пошло своимъ чередомъ послѣ этого несчастнаго брака. Она рассорилась со своимъ братомъ, честолюбивымъ графомъ Мюррэемъ, который былъ искуснымъ ея руководителемъ со времени ея возвращенія изъ Франціи; который далъ королевѣ внутренній и внѣшній миръ, возстановилъ повиновеніе безпокойнаго дворянства и довѣріе или, по-крайней-мѣрѣ, покорность подозрительной секты пресвитеріанъ. Она опять возвратилась къ своимъ наклонностямъ; сблизилась со своими родственниками, изъ которыхъ самый могущественный—герцогъ Франсуа де Гизъ—былъ умерщвленъ; вошла въ соглашенія съ королемъ испанскимъ и папою; начала покровительствовать католикамъ и безпокоить протестантовъ; отдалила отъ себя англичанъ; стала рисковать,—и наконецъ погибла на развалинахъ своей власти и своего добраго имени.....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Замужство шотландской королевы сильно встревожило протестантовъ Англіи. Незадолго до него

тайный совѣтъ Елизаветы снова объявилъ его вреднымъ для интересовъ преобразованной религіи и для безопасности государства. Сесиль, руководившій политикой англиканской партіи, представилъ на усмотрѣніе Елизаветы записку, въ которой изложилъ всѣ опасныя послѣдствія этого брака. Онъ упоминалъ здѣсь во-1-хъ, что на дѣтей, имѣющихъ родиться отъ этого брака, должно будетъ смотрѣть какъ на законныхъ наслѣдниковъ двухъ королевствъ, и что поэтому многіе изъ значительнѣйшихъ подданныхъ Англіи могутъ забыть свои обязанности въ отношеніи къ королевѣ и начнутъ благопріятствовать интригамъ и планамъ королевы шотландской; во-2-хъ, что паписты воспользуются этимъ бракомъ, какъ единственнымъ средствомъ возстановленія римскаго исповѣданія, для того чтобы возмутить спокойствіе обоихъ государствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повиновеніе подданныхъ особѣ ея величества. Припоминая далѣе, какъ королева шотландская по выходѣ замужъ во Франціи, присвоила королевскій англійскій гербъ и титулъ, онъ утверждалъ, что Марія Стюартъ возобновитъ свои притязанія и значительно усилитъ партію, которая ее поддерживала. «Эта партія, прибавляетъ Сесиль, если ее не унять теперь же, сдѣлается такъ опасна и при дворѣ, и въ палатахъ, и внѣ палатъ, что ослабить ее можно будетъ только самыми отчаянными мѣрами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мировыми судами въ графствахъ этого королевства, только треть населенія найдена достаточно твердою въ религіозныхъ убѣжденіяхъ.»

Сесиль предлагалъ слѣдующія средства для устраненія этихъ опасностей: во-1-хъ, не откладывать

долѣе замужства Елизаветы; во-2-хъ, принять мѣры, могущія усилить и распространить новое исповѣданіе въ Англіи и Шотландіи; въ 3-хъ, войти въ самыя ближайшія сношенія въ Шотландіи съ партіей недовольныхъ бракомъ Дарнлея, и поддерживать ее всѣми средствами. Невозможно было выказать бо̀льшую предусмотрительность и подать лучшіе совѣты въ духѣ протестантства и его выгодъ. Партія реформы особенно желала противопоставить бракъ протестантки Елизаветы, замужству католички Маріи и укрѣпить религіозный переворотъ совершенный Генрихомъ VIII, доставивъ англійской коронѣ наслѣдника одной съ нимъ крови и одинаковаго исповѣданія.

Елизаветѣ было въ это время тридцать лѣтъ. Ее нельзя было назвать красавицей, но она имѣла эффектную наружность и очень гордилась этимъ. Въ своихъ манерахъ, то слишкомъ свободныхъ, то исполненныхъ достоинства, она умѣла соединять самую непринужденную причудливость съ неприступнымъ величіемъ. Обладая огромнымъ умомъ и блестящими способностями, она управляла государствомъ съ рѣдкимъ искусствомъ, благоразуміемъ и энергіей, но, казалось, была лишена вовсе здраваго смысла, когда дѣло шло объ ней самой. Особенно льстили ей предложенія о ея замужствѣ; такого рода искательства заставляли предполагать, что ея красотою восхищаются, что она нравится многимъ, и это чрезвычайно пріятно затрогивало ея самолюбіе. Въ этомъ отношеніи ей нечего было завидовать Маріи Стюартъ. Филиппъ II прежде всѣхъ сдѣлалъ ей предложеніе, послѣ смерти второй жены своей королевы Маріи. Бо̀льшая часть государей, искавшихъ

руки королевы шотландской, добивались и у нея той же чести. Въ этомъ числѣ были король Даніи, король Швеціи и эрцъ-герцогъ Карлъ, переговоры съ которымъ были давно уже открыты, но не подвигались впередъ, хотя и не прекращались окончательно. Изъ шотландцевъ графъ Аранъ дѣлалъ ей предложеніе, изъ ея же подданныхъ графъ Арэндель искалъ ея благосклонности, а графъ Лейстеръ даже пользовался ею.

Хотя Елизавета привыкла къ предложеніямъ всякаго рода, однакожь она получила одно, весьма удивившее ее. Катерина Медичи, можетъ-быть для того, чтобы устранить эрцъ-герцога Карла и воспрепятствовать королевѣ англійской вступить въ союзъ съ австрійскимъ домомъ, а можетъ-быть и просто изъ желанія привлечь къ себѣ политическую благосклонность этой королевы, польстивъ ея тщеславію, вздумала предложить ей въ мужья Карла IX. Этотъ странный проэктъ женить пятнадцатилѣтняго мальчика на тридцатилѣтней женщинѣ, католика на протестанткѣ, короля Франціи на королевѣ англійской,—былъ пущенъ въ ходъ осенью 1564 г. Катерина Медичи только-что окончила въ это время первую гражданскую войну, въ которой Елизавета помогала гугенотамъ взятіемъ Гавръ де-Граса, уступленнаго гугенотами Англіи, въ видѣ платы за помощь оказанную этимъ государствомъ. Хитрая итальянка, обезпечивъ себя со стороны Филиппа II, своего зятя, на свиданіи въ Байонѣ, разсчитывала, безъ сомнѣнія, этимъ сватовствомъ оградить себя отъ опасной неблагосклонности Елизаветы.

Съ этою цѣлью она уполномочила своего послан-

ника въ Лондонѣ, Поля де-Фуа, сдѣлать Елизаветѣ формальное предложеніе. «Мнѣ бы хотѣлось,—писала она ему,—скрѣпить нашу дружбу узами болѣе тѣсными, и я считала бы себя счастливѣйшею матерью въ свѣтѣ, если бы черезъ одного изъ дѣтей моихъ нѣжно-любимая сестра стала бы дорогою дочерью моей.» Поль де-Фуа просилъ у Елизаветы аудіэнціи, которая и была назначена 14-го февраля 1565 г. въ то самое время, когда Дарнлей прибылъ въ Шотландію съ цѣлью жениться на Маріи Стюартъ. Искусно передавъ Елизаветѣ содержаніе своего щекотливаго порученія, онъ вручилъ ей самую депешу Катерины Медичи, наполненную похвалами достоинствамъ королевы и увѣреніями, что Елизавета *останется довольна какъ физическою, такъ и моральною стороною* (tant au corps qu'à l'esprit de quoi la contenter) молодаго короля, Карла IX. Читая это письмо, Елизавета нѣсколько разъ мѣнялась въ лицѣ. Она казалась довольною и смущенною; наконецъ она отвѣчала посланнику, что высокая честь этого предложенія внушаетъ ей такое же почтеніе къ королевѣ матери Карла IX, какое могла бы она чувствовать, будучи ея дочерью, и что она сохранитъ это почтеніе на всю жизнь. «Но, прибавила она, вѣроятно, королева мать не позаботилась справиться о моемъ возрастѣ; я слишкомъ стара для такого молодаго короля и онъ будетъ пренебрегать мною, также какъ король испанскій пренебрегалъ моей сестрой, покойной королевой Маріей. А для меня лучше умереть, чѣмъ испытывать презрѣніе и быть оставленной».

Несмотря на это, вслѣдствіе настояній французскаго посланника, выставлявшаго на видъ политиче-

скія и коммерческія выгоды этого предложенія, о которомъ парижскій дворъ повидимому хлопоталъ серьёзно, переговоры были начаты надлежащимъ порядкомъ. Они тянулись нѣсколько мѣсяцевъ. Елизавета призывала Сесиля, чтобы узнать его мнѣніе насчетъ, или лучше сказатъ противъ этого страннаго брака; и наконецъ вопросъ о немъ подвергла обсужденію важнѣйшихъ лицъ государства. Втеченіи этого времени Катерина Медичи и Карлъ IX выражали передъ Смитомъ, бывшимъ при ихъ дворѣ англійскимъ посланникомъ вмѣсто Трокмортона, самое нетерпѣливое желаніе видѣть этотъ бракъ состоявшимся. Поль де-Фуа также старался ослабить по возможности могущественную оппозицію Сесиля, привлечь на свою сторону ближайшихъ совѣтниковъ Елизаветы, пользовавшихся наибольшею ея довѣренностью, и превозмочь отвращеніе самой королевы, тщеславію которой очень льстило это предложеніе, совершенно противное здравому смыслу. Эти переговоры не могли укрыться отъ другихъ дворовъ, въ интересахъ которыхъ было противиться этому браку. Брачный союзъ короля французскаго съ королевой англійской, такъ же противорѣчилъ интересамъ Испаніи, какъ предполагавшійся незадолго передъ тѣмъ бракъ наслѣдника Испаніи съ королевой шотландской противорѣчилъ видамъ Франціи. Посланникъ Филиппа II, Гусманъ да Сильва, прямо выразилъ это Елизаветѣ въ разговорѣ, который прекрасно обрисовываетъ эту тщеславную, насмѣшливую, и хитрую государыню.

«Говорятъ, сказалъ ей Сильва, что ваше величество выходите замужъ за короля Франціи.» Елизавета

наклонила не много голову и разсмѣялась. Потомъ она отвѣчала: Я хочу исповѣдаться передъ вами, потому-что теперь постъ, и я считаю васъ своимъ другомъ. Дѣйствительно, были переговоры о моемъ бракѣ съ его католическимъ величествомъ, королемъ, братомъ моимъ, съ королемъ французскимъ, съ королями шведскимъ и датскимъ.— «И съ эрцъ-герцогомъ тоже», перебилъ Сильва.—«Да, отвѣчала Елизавета, теперь остается одинъ только вашъ наслѣдникъ престола, о которомъ мнѣ ничего не говорили еще».—«Причина этого, мнѣ кажется, очевидна, возразилъ Сильва: король,—государь мой, долженъ предполагать навѣрное, что вы не желаете выходить замужъ; потому-что когда онъ, величайшій изъ христіанскихъ государей, которому, какъ ваше величество сами говорили мнѣ, вы многимъ обязаны, когда онъ предлагалъ вамъ свою руку, вы не приняли ее».—«Для меня это не такъ очевидно, возразила Елизавета,—потому-что въ то время я гораздо меньше думала о своемъ замужствѣ. Да даже и теперь, еслибъ я могла назначить для моей короны такого наслѣдника, какого бы мнѣ хотѣлось и какой нуженъ теперь, увѣряю васъ, я не вышла бы замужъ. Но мои подданные такъ торопятъ меня, что я не могу избавиться отъ замужства иначе, какъ только при помощи другаго средства, о которомъ я говорила, а оно довольно затруднительно. Ктому же женщина, не выходящая замужъ, подвергается свѣтскимъ пересудамъ. Это приписываютъ обыкновенно или какимъ-нибудъ недостаткамъ, или дурнымъ побужденіямъ. Напримѣръ, обо мнѣ говорили, что я отказывала всѣмъ потому, что мнѣ нравился графъ Лей-

стеръ, а за него не выходила оттого, что онъ былъ женатъ; но теперь у него нѣтъ жены, однакожь я не выхожу за него. Впрочемъ языкъ не привяжешь; истина всегда обнаружится и займетъ свое мѣсто. Богу извѣстны мои мысли и моя душа, которыя слишкомъ далеки отъ всего, что̀ обо мнѣ предполагаютъ... Но, наконецъ, если бы этотъ бракъ съ королемъ Франціи состоялся, что̀ бы вы о немъ подумали?»

— Я подумалъ бы, отвѣчалъ Сильва, что это путь не широкій и не короткій, да что и на широкомъ пути всегда можно споткнуться.

Елизавета засмѣялась и заговорила о другомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого она увѣрила Сильву, что не позволитъ себѣ увлечься предложеніями французскаго двора.

Дѣйствительно, когда прошла отсрочка, которую королева просила у Поля-де Фуа, съ цѣлью посовѣтоваться съ главнѣйшими вельможами Англіи, она назначила ему 2-го мая аудіэнцію, и тутъ приготовила его къ своему отказу. Наконецъ, 12-го іюня, Поль де-Фуа былъ приглашенъ въ залъ совѣта, въ Уэстминстерѣ, чтобы получить рѣшительный отвѣтъ. Здѣсь уже собрались заранѣе графъ Лейстеръ, великій камергеръ Гоуардъ, Сесиль, Питеръ и маркизъ Нортэмптонъ. Послѣдній отъ лица всего собранія сказалъ посланнику: «что важнѣйшее препятствіе къ браку короля, его повелителя, съ королевой, ихъ государыней, составляетъ неравенство возрастовъ, а также продолжительная и опасная неизвѣстность — родится ли отъ этого брака наслѣдникъ престола, потому-что молодость короля не позволяетъ надѣяться, чтобы королева могла имѣть отъ него дѣтей раньше,

какъ развѣ только черезъ нѣсколько лѣтъ». Получивъ такой отвѣтъ, Поль де-Фуа написалъ Катеринѣ Медичи, что нѣтъ больше никакой надежды. «Но,—прибавилъ онъ,—хотя мнѣ неудалось склонить королеву Англіи къ браку съ королемъ, я все-таки съумѣю помѣшать сватовству эрцъ-герцога Карла, съ предложеніемъ о которомъ пріѣхалъ посланникъ императора.»

Этотъ посланникъ, по имени Адамъ Шветковичъ, отправленный новымъ императоромъ Максимиліаномъ, для того, чтобы возвратить знаки ордена Подвязки, оставшіеся послѣ отца его, Фердинанда I, высадился въ Англію 5-го мая и засталъ кабинетъ и аристократію сильно занятыми вопросомъ о замужствѣ королевы Елизаветы. Шветковичъ энергически взялся за дѣло эрцъ-герцога Карла, предложеніе котораго было очень неблагосклонно принято королевой шотландской. Сесиль не былъ противъ него, герцогъ Норфолькъ и графъ Сэссексъ, враги Лейстера, тоже сильно поддерживали его. Казалось, дѣло пошло серьёзно. Сесиль нѣсколько разъ видѣлся съ императорскимъ посломъ, сообщилъ ему брачный контрактъ, заключенный за десять лѣтъ передъ тѣмъ между королемъ испанскимъ и королевой Маріей, и въ видѣ условій, на случай если бракъ состоится, требовалъ, чтобы религія не была измѣняема; чтобы государственныя должности давались только англичанамъ; чтобы не вмѣшивать Англію въ войны имперіи, ни въ войны Испаніи, и наконецъ, если королева умретъ бездѣтною, то чтобы заботы о наслѣдованіи были отданы на усмотрѣніе парламента.

Поль де-Фуа, сознавая на сколько это намѣреніе противно интересамъ его двора, старался препятствовать его осуществленію при помощи графовъ Пем-

брока, Шрузбэрри, Бедфорда и особенно Трокмортона и Лейстера. Онъ самъ умолялъ Елизавету не оскорблять его государя выходомъ замужъ за эрцъ-герцога. Чтобы еще лучше разстроить проэктъ этого брака, Поль де-Фуа, сообразно съ инструкціями, полученными имъ изъ Парижа, сильно поддерживалъ передъ Елизаветой искательство Лейстера, постоянно добивавшагося ея руки. Этотъ честолюбивый фаворитъ, къ которому королева питала сильную и постоянную привязанность, и котораго она помѣстила у себя при дворѣ, назначивъ ему сосѣднія со своими комнаты, искалъ теперь поддержки для своихъ цѣлей у короля Франціи, такъ же какъ въ началѣ царствованія Елизаветы онъ домогался того же у короля испанскаго. Поль де-Фуа, на совѣщаніи своемъ съ королевою, происходившемъ черезъ нѣсколько времени послѣ отказа ея Карлу IX и замужства Маріи Стюартъ съ Дарнлеемъ, совѣтовалъ ей избрать въ мужья Лейстера и такимъ-образомъ упрочить спокойствіе своего королевства и удовлетворить желаніямъ подданныхъ. Онъ говорилъ ей, что она испытала многолѣтнюю привязанность графа, и что отъ него можетъ ожидать повиновенія, соотвѣтствующаго чести, какую она доставитъ ему подобнымъ возвышеніемъ. Далѣе онъ доказывалъ, что Лейстеръ, будучи англичаниномъ, никогда не станетъ покровительствовать иностранцамъ; что ей не нужно будетъ опасаться его, потому-что онъ никогда небылъ могуществен, и что наконецъ она не оскорбитъ никого изъ сосѣднихъ государей, оказавъ предпочтеніе одному передъ другими, а напротивъ сохранитъ дружбу всѣхъ. Елизавета отвѣчала ему, что не знаетъ

выйдетъ ли она еще замужъ, и что ея подданный, хотя бы и не располагавшій прежде большими средствами, женясь на ней, пріобрѣтетъ довольно власти для выполненія дурныхъ своихъ желаній, если они будутъ у него. Она прибавила въ заключеніе, что боясь подобнаго обстоятельства, не намѣрена надѣлить своего будущаго мужа ни властью, ни богатствомъ, ни средствами, потому-что вступитъ въ бракъ единственно для того, чтобы имѣть наслѣдника, но, что когда она думаетъ о замужствѣ, то ей *кажется будто у нея вырываютъ внутренности.* Поль де-Фуа нѣсколько разъ возобновлялъ этотъ разговоръ. Ничего не обѣщая, Елизавета очень хвалила Лейстера, къ которому съ каждымъ днемъ она привязывалась всё сильнѣе, и о которомъ открыто говорила, что не можетъ провести дня, не видя его.

Итакъ легковѣрный любимецъ надѣялся при этомъ рѣшительномъ случаѣ увѣнчать свое счастье женитьбой. Его враги искали сближенія съ нимъ. Графъ Сэссексъ заискивалъ въ немъ; Сесиль охладѣлъ къ эрцъ-герцогу. Лейстеръ самъ явился къ могущественному секретарю, чтобы открыться ему и привлечь его на свою сторону. Онъ говорилъ ему, что хочетъ признаться въ своемъ намѣреніи жениться на королевѣ и что ему кажется *будто она оказываетъ благосклонность только ему одному*; онъ просилъ Сесиля оставить съ этого времени всѣ свои другія намѣренія, увѣряя его при этомъ, что постоянно будетъ стараться не только объ оставленіи его въ настоящей должности, но и о томъ, чтобы доставить ему другую, высшую, какую онъ заслуживалъ, оказавъ своимъ рѣдкимъ благоразуміемъ и дипломатическою

тонкостью много полезнаго королевѣ и государству. Сесиль, казалось, былъ тронутъ довѣренностью Лейстера, благодарилъ его за предложеніе, и, какъ ловкій придворный, обѣщалъ всѣми силами служить интересамъ графа.

Добившись поддержки своимъ честолюбивымъ намѣреніямъ внутри и внѣ государства, Лейстеръ постарался разстроить сватовство эрцъ-герцога, предлагавшаго условія, которыхъ нельзя было принять; въ то же время онъ разрушилъ надежды маркграфини баденской, пріѣхавшей недавно, чтобы предложить короля шведскаго въ мужья Елизаветѣ. Сдѣлавшись настоятельнѣе послѣ неудачъ своихъ соискателей, Лейстеръ просилъ королеву, которая, какъ казалось, была не прочь отъ брака съ нимъ, назначить время этого брака въ исходѣ текущаго года. Она же, со своей стороны, просила его подождать до Срѣтенья въ будущемъ году.

Но прошло Срѣтенье, а бракъ Лейстера не состоялся точно такъ же, какъ не удались исканія короля шведскаго, эрцъ-герцога Карла и короля Франціи. Елизавета не хотѣла ни съ кѣмъ раздѣлять своей власти, и въ то же время старалась ладить со всѣми. Она съ разсчитанною нерѣшительностію уклонялась отъ всѣхъ предложеній, не дѣлая никому формальнаго отказа. Такимъ-образомъ она разочаровала Карла IX посредствомъ эрцъ-герцога, эрцъ-герцога и короля шведскаго посредствомъ Лейстера, и разрушила слишкомъ честолюбивыя надежды послѣдняго, выказавъ къ недавно пріѣхавшему изъ Ирландіи графу Ормонду такую неожиданную и необыкновенную благосклонность, что раздраженный Лейстеръ покинулъ

дворъ и удалился на нѣкоторое время въ свои помѣстья.

Наслѣдованіе англійскаго трона не было обезпечено бракомъ, поэтому возникъ вопросъ о томъ, чтобы обезпечить его выборомъ наслѣдника. Этотъ выборъ колебался между графомъ Гэнтингтономъ и герцогомъ Норфолькомъ. Члены совѣта королевы усердно занялись этимъ дѣломъ; но, несмотря на усиленныя ихъ настоянія, королева такъ же не была расположена назначать себѣ преемника какъ прежде— избрать мужа. Однакожь, не заботясь о томъ, чтобы дать англійской коронѣ наслѣдника протестанта, она оставляла въ полной силѣ наслѣдственныя права католическихъ короля и королевы Шотландіи. Она даже допустила свою соперницу, Марію Стюартъ, взять надъ нею значительный перевѣсъ тѣмъ, что побудила недовольныхъ шотландцевъ къ возстанію, не оказавъ имъ довольно скорой и довольно достаточной помощи, для того чтобы не допустить ихъ до пораженія. Причина эта заключалась не въ совѣстливости, а въ нерѣшительности Елизаветы. Она говорила, что обыкновенная медленность, съ какою она рѣшалась на что-нибудь, представляла ей много неудобствъ, и что, очень хорошо зная, сколько быстроты и ловкости нужно, чтобы не упустить удобнаго случая, она часто пропускала его. То же случилось съ нею при этомъ обстоятельствѣ, какъ и при многихъ другихъ.

Мюррэй за нѣсколько времени до замужства своей сестры былъ потребованъ ею, подъ страхомъ нарушенія долга вѣрности, ко двору, чтобы здѣсь доказать уголовное обвиненіе, возведенное имъ и графомъ

Арджилемъ на графа Леннокса и Дарнлея въ томъ, что послѣдніе намѣревались посягнуть на ихъ жизнь. Мюррэй отказался отъ этого, потому ли, что въ-самомъ-дѣлѣ боялся, какъ говорилъ онъ, какой-нибудь опасности для себя со стороны своихъ противниковъ, или потому, что имѣлъ намѣреніе прибѣгнуть къ оружію, единственному средству, которое оставалось для него. Дѣйствительно, онъ приготовился выступить въ походъ. Въ прокламаціи, изданной съ цѣлью возмутить дворянство и народъ, онъ говорилъ, что королева нарушаетъ права государства и отнимаетъ его привилегіи, давая ему короля не по выбору и безъ одобренія сословій, что́ совершенно противно законамъ и обычаямъ страны. Въ то же время онъ писалъ къ графу Бедфорду и просилъ его: «придти къ нему на помощь и защитить невинныхъ послѣдователей евангелія, на которыхъ сатана выпускалъ мірскія силы». Рандольфъ со своей стороны понуждалъ Елизавету помочь Мюррэю, если она не хочетъ допустить до паденія вмѣстѣ съ нимъ англійскую партію и шотландскихъ протестантовъ. Но предпріимчивая Марія, созвавши вокругъ себя всѣхъ вѣрныхъ вельможъ съ ихъ родственниками и друзьями, такъ быстро двинулась противъ Мюррэя, что принудила его отступить, сражаясь отъ Стёрлинга до Гласго и отъ Гласго во владѣнія его союзника графа Арджиля. Въ то же время она дала энергическій отвѣтъ англійскому послу Тимсуорту, пріѣзжавшему къ ней съ высокомѣрнымъ отвѣтомъ Елизаветы; онъ не хотѣлъ признать Дарнлея королемъ, и за это былъ схваченъ на обратномъ пути, близъ границы и задержанъ въ плѣну, въ замкѣ Юмъ. Англійская королева ограни-

чилась только высылкою незначительной суммы денегъ со множествомъ обѣщаній герцогу Шательро́, графамъ Мюррэю, Арджилю, Ротзу, Гленкэрну и лордамъ Бойду и Очильтри, которые собравъ около тысячи человѣкъ, направились въ Эдинбургъ.

Эта столица королевства была также центромъ протестантизма. Бунтовщики думали, что она поголовно возстанетъ въ ихъ пользу, но были приняты очень холодно. Никто изъ гражданъ не встрѣтилъ ихъ, а изъ пушекъ цитадели даже стрѣляли по ихъ отряду. Несмотря на склонность новаго вѣроученія къ неповиновенію гражданской власти въ тѣхъ случаяхъ, когда обязанности религіозныя расходились съ обязанностями въ отношеніи къ государству; несмотря на расположеніе шотландскаго дворянства къ бунтамъ, нужно было, чтобы Марія Стюартъ совершила много ошибокъ, много неблагоразумнаго, пока противъ нея разразилось серьёзное возстаніе. Изумленные общественнымъ равнодушіемъ, испуганные собственною слабостію, возмутившіеся лорды со всевозможною поспѣшностію обратились за помощью къ Сесилю, руководившему политикой Елизаветы, и къ графу Бедфорду, начальствовавшему англійскими пограничными войсками; они требовали присылки трехъ тысячъ человѣкъ и отправленія нѣсколькихъ военныхъ кораблей въ Фортскій заливъ.

Но Марія, съ энергическою дѣятельностію съумѣвшая воспользоваться обычною медленностію Елизаветы, не дала имъ времени дождаться этой помощи. Предводительствуя арміей вассаловъ въ десять тысячъ человѣкъ, она во второй разъ рѣшительно двинулась противъ Мюррэя и его товарищей, объя-

вила ихъ бунтовщиками и заставила ихъ немедленно покинуть Эдинбургъ. Вслѣдъ затѣмъ она очистила графство Файфъ, изгнала лорда Грэнджа и тѣхъ бароновъ, которые выказывали расположеніе къ возмутившимся, собрала контрибуцію съ городовъ Дэнди Сентъ-Андре и взяла замокъ Кэмбль. Во всѣхъ этихъ походахъ она ѣздила верхомъ, съ пистолетами у сѣдла, все время пока преслѣдовала до Дэмфри разбитаго Мюррэя, который съ толпою своихъ приверженцевъ бѣжалъ на англійскую границу. Въ порывѣ вражды своей она сказала Рандольфу, невозмутимо остававшемуся возлѣ нея, что охотнѣе подвергнетъ опасности свою корону, чѣмъ откажется отъ мщенія.

Она въ то же время издала прокламацію противъ Мюррэя и его приверженцевъ. «Возмутители, причинившіе послѣднее возстаніе,—писала она,—говорятъ, что они взялись за оружіе защищая дѣло религіи; этимъ она хотѣла покрыть свои недостойныя намѣренія и легче увлечь людей неопытныхъ». Она обвиняла ихъ, напротивъ, въ томъ, что они дѣйствуютъ только изъ честолюбія, что они были осыпаны ея благодѣяніями, и теперь оказались столько же ненасытными, сколько неблагодарными. «Они не довольны тѣмъ, прибавляла она, что получали богатства за богатствами, почести за почестями; они хотѣли захватить въ свои руки насъ и все наше королевство, для того чтобы располагать, обладать и пользоваться имъ по своей прихоти.... Они хотѣли принудить насъ, чтобы мы управляли только по ихъ совѣтамъ..., разрушить спокойствіе государства, измѣнить естественный порядокъ вещей, заставить государей повиноваться, а подданныхъ повелѣвать. Никогда ничего

подобнаго не было требуемо ни отъ кого изъ королей, нашихъ благородныхъ предковъ, ни даже отъ регентовъ страны. Во время нашего дѣтства, и до возвращенія нашего въ государство, они пользовались свободнымъ выборомъ членовъ совѣта и дѣйствовали по своему благоусмотрѣнію; и теперь, когда мы достигли полной зрѣлости, они стремятся къ тому, чтобы считать насъ малолѣтними и держать насъ подъ своею опекою! Таково-то дѣло религіи, за которое возстали они; вотъ то дѣло, изъ котораго они хотятъ, чтобы вы рисковали своими землями, своимъ имуществомъ, своею жизнію, приставъ къ нѣсколькимъ бунтовщикамъ, съ оружіемъ въ рукахъ возмутившимся противъ своей природной государыни. Говоря прямо,—они стремятся къ тому, чтобъ быть королями, или, по-крайней-мѣрѣ, оставить намъ этотъ титулъ и присвоить себѣ управленіе государствомъ.» Она оканчивала обѣщая подданнымъ, что они спокойно будутъ пользоваться своимъ имуществомъ, полной свободою совѣсти, и призывала ихъ возвратиться къ законному повиновенію и постоянной вѣрности.

Взбунтовавшіеся лорды, понимая опасность, угрожавшую имъ, если они не получатъ немедленной помощи, отправили къ Роберту Мельвилю, своему посланнику у Елизаветы, записку названную: *свѣдѣніе о положеніи церкви Христовой, которая начинаетъ подвергаться преслѣдованіямъ въ лицѣ ея главнѣйшихъ членовъ, представляемыя ея величеству королевѣ.* Въ этомъ докладѣ, они приписывали вліянію иностранцевъ преслѣдованіе, которому подвергались. Главными виновниками его они называли Давида Риччіо, несправедливостямъ котораго осмѣлился

противиться Мюррэй и Дарнлея, который, будучи подданнымъ другаго государства, явился въ Шотландію, чтобы здѣсь, безъ ихъ согласія, захватить имя и власть короля. Они заклинали Елизавету поддержать это дѣло, имѣвшее большое значеніе и для нея самой. Но эта хитрая и осторожная королева, пославшая 12-го сентября къ графу Бедфорду повелѣніе отдать въ ихъ распоряженіе войска и деньги, черезъ три дня послѣ того отправила къ нему новый приказъ, которымъ уничтожался первый; въ это время она уже знала слабость бунтовщиковъ и понесенное ими пораженіе. Она ограничилась только тѣмъ, что велѣла Сесилю передать имъ, что смотритъ благосклонно на ихъ предпріятіе и весьма сочувствуетъ ихъ несчастію.

Марія Стюартъ, послѣ побѣдъ, одержанныхъ ею надъ противниками ея власти и религіи, уже не скрывала болѣе своихъ страстей и предположеній. Она приблизила къ себѣ предпріимчиваго врага Мюррэя, молодаго графа Ботвеля, утвердивъ его въ наслѣдственной должности великаго адмирала Шотландіи, и назначивъ военнымъ начальникомъ западной границы и центра. Она также выпустила изъ тюрьмы сына графа Гэнтли, и сдѣлала его однимъ изъ близкихъ къ себѣ лицъ.

Предсѣдателемъ своего совѣта она сдѣлала католика, графа Атоля, отъявленнаго врага графа Арджиля; это былъ человѣкъ весьма храбрый, но весьма безтолковый. Руководимая итальянцемъ Давидомъ Риччіо, она исподоволь приготовляла возстановленіе древней Церкви. Вмѣстѣ съ Дарнлеемъ, она обратилась къ Филиппу II съ просьбою о помощи въ борьбѣ, на-

чинавшейся между нею и протестантами, такъ же какъ Мюррэй и протестантскіе лорды обращались къ Елизаветѣ. Она писала королю испанскому, что онъ — естественный покровитель католической религіи, и что она, вмѣстѣ съ мужемъ, боясь потерять свою наслѣдственную корону, равно какъ и другія права, на которыя они *изъявляли притязанія*, если имъ не окажетъ помощи одинъ изъ великихъ христіанскихъ государей, нисколько не задумываясь, прибѣгаетъ къ нему; при этомъ она выставляла на видъ и то обстоятельство, что шотландцамъ, которые оставались вѣрными католической религіи, грозила опасность окончательной гибели. Къ нему былъ отправленъ одинъ англійскій дворянинъ, служившій прежде королевѣ Маріи Тюдоръ, и теперь находившійся при Дарнлеѣ. Она поручила ему объяснить королю испанскому положеніе ея дѣлъ, и просить его о скорѣйшемъ отвѣтѣ, отъ котораго зависѣло благосостояніе государства и Церкви, «а для поддержанія ихъ,—прибавляла она,—мы не пощадимъ ни жизни, ни средствъ, если только вы поможете намъ совѣтомъ и дѣломъ». Она просила о помощи также Карла IX.

Какъ французскій, такъ и испанскій дворы одобрили ея бракъ. Оба они въ сущности были весьма довольны, первый тѣмъ, что Марія не вышла замужъ ни за принца донъ-Карлоса, ни за эрцъ-герцога Карла; а второй тѣмъ, что она не выбрала вторично мужа себѣ въ могущественномъ домѣ, вліяніе котораго возбуждало опасенія Филиппа II, старавшагося повсюду противоборствовать его вліянію. Этотъ глава католицизма въ Европѣ, выслалъ Маріи Стюартъ двадцать тысячъ экю, и написалъ къ папѣ, который съ

своей стороны далъ ей восемь тысячъ. При этомъ Филиппъ писалъ ей, что послать другую помощь въ настоящее время было бы опасно и безполезно; онъ прибавлялъ, что не слѣдуетъ, однакоже, отказываться отъ правъ королевы шотландской на англійское наслѣдство, хотя бы поддерживать ихъ пришлось оружіемъ. Въ этомъ великомъ дѣлѣ,—говорилъ онъ,—самъ Богъ поддержитъ королеву Шотландіи; потому-что это единственный путь, по которому религія можетъ проникнуть въ королевство англійское,—всѣ другіе закрыты въ настоящее время.

До полученія этой незначительной и боязливой помощи, Марія Стюартъ отвергла посредничество, которое предлагалъ ей отъ имени своего двора французскій посланникъ Кастельно де-Мовиссіеръ. «Мнѣ легче потерять все,—сказала она съ гордостью,—чѣмъ договариваться съ своими подданными». Въ этомъ воинственномъ увлеченіи, она въ третій разъ выступила въ походъ, 9-го октября, чтобы изгнать изъ королевства остатки бунтовщиковъ, расположившихся въ Дэмфри. Въ сопровожденіи графовъ Ботвеля и Гэнтли, съ арміею отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ, она безъ труда обратила въ бѣгство Мюррэя и его приверженцевъ, которые 14-го октября бѣжали въ Англію. Марія торжествовала. Ее приводила въ опьяненіе эта жизнь, полная дѣятельности, случайности и борьбы. Побѣда была для нея началомъ мести. Она не довольствовалась только тѣмъ, что успѣла уничтожить возмутившихся лордовъ, осудивъ ихъ какъ измѣнниковъ, и отнявъ у нихъ имѣнія и должности; ея планы въ это время были обширнѣе и смѣлѣе. Все королевство преклонилось предъ нею. Изъ двад-

цати одного графа только пять, и изъ двадцати восьми лордовъ только трое были противъ нея, да и тѣ принуждены были бѣжать. Считая себя достаточно утвердившеюся въ Шотландіи, зная, что ея сторону поддерживаетъ католическая партія въ Англіи, и надѣясь на поддержку сильнѣйшихъ государей материка, она думала, что заставитъ самую Елизавету раскаяваться въ отказѣ признать ее своею наслѣдницею и въ подстрекательствѣ ея подданныхъ къ бунту. Она сама высказала свои намѣренія. Нѣкоторые вельможи ея свиты представляли ей, что она утомляетъ себя, находясь безпрерывно въ полѣ и предводительствуя войскомъ въ такое суровое время года; она отвѣчала имъ на это: «Я до тѣхъ поръ не оставлю моихъ трудовъ, пока они не приведутъ меня въ Лондонъ».

Она приняла весьма высокомѣрный тонъ съ Елизаветою. Въ письмѣ къ ней она говорила, что не можетъ вообразить, какимъ образомъ королева англійская согласилась поддерживать бунтовщиковъ, и грозила ей, что прибѣгнетъ къ помощи государей, своихъ союзниковъ, если та вздумаетъ дѣло возмутившихся считать своимъ дѣломъ. Положеніе Елизаветы было весьма затруднительно. Посланники французскій и испанскій, отъ имени своихъ государей, энергически отстаивали интересы Маріи Стюартъ, защищая такимъ-образомъ общія права государей. Кромѣ-того Елизавета боялась отчасти за спокойствіе своего государства и собрала войска на шотландской границѣ. Чтобы предупредить всякое движеніе со стороны англійскихъ католиковъ, она призвала въ Лондонъ герцога Норфолька, маркиза Нортэмптона, графовъ

Арэнделя и Пемброка подъ предлогомъ совѣщанія съ ними, но въ сущности потому, что считала ихъ расположенными къ своей соперницѣ. То же подозрѣніе заставило ее призвать къ себѣ графовъ Нортэмберлэнда, Уэстморлэнда и Кэмберлэнда, земли которыхъ находились на шотландской границѣ.

Принявъ эти предосторожности, она хотѣла успокоить неудовольствіе Маріи, гордившейся въ это время своими успѣхами, и выказала себя противъ обыкновенія весьма мягкою и не слишкомъ требовательною. Такъ-какъ ей ничего не стоило обманывать, то она выпуталась изъ ложнаго положенія, въ которое поставила себя при помощи одной изъ обыкновенныхъ для нея сценъ смѣлаго надувательства. Она притворилась чрезвычайно раздраженною поведеніемъ Мюррэя и публично приказала ему удалиться въ Ньюкэстль, а въ то же время, тайно, дозволила ему представиться ей. Мюррэй явился въ сопровожденіи одного изъ Гамильтоновъ, аббата Кильвининга. Елизавета приняла ихъ въ присутствіи членовъ своего совѣта и французскаго посланника, чтобы разыграть эту гнусную комедію какъ можно выгоднѣе для себя. Когда Мюррэй вошелъ, то, преклонивъ колѣни, заговорилъ по-шотландски. Королева остановила его, и приказала выражаться по-французски, потому-что онъ зналъ этотъ языкъ. Мюррэй отвѣчалъ, что ему трудно объясняться на языкѣ, на которомъ онъ мало говорилъ и который позабылъ почти. Королева возразила, что онъ навѣрное припомнитъ его на столько, чтобы отвѣчать ей и особенно на столько, чтобы понять ее, и потомъ сказала ему по-французски, что удивляется, какимъ образомъ онъ осмѣлился явиться къ ней безъ позволенія. «Развѣ вы, не заклей-

мены именемъ бунтовщика противъ своей государыни? Развѣ вы не отвергли съ презрѣніемъ ея призывъ и не подняли оружія противъ ея власти? Приказываю вамъ говорить истину, какъ прилично благородному человѣку.» Смѣшавшійся Мюррэй старался оправдаться противъ обвиненій въ измѣнѣ, и объяснялъ, что не могъ явиться къ своей государынѣ потому, что она была окружена его врагами; онъ говорилъ, что вовсе не имѣлъ желанія овладѣть ея особою и объявилъ, что королева англійская не побуждала его поднимать оружіе.

Елизавета просила французскаго посланника припомнить слова Мюррэя, и, обращаясь къ послѣднему, съ жаромъ прибавила:

«Вы хорошо сдѣлали, что сказали правду. Никогда ни я и никто отъ имени моего не одобрялъ вашего неестественнаго возмущенія противъ своей государыни. За власть надъ цѣлымъ міромъ я не стану поддерживать ни одного подданнаго въ неповиновеніи своему государю; и еслибы я сдѣлала это когда-нибуть, то за это Богъ наказалъ бы меня въ моемъ собственномъ государствѣ подобными же смутами! Что же касается до васъ обоихъ, то вы—недостойные предатели, и я повелѣваю вамъ немедленно удалиться изъ моего присутствія».

Послѣ этого безстыднаго обмана, Елизавета, такъ позорно оттолкнувшая людей, которыхъ сама возбуждала, и повергнувшая въ уныніе партію, въ которой скоро могла имѣть нужду, выказала чрезвычайную любезность Маріи Стюартъ. Она поручила Рандольфу, недавно отвозившему отъ нея деньги возмутившимся лордамъ, разсказать шотландской королевѣ, какъ она

приняла ихъ, и что говорила. «Я бы хотѣла, писала она собственноручно къ Маріи Стюартъ,— чтобы вы сами слышали это и могли судить, сколько уваженія и привязанности оказала я вамъ въ совершенное противорѣчіе тому, что говорили, будто я стою за вашихъ противниковъ; подобный поступокъ слишкомъ далекъ отъ меня; онъ бы принесъ очень много безчестія королевѣ, которая, не скажу сдѣлала бы, но даже допустила бы его.»

Марія Стюартъ никогда еще не достигала такого могущества. Ей повиновались всѣ въ государствѣ и ее уважали другіе государи. Теперь отъ ея умѣнья зависѣло упрочить за собою власть, добытую отважностію. Если бы она выказала больше снисходительности послѣ одержанныхъ ею побѣдъ, еслибы она простила Мюррэя и другихъ изгнанниковъ, она пріобрѣла бы ихъ благодарность и вѣрность. Послѣ униженія, которое перенесли они въ Англіи, они считали бы себя счастливыми, если бы могли возвратиться въ Шотландію; не надѣясь болѣе на коварную Елизавету, они бы сблизились съ великодушною Маріей. Эта государыня могла бы такимъ-образомъ ослабить англійскую партію въ своемъ королевствѣ, и въ тоже время усилить партію шотландскую въ Англіи. Ничто не уменьшаетъ такъ значительно враговъ и не пріобрѣтаетъ въ такой степени друзей, какъ сила, соединенная съ благоразуміемъ. Мюррэй, недавно бывшій такимъ гордымъ и упорнымъ въ своемъ сопротивленіи, униженно готовъ былъ возратиться къ покорности. Онъ послалъ дорогой алмазъ Давиду Риччіо, чтобы пріобрѣсти поддержку этого всесильнаго совѣтника королевы, сестры своей, обѣщая ему свою дружбу,

если только онъ возратитъ ему ея милости. Въ то же время объ этомъ хлопотали Джемсъ Мельвиль и Николай Трокмортонъ, желавшіе склонить королеву къ полезной кротости. Мельвиль, которому она дозволила свободно выражать передъ нею свои мнѣнія, говорилъ ей объ этомъ въ Эдинбургѣ; а Трокмортонъ, изъ зависти къ Сесилю приставшій къ партіи Маріи, писалъ ей изъ Англіи, убѣждая ее простить, чтобы потомъ спокойнѣе царствовать. И тотъ и другой просили ее быть милосердою для ея же собственной пользы и славы, чтобы этимъ привязать къ себѣ всѣхъ подданныхъ, не оставлять Елизаветѣ никакого средства для нарушенія спокойствія въ государствѣ, и расположить самихъ протестантовъ въ пользу ея правъ на Англію.

Но Марія была слишкомъ увлечена, и не захотѣла послушаться этихъ мудрыхъ совѣтовъ, основанныхъ на политическомъ разсчетѣ. Ей казалось лучше продолжать свое мщеніе, и она уступила внушеніямъ французскаго двора и кардинала лотарингскаго, приславшаго въ Шотландію Рамбулье и Клерно, чтобы поднести Дарнлею орденъ св. Михаила, и сообщить Маріи о союзѣ, заключенномъ католическими государями противъ протестантства. Марія Стюартъ подписала союзный договоръ, и, не слушая Мельвиля, доказывавшаго ей, что не слѣдуетъ принуждать людей къ крайностямъ, чтобы несдѣлать ихъ опасными,—она отвѣчала ему съ гнѣвомъ: «Я не боюсь ихъ. Что̀ смѣютъ, что̀ могутъ они предпринять?» Простивъ одного только герцога Шательро, который по слабости своего характера былъ не очень опасенъ, и разъединивъ фамилію Гамильтоновъ съ другими изгнанниками, она

рѣшилась уничтожить Мюррэя, Арджиля и другихъ ихъ товарищей по возстанію, заставивъ на ближайшихъ засѣданіяхъ парламента осудить ихъ, какъ измѣнниковъ.

За нѣсколько времени до этого собранія, которое должно было удовлетворить ея мстительности, и на которомъ она хотѣла осуществить свои предположенія въ пользу старой Церкви, она послала епископа дэмбленскаго къ новому папѣ Пію V, чтобы предложить ему свою полную покорность. Она просила у него духовной и свѣтской помощи, «для того,—писала она,—чтобы измѣнить плачевное и жалкое положеніе нашего государства. Случай теперь благопріятный, потому-что враги наши отчасти изгнаны, отчасти находятся подъ нашею властію... Если Богъ и ваше святѣйшество, за дѣло которыхъ мы стоимъ, поможете намъ, то съ подобною поддержкою мы преодолѣемъ всѣ препятствія». Давидъ Риччіо, бывшій пенсіонеромъ папы и главнымъ агентомъ католической политики, убѣждалъ королеву быть непреклонною къ изгнанникамъ, и вступить на опасный путь религіозной реставраціи.

Этотъ молодой итальянецъ, достигши такого значенія въ Шотландіи, гдѣ онъ скоро нашелъ трагическій, конецъ, прибылъ въ Эдинбургъ въ декабрѣ 1562 г. имѣя около 28 лѣтъ отъ роду. Онъ пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ савойскимъ посланникомъ графомъ Моретто, у котораго былъ камердинеромъ (cameriere). Это былъ человѣкъ ловкій, получившій образованіе довольно рѣдкое для нѣсколько грубаго шотландскаго двора; къ тому же онъ былъ прекрасный музыкантъ, и королева оставила его въ качествѣ своего

камеръ-лакея, когда графъ Моретто возвратился въ Пьемонтъ. Марія Стюартъ очень любила музыку, и окружала себя артистами на скрипкѣ, на лютнѣ и на флейтѣ; у нея были также три пѣвца, и къ нимъ присоединялся иногда Риччіо, чтобы пѣть басомъ, котораго для хора недоставало. Найдя его въ скоромъ времени способнымъ къ болѣе почетной службѣ, чѣмъ должность камердинера, королева, въ декабрѣ 1564 г., назначила его своимъ секретаремъ для иностранной корреспонденціи, на мѣсто Роле. «Онъ такъ хорошо исполнялъ эту должность, писалъ тосканскій посланникъ къ герцогу Косьмѣ I, что бо̀льшая часть государственныхъ дѣлъ проходила чрезъ его руки. Онъ такъ благоразумно велъ ихъ, такъ хорошо оканчивалъ, что ея величество скоро очень полюбила его.» По его-то совѣту и подъ его руководствомъ устроился бракъ Дарнлея; онъ, сообразно съ желаніемъ Маріи, старался тѣсными узами связать королеву шотландскую съ папою и королемъ испанскимъ, отдѣлить ее отъ Англіи и разорвать ея связь съ протестантскою партіею. Онъ жилъ на большую ногу, а необыкновенная благосклонность, которою онъ пользовался, сдѣлала его высокомѣрнымъ и дерзскимъ. Его близость къ королевѣ и власть, пріобрѣтенная имъ надъ нею, сильно повредили репутаціи Маріи. Такъ Елизавета, говоря съ французскимъ посланникомъ объ изгнанія Мюррэя, сказала ему: «что причиною этого изгнанія былъ итальянецъ, по имени Давидъ, котораго королева шотландская любила и которому покровительствовала больше, чѣмъ позволяли это ея положеніе и честь.»

Дарнлей, нѣсколько времени жившій въ согласіи съ Риччіо, сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Человѣкъ

честолюбивый и пустой, не отличавшійся ни кротостію, ни храбростію, не обладавшій ни ловкостію, ни умѣньемъ подчиняться при случаѣ, Дарнлей, умъ котораго не возвышался вмѣстѣ со счастіемъ, скоро потерялъ любовь Маріи Стюартъ. Онъ ошибался въ чувствахъ этого вѣтреннаго сердца, и какъ-будто нарочно старался всѣми средствами утратить власть надъ нимъ, которую удалось ему пріобрѣсти на минуту. Онъ любилъ пить, проводилъ много времени на охотѣ, держалъ себя высокомѣрно, былъ грубъ и взыскателенъ. Онъ принуждалъ Марію Стюартъ раздѣлить съ нимъ *брачную корону*, т. е. уступить ему половину верховной власти, что̀ она обѣщала ему въ первомъ пылу своей любви, и чѣмъ обладалъ ея первый мужъ, Францискъ II-й. Но она отказала ему въ этомъ, можетъ-быть потому, что находила его неспособнымъ къ правленію, а можетъ-быть и потому, что не любила уже его больше. Недостатки Дарнлея не оставляли ей ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если она отдастъ въ его руки королевскую власть, то подвергнетъ такимъ-образомъ большимъ опасностямъ и себя, и свое государство. Меньше чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего замужства, Марія, потерявъ привязанность къ Дарнлею, также старалась избѣгать его, какъ незадолго передъ тѣмъ искала случаевъ видѣть его. Было уже недалеко до разрыва, и Дарнлей, въ своемъ неудовольствіи, готовилъ для Маріи Стюартъ сцену печальнаго униженія.

Обманутый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, оскорбленный въ своей привязанности, Дарнлей приписывалъ отказъ и отчужденіе отъ него королевы вліянію Риччіо; онъ думалъ, что секретарь-итальянецъ

былъ и совѣтникомъ ея, и любовникомъ. «Я узналъ,— говорилъ онъ,—что этотъ презрѣнный Давидъ обезчестилъ мое брачное ложе.» Поэтому онъ рѣшился отдѣлаться отъ него. Свое горе онъ открылъ двоюродному брату своему Джорджу Дугласу, который принялъ близко къ сердцу воодушевлявшую его жажду мщенія. Дарнлей послалъ Дугласа къ лорду Рутвену, одному изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ своей фамиліи, человѣку смѣлому и рѣшительному, съ просьбою принять участіе въ его мщеніи и помочь его предполагаемому возвышенію. Дѣло шло о томъ, чтобы убить Риччіо и захватить силою брачную корону. Хотя лордъ Рутвенъ былъ въ это время очень нездоровъ, однакоже, послѣ непродолжительнаго колебанія, онъ присталъ къ заговору, въ которомъ участвовалъ также лордъ Линдсэй и о которомъ зналъ даже Рандольфъ. Не далѣе какъ за мѣсяцъ до его выполненія, Рандольфъ писалъ къ Лейстеру, 13-го февраля 1556 г. «Мнѣ извѣстно навѣрное, что королева раскаявается въ своемъ бракѣ, что она ненавидитъ Дарнлея и всѣхъ его родственниковъ; я знаю также, какъ то и ему самому не безъизвѣстно, что нѣкто раздѣляетъ съ нимъ благосклонность королевы; я знаю, что существуетъ заговоръ, руководимый отцомъ и сыномъ, и имѣющій цѣлью овладѣть короною противъ воли королевы; я знаю, что если предположеніе удастся, то Давиду перерѣжутъ горло съ согласія короля... Я узналъ вещи болѣе ужасныя: умыслы противъ особы королевы; но думаю, что лучше сохранять ихъ въ тайнѣ, чѣмъ писать объ нихъ господину секретарю (Сесилю). Я сообщаю объ этомъ въ настоящее время только вашей свѣтлости.»

Заговоръ распространялся въ глубокой тайнѣ; Рутвенъ, находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ изгнанными лордами, считалъ нужнымъ вовлечь и ихъ въ это дѣло. Такъ же какъ прежде друзьямъ Маріи Стюартъ нужно было соединиться съ приверженцами Леннокса, чтобы одолѣть партію Мюррэя, такъ теперь необходимъ былъ союзъ Леннокса съ Мюррэемъ противъ Маріи Стюартъ и преданныхъ ей вассаловъ. Одни Леннокcы не могли и удерживать Мюррэя и другихъ изгнанковъ въ ссылкѣ, и подчинить себѣ королеву. По этому рѣшено было привлечь къ заговору тѣхъ, которые еще такъ недавно подвергались жесточайшимъ преслѣдованіямъ. Графъ Мортонъ, близкій родственникъ и искренній другъ Мюррэя, приверженецъ угрожаемаго протестантскаго исповѣданія, боявшійся потерять должность государственнаго канцлера, а также нѣкоторыя ленныя владѣнія, взялся руководить предпріятіемъ; онъ сдѣлалъ это втайнѣ и съ ловкостію. Пріобрѣсти сочувствіе главнѣйшихъ пасторовъ и самыхъ могущественныхъ бароновъ протестантской партіи; возвратить изгнанниковъ и возстановить ихъ прежнее значеніе; обезпечить за собою поддержку Елизаветы и ея главнѣйшихъ министровъ: Сесиля и Лейстера; убить Риччіо; распустить парламентъ, который долженъ былъ собраться, чтобы законнымъ порядкомъ опредѣлить гибель бѣжавшихъ лордовъ; арестовать королеву; вручить Дарнлею королевскій титулъ и поставить Мюррэя во главѣ правленія,—таковъ былъ планъ, составленный Мортономъ. Въ Шотландіи этотъ планъ приняли лорды: Линдсэй, Рутвенъ, Летингтонъ, два эдинбургскихъ пастора Ноксъ и Крэгъ, клеркъ юстиціи, Белленденъ, клеркъ протоколовъ, Макгиль;

лэрды: Вонстонъ, Кальдеръ и Ормистонъ. Внѣ Шотландіи графъ Леннокcъ самъ сообщилъ объ этомъ планѣ Мюррэю, Ротзу, Грэнджу, Гленкэрну и Очильтри, тестю Нокса: всѣ они приняли его и условились собраться на границѣ, чтобъ быть готовыми, въ случаѣ успѣха, прибыть немедленно въ Эдинбургъ.

Составили два covenants (союзные акты), чтобы торжественно соединить короля съ его соучастниками. Въ первомъ, который подписали: король, Мортонъ и Рутвенъ, Дарнлей объявилъ, что королева совращена съ пути и обманута злонамѣренными людьми и особенно однимъ итальянцемъ, по имени Давидомъ; поэтому онъ положилъ, съ помощію дворянства и другихъ лицъ, овладѣть этими врагами государства; а если они станутъ сопротивляться, такъ уничтожить ихъ. Онъ обязался своимъ королевскимъ словомъ поддерживать и защищать своихъ соучастниковъ даже въ присутствіи самой королевы и внутри дворца. Во второмъ covenant графы: Мюррэй, Арджилъ, Гленкэрнъ и Ротзъ, лэрды Бойдъ и Очильтри обѣщали отъ имени своего и своихъ единомышленниковъ поддерживать справедливыя требованія Дарнлея, быть друзьями его друзей и врагами его враговъ, поднести ему брачную корону, поддерживать протестантское исповѣданіе и сражаться съ его противниками. Король, съ своей стороны, обѣщалъ простить Мюррэя, прекратить всякое судебное преслѣдованіе за ихъ проступокъ и возстановить ихъ въ должностяхъ и владѣніяхъ, принадлежавшихъ имъ прежде.

Эти covenants были сообщены Рандольфу, который копіи съ нихъ переслалъ Сесилю. Рандольфъ и графъ Бедфоръ писали въ одно время изъ Бервика, 6 марта,

государственному секретарю Елизаветы, подъ строгою тайною отъ всѣхъ, кромѣ королевы и Лейстера, о великомъ предпріятіи, которое вскорѣ должно было совершиться: «Вамъ извѣстны, говорили они, недоразумѣнія и споры, возникшіе между королевою и ея мужемъ, по поводу того, что, съ одной стороны, она отказала ему въ брачной коронѣ, а съ другой, онъ узналъ, что королева поступаетъ съ нимъ такъ невыносимо, что мы не рѣшились бы этому повѣрить, если бы ея поведеніе не было слишкомъ извѣстно. Чтобы уничтожить этотъ предлогъ къ скандалу, онъ рѣшился присутствовать при арестѣ и наказаніи того, чьи преступленія превышаютъ всякую мѣру, и кто нанесъ ему величайшее безчестіе, какое только можетъ получить человѣкъ, и особенно находящійся на такой высокой степени.» Они доносили въ своей депешѣ обо всѣхъ условіяхъ, заключенныхъ заговорщиками, и прибавляли: «Если королева шотландская, сопротивляясь тому, что потребуютъ отъ нея, найдетъ поддержку внутри государства, то противъ нея можно будетъ держаться, потому-что она должна будетъ прибѣгнуть къ совѣтамъ и помощи только той части дворянства, которая сохранила къ ней вѣрность. Но если она обратится къ чужеземной помощи, то ея величество королеву, государыню нашу, будутъ просить о томъ, чтобы она милостиво приняла на себя защиту короля и лордовъ, на основаніяхъ заслуживающихъ уваженія. Вотъ обстоятельства, которыя казались и кажутся еще намъ, имѣющими большую важность. Мы полагали, что на насъ лежитъ обязанность извѣстить объ этомъ васъ, господинъ секретарь, для того что-

бы вы могли сдѣлать объ нихъ представленіе (королевѣ) по вашему благоусмотрѣнію.»

Елизавета дѣйствительно была извѣщена о заговорѣ, и вовсе не думала препятствовать ему. Ни Марія Стюартъ, противъ власти и чести которой была задумана эта измѣна, ни Давидъ Риччіо, жизни котораго она угрожала, нисколько не подозрѣвали объ этомъ мрачномъ заговорѣ, хотя онъ извѣстенъ былъ столькимъ лицамъ. Однакоже королева замѣчала глубокое отвращеніе, питаемое дворянствомъ къ слишкомъ близкому и слишкомъ довѣренному секретарю. Въ одномъ письмѣ, гдѣ она излагала свои мнѣнія на этотъ счетъ, она съ грознымъ увлеченіемъ возражала на притязанія лордовъ, которые, ссылаясь на заслуги своихъ предковъ, и считая себя, какъ они сами выражались, лучше воспитанными и болѣе учеными, хотѣли всѣмъ управлять въ государствѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они, больше чѣмъ кто другой, имѣютъ богатствъ и чести, которыя могутъ посвятить отечеству.... Марія находила, что вообще вмѣсто храбрости и благоразумія своихъ предковъ, они отличались только пристрастіемъ къ своимъ фамиліямъ, беззаботностію о своей чести, были безразсудны, измѣнчивы, властолюбивы и презирали верховную власть и законы. Она спрашивала далѣе, слѣдовало ли въ подобномъ случаѣ непризнавать или уменьшать черезъ нихъ власть королевскую, уважая ихъ силу; и въ заключеніе говорила: «Если король находитъ человѣка изъ низкаго состоянія, бѣднаго по имуществу, но богатаго умомъ, вѣрностію, привязанностію и способнаго къ выполненію поручаемыхъ ему обязанностей, онъ не долженъ осмѣливаться поручить ему власть, потому-что люди силь-

ные, уже обладающіе ею, хотятъ получить ее въ бо́льшей мѣрѣ!» Итакъ она твердо рѣшилась поддерживать противъ нихъ Риччіо, который и былъ именно этотъ человѣкъ,—низкаго происхожденія, но съ высокимъ умомъ и вѣрнымъ сердцемъ.

Риччіо, съ своей стороны, разсчитывая на энергическую поддержку смѣлой королевы, казался недоступнымъ боязни; однакоже его предостерегалъ одинъ астрологъ, по имени Даміо, съ которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться. Но таинственное предсказаніе гадателя, который совѣтовалъ ему, какъ говорятъ, остерегаться *незаконнорожденнаго*, обозначая этимъ именемъ Джорджа Дугласа, побочнаго сына графа Ангуса, какъ-будто бы угрожало ему Мюррэемъ. Мюррэй, въ то время изгнанный, недавно самъ заискивалъ расположеніе Риччіо, чтобы опять войти въ милость, а слишкомъ самонадѣянный фаворитъ пренебрегъ этимъ неяснымъ предостереженіемъ. Онъ не принялъ никакихъ предосторожностей, и оставался въ неблагоразумной короткости съ королевой.

Марія Стюартъ, узнавъ, что англійскій посланникъ передалъ денежную сумму Мюррэю, во время его возмущенія, приказала ему, 17-го февраля, оставить Шотландію. Агитаторъ Рандолфъ удалился въ Бервикъ. Королева созвала парламентъ, который долженъ былъ утвердить осужденіе Мюррэя и другихъ изгнанниковъ. Она лично открыла его, 7 марта, день, въ который были назначены *статейные лорды*, и она вручила имъ въ духовномъ управленіи государствомъ власть, принадлежавшую имъ до перемѣнъ, совершенныхъ въ общественномъ богослуженіи, для того чтобы, какъ она сама выразилась, содѣйствовать возстановленію

древней религіи и противодѣйствовать возмутителямъ. Обвинительный актъ противъ послѣднихъ былъ составленъ, и долженъ былъ вотироваться во вторникъ, 12 марта. Но заговорщики не дожидали этого дня, и избрали субботу, 9 марта, для выполненія своего предпріятія, которому съ своей стороны, вспомоществовали пресвитеріанскіе пасторы.

3-го марта началась великая недѣля общаго покаянія протестантовъ, и самые ревностные изъ нихъ собрались поэтому въ Эдинбургъ. Ноксъ, а также и Крэгъ, знавшіе оба о заговорѣ, избрали для своихъ проповѣдей предметы, способные взволновать умы и подготовить ихъ къ предстоявшему событію, приводя кровавые примѣры изъ библіи. Смерть Зева и Орева, пораженіе Веніамитовъ, исторія Эсѳири, казнь Амана научали этихъ напуганныхъ и жестокихъ людей, какъ нужно поступать съ врагами народа Божьяго. Такимъ врагомъ былъ на этотъ разъ бѣдный итальянецъ, котораго презирали какъ иностранца, которому завидовали какъ фавориту, котораго боялись, какъ католика и котораго заговорщики рѣшились принести въ жертву, даже въ самомъ присутствіи королевы.

Дѣйствительно, въ субботу вечеромъ Мортонъ, Рутвенъ, Линдсэй явились въ сопровожденіи около двухъ-сотъ вооруженныхъ человѣкъ, какъ это было заранѣе условлено, къ Дарнлею, комнаты котораго въ Голирудскомъ дворцѣ были расположены подъ апартаментами Маріи Стюартъ. Онъ поужиналъ раньше обыкновеннаго и ожидалъ ихъ. Въ 8 часовъ онъ поднялся къ королевѣ по потайной лѣстницѣ, въ сопровожденіи Рутвена, Джорджа Дугласа, Андрея Кара-Фодонсайда и Патрика Беллендена, которые шли за

нимъ въ небольшомъ разстояніи; между-тѣмъ какъ Мортонъ и Линдсэй заняли съ своими вооруженными людьми ворота и внутренность дворца. Дарнлей первый вошелъ въ кабинетъ королевы, маленькую комнату около двѣнадцати футовъ въ квадратѣ, гдѣ засталъ Марію Стюартъ за ужиномъ съ ея побочною сестрою, леди Арджиль и Давидомъ Риччіо, который сидѣлъ съ покрытой головою; здѣсь же присутствовали голирудскій комендантъ *, лэрдъ Кричъ, Артуръ Эрскинъ и нѣсколько другихъ придворныхъ. Дарнлей сталъ сзади королевы, которая обернулась къ нему и они поцѣловались.

Черезъ минуту послѣ этого вошелъ Рутвенъ, покрытый латами, съ лицомъ блѣднымъ и изнуреннымъ болѣзнію, вслѣдъ за нимъ явились Джорджъ Дугласъ, Фодонсайдъ и Патрикъ Беленденъ съ кинжалами и пистолетами въ рукахъ. Ихъ появленіе въ комнатахъ королевы, въ этотъ часъ и въ такомъ видѣ, заставило Марію Стюартъ угадать мрачное намѣреніе короля и заговорщиковъ. Она спросила у Рутвена, что привело его, и кто позволилъ ему явиться къ ней. Рутвенъ отвѣчалъ, указывая на Риччіо: «Вотъ этотъ Давидъ, который сидитъ здѣсь, въ вашей собственной комнатѣ, гдѣ онъ былъ уже слишкомъ долго. Не угодно ли вашему величеству удалить его».—Въ чемъ же заключается его проступокъ? спросила королева.— «Онъ нанесъ,—возразилъ Рутвенъ,—величайшее и самое гнусное оскорбленіе чести вашего величества, королю, супругу вашему, дворянству и всему народу». Тогда

* Лордъ Робертъ Стюартъ, побочный сынъ Іакова V и Ефиміи Эльфинстонъ; онъ сдѣланъ былъ комендантомъ аббатства Голирудъ еще при отцѣ своемъ.

королева отвѣчала ему, что если онъ желаетъ обвинять Давида, то она предастъ его лордамъ парламента, и повелѣла Рутвену удалиться подъ страхомъ наказанія, какъ за измѣну. Но Рутвенъ, не слушая вовсе ея словъ, подошелъ къ Давиду, чтобы схватить его. Послѣдній бросился къ королевѣ съ крикомъ: «Государыня, я погибъ! Giusticia, giusticia! спаси мнѣ жизнь, государыня, спаси мнѣ жизнь!» При этомъ движеніи его и преслѣдованіи, которому онъ подвергся, столъ былъ опрокинутъ на королеву, находившуюся въ это время на шестомъ мѣсяцѣ беременности, и старавшуюся вырвать его изъ рукъ убійцъ, кинжалы и пистолеты которыхъ въ эту минуту направились противъ нея. Риччіо ухватился изо всей силы за складки ея платья. Дарнлей собственными руками оттащилъ его, и пока его вели насильно, онъ удерживалъ королеву въ своихъ рукахъ, чтобы она не бросилась на помощь къ своему секретарю.

Взволнованная опасностью, которой подвергался ея несчастный слуга, и опасаясь лично за себя, Марія умоляла заговорщиковъ быть милосердыми къ Риччіо, котораго они уводили, напоминая при этомъ Дарнлею услуги, которыя тотъ оказалъ ему самому. Дарнлей лицемѣрно увѣрялъ ее, что ему не сдѣлаютъ ни малѣйшаго зла. Бѣднаго, дрожащаго итальянца потащили изъ кабинета королевы черезъ ея спальню, въ находившуюся рядомъ пріемную комнату. Тамъ находилась бо̀льшая часть заговорщиковъ въ ожиданіи своей жертвы. Мортонъ и Линдсэй хотѣли оставить его до слѣдующаго дня, чтобы повѣсить потомъ, но нетерпѣливый Джорджъ Дугласъ поразилъ его на лѣстницѣ кинжаломъ короля, вскричавъ: «*Вотъ ко-*

ролевскій ударъ!» Въ ту же минуту на Риччіо бросились другіе, и онъ палъ, пораженный пятьюдесятью шестью ударами стилетовъ и кинжаловъ. Его трупъ былъ выкинутъ черезъ окно на дворъ и положенъ въ комнатѣ дворцоваго привратника.

Узнавъ объ умерщвленіи Риччіо, королева, въ порывѣ скорби и негодованія, высказала свои чувства къ Дарнлею. Она упрекала его въ томъ, что онъ покровительствовалъ такому подлому поступку и въ томъ, что онъ покрылъ ее стыдомъ, забывъ, что она вывела его изъ ничтожества и возвела даже на тронъ; она называла его измѣнникомъ и сыномъ измѣнника. Дарнлей, въ свою очередь, упрекалъ ее за то, что она, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, избѣгаетъ его присутствія, не хочетъ оставаться съ нимъ, когда Давидъ бываетъ у нея. Потомъ онъ прибавилъ: «Именно поэтому я согласился на такой поступокъ, какъ для вашей чести и собственнаго удовлетворенія, такъ и для того, чтобы избавиться отъ Давида.» Милордъ, возразила она ему, вы были виновникомъ оскорбленія, нанесеннаго мнѣ, я не жена вамъ больше, и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока ваше сердце не будетъ растерзано такъ же, какъ сегодня мое.» Рутвенъ, возвратившійся послѣ этого ужаснаго дѣла, вошелъ при этихъ словахъ. Изнуренный, еще болѣе чѣмъ взволнованный, и готовый лишиться чувствъ, онъ спросилъ стаканъ вина. Потомъ онъ рѣзко сказалъ королевѣ, что Давида убили, потому-что онъ былъ стыдомъ для нея, бичомъ для ея государства, и что гибельное вліяніе, какое онъ имѣлъ надъ нею, заставляло ее угнетать дворянство, изгнать удалившихся лордовъ, находиться въ предосудительныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ иностран-

ными государями, изъ желанія возстановить прежнюю религію и, наконецъ, что черезъ него же въ ея совѣтъ были допущены измѣнники: графы Ботвель и Гэнтли. Марія Стюартъ, униженная такимъ образомъ, залилась слезами и отвѣчала ему съ угрожающею горечью: «Эта кровь дорого будетъ стоить нѣкоторымъ изъ васъ!» Рутвенъ, дикая энергія котораго, еще болѣе усиленная болѣзнію, сразившею его чрезъ два мѣсяца послѣ того, отвѣчалъ: «Избави Богъ! потому-что чѣмъ больше ваше величество обнаружите гнѣва, тѣмъ строже будетъ свѣтъ въ своемъ приговорѣ объ васъ.» Лишившись слуги, преданнаго ей и дорогаго для нея, получивъ оскорбленіе своей чести, потерявъ свою власть, Марія сдѣлалась плѣнницею враговъ своихъ.

Графы Гэнтли и Ботвель, узнавъ, что Мюррэя и Арджиля ожидаютъ на другой день, и думая, что имъ та же грозитъ участь Риччіо, бѣжали, спустившись на веревкѣ изъ дворцоваго окна, выходившаго въ поле. Графъ Атоль, лорды Флемингъ и Ливингстонъ и сэръ Джемсъ Бальфёръ, находившіеся въ Голирудѣ, когда заговорщики наполнили дворецъ, и когда былъ убитъ Риччіо, тоже спаслись бѣгствомъ. Шумъ, происходившій въ замкѣ, встревожилъ жителей Эдинбурга. Городской старшина, извѣщенный Мельвилемъ, приказалъ ударить въ набатъ, и съ толпою вооруженныхъ гражданъ явился у воротъ дворца, желая узнать, что̀ случилось, и прося позволенія видѣть королеву. Но заговорщики отказали ему и грозили королевѣ, что убьютъ и ее, и выкинутъ за стѣны, если она захочетъ видѣть гражданъ и говорить съ ними. Но такъ-какъ послѣдніе настаивали на своемъ желаніи,

то имъ отвѣчали отъ имени короля, что королева здорова, что съ нею не случилось ничего особеннаго, и что только убитъ секретарь-итальянецъ, находившійся въ сношеніяхъ съ папою и королемъ испанскимъ, и условившійся съ ними ввести въ государство иностранныя войска съ цѣлью покорить его и возстановить католическое вѣроисповѣданіе. За тѣмъ Дарнлей приказалъ имъ удалиться. Они разошлись тогда, и королева, безъ всякой надежды на помощь, оставалась втеченіи всей этой печальной ночи плѣнницею въ своей комнатѣ, не имѣя при себѣ даже своихъ слугъ и женщинъ. Она чувствовала, что ей нужно принуждать себя, притворяться, посѣять раздоръ между своими врагами, чтобы сначала вырваться изъ ихъ рукъ и потомъ уже отмстить имъ. И она исполнила это съ терпѣніемъ, хитростію, ненавистью и ловкостью оскорбленной женщины.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Бракъ королевы съ Дарнлеемъ повергъ Шотландію въ междоусобную войну; умерщвленіе Риччіо послужило въ ней началомъ заговоровъ и убійствъ. Исторія этого терзаемаго королевства втеченіи долгаго періода времени представляетъ только рядъ возмущеній, измѣнъ и насилій. Всѣ подвергались этому: и король, и королева, и три регента, только въ разное время и не въ одинаковой степени. Убійство, темница и эшафотъ были ихъ удѣломъ. Но такова уже обыкновенно судьба необузданныхъ страстей. Они находятъ наказаніе тамъ, гдѣ ищутъ своего удовлетворенія.

Втеченіи печальной ночи, наступившей послѣ убійства Риччіо, Марія Стюартъ была погружена въ самое горькое отчаяніе. Въ собственномъ дворцѣ ее сдѣлали невольницею, потому-что Мортонъ и другіе заговорщики зорко охраняли его. На утро Дарнлей заговорилъ и началъ дѣйствовать какъ король. Онъ опредѣлилъ распустить парламентъ и подъ страхомъ наказанія за измѣну предписалъ его членамъ оставить Эдинбургъ втеченіи трехъ часовъ. Собственноручно онъ написалъ къ городскому старшинѣ, чтобы тотъ строго наблюдалъ за этимъ и не дозволялъ оставаться никому, кромѣ протестантовъ. Когда онъ посѣтилъ королеву, то нашелъ ее въ припадкѣ печальнаго изступленія. Трагическая сцена, происходившая передъ ея глазами, страшныя воспоминанія, преслѣдовавшія ея, грозная фигура Рутвена, который, казалось, готовъ былъ поразить ее, зловѣщія намѣренія, которыхъ она опасалась со стороны дворянства, привыкшаго не уважать своихъ государей, причинили ей нѣчто въ родѣ бреда. При видѣ ея страданій, сожалѣніе пробудило въ сердцѣ Дарнлея любовь. Онъ просилъ прочихъ заговорщиковъ, чтобы служанкамъ королевы дозволено было прійти къ ней на помощь, съ условіемъ, чтобы всякій разъ, какъ онѣ будутъ выходить изъ ея комнаты, ихъ лица были открыты, изъ опасенія упустить плѣнницу, подъ одеждой кого-нибудь изъ нихъ. Съ этой минуты Марія Стюартъ, видя что она можетъ освободиться не иначе, какъ только при помощи собственной хитрости, пустила въ ходъ всю свою ловкость и притворство, чтобы достигнуть этой цѣли.

Когда Мюррэй, навстрѣчу которому она послала Мельвиля, прибылъ въ воскресенье вечеромъ, вмѣстѣ

съ бѣжавшими лордами, она пригласила его къ себѣ. Увидя его, она бросилась къ нему въ объятія и сказала: «Ахъ, братъ мой, еслибъ вы были здѣсь, вы не позволили бы поступать со мною такъ недостойно. Мюррэй казался растроганнымъ.

Собравшіеся на утро заговорщики не окончили ничего изъ оставшагося имъ сдѣлать. Казалось, они должны были вручить корону и управленіе государствомъ Дарнлею, довершить утвержденіе протестантства и заключить королеву въ замкѣ Стёрлингъ до тѣхъ поръ, пока она не одобритъ всѣхъ ихъ поступковъ. Но этотъ планъ, который приписывала имъ Марія Стюартъ, они осуществили только черезъ годъ. Теперь же хитрость королевы и слабость Дарнлея разстроили его.

При многочисленныхъ и скрытныхъ свиданіяхъ, происходившихъ между королевою и ея мужемъ, она указала ему какое жалкое положеніе займетъ онъ въ отношеніи къ лордамъ, если позволитъ имъ одержать верхъ надъ нею и въ то же время указала на опасность, которой онъ подвергнется со стороны союзныхъ государей, если допуститъ дальнѣйшія перемѣны въ религіозномъ устройствѣ королевства. Ей не трудно было привлечь его къ себѣ. Дарнлей былъ человѣкъ пустой и слабый, и несмотря на свое честолюбіе, отличался боязливостію. Рѣзкія и унизительныя объясненія, происходившія между мужемъ и женою, были забыты; Дарнлей не вспоминалъ уже про оскорбленія своей чести, на которыя онъ жаловался, а Марія про обиду, полученную ею недавно и про насиліе, которымъ отнята у нея власть. Покинувъ своихъ друзей и свои намѣренія, Дарнлей рѣшился помогать освобожденію Маріи Стюартъ и слѣдовать за нею.

Это освобожденіе не могло совершиться иначе, какъ только при обманѣ другихъ заговорщиковъ. Въ понедѣльникъ Дарнлей сообщилъ имъ, что королева больна лихорадкою и что ей угрожаетъ преждевременное разрѣшеніе отъ бремени, если она не перемѣнитъ воздуха. Въ то же время онъ увѣрялъ, что она готова забыть все случившееся, словесно подтвердить имъ всѣ свои обѣщанія и подписать акты, которые они сочтутъ нужнымъ составить для своей безопасности. Заговорщики считали сначала всѣ эти предложенія обманомъ, и совѣтовали Дарнлею не довѣряться ей. Но Дарнлей настоялъ на своемъ, и привелъ Мюррэя, Мортона и Рутвена къ королевѣ. Марія сказала имъ, что никогда не любила крови и не жаждала богатствъ своего дворянства; что, поступая такъ, какъ она дѣлала съ самаго возвращенія своего въ Шотландію, она снова будетъ милостива къ изгнанникамъ, проститъ смерть Давида и забудетъ все прошлое. Она предложила имъ, чтобы они сами назначили условія, которыя она подпишетъ, и которыми должна быть ограждена ихъ безопасность. Потомъ, взявъ подъ руки Дарнлея и Мюррэя, она нѣсколько времени прохаживалась съ ними съ видомъ довѣрчивости и дружбы.

Принужденные уступить желаніямъ короля и подчиниться предложеніямъ королевы, заговорщики составили актъ въ защиту своей безопасности и передали его Дарнлею. Послѣдній взялся устроить такъ, чтобы королева подписала его. Онъ просилъ ихъ также, чтобы они оставили ее только подъ его надзоромъ, давъ ей видимую свободу и возможность отдавать какія ей вздумается приказанія; онъ принималъ на себя отвѣтственность за все. Тогда отрядъ заговорщиковъ

оставилъ дворецъ Голирудъ, но предводители ихъ не забыли замѣтить Дарнлею, что считаютъ себя обманутыми, и предполагаютъ, что королева вмѣстѣ съ нимъ удалится въ замокъ Эдинбурга или въ Дэнбаръ. «Если вслѣдствіе этого,—сказалъ ему Рутвенъ,—будетъ пролита кровь, то пусть эта кровь падетъ на вашу голову, а не на насъ.»

Дѣйствительно, въ ночь съ 11 на 12-е марта, Марія вмѣстѣ съ Дарнлеемъ и капитаномъ своей гвардіи Артуромъ Эрскиномъ, тайно вышла изъ Голируда, и на лошадяхъ, заранѣе приготовленныхъ, отправилась въ Дэнбаръ. Прибывши туда, она немедленно созвала вооруженныхъ дворянъ. Лорды, участвовавшіе въ заговорѣ, узнавъ во вторникъ утромъ, что она уѣхала не подписавъ условій, которыя сама предложила, послали къ ней лорда Семпля, чтобы потребовать исполненія обѣщаній. Она заставила его прождать отвѣта три дня. Когда же за это время къ ней собрались войска, приведенныя графами Ботвелемъ, Гэнтли, Атолемъ, Кэтнессомъ, Маршалемъ, архіепископомъ сентъ-андрейскимъ, лордами Юмомъ и Йестеромъ,—она окончательно сбросила маску. 16-го марта она издала прокламацію противъ бунтовщиковъ, которые осмѣлились обагрить кровью дворецъ ея и задержать ее тамъ въ плѣну. Продолжая съ ловкостію раздроблять силы своихъ враговъ, она помирилась съ Мюррэемъ, Арджилемъ, Гленкэрномъ и Ротзомъ, на условіи, чтобы они не соединялись съ убійцами Риччіо. Послѣднихъ она преслѣдовала съ неумолимымъ мщеніемъ. Мортонъ, Рутвенъ, Линдсэй, Джорджъ Дугласъ, Андре Каръ Фодонсайдъ и шестьдесятъ пять другихъ лэрдовъ и дворянъ были преданы суду, за участіе въ этомъ зло-

дѣяніи. Королева съ войскомъ пошла на Эдинбургъ, гдѣ оставались еще заговорщики; но при ея приближеніи они бѣжали оттуда въ Англію. Марія Стюартъ снова вступила въ городъ, гдѣ ее оскорбили и подвергли заключенію; но теперь она вошла въ него пылая жаждою мщенія и имѣя возможность удовлетворить ей.

Она запретила графу Ленноксу являться ко двору. Летингтонъ, лишившійся должности государственнаго секретаря, получилъ приказаніе удалиться въ Инвернесъ. Іосифъ Риччіо былъ сдѣланъ собственнымъ секретаремъ королевы на мѣсто брата своего Давида, тѣло котораго предано землѣ съ большими почестями. Такъ-какъ главные виновники убійства бѣжали изъ государства, то Марія приказала схватить и предать смертной казни нѣкоторыхъ второстепенныхъ сообщниковъ, которые стерегли входы во дворецъ во время совершенія убійства и надѣялись ускользнуть отъ наказанія по своей незначительности. Подъ вліяніемъ пламеннаго гнѣва своего, она приказала бросить въ тюрьму лэрда Дрэмленгрика и сына его, старшину въ Гленконденѣ, которые не были въ Эдинбургѣ при убійствѣ Риччіо, но отказались пристать къ союзу, образовавшемуся для преслѣдованія и наказанія тѣхъ, кто содѣйствовалъ къ преступленію.

Дарнлей, съ своей стороны долженъ былъ отречся отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Въ публичномъ объявленіи, выставленномъ 20 марта въ Эдинбургѣ, онъ возставалъ противъ клеветливой молвы, посредствомъ которой осмѣливались, говорилъ онъ, *приписывать ему варварское убійство, совершенное въ присутствіи королевы и преступный арестъ благороднѣйшей осо-*

бы ея величества. Онъ прибавлялъ въ заключеніе: «Его милость, съ цѣлью отстранить дурное мнѣніе, которое могутъ возымѣть добрые подданные, вслѣдствіе ложныхъ извѣтовъ и возмутительныхъ слуховъ, объявилъ ея величеству, королевѣ, въ присутствіи лордовъ тайнаго совѣта, ручаясь честью, вѣрностью и словомъ своимъ, что онъ ничего незналъ объ этой вѣроломной измѣнѣ, и нимало въ ней не участвовалъ ни совѣтомъ, ни приказаніемъ, ни одобреніемъ.» Онъ сознавался, однакожь, что безъ вѣдома королевы постоянно старался о возвращеніи изъ Англіи графовъ Мюррэя, Гленкэрна, Ротза и другихъ изгнанниковъ, которыми она была оскорблена.

Но это запирательство не возвратило ему расположенія королевы, которой онъ выдалъ даже секретаря — Летингтона, клерка юстиціи Беллендена и клерка регистратуры Макгилля, какъ людей принимавшихъ участіе въ заговорѣ. Оно принесло ему только безчестіе, и окончательно лишило сочувствія его единомышленниковъ; они пришли въ негодованіе отъ подобной низости! Призвать ихъ къ участію въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, склонить ихъ къ составленію заговора для возвеличенія его собственной власти, и потомъ оставить и предать ихъ мщенію королевы,— это казалось заговорщикамъ самою подлою измѣной. Итакъ, въ наказаніе за его предательство, они доставили Маріи Стюартъ двѣ подписанныя имъ бумаги (bonds), въ которыхъ предполагалось отдать ему брачную корону и убить Риччіо. Прежде королева могла подумать, что онъ поступилъ въ этомъ случаѣ необдуманно подъ вліяніемъ ревности. Теперь же, когда она узнала на сколько онъ былъ замѣшанъ въ

заговорѣ, то окончательно лишила его своего довѣрія и утратила къ нему всякое расположеніе. Онъ казался ей неблагодарнымъ мужемъ, коварнымъ заговорщикомъ и низкимъ лжецомъ.

Съ этого времени она выказывала къ нему неодолимое отвращеніе. Еще до своего возвращенія въ Эдинбургъ, она обнаружила истинныя чувства свои въ отношеніи къ нему, несмотря на то что для нея было выгодно притворяться еще нѣсколько времени. Она высказалась предъ Джемсомъ Мельвилемъ, временно занимавшимъ должность государственнаяо секретаря, вмѣсто Летингтона. «Королева, говоритъ Мельвиль въ своихъ *запискахъ*, жаловалась мнѣ на неблагоразуміе и неблагодарность короля; я старался всѣми средствами оправдать его, приписывая его проступки молодости и дурнымъ совѣтамъ Дугласа и другихъ лицъ. Я убѣждалъ ее заглушить въ себѣ всякое сѣмя вражды и вспомнить, что она сама избрала его въ мужья, противъ желанія своихъ подданныхъ. Но я постоянно замѣчалъ, что ея сердце наполнено мщеніемъ, и что ей очень неправилось, когда совѣтовали ей помириться.» Ненависть Маріи къ Дарнлею возрастала вмѣстѣ съ ея презрѣніемъ къ нему. Она еще болѣе отдалила его отъ участія въ дѣлахъ, которыя вела сама при помощи графовъ Ботвеля, Гэнтли, Атоля и католическаго епископа росскаго, облеченныхъ полною ея довѣренностію, между-тѣмъ какъ Дарнлей былъ удаленъ отъ двора. Мельвиль, съ горестью и страхомъ замѣчавшій усиленіе ея антипатіи, напрасно старался склонить ее къ примиренію съ мужемъ. Онъ достигъ только того, что чрезвычайно надоѣлъ королевѣ, которая назвала его льстецомъ и обманщикомъ, когда

онъ подарилъ покинутому королю испанскую собаку, и запретила ему послѣ того имѣть съ нимъ всякія сношенія. «Этотъ государь, прибавляетъ Мельвиль, былъ всегда одинъ, и считалось преступленіемъ находиться съ нимъ вмѣстѣ.»

Однако же Марія Стюартъ не предпринимала больше ничего противъ Дарнлея до тѣхъ поръ, пока ея возрастающее отвращеніе къ мужу не усилилось новою любовью. Приближался конецъ ея беременности. Сдѣлавшись недовѣрчивою вслѣдствіе частыхъ заговоровъ, имѣвшихъ цѣлью, то̀ овладѣть ея особою, какъ въ Кинросскомъ проходѣ, то̀ лишить ее власти, какъ въ Голирудѣ, она рѣшилась провести послѣднее время, передъ родами, въ крѣпкомъ замкѣ Эдинбурга, гдѣ могла считать себя въ совершенной безопасности. Здѣсь, 19 іюля, въ десятомъ часу утра у нея родился сынъ, который, черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ того, послужилъ для шотландскаго дворянства средствомъ свергнуть ее съ престола, и потомъ, процарствовавъ тридцать пять лѣтъ въ Шотландіи, подъ именемъ Іакова VI, долженъ былъ наслѣдовать престолъ Елизаветы, подъ именемъ Іакова I. Когда онъ родился, Мельвиль тотчасъ же былъ отправленъ къ королевѣ англійской, чтобы извѣстить ее объ этомъ событіи, важномъ для обоихъ государствъ, и просить ее о томъ, чтобы она была воспріемницею наслѣдника Шотландіи. Елизавета была въ Гриничѣ, гдѣ давала балъ своимъ придворнымъ, когда государственный секретарь, Сесиль въ сопровожденіи посланника Маріи Стюартъ, явился къ ней. Сесиль подошелъ къ ней во время танцевъ и на ухо сообщилъ ей о рожденіи принца Шотландіи. Эта новость мгновенно опе-

чалила королеву. Прекративъ танцы, она въ изнеможеніи бросилась въ кресла и сказала окружавшимъ ее дамамъ: «Королева шотландская родила сына, а я останусь всегда безплоднымъ деревомъ.»

Елизавета съ чрезвычайнымъ жаромъ увлекалась своими страстями, но въ то же время обладала необыкновеннымъ искусствомъ управлять ими, и притворяться. На аудіенціи, данной Мельвилю на другой день, она приняла его съ яснымъ лицомъ и казалась довольною событіемъ, которое огорчало ее, давая ей наслѣдника, хотя она вовсе не желала этого. Она благодарила его за доставленіе такой радостной новости, и съ притворнымъ удовольствіемъ согласилась быть воспріемницею новорожденнаго принца. Вслѣдъ затѣмъ ею былъ отправленъ сэръ Генрихъ Кильгру, чтобы отъ ея имени поздравить королеву шотландскую, увѣрить ее въ своей дружбѣ и одобрить поведеніе Маріи въ отношеніи къ убійцамъ Риччіо, которыхъ она тѣмъ не менѣе приняла въ своемъ государствѣ.

Рожденіе наслѣдника Шотландіи возобновило вопросъ о наслѣдованіи въ Англіи. Мельвиль получилъ приказъ снова переговорить объ этомъ съ Елизаветою. Марія Стюартъ искусно примирилась и приблизила къ себѣ Мюррэя, Арджиля, Летингтона, Ботвеля, Гэнтли, Атоля и епископа росскаго, надѣясь, что вліяніе однихъ на партію протестантскую, а другихъ на партію католическую въ Англіи значительно поможетъ ей достигнуть цѣли, къ которой она пламенно стремилась втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но въ то же время, какъ она старалась примирить главнѣйшихъ вельможъ королевства между собою и оказывала особенную благосклонность къ лэрдамъ:

Брэнстону, Ормистону, Гаттону, Кальдеру, представителямъ пресвитеріанской партіи, крайніе католики мѣшали ея планамъ, напоминая при этомъ случаѣ права ея на корону Елизаветы. Шотландецъ Патрикъ Адамсонъ издалъ въ Парижѣ латинскую книгу, въ которой Марію Стюартъ называлъ королевою англійскою, а ея сына—наслѣдникомъ Шотландіи, Англіи и Ирландіи.

Дипломатическія настоянія Мельвиля не привели ни къ какому рѣшительному результату. Елизавета, по обычаю своему, умѣла, ни въ чемъ не отказывая, ничего не обѣщать; но англійскій парламентъ немедленно занялся этимъ важнымъ вопросомъ, разрѣшить котовый общины хотѣливъ интересахъ протестантства, слѣдовательно во вредъ Маріи Стюартъ. Несмотря на отвращеніе Елизаветы, несоглашавшейся назначить наслѣдника, изъ боязни ослабить этимъ свою власть, обѣ палаты, въ общемъ засѣданіи 2-го октября, занялись вопросомъ о престолонаслѣдіи, думая окончить его покойно, избравъ преемника на основаніи законовъ. Разсужденія объ этомъ зашли весьма далеко, и раздраженная королева англійская, чтобы положить имъ конецъ, приказала членамъ парламента явиться къ ней. Изложивъ передъ ними свою эгоистическую, но предусмотрительную политику въ высшей степени повелительнымъ тономъ, она напомнила, что многіе изъ нихъ предлагали ей, въ царствованіе королевы, ея сестры, свою помощь, еслибы она захотѣла овладѣть короною; и прибавила, что и при ней, вѣроятно, не будетъ недостатка въ людяхъ, которые захотятъ нарушить общее спокойствіе подобными же интригами, въ случаѣ, еслибы заранѣе былъ назначенъ ея наслѣдникъ. «Я—ваша законная королева, сказала она въ-

заключеніе, и хотя вы противорѣчите моей волѣ въ этомъ дѣлѣ, но я не позволю, чтобы оно подвинулось дальше.»

Это повелѣніе остановило палату лордовъ, но не то было съ палатою общинъ, въ которой продолжались начатыя пренія. Елизавета казалась очень недовольною, и жаловалась на депутатовъ, слишкомъ любившихъ свободу и забывавшихъ объ уваженіи къ своей государынѣ. Она послала имъ приказъ прекратить всякія совѣщанія по этому предмету, угрожая, что сочтетъ ихъ неповиновеніемъ королевской власти. На этотъ разъ нижняя палата подчинилась, хотя въ подобномъ приказѣ она видѣла посягательство на свободу своихъ преній. Елизавета, несоглашавшаяся на выборъ наслѣдника протестантскаго, употребляла такія же старанія, чтобы отклонить выборъ наслѣдницы-католички. Она выразила Маріи Стюартъ свое крайнее неудовольствіе на дерзость Патрика Адамсона, и требовала, чтобы та публичнымъ актомъ отреклась отъ книги, въ которой были «выражены, говорила она, мнѣнія, такія неприличныя для васъ, оскорбительныя для меня и безразсудныя сами по себѣ». Она прибавляла, что этой книги совершено достаточно для того, чтобы обвинить королеву шотландскую *въ неблагодарности къ той, которая постоянно старалась защищать ее противъ всѣхъ ея порицателей.* «Вы знаете, государыня, продолжала она, какъ сильно оскорбляютъ мою честь, если говорятъ, что Англія имѣетъ другую королеву, кромѣ меня».

Невзирая на пламенное желаніе Маріи Стюартъ, вопросъ объ англійскомъ наслѣдствѣ оставался попрежнему нерѣшеннымъ. Она удержала свои права,

но не добилась признанія ихъ. Она скоро повредила этимъ правамъ сама, и, кромѣ того, подверглась опасности потерять даже шотландскую корону. Послѣ рожденія наслѣдника, неудовольствія между нею и мужемъ увеличились. Около того же времени ея сердцемъ овладѣла гибельная страсть, предметомъ которой былъ графъ Ботвель, самый предпріимчивый и самый опасный человѣкъ въ Шотландіи. Джемсъ Гепбёрнъ, четвертый графъ Ботвель, имѣлъ тогда около тридцати лѣтъ отъ роду. Онъ наслѣдовалъ своему отцу въ 1556 г., обладалъ большими помѣстьями, и занималъ важныя государственныя должности. Женившись незадолго передъ тѣмъ на Аннѣ Гордонъ, онъ сдѣлался зятемъ графа Гэнтли, и соединилъ одну изъ самыхъ могущественныхъ фамилій на югѣ съ сильнѣйшею фамиліею сѣвера. Это былъ человѣкъ храбрый, а еще болѣе дерзкій, съ безграничнымъ честолюбіемъ, которое не останавливалось ни передъ какими препятствіями и сомнѣніями. Не скрывая своихъ намѣреній, также какъ и пороковъ, онъ старался сначала пріобрѣсти любовь королевы, а потомъ жениться на ней. Хотя онъ былъ некрасивъ, но его мужественная наружность, любовь къ удовольствіямъ, смѣлая рѣшительность характора, видъ рыцарской преданности, изящныя и непринужденныя манеры, пріобрѣтенныя имъ на материкѣ, подъ которыми онъ скрывалъ дикія и пламенныя страсти своего отечества, увлекли воображеніе королевы, и доставили Ботвелю большую власть надъ нею. Сначала Марія Стюартъ искала въ Ботвелѣ полезнаго и преданнаго слугу, но скоро нашла въ немъ любовника и господина.

Благосклонность королевы къ нему, быстро возра-

ставшая, къ концу лѣта 1566 г. дошла уже до того, что бросалась въ глаза всѣмъ. Онъ господствовалъ при шотландскомъ дворѣ и неограниченно управлялъ волею королевы. Пріобрѣтенная имъ власть и короткость, установившаяся между нимъ, Гентли, Атолемъ, Мюррэемъ, Арджилемъ и Летингтономъ, возбуждали сильныя опасенія въ молодомъ королѣ, котораго Марія Стюатръ избѣгала и ненавидѣла всё больше-и-больше. Видя, что королева окружаетъ себя людьми, которыхъ онъ считалъ своими старинными или новыми непріятелями, Дарнлей чувствовалъ, что его не только оскорбляютъ, но и угрожаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ его безопасности. Онъ обратился къ католической партіи, въ надеждѣ найти въ ней поддержку; написалъ тайно къ папѣ, сообщая ему, что королева охладѣла къ религіи, и, подъ вліяніемъ преждевременнаго страха, подозрѣвалъ примирившихся лордовъ въ злоумышленіи на его жизнь. Онъ думалъ даже удалиться на материкъ. Съ этою цѣлію онъ приготовилъ корабль для своего отъѣзда во Францію; и когда, въ послѣднихъ числахъ сентября, его отецъ пріѣхалъ повидаться съ нимъ въ Стёрлингъ, онъ открылъ ему свои намѣренія. Графъ Леннокcъ немедленно предупредилъ Марію Стюартъ, находившуюся тогда въ Эдинбургѣ, объ этомъ намѣреніи, говоря, что не въ его власти было измѣнить рѣшимость Дарнлея.

29-го сентября, въ самый день полученія письма отъ графа Леннокса, когда королева думала, что Дарнлей уже далеко отъ Шотландіи, онъ явился въ Голирудѣ. Слабый король составлялъ планы, но не исполнялъ ихъ: сперва угрожая отъѣздомъ, онъ прибылъ теперь искать примиренія. Но сцена, происшедшая между нимъ и

королевой, вовсе не помогла сближенію ихъ. Марія немедленно собрала членовъ своего совѣта, и приказала просить дю-Крока, французскаго посланника, присоединиться къ нимъ. Въ ихъ присутствіи происходило ея объясненіе съ Дарнлеемъ. Она смѣло спросила у него, почему онъ хотѣлъ оставить Шотландію, и какой поводъ подала она ему для этого. Дарнлей, пріѣхавшій съ намѣреніемъ открыть ей свое сердце, и вовсе не ожидавшій допроса, смутился и не отвѣчалъ ни слова. Онъ, разумѣется, вовсе не думалъ входить въ объясненіе своихъ неудовольствій, потому-что съ этимъ вмѣстѣ ему пришлось бы обвинять самого себя. Члены совѣта обратились къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, но онъ опять не далъ никакого отвѣта. Тогда дю-Крокъ сказалъ ему, что его отъѣздъ близко касается чести королевы и его собственной; что отвѣтственность въ этомъ поступкѣ падетъ на королеву, если она подала ему достаточный поводъ къ отъѣзду, и на него—если онъ рѣшается уѣхать безъ причины. Поэтому французскій посланникъ убѣдительно упрашивалъ его объясниться. Принуждаемой такимъ образомъ, Дарнлей окончилъ признаніемъ, что королева не подавала ему никакого повода къ замышляемому имъ поступку. Этого только и хотѣла Марія Стюартъ. Она вынудила у своего мужа объясненіе, которое ее оправдывало и освобождало отъ всякихъ упрековъ,—все-равно, вздумаетъ ли онъ уѣхать, или остаться. Поэтому она сказала, что она *удовлетворена*.

Послѣ этого свиданія, которое вовсе не соотвѣтствовало ожиданіямъ Дарнлея, и при которомъ съ обѣихъ сторонъ не было ни малѣйшей искренности,—потому-

что король не хотѣлъ открыть причинъ своего неудовольствія, а королева не была расположена уничтожить,—ихъ отношенія между двумя супругами сдѣлались хуже чѣмъ когда-нибудь. Печальный и неосторожный молодой человѣкъ,—неумѣвшій ни переносить своей участи, ни отказаться отъ нея, потерявшій привязанность королевы, воспламенившій ея ненависть, заслужившій презрѣніе своими грубыми наклонностями безъ способностей, притязаніями и высокомѣріемъ безъ энергіи, предпріимчивостью безъ способностей, ненавистнымъ участіемъ въ убійствѣ Риччіо и низкимъ предательствомъ относительно людей, которыхъ побудилъ къ его совершенію,—холодно разстался съ Маріею, и уѣхалъ въ Стёрлингъ, сказавъ, что онъ не скоро увидится съ нею. Оттуда онъ написалъ къ ней, что причины, по которымъ онъ хотѣлъ оставить Шотландію были слишкомъ дѣйствительны, и что онѣ основывались на ея недовѣріи къ нему, а также на томъ, что она лишила его всякой власти и что она презираетъ и удаляетъ отъ себя дворянъ, которые теряютъ къ ней уваженіе, видя его въ такомъ пренебреженіи. Онъ не упоминалъ въ письмѣ объ опасеніяхъ за свою жизнь. Итакъ онъ продолжалъ свои приготовленія къ отъѣзду, которымъ угрожалъ постоянно, и на который, къ несчастію своему и королевы, не могъ рѣшиться.

Не думая противиться его удаленію, Марія Стюартъ въ это время, даже не пригласивъ его сопутствовать себѣ, отправилась на юго-восточную границу своего королевства, гдѣ происходили тогда смуты между непокорными *пограничными жителями* (borderers). Могущественныя фамиліи Лидздэльскаго округа — Армстронги, Элліоты и Джонстоны вели тамъ междо-

усобную войну. Королева, 6 октября, послала сюда графа Ботвеля въ качествѣ своего намѣстника, чтобы прекратить смуты и возстановить спокойствіе. 8-го числа того же мѣсяца, она сама послѣдовала за нимъ и прибыла въ Джедбургъ, чтобы открыть тамъ засѣданія уголовнаго суда и такимъ-образомъ соединить военныя операціи съ дѣломъ правосудія. Въ тотъ же день Ботвель, едва только успѣвшій прибыть на мѣсто, смѣло напалъ на знаменитаго *пограничника*, Джона Элліота-Парка и сразился съ нимъ одинъ на одинъ. Элліотъ, защищаясь, тяжело ранилъ его двуручнымъ мечомъ. Ботвель былъ перенесенъ въ сосѣдній замокъ —Эрмитажъ. Полученная имъ рана еще болѣе обнаружила чувства Маріи Стюартъ къ нему. «Получивъ извѣстіе объ этомъ, — говоритъ Крофордъ, — королева была встревожена до глубины души и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не увидѣла лорда Ботвеля.»

Задержанная въ Джедбургѣ до 15 октября дѣлами, по которымъ прибыла туда, королева, сейчасъ же по окончаніи ихъ, верьхомъ отправилась въ замокъ, гдѣ находился ея раненый намѣстникъ и любимецъ. Ее сопровождали Мюррэй и нѣсколько другихъ вельможъ. Хотя отъ Джедбурга до Эрмитажа было восемнадцать миль, однакожь она съѣздила туда и обратно въ одинъ день. Проведя около часа съ Ботвелемъ, она немедленно по возвращеніи въ Джедбургъ употребила часть ночи на то, чтобы писать къ нему. Усталость, заботы, и, — прибавляетъ Крофордъ,—тоска по графу Ботвелю, повергли ее на слѣдующій день, 16 октября, въ опасную болѣзнь. Она чрезвычайно ослабѣла и находилась нѣсколько часовъ почти при смерти. Затѣмъ ее схватила сильнѣйшая лихорадка, и она пролежала нѣсколько

дней въ совершенномъ безпамятствѣ. Когда она оправилась нѣсколько отъ этого положенія, которое казалось безнадежнымъ, то, думая, что ея часъ наступилъ, просила находившихся при ней лордовъ молиться за нее; поручила сына своего попеченіямъ англійской королевы, и приказала извѣстить своего мужа о важности своей болѣзни. Выздоравливающій Ботвель поспѣшилъ къ ней, вмѣстѣ съ прочими членами ея тайнаго совѣта, и многими изъ значительнѣйшихъ лордовъ государства. Дарнлей засталъ Ботвеля, потому-что пріѣхалъ въ Джедбургъ только 28 октября, черезъ два дня послѣ счастливаго перелома болѣзни, устранившаго всякую опасность въ положеніи королевы. Видя что ей лучше, онъ провелъ въ Джедбургѣ только одну ночь и немедленно возвратился въ Гласго. Это позднее церемонное посѣщеніе, не выражавшее ни искренности, ни участія, не могло возстановить добраго согласія между королевою и ея мужемъ.

Выздоровленіе Маріи Стюартъ шло медленно, и она не могла выѣхать изъ Джедбурга въ Кельсо раньше 8-го ноября. Она отправилась въ Дэнбаръ моремъ вдоль берега, съ частыми роздыхами. Отсюда она поѣхала въ Крэгмиларъ, замокъ, расположенный въ разстояніи одной мили отъ Эдинбурга; 20-го ноября она прибыла сюда и провела здѣсь двѣ недѣли. Она была печальна, озабочена, подавлена тяжестію противоположныхъ чувствъ и ощущеній, которыя возмущали ее. У нея сдѣлалось колотье въ правомъ боку и раздраженіе печени. «Королева чувствуетъ себя нехорошо, писалъ французскій посланникъ дю-Крокъ къ архіепископу гласгоскому: мнѣ кажется, что главнѣйшая причина ея болѣзни заключается въ глубокой скорби, которая не

оставляетъ ее. Она постоянно повторяетъ слѣдующія слова: «я хотѣла бы умереть». Ея чувства были слишкомъ явны, чтобъ ихъ не замѣтить, и проницательный Летингтонъ удачно выразилъ истинную причину ея горя, сказавъ: «ея сердце разрывается при мысли, что король долженъ оставаться ея мужемъ, и что она не видитъ никакого средства избавиться отъ него».

Между приближенными Маріи Стюартъ, разгадавшими ея тайныя думы, стали зарождаться гибельные замыслы. Члены совѣта королевы, связанные узами родства или дружбы съ Мортономъ, Линдсэемъ, Рутвеномъ и другими убійцами Риччіо, вздумали,—если вѣрить разсказу, составленному подъ вліяніемъ пристрастія къ Маріи Стюартъ, и въ ея интересахъ,—исходатайствовать прощеніе своимъ друзьямъ, угождая настоящимъ страстямъ королевы, которыя ослабляли силу ея прежнихъ удовольствій. Коварный Летингтонъ составилъ планъ столько же искусный, сколько безнравственный. Съ свойственнымъ ему безстыдствомъ, не останавливаясь ни предъ чѣмъ, стремясь къ различнымъ цѣлямъ, сообразно времени и обстоятельствамъ, — сегодня съ Дарнлеемъ противъ Риччіо, завтра съ Ботвелемъ противъ Дарнлея,—онъ хотѣлъ купить возвращеніе изгнанниковъ цѣною раздора и, въ случаѣ нужды, убійства. Онъ сообщилъ о своемъ намѣреніи Ботвелю, который принялъ его со всѣмъ увлеченіемъ своего пламеннаго честолюбія, а также Арджилю и Гэнтли, тоже согласившимися на него. По словамъ друзей королевы, они сообщили о немъ и Мюррэю, который выслушалъ его безъ возраженія. Согласившись такимъ-образомъ между собою, новые заговорщики отправились къ Маріи Стюартъ.

Летингтонъ сталъ говорить отъ ихъ имени. Онъ напомнилъ королевѣ тяжкія и невыносимыя оскорбленія полученныя ею отъ мужа, указывалъ на его неблагодарность къ ней и на его проступки, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Потомъ онъ прибавилъ, что если ея величеству угодно будетъ простить графа Мортона и лордовъ Рутвена и Линдсэя, то они при помощи остальнаго дворянства найдутъ средства доставить ей разводъ съ мужемъ, такъ чтобы между ними не было ничего общаго. Это предложеніе не удивило ее. Она согласилась съ условіемъ, чтобы во-первыхъ, разводъ былъ произведенъ законнымъ порядкомъ, и во-вторыхъ, чтобы онъ не сдѣлалъ какого-нибудь вреда правамъ ея сына. Но испросить этотъ разводъ было не легко, потому-что для этого слѣдовало сослаться или на близость родства, по поводу которой папа далъ уже свое разрѣшеніе, или начать съ Дарнлеемъ процессъ за нарушеніе супружеской вѣрности; или же преслѣдовать его судомъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ.

Эти затрудненія не могли укрыться отъ Маріи, которой предстояло или прибѣгнуть къ продолжительнымъ переговорамъ, результатъ которыхъ былъ неизвѣстенъ, или подвергнуться скандаламъ непріятнаго судебнаго разбирательства. Ее стали тревожить сомнѣнія, и, подъ вліяніемъ тоски, она изъявила намѣреніе удалиться во Францію и оставить въ Шотландіи Дарнлея, который, какъ она говорила, еще, можетъ-быть, исправится. Но Летингтонъ отвѣчалъ ей, что лорды ея королевства не потерпятъ этого, и осмѣлился самъ въ неясныхъ выраженіяхъ сдѣлать ей страшное предложеніе: «Государыня,—сказалъ онъ ей,—не безпокойтесь

ни о чемъ; вы видите предъ собою представителей высшаго сословія и главнѣйшихъ членовъ совѣта вашего величества, которые найдутъ средства освободить васъ отъ Дарнлея безъ всякаго вреда для вашего сына и хотя присутствующій здѣсь милордъ Мюррэй такой же строгій протестантъ, какъ ваше величество — строгая католичка, однако же я увѣренъ, что онъ станетъ смотрѣть на все сквозь пальцы, будетъ видѣть наши дѣйствія—и не скажетъ ни слова». Королева поняла всю важность этого намёка, и возразила, что не желаетъ дозволить какого-нибудь предпріятія, могущаго запятнать ея честь. Но она не была возмущена этою мыслью, и ограничилась замѣчаніемъ, что лучше было бы оставаться въ настоящемъ положеніи и ожидать помощи отъ Бога. Летингтонъ не обратилъ вниманія на это слабое сопротивленіе, и прибавилъ: «государыня, предоставьте это дѣло намъ: ваше величество увидите, что послѣдствія его будутъ хороши; и что всѣ наши дѣйствія будутъ одобрены парламентомъ».

Таково было это необыкновенное совѣщаніе. Вслѣдъ за нимъ члены союза, цѣлію котораго было убійство, составили обязательство (bond), которымъ вполнѣ опредѣлилось значеніе ихъ послѣднихъ переговоровъ съ королевой. Они соглашались въ этомъ актѣ убить короля, какъ молодаго сумасброда и тирана, врага дворянства, и человѣка, державшаго себя въ высшей степени невыносимо въ отношеніи къ королевѣ. Они обязывались считать это убійство государственною мѣрою. Сэръ Джемсъ Бальфёръ, преданный партизанъ Ботвеля, составилъ этотъ bond, который вмѣстѣ съ нимъ подписали: Гэнтли, Арджиль и Летингтонъ, и который затѣмъ сданъ былъ въ руки Ботвеля.

Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ былъ задуманъ этотъ умыселъ на жизнь Дарнлея, въ замкѣ Стёрлингѣ совершалось крещеніе его сына. Королева Англіи, бывшая воспріемницей новорожденнаго, поручила графинѣ Арджиль представлять ея лицо, и отправила къ ней съ торжественнымъ посольствомъ графа Бедфорда съ золотою купелью, въ которой должно было совершиться таинство. Оно происходило 17-го декабря съ большимъ великолѣпіемъ; со стороны короля французскаго, на немъ присутствовали графъ де-Бріенъ и посланникъ дю-Крокъ. Хотя крещеніе совершено было архіепископомъ сентъ-андрейскимъ по обряду католической Церкви, но распоряжался имъ протестантъ Ботвель. Дарнлей, тоже находившійся въ это время въ Стёрлингѣ, не присутствовалъ на церемоніи. Раздосадованный и недовольный, онъ хотѣлъ уѣхать за два дня предъ тѣмъ, но остался, запершись у себя во все время крестинъ и послѣдовавшихъ за нимъ празднествъ. Онъ хотѣлъ видѣться съ французскимъ посланникомъ, но тотъ отказался пріѣхать къ нему, потому-что Дарнлей былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ королевой. Дю-Крокъ приказалъ даже сказать ему, что будетъ принужденъ уйти изъ собственнаго дома, еслибъ Дарнлей вздумаетъ самъ пріѣхать къ нему.

Униженіе не могло быть сильнѣе: короля — презирали среди дворца, отцу — не было мѣста при крещеніи его собственнаго сына. Это положеніе, невыносимое для Дарнлея, было тягостно и для королевы. Преодолѣвъ не надолго свою печаль, чтобы присутствовать на всѣхъ этихъ праздникахъ, гдѣ она по прежнему была мила и любезна, Марія снова преда-

лась своему горю; къ ней опять возвратились ея задумчивость и уныніе. Дю-Крюкъ, котораго она призвала къ себѣ, засталъ ее въ слезахъ на постелѣ, въ припадкѣ мучительной боли въ боку. Онъ не видѣлъ ничего добраго въ отношеніяхъ между королемъ и королевою, которыя становились враждебнѣе съ каждымъ днемъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ писалъ къ архіепископу гласгоскому: «я не имѣю притязанія отгадывать впередъ чѣмъ все это кончится, но убѣжденъ, что дѣла не могутъ долго оставаться въ настоящемъ положеніи, безъ дурныхъ послѣдствій».

Дѣйствительно, эти послѣдствія приближались съ ужасающею быстротою. По настояніямъ Летингтона и Ботвеля, Марія Стюартъ рѣшилась забыть свою ненависть къ убійцамъ Риччіо, и дозволила Мортону, Рутвену, Линдсэю и семидесяти шести другимъ изгнанникамъ, возвратиться въ отечество. Только Джорджъ Дугласъ и Андрей Карръ Фодонсайдъ были изъяты изъ общей амнистіи, такъ-какъ первый былъ обвиненъ въ нанесеніи удара Риччіо въ присутствіи королевы, а второй—въ томъ, что направилъ пистолетъ въ ея собственную грудь. Дарнлей ужаснулся, узнавъ о скоромъ возвращеніи главнѣйшихъ изъ прежнихъ своихъ приверженцевъ, сдѣлавшихся теперь, по его собственной винѣ, его непримиримыми врагами. Онъ предугадывалъ, что ему грозитъ большая опасность и, снова оставивъ дворъ, удалился въ Гласго, къ отцу своему, графу Ленноксу. Неуспѣвъ пріѣхать туда, онъ сильно заболѣлъ. Народная молва, не обманываясь насчетъ опасностей, какимъ онъ подвергался, но ошибаясь въ причинѣ его болѣзни, припи-

сывала ее отравленію. У него была оспа, обнаружившаяся большою сыпью.

Между-тѣмъ заговоръ противъ его жизни безостановочно подвигался впередъ. Ботвель безпрерывно пріобрѣталъ новыхъ соучастниковъ. Къ нему присоединились лэрдъ Кэтнессъ, архіепископъ сентъ-андрейскій и лэрдъ Ормистонъ; а когда, между 10 и 15 января 1567 года, возвратился въ Шотландію Мортонъ,—Ботвель вздумалъ привлечь на свою сторону этого могущественнаго и рѣшительнаго человѣка. Онъ отправился, чтобы повидаться съ Мортономъ, въ Уиттингэмъ, къ близкому родственнику его, Арчибальду Дугласу. Здѣсь Ботвель открылъ ему задуманное дѣло, и побуждалъ его присоединиться къ заговору, говоря, что королева согласна на него. Мортонъ не былъ ни удивленъ, ни скандализированъ этимъ предложеніемъ; ему были извѣстны непостоянство, своекорыстіе и жестокость шотландскихъ лордовъ, да онъ и самъ былъ не чуждъ этихъ недостатковъ. Но изгнаніе, изъ котораго онъ только-что возвратился, научило его осторожности, и онъ отвѣчалъ, что не станетъ вмѣшиваться въ это предпріятіе, пока ему не представятъ доказательствъ, что королева вполнѣ одобряетъ его. Ботвель, вмѣстѣ съ Летингтономъ, видѣлся съ Мортономъ еще разъ, но, не добившись отъ него ничего кромѣ этого условнаго согласія, возвратился въ Эдинбургъ, чтобы просить у королевы письменнаго дозволенія. Она отказала въ немъ; и Летингтонъ извѣстилъ Мортона чрезъ Арчибальда Дугласа, что королева не хочетъ слышать объ этомъ предметѣ. Трудно рѣшить, зашелъ ли Ботвель слишкомъ далеко, употребивши во зло имя Маріи, или же

Марія единственно только изъ благоразумія не хотѣла обнаружить своего участія въ этомъ дѣлѣ.

Какъ бы то ни было, но королева постоянно сохраняла свою недовѣрчивость и вражду къ Дарнлею, и обвиняла его въ злоумышленіи противъ нея. Вслѣдствіе клеветы, приписываемой Уильяму Гигэту и Уильяму Уалькару, служителямъ архіепископа гласгоскаго,—клеветы, отъ которой они отказались на допросѣ и на очной ставкѣ,—короля обвиняли въ намѣреніи овладѣть маленькимъ принцемъ, своимъ сыномъ, короновать его, и управлять государствомъ отъ его имени. Боясь этого воображаемаго заговора, королева, 14 января 1567 г., перевезла наслѣдника престола изъ Стёрлига въ Эдинбургъ, какъ-бы съ цѣлью защитить его отъ похищенія. Несчастный и слабохарактерный молодой человѣкъ, которому приписывали это намѣреніе, не имѣлъ ни необходимой для того власти, ни приверженцевъ, ни рѣшимости. Онъ жилъ въ уединеніи и ничтожествѣ опальнаго, и съ 5-го января, былъ прикованъ къ одру болѣзнью, подвергавшею опасности даже жизнь его. Однако же Марія обвиняла его въ заговорѣ, и, упомянувъ въ своемъ письмѣ отъ 20 января, къ архіепископу гласгоскому о мнимомъ намѣреніи Дарнлея, она прибавила: «его поведеніе и благодарность къ намъ хорошо извѣстны и Богу и людямъ. Самые равнодушные изъ нашихъ подданныхъ видятъ это и въ глубинѣ души своей—мы не сомнѣваемся въ томъ—осуждаютъ такія намѣренія. Мы знаемъ, что онъ безпрерывно и дѣятельно занимается разборомъ нашихъ поступковъ, которые, при помощи Божіей, никогда никому не принесутъ зла и не навлекутъ на насъ никакого безчестія. Однакоже

онъ, его отецъ и ихъ приверженцы, своими выраженіями доказываютъ намъ, что они рѣшились бы противостать нашей власти, если бы обладали силою, равною ихъ умысламъ. Но Богъ ограничиваетъ ихъ могущество и отнимаетъ у нихъ средства къ исполненію ихъ намѣренія».

На другой день послѣ того, какъ она выражалась о Дарнлеѣ съ такою жесткою подозрительностью, она отправилась въ Гласго, чтобы расточать передъ человѣкомъ, на котораго смотрѣла такъ неблагопріятно и котораго презирала всегда, доказательства самой нѣжной привязанности. Это неожиданное посѣщеніе удивило выздоравливавшаго Дарнлея. Онъ зналъ, что Марія отзывалась недавно объ немъ очень рѣзко, и притомъ до него дошли стороною кое-какіе слухи о крэгмларскомъ заговорѣ. Онъ вовсе не скрывалъ этого отъ королевы, и сказалъ ей, что узналъ отъ лэрда Минто объ ея отказѣ подписать актъ, представленный ей и заключавшій въ себѣ предположеніе схватить его, и, въ случаѣ сопротивленія, убить. Онъ прибавилъ, что не повѣритъ, чтобы она, существо столь къ нему близкое, можетъ сдѣлать хотя бы малѣйшее зло его особѣ. Потомъ онъ хвастливо замѣтилъ ей, что еслибы кто-нибудь другой рѣшился убить его, то онъ дорого продалъ бы свою жизнь, лишь бы только на него не напали во время сна. Марія въ свою очередь говорила ему про его намѣреніе удалиться на материкъ, и про обвиненіе, взведенное на него Гигэтомъ и Уалькаромъ. Онъ отвѣчалъ ей, что первое не было серьёзнымъ, и отвергалъ съ негодованіемъ второе. Упрекнувъ его за боязливость и подозрительность, и показавъ ему больше

ласки и меньше отвращенія противъ обыкновеннаго, Марія безъ труда овладѣла имъ снова. Въ глубинѣ сердца Дарнлей всегда страстно любилъ ее, и причиной его удаленія отъ двора были столько же мученія ревности, сколько и оскорбленное самолюбіе. Онъ обнаружилъ передъ нею глубокое раскаяніе, приписалъ свои ошибки молодости и неопытности, и обѣщалъ не впадать въ нихъ болѣе. Онъ выразилъ ей, какое удовольствіе онъ испытываетъ, видя ее около себя, и умолялъ не покидать его снова. Когда она предложила перенести его на носилкахъ въ Крэгмиларъ, какъ только онъ достаточно поправится для этого,—онъ обѣщалъ сдѣлать все, что̀ ей угодно, если только она снова согласится жить съ нимъ въ супружескомъ согласіи. Она обѣщала это, и пожавъ ему руку, сказала, что подождетъ до окончательнаго выздоровленія. Она требовала, чтобы онъ сохранялъ въ тайнѣ это примиреніе, чтобы не возбудить подозрѣніе въ нѣкоторыхъ лордахъ.

Такая перемѣна въ словахъ и обращеніи Маріи Стюартъ была чрезвычайно странна. Искрененъ ли былъ этотъ неожиданный переходъ отъ отвращенія къ трогательному участію, отъ ненависти къ доброму согласію? Невозможно вѣрить этому, если принять въ разсчетъ, что смерть Дарнлея, послѣдовавшая чрезвычайно трагически спустя нѣсколько дней, не причинила ей никакой печали, не оставила въ ней ни малѣйшаго сожалѣнія; не внушила ей чувства мести, не заставила принять никакихъ судебныхъ мѣръ; если обратить вниманіе на то, что въ то самое время, какъ она, повидимому, помирилась съ мужемъ, ея преступная связь съ Ботвелемъ продолжалась, и что

вскорѣ послѣ того она сдѣлалась женою этого отважнаго убійцы ея мужа. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить это примиреніе? Нужно ли думать, что,— ослѣпленная страстью, подчинившаяся звѣрскимъ и честолюбивымъ намѣреніямъ своего любовника, Марія Стюартъ отправилась въ Гласго съ цѣлью коварно овладѣть довѣренностью Дарнлея, выказавъ ему лицемѣрное участіе, привлечь его потомъ въ Эдинбургъ и здѣсь предать въ руки его враговъ? Подобное вѣроломство кажется невѣроятнымъ, и, однако же, какъ нравственныя улики, такъ и письменныя свидѣтельства одинаково обвиняютъ въ этомъ случаѣ Марію Стюартъ.

Ботвель помѣстилъ при ней въ качествѣ камеръ-лакея одного француза, по имени Николая Юбера, который долго служилъ у него и котораго обыкновенно называли *Парисомъ* (Paris), по мѣсту его рожденія, Парижу. Этотъ Парисъ, бывшій однимъ изъ агентовъ, употребленныхъ прежнимъ его господиномъ при исполненіи заговора противъ жизни короля, сопутствовалъ королевѣ изъ Эдинбурга въ Гласго, во время ея поѣздки къ Дарнлею. На другой день по своемъ пріѣздѣ, она отослала его назадъ къ Ботвелю съ письмомъ, которое свидѣтельствуетъ о любви ея къ этому лорду и объ участіи, какое принимала она въ его преступныхъ замыслахъ. «Легко можно судить о томъ, писала она къ нему, каково было мое положеніе по выѣздѣ изъ мѣста, въ которомъ я оставила мое сердце». Описавъ ему свое путешествіе въ Гласго, и разсказавъ про боязливую недовѣрчивость и пламенныя изліянія Дарнлея въ томъ видѣ, какъ все это изложено Томасомъ Крофордомъ, дворяниномъ, служившимъ

у графа Леннокса, которому Дарнлей сообщилъ о своемъ разговорѣ съ королевою, она писала ему: «Я никогда невидала, чтобы онъ велъ себя лучше и говорилъ съ бо̀льшею кротостью. Если бы я не знала изъ опыта, что его сердце мягко какъ воскъ, и еслибы мое не было твердо какъ алмазъ, то очень можетъ быть я сжалилась бы надъ нимъ. Во всякомъ случаѣ не бойтесь ничего». Тѣмъ не менѣе совѣсть ея была возмущена вѣроломствомъ, до котораго довела ее страсть, и которое она называла своимъ *ненавистнымъ разговоромъ*. «Вы принуждаете меня до такой степени притворяться, прибавляла она, что я прихожу въ ужасъ: мало того что вы заставляете меня играть роль предательницы; не забудьте, что еслибы не желаніе угодить вамъ, то я скорѣе рѣшилась бы на смерть, чѣмъ на подобные поступки, — потому-что отъ нихъ сердце мое обливается кровью. Однимъ словомъ, онъ хочетъ ѣхать со мною не иначе, какъ съ условіемъ раздѣлять со мною по прежнему столъ и ложе, и не разставаться со мною такъ часто; если я соглашусь на это, онъ сдѣлаетъ все, что̀ мнѣ угодно и послѣдуетъ за мною». Порабощенная силою любви своей, она говоритъ Ботвелю, что будетъ повиноваться ему во всемъ, и умоляла его *не думать о ней дурно*: «потому-что, продолжаетъ она, вы сами причиною этого; я никогда бы не рѣшилась на такой поступокъ изъ личнаго мщенія». Она вовсе не скрываетъ предположенной ею цѣли, которая была достигнута черезъ два мѣсяца послѣ убійства Дарнлея, разводомъ Ботвеля съ леди Гордонъ и ея собственнымъ бракомъ съ Ботвелемъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, Марія Стюартъ не боялась пожертвовать своею

честію, обременить свою совѣсть, подвергнуть опасности свою особу, забыть свое высокое положеніе, и, заглушивъ въ себѣ голосъ состраданія, пожертвовать человѣкомъ, составлявшимъ для нея препятствіе. «Да проститъ мнѣ Богъ», говорила она, терзаемая угрызеніями совѣсти.

Отдавъ это письмо Ботвелю, Парисъ долженъ былъ въ то же время вручить ему кошелекъ съ тремя или четырьмя стами экю, и запястья, недавно купленныя для него Маріею. Королева приказала также Парису освѣдомиться у Летингтона и Ботвеля, куда, въ случаѣ пріѣзда короля, слѣдовало помѣстить его: въ Крэгмиларѣ или Кёркъ-оф-Фильдѣ (*полевая церковь*), чтобы онъ могъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ, потому-что неудобно было помѣстить его въ аббатствѣ Голирудъ, гдѣ наслѣдникъ престола могъ заразиться его болѣзнью. Относительно этого-то предмета Марія писала къ Ботвелю: «извѣстите меня о вашемъ выборѣ на счетъ извѣстнаго вамъ обстоятельства, чтобы мы понимали одинъ другаго, и чтобы все было сдѣлано по вашему желанію». Парисъ исполнилъ это порученіе. Онъ увидѣлся съ Ботвелемъ и Летингтономъ, которые оба были того мнѣнія, что удобнѣе помѣстить короля въ Кёркъ-оф-Фильдѣ. Такъ называлось обширное поле, находившееся у самыхъ воротъ Эдинбурга, недалеко отъ стариннаго монастыря доминиканцевъ, которыхъ называли здѣсь черными монахами (black friars). Воздухъ здѣсь былъ прекрасный; поле было покрыто садами и домиками, между которыми герцогъ Шательро имѣлъ одну довольно большую и красивую дачу, а Робертъ Бальфёръ, креатура Ботвеля и род-

ственникъ Джемса, составитель акта (bond) объ убійствѣ—другую. Послѣдняя называлась домомъ *пребендарія.* Хотя этотъ домъ былъ меньше дачи герцога, но онъ стоялъ уединеннѣе, и заговорщики сочли его болѣе удобнымъ для своего замысла. Парисъ два раза видѣлся съ Джемсомъ Бальфёромъ и Ботвелемъ, который, отпуская его, сказалъ: «возвратись къ королевѣ и испроси у нея покорно милости ко мнѣ; передай ей, что все идетъ хорошо, потому-что господинъ Джонъ Бальфёръ и я не спали цѣлую ночь, приводя все въ порядокъ, и приготовили помѣщеніе; передай королевѣ вотъ этотъ алмазъ, и скажи ей, что если была бы возможность, то я послалъ бы ей мое сердце».

Дарнлей скоро въ состояніи былъ отправиться въ носилкахъ. Королева, которой онъ надоѣдалъ своими нѣжностями, и которая не могла видѣть его, не почувствовавъ колотья въ боку, извѣстила Ботвеля о своемъ скоромъ отъѣздѣ. «Исполняя сдѣланное мнѣ порученіе,—писала она къ нему—я въ понедѣльникъ увезу съ собою мужа». Первоначальное предположеніе отвезти его въ Крэгмиларъ было оставлено, потому-что король показывалъ чрезвычайное отвращеніе къ этому мѣсту; но онъ согласился помѣститься въ Кёркъ-оф-Фильдѣ, и провести тамъ время своего выздоровленія. Однакожь, несмотря на внимательную предупредительность Маріи и на его любовь къ ней, Дарнлея не покидали прежнія опасенія. «Моя душа наполнена подозрѣніями, говорилъ онъ Томасу Крофорду: Богъ да будетъ судьею между нею и мной. Я могу положиться только на ея обѣщаніе, но я отдался въ ея власть и послѣдую за нею повсюду, хотя

бы она вела меня на смерть». Въ такомъ расположеніи духа онъ оставилъ Гласго и отправился въ Кёркъ-оф-Фильдъ. Ботвель выѣхалъ встрѣтить Марію и Дарнлея. 31-го января молодой король, еще не совсѣмъ оправившійся, и опечаленный своими опасеніями, прибылъ въ роковое жилище, гдѣ его ожидала смерть.

Этотъ домъ бывшаго каноника полевой церкви, былъ неудобенъ для пріема короля съ королевой. Маленькій, тѣсный, запущенный, онъ состоялъ изъ подвальнаго этажа, гдѣ находились кладовая и одна комнатка, и изъ перваго этажа, въ которомъ не было ничего, кромѣ галлереи надъ кладовою, и еще одной комнаты, соотвѣтствовавшей комнатѣ подвальнаго этажа. Поэтому Нельсонъ, слуга Дарнлея, прибывши въ Кёркъ-оф-Фильдъ, хотѣлъ приготовить домъ герцога Шательро, какъ единственный, удобный для помѣщенія своего господина. Но королева не позволила ему этого, и сама привезла Дарнлея въ домъ Бальфёра, куда была перенесена необходимая мебель, и который очевидно избралъ Ботвель, чтобы здѣсь удобнѣе совершить задуманное убійство. Дарнлей былъ помѣщенъ въ первомъ этажѣ, а трое его служителей—Тэйлоръ, Нельсонъ и Эдуардъ Симонсъ—въ галлереѣ, служившей въ то же время гардеробною и кабинетомъ. Изъ кладовой подвальнаго этажа сдѣлали кухню, а королева приказала поставить свою кровать въ комнатѣ, находившейся подъ спальнею короля. Она велѣла также возстановить заложенную дверь изъ подвальнаго въ первый этажъ. Устроившись такимъ-образомъ, хотя и очень неудобно, возлѣ Дарнлея, она провела нѣсколько ночей подъ одною съ нимъ кровлею. Ея заботы, попеченія и со-

вершенно новыя выраженія нѣжности могли вполнѣ успокоить его.

Между-тѣмъ какъ Марія Стюартъ повидимому возвратилась къ своей прежней привязанности къ Дарнлею, Ботвель заботился о приготовленіяхъ къ убійству. Кромѣ знатныхъ соучастниковъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Крэгмиларѣ, и послѣ того, онъ, чтобы обезпечить себѣ безнаказанность своего замысла, пріискалъ теперь второстепенныхъ помощниковъ, которые могли бы взяться за его выполненіе. Его лакей Дальглишъ, портной Уильсонъ, привратникъ Паури, лэрдъ Джемсъ Ормистонъ, его братъ Робертъ и особенно два головорѣза Гэй Талло и Гепбёрнъ Больтонъ, храбрость и преданность которыхъ Ботвель испыталъ во время войны на границѣ, выслушали его и безъ малѣйшаго колебанія сдѣлались его орудіями. Онъ заказалъ поддѣльные ключи, съ помощію которыхъ можно было безпрепятственно входить въ домъ Бальфёра, и послалъ въ Дэнбаръ за боченкомъ пороха, который нужно было поставить подъ комнатой короля, чтобы разрушить домъ посредствомъ взрыва.

Соучастіе француза Париса, котораго онъ помѣстилъ при Маріи Стюартъ, было ему необходимо, чтобы удостовѣриться, хорошо ли подходили фальшивые ключи къ настоящимъ, чтобы поставить порохъ въ той самой комнатѣ, которая находилась подъ спальнею короля, и была занята королевою. Но когда онъ открылъ свое намѣреніе Парису, въ среду, 5 февраля, то увидѣлъ, что французъ не рѣшается содѣйствовать ему, и боится погубить себя. Въ признаніи послѣдняго передъ судомъ, когда онъ былъ схваченъ черезъ два года послѣ убійства и повѣшенъ за участіе въ немъ,

онъ передавалъ съ поразительнымъ простосердечіемъ свой разговоръ съ Ботвелемъ въ эту ужасную минуту: «когда я его выслушалъ, говорилъ онъ, *мое сердце перевернулось, я не отвѣчалъ ни слова, и опустилъ глаза*». Ботвель, чтобы извлечь его изъ этого смущенія, нетерпѣливо спросилъ у него, о чемъ онъ думаетъ. «Господинъ, отвѣчалъ тотъ, я думаю, что вы говорите мнѣ о важномъ дѣлѣ.—Что̀ же ты думаешь о немъ?—Я думаю о немъ... вы извините меня, если я вамъ скажу это по своему слабому разумѣнію.—Что̀ же ты хочешь сказать? Вѣрно проповѣдь?—Нѣтъ, господинъ, вы услышите что̀.— Ну, хорошо, говори!» Парисъ сталъ напоминать ему волненія и несчастія его жизни, и старался отвратить отъ этого убійства, выставляя ему на видъ его настоящее спокойствіе, и говоря, что такимъ-образомъ онъ потеряетъ необыкновенную милость королевы, которою онъ теперь пользуется. Въ заключеніе онъ сказалъ ему: «Итакъ, господинъ, если вы рѣшитесь на это дѣло, то наживете себѣ такое большое безпокойство, какого вы никогда не имѣли, потому-что всякій будетъ громко кричать противъ васъ; вотъ увидите!»—Ну, перебилъ Бовель, кончилъ ли ты? —«Извините меня, господинъ, если я, съ позволенія вашего, говорилъ вамъ по своему бѣдному разумѣнію.»—Глупецъ! неужели же ты думаешь, что я дѣлаю это одинъ, самъ собою?—«Господинъ, я не знаю ка̀къ вы это дѣлаете, но очень хорошо знаю, что это будетъ самая большая изъ всѣхъ непріятностей, какія съ вами случались.»—Какимъ же образомъ? Вѣдь мнѣ помогаетъ Летингтонъ, который считается у насъ самымъ умнымъ человѣкомъ, и который задумалъ все это; со мной за одно также г.

Арджиль, мой братъ—г. Гэнтли, господа Мортонъ, Рутвенъ и Линдсэй. А ужь эти трое не покинутъ меня никогда, потому-что я хлопоталъ объ ихъ помилованіи. Ктому же я имѣю письменное согласіе всѣхъ, кого я назвалъ тебѣ, и мы уговорились съ ними, когда были въ послѣднее время въ Крэгмиларѣ; но вѣдь ты—животное и глупецъ, и не заслуживаешь, чтобы съ тобою говорили толкомъ.

Парисъ кончилъ согласіемъ на желаніе Ботвеля, которому былъ обязанъ благодарностію, и можетъ-быть сдѣлалъ это скорѣе, чѣмъ показывалъ при слѣдствіи. Онъ взялъ ключи дома, которые Ботвель сличилъ со сдѣланными вновь, и обѣщалъ ввести, за нѣсколько часовъ до убійства, въ комнату королевы Гэя Талло, Гепбёрна, Больтона и лэрда Ормистона, чтобы поставить тамъ порохъ, пока королева будетъ съ Дарнлеемъ. Ботвелъ запретилъ Парису ставить кровать королевы прямо подъ кроватью короля, потому-что на этомъ мѣстѣ онъ хотѣлъ поставить порохъ. Парисъ ничего этого не сдѣлалъ, и Марія Стюартъ, войдя вечеромъ въ свою комнату, сама приказала передвинуть свою кровать.

Ночь въ воскресенье, 9-го февраля была избрана для выполненія ужаснаго злодѣянія. Поведеніе Маріи Стюартъ, предъ временемъ совершенія убійства, слишкомъ явно подтверждаетъ обвиненіе, заключающееся въ показаніяхъ свидѣтелей, въ признаніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы и въ ея собственныхъ письмахъ. По словамъ Нельсона, она приказала вынести новую бархатную постель, находившуюся въ комнатѣ короля, и замѣнить ее старою. По показанію Париса, было вынесено также изъ ея собственной комнаты богатое

одѣяло на куньемъ мѣху, котораго она, безъ сомнѣнія, не хотѣла оставлять тамъ передъ взрывомъ. Въ воскресенье она провела вечеръ съ королемъ, увѣряя его, что останется ночевать въ домѣ Бальфёра. Пока она дружески разговаривала съ нимъ въ первомъ этажѣ, внизу дѣлались приготовленія къ убійству. Наканунѣ вечеромъ Гепбёрнъ принесъ ящикъ съ порохомъ въ нижнюю комнату помѣщенія, которое занималъ Ботвель въ аббатствѣ Голирудъ. Здѣсь же, въ воскресенье, передъ сумерками, Ботвель собралъ бо́льшую часть своихъ соумышленниковъ и распредѣлилъ между ними роли, которыя они должны были играть въ ночной трагедіи. Около десяти часовъ вечера, Уильсонъ, Паури и Дальглишъ перенесли чрезъ сады къ оконечности монастыря черныхъ монаховъ (Black-Friars) мѣшки съ порохомъ, куда за ними пришли Гэй Талло, Гепбёрнъ и Ормистонъ. Послѣдніе пронесли ихъ въ домъ Бальфёра, при помощи ждавшаго тамъ Париса. Когда порохъ былъ ссыпанъ въ кучу на полу подъ тѣмъ мѣстомъ, которое занимала кровать короля,— Ормистонъ вышелъ, а Гэй Талло и Гепбёрнъ остались съ поддѣльными ключами въ комнатѣ королевы. Когда все было готово, Парисъ поднялся въ королевскую спальню, и королева вспомнила тогда, что она обѣщала присутствовать на праздникѣ съ переодѣваньемъ, даннымъ въ этотъ день во дворцѣ Голирудъ, по поводу свадьбы ея служителя Бастіана съ Маргаритою Карвудъ, одною изъ служанокъ, находившеюся при ея особѣ, и которую она очень любила. Поэтому она простилась съ королемъ и вышла въ сопровожденіи своей свиты, въ которой находился и Ботвель. При свѣтѣ факеловъ она отправилась въ Голирудъ. Дарнлей съ печалью и

невольнымъ страхомъ смотрѣлъ на ея удаленіе. Этотъ несчастный, предугадывая нѣсколько смертельную опасность, грозившую ему, искалъ утѣшенія въ библіи и сталъ читать псаломъ LXV, слова котораго подходили подъ его положеніе. Скоро послѣ того онъ заснулъ, положивъ недалеко отъ себя въ своей комнатѣ молодаго пажа Тэйлора.

Ботвель, побывши нѣсколько времени на балѣ, удалился, когда пробила полночь. Онъ снялъ съ себя свой богатый костюмъ изъ чернаго бархата, шитый серебромъ и подбитый атласомъ, и надѣлъ платье изъ простой матеріи темнаго цвѣта, на полотняной подкладкѣ. Послѣ этого онъ отправился, въ сопровожденіи Дальглиша, Париса, Уильсона и Паури. Желая пройти незамѣченнымъ, онъ спустился по лѣстницѣ Голируда въ садъ королевы и пошелъ къ южнымъ воротамъ. Видя эту толпу тамъ, гдѣ никто не ходилъ въ такое время, двое часовыхъ окликнули ихъ: «*Кто идетъ?*» — *Друзья*, отвѣчалъ Паури. — «*Чьи друзья?*» возразилъ одинъ изъ часовыхъ. — *Друзья милорда Ботвеля*, продолжалъ Паури. Пройдя чрезъ Канонгэтъ (ворота каноника), заговорщики нашли запертою дверь Нитер-бау, черезъ которую должны были проходить, и Уильсонъ разбудилъ здѣсь сторожа, по имени Джона Галлоуэй, приказавъ ему отворить *друзьямъ милорда Ботвеля*. Галлоуэй, удивленный, спросилъ, что заставило ихъ встать въ такую пору съ постели? Ботвель предполагалъ захватить съ собою, мимоходомъ, лэрда Ормистона; но послѣдній хотя и помогалъ перетаскивать порохъ, боясь, чтобы это происшествіе не довело его до казни, — что̀ и случилась дѣйствительно чрезъ нѣсколько лѣтъ, — легъ спать, и не вышелъ на стукъ.

Продолжая свой путь, Ботвель дошелъ до Блэкъ-Фрейерской стрѣлки около полевой церкви, оставилъ здѣсь Паури, Уильсона, Дальглиша, и, въ сопровожденіи Париса, пошелъ къ саду Бальфёра, чтобы соединиться съ Гепбёрномъ и Талло.

Всѣ обстоятельства заставляютъ думать, что именно въ это время двое убійцъ, спрятавшихся въ домѣ, совершили свое злодѣяніе. Съ помощію поддѣльныхъ ключей, они пробрались къ комнату короля. Услыхавъ шумъ, Дарнлей набросилъ на себя шубу, и соскочилъ съ кровати, чтобы спастись бѣгствомъ; но убійцы схватили его и задушили. Такимъ же образомъ былъ убитъ и молодой его пажъ. Потомъ они перенесли трупы въ маленькій фруктовый садъ, находившійся по сосѣдству, гдѣ они и были найдены на слѣдующее утро въ цѣлости и безъ малѣйшаго слѣда обжога; король былъ въ одной только рубашкѣ, а шуба лежала возлѣ него. Окончивъ это преступное дѣло, Гепбёрнъ зажегъ фитиль, проведенный въ кучу пороха, чтобы, взорвавши домъ, вѣрнѣе скрыть слѣды убійства. Ботвель, Гепбёрнъ, Гэй Талло и другіе злодѣи отошли тогда на нѣкоторое разстояніе, дожидаясь взрыва, происшедшаго только минутъ черезъ пятнадцать, въ третьемъ часу ночи, съ страшнымъ трескомъ. Тогда они всѣ бросились бѣгомъ въ Эдинбургъ; и Ботвель, который не могъ, съ своею раненою рукою, пролѣзть въ отверзтіе, находившееся въ городской стѣнѣ, принужденъ былъ съ бо̀льшею частію своихъ товарищей опять пройти чрезъ ворота Нитеръ-бау, и снова разбудить Джона Галлоуэя. По возвращеніи въ Голирудъ его опять окликнули часовые; войдя къ себѣ, Ботвель спросилъ воды, чтобы утишить свое волненіе, и бросился въ постель.

Онъ пролежалъ не болѣе получаса, какъ одинъ изъ дворцовыхъ чиновниковъ, Джорджъ Гаккетъ, сильно постучалъ у его дверей и требовалъ, чтобы его впустили. Когда дверь была отворена, онъ вбѣжалъ въ страшной тревогѣ и не могъ выговорить ни слова. Ботвель съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, спросилъ у него, что́ случилось. «Домъ короля, отвѣчалъ Джорджъ Гаккетъ, взорвало на воздухъ, и король убитъ». Услышавъ, эту вѣсть, Ботвель выказалъ сильное негодованіе и вскричалъ: «*фи! измѣна!*» Онъ всталъ, одѣлся, поговорилъ съ графомъ Гэнтли, который пришелъ къ нему, и они оба отправились къ королевѣ.

Смѣлый Ботвель, въ сопровожденіи отряда солдатъ, отправился немедленно на мѣсто преступленія. Жители Эдинбурга, пробужденные взрывомъ, собрались тамъ уже съ самой зари. Они разсѣялись вокругъ разрушеннаго дома, подъ обломками котораго найденъ былъ еще живой Нельсонъ, и по саду, гдѣ лежали трупы короля и его пажа Тэйлора. Ботвель, растолкалъ удивленную и объятую ужасомъ толпу, и приказалъ перенести тѣла жертвъ своихъ въ сосѣдній домъ, не позволяя никому приближаться къ нимъ и разсматривать ихъ. Но уже всѣ замѣтили, что на тѣлѣ короля не было видимыхъ ранъ, что онъ не былъ ни обожженъ порохомъ, ни убитъ паденіемъ; что шуба, лежавшая возлѣ него, тоже нигдѣ не была прожжена, и что оба трупа не могли быть выброшены взрывомъ на такое значительное разстояніе отъ взлетѣвшаго на воздухъ дома, не получивъ при этомъ никакого поврежденія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Дарнлей былъ почти тайно погребенъ въ голирудской капеллѣ.

Какъ же вела себя Марія Стюартъ, когда она узнала эту ужасную новость, наполнившую Эдинбургъ негодованіемъ и подозрѣніями? Она, казалось, была поражена ею и впала въ безмолвное уныніе. Она вовсе не обнаружила въ этотъ разъ той дѣятельности, того гнѣва, той рѣшимости и смѣлости, которыя выказала послѣ убійства Риччіо. Запершись въ своихъ комнатахъ, она даже съ самыми вѣрными изъ своихъ служителей сносилась не иначе, какъ черезъ Ботвеля. Одинъ только убійца Дарнлея имѣлъ доступъ къ ней. Если бы даже изъ признаній, находящихся въ собственныхъ письмахъ королевы, и изъ показаній, сдѣланныхъ второстепенными актерами этой кровавой драмы, передъ судомъ на эшафотѣ, не видно было участія ея въ ней, то уже одно поведеніе ея до убійства могло бы служить доказательствомъ этого участія. Путешествіе въ Гласго, предпринятое въ минуту величайшаго недовѣрія и вражды противъ Дарнлея; выраженія нѣжности и надежды на сближеніе, которыя она употребила, чтобы взять его съ собою въ Эдинбургъ; выборъ дома, принадлежавшаго Бальфёру, годившагося только для замышляемаго преступленія, и гдѣ она соглашалась поселиться вмѣстѣ съ мужемъ, чтобы онъ не отказался жить тамъ; старанія, какія она употребляла наканунѣ убійства, чтобы выбрать оттуда самыя драгоцѣнныя вещи; переноска пороху и впускъ двухъ главнѣйшихъ злодѣевъ въ ея собственную комнату, гдѣ нельзя было ни высыпать порохъ, ни спрятать убійцъ безъ ея вѣдома, потому-что она могла сойти туда и открыть все; наконецъ ея удаленіе изъ дома Бальфёра, гдѣ она должна была провести ночь, за нѣсколько часовъ до того, какъ убитъ Дарнлей и взорванъ домъ;—все

это слишкомъ ясно доказываетъ, что она знала всѣ подробности заговора.

Но если событія, предшествовавшія преступленію обвиняютъ Марію Стюартъ, то что же нужно думать о послѣдовавшихъ? Ея поведеніе, какъ женщины и королевы, дѣлаетъ ее тѣмъ болѣе преступною, что она, не думая отмстить за мужа, которому расточала недавнія, хотя и лицемѣрныя, ласки, награждаетъ убійцу, и черезъ два мѣсяца выходитъ за него замужъ. Съ этого времени предъ нами раскрывается печальная картина ея заблужденій и бѣдствій. Какъ бы пораженная горемъ, Марія Стюартъ предоставила своему тайному совѣту, — который весь почти состоялъ изъ соучастниковъ убійства, а секретаремъ и руководителемъ котораго былъ Летингтонъ, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ его,— увѣдомить объ этомъ несчастіи французскій дворъ. Депеша совѣта на имя Катерины Медичи, была довѣрена Кларно, который въ то же время долженъ былъ доставить письмо королевы архіепископу гласгоскому. Въ этомъ письмѣ, написанномъ на третій день по смерти короля, Марія Стюартъ жалуется своему посланнику при дворѣ Карла IX на «страшное происшествіе, ужаснувшее Шотландію», и говоритъ, «что она не вѣритъ чтобы въ какой-нибудь другой странѣ могло случиться подобное злодѣйство.» Она утверждаетъ дальше, что только благодаря счастливому случаю она не сдѣлалась жертвою покушенія, направленнаго столько же противъ ея особы, сколько и противъ короля. «Я не знаю, продолжаетъ она, виновниковъ преступленія; но вполнѣ полагаюсь на заботливость и поспѣшность моего совѣта въ розысканіи ихъ и надѣ-

юсь опредѣлить имъ такое наказаніе, которое послужитъ урокомъ для будущихъ поколѣній.» Позаботившись такимъ-образомъ обезпечить себѣ расположеніе французскаго двора, она рѣшилась наконецъ въ среду, 12 февраля, издать прокламацію, въ которой обѣщала двѣ тысячи шотландскихъ ливровъ тому, кто доставитъ ей хотя нѣкоторыя свѣдѣнія объ убійцахъ. Голосъ народный отозвался немедленно: на воротахъ Тольбута, или городской тюрьмы, появилась афиша, называвшая Ботвеля, Джемса Бальфёра и другаго довѣреннаго Ботвеля по имени Давида Чэмберса, убійцами короля. Чьи-то голоса, въ тишинѣ наступившей ночи называли на улицахъ Эдинбурга тѣже имена. Другая афиша, обвиняла также служителей королевы: Фрэнсиса, Бастіана, Джона Бордосскаго и Іосифа Риччіо, брата Давидова. Королева не предпринимала вовсе преслѣдованія противъ второстепенныхъ заговорщиковъ, а главнаго изъ нихъ держала около себя.

Не думая дѣйствовать, она оставила Эдинбургъ и удалилась въ замокъ лорда Ситона. Ботвель послѣдовалъ туда же за нею, и поселился подъ охраненіемъ капитана Куллена, одного изъ самыхъ преданныхъ своихъ приверженцевъ и вмѣстѣ съ Гэнтли, Арджилемъ, Летингтономъ и архіепископомъ сенъ-андрейскимъ; своими помощниками въ убійствѣ Дарнлея. Не думала ли она проводить тамъ время въ траурѣ и скорби?..... Нѣтъ. Вотъ что̀ разсказываетъ объ ея пребываніи въ Ситонѣ М. Фрэзеръ Тайтлеръ, мнѣнія котораго, въ нѣкоторомъ родѣ наслѣдственныя, очень благопріятны для Маріи, и который принадлежитъ къ самымъ новѣйшимъ и во многихъ от-

ношеніяхъ лучшимъ историкамъ Шотландіи: «Съ удивленіемъ увидали, что спустя двѣ недѣли послѣ смерти ея мужа, когда все государство и столица еще не опомнились отъ послѣднихъ происшествій, которыя ложились пятномъ на характеръ народа, дворъ въ Ситонѣ былъ занятъ только одними удовольствіями. Марія и Ботвель забавлялись стрѣльбою въ цѣль на пари съ Гэнтли и Ситономъ, и однажды принудили этихъ лордовъ проигранную партію заплатить обѣдомъ въ Трэнентѣ.»

Среди этихъ-то развлеченій застали Марію Стюартъ обвинительныя подозрѣнія народа и горькія жалобы Леннокса. Въ Эдинбургѣ, который былъ приведенъ въ волненіе толпою, вышедшею изъ дворца Голирудъ, въ роковую ночь, съ 9 на 10-е февраля, ходили вѣрные слухи на счетъ руководителя и неопредѣленные—на счетъ его соучастниковъ въ злодѣяніи. На общественномъ рынкѣ появилось объявленіе, въ которомъ говорили, что слесарь, дѣлавшій фальшивые ключи къ королевской комнатѣ, объявитъ о себѣ, если ему обезпечатъ необходимую безопасность. Кромѣ-того, были прибиты двѣ новыхъ афиши, изъ которыхъ на одной были изображены начальныя буквы имени королевы, M. S., и подъ ними рука, держащая мечь, а на другой—начальныя буквы имени Ботвеля, съ колотушкою, представлявшею орудіе убійства. Весь городъ былъ въ самомъ необычайномъ волненіи. Протестантскіе пасторы проповѣдывали съ мрачнымъ увлеченіемъ; среди эпитемій и молитвъ они взывали къ Богу, чтобы онъ открылъ *и отмстилъ.*

На королеву падали всеобщія подозрѣнія и мысль

объ ея соучастіи распространялась все больше-и-больше. Раздраженный Ботвель думалъ запугать общественное мнѣніе. Онъ прибылъ въ Эдинбургъ въ сопровожденіи пятидесяти вооруженныхъ человѣкъ, и объявилъ во всеуслышаніе, что если узнаетъ, кто писалъ эти афиши, то вымоемъ руки свои въ крови виновныхъ. Однакоже, тревожимый подозрѣніями и исполненный гнѣва, онъ, говоря съ людьми, въ которыхъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, не спускалъ обыкновенно взгляда съ своего собесѣдника, и всегда держалъ руку на рукояти кинжала.

Несчастный отецъ убитаго короля, видя недѣятельность Маріи Стюартъ, понуждалъ ее въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ сдѣлать распоряженіе о слѣдствіи. «Природа и долгъ, писалъ онъ ей 20-го февраля, принуждаютъ меня умолять ваше величество именемъ Бога, ради вашей чести и ради чести вашего государства,— о созваніи всего дворянства и сословій Шотландіи и о повелѣніи заняться изслѣдованіемъ совершеннаго злодѣйства. Я не сомнѣваюсь, что по милости всемогущаго Бога, Духъ святой низойдетъ въ сердце вашего величества и въ сердца вѣрныхъ подданныхъ вашихъ, чтобы открыть кровавыхъ и преступныхъ виновниковъ этой смерти. Я не считаю нужнымъ напоминать вашему величеству, что дѣло близко касается особы вашей, и прошу извинить мою докучливость, ибо я — отецъ пострадавшаго.»

На другой день Марія отвѣчала графу Ленноксу съ большимъ участіемъ, но весьма уклончиво. Она писала, что еще до полученія его письма уже былъ созванъ парламентъ, который не замедлитъ предпринять изслѣдованіе преступнаго убійства короля, ея

мужа. Но парламентъ долженъ былъ собраться на пасху, а до того времени, Іосифъ Риччіо, Бастіанъ и Фрэнсисъ, итальянецъ, занимавшій должность дворецкаго королевы, на которыхъ падали обвиненія, выраженныя въ афишахъ, уже оставили Шотландію, а Паури и Уильсонъ были посланы Ботвелемъ въ замокъ Эрмитажъ близъ англійской границы. Графъ Леннокcъ, угадавшій причину этой продожительной недѣятельности, 26 февраля возобновилъ свои настоянія, представляя королевѣ, что тутъ дѣло шло не о созваніи парламента, по поводу обыкновеннаго вопроса, но о преступленіи такой важности, что оно требовало примѣрнаго наказанія и немедленнаго преслѣдованія; онъ заклиналъ ее задержать подозрительныхъ лицъ, обвиняемыхъ афишами. Королева отвѣчала ему на это, что афиши противорѣчили другъ другу, и что она не находитъ достаточныхъ основаній для преслѣдованія. Она прибавила въ заключеніе, что если онъ укажетъ лицъ, которыхъ считаетъ нужнымъ предать въ руки правосудія, то они будутъ подвергнуты слѣдствію по законамъ государства, наказанію, соотвѣтствующему важности преступленія и степени ихъ виновности въ немъ.

Между-тѣмъ какъ Кеннокcъ убѣдительно испрашивалъ ея правосудія, Елизавета рѣзко давала Маріи замѣтить ея собственную виновность. Она послала къ ней сэра Генриха Кильгру съ письмомъ, въ которомъ излила всю свою ненависть къ ней въ сильныхъ упрекахъ, худо скрытыхъ подъ видомъ лицемѣрнаго участія. «Государыня,—писала она къ ней,—мои уши до такой степени оглушены, мой разумъ такъ помраченъ, и мое сердце такъ устрашено ужас-

ною вѣстью о гнусномъ умерщвленіи покойнаго супруга вашего и моего кузена, что я даже почти не въ силахъ писать; и сколько моя родственная привязанность заставляетъ меня сожалѣть о смерти человѣка, такъ близкаго ко мнѣ по крови, столько же побуждаетъ не скрывать предъ вами своихъ мыслей, и смѣло сказать вамъ, что я еще болѣе сожалѣю о васъ, чѣмъ о немъ. О, государыня! Я не исполнила бы долга вѣрной сестры и преданнаго друга, еслибы заботилась больше о томъ, чтобы угодить вашему слуху нежели о томъ, чтобы сохранить вашу честь; поэтому я не утаю отъ васъ мнѣнія весьма многихъ, которые говорятъ, что вы смотрите сквозь пальцы на это преступленіе, и что не хотите трогать людей, доставившихъ вамъ это удовольствіе, какъ-будто бы злодѣяніе было совершено убійцами съ увѣренностью въ безнаказанности. Что касается до меня, то прошу васъ повѣрить мнѣ, что за всѣ сокровища міра, я не захочу допустить подобную мысль въ свое сердце.» Она побуждала ее въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ не оставлять подобнаго преступленія безъ наказанія. Прошу васъ, продолжала она, совѣтую вамъ, умоляю васъ— принять все это какъ можно ближе къ сердцу; не опасайтесь оскорбить самыхъ близкихъ людей къ вамъ и не позволяйте никакимъ убѣжденіямъ оставить васъ въ совершеніи наказанія, которое должно показать міру, что вы— благородная государыня и были вѣрною женою.» То же писалъ къ ней изъ Франціи, гдѣ также считали ее виновною, ея посланникъ, архіепископъ гласгоскій. Онъ съ благородною честностію извѣщалъ ее о строгомъ сужденіи иностранныхъ государствъ по поводу по-

слѣдняго происшествія; говорилъ, что состояніе ея королевства почитается весьма жалкимъ, а поведеніе шотландскаго дворянства и ея собственное—постыднымъ. «Даже на васъ, писалъ онъ ей, взводятъ страшную клевету, называя васъ главною виновницею всего и руководительницею этого дѣла.» Онъ заклиналъ ее примѣрно отмстить и прибавлялъ: «Если вы не приступите теперь же къ этому, то лучше будетъ для васъ потерять и жизнь, и все.»

Прошло болѣе мѣсяца послѣ убійства Дарнлея, а Марія еще не сдѣлала ничего, что требовалось законами королевства и могло бы доказать ея невинность. Напротивъ-того, она ни на минуту не разлучалась съ Ботвелемъ. Не думая арестовать его, какъ требовалъ въ третьемъ письмѣ своемъ графъ Леннокcъ, она осыпала его новыми милостями. Она назначила его комендантомъ Эдинбургской крѣпости,— должность, которая принадлежала прежде графу Маръ, дядькѣ наслѣдника. Кромѣ-того она пожаловала ему замокъ Блекнессъ, Инчъ и начальство надъ Лейтомъ. Однакоже смѣлыя и почти оскорбительныя наставленія Елизаветы, сильное неудовольствіе французскихъ родственниковъ Маріи Стюартъ, энергическія просьбы архіепископа гласгоскаго и возобновившіяся настоянія графа Леннокса, побудили ее выйти изъ этого опаснаго и унизительнаго положенія. Она хотѣла покрыть себя личиною правосудія и поставить своего любимца подъ защиту судебнаго оправданія. 28 марта въ совѣтѣ, подъ ея личнымъ предсѣдательствомъ, гдѣ присутсвовали ротвель, гэнтли, Арджиль, Кэтнессъ, епископы: росскій и галлоуэйскій, положено было приступить къ изслѣдованію обвиненія.

Но не имѣя возможности откладывать процессъ долѣе, она стала торопить имъ. Графъ Леннокcъ получилъ приказъ явиться 12 апрѣля въ Эдинбургъ, чтобы доказывать предъ судомъ свои обвиненія противъ Ботвеля.

Одинъ только общій голосъ народа обвинялъ этого могущественнаго преступника. Никто не рѣшался говорить и никого не принуждали къ этому. Слесарь, дѣлавшій фальшивые ключи къ королевской комнатѣ не получилъ охранной грамоты, которой требовалъ, чтобы сдѣлать открытіе. «Какимъ же образомъ, писалъ графъ Леннокcъ къ королевѣ, можно узнать истину, когда отнимаютъ всякую смѣлость у людей, которые могли бы сказать ее, и, напротивъ, одобряютъ тѣхъ, на которыхъ могло бы пасть обвиненіе, оставляя ихъ свободными, всесильными при дворѣ и могущественными даже при ея царственной особѣ?» Онъ просилъ, поэтому, арестовать обвиняемыхъ, сообразно законамъ страны, и назначить отсрочку, которая позволила бы собрать доказательства ихъ преступленія. Далѣе онъ прибавлялъ, что, безъ соблюденія этихъ условій, процессъ не только не можетъ быть законнымъ, но даже будетъ невозможенъ. Елизавета съ своей стороны, просила Марію Стюартъ дать отцу и друзьямъ убитаго короля необходимое время для уясненія виновности убійцъ. Она предупреждала, что отказъ въ этомъ *значительно усилитъ подозрѣнія противъ нея самой;* просила ее дать людямъ возможность узнать о ея невинности въ такомъ ужасномъ преступленіи, говоря, что въ противномъ случаѣ, она оттолкнетъ отъ себя государей, и унизитъ себя во мнѣніи наро-

довъ, «а я пожелала бы вамъ, писала она съ своей неумолимой рѣзкостію, быть лучше погребенною съ честью, нежели влачить позорную жизнь.... Молю Господа, чтобы онъ вразумилъ васъ на поступокъ, который можетъ возвратить вамъ честь и успокоить друзей вашихъ.»

Марія Стюартъ не слушала ни справедливыхъ требованій Леннокса, ни дальновидныхъ совѣтовъ Елизаветы. Она хотѣла, чтобы все происходило по желанію Ботвеля и его друзей. Въ назначенный день, 12 апрѣля, уголовный судъ былъ открытъ въ зданіи Тольбута, гдѣ засѣдали благородные судьи, товарищи Ботвеля, избранные изъ среды его единомышленниковъ. Трибуналъ, находившійся подъ предсѣдательствомъ наслѣдственнаго *лорда верховнаго судьи*, графа Арджиля, одного изъ соучастниковъ убійства, былъ охраняемъ двумя стами мушкетеровъ; а въ то же время четыре тысячи вооруженныхъ людей занимали площади и улицы Эдинбурга. Офицеры были привлечены на сторону Ботвеля тó ласками, тò страхомъ. Свидѣтелей не было. Обвинитель, графъ Леннокcъ, прибывшій въ сопровожденіи вооруженныхъ друзей и кліентовъ, получилъ приказъ войти въ Эдинбургъ, имѣя при себѣ не болѣе шести человѣкъ, и вслѣдствіе этого удалился. Обвиненный графъ Ботвель, предсталъ предъ лицомъ правосудія съ смѣлымъ и открытымъ видомъ. Верхомъ на любимой лошади короля, окруженный стражею, онъ отправился въ Тольбутъ, сопровождаемый толпою дворянъ, выказывавшихъ передъ нимъ низкое раболѣпство. Проѣзжая передъ королевою, которая, вмѣстѣ съ лэди Летингтонъ, сидѣла у окна во дворцѣ Голирудъ, онъ

повернулся къ ней, и она привѣтливымъ знакомъ простилась съ нимъ. Марія Стюартъ открыто выразила свое участіе къ нему, пославъ ему письмо, когда онъ еще находился предъ судилищемъ—не изъ какихъ нибудь опасеній, но просто отъ нетерпѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ ей не нужно было страшиться за исходъ этого шутовскаго слѣдствія. Засѣданія суда не отличались ни продолжительностью, ни неопредѣленностью. Когда былъ прочитанъ актъ, обвинявшій Ботвеля, но не приводившій доказательствъ вины, графъ Леннокcъ былъ вызванъ, чтобы поддержать обвиненіе. Одинъ изъ его служителей, Робертъ Кюнингэмъ вышелъ вмѣсто него, изложилъ причины, воспрепятствовавшія графу, господину его, явиться лично, и объявилъ, что имѣетъ порученіе обвинить вторично графа Ботвеля въ убійствѣ и проситъ отсрочки для предъявленія доказательствъ. Получивъ отказъ на свою просьбу, Кюнингэмъ протестовалъ противъ всякаго рѣшенія, которымъ будутъ оправданы «*лица*, признанныя всѣми, говорилъ онъ, такъ же, какъ утверждаетъ милордъ, мой господинъ, убійцами короля.» Коронные адвокаты молчали, что возбуждало сильное неудовольствіе въ народѣ; и Ботвель, сказавшій рѣчь въ защиту своей «невинности», былъ оправданъ единогласно, за отсутствіемъ всякихъ доказательствъ. Тогда этотъ отважный смѣльчакъ сдѣлалъ своимъ обвинителямъ публичный вызовъ на поединокъ, обѣщая оружіемъ защищать свою невинность противъ каждаго, кто отважится запятнать ее.

Послѣ такого скандалёзнаго оправданія, въ которомъ всѣ были заранѣе увѣрены, Марія Стюартъ при-

бавила новыя милости къ тѣмъ, которыми еще такъ недавно осыпала Ботвеля; она пожаловала ему помѣстье и крѣпость Дэнбаръ, и расширила его власть въ качествѣ генералъ-адмирала. Никто изъ лордовъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты противостоять ему съ этого времени. Леннокcъ бѣжалъ въ Англію. Мюррэи, бывшій сильнѣйшимъ вельможей Шотландіи, удался отъ двора еще до умерщвленія короля и покинулъ государство за три дня до засѣданія въ Тольбутѣ; онъ уѣхалъ во Францію. Теперь уже ничто не стѣсняло болѣе королеву и ея торжествующаго любимца. На другой же день, послѣ засѣданія уголовнаго суда, собрался парламентъ, куда явилась и Марія Стюартъ, предшествуемая Ботвелемъ, которому она предоставила честь нести передъ собою корону и мечъ. Всѣ три сословія Шотландіи одобрили рѣшеніе суда и наложили запрещеніе на афиши, появлявшіяся въ Эдинбургѣ. За такое потворство всѣмъ была сдѣлана приличная награда. Пятеро присяжныхъ получили подтвержденіе милостей, оказанныхъ имъ отъ двора. Гэнтли, согласившійся на разводъ сестры своей съ Ботвелемъ, былъ введенъ во владѣніе всѣми своими помѣстьями, давно уже взятыми въ казну и еще до сихъ поръ не возвращенными. Католичка Марія, ослѣпленная своею страстью къ протестанту Ботвелю, рѣшилась на то, чего никакъ не хотѣла прежде: она уничтожила законы противъ протестантской партіи, и назначила опредѣленное содержаніе недостаточнымъ пасторамъ. Она думала привлечь къ себѣ такимъ образомъ дворянство, осыпая его наградами, и упрочить за собою сочувствіе пресвитеріанской церкви.

Но пресвитеріанская церковь не щадила ее въ своихъ суровыхъ сужденіяхъ, и народъ, видя какъ она съ каждымъ днемъ все больше и больше унижаетъ себя своими отношеніями къ Ботвелю, постепенно подвергалъ ее равному съ нимъ порицанію. Подозрѣнія въ ея виновности роспространились между самыми низшими классами жителей; и однажды, когда она проѣзжала мимо городскаго рынка, торговки, сидѣвшія тамъ, вставали съ словами: «Да благословитъ Богъ ваше величество, если вы невинны въ смерти короля.» Къ несчастью для Маріи, голосъ общественнаго мнѣнія не остановилъ ея страсти.

Ботвеля не удовлетворяла одна только безнаказанность. Благосклонность, хотя и слишкомъ необыкновенная для подданнаго, и непостоянное могущество любовника не могли удовлетворить его. Рѣшаясь на убійство короля, онъ разсчитывалъ на нѣчто бо̀льшее. Его цѣлью было — жениться на королевѣ и потомъ овладѣть престоломъ, къ чему такъ безплодно и нерѣшительно стремился честолюбимый, но несчастный, Дарнлей. Два препятствія представлялись ему въ этихъ предположеніяхъ: его недавній бракъ съ лэди Гордонъ и существованіе наслѣдника престола. Нужно было, чтобы разводомъ съ лэди Гордонъ одолѣть первое изъ этихъ препятствій, а женившись на королевѣ и овладѣвъ ея сыномъ, уничтожить второе. Народный инстинктъ нисколько не ошибался въ этомъ случаѣ. Онъ угадывалъ, что Ботвель для обезпеченія послѣдствій своего перваго злодѣянія, не задумается передъ другими. «Бракъ королевы съ Ботвелемъ и смерть принца, писалъ Друри къ Сесилю, — вотъ чѣмъ заняты здѣсь всѣ въ настоящее время.

Не одинъ только посланникъ королевы Елизаветы, конечно, хорошо знавшій обо всемъ, говорилъ это; вотъ слова одного изъ преданныхъ слугъ Маріи Стюартъ: «Немедленно разнесся слухъ, говоритъ Джемсъ Мельвиль, что королева выходитъ замужъ за графа Ботвеля... Эта новость встревожила всѣхъ, кто дорожитъ честью королевы и жизнью молодаго принца, который подвергнется большимъ опасностямъ, попавши въ руки убійцы своего отца.» Никто не осмѣливался подать королевѣ благой совѣтъ: всѣ боялись ярости и мстительности Ботвеля. Наконецъ лордъ Герризъ, бывшій смѣлѣе другихъ дворянъ, нарочно прибывшій для этого въ Эдинбургъ, бросился къ ногамъ Маріи Стюартъ и умолялъ ее не выходить замужъ за человѣка, на котораго вся страна смотритъ какъ на убійцу ея мужа; не наносить этимъ безчестія себѣ; не подвергать опасности жизнь своего сына и не губить себя самоё. Королева казалась удивленною, и отвѣчала ему, съ своимъ обыкновеннымъ притворствомъ, что вовсе не понимаетъ этихъ слуховъ, потому-что не чувствуетъ никакого влеченія къ Ботвелю. Давъ ей этотъ спасительный, но безполезный совѣтъ, Геррисъ, съ величайшею поспѣшностью возвратился на запасныхъ лошадяхъ, заранѣе заготовленныхъ имъ на дорогѣ, чтобы избавиться отъ преслѣдованія Ботвеля.

Мельвиль, рѣшившійся съ такою же искренностью сдѣлать подобное предостереженіе, былъ очень дурно принятъ королевою, которая извѣстила объ этомъ Ботвеля. Благоразумный Летингтонъ побранилъ Мельвиля за такую опасную смѣлость. «Какъ только Ботвель узнаетъ объ этомъ,—сказалъ онъ ему,—

онъ прикажетъ убить васъ. Уѣзжайте какъ можно скорѣе. —«Однако же нельзя не пожалѣть о томъ, отвѣчалъ ему Мельвиль, что всѣ видятъ королеву въ двухъ шагахъ отъ погибели и никто не рѣшается предостеречь ее.»

— «Вы поступили, возразилъ Летингтонъ, какъ человѣкъ честный, но неблагоразумный.» Онъ не ошибался въ опасности, грозившей Мельвилю. Ботвель дѣйствительно хотѣлъ убить его, и Мельвиль былъ принужденъ скрываться до тѣхъ поръ, пока королевѣ удалось успокоить Ботвеля.

Необузданная дерзость Ботвеля выразилась въ самомъ необычайномъ поступкѣ. Онъ хотѣлъ удостовѣриться въ согласіи аристократіи на свой бракъ съ королевой. Вечеромъ 19 апрѣля, въ день закрытія засѣданій парламента, имъ были приглашены на ужинъ въ таверну Анслей, находившуюся по сосѣдству, графы Мортонъ, Аржиль Гэнтли, Кассилисъ, Гленкэрнъ, Ротзъ, Сэтерлендъ, Эрроль, Кэтнессъ, Эглинтонъ, а также лорды: Бойдъ, Ситонъ, Сэнклеръ, Семпль, Олифантъ, Огильви, Россъ-Гэкэтъ, Карлиль, Юмъ, Иннермитъ и другіе; таверну онъ немедленно приказалъ окружить двумя стами мушкетеровъ. Сидя за столомъ, онъ сообщилъ своимъ собесѣдникамъ, что королева согласна выйти за него замужъ и предъявилъ—какъ подтверждаютъ свидѣтели этой странной сцены—ея собственоручное письмо, которымъ она поручила ему предложить это дѣло на разсмотрѣніе дворянства. Среди наступившей затѣмъ суматохи графъ Эглинтонъ скрылся, другіе же, съ постыдною трусостью, письменно подтвердили, что они убѣждены въ невинности Ботвеля, обязались защищать

его противу всякой клеветы и называли «этого благороднаго и могущественнаго лорда» приличнымъ супругомъ для королевы, продолжительное вдовство которой, говорили они, можетъ повредить интересамъ государства. Они согласились поддерживать своею жизнью и имуществомъ притязанія Ботвеля съ условіемъ, что если они не исполнятъ этого, то онъ имѣетъ право считать ихъ безчестными и неблагородными измѣнниками. Епископы Сентъ-Андре, Эбердина, Дэмблена, Бречина, Росса и Оркадскихъ острововъ подписали bond о бракѣ. Этотъ актъ покрылъ стыдомъ шотландское дворянство, принявшее его и допустившее такимъ образомъ паденіе Маріи Стюартъ, увеличивъ ея рѣшимость на позорный бракъ съ Ботвелемъ.

Она была увлечена имъ сильнѣе прежняго, хотя требовательность этого наглаго властолюбца дѣлалась иногда даже оскорбительною для нея. Казалось, онъ не вѣрилъ ея любви и вѣрности; свою недовѣрчивость онъ обнаруживалъ съ оскорбительною грубостью: онъ удалилъ отъ нея леди Ризъ, которая считалась любимицей ея, и на ея мѣсто назначилъ сестру свою леди Кольдингэмъ. Несчастная королева принуждена была писать къ нему по этому случаю со всею слабостью и униженіемъ, до какихъ можетъ дойти страсть: «Я согласна взять ту, которая вамъ понравится. Я умоляю васъ только, чтобы эта другая не отняла бы вашей любви у меня и не разувѣрила бы васъ въ моей преданности къ вамъ. Вы не довѣряете мнѣ, и мнѣ бы хотѣлось объяснить вамъ свою невинность и удалить отъ васъ даже возможность къ сомнѣнію! О, жизнь моя! не

откажите мнѣ въ этомъ и не требуйте отъ меня новыхъ доказательствъ моего повиновенія, вѣрности, преданности и добровольнаго подчиненія.» Ботвель располагалъ при дворѣ всѣми должностями и даже жизнью всѣхъ. Единственный человѣкъ, который могъ бы до нѣкоторой степени противиться ему, Мюррэй, удалился, не дожидаясь новаго замужства сестры своей, которое онъ предвидѣлъ и помѣшать которому не могъ.

Этотъ бракъ былъ предположенъ въ контрактѣ, подписанномъ собственною рукою Маріи Стюартъ, 5 апрѣля, за 7 дней до судебнаго рѣшенія, оправдавшаго Ботвеля; такое безразсудство превосходитъ всякое вѣроятіе. Все было приготовлено съ самою таинственною поспѣшностью. Но ни Ботвель не могъ открыто просить руки ея, ни королева не могла согласиться охотно на эту просьбу послѣ слишкомъ еще недавней смерти Дарнлея, убитаго первымъ за два съ половиною мѣсяца передъ тѣмъ, вслѣдствіе чего Марія еще долго должна была носить трауръ. Что же они дѣлали? они придумали похищеніе, которое нѣкоторымъ образомъ заставило бы Марію Стюартъ согласиться на бракъ по необходимости, и оправдало бы отступленіе отъ обязанностей королевы насиліемъ, сдѣланнымъ женщинѣ. Даже и здѣсь она была, къ несчастью, соучастницею Ботвеля, какъ это слишкомъ ясно видно изъ различныхъ доказательствъ. Она условилась съ нимъ, что онъ будетъ находиться на ея пути съ отрядомъ вооруженныхъ людей, болѣе многочисленнымъ, нежели ея собственная свита, въ то время, какъ она поѣдетъ на свиданіе съ сыномъ въ замокъ Стёрлингъ, и что здѣсь

онъ овладѣетъ ею и сдѣлается господиномъ ея воли. Ботвель удалился, чтобы приготовить все нужное для похищенія. Во время его отсутствія Марія Стюартъ посылала ему письма, въ которыхъ выражала свою тоску и ревность, твердую рѣшимость свою и нетерпѣніе по поводу препятствій со стороны самихъ соучастниковъ Ботвеля. Гэнтли былъ посвященъ въ тайну. Онъ старался удержать королеву, которая чрезъ это потеряла къ нему всякое довѣріе. «Онъ доказывалъ мнѣ, писала она Ботвелю, что это предпріятіе безразсудно, и что я, для сохраненія своей чести, не должна ни выходить за васъ, потому что вы женаты, ни бѣжать съ вами, потому что даже люди его не потерпятъ, чтобы ихъ господа поступали противъ обязанности своей. Я отвѣчала ему, что зашла уже слишкомъ далеко, и что если вы сами не захотите отказаться отъ всего, то никакія убѣжденія, ни даже самая смерть не заставятъ меня нарушить обѣщанія.»

Въ другомъ письмѣ она сама объясняетъ роль, которая должна достаться на ея долю въ похищеніи. «Что касается до моей личности,— писала она,— я знаю какъ поступать въ этомъ случаѣ, потому что помню все, о чемъ мы условились. Мнѣ кажется, что ваша продолжительная служба, равно какъ дружество и благосклонность, оказываемыя вамъ знатнѣйшими вельможами, даютъ вамъ полное право на прошеніе, тѣмъ болѣе, что этимъ вы нисколько не нарушаете обязанностей подданнаго, такъ какъ вы рѣшаетесь на этотъ поступокъ не изъ желанія сдѣлать мнѣ насиліе или держать меня въ заключеніи, но съ цѣлью только скрѣпить наше сближеніе; по

этому ничьи противорѣчія и убѣжденія не заставятъ меня отказаться отъ сочувствія надеждамъ вашимъ на то, чего вы можете ожидать какъ награды за службу вашу; короче: въ этомъ поступкѣ я вижу.... не больше какъ возможность привести мнѣ покорнѣйшую просьбу, усиливъ ее, однако, настойчивостью.» Когда наступило время выполненія этого предпріятія, представились затрудненія со стороны спутниковъ. Графъ Сэтерлендъ объявилъ, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ позволитъ отнять у себя королеву, находящуюся подъ его охраненіемъ. Графъ Гэнтли, сильно опечаленный и опасавшійся борьбы, боялся обвиненія въ неблагодарности къ королевѣ и сомнѣнія въ своей вѣрности. «Я хотѣла извѣстить васъ, писала Марія къ Ботвелю, что онъ боится обвиненія въ измѣнѣ и поэтому, не желая возбуждать въ васъ недовѣрія къ нему, я прошу, чтобы вы были осторожнѣе и значительно увеличили ваши силы; вчера съ нами было триста всадниковъ его и Левистона (Ливингстона). Ради Бога постарайтесь, чтобы съ вами было какъ можно больше, потому что лучше слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало; въ этомъ заключается главная причина моей заботы.»

Ботвель дѣйствительно постарался увеличить свой отрядъ. Марія Стюартъ отправилась въ понедѣльникъ, 21 апрѣля, какъ и было условлено, на свиданіе съ сыномъ своимъ въ замокъ Стёрлингъ; она могла войти въ комнаты принца въ сопровожденіи двухъ только женщинъ своихъ. Графъ Маръ, подозрѣвавшій что-то дурное, не допустилъ никого больше изъ ея свиты. Въ четверкъ 24, выѣхавъ изъ Стёрлинга обратно въ Эдинбургъ, она встрѣтила въ шести миляхъ

отъ этого города, близь Альмондъ-Бриджа, Ботвеля съ восемьюстами всадниковъ. Онъ взялъ подъ уздцы лошадь королевы, овладѣлъ ея особою, не встрѣтивъ сопротивленія, отвезъ ее въ замокъ Дэнбаръ, гдѣ все было приготовлено къ ея пріему. Его люди арестовали Гэнтли, Летингтона и Мельвиля. Капитанъ Блекэтеръ сказалъ послѣднему, чтобы успокоить его, что все дѣлается съ согласія королевы. Марія Стюартъ провела нѣсколько времени подъ одною кровлею съ Ботвелемъ и совершенно подъ его властью. Но похищеніе было только прелюдіею брака. Ботвель хлопоталъ о своемъ разводѣ съ Анною Гордонъ у архіепископа Сентъ Андре, который, въ возмездіе за свою снисходительность, получилъ возстановленіе консисторіальныхъ правъ своихъ,— и въ коммиссаріатѣ или пресвитеріанскомъ церковномъ судѣ. Скоро послѣдовало согласіе какъ старой, такъ и новой церкви, и разводъ католички Анны Гордонъ съ протестантомъ Ботвелемъ былъ произнесенъ 3 мая. Въ этотъ же день Марія Стюартъ возвратилась изъ Дэнбара въ Эдинбургъ. При въѣздѣ въ городъ Ботвель почтительно взялъ иноходца королевы за узду, а его солдаты подбросили на землю свои копья, какъ будто для доказательства, что Марія Стюартъ была совершенно свободна, что Ботвель былъ только покорнымъ и безоружнымъ слугою ея. Королева, съ своей стороны, объявила Ботвелю прощеніе и свое намѣреніе выйти за него замужъ.

Хотя этого слѣдовало ожидать, но тѣмъ не менѣе возбуждено было общественное негодованіе. Протестанская церковь получила приказъ совершить брачное оглашеніе, но отказалась исполнить его. За

отсутствіемъ Нокса, оставившаго Шотландію послѣ убійства Риччіо, Крэгъ, одинъ изъ главнѣйшихъ пресвитеріанскихъ пасторовъ объявилъ, что считаетъ королеву плѣнницею и что, кромѣ того, не получивъ письменнаго повелѣнія, не можетъ приступить къ оглашенію. Тогда къ нему явился клеркъ юстиціи съ письмомъ королевы, въ которомъ заключалось требуемое повелѣніе и опровергались слухи о ея плѣнѣ. Крэгъ все-таки не уступалъ. Онъ потребовалъ дозволенія видѣть вступающихъ въ бракъ, въ собраніи членовъ тайнаго совѣта. Здѣсь онъ съ благороднымъ жаромъ упрекалъ Ботвеля въ преступленіяхъ, которыя приписывали ему, и обвинялъ его въ убійствѣ, похищеніи и нарушеніи брачнаго долга. Послѣ этого онъ обнародовалъ наконецъ оглашеніе, не имѣя возможности сопротивляться долѣе полученному приказанію, и сказалъ съ каѳедры, обращаясь къ собравшейся протестантской конгрегаціи: «Призываю небо и землю во свидѣтели, что я проклинаю и презираю этотъ позорный и ужасный въ глазахъ свѣта бракъ, и убѣждаю всѣхъ вѣрующихъ возсылать къ Богу теплыя молитвы о томъ, чтобы союзъ этотъ, противный всякому смыслу и совѣсти, не состоялся для блага этого несчастнаго государства.»

Ослѣпленная Марія нисколько не была вразумлена грознымъ проблескомъ общественнаго неодобренія; она пренебрегала всѣмъ, чтобы только удовлетворить своей страсти и поставить любимца своего на равную съ нею высоту. 12 мая она явилась въ эдинбургское верховное судилище и объявила передъ властями и дворянствомъ страны, нарочно для того собранными, что она свободна и простила Ботвелю—

принимая во вниманіе его послѣдующее поведеніе— его проступокъ въ отношеніи къ ней, и что, кромѣ того, она предполагаетъ возвести его на еще высшія ступени. Дѣйствительно, въ тотъ же самый день онъ былъ сдѣланъ герцогомъ Оркнейскимъ и Шетлендскимъ, и она сама возложила на его голову герцогскую корону. Черезъ день она подписала свой брачный контрактъ съ этимъ *благороднымъ и могущественнымъ княземъ*, чтобы выйти *изъ своего одинокаго вдовства и увеличить потомство свое.* Наконецъ, 15 мая, въ 4 часа утра, бракъ былъ совершонъ по обряду католическому и протестанскому епископомъ Оркнейскимъ и Крэгомъ во дворцѣ Голирудъ.

Не многіе изъ шотландскихъ бароновъ присутствовали на возмутительной церемоніи брака, совершившагося черезъ три мѣсяца послѣ умерщвленія короля, между его овдовѣвшей женою и убійцей. Народъ принялъ это извѣстіе съ угрожающею тишиною, въ которой выражалось его мрачное неодобреніе. На слѣдующее утро нашли прибитою къ воротамъ дворца слѣдующую надпись:

Mense malum majo nubere vulgus ait *.
(Худо жениться въ мѣсяцѣ маѣ, говоритъ народъ).

Это зловѣщее предсказаніе, относившееся къ браку, осужденному цѣлымъ народомъ, не замедлило исполниться.

---

* Овидій, кн. V.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Маріи Стюартъ скоро пришлось раскаяться. Въ самый день брака между нею и Ботвелемъ происходили уже сильныя непріятности. Французскій посланникъ дю-Крокъ, нехотѣвшій присутствовать на свадьбѣ, писалъ Катеринѣ Медичи и Карлу IX: «Ваши величества прекрасно сдѣлаете, не признавъ этого брака, потому что онъ очень несчастливъ и уже возбуждаетъ сомнѣніе. Въ четверкъ, 15 мая, ея величество прислала за мною, и когда я замѣтилъ странность обращенія между нею и мужемъ, то, какъ бы желая оправдаться въ этомъ, она сказала мнѣ, что причина ея видимой печали заключается въ томъ, что она не намѣрена уже больше веселиться и дала себѣ слово въ этомъ, ибо желаетъ одной только смерти. Вчера (16), запершись въ кабинетѣ вдвоемъ съ графомъ Ботвелемъ, она кричала, прося дать ей ножъ, чтобы зарѣзаться. Находившіеся въ сосѣдней комнатѣ придворные слышали это. Они полагаютъ, что, если Богъ не поможетъ ей, то она окончательно придетъ въ отчаяніе.» Мельвиль въ своихъ мемуарахъ также подтверждаетъ достовѣрность этого быстраго и тяжелаго разлада, который огорчалъ королеву, но не излечилъ ее отъ страсти. «Съ этой государыней обращались уже до такой степени дурно, говоритъ Мельвиль, что однажды я, вмѣстѣ съ Артуромъ Эрскиномъ слышалъ, какъ она просила кинжала, чтобы убить себя, угрожая броситься въ окно, если ей не дадутъ его.»

Ботвель высказывалъ въ отношеніи къ ней самыя оскорбительныя подозрѣнія и унижалъ ее своею грубою требовательностью. Въ своей ревности, можетъ быть дѣйствительной, а можетъ и притворной, онъ не терпѣлъ никого изъ бывшихъ приближенныхъ королевы, не смотря ни на какое лицо. Опасаясь, безъ сомнѣнія, разочаровать ее такъ же скоро, какъ Дарнлей, онъ терзалъ ея сердце, чтобы не потерять его, и отнялъ у нея спокойствіе, чтобы сохранить ея постоянство. «Со втораго дня послѣ свадьбы, — писалъ опять дю-Крокъ къ Катеринѣ Медичи,-она постоянно плачетъ и жалуется; Ботвель не позволяетъ ей никого видѣть и другимъ запрещаетъ смотрѣть на нее; а ему хорошо извѣстно, что она любитъ удовольствія и свѣтскія увеселенія.»

Марія, оскорбленная Ботвелемъ, но любившая его, рѣшилась хлопотать передъ иностранными дворами о признаніи его мужемъ своимъ. Она послала епископа Дэмбленскаго во Францію и ко двору папы, съ довольно искусными оправданіями своего новаго замужства. Этотъ бракъ, говорила она, сдѣлался необходимымъ вслѣдствіе письменнаго и, такъ сказать, единодушнаго желанія шотландскаго дворянства; она старалась оправдаться, указывая на особенныя достоинства и замѣчательныя заслуги Ботвеля, какъ на причину своего согласія. Прочитавъ настоятельную просьбу сильнѣйшихъ вельможъ своего королевства и выслушавъ объясненіе Ботвеля, она простила ему насиліе, къ которому онъ прибѣгнулъ, побуждаемый любовью и необходимостью. Епископъ Дэмбленскій долженъ былъ прибавить, что мятежное непостоянство этого безпокоинаго народа, нехотѣвшаго ни под-

чиниться власти женщины, ни допустить, чтобы она избрала себѣ мужа между иностранными государями, принудило ее выити за одного изъ собственныхъ подданныхъ; но изъ среды послѣднихъ она не могла выбрать никого, кто бы сравнялся съ графомъ Ботвелемъ славою своего имени, своими личными заслугами, мудростью и храбростью; поэтому она охотно согласилась на единодушное желаніе трехъ сословій.—Въ Англію она послала Роберта Мельвиля съ подобными же инструкціями. Въ случаѣ же, если бы королева Елизавета нашла страннымъ, что она вышла за мужъ за человѣка, котораго подозрѣваютъ въ убійствѣ ея мужа и у котораго еще жива первая жена, Мельвиль долженъ былъ напомнить ей, что графъ Ботвель, оправданный судомъ по закону страны, предлагалъ, кромѣ того, защищать свою невинность по обычаю всѣхъ благородныхъ людей, и что законный разводъ доставилъ ему полную свободу. Марія Стюартъ просила французскій и англійскій дворы извинить ее въ ея согласіи на такой поспѣшный бракъ и оказывать ея мужу такую же дружбу, какую они выказывали къ ней, потому что сдѣланнаго уже нельзя измѣнить.

Ботвель, съ своей стороны, отправилъ къ Карлу IX короткое и почтительное письмо, между тѣмъ какъ Елизаветѣ онъ предлагалъ свои услуги тономъ, нелишеннымъ ловкости и достоинства. Онъ оспоривалъ неблагопріятное мнѣніе, которое эта королева, казалось, имѣла о немъ, и въ заключеніе говорилъ: «Люди болѣе значительнаго происхожденія могутъ имѣть больше правъ на то высокое положеніе, до котораго я достигъ; но никто не можетъ быть болѣе

преданъ вашему величеству, въ чемъ вы можете удостовѣриться при каждомъ случаѣ, въ которомъ я могу быть вамъ полезнымъ.» Но еще не обращаясь съ просьбою о поддержкѣ къ сильнѣйшимъ государямъ, наиболѣе заинтересованнымъ шотландскими дѣлами, онъ захватилъ въ свои руки всѣ дѣла королевства и упрочилъ за собою полное распоряженіе властью, составивъ тайный совѣтъ изъ своихъ друзей и приверженцевъ. Онъ ввелъ въ него архіепископа Сентъ-Андре, лордовъ: Олифанта, Бойда, Герриса, и Флеминга, епископовъ: Галлоуэйскаго и Росскаго, которые заняли здѣсь мѣста на ряду съ графами Гэнтли и Крофордомъ. Онъ назначилъ рекетмейстеромъ (секретарь у принятія прошеній) Гепбёрна, бывшаго священникомъ въ приходѣ Ольдгемстоксѣ, и устроившаго его разводъ съ лэди Гордонъ.

Въ то время, какъ Марія и Ботвель старались упрочить этими предосторожностями свое положеніе, для нихъ приготовлялись тяжолыя испытанія и ужасное наказаніе. Противъ Ботвеля и, слѣдовательно, противъ Маріи Стюартъ, возникъ грозный заговоръ. До настоящаго времени предполагали, что этотъ заговоръ образовался послѣ брака, между тѣмъ, какъ видно изъ драгоцѣнной переписки, которая открыта недавно въ государственномъ архивѣ (State paper office) Англіи, онъ предшествовалъ ему. Непосредственно послѣ знаменитаго ужина въ таверне Анслей, знатнѣйшіе лорды, которыхъ Ботвель заставилъ подписать свой проектъ, собрались тайно, чтобы воспротивиться ему въ этомъ. Арджиль, Атоль, Мортонъ, и лэрдъ Кёркальди Грэнджъ опасались, чтобы королева, подъ вліяніемъ своей страсти, не имѣя силъ

управлять поступками своими, не отдала своего сына Ботвелю, который постарается избавиться отъ него такъ же, какъ избавился отъ ея мужа. Лэрдъ Грэнжъ, отъ имени своихъ товарищей, просилъ Елизавету о помощи противъ Ботвеля, котораго могущество сдѣлается непредолимымъ, если ему удастся усилить свою личную дерзость королевскою властью. 20 апрѣля онъ писалъ въ этомъ смыслѣ къ графу Бедфорду и говорилъ, ему, что королева такъ безумно любитъ Ботвеля, что однажды, въ присутствіи многихъ особъ, она сказала: «Я не колеблясь откажусь отъ Франціи, отъ Англіи, отъ своего собственнаго государства и въ одной только бѣлой юбкѣ послѣдую за Ботвелемъ на край свѣта, лишь бы не разставаться съ нимъ.»

Спустя два дня послѣ похищенія Маріи Стюартъ, лэрдъ Грэнджъ снова писалъ къ Бедфорду: «Эта королева не прекратитъ своихъ безразсудствъ до тѣхъ поръ, пока не оттолкнетъ отъ себя всѣхъ честныхъ людей въ государствѣ. Предлагая Ботвелю овладѣть насильно своею особою, она имѣла намѣреніе ускорить бракъ, обѣщанный ему еще раньше, чѣмъ было условлено убійство ея мужа. Многіе готовы отмстить за это убійство, но они опасаются вашей государыни; я самъ до такой степени имѣю склонность къ этому мщенію, что необходимо долженъ или приступить къ нему, или покинуть страну... Прошу вашу милость сообщить мнѣ намѣренія вашей государыни, потому что если мы захотимъ искать помощи во Франціи, наша просьба будетъ принята.» Наконецъ 8 мая онъ писалъ еще съ большею опредѣленностью и настойчивостью Бедфорду, извѣщая

его, что большая часть членовъ высшаго сословія, которые, опасаясь за свою жизнь, подписали въ послѣднихъ засѣданіяхъ парламента постановленія одинаково противорѣчащія ихъ совѣсти и чести, собрались съ Стёрлингѣ и образовали здѣсь союзъ (bond). «Условія, заключенныя ими, прибавилъ онъ, состоятъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, освободить королеву изъ рукъ Ботвеля, который овладѣлъ крѣпостями, арсеналами и главнымъ начальствомъ надъ арміей; за тѣмъ охранять какъ можно вѣрнѣе безопасность наслѣдника, овладѣвъ для этого его особой, и наконецъ преслѣдовать убійцъ короля. Чтобы достигнуть этой тройственной цѣли, они поклялись не щадить ни жизни, ни имущества Они предложили мнѣ написать вашей милости просьбу къ вашей государынѣ о помощи, необходимой для преслѣдованія этого преступнаго убійцы, который въ послѣднюю поѣздку королевы въ Стёрлингъ подговаривалъ нѣсколькихъ людей отравить принца. Этотъ тиранъ и варваръ не ограничился убійствомъ отца и хочетъ убить теперь еще сына, изъ страха получить когда-нибудь должное наказаніе. Лорды, собравшіеся въ Стёрлингъ, суть: графы Аржиль, Мортонъ, Атоль и Маръ.» Онъ увѣрялъ, кромѣ того, чтобы графы Гленкэрнъ. Кассилисъ, Эглинтонъ, Монтрозъ, Кэтнессъ, лорды Очильтри. Рутвенъ, Дрэммондъ Глэмсъ, Иншермитъ, Линдсэй и Юмъ присоединятся къ нимъ, и что союзники отправились набирать войска въ своихъ округахъ.

Доказательствомъ того, какъ сильно было распространено чувство, соединявшее ихъ противъ Ботвеля, можетъ служить слѣдующее обстоятельство:

Робертъ Мельвиль, человѣкъ облеченный особенною довѣренностію Маріи Стюартъ, черезъ нѣсколько времени послѣ посольства своего къ Елизаветѣ, присталъ къ союзу. Въ письмѣ, написанномъ имъ около этого времени къ Сесилю, онъ, подобно лэрду Грэнджу, просилъ помощи Англіи, чтобы освободить королеву и наказать убійцъ короля, и точно такъ же, какъ Грэнджъ, объявилъ, что если Англія откажетъ въ своей помощи, то Франція готова подать свою. Дѣйствительно, французскій дворъ, видя, что Марія Стюартъ увеличиваетъ безпорядки, унижающіе ее, и безпрестанно впадаетъ въ ошибки, которыя могутъ привести ее къ погибели, хотѣлъ отказаться лучше отъ королевы, чѣмъ отъ королевства, опасаясь, чтобы Шотландія не подпала подъ власть англичанъ. Карлъ IX послалъ Вильруа къ дю-Кроку съ тайными инструкціями, изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Упомянутый господинъ де-Вильруа скажетъ, что его величество открылъ ему свои мнѣнія, о жалкомъ положеніи дѣлъ королевы шотландской, основанныя на донесеніяхъ упомянутаго господина дю-Крока и на другихъ необыкновенныхъ извѣстіяхъ; узнавъ также, что предпріятію упомянутыхъ вельможъ, скрытно помогаютъ и благопріятствуютъ англичане... участіе которыхъ можетъ только погубить ихъ, король хочетъ, чтобы сказанный господинъ дю-Крокъ не упускалъ изъ вида, что главнѣйшая цѣль и намѣреніе его величества заключается въ томъ, чтобы сохранить преданность къ себѣ королевства Шотландскаго, не позволяя ему, подъ предлогомъ совершающихся тамъ сумасбродствъ, возстать и признать надъ собою покровительство

другаго какого-нибудь государства, что̀ неизбѣжно случится, если упомянутые вельможи, потерявъ надежду на помощь короля, обратятся за таковою къ вышесказаннымъ англичанамъ.» Вѣроятно, сообразуясь съ этой политикой французскаго двора, дю-Крокъ предложилъ союзнымъ лордамъ помощь деньгами и войскомъ.

Но союзники предпочитали помощь Елизаветы, которая колебалась, будучи поставлена между интересами своей двуличной политики и своими теоріями о неприкосновенности королевскаго достоинства. Она опасалась, что, съ одной стороны, ея отказъ принудитъ шотландскихъ лордовъ прибѣгнуть къ союзу съ Франціей, а съ другой— не рѣшалась покровительствовать всегда опасному возстанію народовъ противъ государей. Письма лэрда Грэнджа приводили ее въ раздраженіе, и она говорила, что подданный ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права разглашать слабости и ошибки своего государя. Она объявила, что коронованіе наслѣднаго принца при жизни его матери не будетъ признано ни ею, ни другими государями. Однако же она прибавила дальше, что не желаетъ допустить Ботвеля до передачи принца французамъ, и что согласна подать помощь союзнымъ лордамъ, если они отдадутъ наслѣдника въ ея руки. Но ея поступки рѣдко были въ согласіи съ словами, и она не замедлила поддержать союзниковъ, хотя они не исполнили еще требованія. Искусный и твердый политикъ Сесиль взялся уговорить ее, чтобы она пожертвовала наконецъ своими убѣжденіями— интересамъ, и обѣщалъ медленно, но вѣрно, привести ее къ такому образу дѣйствій, который вовсе

не нравился ей, но могъ сильно послужить въ ея пользу. Робертъ Мельвиль, отправленный къ ней Маріею Стюартъ послѣ замужства послѣдней, и принявшій изъ ненависти къ Ботвелю сторону противной партіи, добился, черезъ нѣсколько времени, несмотря на предразсудки и надменность Елизаветы, ея согласія помогать союзнымъ лордамъ «*въ ихъ благородномъ предпріятіи*».

Союзъ дворянства распространялся съ каждымъ днемъ. Летингтонъ, подвергшійся подозрѣніямъ Ботвеля, который хотѣлъ убить его въ комнатѣ королевы, бѣжалъ къ своему другу, графу Атолю, съ намѣреніемъ присоединиться къ союзу. Марія Стюартъ не совсѣмъ не знала о намѣреніяхъ враговъ своихъ, потому что всѣ они удалились отъ двора, но она, повидимому, не боялась ихъ и отзывалась о предводителяхъ новаго союза съ сильнымъ презрѣніемъ. Изощряя надъ ними свое ядовитое остроуміе и дѣлая намеки то на ихъ характеръ, то на ихъ положеніе, она говорила, что «Атоль человѣкъ слабый, что она знаетъ средства зажать ротъ Арджилю, и что Мортонъ, только-что снявшій сапоги свои и еще неуспѣвшій обтереть съ нихъ пыль, будетъ отосланъ ею туда, откуда недавно возвратился.» Но скоро она узнала, что они гораздо сильнѣе, чѣмъ казалось ей прежде. Ботвель, готовый обнаружить намѣренія, которыхъ ожидали отъ него, повелительно потребовалъ къ себѣ наслѣднаго принца. Графъ Маръ, которому съ угрозою приказали его выдать, отвѣчалъ, что согласится на это не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы молодой принцъ былъ помѣщенъ въ замкѣ Эдинбурга, подъ присмотромъ безупречнаго гувернё-

ра, на котораго можно было бы положиться. Но вмѣсто того, чтобы стараться овладѣть сыномъ Дарнлея, Ботвель принужденъ былъ защищать самого себя.

Королева оставила Эдинбургъ, народонаселеніе котораго было не очень расположено къ ней, и удалилась въ укрѣпленный замокъ Бортуикъ, мѣстопребываніе лэрда Крукстона, находившійся въ двухъ миляхъ отъ столицы королевства. Она предписала собрать феодальную армію для похода противъ *пограничниковъ*, возмущавшихъ безпрестанно провинцію Лидисдэль. Никто не отвѣчалъ на призывъ, и Ботвель, назначенный предводителемъ экспедиціи, нѣсколько разстроенный, возвратился къ королевѣ въ Бортуикъ. Союзные лорды воспользовались этимъ случаемъ и не только выказали свое неповиновеніе, но даже явно начали возстаніе. Графы: Мортонъ, Маръ, Гленкэрнъ, Монтрозъ, лорды: Юмъ, Линдсэй, Рутвенъ, Сэнкуаръ, Семпль, Кёркальди-Грэнджъ, Тулибардинъ, Лочливнъ собрали двѣ тысячи всадниковъ и отправились къ замку Бортуикъ. Лордъ Юмъ первый прибылъ туда съ восьмьюстами человѣкъ, 10 іюня; онъ надѣялся захватить здѣсь Ботвеля, но тотъ бѣжалъ, узнавъ о его приближеніи. Королева, переодѣтая мужчиною, въ этотъ же вечеръ выѣхала изъ замка и, догнавъ верхомъ Ботвеля, ожидавшаго ее въ нѣкоторомъ разстояніи, отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Дэнбаръ, куда и прибыла въ три часа утра.

Союзники, испытавъ неудачу въ своемъ предпріятіи противъ Бортуика, отправились по дорогѣ къ Эдинбургу. Усиленные толпами, которыя присоединились къ ихъ маленькому отряду, они вступили, 11, въ столицу королевства, въ числѣ около трехъ тысячъ

человѣкъ. Здѣсь жители приняли ихъ сторону. Графъ Гэнтли, лордъ Клавдій Гамильтонъ, архіепископъ Сентъ-Андре, аббатъ Кильвеннингъ и епископъ Росскій, занимавшіе городъ, бѣжали въ замокъ, порученный Ботвелемъ охраненію Джемса Бальфёра, который начиналъ уже колебаться и не велѣлъ своей артиллеріи стрѣлять въ союзниковъ. Послѣдніе черезъ часъ по вступленіи въ Эдинбургъ обнародовали слѣдующую прокламацію «Такъ какъ ея королевское величество задержана въ плѣну и въ настоящее время некому управлять государствомъ и преслѣдовать убійцъ ея мужа,—мы, принадлеж щіе къ членамъ дворянства и совѣта, повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ вообще и гражданамъ Эдинбурга въ особенности, помогать дворянству и совѣту въ освобожденіи королевы, охраненіи принца и преслѣдованіи убійцъ короля. Мы повелѣваемъ также *лордамъ сессіи* и всѣмъ прочимъ судьямъ, держать засѣданія и судить по законамъ королевства, не обращая вниманія на смуты, которыя могутъ возникнуть при совершеніи этого. Всѣ, кого замѣтятъ въ поступкахъ, противныхъ этимъ приказаніямъ, будутъ сочтены повторщиками упомянутаго убійства и наказаны какъ измѣнники.» На другой день, по присоединеніи къ нимъ Атоля и Летингтона, они отдали приказъ приготовиться къ тремъ часамъ въ походъ противъ графа Ботвеля, «который, говорили они, убивъ короля, овладѣвъ королевою и принудивъ ее къ безчестному браку, собираетъ теперь силы для того, чтобы избавиться отъ юнаго принца убійствомъ.»

Ботвель дѣйствительн не терялъ времени. Едва только королева прибыла въ Дэнбаръ, какъ объявила

союзныхъ лордовъ измѣнниками и призвала подъ свое знамя всѣхъ оставшихся у нея приверженцевъ. Собравъ въ теченіе двухъ дней двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, Марія Стюартъ и Ботвель выступили противъ союзниковъ, боясь, что послѣдніе сдѣлаются сильнѣе, если имъ дать только для этого время. Въ субботу, 14 іюня, они выѣхали изъ Дэнбара, и ночевали въ Ситонѣ, между тѣмъ какъ войска ихъ провели ночь въ городѣ Престонѣ. На другой день они снова отправились въ походъ, и когда дошли до Гледсмура, королева приказала прочитать передъ своею маленькою арміею прокламацію, въ которой, опровергая обвиненія союзниковъ, она говорила: «что небольшое число заговорщиковъ обнаружило злобу, которую оно питали противъ нея и герцога Оркнейскаго, ея мужа, и не успѣвъ овладѣть ихъ особами въ Бортуикѣ, хотятъ теперь увѣрить народъ, что они ищутъ мести за смерть короля, ея прежняго мужа, желаютъ выручить ее изъ плѣна и помѣшать герцогу овладѣть ея сыномъ. Но это, прибавляла она, недостойныя выдумки. Она болѣе, чѣмъ кто-нибудь имѣла причинъ мстить за смерть короля и сдѣлала бы это, если бы могла узнать виновниковъ ея. Герцогъ, ея настоящій супругъ, ничего не упустилъ изъ виду, чтобы доказать свою невинность; судъ оправдалъ его парламентъ утвердилъ оправданіе самые предводители этого возмущенія письменно признали его невинность, и онъ предложилъ съ оружіемъ въ рукахъ доказывать ее. Что же касается до ея небывалаго плѣна, то онъ предъ лицомъ всѣхъ подданныхъ ея опровергается торжественнымъ бракомъ, въ который она вступила по согласію и даже по при-

глашенію самыхъ возмутителей, которые, изъ желанія прикрыть свою измѣну, представляютъ себя защитниками принца, сына ея, ребенка, ввѣреннаго ихъ же охраненію; въ самомъ же дѣлѣ они хотятъ только уничтожить ее и ея потомство, чтобы управлять всѣмъ въ государствѣ, по своему желанію и безъ всякаго контроля». Чтобы поощрить вѣрность своихъ войскъ и увеличить ихъ число, она обѣщала раздѣлить между ними земли и владѣнія бунтовщиковъ, соотвѣтственно храбрости и заслугамъ каждаго воина. Верхомъ, предшествуемая знаменемъ Шотландіи, въ короткомъ красномъ плащѣ, королева—къ которой присоединились лорды Ситонъ, Йестеръ и Бортуикъ— повела свою армію къ холму Карберри-Гилль, находившемуся въ шести миляхъ на западъ отъ Эдинбурга, гдѣ и расположилась лагеремъ.

Союзные лорды, узнавъ, въ субботу около полуночи, о ея походѣ, въ воскресенье, въ третьемъ часу утра, выступили изъ Эдинбурга и отправились къ ней на встрѣчу. Вмѣсто шотландскаго льва на ихъ знамени изображено было убійство Дарнлея. Рядомъ съ трупомъ короля, лежащимъ подъ деревомъ, былъ представленъ его маленькій сынъ, стоящій на колѣняхъ и восклицающій: *о Боже, будь моимъ судьею и мстителемъ*! Видъ этого зловѣщаго знамени растрогалъ жителей Эдинбурга и въ высшей степени воспламенилъ воиновъ союзной арміи. Оба войска сошлись довольно рано: армія лордовъ расположилась на возвышенности Мэссельбурга, въ разстояніи полумили отъ королевской. Обѣ онѣ занимали довольно сильныя позиціи, раздѣляясь между собою маленькимъ ручьемъ, и были почти равны числомъ, но раз-

личны по своему составу и по духу, оживлявшему ихъ. На сторонѣ королевы почти совсѣмъ не было дворянства; его мѣсто занимали ненадежные слуги и солдаты, напуганные общимъ охужденіемъ дѣла, за которое они стояли; на сторонѣ же противниковъ — самые сильнѣйшіе вельможи королевства; войска, одушевленныя пламеннымъ фанатизмомъ и надеждою низвергнуть честолюбца и наказать убійцу.

Въ то время, какъ обѣ арміи находились въ виду другъ друга, французскій посланникъ, дю-Крокъ, прибылъ предложить посредничество отъ имени своего государя. Онъ отправился прежде въ лагерь союзниковъ; на его примирительныя предложенія лорды отвѣчали, что, во избѣжаніе пролитія крови, они готовы, если королева оставитъ *несчастнаго, который овладѣлъ ею*, признать ее, служить ей и остаться самыми вѣрными ея подданными, и что если Ботвель хочетъ выступить на середину между обѣими арміями, то и въ ихъ рядахъ найдется кто-нибудь, который ему докажетъ, что онъ дѣйствительно убійца покойнаго короля; если же онъ захочетъ вызвать двоихъ, четверыхъ, десять, двѣнадцать, то найдется и столько. Дю-Крокъ выразилъ имъ, что съ неудовольствіемъ берется передать оба эти предложенія; во-первыхъ, потому, что королева, по его мнѣнію, не согласится оставить Ботвеля и, во-вторыхъ, потому, что она ни въ какомъ случаѣ не дозволитъ этого необыкновеннаго поединка. Но лорды съ твердостью возразили ему, что имъ не остается ничего больше дѣлать и что они охотнѣе согласятся быть заживо погребенными, чѣмъ оставить нераскрытою тайну смерти короля.

Тогда французскій посланникъ, удаляясь отъ нихъ почти безъ всякой надежды, отправился подъ небольшимъ прикрытіемъ къ аванпостамъ королевской арміи и явился къ Маріи Стюартъ. Онъ нашелъ ее на небольшомъ курганѣ, очень одушевленною и исполненною рѣшимости. Поцѣловавъ ей руку, онъ передалъ ей слова мира и сталъ говорить въ пользу людей, которые хотя и находились противъ нея, однако же были ея подданными и еще теперь выказывали себя самыми покорными, самыми преданными слугами ея. Прервавъ его на этихъ словахъ, она съ живостью отвѣчала: «они худо доказываютъ это, вооружаясь противъ того, что̀ утвердили прежде своею подписью, и обвиняя теперь человѣка, котораго прежде сами оправдали и за котораго меня выдали замужъ». Однако же она прибавила, что если они возвратятся къ своему долгу и попросятъ у нея пощады, то она готова открыть имъ свои объятія. Въ эту минуту подошелъ Ботвель. «Не на меня ли они злятся?»—спросилъ онъ дю-Крока громкимъ голосомъ, такъ, что войска могли его слышать.—«Я сейчасъ только говорилъ съ ними—отвѣчалъ дю-Крокъ, такъ же громко, и они увѣряли меня, что всегда останутся самыми покорными подданными и слугами королевы, и—прибавилъ онъ тихо—если вамъ угодно это знать, вашими смертельными врагами».—«Что же я сдѣлалъ имъ? возразилъ Ботвель, тѣмъ же тономъ и съ прежнею увѣренностью, какъ бы для того, чтобы передать ее людямъ, которые могли его слышать, и обладали ею далеко не въ равной съ нимъ степени.—«Я никогда не сдѣлалъ неудовольствія ни одному изъ нихъ; напротивъ, я во всемъ совѣтовался съ ними.

Они поступаютъ такъ изъ зависти къ моему величію. Но фортуна свободна въ распредѣленіи даровъ своихъ; и между ними каждый желалъ бы занять мое мѣсто». Онъ, съ своей стороны, предложилъ поединокъ, чтобы избѣжать пролитія крови, не смотря на то, что онъ мужъ королевы; при этомъ онъ требовалъ только, чтобы противникъ его былъ человѣкъ равнаго съ нимъ происхожденія. Но королева воспротивилась этому, говоря, что не можетъ допустить поединка и что считаетъ его дѣло—своимъ.

Въ продолженіе этого разговора союзная армія тронулась и перешла ручей, отдѣлявшій ее отъ арміи королевской. Ботвель оставилъ дю-Крока, чтобы занять мѣсто въ главѣ своихъ, и дю-Крокъ, простившись съ королевой, возвратился къ союзникамъ, чтобы сдѣлать еще послѣднюю попытку. Онъ предложилъ Мортону и Гленкэрну прощеніе ихъ государыни съ условіемъ, чтобы они возвратились къ своему долгу. «Мы пришли сюда не затѣмъ—отвѣчалъ Гленкэрнъ—чтобы вымаливать себѣ прощеніе, но скорѣе затѣмъ, чтобы дать его людямъ совершившимъ преступленіе. Мы вооружились—прибавилъ Мортонъ—не противъ королевы, но противъ герцога Оркнейскаго, убійцы ея супруга. Пусть онъ будетъ выданъ намъ, или пусть ея величество удалитъ его отъ себя—и мы станемъ повиноваться ей». Затѣмъ они надѣли свои шлемы, не желая больше слушать дю-Крока, который отправился обратно въ Эдинбургъ.

Обѣ арміи спѣшились передъ битвою и оставили лошадей въ сторонѣ, по обычаю края. По мѣрѣ приближенія союзниковъ, среди королевскихъ войскъ

усиливались крики, требовавшіе, чтобы пріискано было средство къ избѣжанію битвы. Герцогъ былъ удивленъ этимъ, а королева встревожена. Скоро послышались требованія, чтобы герцогъ покончилъ споръ одинъ-на-одинъ съ какимъ-нибудь бойцомъ изъ среды союзниковъ. Ботвель согласился на это безъ малѣйшаго колебанія, и даже королева, видя, что войска робѣютъ, казалось, не намѣрена была долѣе сопротивляться этому. Лэрдъ Туллибардинъ принялъ вызовъ отъ имени лордовъ; но онъ былъ отвергнутъ Маріею Стюартъ, какъ человѣкъ, недостаточно знатный. Ботвель избралъ тогда Мортона, который приготовился сразиться съ нимъ пѣшій и на шпагахъ, между тѣмъ безстрашный Линдсэй оспоривалъ эту честь, на которую онъ предъявлялъ свои права, какъ слуга умерщвленнаго короля. Мортонъ, уступивъ ему мѣсто, вооружилъ его знаменитою шпагою, которую прославилъ дѣдъ его Арчибальдъ Bell-the-cate *; и Линдсэй, ставъ на колѣни въ присутствіи всего войска, молилъ Бога укрѣпить его руку и громко произнесъ: «да сохранитъ Его милосердіе невиннаго и да поразитъ Его правосудіе порочнаго убійцу, пролившаго кровь короля!»

Но Ботвель не успѣлъ еще выпросить у Маріи Стюартъ — которая боялась подвергнуть его этому сомнительному испытанію — позволенія вступить въ борьбу съ своимъ фанатическимъ противникомъ изъ среды союзниковъ, какъ въ рядахъ королевской арміи уже началось разстройство. Въ продолженіе

---

* *Привяжи кошкѣ колокольчикъ*, прозвище, данное Арчибальду, графу Ангусу, при Іаковѣ III.

всѣхъ этихъ переговоровъ отряды перемѣшались и солдаты королевы стали дезертировать. Лэрдъ Грэнджъ, съ искусствомъ воспользовавшійся безпорядкомъ, происшедшимъ въ рядахъ непріятелей, обогнулъ возвышенность Карбери и съ сильнымъ отрядомъ войскъ появился на восточной сторонѣ, съ цѣлью отрѣзать герцогу отступленіе въ Дэнбаръ. Замѣтивъ это, почти вся королевская армія разсѣялась и вокругъ королевы и Ботвеля осталось только около шестидесяти человѣкъ дворянъ и гвардейскіе стрѣлки.

Въ этой крайности королева, не имѣя возможности сражаться, и потерявъ даже надежду спастись бѣгствомъ, рѣшилась спасти, по крайней мѣрѣ, любимаго человѣка. Она послала лэрда Ормистона за лэрдомъ Грэнджемъ. Сэръ Уильямъ Кёркальди подъѣхалъ къ ней и сказалъ, что вельможи возвратятъ ей свое повиновеніе, если человѣкъ, находящійся около нея и виновный въ умерщвленіи короля, будетъ удаленъ и если она согласится послѣдовать за ними въ Эдинбургъ. Тогда королева обѣщала оставить герцога и отдаться во власть лордовъ, если они поклянутся снова въ своей вѣрности къ ней. Предложеніе было торжественно принято союзниками. Послѣ этого Марія имѣла на возвышенности Карбери особое свиданіе съ Ботвелемъ, на которомъ упросила его удалиться. Что же говорили они въ это послѣднее свиданіе? Видно было, что они говорили съ большимъ волненіемъ и потомъ разстались въ *сильной скорби и горести.* «Подъ-конецъ — говоритъ одинъ свидѣтель сцены — герцогъ спросилъ у королевы: будетъ ли она сохранять вѣрность, въ ко-

торой клялась ему. Она его увѣрила въ этомъ. Потомъ онъ пожалъ ей руку на прощанье и удалился верхомъ, сопровождаемый человѣками двѣнадцатью всадниковъ и друзей своихъ; всѣ они галопомъ отправились по дорогѣ къ Дэнбару». Ботвель разстался съ Маріею Стюартъ навсегда.

Послѣ этой жертвы, которую Марія не считала до такой степени тяжелою, она съ печальнымъ, но увѣреннымъ видомъ подъѣхала къ лэрду Грэнджу, и сказала ему, что отдается въ его руки на заранѣе назначенныхъ и принятыхъ условіяхъ. Послѣ того она протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ почтительно и, взявъ подъ уздцы ея лошадь, повелъ ее въ ряды союзниковъ; послѣдніе оказали ей большое уваженіе и покорность. «Милорды!—сказала она имъ—я прихожу къ вамъ вовсе не изъ страха за свою жизнь, но потому, что не могу видѣть пролитія христіанской крови, и особенно крови моихъ собственныхъ подданныхъ. Отнынѣ я намѣрена руководиться вашими совѣтами, надѣясь, что вы будете поступать со мною съ тѣмъ уваженіемъ, которымъ обязаны мнѣ, какъ вашей законной королевѣ и повелительницѣ». Она появилась сначала между ними какъ истинная королева, и дворяне приняли ее стоя на колѣняхъ. «Государыня!—сказалъ Мортонъ—здѣсь то мѣсто, на которомъ должны находиться ваше величество, и здѣсь мы готовы защищать васъ и повиноваться вамъ съ тою же вѣрностью, какою отличалось дворянство этой страны въ отношеніи къ вашимъ предкамъ». Лорды, для которыхъ могущество Ботвеля значило больше, нежели его преступленіе, были, удовлетворены его паденіемъ и обнаруживали въ отно-

шеніи къ королевѣ чувства, вполнѣ согласныя съ своими обѣщаніями и ея надеждами. Солдаты, которыхъ удовлетворить было не такъ легко, въ порывѣ своего грубаго фанатизма и неудовольствія, исполненнаго, ненависти встрѣтили королеву ругательствами; но лэрдъ Грэнджъ съ обнаженною шпагою бросился къ нимъ и заставилъ ихъ замолчать.

Однако же расположеніе лордовъ измѣнилось довольно скоро и чрезъ нѣсколько времени ихъ поступки уже нисколько не соотвѣтствовали словамъ ихъ. Между тѣмъ какъ Джемсъ Бальфёръ, креатура и соучастникъ Ботвеля, оставаясь нейтральнымъ во время борьбы, объявилъ себя на сторонѣ побѣдившихъ союзниковъ, послѣ совѣщанія съ Летингтономъ въ Эдинбургскомъ замкѣ, которое продолжалось три часа, Гамильтоны, оставшіеся вѣрными Ботвелю и королевѣ, собрали войска. Предводительствуя довольно значительными силами, они дошли до Линлитгау. Марія Стюартъ, думая, что она можетъ дѣйствовать по своей волѣ, которую все еще считала всесильною, потребовала, чтобы ей дозволили переговорить съ ними. Лорды отказали ей въ этомъ, боясь доставить ей средства снова начать войну и возвратить Ботвеля. Этотъ отказъ показалъ ей все небларазуміе принятаго ею рѣшенія, и она осыпала лордовъ упреками въ вѣроломствѣ, въ томъ, что они измѣняютъ своимъ обѣщаніямъ и поступаютъ съ нею не какъ съ королевою, а какъ съ плѣнницею. Увлекшись своимъ гнѣвомъ, она подозвала Линдсэя и спросила у него руку. Линдсэй подалъ. «Рукою, которая теперь находится въ вашей, сказала она, я сниму вашу голову за это». Эта неблагоразумная угроза, которую

она повторила графамъ Мортону и Атолю, сказавъ, что прикажетъ повѣсить ихъ, еще болѣе отяготила ея печальное положеніе.

Съ этой минуты она сдѣлалась уже дѣйствительной плѣнницею лордовъ, которые привезли ее въ Эдинбургъ. Предшествуемая знаменемъ, изображавшимъ умерщвленіе короля, она въѣхала въ столицу въ десять часовъ вечера и собравшіеся жители встрѣчали и провожали ее проклятіями. Ее помѣстили у городскаго старшины, не допустивъ къ ней даже прислужницъ ея. Она не хотѣла принимать никакой пищи, хотя не ѣла цѣлые сутки. Она была въ отчаяніи. Въ эту самую ночь, она открыла окно своей комнаты и стала призывать себѣ на помощь. На другой день утромъ съ варварскою жестокостью съ улицы подняли наравнѣ съ окномъ знамя, изображавшее печальное лицо ея мертваго мужа и фигуру сына, который проситъ о мщеніи. При этомъ зрѣлищѣ, растерявшаяся, внѣ себя, она бросилась къ окну, неодѣтая, съ распущенными волосами, какъ безумная, испуская крики и умоляя народъ именемъ Божіимъ вырвать ее изъ рукъ мучителей, которые угнетаютъ ее. «Никто—говоритъ свидѣтель этой раздирающей сцены-не могъ смотрѣть на нее безъ состраданія».

Лорды, боясь народнаго непостоянства и волненій, отправились къ огорченной Маріи Стюартъ, чтобы успокоить ее; они подали ей надежду, что она будетъ выпущена на свободу и помѣщена въ своемъ дворцѣ Голирудъ. Но ихъ намѣренія были не таковы. Непреодолимая привязанность къ Ботвелю, котораго она не забывала вовсе, внушала лордамъ живѣйшія опасенія. Если вѣрить Мельвилю, они имѣли въ

своихъ рукахъ письмо, написанное ею къ Ботвелю, въ которомъ она называла его: *мое милое сердце*; это письмо она вручила одному изъ приставленныхъ къ ней стражей, и обѣщала наградить его деньгами, если онъ доставитъ его въ Дэнбаръ. Она писала въ этомъ письмѣ, что никогда не оставитъ Ботвеля; что принуждена теперь только на время разлучиться съ нимъ для того, чтобы защитить его отъ опасностей, которыя ему грозили; она просила его утѣшиться и быть осторожнымъ. Тѣ же чувства къ Ботвелю она выразила съ самымъ пламеннымъ увлеченіемъ, говоря въ тотъ же день съ Летингтономъ. Она съ горечью упрекала лордовъ за то, что они разлучили ее съ мужемъ, съ которымъ она была бы счастлива, если бы могла *жить и умереть* вмѣстѣ; она просила при этомъ, *чтобы ихъ обоихъ посадили на корабль и пустили бы на произволъ судьбы.* Такая упорная страсть Маріи Стюартъ къ Ботвелю, увѣренность союзниковъ въ томъ, что она захочетъ опять соединиться съ нимъ и возобновить войну, какъ только получитъ свободу, и ея угрозы по возстановленіи своей власти *перевѣшать и распять союзныхъ лордовъ*, заставили послѣднихъ забыть о состраданіи и окончательно сдѣлали ея положеніе безнадежнымъ. Они рѣшились заключить и низложить ее.

Въ восемь часовъ вечера изъ дома градоначальника ее перевели во дворецъ Голирудъ. Она шла пѣшкомъ между Атолемъ и Мортономъ, въ сопровожденіи фрейлинъ Семпль и Ситонъ, подъ конвоемъ изъ трехъ сотъ стрѣлковъ. Послѣ этого собрался совѣтъ и лорды рѣшились прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Ими составленъ былъ объяснительный актъ,

въ которомъ они изложили все, происшедшее послѣ *позорнаго и ужаснаго умерщвленія короля* и послѣ *безнравственнаго и постыднаго* замужства королевы съ графомъ Ботвелемъ, *который былъ главнымъ убійцею*; тутъ была указана необходимость, заставившая дворянство поднять оружіе во имя мести за это преступленіе, въ защиту жизни наслѣднаго принца и для избѣжанія собственной гибели и совершеннаго разрушенія государства; были упомянуты также и добровольная сдача королевы подъ Карберри-Гилемъ, и бѣгство Ботвеля, непринявшаго вызова. Далѣе въ этомъ актѣ говорилось: «Показавъ ея величеству ея собственное положеніе, жалкое состояніе государства и опасность, въ которой находился драгоцѣнный принцъ, сынъ ея; испросивъ у нея согласіе и приказаніе наказать убійцъ, мы встрѣтили въ ней упорное сопротивленіе въ этомъ отношеніи, изъ котораго и явствуетъ, что она поддерживаетъ сказаннаго Ботвеля и соучастниковъ его злодѣяній; и что если ея величество сохранитъ въ своихъ рукахъ правленіе государствомъ, то снова отдастся своей неприличной страсти, которая приведетъ ее къ окончательному разстройству и гибели всего королевства. Въ слѣдствіе этого, по зрѣломъ размышленіи и съ общаго согласія, мы нашли приличнымъ и необходимымъ воспретить ея величеству всякія сношенія со сказаннымъ графомъ Ботвелемъ и удалить ее отъ всѣхъ, кто можетъ имѣть таковыя съ нимъ, безъ чего онъ можетъ найти средства избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Находя замокъ Лочливнъ самымъ приличнымъ и самымъ удобнымъ жилищемъ для ея величества, мы предписываемъ и

повелѣваемъ, дабы Патрикъ лордъ Линдсэй-Байрсъ, Уильямъ лордъ Рутвенъ и Уильямъ Дугласъ Лочливнъ, проводили туда особу ея величества, заключили ее тамъ и охраняли въ безопасности, не дозволяя ей никуда выходить и не допуская имѣть сношенія съ кѣмъ бы то ни было, или пересылать извѣщенія или приказанія къ кому бы то ни было, иначе какъ только въ ихъ присутствіи, или чрезъ нихъ и чрезъ членовъ Эдинбургскаго совѣта. Они отвѣчаютъ передъ Богомъ. Этотъ актъ они имѣютъ считать своимъ уполномочіемъ.»

Въ исполненіе этого указа, который подписали Атоль, Гленкэрнъ, Мортонъ, Маръ, Грегэмъ, Сенкуаръ Симрайль и Очильтри, несчастная Марія, въ ночь на 17 іюня, была исторгнута изъ дворца своихъ предковъ, и на скверной лошадёнкѣ, подъ присмотромъ суровыхъ Линдсэя и Рутвена, отвезена въ замокъ Лочливнъ. Этотъ замокъ, по своему неприступному и совершенно уединенному мѣстоположенію, соотвѣтствовалъ цѣлямъ союзниковъ. Онъ находился среди озера, обнимавшаго его со всѣхъ сторонъ на полмили въ окружности. Онъ принадлежалъ Уильяму Дугласу, брату Мюррэя по матери. Плѣнная королева была помѣщена здѣсь подъ надзоромъ женщины, чрезвычайно ненавидѣвшей ее; это была Маргарита Эрскинъ, мать Уильяма Дугласа, нѣкогда любовница короля Іакова V. Когда-то красавица, теперь старуха, но попрежнему высокомѣрная и гордая, владѣлица Лочливна имѣла отъ отца Маріи Стюартъ сына, который, по ея мнѣнію, былъ законнымъ наслѣдникомъ шотландскаго престола. Она была дочь лорда Эрскина, но, при существовавшемъ

въ то время развращеніи нравовъ въ Шотландіи, считала себя законною женою короля и, вслѣдствіе этого, смотрѣла на Марію Лотарингскую какъ на свою соперницу, отнявшую у нея сердце Іакова V, а на Марію Стюартъ—какъ на причину, по которой Мюррэй былъ лишенъ принадлежавшаго ему сына и наслѣдства. Съ воспоминаніями оскорбленной гордости и обманутаго честолюбія она соединяла въ себѣ дикія увлеченія фанатической набожности. Она была ревностной пресвитеріанкой. Ея дочь была замужемъ за лордомъ Линдсэемъ, а сынъ Уильямъ былъ ближайшимъ наслѣдникомъ графа Мортона. Ея характеръ, вѣрованія, родство, ненависть дѣлали изъ нея самую благонадежную охранительницу плѣнной королевы.

Заточеніе королевы собственными подданными было происшествіемъ необыкновеннымъ, даже въ этотъ вѣкъ междоусобныхъ войнъ и религіозныхъ переворотовъ. Возстаніе противъ власти рѣдко доходило до такой степени, чтобы подвергать заточенію лицо, считавшееся священнымъ хранителемъ ея. Однако же, несмотря на свою чудовищность, этотъ дерзкій поступокъ не встрѣтилъ въ Шотландіи ни сильнаго порицанія, ни серьёзнаго сопротивленія. Странное, безразсудное поведеніе Маріи Стюартъ отняло у нея всѣхъ приверженцевъ. Смерть Дарнлея и бракъ съ Ботвелемъ погубили ея доброе имя; безграничная привязанность ея къ этому убійцѣ и ссыльному уничтожила всякую возможность примиренія между нею и союзными лордами. Угнетаемая своими торжествующими противниками, она не получала дѣйствительной помощи отъ устрашен-

ныхъ приверженцевъ своихъ. Хотя послѣдніе и собрались въ Дэмбартонѣ какъ бы для изысканія средствъ къ ея освобожденію, однако же не только не предпринимали ничего въ ея пользу, но даже и сами, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, готовы были измѣнить ей. Итакъ она была покинута всѣми въ своемъ государствѣ; но получила ли она какую нибудь помощь по крайней мѣрѣ отъ иностранныхъ государей?

Въ ея лицѣ, какъ въ лицѣ королевы, были оскорблены всѣ государи. Подданные, подвергающіе заключенію свою государыню, служили страшнымъ примѣромъ для коронованныхъ особъ. Это сознавали во многихъ кабинетахъ, но большая часть изъ нихъ не обращала вниманія на эти отдаленныя событія, отвлекаясь отъ нихъ своими частными, болѣе близкими интересами. Филиппъ II не находился еще съ Маріею Стюартъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ, которыя сдѣлали изъ этой преслѣдуемой и сверженной съ трона королевы религіозную кліентку его короны и союзницу его политическихъ видовъ; къ тому же въ это время онъ старался подавить начинавшееся возстаніе Нидерландовъ, куда онъ отправилъ герцога Альбу съ сильнымъ войскомъ, что̀ стоило ему значительныхъ издержекъ. Катерина Медичи и ея сынъ Карлъ IX были снова заняты междоусобіями во Франціи. Они не могли подать помощь Маріи Стюартъ, еслибы даже и хотѣли этого. Но они вовсе не были расположены къ тому, потому-что хотя и сочувствовали ея несчастіямъ, но это сочувствіе было парализовано ея безразсудствами и заблужденіями. Оставалась Елизавета. Гордыя мнѣнія этой

государыни о неприкосновенности королевской особы должны были возбудить въ ней сильное негодованіе противъ дерзости союзныхъ лордовъ, бывшей, по ея понятіямъ, совершеннымъ святотатствомъ. Но, съ другой стороны, ея мстительность и недовѣрчивость къ королевѣ, изъявлявшей притязаніе на ея престолъ и пользовавшейся сочувствіемъ ея подданныхъ католическаго исповѣданія, препятствовали ей возстановить на тронѣ несчастную, паденію которой она сама прежде способствовала. Поэтому она колебалась между своими убѣжденіями и своею враждою, то говорила съ величіемъ королевы, то поступала какъ непримиримая соперница.

Она отослала обратно въ Шотландію Роберта Мельвиля, бывшаго при ней уполномоченнымъ Маріи Стюартъ и въ то же время тайнымъ повѣреннымъ возмутившихся лордовъ. Мельвиль согласился содѣйствовать двуличной политикѣ Елизаветы, и она поручила ему передать лочливинской плѣнницѣ свое дружеское письмо, наполненное утѣшеніями, и въ то же время увѣрить въ своемъ сочувствіи возставшихъ лордовъ. Онъ прибылъ въ Эдинбургъ 29 іюня, чрезъ двѣнадцать дней по заключеніи Маріи Стюартъ, положеніе которой, сдѣлалось еще опаснѣе, вслѣдствіе недавняго открытія. 20 іюня, Джорджъ-Дальглишъ, камердинеръ Ботвеля, былъ задержанъ со шкатулкою, которую хотѣлъ, безъ сомнѣнія, доставить въ Дэнбаръ; въ ней содержались письма, заключавшія страстныя признанія и въ то же время сильно обвинявшія Марію Стюартъ. Эта шкатулка, серебряная съ золотыми инкрустаціями, украшенная вензелемъ Франциска II, была подарена этимъ государемъ Ма-

ріи, которая, въ свою очередь, подарила ее Ботвелю. Послѣдній держалъ въ ней собственноручныя письма, которыя посылала ему королева до и послѣ убійства короля, ея страстныя посланія къ нему въ стихахъ и брачный контрактъ, утвержденный ея подписью гораздо раньше похищенія, устроеннаго ими при Альмонтъ-Бриджѣ. Ботвель, безъ сомнѣнія, сохранялъ эти документы какъ залогъ, обезпечивавшій ему постоянство королевы. Онъ оставилъ эту таинственную шкатулку въ Эдинбургскомъ за́мкѣ на сохраненіе двоимъ своимъ соучастникамъ, Джорджу Дальглишу и Джемсу Бальфёру. Случайно ли, или вслѣдствіе измѣны презрѣннаго Бальфёра, перешедшаго, подобно многимъ другимъ, на сторону союзниковъ, подъ предлогомъ наказанія за преступленіе, въ которомъ они сами участвовали. Дальглишъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ бумагами, которыя несъ Паури; привратникъ Ботвеля, подвергся той же участи. На допросахъ 23 и 26 іюня они открыли передъ судомъ весь ходъ заговора противъ жизни короля. Показанія этихъ двухъ служителей Ботвеля дали возможность еще съ большею увѣренностью преслѣдовать этого важнаго преступника, и лорды тайнаго совѣта приказали схватить его въ Дэнбарѣ и привести въ Эдинбургъ, чтобы здѣсь наказать какъ убійцу короля. Въ то же время, какъ признаніе Дальглиша и Паури уничтожили всякое сомнѣніе въ виновности Ботвеля, бумаги, найденныя въ серебряной шкатулкѣ, послужили противъ королевы страшнымъ оружіемъ для людей, желавшихъ обвинить и погубить ее. Таково было положеніе дѣлъ, когда Робертъ Мельвиль снова появился среди союзниковъ.

Мельвиль, передавшій Елизаветѣ намѣреніе лордовъ тайнаго совѣта, сообщилъ послѣднимъ, что королева англійская одобряетъ и намѣрена поддерживать ихъ «въ этомъ благородномъ предпріятіи». Послѣ того онъ отправился въ Лочливнъ. 1 іюля онъ вручилъ Маріи Стюартъ письмо Елизаветы въ присутствіи Линдсэя и Рутвена. Считая его все еще вѣрнымъ и преданнымъ слугою своимъ, Марія Стюартъ горько жаловалась, что ей не позволяютъ переговорить съ нимъ наединѣ. За порученіемъ, сдѣланнымъ Мельвилю, почти непосредственно слѣдовало новое посольство Елизаветы, имѣвшее совсѣмъ другую цѣль. Она поручила Николаю Трокмортону хлопотать объ освобожденіи Маріи Стюартъ и объ условномъ возстановленіи ея власти. Она поняла, безъ сомнѣнія, что зашла уже слишкомъ далеко и поступаетъ столько же противъ убѣжденій своихъ, сколько и во вредъ своимъ интересамъ. Въ сущности чего ей было нужно? Чтобы Шотландія оставалась въ постоянныхъ безпокойствахъ и безсиліи. Ей не нужно было ни полнаго возстановленія власти королевы, ни совершеннаго торжества лордовъ, управлявшихъ государствомъ отъ имени принца, находившагося еще въ дѣтствѣ. Въ первомъ случаѣ королева могла возобновить свои притязанія на наслѣдство, во второмъ лорды могли обходиться безъ ея помощи. Что же она сдѣлала? Она предположила противопоставить королеву лордамъ, чтобы при ихъ постоянной борьбѣ сдѣлать необходимымъ свое вмѣшательство въ шотландскія дѣла и чтобы съ помощью ихъ обоюдной слабости обезопасить себя на англійскомъ престолѣ.

Трокмортонъ получилъ приказъ осуждать Марію Стюартъ за ея замужство, а лордовъ—за ихъ возмущеніе. Въ основаніе ихъ примиренія онъ долженъ былъ предложить: разводъ королевы съ Ботвелемъ, ея освобожденіе и возстановленіе ея власти; преслѣдованіе Ботвеля и его соучастниковъ; порученіе замковъ Дэнбара и Дэмбартона вельможамъ партіи, противной Ботвелю; созваніе парламета, который долженъ былъ назначить пограничныхъ начальниковъ и губернаторовъ Эдинбурга, Стёрлинга, Инчкита и другихъ важнѣйшихъ мѣстъ государства; учрежденіе верховнаго совѣта, въ которомъ должны были присутствовать постоянно не менѣе пяти или шести членовъ, безъ совѣта или согласія которыхъ королева не должна была совершать никакихъ актовъ и не дѣлать никакихъ назначеній; наконецъ объявленіе общаго мира въ королевствѣ. Это былъ проектъ раздѣленія власти между королевой и аристократіею. Елизавета упрочила бы такимъ образомъ раздѣленіе Шотландіи, и ея помощи искали бы попеременно то королева, имѣя въ виду ея мнѣнія о неприкосновенности королевской особы, то аристократія—во имя ея политическихъ интересовъ.

Но одержавшіе побѣду лорды не расположены были соглашаться съ ея предположеніями. Посланникъ Трокмортонъ убѣдился въ этомъ немедленно по прибытіи въ Шотландію. Онъ имѣлъ по этому поводу въ замкѣ Фестъ-Кэстль свиданіе съ Летингтономъ, котораго сопровождали Джемсъ Мельвиль и лордъ Юмъ, выѣхавшіе втроемъ къ нему на встрѣчу. Шотландскій секретарь объяснилъ ему положеніе и намѣренія союзниковъ. Онъ жаловался на политиче-

ское непостоянство англійской королевы, говоря, что она «оставляетъ ихъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ» и хочетъ погубить ихъ, требуя освобожденія Маріи Стюартъ. Въѣхавъ въ Эдинбургъ 12 іюля въ сопровожденіи этихъ трехъ вельможъ и многочисленной свиты, Трокмортонъ нашолъ столицу королевства въ сильномъ броженіи, которое еще болѣе увеличилось чрезъ нѣсколько дней, когда собрался духовный совѣтъ протестантской церкви.

Ноксъ снова явился здѣсь. Убѣжавъ въ Англію послѣ убійства Риччіо, онъ возвратился въ отечество, какъ только узналъ, что королева попалась въ плѣнъ. Онъ предложилъ союзнымъ лордамъ поддержку пресвитеріанской партіи, если они признаютъ государственными законами постановленія парламента 1560 г., непризнанныя Маріею Стюартъ. Его предложеніе было принято и союзники рѣшились сокрушить послѣдніе остатки католичества, возстановить церковныя имущества въ пользу новаго духовенства, которому поручить университеты, коллегіи и другія школы для воспитанія юношества, куда допускать не иначе, какъ по удостовѣреніи *въ способностяхъ и благочестіи* поступающаго, дать наслѣдному принцу воспитаніе въ духѣ протестантской религіи, подвергнуть преслѣдованію и наказанію убійцъ короля и отнынѣ требовать отъ королей въ присягѣ, которую они даютъ при своемъ коронованіи, обѣщанія *поддержать истинную религію, исповѣдываемую шотландскою церковію, и противиться всему, что не согласно съ нею.* На этомъ условіи возникъ самый тѣсный союзъ между представителями дворянства и начальниками церкви. Ноксъ съ суровою энергіею

возсталъ противъ плѣнной королевы. Евангельская проповѣдь обратилась въ обвиненія, въ которыхъ Марія Стюартъ всенародно была объявлена виновною въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ убійствѣ, и достойною самаго строгаго наказанія. Пресвитеріанскіе пасторы говорили противъ нея въ своихъ сильныхъ проповѣдяхъ. Народъ, убѣжденный ими, съ фанатическою жестокостью возставалъ противъ королевы. Къ строгимъ моралистамъ присоединились смѣлые публицисты въ родѣ Бучанана, которые, опираясь на примѣры насилій, употребленныхъ противъ нѣкоторыхъ прежнихъ государей страны, считали возмущеніе подданныхъ поступкомъ, допускаемымъ законами Шотландіи. Вообще же они составляли партію мрачныхъ и дерзкихъ резонёровъ, презирающихъ поведеніе королевы, ненавидѣвшихъ ея исповѣданіе, непризнавшихъ ея власть и громко требовавшихъ ея осужденія низложенія и даже смерти. Соборъ пресвитеріанской церкви сдѣлался органомъ этихъ желаній и провозглашалъ ихъ въ своихъ молитвахъ.

Къ счастью королевы, не всѣ союзные лорды раздѣляли эти ужасныя убѣжденія. Самые умѣренные изъ нихъ хотѣли только ея развода съ Ботвелемъ и возстановленія ея власти. Таковыя были желанія Летингтона и Мельвилей. Другіе, не столько снисходительные, такъ графы Атоль и Мортонъ, соглашались выпустить ее на свободу, не возвращая, однако же власти, и заставить ее, отказавшись отъ короны въ пользу своего сына, удалиться во Францію. Наконецъ находились между ними и такіе, требованія которыхъ были гораздо строже: они настаивали на-

томъ, чтобы предать Марію Стюартъ суду за убійство, открыто низложить ее и задержать въ вѣчномъ заточеніи. Рѣшено было попытаться сначала уговорить ее на разводъ съ Ботвелемъ: это могло смягчить лордовъ тайнаго совѣта, успокоивъ ихъ въ этомъ отношеніи.

Робертъ Мельвиль два раза, 8 и 15 іюля, ѣздилъ въ Лочливнъ, чтобы склонить ее на это. Ему было позволено говорить съ нею безъ свидѣтелей. Съ живѣйшимъ сочувствіемъ убѣждалъ онъ ее, для собственной же пользы, безопасности и чести, оставить Ботвеля и согласиться на преслѣдованіе, которому его хотятъ подвергнуть; но она упорно отказывалась отъ этого. Она отвѣчала, что скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ отъ Ботвеля; что чувствуетъ себя беременною и ни за что не согласится на разводъ, сдѣлающій незаконнымъ ребенка, котораго она должна произвести на свѣтъ. Несмотря на явное желаніе французскаго двора, новый посланникъ котораго, Вильруа, не былъ допущенъ къ ней, несмотря на спасительные совѣты Трокмортона, которому также не позволили видѣться съ нею; несмотря на возобновленныя убѣжденія Мельвиля — Марія Стюартъ оставалась непоколебимою въ своей привязанности къ Ботвелю; но она, казалось, была расположена ввѣрить управленіе королевствомъ брату своему, Мюррэю, или совѣту, составленному изъ главнѣйшихъ лордовъ. Въ этомъ смыслѣ писала она къ предводителямъ союзниковъ, прося о своемъ перемѣщеніи въ Стёрлингъ, гдѣ она могла, по крайней мѣрѣ, видѣть своего сына; она умоляла ихъ при этомъ — если они уже не хотятъ повиноваться ей,

какъ королевѣ — не забывать, что она — мать ихъ принца и дочь ихъ короля. Она писала въ то же время къ Ботвелю и просила Мельвиля доставить ея письмо. Но Мельвиль не согласился и она съ досадою бросила его въ огонь.

Упорство королевы, нехотѣвшей отдѣлить свою участь отъ участи Ботвеля, вооружило и привело въ раздраженіе всѣхъ вообще членовъ тайнаго совѣта. Они рѣшились, низложивъ ее, отнять у нея возможность вредить имъ впослѣдствіи. Это низложеніе было ими приготовлено въ формѣ добровольнаго отреченія, уничтожавшаго власть Маріи Стюартъ, но не унижавшаго ея титула. Составлены были три акта, которые она должна была подписать. Первый заключалъ отреченіе отъ управленія королевствомъ; въ немъ говорилось, что она утомлена властью и отказывается отъ нея какъ отъ бремени, котораго не имѣетъ ни силъ, ни желанія переносить дольше; въ томъ же актѣ она должна была изъявить согласіе на коронованіе сына своего. Вторымъ и третьимъ актами регентство на время малолѣтства новаго короля передавалось въ руки Мюррэя, а за его отсутствіемъ для управленія государствомъ назначались: герцогъ Шательро, графы: Леннокcъ, Арджиль, Мортонъ, Атоль, Гленкэрнъ и Маръ, которые замѣняли также Мюррэя, если бы онъ отказался отъ управленія. Въ случаѣ же несогласія Маріи Стюартъ подписать эти акты, лорды рѣшились преслѣдовать ее: во-первыхъ, за нарушеніе законовъ государства; во-вторыхъ, за *невоздержность* въ отношеніи къ Ботвелю и другимъ; и втретьихъ, за участіе въ умерщвленіи короля, ея супруга, доказанное, гово-

рили они, *ея собственноручными письмами и другими свидѣтельствами.*

Утромъ 25 іюля суровый Линдсэй и вкрадчивый Робертъ Мельвиль выѣхали изъ Эдинбурга и отправились въ Лочливнъ: первый везъ акты, долженствовавшіе измѣнить имя королевской подписи; второму поручено было предупредить королеву объ опасностяхъ, которымъ она подвергнется, если не подпишетъ этихъ актовъ. Мельвиль прежде видѣлся съ королевой. Онъ передалъ ей все. Слѣдствіями ея отказа въ этомъ случаѣ онъ представлялъ огласку процесса, которая будетъ хуже отреченія, непримиримую ненависть къ ней лордовъ, ожидающее ее безславіе, потерю престола и даже возможность подвергнуть опасности свою жизнь. Мельвиль не забылъ внушить при этомъ Маріи Стюартъ, что все, подписанное ею въ заточеніи, не будетъ имѣть никакой силы. Но при всемъ этомъ ему не удалось убѣдить ее. Плѣнная королева находила, что для нея будетъ слишкомъ невыносимо и унизительно подписать собственный приговоръ и лишить себя власти. Она сказала Мельвилю, что охотнѣе согласится отказаться отъ жизни, чѣмъ отъ престола. Однако же грозившая ей опасность сильно потрясла ея душу, прошедшую по всѣмъ степенямъ благородной смѣлости и боязливаго унынія. Она еще колебалась, не рѣшаясь ни подчиниться, ни сопротивляться, когда вошелъ Линдсэй съ тремя актами тайнаго совѣта. Молча онъ положилъ ихъ передъ королевой для подписи. Марія Стюартъ, какъ бы испуганная его присутствіемъ, взяла перо и, со слезами на глазахъ, не произнося ни слова, дрожащею рукою подписала на

нихъ свое имя. Линдсэй возлѣ королевской подписи приказалъ приложить государственную печать; Томасъ Синклэръ исполнилъ это, но утверждалъ, что подпись королевы не имѣетъ значенія, потому-что вынуждена у нея въ плѣну.

Послѣ этого насильственнаго отреченія, лорды поспѣшили короновать ея сына. Они созвали въ Стёрлингѣ къ 20 іюля всѣхъ, кому нужно было присутствовать при этой церемоніи, и принести новому королю присягу въ вѣрности. Джемсъ Мельвиль былъ посланъ къ Гамильтонамъ и католическимъ лордамъ, чтобы пригласить ихъ къ участію въ торжествѣ. Послѣдніе составляли довольно сильную партію. Собравшись въ Дэмбартонѣ, они объявили, что желаютъ освободить королеву, и съ этою цѣлью составили bond, на которомъ подписались: архіепископъ Сент-Андре, графъ Арджиль, графъ Гэнтли, лордъ Арбротъ, епископы Галлоуэйскій и Росскій, абатъ Кильвинингскій, лорды Флемингъ, Герризъ, Скерлингъ и У. Гамильтонъ Сэнчеръ. Однако же за этимъ объявленіемъ не послѣдовало никакихъ мѣръ; они не предпринимали ничего для освобожденія плѣнницы и равнодушно смотрѣли на ея паденіе. Они не согласились присутствовать при коронованіи принца, хотя и говорили, что не противятся ему, а только требуютъ, чтобы герцогу Шательро были оставлены права ближайшаго наслѣдника престола. Посланникъ Елизаветы также отказался пріѣхать въ Стёрлигъ. Ему не удалось видѣть королеву и онъ не успѣлъ спасти ея власть ни благоразумными совѣтами, переданными ей самой, ни угрожающими предложеніями, которыя онъ дѣлалъ лордамъ тайнаго совѣта. Предвидя гнѣвъ

своей государыни, когда она узнаетъ о такомъ пренебреженіи къ своему вліянію и о такомъ опасномъ насиліи, сдѣланномъ королевскому достоинству, онъ счелъ за лучшее держаться въ сторонѣ и ожидать ея приказаній.

Елизавета не заставила его долго ждать. Въ письмѣ къ своему посланнику отъ 27 іюня она съ крайней горячностью и энергіей возставала противъ проекта, принятаго лордами, хотѣвшими низложить королеву и короновать наслѣднаго принца Шотландіи. Она говорила, что ни законъ божескій, ни права человѣческія не позволяютъ имъ становиться такимъ образомъ повелителями, судьями и мстителями своей законной государыни. «Гдѣ они нашли въ священномъ писаніи—прибавляла она—текстъ, позволяющій подданнымъ низложить своего государя? Не тамъ ли, напротивъ того, находятся слова апостола Павла, который въ своемъ посланіи къ римлянамъ повелѣлъ *повиноваться высшимъ властямъ, носящимъ мечъ?* Въ какой христіанской монархіи видѣли они писаный законъ, въ силу котораго подданные могли бы захватить въ свою особу своего государя, подвергнуть ее заключенію, привлечь ее къ суду? Мы увѣрены, что подобный порядокъ не можетъ существовать въ дѣлахъ государственныхъ. Не имѣя права ссылаться ни на священное писаніе, ни на законъ, они тщетно указываютъ на нѣкоторые примѣры, упоминаемые въ ихъ мятежныхъ балладахъ; на эти примѣры можно смотрѣть не иначе какъ на истинно противозаконные поступки бунтовщиковъ, что̀ и доказывается самыми послѣдствіями ихъ, если понять основательно эти исторіи. Передаи-

те это лордамъ, которые считаютъ свои дѣйствія сообразными съ религіей и правосудіемъ. Что же касается тѣхъ, которые держатъ себя въ сторонѣ изъ страха за свою собственную безопасность, постарайтесь указать имъ, пока они еще не зашли слишкомъ далеко, какія непріятности ожидаютъ ихъ, если они примутъ участіе въ подобныхъ беззаконныхъ поступкахъ. Мы въ равной съ ними степени презираемъ убійцъ короля, нашего кузена, и бракъ королевы, сестры нашей, съ Ботвелемъ огорчилъ насъ сильнѣе, чѣмъ кого-нибудь изъ нихъ. Но мы не можемъ одобрять и переносить настоящаго поведенія лордовъ въ отношеніи къ шотландской королевѣ. По волѣ Божьей они—ея подданные, а она—ихъ повелительница, и они не могутъ принуждать ее къ отвѣтамъ на свои обвиненія, потому-что голова никогда не подчиняется ногамъ — это не въ порядкѣ вещей». Елизавета поручила Трокмортону объявить лордамъ совѣта, что она рѣшалась, если они пойдутъ дальше, отомстить за королеву Шотландіи, въ примѣръ потомству, и что, безъ сомнѣнія, всѣ христіанскіе государи согласятся съ нею во мнѣніяхъ и въ поступкахъ.

Но эти доводы и угрозы не убѣдили и не испугали шотландскихъ лордовъ. Они смѣло оканчивали свое предпріятіе и въ назначенный для коронованія день прибыли въ Стёрлингъ со многими депутатами отъ сословій. Церемонія была совершена съ особеннымъ великолѣпіемъ въ городскомъ соборѣ. Атоль несъ въ церковь корону, Мортонъ—скиптеръ, Гленкэрнъ—мечъ, а Маръ— ребёнка, котораго дѣлали королемъ. Когда были прочитаны акты отреченія королевы и

Линдсэй съ Рутвеномъ подтвердили, что это отреченіе было добровольное, Мортонъ произнесъ надъ евангеліемъ присягу отъ имени новаго короля Іакова VI. Потомъ епископъ оркнейскій возложилъ на него корону, лорды поклялись ему въ вѣрности, дотрогиваясь руками до его головы, и Ноксъ въ провѣди своей предсказалъ его бурное царствованіе. Этотъ переворотъ, совершенный дворянствомъ и давшій ему возможность долго управлять государствомъ подъ именемъ тринадцатимѣсячнаго короля, возбудилъ сочувствіе народа, который выражалъ свою радость пальбою, танцами и иллюминаціями. Революція не встрѣтила сопротивленія нигдѣ въ цѣломъ государствѣ и предводители союзниковъ продолжали управлять имъ до самаго возвращенія Мюррэя, которому было послано донесеніе о его избраніи въ регенты Шотландіи.

Мюррэй, удалившійся во Францію за четыре мѣсяца передъ тѣмъ, получивъ здѣсь, одно за другимъ, извѣстія о мнимомъ похищеніи Маріи Стюартъ, ея позорномъ замужствѣ, неожиданномъ пораженіи и тягостномъ плѣнѣ, которые были скорыми послѣдствіями ея заблужденій и несчастій. Въ немъ пробудилось сожалѣніе къ ней и заговорило не совсѣмъ еще забытое чувство вѣрности. Поэтому, несмотря на заботливость, съ какою писали къ нему союзные лорды, стараясь привлечь его на свою сторону, онъ не одобрялъ ихъ насильственныхъ поступковъ и отправилъ къ нимъ Эльфинстона съ жалобой на заточеніе королевы. Скоро послѣ того, узнавъ о низложеніи своей сестры, коронованіи племянника и о собственномъ возвышеніи въ достоинство регента,

онъ выѣхалъ въ Шотландію, еще питая благорасположеніе къ плѣнной королевѣ. Однако же онъ не хотѣлъ быть обязаннымъ французскому двору, который предложилъ ему свои услуги и далъ, въ качествѣ компаньона и почти что надзирателя, де-Линьероля, посланнаго Карломъ IX къ лордамъ тайнаго совѣта, съ цѣлью дѣйствовать въ пользу Маріи Стюартъ и поддерживать союзъ между обѣими странами. Въ дорогѣ чувства Мюррэя измѣнились. Онъ встрѣтилъ Эльфинстона, возвращавшагося изъ Шотландіи, гдѣ предводители союза, желая оправдать свои дѣйствія, успѣли доказать ему виновность королевы, представивъ бумаги, найденныя въ серебряной шкатулкѣ. Эльфинстонъ донесъ Мюррэю, что видѣлъ собственноручное, длинное письмо королевы къ Ботвелю, заключавшее доказательства ея участія въ убійствѣ своего мужа.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, можетъ быть, изъ честолюбія, а можетъ и въ слѣдствіе болѣе точныхъ свѣдѣній о положеніи шотландскихъ дѣлъ, Мюррэй уже не съ прежнимъ жаромъ думалъ объ освобожденіи сестры своей. Елизавета, принимавшая на этотъ разъ участіе въ положеніи Маріи Стюартъ, была не слишкомъ любезна съ нимъ. Раздраженная оскорбленіемъ, нанесеннымъ верховной власти въ Шотландіи, эта гордая королева сообщила ему свое рѣшительное намѣреніе возстановить Марію Стюартъ на тронѣ и наказать непокорныхъ подданныхъ, низложившихъ ее. Этотъ тонъ превосходства, соединеннаго съ угрозою, укололъ самолюбіе Мюррэя, и при этомъ свиданіи высокомѣріе англійской королевы принесло такъ же мало пользы, какъ и при посольствѣ Трокмортона къ

шотландскимъ лордамъ. Не улучшая такимъ образомъ положенія несчастной плѣнницы, Елисавета только увеличивала грозившія ей опасности; сама судьба, казалось, назначила ее вредить Маріи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она хотѣла принести ей пользу. Въ самомъ дѣлѣ, лорды, лишившіе Марію Стюартъ престола, не совсѣмъ еще отказались отъ желанія судить ее. Партія Гамильтоновъ съ чудовищнымъ предательствомъ и хладнокровнымъ разсчетомъ предположила отдать ее на смерть, для общаго примиренія. Избавляясь отъ королевы, которая, вступивъ въ новый бракъ, могла имѣть еще наслѣдниковъ, Гамильтоны надѣялись достигнуть престола, потому-что тогда единственнымъ препятствіемъ для нихъ оставался бы одинъ только слабый ребёнокъ. Архіепископъ Сент-Андре, аббатъ Кильвиннингскій и графъ Гэнтли предложили союзнымъ лордамъ примиреніе на этомъ условіи. Контролеръ Д. Мюррэй, Туллибардинъ и секретарь Летингтонъ, одинъ за другимъ, разоблачили предъ Трокмортономъ эти ужасные переговоры. Летингтонъ сказалъ посланнику Елизаветы, когда тотъ сообщилъ ему грозныя намѣренія своей государыни: «Милордъ посланникъ, увѣряю васъ, что если вы съ лордами будете говорить въ такихъ же выраженіяхъ, какія употребляете предо мною, то цѣлый свѣтъ не въ состояніи будетъ спасти жизнь королевы даже на три дня».

Такова была очевидность опасности, которой подвергалась Марія Стюартъ въ то время, какъ Мюррэй, выѣхавшій изъ Лондона въ сильномъ неудовольствіи на Елисавету, прибылъ 11 августа въ Шотландію. Его возвращеніе и образъ дѣйствій бы-

ли теперь предметомъ всеобщаго вниманія. Союзные лорды отправили на встрѣчу къ нему въ Бервикъ клерка регистратуры Д. Макгилля и Джемса Мельвиля. Первый былъ представителемъ партіи крайняго увлеченія и долженъ былъ просить Мюррэя отъ имени Мортона, Линдсэя, Рутвена и пресвитеріанъ оставаться неумолимымъ въ отношеніи къ королевѣ, не смягчаясь ея несчастіями. Второй, подъ вліяніемъ болѣе умѣренныхъ чувствъ Атоля, Мара, Летингтона, Туллибардина и Грэнджа, приступившихъ къ союзу съ цѣлью низвергнуть Ботвеля и спасти наслѣднаго принца, имѣлъ порученіе посовѣтовать ему отъ ихъ имени, чтобы онъ не вдавался въ крайности и, удерживая королеву въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока ей можно будетъ безопасно возвратить свободу, поступать съ нею почтительно и кротко. Мюррэй выслушалъ ихъ, не высказываясь. Казалось даже, что онъ не имѣлъ никакого желанія быть регентомъ. Въ такомъ расположеніи духа онъ пріѣхалъ на границу Шотландіи, гдѣ его встрѣтили четыреста дворянъ. Онъ въѣхалъ въ Эдинбургъ, окруженный цвѣтомъ аристократіи, и былъ встрѣченъ выраженіями радости и восторга гражданъ. Здѣсь онъ пробылъ два дня, какъ бы въ нерѣшимости, разспрашивая всѣхъ, разбирая обвиненія, взводимыя на королеву, и убѣдившись, что строгость общественныхъ сужденій была все еще опасна для Маріи Стюартъ. Еще, не принявъ предложеннаго ему титула, онъ просилъ дозволенія видѣть ее, чтобы удостовѣриться, какъ говорили, въ томъ, что ея отреченіе отъ престола не было вынуждено силою, потому-что, въ противномъ случаѣ, значеніе регентской власти уничтожа-

лось. Несмотря на опасенія, возбуждаемыя этимъ свиданіемъ, отъ котораго зависѣлъ отвѣтъ Мюррэя, лорды принуждены были согласиться на него. Утромъ, 15 августа, онъ отправился въ Лочливнъ, вмѣстѣ съ Мортономъ, Атолемъ и Линдсэемъ.

Руководимый въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ благоразуміемъ, онъ хотѣлъ, чтобы власть, предлагаемая ему союзниками, была отдана ему и самою королевою, которую эти союзники лишили престола. Онъ не принималъ никакого участія въ послѣднихъ событіяхъ и надѣялся, если она передастъ ему власть, управлять Шотландіей такъ же спокойно и мирно, какъ удалось ему достигнуть регентства. Съ безпощадною ловкостью онъ съумѣлъ достигнуть своей цѣли. Марія Стюартъ, увидя, что онъ вошолъ въ ея тюрьму, подумала, что онъ является туда какъ ея другъ и покровитель. Растроганная, она проливая слезы, начала разсказывать ему про несправедливости, какія дѣлали въ отношеніи къ ней. Мюррэй слушалъ ее молча, не выражая сожалѣнія и не утѣшая ее. Умоляющая Марія, обратясь къ Атолю и Мортону, сказала имъ: «Милорды, вы испытали мою строгость, но видѣли также, что она окончилась; позвольте же мнѣ надѣяться, что мой примѣръ научилъ и васъ быть снисходительными». Но и тутъ она встрѣтила такую же неразговорчивость и безучастіе. Встревоженная посѣщеніемъ, которое, повидимому, подтверждало мрачные слухи, ходившіе на ея счетъ, она передъ ужиномъ отозвала своего брата въ сторону, съ безпокойствомъ стала разспрашивать его о намѣреніяхъ лордовъ, желая въ то же время узнать и его собственныя. Мюррэй держалъ себя осторожно и оставался не-

проницаемъ. Ужинъ прошолъ очень печально. Когда онъ окончился, Марія снова захотѣла побесѣдовать съ братомъ. Всѣ разошлись и они пробыли вдвоемъ до часу пополудни. При этомъ вторичномъ разговорѣ Мюррэй оставилъ свою разсчитанную скрытность. Съ леденящимъ равнодушіемъ и неумолимою строгостью онъ открылъ королевѣ свои мысли о ея дурномъ управленіи; безжалостно припомнилъ онъ ей безпорядки, происшедшіе чрезъ это, и, одно за другимъ, перебралъ всѣ ея дѣйствія, которыя, говорилъ онъ, запачкали ея совѣсть, запятнали ея честь и подвергли ее столькимъ опасностямъ. Несчастная королева въ смущеніи слушала эти страшныя обвиненія. Она окончательно потеряла бодрость. «Она — говоритъ Трокмортонъ, описавшій эту грустную сцену — то плакала горько, то откровенно сознавалась въ своихъ ошибкахъ, то старалась оправдаться и ослабить обвиненія, взводимыя на нея». Пробудивъ въ душѣ сестры своей эти тягостныя воспоминанія, Мюррэй оставилъ ее въ мучительной тоскѣ и боязни и удалился. Она думала, что ея судьба уже рѣшена. Мюррэй сказалъ, что для нея остается теперь одна только надежда — на милосердіе Божіе. Въ такомъ состояніи провела она остальное время ночи.

На слѣдующее утро она опять призвала своего брата. Мюррэй снова явился около нея. Заставъ ее, безъ сомнѣнія, въ такомъ расположеніи духа, въ какомъ желалъ найти, онъ самъ измѣнилъ свои чувства и тонъ. Онъ началъ утѣшать ее и увѣрялъ, что хочетъ спасти ея жизнь, а если возможно, то сохранить и честь. «Но, прибавилъ онъ, это зависитъ не отъ одного меня: другіе лорды тоже заинтересованы въ

этомъ дѣлѣ. Это зависитъ также и отъ васъ, и я долженъ вамъ сказать, что вы бросите въ бездну случайности и подвергнете опасности вашу жизнь, если захотите возмутить спокойствіе вашего государства и царствованіе вашего сына; если вы будете стараться выйти оттуда, гдѣ находитесь и воспользоваться свободой, которой въ настоящее время вамъ не слѣдуетъ даже желать; если станете возбуждать вашихъ подданныхъ къ неповиновенію, если вы войдете въ согласіе съ королевою англійскою или съ королемъ Франціи, чтобы вовлечь государство во внѣшнюю войну съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, или, при ихъ помощи, возбудить войну междоусобную, и если вы будете упорствовать въ своей безразсудной любви къ графу Ботвелю».

При этихъ словахъ, Марія въ которой еще не изгладились тревожныя впечатлѣнія ночи, почувствовала внезапную радость. Она бросилась въ объятія своего брата и выразила большое удовольствіе по поводу его обѣщаній защищать ея жизнь и надеждъ на сохраненіе ея чести, которыя онъ поселилъ въ ея сердцѣ. Для вѣрнѣйшаго достиженія этого желаемаго результата она умоляла его не отказываться отъ регентства. «Чрезъ это, говорила она, мой сынъ будетъ спасенъ, мое государство будетъ въ хорошихъ рукахъ, а я въ безопасности». Мюррэй все еще не соглашался. Онъ выставлялъ причины, въ искренности которыхъ можно сомнѣваться. Постоянно увлекаясь непреодолимыми порывами, Марія, еще съ бо́льшею настойчивостью стала просить, чтобы онъ уступилъ просьбамъ и интересамъ сестры. Она убѣждала его захватить въ свои руки всѣ крѣпости государства,

взять подъ свое сохраненіе всѣ драгоцѣнности, которыя ей принадлежали, и предложила утвердить его регентство своимъ письменнымъ согласіемъ и авторитетомъ своего имени. Мюррэй уступилъ. Онъ, казалось, неохотно принималъ то, чего, безъ сомнѣнія, пламенно желалъ. Простившись съ сестрою, онъ просилъ лордовъ Линдсэя, Рутвена и Лочливна оказывать ей возможное вниманіе и вѣжливую предупредительность, и оставилъ царственную узницу, которая, заливаясь слезами, съ чувствомъ поцѣловала его и поручила ему благословить принца, ея сына.

Въ этомъ какъ и во многихъ случаяхъ, Марія Стюартъ повиновалась ему одному только впечатлѣнію минуты, часто овладѣвавшему ея и отнимавшему у нея всякую предусмотрительность. Въ Лочливнѣ она осталась тою же, какою была въ Кёркъ-оф-Фильдѣ, Альмондъ-Бриджѣ, Карберри-Гиллѣ и какою чрезъ нѣсколько времени оказалась въ Карляйлѣ; вездѣ она увлекалась или необузданными страстями, или обманчивыми идеями. Подписавъ недавно, подъ вліяніемъ ужаса, свое низложеніе, она теперь изъявила на него согласіе вслѣдствіе нечаянности. Холодный и коварный Мюррэй, замѣнивъ надеждою страхъ, возмущавшій ея сердце, достигъ этого согласія, въ которомъ ей скоро пришлось раскаяться.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, онъ отправился въ Стёрлингъ, къ королю-ребёнку, отъ имени котораго онъ долженъ былъ управлять, и 19 августа возвратился въ Эдинбургъ. Черезъ три дня послѣ того онъ былъ объявленъ регентомъ въ палатѣ совѣта, помѣщавшейся въ зданіи Тольбута. Положивъ руку на евангеліе, какъ истинный пресвитеріанинъ, онъ произ-

несъ клятву поддерживать права и привилегіи государства: «Я, Джемсъ графъ Мюррэй, лордъ Альберитъ, обѣщаю чистосердечно, предъ лицемъ Вездѣсущаго моего Господа, съ этого дня и во всю жизнь мою служить Предвѣчному моему Богу всѣми силами моими, соображаясь во всемъ въ Его волею, выраженною Его пресвятымъ словомъ и открытою для насъ въ книгахъ Новаго и Ветхаго Завѣта; клянусь, на основаніи того же слова, поддерживать истинную религію Іисуса Христа проповѣдываніемъ и совершеніемъ таинствъ ея въ томъ видѣ, какъ они недавно установлены въ этомъ королевствѣ, уничтожать всѣми мѣрами ложную религію; клянусь вести народъ, ввѣренный моимъ попеченіямъ на время малолѣтства короля, моего повелители, путями, угодными Богу, соблюдать законы и постановленія этого государства, не забывая никогда словъ Предвѣчнаго моего Бога, и доставить церкви Господней и всему христіанскому народу истинный и совершенный миръ во всѣ послѣдующія времена. Я буду сохранять ненарушимо, не уничтожая и не отчуждая, права и доходы государства. Я буду преслѣдовать и искоренять злоупотребленія во всѣхъ сословіяхъ и званіяхъ. Я приведу въ порядокъ отправленіе суда и буду наблюдать, чтобы правосудіе воздавалось каждому безъ исключенія, дабы Господь и Отецъ милосердія былъ милосердъ ко мнѣ. Я буду заботиться объ изгнаніи изъ государства всѣхъ еретиковъ и враговъ слова Божія, и каждаго, кто согрѣшитъ противъ Его церкви. Во всемъ этомъ отъ чистаго сердца даю торжественную клятву». По произнесеніи этой присяги былъ пропѣтъ псаломъ: «Сколько милостивъ

Богъ Израилевъ къ имѣющимъ чистое сердце», и Мюррэй былъ провозглашенъ регентомъ на площадяхъ и перекресткахъ, при громкихъ народныхъ кликахъ.

Революція, лишившая Марію Стюартъ власти и установлявшая новое правительство, совершилась. Большая часть католическаго дворянства изъявила покорность ей; графы Ротзъ, Крофордъ, мастеры? Ментинъ и Эрроль, лорды Дрэммондъ, Огильви, Олифантъ, Сомервиль, Бортуикъ и Йестеръ увѣрили регента въ своемъ повиновеніи и преданности. Лорды Флемингъ, Бойдъ и Ливингстонъ не замедлили послѣдовать ихъ примѣру. Гамильтоны, не взирая на подстрекательство Елизаветы, не выказали также ни малѣйшаго сопротивленія. Мюррэй не встрѣчалъ болѣе препятствій ни внѣ, ни внутри государства. Французскій дворъ, слишкомъ занятый собственными затрудненіями и охлажденный ошибками Маріи Стюартъ, не хотѣлъ разрыва съ правительствомъ лордовъ, опасаясь оттолкнуть Шотландію окончательно на сторону Англіи. Поэтому Линьероль, какъ бы отказываясь отъ королевы, объявилъ союзникамъ, что онъ посланъ не для того, чтобы вредить имъ, и что Франція находится въ союзѣ не съ государемъ въ частности, а съ правительствомъ, существующимъ въ Шотландіи. Онъ выѣхалъ, не жалуясь даже на то, что ему не позволили посѣтить королеву и не допустили его къ сношеніямъ съ Гамильтонами.

Что касается Елизаветы, то хотя она была очень недовольна перемѣнами, которыя произведены были лордами и приняты Мюррэемъ, на зло ея предложеніямъ, однако же не находила ни средствъ, ни ново-

довъ къ возстановленію Маріи Стюартъ на престолѣ и къ низверженію регента. Лорды поняли это очень хорошо; они вовсе не испугались ея гнѣва, и англійскій посланникъ, Троктортонъ, послѣ провозглашенія новаго регентства, оставляя Шотландію, изъ послѣдняго разговора своего съ Летингтономъ и Мюррэемъ убѣдился въ ихъ рѣшимости и совершенной готовности къ борьбѣ. «Если ваша государыня желаетъ войны — сказалъ ему Летингтонъ — мы скорѣе рѣшимся испытать счастья, чѣмъ дать свободу нашей королевѣ, которая расположена теперь защищать Ботвеля, подвергать опасности жизнь своего сына, погубить государство и разорить дворянъ... Мы знаемъ эту войну. Вы разорите наши границы, мы разоримъ ваши. Если вы вздумаете сдѣлать серьёзное нападеніе — мы не побоимся и этого, потому-что увѣрены въ помощи Франціи». Желая показать, что его оскорбляетъ повелительный тонъ, принятый Елизаветою въ отношеніи къ союзникамъ, онъ сказалъ Трокмортону въ заключеніе: «На такія странныя выраженія достаточно будетъ отвѣчать, что мы подданые другого государя и не считаемъ ея величество своею королевою». Отвѣтъ Мюррэя былъ короче, но въ такомъ же рѣшительномъ тонѣ. Онъ возразилъ посланнику Елизаветы, который старался отдѣлить его интересы отъ дѣла лордовъ, напоминая, что онъ совершенно непричастенъ ни къ чему: «Если я не принималъ участія въ прежнихъ дѣйствіяхъ этихъ лордовъ, то долженъ одобрить ихъ теперь; а такъ-какъ и моя государыня и они возложили на меня бремя регентства, отъ котораго я охотно желалъ бы избавиться, то я рѣшился поддерживать ихъ дѣло и приведу въ пови-

новеніе королю всѣхъ, или пожертвую жизнью». И онъ съ твердостью выполнилъ намѣреніе, о которомъ говорилъ такъ гордо. Какъ ученикъ Нокса, воспитанный на чтеніи библіи, онъ хотѣлъ принять за образецъ для себя древнихъ вождей народа израильскаго.

Лэрдъ Туллибардинъ и лэрдъ Грэнджъ были посланы тайнымъ совѣтомъ преслѣдовать Ботвеля, изгнаннаго прокламаціей 26 іюня и удалившагося изъ Дэнбара на Оркады. Мюррэй захватилъ въ свои руки почти всѣ укрѣпленныя мѣста королевства. Бальфёръ уступилъ ему Эдинбургскій замокъ. Но этотъ помилованный соучастникъ Ботвеля не выпускалъ крѣпости изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ въ вознагражденіе пять тысячъ фунтовъ серебра, ежегодный пенсіонъ своему сыну, пріорство Питтенуинъ и удостовѣреніе въ своей собственной безнаказанности. Мюррэй, овладѣвшій скоро Дэнбаромъ, Инчъ-Китомъ и многими другими крѣпостями, назначилъ начальникомъ Эдинбургскаго замка лэрда Кёркальди Грэнджа, находившагося въ то время въ погонѣ за Ботвелемъ. Храбрый Кёркальди поклялся схватить этого общественнаго врага и былъ уже близокъ къ своей цѣли. Изъ трехъ или четырехъ кораблей, снаряженныхъ Ботвелемъ, съ которыми онъ старался удерживаться между архипелагами Оркадскихъ и Шетлендскимъ, два попали во власть лэрда Грэнджа и онъ хотѣлъ уже взять на абордажъ третій, на которомъ находился самъ Ботвель, когда его корабль, слишкомъ большой для плаванія въ тѣсныхъ и неглубокихъ проливахъ между островами, сѣлъ на песчаную мель. Ботвелю удалось спастись; но, покинувъ мѣста, гдѣ уже не находилъ болѣе безопасности, онъ выѣхалъ

въ Сѣверное море и былъ отброшенъ бурею къ берегамъ Норвегіи. Здѣсь онъ подвергся осмотру датскаго военнаго корбля и, за неимѣніемъ бумагъ, былъ задержанъ, какъ пиратъ, и отведенъ въ Данію, король которой, Фридрихъ II, не согласился отдать его Мюррэю и Елизаветѣ, а заключилъ въ крѣпость Мальмое. Ботвель оставался здѣсь до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1576 г. Плѣнъ послужилъ для него очищеніемъ за грѣхи, и онъ девять лѣтъ провелъ между страхомъ возвращенія правительствамъ Англіи и Шотландіи, которыя постоянно требовали этого, и отчаяніемъ вѣчнаго одиночества.

Многіе изъ его второстепенныхъ соучастниковъ были въ это время подвергнуты наказанію. Кромѣ Дальглиша и Паури, схватили еще двухъ главныхъ исполнителей убійства въ Кёркъ-оф-Фильдѣ Гэя Талло и Генбёрна Болтона. Они признали себя виновными и были приговорены къ смертной казни. На эшафотѣ они сознавались, что заслужили смерть и Генбёрнъ Болтонъ сказалъ: «Пусть никто не рѣшается на преступленіе по наущенію людей сильныхъ или по совѣту своихъ господъ, надѣясь, что будетъ спасенъ ими: ибо въ ночь, когда дѣло было сдѣлано, я думалъ, что если о немъ и узнаютъ когда-нибудь, то никто не сочтетъ его дурнымъ, такъ много рукъ ему помогало и даже королева знала о немъ».

Эти руки были слишкомъ могущественны и ихъ пощадили. Bond, подписанный ими и свидѣтельствовавшій противъ нихъ, былъ отданъ Ботвелемъ въ распоряженіе Бальфёра и къ этому времени сожженъ. Ни подписавшіеся на немъ Летингтонъ, Гэнтли, Арджиль, Дж. Бальфёръ, ни архіепископъ Сент-Андре,

согласившійся на такое страшное злодѣяніе, ни Мортонъ, который зналъ о немъ, если и не принималъ участія, не были подвергнуты преслѣдованію этого пристрастнаго правосудія, то неумолимаго, то бездѣятельнаго, смотря по значительности и положенію виновныхъ. Регентъ не рѣшался подвергать ихъ наказанію. Они возвысили его, они же могли и легко низвергнуть, еслибъ захотѣли соединиться противъ него. Онъ даже оказывалъ благоволеніе многимъ лицамъ, заслуживавшимъ наказанія. Арджилъ оставался верховнымъ судьею, Гэнтли попрежнему былъ членомъ тайнаго совѣта, Летингтонъ былъ сдѣланъ шерифомъ въ Лотіанѣ, а Мортону было обѣщано званіе адмирала Шотландіи вмѣсто Ботвеля.

Въ этой странѣ насилій, измѣнъ, непостоянства и политическихъ волненій, регентъ хотѣлъ строго соблюдать, по крайней мѣрѣ, обыкновенные законы и смѣло поддерживать общественную безопасность. «Онъ рѣшился, говоритъ Мельвиль, искоренить воровъ возстановить спокойствіе на границахъ. Не меньше заботился онъ и о приведеніи въ порядокъ системы внутренняго суда». Созваный имъ 15 декабря парламентъ отличался чрезвычайною многочисленностью. Въ немъ присутствовали четыре епископа, четырнадцать аббатовъ, двѣнадцать графовъ, шестнадцать лордовъ и старшихъ сыновей лордовъ и двадцать-семь депутатовъ отъ мѣстечекъ. Этотъ парламентъ потребовалъ, во-первыхъ, религіознаго единства, утвердивъ исповѣданіе вѣры, составленное въ 1560 г., и окончательное уничтоженіе католичества; во-вторыхъ, возвращенія свѣтскими лицами третьей части церковныхъ имѣній, которыми они завладѣли и ко-

торыя должны были поступить въ пользу пасторовъ и школъ протестантскаго исповѣданія; кромѣ того, онъ призналъ законнымъ возведеніе молодаго короля на шотландскій престолъ, утвердилъ назначеніе регента и началъ жаркія пренія о томъ, какъ поступить съ королевою, которую одни хотѣли непремѣнно предать суду, а другіе—только задержать въ заключеніи. Умѣренные одержали верхъ. Но, для отправданія союзныхъ лордовъ въ томъ, что они подняли оружіе, заточили и низложили свою государыню, парламентъ издалъ актъ, котораго выраженія тяжело обвиняли Марію Стюартъ. Въ немъ было сказано, что «королева заслужила вполнѣ всѣ непріятности, какія случились съ нею и какія еще могутъ случиться, потому-что она была соучастницею, какъ намѣренія, такъ и самаго убійства короля, своего супруга, что̀ столько же доказывается ея собственноручною перепискою съ Джемсомъ, графомъ Ботвелемъ, сколько и безнравственнымъ и постыднымъ бракомъ, заключеннымъ ею съ этимъ главнымъ виновникомъ сказаннаго убійства, немедленно по совершеніи онаго».

Это строгое объявленіе, хотя и неимѣвшее характера судебнаго приговора, но соотвѣтствовавшее ему по смыслу, еще болѣе увеличило тягость заключенія Маріи Стюартъ, нѣсколько ослабленную по просьбѣ Мюррэя. За нею стали наблюдать какъ можно строже, опасаясь, чтобы она не вздумала обратиться къ иностраннымъ государямъ съ просьбою о помощи, или чтобы не устроила, при пособіи оставшихся еще у нея въ Шотландіи друзей, своего бѣгства. Она могла писать только во время ѣды и сна

своихъ стражей, дочери которыхъ даже спали возлѣ нея. Но всѣ эти предосторожности оказались неудовлетворительными. Ея красота, прелести и несчастія оказывали могущественное вліяніе на всѣхъ, кто только приближался къ ней. Одинъ изъ сыновей Маргариты Эрскинъ, Джоржъ Дугласъ, единоутробный братъ регента, позволилъ себѣ увлечься ея красотою и тронуться ея скорбью. Плѣненный скоро очаровательной плѣнницею, которая вовсе не разрушала его надеждъ, онъ рѣшился освободить ее. Въ первый разъ, обманувъ бдительность своей матери, онъ доставилъ Маріи Стюартъ случай выйти изъ замка въ одеждѣ прачки, приносившей ей бѣлье въ Лочливнъ. Узница, переодѣтая такимъ образомъ, прошла неузнанною. Она сѣла въ лодку, которая должна была перевезти ее на другой берегъ, гдѣ ее ожидали Джоржъ Дугласъ, одинъ изъ Семплей и одинъ изъ Битоновъ. Она считала себя спасенною. Но среди переѣзда одинъ лодочникъ, принимая ее за ту, кѣмъ она казалась, подсѣлъ къ ней и, въ видѣ шутки, хотѣлъ поднять ея воаль.—Марія быстро подняла руку, чтобы не показать своего лица, и лодочникъ, замѣтивъ эту прекрасную, бѣлую руку, сейчасъ же догадался что онъ везетъ королеву. Открытая такимъ образомъ Марія не потеряла присутствія духа; она приказала гребцамъ, подъ страхомъ смерти, высадить ее на другой берегъ, но они, боясь строгости лэрда Лочливна больше, чѣмъ угрозъ королевы, лишенной власти, отвезли ее обратно въ крѣпость.

Послѣ этой неудачной попытки, 25 марта, Джоржъ Дугласъ бѣжалъ изъ замка, но не удалялся изъ окрестности озера. Плѣнница, почти что отчаявшаяся

въ своемъ освобожденіи, которое было уже такъ близко, провела конецъ марта и весь апрѣль въ тоскѣ неволи, сдѣлавшейся еще болѣе невыносимою Она вездѣ искала поддержки и писала къ Катеринѣ Медичи: «Я съ большимъ трудомъ нашла человѣка, который взялся доставить вамъ извѣстіе о моемъ бѣдствіи и просьбу о сожалѣніи ко мнѣ». Перваго мая она писала къ Елизаветѣ, умоляя ее о помощи, и увѣряя, что если та спасетъ ее, то никогда въ цѣломъ свѣтѣ не найдетъ болѣе преданной родственницы. «Вы можете также принять въ соображеніе—прибавляла она—важность нанесеннаго мнѣ оскорбленія». Она молила Бога сохранить эту королеву отъ всякаго несчастія и послать ей самой терпѣніе, въ которомъ она имѣла такую надежду. Въ тотъ же день она заклинала Катерину Медичи и Карла IX помочь ей, говоря: «Если вы не извлечете меня (отсюда) силою, то самой мнѣ уже не выйти».

Но между тѣмъ, какъ она считала свое заточеніе безконечнымъ, минута освобожденія приближалась. Джоржъ Дугласъ, рѣшившійся служить ей съ преданностью столько же изобрѣтательною, сколько страстною, не переставалъ пріискивать средства къ возвращенію ей свободы. Оставаясь очень близко отъ Лочливна, онъ завелъ сношенія съ пажомъ своей матери, котораго звали маленькимъ Дугласомъ. При помощи этого шестнадцатилѣтняго пажа ему удалось устроить бѣгство королевы, которую извѣщенные имъ Ситоны и Гамильтоны готовы были принять по выходѣ ея изъ замка. Воскресенье, 2 мая, было днемъ, избраннымъ для этого вторичнаго бѣгства, задуманнаго лучше, чѣмъ первое, и увѣнчавшагося бо́льшимъ

успѣхомъ. Жители Лочливна, кромѣ королевы, обѣдали и ужинали обыкновенно всѣ вмѣстѣ. Въ это время ворота зàмка были заперты и ключи отъ нихъ лежали на столѣ, подлѣ владѣльца. За ужиномъ маленькій Дугласъ, поставивъ передъ лэрдомъ блюдо, ловко утащилъ ключи, которые закрылъ прежде салфеткой. Не медля ни минуты, онъ побѣжалъ извѣстить и взять съ собою королеву, послѣдовавшую за нимъ въ одеждѣ одной изъ своихъ прислужницъ. Они безпрепятственно вышли изъ зàмка, и молодой пажъ заперъ за собою ворота, чтобы помѣшать всякому преслѣдованію. Когда королева сѣла вмѣстѣ съ нимъ въ маленькій челнокъ, онъ поспѣшно отчалилъ его и, усердно гребя веслами, успѣлъ счастливо высадить ее на противоположеный берегъ озера, гдѣ ихъ ожидалъ Джоржъ Дугласъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ присоединился лордъ Ситонъ, находившійся съ своими людьми въ сосѣдней деревнѣ. Обладая уже свободой и надѣясь скоро возвратить свою власть, Марія легко и весело вскочила на лошадь и поскакала по направленію на западъ. Она остановилась только въ Ниддри, мѣстопребываніи Ситоновъ, находившемся въ западной части провинціи Лотіанъ. Отдохнувъ здѣсь три часа, она продолжала путь до крѣпкаго зàмка Гамильтонъ, гдѣ ее приняли архіепископъ Сент-Андре и лордъ Клавдій, выѣхавшій къ ней на встрѣчу съ пятьюдесятью всадниками.

Достигнувъ этого безопаснаго мѣста, она сдѣлала воззваніе ко всѣмъ своимъ приверженцамъ. Въ то же время она послала Гёнбурна Риккартона, слугу Ботвеля, въ Дэнбаръ, чтобы обезпечить за собою

этотъ важный городъ, и приказала ему послѣ того отправиться въ Данію и извѣстить своего господина, что она снова свободна и, вѣроятно, скоро будетъ по прежнему могущественна. Въ то же время, какъ ея первыя мысли обращались къ человѣку, съ которымъ ее разлучили бѣдствія, но котораго она все еще любила, Марія Стюартъ послала во Францію брата архіепископа гласгоскаго, Джона Битона, чтобы пріобрѣсти себѣ помощь въ борьбѣ, которая должна была немедленно начаться, но слишкомъ скоро и неожиданно для нея кончилась.

Извѣстіе о ея освобожденіи быстро распространилось и было радостно принято. Всѣ, кто прежде поддерживалъ ее, кого состраданіе къ ея бѣдствіямъ заставляло забывать о ея прежнихъ заблужденіхъ, кто былъ недоволенъ строгимъ и высокомѣрнымъ управленіемъ Мюррэя—всѣ собрались вокругъ нея. Большая часть дворянства приняла ея сторону. Въ короткое время восемь графовъ, девять епископовъ, восемнадцать лордовъ, двѣнадцать аббатовъ и пріоровъ и около ста бароновъ составили союзъ для ея возстановленія на престолѣ. Вспомнивъ о своемъ отреченіи, она объявила его недѣйствительнымъ, потому-что оно было вынуждено у нея насильно, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожила всѣ дѣйствія, совершенныя Мюррэемъ во время регентства, какъ носившія печать измѣны. Графы Арджиль, Кассилисъ, Эглинтонъ, Ротзъ, лорды—Сомервиль, Йестеръ, Ливингстонъ, Герризъ, Флемингъ, и Бортуикъ съ своими вассалами присоединились къ Гамильтонамъ и Ситонамъ, и королева скоро увидѣла себя во главѣ шеститысячной арміи, рѣшившейся защищать ея особу и возстановить ея

власть. Французскій посланникъ Вилье-де-Бомонъ, отправленный недавно Карломъ IX въ Шотландію, явился къ ней, признавая ее истинной государыней страны. Королева Елизавета послала, съ своей стороны, доктора Лайтоне поздравить ее съ освобожденіемъ и предложить ей, что королева англійская принудитъ ея подданныхъ къ повиновенію, если Марія Стюартъ предоставитъ свои дѣла ея заботамъ и если не будетъ искать помощи другихъ иностранныхъ государей.

Марія не была ослѣплена этимъ возвратомъ счастія. Она предпочитала примиреніе съ противниками борьбѣ съ ними, понимая очень хорошо, что торжество оружія не только сомнительно, но даже можетъ быть еще опасно. Побѣжденная, она снова попадетъ въ руки грознаго регента; побѣдившая, она останется въ зависимости отъ Гамильтоновъ, которые питали надежду женить на ней одного изъ членовъ своей фамиліи и управлять отъ ея имени. Поэтому она хотѣла лучше, еслибы представилась возможность, примирить партіи, и при ихъ взаимной враждѣ не подчиняться ни одной изъ нихъ. Она предложила Мюррэю заключить миръ; переговоры объ этомъ вели французскій посланникъ и два Мельвиля, Робертъ и Джемсъ, изъ которыхъ первый присоединился къ королевѣ, а второй остался на сторонѣ регента.

Мюррэй былъ въ Гласго, одинъ, не имѣя съ собою никого, кромѣ слугъ своихъ; онъ открылъ здѣсь засѣданія суда, когда его сестра, бѣжавъ изъ Лочливна, прибыла въ замокъ Гамильтонъ, находившійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого города. Каждый на его мѣстѣ покинулъ бы открытый, беззащитный городъ,

боясь нападенія непріятеля, обладавшаго превосходными силами. Ему и совѣтовали это. Но онъ вовсе не былъ намѣренъ поступить такъ; онъ понималъ, что его бѣгство изъ Гласго будетъ признакомъ боязни и послужитъ поводомъ для всеобщаго возстанія противъ его власти, поэтому онъ остался здѣсь съ высокомѣрною твердостью. Онъ просилъ отсрочки, чтобы подумать о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Маріею Стюартъ, имѣя въ виду выиграть только время для сбора войскъ и потомъ вступить въ битву, которая должна будетъ рѣшить дѣло между нимъ и его сестрою, между лордами короля и лордами королевы. Онъ выказалъ при этомъ взглядъ и характеръ геніальнаго человѣка. Со всевозможной поспѣшностью созвалъ онъ своихъ друзей подъ знамя молодаго короля. Его рѣшительность придала смѣлость тѣмъ, у кого ея не доставало бы въ случаѣ его бездѣйстія и колебанія; большая часть прежнихъ союзныхъ бароновъ, а также и солдаты пресвитеріанскихъ городовъ быстро собрались вокругъ него. Дэнбаръ остался вѣренъ ему; Эдинбургъ выслалъ къ нему четыреста стрѣлковъ; Гласго вооружился за его дѣло. Графъ Маръ прислалъ въ его лагерь шесть пушекъ изъ Стерлинга; храбрый Александръ Юмъ привелъ шестьсотъ копейщиковъ изъ провинціи Мерси; энергическій Мортонъ, пылкій Гленкэрнъ, ловкій Керкальди прибыли къ нему съ своими вассалами, и черезъ десять дней послѣ бѣгства королевы изъ Лочливна Мюррэй предводительствовалъ четырьмя тысячами человѣкъ, хорошо дисциплинированныхъ и храбрыхъ. Онъ предположилъ немедленно атаковать армію королевы, пока къ ней еще не привели подкрѣпленій

графъ Гэнтли и лордъ Огильви, собиравшіе войска въ сѣверныхъ областяхъ.

Какъ для него было выгодно вступить въ битву, такъ для королевы было выгодно уклоняться отъ нея. Для Маріи Стюартъ выиграть время значило— выиграть дѣло. Изъ недовѣрчивости ли, или же изъ предусмотрительности, она хотѣла удалиться въ неприступную мѣстность Дэмбартона, гдѣ губернаторомъ былъ лордъ Флемингъ, одинъ изъ самыхъ неизмѣнныхъ ея приверженцевъ. Но Гамильтоны, видя превосходство своихъ силъ, хотѣли сражаться. Они разсчитывали побѣдить и однимъ ударомъ сокрушить регента, стариннаго врага своей фамиліи, и овладѣть королевой. Чтобы согласить оба эти противоположныя намѣренія рѣшено было отступить къ Дембартону и не уклоняться отъ битвы, если непріятель будетъ искать ее во время марша. Это было хуже всего. Сражаться приходилось на походѣ, что всегда очень опасно, потому-что не позволяетъ выбирать ни времени, ни позиціи. Марія Стюартъ горькимъ опытомъ убѣдилась въ этомъ, 13 мая, спустя одиннадцать дней послѣ того, какъ ей удалось освободиться изъ Лочливна.

Ея армія была расположена на лѣвомъ берегу Клейда, и чтобы попасть въ Дэмбартонъ, должна была обойти Гласго съ южной стороны. Регентъ, желая преградить ей дорогу, перевелъ свои войска на тотъ же берегъ и, занявъ очень выгодную позицію, сталъ ожидать войска королевы. По совѣту опытнаго лэрда Грэнджа, онъ расположилъ свои главныя силы на возвышенности Лангсайдъ и занялъ стрѣлками дефилей, по которому надлежало бы проходить непрія-

тельской арміи, для достиженія это возвышенности. Эта мѣстность, изрѣзанная плетнями, усѣянная пашнями и домами, не позволяла пустить въ дѣйствіе кавалерію королевы, значительно превосходившую числомъ кавалерію регента, и должна была неизбѣжно разстроить ея пѣхоту. Дѣйствительно, когда Гамильтоны, предводительствуя своимъ авангардомъ въ двѣ тысячи человѣкъ, вступили въ этотъ трудный проходъ, огонь, открытый стрѣлками, привелъ въ безпорядокъ ихъ ряды. Они бросились брать высоту приступомъ, но достигли туда уже утомленные крутымъ подъемомъ и разстроенные выстрѣлами, которые были направлены имъ во флангъ. Здѣсь ихъ храбро встрѣтили свѣжія силы регента. Началась рукопашная схватка и копейщики съ обѣихъ сторонъ дрались съ особенною неустрашимостью. Но черезъ три четверти часа ловкіе маневры лэрда Грэнджа, являвшагося съ подкрѣпленіями на всѣхъ слабыхъ пунктахъ, хладнокровіе Мортона, храбрость Юма и рѣшительное движеніе Мюррэя, который повелъ центръ своихъ войскъ противъ дрогнувшей уже арміи королевы, довершили ея пораженіе. Она оставила на полѣ Лангсайдской битвы около трехсотъ труповъ—регентъ запретилъ убивать послѣ побѣды — потеряла плѣнными нѣсколькихъ важнѣйшихъ предводителей своихъ и всѣ ея пушки достались побѣдителю.

Счастье еще разъ измѣнило Маріи Стюартъ. Злополучная королева, находившаяся на сосѣдней возвышенности, съ чрезвычайной тоской слѣдила за ходомъ битвы, отъ которой зависѣла ея участь. Она видѣла маршъ, атаку, разстройство и пораженіе своихъ войскъ. Въ ея глазахъ пали и ея послѣднія надежды

и ея послѣдніе защитники. Послѣ Карбери-Гилля у нея оставалась еще нетронутая партія Гамильтоновъ, послѣ Лангсайда не оставалось никого. Было одно только спасеніе—бѣгство, и она рѣшилась на него съ глубокимъ отчаяніемъ. Быстро спустившись съ холма, на которомъ она была печальной свидѣтельницей этой невозвратной потери, она сѣла на лошадь и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ служителей своихъ, отправилась въ Дэмфризъ, на югъ Шотландіи, сдѣлавъ шестнадцать миль безъ отдыха. Прибывъ въ аббатство Дэндриненъ, близь Сольвэйскаго залива, она могла или отправиться моремъ во Францію, или бѣжать въ Англію. Первое было врѣнѣе; второе легче. Полагаясь на участіе, которое оказывала ей Елизавета во время ея плѣна, разсчитывая на дружбу, которую эта королева предлагала ей послѣ ея бѣгства, она рѣшилась отдаться подъ ея покровительство. Лордъ Герризъ, сопровождавшій ее, писалъ отъ ея имени къ мастеру Лоутеру, англійскому губернатору Карлайля, прося у него убѣжища. Не ожидая его отвѣта, не требуя отъ Елизаветы никакихъ обязательствъ въ отношеніи къ себѣ, неосторожная эмигрантка съ плачевной поспѣшностью переправилась, 16 мая, въ рыбачьей лодкѣ черезъ Сольвэйскій заливъ и вышла на берега Кэмберленда. Чтобы спастись отъ Мюррэя, она отдалась во власть Елизаветы. Она считала Англію своимъ безопаснымъ убѣжищемъ; но ей суждено было найти здѣсь тюрьму.

№ 147.

ИСТОРІЯ
МАРІИ СТЮАРТЪ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. **М. Минье.**

Перев. **Дмитріева.**

Второе изданіе.

ЧАСТЬ II.

Цѣна за 2 части **2** р., вѣсов. прилаг. за **3** ф.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза».
1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 августа 1862 года.

Въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Марія Стюартъ, желая найти убѣжище у Елизаветы, приняла рѣшеніе, которое должно было сдѣлаться для нея самымъ пагубнымъ. Она могла удалиться во Францію, или прожить еще нѣсколько времени на югѣ Шотландіи въ совершенной безопасности, и воспользоваться этимъ, чтобы пріискать себѣ болѣе благонадежный пріютъ. Для нея было бы лучше даже попасть снова въ руки своихъ буйныхъ подданныхъ. Они опять заключили бы ее, но убить не рѣшились бы. А такъ-какъ никто не управлялъ ими долго, какъ непостоянство умовъ, невѣрность характеровъ, измѣнчивая жажда интересовъ довольно скоро потрясали ихъ повиновеніе и безпрестанно низвергали власть, то было весьма возможно, что въ какой-нибудь день, она изъ тюрьмы снова взошла бы на тронъ. Въ Англіи же ее ожидала совсѣмъ другая участь.

Еще не переѣзжая черезъ Сольвейскій заливъ, Ма-

рія Стюартъ писала къ Елизаветѣ изъ аббатства Дэндреннэнъ, прося у нея убѣжища: «Драгоцѣннѣйшая сестра моя, не утомляя васъ подробнымъ описаніемъ всѣхъ моихъ несчастій, потому-что они должны быть вамъ извѣстны, скажу только, что тѣ изъ моихъ подданныхъ, которымъ я дѣлала наиболѣе добра, которые мнѣ болѣе другихъ обязаны, возставъ противъ меня, продержавъ меня въ темницѣ, обращаясь со мною до крайности недостойно, изгнали меня, наконецъ, совершенно изъ моего королевства и довели до такого состоянія, что кромѣ Бога у меня остается только надежда на васъ.» Немедленно по прибытіи въ Уоркингтонъ, она, 17 мая, послала ей другое, болѣе пространное и чрезвычайно трогательное письмо, въ которомъ испрашивала ея великодушной помощи противъ возмутившихся шотландцевъ, оскорбившихъ въ ея лицѣ королевское достоинство. Разсказавъ ей объ ихъ постоянныхъ возмущеніяхъ и о послѣднихъ своихъ несчастіяхъ, она заключала: «Богъ, по своей безконечной благости сохранилъ меня; спасшись, вмѣстѣ съ милордомъ Герризомъ и нѣкоторыми другими вельможами, я прибыла съ ними въ ваше государство, вполнѣ увѣренная, что узнавъ о жестокостяхъ моихъ подданныхъ и обращеніи со мною, вы, по своей врожденной добротѣ и вслѣдствіе довѣрія, которое я оказываю вамъ, не только примите меня для сохраненія моей жизни въ безопасности, но и поможете мнѣ также въ моихъ справедливыхъ требованіяхъ и своимъ примѣромъ подвигнете къ тому же другихъ государей. Умоляю васъ какъ можно скорѣе прислать за мною, потому-что я нахожусь въ жалкомъ положеніи не только для королевы, но и для

благородной женщины. Я ничего не имѣю, кромѣ себя самой, такъ какъ мнѣ удалось спастись. Я сдѣлала шестьдесятъ миль въ первый день, а потомъ рѣшалась ѣхать только ночью. Объ этомъ я надѣюсь разсказать вамъ подробнѣе, если только вамъ угодно будетъ сжалиться надъ моимъ чрезвычайнымъ несчастіемъ».

Королева англійская вовсе не думала исполнить просьбы Маріи Стюартъ и скоро разрушила ея надежды. Узнавъ, что ея старинная соперница отдалась въ ея распоряженіе, она спросила себя, какъ она должна поступить съ нею. Возвратить ли ее торжествующею въ Шотландію? оказать ли ей просто гостепріимство въ Англіи? позволить ли ей свободно удалиться во Францію? Таковы были три образа дѣйствій, которые она могла принять и которые согласовались съ чувствами, выраженными ею Маріи Стюартъ, какъ родственницѣ, и съ обязательствами, признанными ею въ отношеніи къ Маріи какъ къ королевѣ. Но всѣ три казались ей равно опасными. Она боялась, что если Марія Стюартъ возвратитъ свой тронъ, то при помощи римскаго двора и католическихъ кабинетовъ материка, предприметъ разрушеніе протестантской партіи въ Шотландіи и за тѣмъ возобновитъ свои притязанія на Англію; что если она останется свободною въ Англіи, то можетъ сдѣлаться постоянною причиною волненій, центромъ интригъ и заговоровъ слишкомъ многочисленной и слишкомъ могущественной въ этомъ государствѣ католической партіи, которая, видя въ ней свою законную государыню; вступитъ съ нею въ соглашенія и легко возстанетъ за нее; наконецъ, что если она удалится во Францію,

то тамъ, при помощи своихъ дядей и союзныхъ съ нею государей, можетъ приготовить военную экспедицію для покоренія Шотландіи, что̀ заставитъ самую Елизавету поддерживать въ этомъ государствѣ власть регента, защищать интересы протестантства и поставить ее въ зависимость отъ опасныхъ послѣдствій новой борьбы. Думая, по собственному опыту, что обстоятельства имѣютъ больше силы, чѣмъ обѣщанія, и что требованія политики важнѣе чувствъ благодарности, она не вѣрила, чтобы Марія Стюартъ могла сдѣлаться, въ отношеніи къ ней, преданнымъ и признательнымъ другомъ. Елизавета принимала въ уваженіе только причины государственныя;—это было единственнымъ ея правиломъ, котораго она держалась втеченіи сорока лѣтъ; и она рѣшилась удержать въ своихъ рукахъ неблагоразумную королеву, которая сама отдалась въ ея власть. Такимъ образомъ она надѣялась упрочить свой перевѣсъ въ Шотландіи и утвердить свою безопасность въ Англіи.

Но подъ какимъ предлогомъ задержитъ она въ своемъ королевствѣ государыню, свою родственницу и равную, которая не сдѣлала ей никакого вреда и на которую она не имѣла никакихъ правъ? Она скоро съумѣла найти такой предлогъ. Сначала Марія Стюартъ была отвезена, со всѣми должными ея сану почестями, изъ Уоркингтона въ Кокермётъ, а изъ Кокермёта въ Карляйль. Здѣсь она была подвергнута строгому надзору, по повелѣнію (warrant) Елизаветы, которая предписала шерифу и мировымъ судьямъ Кэмберленда принять всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы не дать ей возможности къ бѣгству. Сестрѣ герцога Норфолька, леди Скрупъ было повелѣно жить

вмѣстѣ съ нею. Сэръ Уильямъ Друри получилъ приказъ вывести пятьдесятъ стрѣлковъ изъ Бервика въ Карляйль, куда Елизавета послала лорда Скрупа, бывшаго начальникомъ этой границы и вице-камергера своего, сэра Фрэнсина Ноллиса, съ тайнымъ порученіемъ охранять королеву шотландскую, какъ-будто она была уже ея плѣнницей. Они должны были вручить Маріи письма, выражавшія сожалѣніе Елизаветы, сказать ей, что ихъ королева очень сочувствуетъ ея несчастіямъ, но что она не можетъ принять ее до тѣхъ поръ, пока та не докажетъ своей невинности въ умерщвленіи своего мужа. Необходимость этого предварительнаго оправданія была средствомъ придуманнымъ Елизаветою для того, чтобы не допустить королеву шотландскую въ свое присутствіе и удержать ее въ своихъ владѣніяхъ.

Лордъ Скрупъ и сэръ Фрэнсисъ Ноллисъ были допущены, 27 мая, къ Маріи Стюартъ и выполнили сдѣланное имъ порученіе. Когда они сообщили ей притворныя сожалѣнія и оскорбительный отказъ своей государыни, Марія Стюартъ со слезами на глазахъ стала горько жаловаться на то, что отвѣтъ королевы, ея сестры, такъ мало согласовался съ ея ожиданіями. Она съ жаромъ отвергла обвиненія, взведенныя на нее и говорила, что ея недостойные подданные оклеветали ея поведеніе, чтобы тѣмъ удобнѣе ниспровергнуть ея власть. Она снова и настоятельно потребовала, чтобы королева англійская помогла ей восторжествовать надъ ихъ возмущеніемъ, или позволила бы ей отправиться на континентъ и призвать къ себѣ на помощь государей, своихъ родственниковъ и союзниковъ, которые не откажутъ ей ни въ пріемѣ, ни въ

защитѣ. Посланники Елизаветы нашли Марію исполненною достоинства въ своихъ манерахъ, краснорѣчія въ выраженіяхъ, мужества въ несчастіяхъ и ума въ сужденіяхъ. Обольщенные ея привлекательными и блестящими качествами, которыя поражали въ ней съ перваго раза, они описывали ее какъ женщину очень замѣчательную и очень рѣшительную, которая готова на другой же день послѣ пораженія возобновить борьбу.

Послѣ своего свиданія съ лордомъ Скрупомъ и вице-камергеромъ Ноллисомъ, Марія Стюартъ отправила въ Лондонъ лордовъ Флеминга и Герриза. Они должны были постараться объ устройствѣ тамъ займа подъ залогъ доходовъ, которые она имѣла во Франціи, какъ вдовствующая королева. Деньги этого займа должны были служить на поддержку ея приверженцевъ въ Шотландіи, которыхъ Мюррэй неутомимо преслѣдовалъ послѣ Лангсайдской битвы. Замокъ Дэмбартонъ стоялъ еще за нее, югъ королевства все-еще сохранялъ преданность къ ней, а сѣверъ весьма мало пострадалъ въ послѣднюю войну, потому-что военныя силы сѣверныхъ владѣльцевъ не имѣли времени принять въ ней участіе. Она послала также изъ Карляйля приказъ къ графу Гэнтли, которому предлагала снова образовать ея партію, при помощи союзовъ. Герризъ и Флемингъ получили приказаніе явиться къ Елизаветѣ, которую она еще разъ заклинала придти къ ней на помощь, такъ какъ этого требовали отношенія добраго сосѣдства, близость родства, дружественныя обѣщанія и обязанности королевы. Въ своемъ убѣдительномъ письмѣ она выражала желаніе *скорѣе и безъ церемоній* быть допу-

щенною къ ней, чтобы разсказать ей свои неудовольствія и освободиться отъ клеветливыхъ извѣтовъ, которыми ея подданные осмѣлились пятнать ея честь.» Если бы Елизавета не согласилась ни принять ее при дворѣ, ни помочь ей въ Шотландіи, то Марія Стюартъ просила дозволенія удалиться изъ Англіи и искать какой-нибудь другой опоры. Лордъ Флемингъ долженъ былъ просить помощи Франціи. Марія Стюартъ снабдила его столько же трогательными, сколько ловкими письмами къ Карлу IX, Катеринѣ Медичи и кардиналу лотарингскому. Послать 2000 пѣхоты въ Дэмбартонъ, снабдить деньгами, кирасами и сбруею, необходимыми для вооруженія и содержанія пятисотъ всадниковъ, отправить артиллерію и военные снаряды для возвращенія другихъ шотландскихъ крѣпостей, пожаловать орденъ Св. Михаила двумъ или тремъ изъ вельможъ, наиболѣе отличавшихся своею храбростію и преданностью ея дѣлу, чтобы поощрить другихъ и утвердить ихъ въ вѣрности,—таковы были просьбы, съ которыми лорду Флемингу поручено было обратиться къ французскому двору отъ имени Маріи Стюартъ.

Елизавета не предпринимала ничего. Но по своему обыкновенію, она не выражала своего отказа открыто и рѣшительно. Она обманула Марію Стюартъ, опасаясь чтобы та не прибѣгла къ отчаяннымъ средствамъ. Она искусно воспользовалась предложеніемъ, которое эта слишкомъ довѣрчивая государыня сдѣлала ей, изъявивъ желаніе оправдаться передъ нею и подчиниться ея приговору. Регентъ Мюррэй, казалось, тоже отдавался на ея судъ. Узнавъ, что бѣжавшая королева находилась въ Карляйлѣ, онъ объ-

явилъ, что готовъ доказать передъ Елизаветой виновность Маріи Стюартъ и законность ея низложенія. Онъ соглашался подвергнуться заключенію въ лондонской башнѣ (Товерѣ), въ случаѣ если бы не представилъ при этомъ самыхъ ясныхъ доказательствъ. Коварный умъ Елизаветы нашелъ въ этомъ обоюдномъ предложеніи средство, въ которомъ нуждалась ея политика. Измѣняя предложеніе объясниться въ обязательство защищаться, она рѣшилась принудить Марію оправдываться передъ нею въ умерщвленіи Дарнлея, которое ей приписывалъ Мюррэй, а Мюррэя—въ возмущеніи, въ которомъ обвиняла его Марія. Однакоже она дѣлала видъ, будто бы принимаетъ на себя обязанность судьи единственно потому, что видитъ въ этомъ средство примирить ихъ между собою.

Заставивъ прождать нѣсколько времени обоихъ посланниковъ королевы шотландской, она допустила ихъ, наконецъ, къ аудіенціи. Когда они стали умолять ее, чтобы она взялась за дѣло ихъ государыни, она выразила большую готовность на это. «Но,—прибавила она,—ея подданные разсѣяли по свѣту оскорбительные и постыдные толки, которые ей самой довольно хорошо извѣстны; и какъ ея, такъ и моя честь требуютъ, чтобы дѣло было изслѣдовано,—не для того, чтобы мнѣ сдѣлаться судьею, но для того, чтобы я могла потребовать у нихъ отчета въ томъ, что было говорено ими по этому поводу, и въ томъ, по какому праву они овладѣли ея особою, престоломъ, крѣпостями и всѣми ея имуществами, въ чемъ ихъ нельзя извинить.

— Но, государыня, — сказалъ лордъ — Герризъ, если улики будутъ противъ нея, чего Боже сохрани...

— И въ такомъ случаѣ,— отвѣчала она,— я все-таки постараюсь какъ можно скорѣе и лучше примирить ее съ подданными, заботясь о ея чести и о ихъ безопасности». На вопросъ Герриза — дозволено ли будетъ его государынѣ отправиться на материкъ, или по-крайней-мѣрѣ возвратиться въ Шотландію, на *маленькомъ суднѣ,* на которомъ она прибыла въ Англію, — Елизавета отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. «Что касается до переѣзда моей сестры во Францію,— сказала она, — то я не хочу поступить въ этомъ случаѣ неблагоразумно и черезъ то потерять уваженіе другихъ государей. Когда она была тамъ, король, ея мужъ, при моей жизни рѣшился дать ей имя и гербы моей короны; я не хочу подвергаться подобному оскорбленію... Относительно же ея возвращенія въ Шотландію въ такомъ скромномъ экипажѣ, какъ вы сказали, то, такъ какъ она уже прибыла въ мое государство, это возвращеніе не принесетъ чести ни ей, ни мнѣ, и ктому же она ничего не выиграетъ этимъ». Она настояла-таки на задуманномъ ею проэктѣ и объявила, что будетъ дѣйствовать въ пользу Маріи Стюартъ съ быстротою и дружескимъ расположеніемъ, которыхъ не имѣла ни въ своихъ привычкахъ, ни въ своемъ сердцѣ.

Сверхъ-того, опасаясь всякаго вмѣшательства Франціи въ шотландскія дѣла, она не позволила лорду Флемингу отправиться къ Карлу IX. Она уже послала мистера Мидльмора, чтобы извѣстить Марію Стюартъ и Мюррэя о своемъ намѣреніи разобрать и прекратить ихъ споры. Мидльморъ долженъ былъ потребовать, чтобы непріязненныя дѣйствія были прекращены въ Шотландіи, гдѣ побѣдоносный регентъ, во главѣ шести

тысячъ человѣкъ, съ обозомъ артиллеріи, тѣснилъ своихъ враговъ и повсюду утверждалъ повиновеніе къ молодому королю. Елизавета не ограничилась одною только этой услугой, сдѣланной ею разбитымъ въ это время партизанамъ Маріи. Чтобы внушить этой государынѣ больше довѣрія, она написала къ Мюррэю гордое письмо, въ которомъ представляла себя столько же удивленною, сколько оскорбленною событіями, возвысившими его и унизившими королеву шотландскую. «Все это, писала она ему, должно казаться намъ очень страннымъ, потому-что мы сами — самодержавная государыня, имѣемъ королевство и подданныхъ находящихся подъ нашею властью совершенно такъ же, какъ и королева Шотландіи. Въ такихъ обстоятельствахъ эта королева потребовала помощи у насъ, какъ у своей ближайшей родственницы и сосѣдки, и, желая оправдаться, благоволила довѣрить намъ изслѣдованіе и обсужденіе своего дѣла. Поэтому мы сочли полезнымъ и необходимымъ не только увѣдомить васъ объ обвиненіяхъ, падающихъ на васъ и на вашихъ приверженцевъ, но и потребовать отъ васъ, чтобъ было прекращено какъ судебное, такъ и военное преслѣдованіе противъ людей принадлежащихъ къ ея партіи и принявшихъ ея сторону. Вы также должны будете откровенно и удовлетворительно отвѣчать передъ нами на всѣ обвиненія, взводимыя сказанною королевою на васъ, какъ на виновника многихъ тяжелыхъ преступленій, противныхъ естественнымъ обязанностямъ подданныхъ въ отношеніи къ ихъ государямъ. Получивъ такимъ образомъ надлежащія объясненія обѣихъ сторонъ, мы надѣемся, что, при помощи Бога, наши дѣйствія и рѣшенія послужатъ во-первыхъ,

къ Его прославленію, затѣмъ къ сохраненію нашей собственной чести предъ лицомъ прочихъ государей, наконецъ, къ поддержанію и усиленію мира и согласія между обоими этими королевствами».

Мидльморъ, прибывшій въ Карляйль 13 іюня, на слѣдующій день утромъ явился къ шотландской королевѣ, въ присутствіи лорда Скрупа и вице-камергера Ноллиса. Онъ повторилъ ей, въ довольно жесткихъ выраженіяхъ, что королева, его повелительница, заботясь о собственной своей репутаціи, не можетъ видѣться съ нею до тѣхъ поръ, пока она не докажетъ своей непричастности въ умерщвленіи Дарнлея. Марія Стюартъ энергически жаловалась на это оскорбленіе и спросила, не считаютъ ли ее уже плѣнницей. Мидльморъ отвѣчалъ ей, что она вовсе не плѣнница. Но онъ не совѣтовалъ ей добиваться свиданія съ королевою англійскою, изъ опасенія,—говорилъ онъ,—чтобы ея враги, подозрѣвая пристрастіе къ ней Елизаветы, не отказались принять ее судьею въ ихъ дѣлѣ. «Если же вамъ угодно будетъ,—прибавилъ онъ,—подождать, пока формальный процессъ обнаружитъ вашу невинность, то вы увидите съ какою любовью и радостью королева, моя государыня, приметъ васъ въ свои объятія и употребитъ въ пользу вашего величества всѣ средства, какихъ вы пожелаете».

При этихъ словахъ: судья, процессъ,—Марія Стюартъ, взволнованная гнѣвомъ, сказала съ гордостію: «У меня нѣтъ другаго судьи, кромѣ Бога; никто не можетъ принять на себя обязанность судить меня! Я знаю кто я, и знаю права, соединенныя съ моимъ саномъ. Правда, что по собственной волѣ и вслѣдствіе полной довѣренности, которую я возлагала на коро-

леву, сестру мою,—я сама предложила ей сдѣлаться судьею моего дѣла. Но какъ же это можетъ быть, если она не позволяетъ мнѣ видѣть ее?» Несмотря на всѣ усилія Мидльмора, который, стараясь успокоить ее, показывалъ ей письмо Елизаветы къ Мюррэю и утверждалъ, что этотъ процессъ долженъ служить средствомъ для преслѣдованія ея обвинителей и для возстановленія ея власти и чести,—Марія снова потребовала, чтобы ее допустили къ Елизаветѣ, или оказали бы ей немедленную помощь, или наконецъ, дозволили бы ей свободно удалиться, чтобы въ другомъ мѣстѣ искать средствъ къ возвращенію своего королевства и къ отмщенію своимъ подданнымъ.

Въ тотъ же день, еще разстроенная этимъ свиданіемъ, она написала Елизаветѣ сильное и гордое письмо. Она удивлялась, что королева англійская не хотѣла принять ее подъ предлогомъ, будто бы это *принесетъ ей безчестіе*. «Увы! государыня,—писала она ей, гдѣ и когда вы слышали, чтобы государя обвиняли за то, что онъ лично выслушиваетъ жалобы людей, которые почитаютъ себя ложно обвиненными?» Приходя въ негодованіе отъ тягостнаго предложенія вступить въ споръ съ своими подданными, она восклицала: «Не думайте, государыня, что я явилась сюда искать спасенія своей жизни (не только Шотландія, но никто въ мірѣ не угрожалъ ей); нѣтъ, я хотѣла защитить свою честь и найти поддержку для наказанія моихъ ложныхъ обвинителей, а не отвѣчать имъ, какъ равная съ ними... Я хотѣла обвинить ихъ передъ вами, которую избрала изъ среды всѣхъ другихъ государей, какъ свою ближайшую родственницу, и своего искренняго друга, доставляя вамъ та-

кимъ образомъ, какъ мнѣ казалось, почетное имя возстановительницы правъ королевы, надѣявшейся получить отъ васъ это благодѣяніе... Къ величайшему моему сожалѣнію я вижу, что это истолковано иначе.» Она умоляла Елизавету не дѣлать ей зла, бо́льшаго чѣмъ то, которое сдѣлано ей врагами ея, и въ заключеніе говорила: «Я не могу и не хочу отвѣчать на ихъ лживыя обвиненія и оправдываться посредствомъ формальнаго процесса, противъ моихъ же подданныхъ... Государыня, между ними и мною нѣтъ ничего общаго, и если бы мнѣ предстояло даже быть задержанною здѣсь, то я все-таки охотнѣе согласилась бы умереть, чѣмъ стать на одну съ ними доску».

Если бы Марія Стюартъ сохранила эти гордыя чувства и если бы она устояла въ своемъ отказѣ, то Елизавета не могла бы судить ее и имѣла бы гораздо меньше возможности задержать ее въ плѣну. Государи Европы принимали живѣйшее участіе въ судьбѣ королевы, дѣло которой было дѣломъ всѣхъ коронованныхъ особъ. Карлъ IX и Филипъ II, къ которымъ несчастная Марія обращалась съ своими жалобами и просьбами, не могли помочь ей въ эту минуту. Одному, едва только окончившему вторую гражданскую войну, уже грозила третья, болѣе продолжительная и ожесточенная. Силы другаго были заняты подавленіемъ возстанія въ Нидерландахъ, возбужденнаго его самовластіемъ и избыткомъ религіознаго рвенія,—а также борьбою съ испанскими маврами, возмутившимися въ горахъ Гренады вслѣдствіе его жестокаго управленія и крутыхъ мѣръ. Но они оба стали ходатайствовать передъ Елизаветою въ пользу Маріи Стюартъ,—Филиппъ II черезъ своего посла, Гусмана

де Сильву, а Карлъ IX черезъ своего посланника Монморена, который, послѣ горячихъ просьбъ за Марію Стюартъ отъ имени короля и его матери, отправился навѣстить ее въ Карляйль. Въ этой крѣпости онъ нашелъ прежнюю королеву французскую и изгнанную королеву шотландскую въ положеніи плѣнницы. «Она занимаетъ—говорилъ онъ,—по своемъ возвращеніи изъ Карляйля, темную комнату, единственное окно которой прикрыто желѣзною рѣшоткой. Три первыя комнаты заняты солдатами. Въ послѣдней изъ нихъ, составляющей переднюю салона королевы, помѣщается лордъ Скрупъ, губернаторъ пограничныхъ округовъ. При королевѣ находятся только три ея служанки. Ея слуги и лакеи живутъ внѣ замка. Двери отпираются не раньше десяти часовъ утра. Королева можетъ ходить въ городскую церковь, но всегда въ сопровожденіи ста стрѣлковъ. Она просила Скрупа прислать ей священника для служенія мессы, но тотъ отвѣчалъ, что такого нѣтъ въ Англіи».

Марія Стюартъ была такимъ образомъ обманута въ своей довѣренности, встрѣтила препятствіе въ исполненіи своихъ намѣреній, подверглась личному насилію и стѣсненію въ исповѣдываніи своей вѣры; наконецъ ей грозило оскорбленіе чести.

Монморенъ выѣхалъ изъ Англіи, не получивъ отъ Елизаветы ничего, кромѣ безплодныхъ обѣщаній. Тогда, не надѣясь уже болѣе на королеву англійскую, Марія обратилась съ своими просьбами къ государямъ континента. Она отправила къ нимъ манифестъ, призывая ихъ на свою защиту и въ трогательныхъ чертахъ описывала своему дядѣ, кардиналу лотарингскому, несчастія вѣрныхъ ей шотландцевъ и свое соб-

ственное горе. «Умоляю васъ,—писала она къ нему,—пожалѣйте честь вашей племянницы, и доставьте мнѣ помощь, о которой вамъ скажетъ этотъ вѣстникъ, а между-тѣмъ пришлите денегъ: у меня нѐ на что купить ни хлѣба, ни рубашки, ни платья. Здѣшняя королева прислала мнѣ лишь небольшое количество бѣлья и даетъ мнѣ обѣдъ, состоящій изъ одного блюда. Остальное я заняла у нея, но не нахожу болѣе... На васъ тоже ляжетъ часть этого стыда... Богъ посылаетъ мнѣ сильное испытаніе: но тѣмъ не менѣе будьте увѣрены, что я умру католичкой. Богъ скоро возьметъ меня отъ этихъ бѣдствій, потому-что я выстрадала несправедливость, клевету, заключеніе, голодъ, холодъ, жаръ, бѣжала девяносто двѣ мили, не зная куда, по полямъ, не останавливаясь и не сходя съ лошади; спала на жесткомъ, пила кислое молоко, ѣла овсянку безъ хлѣба, и проѣхавъ три ночи, безъ прислужницы, какъ бродяга, прибыла въ эту страну, гдѣ, въ награду за всѣ лишенія, со мною обращаются какъ съ плѣнницей; а между-тѣмъ повсюду разрушаютъ домы моихъ слугъ—и я не могу помочь имъ, вѣшаютъ моихъ приверженцевъ—и я не могу ихъ вознаградить».

Ея сильное воззваніе къ католическимъ государямъ материка, принесло ей только знаки безплоднаго участія. Кромѣ невозможности вмѣшаться въ дѣла иностранныя, въ которую были поставлены тогда два сильнѣйшіе изъ этихъ государей, они не рѣшались на это изъ боязни, внушаемой ими другъ другу, и изъ желанія сохранить доброе согласіе съ Елизаветою, чтобы такимъ образомъ удержать ее отъ явной помощи бунтовщикамъ въ Нидерландахъ и каль-

винистамъ во Франціи, Марія Стюартъ скоро увидѣла необходимось уступить желаніямъ королевы англійской. Регентъ Шотландіи тоже подчинился ея волѣ. Получивъ въ Дэмфризѣ повелительное посланіе привезенное Мидльморомъ, Мюррэй показалъ готовность предстать передъ Елизаветой, чтобы защищать себя и обвинять свою сестру. Онъ прекратилъ преслѣдованіе приверженцевъ Маріи, но это не помѣшало ему вытребовать у собравшагося парламента, чтобы самые безпокойные и самые способные изъ нихъ, а именно, архіепископъ сентъ-андрейскій, епископъ росскій и лордъ Клавдій Гамильтонъ были объявлены виновными въ государственной измѣнѣ.

Но какимъ образомъ побѣдить сопротивленіе Маріи Стюартъ? Елизавета, опасаясь ея бѣгства, уже запретила свободный доступъ къ своей вѣнценосной плѣнницѣ шотландцамъ, которые, въ первое время, могли безпрепятственно являться къ ней. Она разсчитывала привести ее еще въ бо́льшее безсиліе, сдѣлавъ ея одиночество еще болѣе строгимъ. Тайный совѣтъ Англіи, которому она поручила это дѣло, поступилъ согласно съ ея желаніями. Онъ единодушно положилъ, что королева Марія должна быть удалена отъ границы и переведена во внутренность королевства. Онъ утверждалъ еще, что въ силу древняго феодальнаго первенства короны англійской надъ короною шотландской, — первенства, на которое много разъ ссылалась одна сторона и котораго ни разу не признавала другая, — королева Марія могла быть судима; что желаніе, выраженное этою королевою, быть возстановленною на престолѣ, до признанія ея невинности, или получить дозволеніе на отъѣздъ во Фран-

цію, раньше суда надъ нею, одинаково противорѣчило какъ чести, такъ и безопасности Елизаветы; но что послѣ изслѣдованія дѣла и ея оправданія, она должна быть возвращена въ свое королевство и возстановлена въ управленіи имъ.

Прежде всего положено было помѣстить ее въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Подъ предлогомъ приблизить ее къ Елизаветѣ, сэръ Джорджъ Баузъ пріѣхалъ за нею, 13 іюля, съ сильнымъ конвоемъ и, несмотря на ея противорѣчіе, отвезъ ее изъ Карляйля въ Больтонъ, замокъ лорда Скрупа, находившійся въ графствѣ Йоркъ. Здѣсь уже съ большимъ успѣхомъ возобновились настойчивыя старанія Елизаветы, хотѣвшей подчинить своему правосудію Марію Стюартъ, сопротивленіе которой было ослаблено отчаяніемъ. Лордъ Герризъ, увлекшійся лживыми увѣреніями, пріѣхалъ въ Болтонъ и сообщилъ своей королевѣ, что Елизавета хочетъ разобрать ея дѣло не какъ судья, но какъ другъ и сестра, съ намѣреніемъ возстановить ее на престолѣ, даже при помощи оружія, если она докажетъ свою невинность, и спокойно, безъ смутъ и пролитія крови, примиритъ ее съ ея подданными, если они покажутъ на чемъ основывалось ихъ поведеніе въ отношеніи къ ней. Но во всякомъ случаѣ она требовала, чтобы Марія прервала всякую связь съ Франціей, не придавала никакого значенія своимъ правамъ на англійскую корону, при жизни Елизаветы, отказалась отъ мессы и допустила въ Шотландіи англиканскую литургію.

Послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ Марія Стюартъ покорилась и уступила. Она согласилась на конференцію, въ которой бы ея несогласія съ подданными

были подвергнуты обсужденію коммиссаровъ Елизаветы, единственно съ цѣлью положитъ имъ конецъ, не касаясь ни въ чемъ ея правъ, какъ королевы, ея чести, какъ женщины и ея значенія, какъ наслѣдницы англійскаго трона. Елизавета, старавшаяся этими обѣщаніями поколебать твердость духа плѣнной королевы, въ то же время подавала Мюррэю надежды совсѣмъ другаго рода. «Въ различныхъ мѣстахъ Шотландіи, писала она ему, разнесся слухъ, что будто бы какой бы оборотъ ни приняло преслѣдованіе королевы шотландской, какъ бы ясны ни были доказательства, которыя можно собрать для обвиненія ея въ ужасномъ убійствѣ ея покойнаго мужа, а нашего кузена, — мы рѣшились возвратить ей ея государство и власть. Мы рѣшительно не расположены къ этому и не потерпимъ, чтобы подобный слухъ распространялся и получалъ вѣру. На этомъ основаніи мы нашли умѣстнымъ увѣрить васъ, — что эти слухи выдуманы ложно людьми, желающими нашего безчестья. Ибо, если съ одной стороны мы были увѣряемы нашею упомянутою сестрою, чрезъ письма и посредствомъ словесныхъ порученій, что она нисколько не виновна и непричастна въ этомъ убійствѣ, что̀ мы желаемъ найти истиннымъ, — то, съ другой стороны, если будетъ юридически доказано ея участіе въ немъ, — что̀ насъ по истинѣ опечалитъ, — то мы принуждены будемъ смотрѣть на это дѣло совершенно иначе, далеко не согласно ея желанію получить обратно свое королевство. Мы хотѣли, чтобы вамъ были извѣстны наши истинныя чувства и чтобы вы могли получить лучшее мнѣніе о насъ и нашихъ дѣйствіяхъ.» Такимъ-то образомъ Елизавета привлекла къ своему трибуналу Марію

Стюартъ —обѣщаясь возстановить ее, если она приметъ третейскій судъ, который не долженъ ей повредить, и Мюррэя,—давъ ему понять, что онъ останется регентомъ, если доставитъ доказательства виновности своей сестры и возможность удержать ее въ плѣну.

Конференція была принята обѣими сторонами и непріязненныя дѣйствія окончательно прекратились въ Шотландіи втеченіи посредничества Елизаветы. Марія Стюартъ сама повелѣла графамъ Арджилю и Гэнтли, составившимъ, 28 іюля, въ Ларджсѣ союзъ съ бо́льшею частью шотландскаго дворянства и поднявшимъ оружіе,—не начинать военныхъ дѣйствій. Она избрала представителями ея особы и защитниками своими на конференціи, въ Йоркѣ, епископа росскаго—Лесли, лордовъ: Герриза, Бойда и Ливингстона, сэра Джона Гордона Лочинвара и сэра Джемса Кокберна Стерлинга. Регентъ былъ призванъ туда лично и взялъ съ собою графа Мортона, протестантскаго епископа оркнейскаго, лорда Линдсэя и Роберта Питкэрна, аббата и комендатарія дэмферлингскаго. Какъ полезныхъ помощниковъ онъ присоединилъ къ нимъ Джорджа Бучанана, клерка регистратуры Макгиля, не забывъ при этомъ секретаря Летингтона, котораго онъ подозрѣвалъ въ намѣреніи возвратиться къ его прежнимъ привязанностямъ и котораго поэтому не хотѣлъ оставлять на время своего отсутствія въ Шотландіи. Королева Елизавета избрала своими коммиссарами герцога Норфолька, графа Сэссекса и сэра Ральфа Сэдлера. Первый занималъ должность графа-маршала королевства и былъ сильнѣйшимъ вельможей въ Англіи; второй былъ военнымъ начальникомъ сѣверныхъ

округовъ и президентомъ йоркскаго совѣта; послѣдній же канцлеромъ герцогства Ланкастерскаго, членомъ тайнаго совѣта и человѣкомъ, на котораго постоянно возлагались самыя важныя и самыя щекотливыя порученія. Всѣ трое были приверженцами протестантской партіи и казались преданными своей государынѣ.

Марія Стюартъ рѣшилась на этотъ важный шагъ не посовѣтовавшись съ епископомъ росскимъ. Когда этотъ ловкій и усердный слуга посѣтилъ ее въ Больтонѣ около половины сентября (18-го), то выразилъ ей большое сожалѣніе на этотъ счетъ. Онъ далъ понять опрометчивой королевѣ, что ей нельзя обвинить Мюррэя, не подвергаясь въ то же время обвиненіямъ съ его стороны, которыя онъ сдѣлаетъ для своего оправданія. Онъ утверждалъ, что ей было бы несравненно лучше войти въ полюбовное соглашеніе съ регентомъ. Но Марія была исполнена надежды. Она вѣрила въ искренность Елизаветы и надѣялась также, что герцогъ Норфолькъ будетъ дѣйствовать въ ея пользу. Леди Скрупъ, сестра герцога, увѣрила ее въ этомъ. Она первая сдѣлала предложенія о тайномъ роковомъ планѣ, посредствомъ котораго герцогъ долженъ былъ сдѣлаться защитникомъ, а потомъ мужемъ Маріи. Такимъ образомъ шотландская королева увѣряла себя, что герцогъ Норфолькъ безъ труда сладитъ съ графомъ Эссексомъ, что Ральфъ Сэдлеръ не посмѣетъ идти имъ наперекоръ и что присутствіе въ Йоркѣ графа Нортэмберленда и знатнѣйшихъ католиковъ сѣверной Англіи будетъ имѣть самое благотворное для нея вліяніе на ходъ и результатъ конференціи.

Однакоже она получила извѣстіе, которое могло

сильно разстроить ея обманчивыя надежды. Летингтонъ, на котораго она неоднократно указывала, какъ на соучастника въ убійствѣ короля, на самомъ дѣлѣ сохранялъ къ ней привязанность, согласовавшуюся съ его собственнымъ интересомъ. Онъ желалъ помѣшать спору, который могъ обезчестить и погубить ее и вмѣстѣ долженъ былъ поставить его самаго въ очень затруднительное положеніе. Онъ досталъ копію съ писемъ, найденныхъ въ серебряной шкатулкѣ, которую Мюррэй долженъ былъ везти въ Йоркъ, гдѣ думалъ ею воспользоваться. Летингтонъ послалъ эти письма плѣнной королевѣ съ Робертомъ Мельвилемъ, поручивъ послѣднему спросить у Маріи, какихъ знаковъ преданности, какой помощи желаетъ отъ него королева во время присутствія его на предполагаемомъ судѣ. Марія Стюартъ, разсмотрѣвъ письма, не отвергла подлинности ихъ содержанія. Она просила Летингтона *остановить*, на сколько это возможно, *строгія обвиненія Мюррэя*, а потомъ согласиться съ епископомъ росскимъ, который облеченъ ея полнымъ довѣріемъ, и утвердить герцога Норфолька въ его благорасположеніи къ ней. Согласно этому и велъ себя Летингтонъ въ Йоркѣ. Онъ вздумалъ разрушить планъ коварной англійской королевы.

Хитрому государственному секретарю Шотландіи помогалъ герцогъ Норфолькъ, котораго честолюбіе заставило присоединиться съ тѣмъ же намѣреніемъ. Глава фамиліи Говардовъ, столь же знаменитой своими несчастіями, сколько заслугами, онъ наслѣдовалъ ея могущество, какъ долженъ былъ наслѣдовать потомъ ея бѣдствія. Многіе изъ его предковъ, сдѣлавшись страшными для своихъ государей, трагически

кончили свою жизнь. Его дѣдъ Томасъ, третій герцогъ норфолькскій, оставался въ главѣ англійской католической партіи несмотря на то, что онъ былъ дядею двухъ, такъ недолго господствовавшихъ, королевъ, которыхъ протестантская революція возвела на тронъ Англіи—Анны Боленъ и Катерины Говардъ. Въ послѣднее время своего царствованія подозрительный и деспотическій Генрихъ VIII заключилъ его въ тюрьму вмѣстѣ съ его сыномъ графомъ Сэрреемъ. Графъ Сэррей былъ обезглавленъ за нѣсколько дней до смерти этого короля, а старый герцогъ Норфолькъ, избѣжавъ эшафота, оставался въ заключеніи во все время царствованія Эдуарда VI и получилъ свободу уже при Маріи Тюдоръ. За тѣмъ, присоединясь къ дѣлу возстановленія прежней религіи, онъ объявилъ себя въ пользу брака дочери Катерины арагонской съ Филиппомъ II, совѣтуя тѣсный союзъ Англіи съ Испаніей; онъ достигъ вершины почестей и умеръ въ большой силѣ.

Внукъ этого ревностнаго поборника католической религіи, наслѣдникъ одного изъ благороднѣйшихъ ея мучениковъ, и несмотря на свою молодость, испытавшій на себѣ самомъ королевскую подозрительность и опасную опалу, тяготѣвшую надъ его домомъ, — Томасъ Говардъ, четвертый герцогъ Норфолькъ былъ предметомъ переходившей изъ рода въ родъ преданности католиковъ, которые думали, что онъ втайнѣ преданъ ихъ вѣрѣ, а также уваженія протестантовъ, въ ученіи которыхъ онъ былъ воспитанъ и религію которыхъ онъ открыто исповѣдывалъ. Вступивъ на престолъ, Елизавета приняла его въ число членовъ своего тайнаго совѣта. Никто болѣе его

не имѣлъ вліянія при дворѣ и въ государствѣ. Онъ обладалъ огромными имуществами, находился въ родствѣ съ знатнѣйшими фамиліями, располагалъ, лично или чрезъ друзей своихъ, многими графствами, и могъ въ одно и то же время увлечь за собою и католиковъ и протестантовъ. Едва имѣя тридцать лѣтъ отъ роду и уже успѣвъ овдовѣть послѣ третьяго брака, онъ мало-по-малу увлекся самыми гордыми мыслями, самыми опасными мечтами. Благородный, ласковый, великодушный, съ душою болѣе пылкой, чѣмъ твердой, съ сердцемъ слишкомъ слабымъ, не имѣя достаточно характера для своего огромнаго честолюбія, умѣя втайнѣ приготовлять то, на исполненіе чего у него не доставало рѣшимости,—онъ съ дерзкою отвагою готовился теперь къ составленію опасныхъ плановъ и предпріятій, которыя должны были его погубить.

Герцогъ Норфолькъ отправился въ Йоркъ съ намѣреніями очень благопріятными для шотландской королевы. Онъ тамъ предсѣдательствовалъ на третейскомъ судѣ, который открылся 4 октября, и передъ которымъ явились регентъ съ своими товарищами и коммисары отъ лица Маріи Стюартъ. Для того ли чтобы выиграть время, или же согласно внушенію тайнаго совѣта и желанію англійской королевы, герцогъ, въ подкрѣпленіе законности конференціи, сослался на древнее феодальное первенство, которое нѣкогда Англія присвоивала относительно Шотландіи. Это обветшалое притязаніе,— оставленное уже такъ давно и появляющееся теперь вновь, по поводу учрежденія трибунала, передъ которымъ регентъ и королева Шотландіи соглашались объясниться въ своемъ поведеніи и защищать свои права, — смутило

Мюррэя. Онъ промолчалъ. Но секретарь Летингтонъ не удержался. Съ тою находчивостію, которая не оставляла его ни въ какихъ обстоятельствахъ и съ помощію которой онъ всегда умѣлъ отъискивать рѣшительные доводы и говорить гордымъ тономъ, когда дѣло шло объ интересахъ и чести его отечества, онъ отвѣчалъ, что пусть возвратятъ Шотландіи земли, по которымъ она нѣкогда находилась въ феодальномъ подчиненіи Англіи. Онъ прибавилъ, что это подчиненіе всегда было условно и ограниченно для Шотландіи, которая оставаясь вполнѣ независимою относительно своей собственной территоріи, никогда никому не подчинялась, не такъ какъ Англія, которая долгое время находилась въ зависимости отъ папы, платя ему подать св. Петра. Послѣ этого гордаго и рѣшительнаго отвѣта, герцогъ Норфолькъ уже не настаивалъ, и слова его не имѣли послѣдствій.

Для предупрежденія несчастнаго спора, въ которомъ ему приходилось быть болѣе свидѣтелемъ, чѣмъ судьею, герцогъ Норфолькъ вздумалъ помирить Мюррэя съ его сестрою, и имѣлъ поэтому предмету свиданіе съ Летингтономъ. Онъ выразилъ свое удивленіе по поводу неблагоразумія секретаря Шотландіи, который принялъ участіе въ обвиненіи своей государыни. «Неужели вы думаете,—сказалъ онъ ему,—что въ Англіи есть компетентные судьи для произнесенія приговора по дѣлу шотландской королевы, и что они могутъ рѣшиться предать позору мать принца, который современемъ долженъ быть ихъ королемъ? Мы сдѣлали бы неизвинительный проступокъ, еслибы сколько-нибудь повредили правамъ сына, запятнавъ честь его матери. Вамъ, ея подданнымъ, было бы

приличнѣе скрыть ея слабости, если она ихъ имѣла, и предоставить наказаніе за нихъ Богу, единственному законному судьѣ государей». Съ такими мыслями былъ согласенъ и Летингтонъ. Итакъ не этому разсудительному политику, — который въ то время не обладалъ вліяніемъ, а скорѣе считался лицомъ подозрительнымъ,—должно было внушать ихъ. Важнѣе всего было — вразумить регента: и Летингтонъ устроилъ тайное свиданіе между Мюррэемъ и Норфолькомъ.

Свиданіе это происходило ночью, въ галлереѣ дома, который занималъ герцогъ. Норфолькъ открылъ Мюррэю политику Елизаветы и сказалъ ему, что обвиняя передъ ея коммисарами королеву Марію, онъ подвергаетъ опасности самые важные интересы Шотландіи. Онъ увѣрялъ, что его государыня никогда не согласится окончательно устроить вопросъ объ англійскомъ престолонаслѣдіи; что ее нестолько безпокоютъ безпорядки, могущіе возникнуть послѣ ея смерти вслѣдствіе неизвѣстности—къ кому должна перейти ея корона, сколько затрудненія, въ которыя она будетъ поставлена при жизни назначеніемъ наслѣдника. Герцогъ прибавилъ, что англійскій престолъ, въ случаѣ смерти Елизаветы, долженъ и безъ того перейти къ королевѣ шотландской, лишь бы только права, какъ ея, такъ и ея потомства, не были ослаблены и подвергнуты опасности обвиненіемъ, зашедшимъ слишкомъ далеко. Онъ напомнилъ Мюррэю, что подобное неблагоразуміе можетъ обратиться въ Шотландіи въ пользу Гамильтоновъ, его враговъ, и во вредъ Стюартовъ, которые происходятъ отъ одной съ нимъ крови, и при управленіи которыхъ онъ долженъ ожи-

дать для себя наибольшаго почета и самаго выгоднаго положенія. «Взвѣсьте, сказалъ онъ регенту, страшныя неудобства, которыя можетъ повлечь за собою позоръ вашей королевы и подумайте—не лучше ли будетъ, если она утвердитъ свое отреченіе и если собственноручныя письма ея будутъ уничтожены».

Мюррэй былъ пораженъ этими доводами. Однакоже онъ отвѣчалъ, что письма уничтожить нельзя, такъ-какъ многіе ихъ видѣли и при томъ о нихъ доведено до свѣдѣнія шотландскаго парламента; что это не принесло бы никакой пользы королевѣ, а на него самого навлекло бы позорный упрекъ въ бездоказательномъ обвиненіи. Не убѣдивъ Мюррэя уничтожить письма, герцогъ отклонилъ его отъ намѣренія воспользоваться ими. «Никогда—сказалъ онъ ему,—ни королева, моя государыня, ни я не постановимъ никакого рѣшенія по дѣлу, которые вы намъ намѣрены представить. Вамъ легко будетъ убѣдиться въ этомъ. На предстоящей конференціи, когда я попрошу васъ изложить письменно главные обвинительные пункты, потребуйте, предварительно, актъ за собственноручною подписью англійской королевы, которымъ бы она обязывалась произвести приговоръ послѣ того, какъ вы ихъ докажете. Въ случаѣ ея несогласія на это, для васъ не останется болѣе сомнѣнія въ справедливости моихъ словъ и вы будете имѣть достаточный поводъ не доходить до крайностей».

Мюррэй воспользовался совѣтами герцога Норфолька, которые онъ сообщилъ Летингтону и Мельвилю, не открывая, однакоже, ихъ другимъ шотландскимъ коммисарамъ. Итакъ онъ рѣшился оправдывать себя самого, не прибѣгая къ обстоятельнымъ обвиненіямъ противъ королевы, своей сестры.

8 октября коммисары Маріи Стюартъ, представивъ наканунѣ письменный протестъ для поддержанія правъ и независимости своей государыни, изложили передъ конференціею послѣднія событія, происшедшія въ Шотландіи; энергически возстали они противъ возмущенія лордовъ и противъ крайностей, въ которыя вдались эти послѣдніе вступивъ въ борьбу съ своею государыней, заключивъ ее въ тюрьму, низложивъ съ престола, замѣнивъ законную власть короны беззаконнымъ регентствомъ и принудивъ скрывшуюся изъ ихъ рукъ и преслѣдуемую ихъ войсками королеву искать убѣжища въ Англіи. Они выразили надежду, что шотландская королева вскорѣ будетъ возстановлена въ своей странѣ и на своемъ престолѣ королевою Англіи.

Вмѣсто того, чтобы явиться обвинителемъ, какъ ожидали въ этомъ случаѣ отъ Мюррэя, онъ ограничился только собственной защитой. Ненавистный бракъ королевы съ Ботвелемъ, опасность, которой подвергался наслѣдный принцъ, необходимость предохранить его отъ этой опасности и подчинить его мать кратковременному аресту, отреченіе, сдѣланное этой государыней добровольно отъ престола, и согласіе данное ею на регентство, которое было учреждено во время малолѣтства ея сына:—таковы были причины, приводимыя имъ, для того, чтобы объяснить поведеніе лордовъ и оправдать свою собственную власть. Но онъ вовсе не обвинялъ Марію Стюартъ въ умерщвленіи ея мужа. Защитники королевы, которымъ такой образъ дѣйствій Мюррэя дѣлалъ задачу ихъ легкою, возражали, что бракъ съ Ботвелемъ былъ внушенъ ей самими лордами, указавшими ей на Бот-

веля, послѣ оправданія его, какъ на супруга достойнаго ея. Мюррэй, къ большому удивленію своихъ приверженцевъ и крайнему неудовольствію ихъ, ничего не отвѣчалъ на это, и объявилъ, что онъ не намѣренъ говорить ни слова болѣе.

Молчаніе регента давало неожиданный оборотъ начавшейся борьбѣ и измѣнило положеніе шотландской королевы относительно королевы англійской. Елизавета не имѣла болѣе никакого повода удалять Марію Стюартъ отъ себя и удерживать ее въ плѣну. Но Мюррэй не совсѣмъ еще отказался употребить въ дѣло тѣ страшныя средства, которыя были въ его рукахъ. По совѣту Норфолька онъ обратился въ одно и то же время къ королевѣ Елизаветѣ и къ королевѣ Маріи, съ цѣлью принудить одну—къ объясненію,—другую къ сдѣлкѣ. Въ частной конференціи, бывшей у него съ англійскими коммисарами, онъ изложилъ имъ свои сомнѣнія, вслѣдствіе которыхъ онъ не рѣшался обвинять мать своего государя въ томъ, что она участвовала въ умерщвленіи ея мужа, и спросилъ у нихъ: признаетъ ли англійская королева виновность Маріи Стюартъ, если онъ доставитъ доказательства этого участія; утвердитъ ли она правительство молодаго короля; одобритъ ли его собственное поведеніе и поддержитъ ли его въ обладаніи регентствомъ. Съ другой стороны, онъ поручилъ Роберту Мельвилю, посланному имъ въ Больтонъ, тайно предложить своей сестрѣ, для избѣжанія обвиненій, которыми угрожали ей, утвердить лочливнскіе акты и согласиться на пребываніе въ Англіи подъ покровительствомъ Елизаветы, получая содержаніе присвоенное ей какъ королевѣ.

Чтобы показать, что въ его власти было нанести ударъ, отложенный имъ только на нѣкоторое время, онъ приказалъ Летингтону, Макгиллю и Бучанану сообщить англійскимъ коммисарамъ, но не иначе какъ частнымъ образомъ, бумаги, находившіяся въ серебряной шкатулкѣ. Прочитавъ эти письма, коммисары Елизаветы писали этой королевѣ, что дѣло имъ кажется столько же яснымъ, сколько и гнуснымъ, и что если письма шотландской королевы дѣйствительно писаны ея рукою, то они представляютъ убѣдительное доказательство ея виновности. Это заставило герцога Норфолька бояться гибельныхъ послѣдствій для Маріи Стюартъ. Онъ видѣлъ росскаго епископа и сказалъ ему, что шотландская королева была бы навсегда обезчещена, если бы эти письма были предъявлены. «Въ случаѣ,—прибавилъ—онъ, еслибы англійская королева, уступая совѣтамъ враговъ вашей государыни, приказала обнародовать эти письма и сообщила бы о нихъ христіанскимъ государямъ, то они ничего не захотѣли бы предпринять болѣе для ея освобожденія и даже съ ней самой стали бы обращаться еще строже». Онъ совѣтовалъ ему искать съ Летингтономъ средства предупредить опасность. Росскій епископъ отвѣчалъ ему, что, по мнѣнію Летингтона, королева должна подтвердить свое отреченіе, и что это не принесетъ ей болѣе вреда въ Йоркѣ, чѣмъ въ Лочливнѣ, потому-что она была точно такой же плѣнницей въ Англіи, какъ прежде въ Шотландіи. «Въ шесть мѣсяцевъ,—продолжалъ онъ,—она будетъ возстановлена съ честью въ своей странѣ и отмѣнитъ все, сдѣланное теперь. Что̀ бы ни случилось, возразилъ герцогъ, постарайтесь избѣжать въ настоя-

щую минуту огласки ея безчестія; время довершитъ остальное». Переговоривъ съ Норфолькомъ и Летингтономъ, Лесли возвратился, 13 октября, въ Больтонъ, чтобы посовѣтовать королевѣ Маріи принять предложеніе, съ которымъ пріѣхалъ къ ней Робертъ Мельвиль отъ регента. Марія сначала согласилась на все, и, казалось, что этотъ опасный споръ готовъ былъ кончиться сдѣлкою, посредствомъ которой власть регента и честь королевы должны были остаться неприкосновенными.

Но Елизавета смотрѣла на это иначе. Слухъ о таинственныхъ сдѣлкахъ, которыя готовились въ Йоркѣ дошелъ и до нея, и неожиданная мягкость Мюррэя, безъ сомнѣнія, внушила ей опасенія насчетъ ихъ результатовъ. Она вдругъ перенесла конференцію въ Вестминстеръ, ссылаясь на необходимость ближе разсмотрѣть это щекотливое дѣло и на свое желаніе окончить его какъ возможно скорѣе. При свиданіи съ герцогомъ Норфолькомъ, она имѣла съ нимъ разговоръ относительно приписываемаго ему намѣренія вступить въ бракъ съ шотландскою королевой. Герцогъ съ сильными клятвами доказывалъ, что онъ вовсе не имѣлъ такой мысли. «Кчему мнѣ—говорилъ онъ,—вступать въ бракъ съ такою безнравственною женщиною, съ этою извѣстною нарушительницею супружеской вѣрности, съ убійцею? Не такую *подушку* мнѣ надо имѣть чтобы спать спокойно». Онъ прибавилъ, что живя въ своемъ замкѣ Норвичѣ, онъ ни въ чемъ не завидуетъ Маріи Стюартъ, хотя бы она была возстановлена на своемъ престолѣ, и утверждалъ, что ему никогда бы не могло придти даже на мысль—жениться на той, которая явилась соперницею его го-

сударыни и обнаружила притязаніе на ея корону. Успокоенная съ этой стороны, Елизавета внушила коммисарамъ Маріи надежду на скорое возстановленіе правъ ихъ государыни, посредствомъ надлежащаго соглашенія съ ея подданными. Но въ то же время въ переговорахъ съ Мюррэемъ она начала дѣйствовать совершенно въ противномъ смыслѣ. Она увѣдомила его, что будучи извѣщена объ интригахъ, въ которыхъ онъ принялъ участіе, она предоставитъ регентство Шотландіи герцогу Шательро, если онъ, Мюррэй, не рѣшится самъ поддержать обвиненія противъ своей сестры.

Такимъ внушеніемъ Елизаветы регентъ Шотландіи былъ поставленъ тѣмъ въ бо́льшее затрудненіе, что Марія Стюартъ отказалась утвердить свое отреченіе, на которое она сперва было согласилась. Поставленный между отказомъ Маріи и угрозою Елизаветы, онъ не могъ ни говорить, ни молчать, не подвергая себя опасности. Послѣдовать совѣту Норфолька—значило погубить себя у Елизаветы; повиноваться послѣдней—значило возбудить противъ себя Норфолька. Мюррэй выбралъ середину. Онъ приготовилъ обвиненіе противъ Маріи, съ намѣреніемъ открыть его новой конференціи только въ такомъ случѣ, если англійская королева дастъ ему всѣ ручательства, которыхъ онъ требовалъ въ Йоркѣ. Съ своей стороны Марія думала избавиться отъ обвиненія, запретивъ своимъ коммисарамъ отвѣчать на него. Она приказала имъ не допускать, чтобы ея противники вышли изъ роли обвиненныхъ, и даже поручила предложить этимъ послѣднимъ примиреніе. Она писала, что, желая поступать относительно подданныхъ съ материн-

скою любовью, она не хочетъ подвергать ихъ судебному преслѣдованію предъ чужеземнымъ трибуналомъ, такъ-какъ столь строгая мѣра можетъ только помѣшать возстановленію между ними и ею любви и добраго согласія. Она уполномочивала коммисаровъ передать отъ ея имени, въ присутствіи Елизаветы, прощеніе своимъ непокорнымъ подданнымъ и вступить съ ними въ соглашеніе, на условіяхъ не противныхъ ея чести, званію и власти, которую она не думаетъ подчинить никакому государю въ свѣтѣ. Если дѣла примутъ другой оборотъ, то въ такомъ случаѣ она приказывала своимъ коммисарамъ немедленно прекратить совѣщаніе.

Конференція началась 25 ноября въ Вестминистерѣ. Елизавета къ тремъ прежнимъ своимъ коммисарамъ прибавила хранителя большой и малой печати— Николая Бэкона, графовъ Арэнделя и Лейстера, лорда адмирала Клинтона и государственнаго секретаря Сесиля. По выслушаніи протеста коммисаровъ Маріи, основаннаго на послѣднихъ ея инструкціяхъ, хранитель печатей, бывшій президентомъ засѣданія, сказалъ Мюррэю, что его защита въ Йоркѣ найдена недостаточною, и, для возбужденія въ немъ рѣшимости къ болѣе дѣятельному обвиненію, прибавилъ: «Ея королевское величество, несмотря на свое искреннее желаніе убѣдиться въ невинности королевы шотландской, все-таки признаетъ ее недостойною трона, если ея виновность въ умерщвленіи своего мужа будетъ доказана неопровержимымъ образомъ. Въ такомъ случаѣ ея величество отдастъ ее въ руки ея подданныхъ, по полученіи отъ нихъ надежнаго ручательства въ сохраненіи ея жизни, или же оставитъ обви-

ненную подъ хорошимъ присмотромъ въ Англіи, и за тѣмъ будетъ поддерживать власть короля и регента Шотландіи. Такое обѣщаніе развязало языкъ Мюррэю, молчавшему въ Йоркѣ. Онъ сказалъ, что ему долго не хотѣлось доводить до общаго свѣдѣнія акты, которые могутъ запятнать честь матери его государя предъ иностранцами, но теперь онъ принужденъ къ тому необходимостью собственной защиты, и что вина въ этомъ падаетъ на людей, заставившихъ его прибѣгнуть къ подобному средству. Зная, однакожь, что словесныхъ обѣщаній, данныхъ отъ имени Елизаветы, недостаточно, потому-что отпереться отъ нихъ ей ни почемъ, Мюррэй просилъ, чтобы англійская королева письменно обязалась постановить приговоръ. Сесиль отвѣчалъ, что получивъ сейчасъ полное удостовѣреніе на этотъ счетъ, регентъ не можетъ сомнѣваться въ словѣ ея величества. «Гдѣ прибавилъ онъ, бумаги, служащія доказательсвомъ вашего обвиненія?» — Вотъ онѣ, сказалъ секретарь регента, Джонъ Вудъ, указывая на ввѣренные ему документы: — но мы отдадимъ ихъ тогда только, когда увидимъ подпись королевы». Въ ту же минуту епископъ оркнейскій, которому надоѣли увертки регента и который, вмѣстѣ съ Мортономъ, аббатомъ Дэмферлингомъ, Линдсэемъ и Бучананомъ, хотѣлъ довести дѣла до послѣднихъ крайностей, подошелъ къ Джону Вуду, вырвалъ бумаги у него изъ рукъ, и побѣжалъ съ ними къ столу англійскихъ коммисаровъ. Вудъ на минуту остолбенѣлъ, — или сдѣлалъ только видъ этого, — потомъ бросился за епископомъ, но уже не могъ его догнать и возвратился на свое мѣсто среди всеобщаго хохота. Посредствомъ этой-то

оскорбительной и, вмѣстѣ, шутовской сцены пущено было въ ходъ горькое обвиненіе, которымъ подданные безславили свою королеву предъ подданными другой государыни.

Въ своемъ обвиненіи Мюррэй утверждалъ, что виновникомъ умерщвленія Дарнлея былъ Ботвель; что королева знала заранѣе о замышляемомъ убійствѣ и подстрекла Ботвеля къ совершенію его; что она покровительствовала убійцамъ и освободила ихъ отъ дѣйствія правосудія, выйдя замужъ за ихъ вождя. Къ этому холодному докладу о виновности Маріи, присоединилась горькая жалоба Дарнлеева отца. Графъ Леннокcъ явился предъ англійскими коммиссарами, и въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ обвинялъ королеву Марію въ умерщвленіи его сына. Онъ объявилъ, что до сихъ поръ не имѣлъ никакой надежды добиться людскаго правосудія и полагался единственно на карающую руку Божію; но что теперь онъ прибѣгаетъ къ ихъ свѣтлостямъ, которымъ королева, бывшая природною государыней его несчастнаго сына, поручила разсмотрѣть дѣло объ ужасномъ умерщвленіи его.

Елизавета достигла своей цѣли. Надъ Маріею Стюартъ тяготѣло теперь самое грозное обвиненіе. Комисары шотландской королевы были довольно сильно встревожены этимъ. Цѣлые два дня они совѣщались, что́ имъ дѣлать. До окончательнаго оставленія конференціи, согласно послѣднимъ инструкціямъ своей государыни, они отвергли обвиненія, которымъ она подверглась, вопреки всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ. Они жаловались на допущеніе въ Англіи такого непозволительнаго и внезапнаго суда.

«Милорды, писали они къ англійскимъ коммисарамъ, мы глубоко огорчены, видя что наши соотечественники, стараясь оправдать свое крайне несправедливое, неблагодарное и постыдное поведеніе относительно своей законной государыни, нашей повелительницы, которая осыпала ихъ благодѣяніями, сдѣлала ихъ графами и лордами, и не оскорбила ихъ ни дѣломъ, ни словомъ, преслѣдуютъ ее теперь самою гнусною клеветою. Они желаютъ прикрыть этимъ явную измѣну, которой сами были первыми изобрѣтателями, подписавъ собственноручно ненавистное обязательство (bond), сдѣлавъ заговоръ противъ жизни молодаго и невиннаго Генриха Стюарта, покойнаго мужа нашей государыни и присоединившись къ ихъ злому сообщнику Джемсу графу Ботвелю, чему цѣлыя тысячи эдинбургскихъ жителей были свидѣтелями».

Возставая противъ всего что̀ надѣлали въ Шотландіи эти *клеветники и мятежники*, довѣренные Маріи утверждали, что въ самовольствѣ этихъ узурпаторовъ не участвовала и восьмая доля населенія королевства, и излагали послѣдствія, которыя можетъ имѣть для всѣхъ другихъ государей безнаказанность такого успѣшнаго бунта и беззаконнаго обвиненія. «Какъ можно допустить, милорды,—говорили они,—чтобы мятежники подняли руку на свою королеву?... Для вашей мудрости понятно, насколько, ихъ дѣйствія превышаютъ права, которыя даровало подданнымъ священное писаніе, и противны законнымъ обязанностямъ этихъ послѣднихъ относительно своего государя». Возстаніе, которое сдѣлала партія Мюррэя въ Шотландіи, они приписывали отнюдь не

желанію наказать убійцъ короля, а единственно честолюбивому намѣренію управлять государствомъ. Они повторяли, что ихъ повелительница, — которой предки были независимыми монархами, — и которая сама тоже государыня независимая, не можетъ быть судима кѣмъ бы то ни было, какъ это признала и сама англійская королева, у которой они просятъ теперь немедленной аудіенціи».

Введенные къ Елизаветѣ, они въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицали все производство этого дѣла. Они ей напомнили обѣщаніе ея—не допускать никакого посягательства на честь и власть ихъ государыни; жаловались, что жестокое обвиненіе противъ Маріи Стюартъ было поощряемо; болѣе чѣмъ когда-либо настаивали теперь на томъ, чтобы она лично была допущена къ отвѣту на него, въ присутствіи англійской королевы, и, наконецъ, требовали, чтобы до дальнѣйшихъ распоряженій обвинители были арестованы.

Такое энергическое требованіе могло затруднить Елизавету. Но она ловко вывернулась изъ этого затрудненія. Постоянно утверждая, что она не вѣритъ виновности королевы шотландской въ убійствѣ своего мужа; она говорила, что регентъ и его товарищи приписывали ей это преступленіе только для того, чтобы защитить самихъ себя, и что она должна потребовать отъ нихъ, поэтому, свидѣтелей для подтвержденія подобнаго обвиненія. Она увѣряла, что потомъ охотно выслушаетъ оправданія ихъ государыни. Пристрастность такого образа дѣйствій, превращавшая обвиняемыхъ въ обвинителей, привела въ негодованіе коммисаровъ Маріи. Они отвергли пред-

ложеніе выслушать еще разъ Мюррэя и объявили, что они не одобрятъ ничего, могущаго произойти, и не намѣрены вредить правамъ своей государыни.

Подъ личиною негодованія, коммисары Маріи Стюартъ скрывали сильное безпокойство. Горько порицая регента, они въ то же время предложили ему новыя условія примиренія. Чтобы помѣшать предъявленію опасныхъ документовъ, котораго ожидала коварная вражда Елизаветы, они просили его вступить въ соглашенія съ королевою, своею сестрою, которая снова возвратитъ ему все свое благоволеніе, и дастъ ему и всѣмъ его приверженцамъ всѣ гарантіи, какихъ они пожелаютъ. Но это было бы только примиреніемъ, между-тѣмъ какъ Мюррэй и лорды его партіи требовали отреченія. Съ другой стороны Елизавета утверждала, что королева, на которую падали такія тяжелыя обвиненія, должна была защищаться, а не мириться. Съ макіавелевской хитростью она говорила, что обвиненные, рѣшившись на такіе ужасные извѣты, для оправданія собственныхъ своихъ дѣйствій, должны доказать свои обвиненія, и что въ противномъ случаѣ ихъ нужно было бы считать виновными не только въ бунтѣ, но и въ клеветѣ.

Опасность становилась очевидной для Маріи. Подъ предлогомъ заботъ о собственной защитѣ, Мюррэй долженъ былъ въ ближайшемъ засѣданіи представить доказательства своихъ обвиненій. Что же предприняли коммисары королевы шотландской? Не имѣя возможности предохранить свою государыню съ помощью дружественнаго примиренія, они прибѣгали къ легальному средству. 6-го декабря они потребовали, чтобы ихъ первыхъ допустили въ собраніе, которое

въ этотъ день должно было выслушать регента. Тогда, жалуясь на то, что всѣ обѣщанія дружбы и всѣ требованія правосудія нарушены, что королева англійская позволяетъ возмутившимся подданнымъ поддерживать ихъ оскорбительныя обвиненія противъ своей государыни и не допускаетъ послѣдней къ личнымъ оправданіямъ, — они объявили, что конференція распускается. Они представили письменный протестъ, въ которомъ отвергли все, что впослѣдствіи могло бы послужить въ ущербъ чести и королевскому достоинству Маріи Стюартъ. Сесиль отказался принять этотъ протестъ подъ предлогомъ, что онъ худо истолковываетъ намѣренія королевы Елизаветы. Подписавшіе его коммисары удалились однакожь, объявивъ, что всякіе переговоры съ этихъ поръ прекращены.

Несмотря на ихъ удаленіе, англійскіе коммисары вызвали къ себѣ Мюррэя и его приверженцевъ. Какъ вѣрные исполнители хитрыхъ намѣреній Елизаветы, они говорили Мюррэю, что «ея величество, королева англійская, была не мало удивлена, когда они стали обвинять свою природную государыню въ такихъ ужасныхъ преступленіяхъ, которыя, если будутъ доказаны, то обезславятъ ее предъ всѣми государями». Они замѣтила Мюррэю и его приверженцамъ, что «если они забыли свои вѣрноподданническія обязанности въ отношеніи къ королевѣ шотландской, то не должны забывать, что она была другомъ и сестрою королевы англійской». Это участіе, обнаруживаемое въ словахъ, скрывало самое разсчитанное коварство въ поступкахъ,—англійскіе коммисары потребовали

отъ регента, чтобы онъ объявилъ все, что̀ имѣетъ сказать въ свою защиту.

Черезъ этотъ изворотъ Мюррэй былъ принужденъ представить документы для подтвержденія своихъ обвиненій. Онъ представилъ по очередно: *статейную книгу*, составленную для справокъ шотландскаго совѣта и заключавшую допросы Дальглиша, Паури, Гепбёрна и Гэя Талло, которые доказывали, что Ботвель былъ главнымъ виновникомъ умерщвленія Дарнлея; письма и стихи, найденные въ серебряной шкатулкѣ, написанные рукою Маріи Стюартъ и подтверждавшіе ея соучастіе въ убійствѣ и согласіе на похищеніе, слѣдствіемъ котораго былъ бракъ ея съ Ботвелемъ; показанія Нельсона и Крофорда, подтверждавшихъ подлинность писемъ, на основаніи сходства нѣкоторыхъ подробностей, заключающихся въ тѣхъ и въ другихъ письмахъ королевы; послѣднія слова, произнесенныя на эшафотѣ Гэемъ Талло и Гепберномъ, и присоединившія изустное объясненіе одного изъ самыхъ рѣшительныхъ помощниковъ Ботвеля къ письменнымъ признаніямъ Маріи. Всѣ эти документы,—отчасти въ оригиналахъ, отчасти засвидѣтельствованные законнымъ порядкомъ,—были представлены на разсмотрѣніе англійскихъ коммисаровъ, къ которымъ Елизавета, съ довольно понятною цѣлью, присоединила графовъ Нортэмбленда и Уэстморленда, которые оба были католики, а также графовъ Шрусберри, Уорстера, Гэнтингдона и Уорвика.

Эти, пользовавшіеся въ Англіи особеннымъ уваженіемъ, лица, во мнѣніи которыхъ Елизавета хотѣла погубить репутацію своей соперницы, собрались, 14 декабря, въ Гэмптонъ-Кортѣ, чтобы торжественно

разсмотрѣть представленные имъ документы. Письма, такъ сильно замѣшивавшія Марію Стюартъ въ убійствѣ Дарнлея, были сличены съ ея прежними собственноручными письмами къ Елизаветѣ. По внимательномъ разсмотрѣніи почерка и правописанія тѣхъ и другихъ, тайный совѣтъ объявиль, что между ними онъ не нашелъ никакой разницы.

Это удостовѣреніе, хотя неправильное по формѣ, было тягостно въ сущности. Епископъ росскій и лордъ Бойдъ хотѣли отклонить его, возобновивъ свои протестаціи противъ хода конференціи и распустивъ ее во второй разъ. Они съ твердою настойчивостью требовали, чтобы королева англійская выслушала по этому поводу личныя объясненія королевы шотландской. Но тайный совѣтъ, одобривъ всѣ дѣйствія Елизаветы, постановилъ: «что такъ-какъ преступленія, по причинѣ которыхъ королева Шотландіи не была принята до сихъ поръ королевою англійскою, въ настоящее время сдѣлались очевидны, то ея величество не можетъ, не запятнавъ явно собственной чести, допустить обвиненную въ свое присутствіе, до тѣхъ поръ пока та не оправдается».

Опираясь на это постановленіе своего тайнаго совѣта и допущенныхъ въ него перовъ, Елизавета болѣе чѣмъ когда-нибудь отказывала Маріи Стюартъ въ свиданіи, котораго коммисары послѣдней добивались уже безъ всякой надежды. Она сообщила имъ въ то же время, что документы, представленные Мюррэемъ, будутъ сообщены ихъ государынѣ, если она согласится дать на нихъ прямой отвѣтъ; или черезъ своихъ коммисаровъ въ Вестминстерѣ, или черезъ довѣренную особу, надлежащимъ образомъ упол-

помоченную, или же лично тому, кто будетъ посланъ въ Больтонъ, чтобы выслушать ея оправданія. Имъ было сказано также, что если королева Марія отвергнетъ эти три средства къ защитѣ, подъ предлогомъ, что она не находитъ никакого доступа къ королевѣ Елизаветѣ, то она этимъ самымъ тяжело обвинитъ себя въ глазахъ свѣта, который никогда не сочтетъ несогласія на свиданіе причиною достаточною для того, чтобы молча переносить подобныя обвиненія. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Елизавета послала къ самой Маріи письмо, въ которомъ, обвиняя ея коммисаровъ въ томъ, что они прервали конференцію, не желая отвѣчать, лицемѣрно писала ей: «Мы давно уже были огорчены вашими несчастіями и бѣдствіями, но наше огорченіе удвоилось, когда мы увидѣли, что ваши обвинители представляютъ доказательства того, что вы сами были причиною этихъ несчастій. И наша обязанность въ этомъ отношеніи становится тѣмъ болѣе важною, что мы никакъ не предполагали узнать и услышать о фактахъ, которые такъ очевидно и тяжко обвиняютъ васъ и подаютъ поводы къ вашему осужденію. Тѣмъ не менѣе дружба, родство и справедливость заставляютъ насъ скрыть эти дѣла, отложить нашъ приговоръ и не предпринимать ничего вреднаго для васъ, не разсмотрѣвъ того, что́ вы имѣете сказать въ свою защиту.» Она принудила Марію дать этотъ отвѣтъ, сдѣлавшійся необходимымъ, указывая на одно изъ трехъ средствъ, о которыхъ было сообщено ея коммиссарамъ.

Марія отвергла это коварное предложеніе. Она не приняла роли обвиненной. Ловкая и смѣлая, приходившая иногда въ смущеніе, но никогда не упывав-

шая, она пустила теперь въ ходъ всѣ средства своего ума, всю энергію своего характера. Употребивъ уже въ дѣло все, чтобы помѣшать предъявленію документовъ, обвинявшихъ ее, прибѣгнувъ и къ хитрымъ интригамъ Летингтона, и къ благоразумнымъ совѣтамъ Норфолька, рѣшившись однажды уступить и постоянно предлагая примиреніе, она, въ минуту самаго тяжелаго оскорбленія, возстала съ гордостью истинной королевы и явилась столько же смѣлою, сколько прежде казалась уступчивою. Она напала на Мюррэя, вмѣсто того чтобы защищаться противъ него.

Она писала къ своимъ коммисарамъ: «Графъ Мюррэй и его единомышленники, наши возмутившіеся подданные, желая уменьшить важность преступленій и обидъ, которыя они нанесли намъ, своей государынѣ и повелительницѣ, представляютъ въ видѣ оправданія, что «какъ графъ Ботвель былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ убійствѣ Генриха Стюарта, нашего мужа, то мы знали, совѣтовали, умышляли и повелѣли совершить сказанное убійство». Они ложно, измѣннически и злостно обманываютъ, приписывая намъ преступленіе, котораго сами были виновниками, изобрѣтателями, а нѣкоторые изъ нихъ даже исполнителями.» Отвергая упрекъ въ томъ, что она не допустила судебнаго преслѣдованія противъ убійцъ Дарнлея, она съ краснорѣчивою ловкостью обратила въ свою защиту обвиненіе лордовъ, утверждавшихъ, будто она желала подвергнуть опасности жизнь своего сына: «Этой клеветы, говорила она съ увлеченіемъ, достаточно для того, чтобы судить обо всемъ остальномъ. Врожденная любовь матери къ сыну одна можетъ пристыдить ихъ.... Въ злобѣ и нечестіи

своего сердца они судятъ о другихъ по собственнымъ своимъ чувствамъ.»

Она утверждала, что рѣшившись овладѣтъ ея властью и желая подъ благовиднымъ предлогомъ привлечь на свою сторону народъ, они показали видъ будто бы желаютъ освободитъ ее изъ рукъ Ботвеля, который похитилъ ее съ ея же согласія; отмстить за смерть ея мужа, убитаго ими; охранять безопасность ея сына, находившагося подъ надзоромъ одного изъ нихъ, графа Мара. Она прибавляла, что ихъ дѣйствія вовсе не соотвѣтствуютъ ихъ словамъ, и очень ясно доказываютъ, что единственною ихъ цѣлью было овладѣть ея особою и похитить ея власть. Она припоминала все, что́ было сдѣлано ими для достиженія этой цѣли со времени убійства Риччіо, и въ одно и то же время возставала противъ вынужденнаго у нея отреченія и противъ обвиненій, которыя осмѣливались взводить на нее.

Марія Стюартъ оправдывалась обвиненіями. Лорды, напавшіе на нее, подвергнувшіе ее заключенію, лишившіе ее престола, принудившіе къ бѣгству и преслѣдовавшіе ее даже въ изгнаніи, заслуживали бо́льшей части этихъ кровавыхъ упрековъ. Члены этой шотландской аристократіи, буйной, возмутительной, не имѣвшей ни вѣрности, ни чести, ни совѣсти, переходившей отъ одного заговора къ другому, возстававшей то за королеву, то противъ нея, сегодня находившейся въ союзѣ съ Мюррэемъ, завтра съ Ленноксомъ, потомъ съ Ботвелемъ; убивающей Риччіо, оставляющей Дарнлея, изгоняющей Ботвеля, котораго она прежде поддерживала и позволяющей ему бѣжать, послѣ того какъ она вооружилась съ цѣлью захватить его, — чле-

ны этой аристократіи утверждали, будто бы они хотятъ отмстить за преступленіе, которое многіе изъ нихъ или присовѣтывали, или знали, или же допустили. Мюррэй—былъ честолюбецъ, принесшій въ жертву своему возвышенію и власть, и свободу, и честь своей сестры. Онъ согласился на убійство Риччіо и хотя не былъ соучастникомъ въ умерщвленіи Дарнлея, однакоже нельзя достовѣрно утверждать, что онъ вовсе не зналъ о немъ. Мортонъ руководилъ первымъ изъ этихъ убійствъ и входилъ въ сношенія съ Ботвелемъ по поводу втораго. Летингтонъ участвовалъ въ обоихъ. Ни одна изъ сторонъ не была невинна. Католическая ревность Маріи и пресвитеріанская строгость Мюррэя, Мортона и Летингтона не отвратили ихъ отъ самыхъ преступныхъ увлеченій и отъ самыхъ гнусныхъ разсчетовъ Въ этотъ вѣкъ насилій, вѣрованія были не такъ тверды какъ нравы, и религія, имѣвшая большую власть надъ умомъ, оказывала слишкомъ слабое вліяніе на поступки. Итакъ страсти времени и страны встрѣтились и въ королевѣ и въ подданныхъ съ безпорядочностью, которая сопровождала ихъ; съ обманами, которыми они прикрывались; съ преступною смѣлостью, которая удовлетворяла ихъ; и для всѣхъ за ними слѣдовали тяжелыя наказанія. Ни для кого не было изъятія, никто не остался безнаказаннымъ.

Коммисары Маріи Стюартъ, повинуясь полученнымъ отъ нея повелѣніямъ, обвинили регента и его товарищей въ убійствѣ, въ которомъ послѣдніе явились доносчиками. Они потребовали копію съ писемъ, обвинявшихъ ихъ государыню. Епископъ россскій старался опровергнуть ихъ подлинность. Въ длинномъ докладѣ онъ утверждалъ, что ихъ нельзя принимать за очевид-

ныя доказательства, потому-что сравненіе почерковъ было невѣрно и что подобные документы недостаточны для того, чтобы составлять законное доказательство. Онъ не слишкомъ поддерживалъ позднее обвиненіе, направленное противъ Мюррэя и его приверженцевъ, для противодѣйствія тому, которое они взводили на королеву. При этомъ неожиданномъ обвиненіи, вспыльчивый Линдсэй послалъ вызовъ къ Геррізу, а Мюррэй 11-го января, предъ англійскимъ совѣтомъ вызвалъ коммисаровъ своей сестры къ предъявленію какихъ бы то ни было доказательствъ. Ограничась прочтеніемъ бездоказательнаго обвиненія, которое было прислано къ нимъ изъ Болтона, коммисары Маріи объявили, что они сами не знаютъ ничего и сдѣлали только одинъ намекъ на то, что́ говорили о Мортонѣ и Летингтонѣ, уже осужденные соучастники Ботвеля. Въ заключеніе они увѣряли, что, являясь защищать честь своей государыни, они слѣдуютъ единственно ея волѣ, дѣлаясь отъ ея имени и по ея указаніямъ обвинителями другихъ.

Это обвиненіе такъ очевидно было только вспомогательнымъ, что подвинуть его дальше было невозможно, тѣмъ болѣе, что трудно было доказать его въ отношеніи къ главному противнику Маріи, который вызвался отправиться въ Больтонъ, чтобы въ присутствіи самой сестры опровергнуть его. Тогда еще разъ подумали объ отреченіи Маріи. Елизавета возобновила ей предложеніе объ этомъ чрезъ вице-камергера Ноллиса, представляя такое отреченіе средствомъ все устроить и покончить. Летингтонъ недавно также выражалъ эту мысль и самые коммисары королевы шотландской согласились съ его мнѣніемъ. Но зло

было сдѣлано, безчестіе нанесено. Отказавшись отъ своей короны, Марія Стюартъ сама подтвердила бы свою виновность. Итакъ она не колебалась ни на минуту. Хотя, до конференціи въ Йоркѣ, она готова была однажды принести свою власть въ жертву своей чести, но она не могла уже рѣшиться на это послѣ конференціи въ Вестминстерѣ, послѣдствій которой нельзя было ничѣмъ исправить. Она сказала коммисарамъ, что уступивъ своимъ противникамъ во всемъ, чего они требуютъ отъ ея, она сдѣлается *какъ-бы сама своимъ судьею и сама произнесетъ своей приговоръ*; что она подтвердитъ *достовѣрность слуховъ*, которые *распущены о ней*, и *будетъ возбуждать отвращеніе во всѣхъ жителяхъ этого острова*. Показавъ имъ различныя опасныя послѣдствія подобнаго поступка съ ея стороны, она прибавляла, что вовсе не желаетъ погубить такимъ-образомъ свое доброе имя, разорвать свои связи и даже подвергнуть опасности свою жизнь. «Прошу васъ не говорить мнѣ больше объ отреченіи,— писала она къ нимъ,—потому-что я разсудила и рѣшилась лучше умереть, чѣмъ согласиться на это; и послѣднее слово, которое я произнесу въ жизни, будетъ словомъ королевы шотландской.»

Когда послѣдовалъ такой безусловный отказъ въ отреченіи и была распущена конференція—все кончилось. Эти долгіе и печальные споры не могли продолжаться. Елизавета не имѣла ни средствъ къ низложенію Маріи, ни правъ на ея осужденіе. Но ей удалось обезславить ее, а это послужило предлогомъ къ тому, чтобы не давать ей свободы. Регентъ, принужденный возвратиться въ Шотландію, гдѣ его присутствіе было необходимо, вслѣдствіе происходив-

шихъ тамъ волненій, просилъ дозволенія на свой отъѣздъ и получилъ его. 10 января онъ явился передъ тайнымъ совѣтомъ Англіи, который вполнѣ одобрилъ его поведеніе и позволилъ ему ѣхать, объявивъ: «что противъ него и его товарищей не было представлено никакихъ доказательствъ, которыя бы могли касаться его чести, или унижать его.» Въ видѣ оговорки, довольно впрочемъ странной, по желанію коммисаровъ Маріи Стюартъ было прибавлено: «что Мюррэй и его товарищи не доставили достаточныхъ доказательствъ въ обвиненіяхъ противъ королевы, своей повелительницы, такъ что королева англійская ни въ какомъ отношеніи не должна имѣть или получить дурное мнѣніе о своей доброй сестрѣ.»

Несмотря однакожь на эту послѣднюю часть объявленія, совершенно противорѣчившую дальнѣйшимъ поступкамъ Елизаветы, послѣдняя продолжала обременять свою несчастную плѣнницу обвиненіемъ въ убійствѣ. Марія Стюартъ неоднократно требовала копію съ писемъ, представленныхъ противъ нея. Елизавета отказывала ей въ этомъ, потому-что та не хотѣла оправдываться. Марія соглашалась на послѣднее условіе, но требовала, чтобы оправданіе происходило въ присутствіи Елизаветы и посланниковъ иностранныхъ государей. Не предвидѣлось конца этому спору. Елизавета ставила сообщеніе документовъ въ зависимость отъ обязательства, котораго Марія Стюартъ не хотѣла принимать, а Марія Стюартъ предлагала выслушать свои оправданія не иначе, какъ на условіяхъ, на которыя Елизавета ни въ какомъ случаѣ не хотѣла согласиться. Такъ тянулось дѣло втеченіи всего января и никто не имѣлъ намѣренія у-

ступить. Коммисары королевы шотландской снова потребовали, чтобы ей дозволено было свободно оставить Англію, какъ это было разрѣшено Мюррэю. Но ихъ требованіе не увѣнчалось успѣхомъ. Тогда они прекратили эти продолжительные переговоры, снова протестуя противъ всего, что̀ могло быть сдѣлано во вредъ ихъ государынѣ, пока она будетъ задержана въ плѣну. Послѣ того они возвратились къ Маріи Стюартъ, которая была взята изъ подъ стражи зятя Норфолькова, лорда Скрупа, и 26-го января отправлена изъ Больтона въ Тэтберри, въ графствѣ Стаффордъ, куда она прибыла 3-го февраля и гдѣ была помѣщена подъ надзоромъ графа Шрусберри. Черезъ четыре дня послѣ ея прибытія въ этотъ за̀мокъ, еще болѣе отдаленный отъ шотландской границы, епископъ росскій, лордъ Герризъ и другіе ея коммисары явились, чтобы представить ей отчетъ о томъ, что̀ было ими совершено на конференціяхъ въ Йоркѣ и Вестминстерѣ, и получить утвержденіе своихъ дѣйствій. Такъ окончился этотъ злополучный процессъ, котораго Марія Стюартъ не должна была принимать ни подъ какимъ видомъ, и рѣшеніе котораго хотя не нанесло ей безчестія, но, допустивъ дурную о ней славу, подало поводъ заключить ее въ тюрьму.

Довершивъ такимъ-образомъ несчастія своей сестры, Мюррэй поставилъ самого себя въ весьма опасное положеніе. Герцогъ Норфолькъ былъ раздраженъ противъ него. Онъ не могъ простить ему того, что въ Вестминстерѣ регентъ измѣнилъ обязательствамъ, принятымъ въ Йоркѣ и затруднилъ исполненіе проэкта, задуманнаго герцогомъ, — жениться на королевѣ шотландской; графы Нортомберлэндъ и

Уэстморлэндъ также пылали негодованіемъ и хотѣли наказать Мюррэя за то, что онъ обвинилъ католическую наслѣдницу англійскаго престола въ нарушеніи супружеской вѣрности и въ убійствѣ.

Будучи преданными приверженцами Маріи Стюартъ, они предполагали сдѣлать нападеніе на регента Шотландіи, когда онъ, возвращаясь въ свою страну, будетъ проѣзжать по сѣвернымъ округамъ. Мюррэй зналъ объ этомъ и, простившись съ королевой Елизаветой, оставался еще нѣсколько недѣль въ Лондонѣ, не рѣшаясь выѣхать въ дорогу.

Чтобы избѣжать угрожавшей ему участи, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Трокмортонъ, вслѣдствіе вражды къ Сесилю, участія къ Маріи и дружбы къ регенту, желавшій примиренія партій въ Шотландіи и сліянія королевствъ на Британскомъ островѣ, устроилъ свиданіе между Мюррэемъ и герцогомъ Норфолькомъ. При этомъ свиданіи Мюррэй обнаружилъ величайшее сожалѣніе о случившемся и приписалъ преслѣдованія, направленныя имъ противъ своей сестры, необходимости, въ какую онъ былъ поставленъ Елизаветою. Онъ увѣрялъ, кромѣ того, что вмѣшался въ это тягостное дѣло для того только, чтобы предохранить своего юнаго государя и выразилъ надежду, что Господь тронетъ сердце королевы шотландской и она раскается въ своемъ прежнемъ поведеніи и откажется отъ безнравственнаго и беззаконнаго брака, заключеннаго ею. Онъ ловко прибавилъ къ этому, что если его сестра соединится послѣ того съ лицомъ почетнымъ и благочестивымъ, преданнымъ истинной религіи, и если такимъ лицомъ будетъ самъ герцогъ, то онъ съ своей стороны останется очень

довольнымъ и представитъ сестрѣ своей, которая всегда была для него дорога, такія же сильныя доказательства своей привязанности, какія онъ могъ дать ей въ другія минуты своей жизни. Этотъ поступокъ, болѣе ловкій, чѣмъ чистосердечный, успокоилъ герцога Норфолька. Съ довѣрчивостью, съ какою вообще смотрятъ на то, чего желаютъ, герцогъ принялъ объясненія регента и положился на его слова. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка имѣвшаго больше всѣхъ возможность облегчить его бракъ съ Маріею Стюартъ. «Графъ Мюррэй,— сказалъ онъ ему, жена Норфолька находится теперь въ вашихъ рукахъ.» Приказаніе напасть на него было отмѣнено и регентъ безъ страха и безъ опасности возвратился въ Шотландію, куда онъ прибылъ въ концѣ января 1569 г. Что касается Маріи Стюартъ, то она осталась плѣнницей въ Англіи. Елизавета не только не оказывала ей помощи противъ ея подданныхъ, какъ обѣщала это прежде, но даже не возвращала ей свободы, отнять которую не имѣла никакого права. Не уважая ни требованій правосудія, ни законовъ гостепріимства, ни преимуществъ, присвоенныхъ коронованнымъ особамъ, она не побоялась заключить въ тюрьму женщину прибѣгнувшую къ ней съ мольбою, не побоялась подвергнуть суду королеву! Она не выразила участія ни къ довѣрчивости изгнанницы, ни къ просьбамъ родственницы, ни къ скорби женщины, ни къ чести государыни! Марія Стюартъ, въ свою очередь, не обязана была ничѣмъ въ отношеніи къ Елизаветѣ. Ее такъ коварно захватили въ плѣнъ, съ такою ненавистью обезславили и такъ беззаконно не возвращали ей свободы, что она имѣла полное право прибѣгать

ко всякимъ средствамъ, чтобы вырваться на волю. И она не преминула сдѣлать это.

—

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Марія Стюартъ въ своей тюрьмѣ не оставалась безъ дѣятельности. Не отказываясь отъ переговоровъ съ Мюррэемъ и Елизаветою, она старалась расположить Францію въ свою пользу, вооружить Шотландію за свое дѣло, возмутить сѣверную Англію для своего освобожденія, воодушевить католиковъ къ религіозной борьбѣ, побудить испанцевъ къ нашествію на островъ,—однимъ словомъ, она одно за другимъ перебирала самыя различныя средства противъ подданныхъ, которые низвергли ее съ трона и противъ королевы, которая довела ее до плѣна.

Она не прекращала тѣсныхъ сношеній съ своими приверженцами въ Шотландіи. Заботливо старалась она поддерживать ихъ надежды. Крѣпость Дэмбартонъ,—находившаяся въ западной части этого королевства и выстроенная на неприступной, окруженной моремъ скалѣ, постоянно была на сторонѣ Маріи Стюартъ. На сѣверѣ графы Арджиль, Гэнтли, Крофордъ и лордъ Огильви, оставались вѣрными ей и управляли страною отъ ея имени. На югѣ воинственные жители границъ, Скотты, Керы, Максуэли, ожидали только случая служить ей. Гамильтоны, несмотря на свое пораженіе подъ Лангсайдомъ, располагали еще значительными силами. Марія Стюартъ, безпрерывно просив-

шая у французскаго двора солдатъ, артиллеріи, оружія и снарядовъ, писала своимъ защитникамъ, чтобы они держались въ готовности къ борьбѣ. Желая новыми причинами усилить ихъ ненависть къ регенту и недовѣріе къ Елизаветѣ, она объявила имъ, что возмутившіеся лорды должны передать во власть королевы англійской молодаго принца, ея сына, и три крѣпости: Эдинбургъ, Стёрлингъ и Дэмбартонъ, который они намѣревались осадить и взять приступомъ; а Елизавета съ своей стороны должна была назначитъ молодаго принца своимъ наслѣдникомъ, и, въ случаѣ его смерти, признать Мюррэя королемъ Шотландіи. Оновываясь на этомъ воображаемомъ договорѣ, слухи о которомъ Марія Стюартъ, вслѣдствіе жалобъ Елизаветы, принуждена была опровергнуть въ Англіи, послѣ подтвержденія ихъ въ Шотландіи,—лорды, оставшіеся вѣрными, обнародовали прокламацію, написанную въ сильныхъ выраженіяхъ и сдѣлали призывъ къ оружію. Герцогъ Шательро, въ сопровожденіи лорда Герриза, явился среди нихъ въ качествѣ намѣстника королевы, вмѣстѣ съ графами Гэнтли и Арджилемъ. Марія Стюартъ даровала ему кромѣ того титулъ его преемнаго отца. Они укрѣпили свои замки, созвали своихъ приверженцевъ и объявили регента бунтовщикомъ и похитителемъ власти.

Мюррэй по своемъ возвращеніи былъ не такъ силенъ, какъ до отъѣзда; но съ своею обычною рѣшимостью онъ не далъ противникамъ своимъ времени соединиться и приступить къ дѣйствіямъ. Его партія была многочисленна и отличалась ревностью. Городскіе обыватели, пресвитеріанская Церковь, самые рѣшительные и самые ловкіе члены аристократіи под-

держивали его; на его же сторонѣ было общественное мнѣніе, которое всегда доставляетъ перевѣсъ въ гражданскихъ войнахъ тому, кто во-время и со смѣлостью умѣетъ имъ пользоваться. Когда собраніе дворянства, духовенства и городскихъ депутатовъ, происходившее въ Стёрлингѣ одобрило всѣ его дѣйствія въ Англіи, онъ предписалъ немедленный сборъ своихъ войскъ и выступилъ противъ приверженцевъ королевы, прежде чѣмъ послѣдніе успѣли собрать свои силы. Устремившись на западъ, онъ захватилъ въ расплохъ герцога Шательро и лорда Герриза и принудилъ ихъ къ миру. На конференціи, происходившей между ними 13-го марта 1569 года въ Гласго, эти два приверженца королевы заключили трактатъ предварительнаго перемирія между партіями, раздѣлившими Шотландію. Они согласились признать молодаго короля, съ условіемъ, чтобъ были вознаграждены убытки, понесенные ими и ихъ приверженцами за свою вѣрность къ его матери. Рѣшено было, что коммисія дворянъ, въ числѣ которыхъ должны находиться графы Арджиль и Гэнтли, соберется съ обѣихъ сторонъ 10-го будущаго апрѣля въ Эдинбургѣ, чтобы установить общій и вѣчный миръ въ королевствѣ. Въ ожиданіи этого всѣ они отправились въ Стёрлингъ. Архіепископъ сентъ-андрейскій, графъ Кассилисъ и лордъ Герризъ остались въ видѣ заложниковъ въ рукахъ регента, который освободилъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Лангсайдѣ.

Мюррэй не думалъ распускать свои войска. Воспользовавшись перемиріемъ, заключеннымъ въ Гласго, онъ отправился на югъ и тамъ усмирилъ *пограничниковъ*. Выйдя изъ этой двойной экспедиціи еще бо-

лѣе сильнымъ, чѣмъ былъ прежде, онъ съ торжествомъ возвратился въ Эдинбургъ въ то время, когда тамъ должно было начаться собраніе для мирныхъ переговоровъ. Гэнтли и Арджиль отказались принять въ немъ участіе. Они отвергли предварительный гласгоскій договоръ, который не безъ основанія показался Маріи Стюартъ бѣдственнымъ. Видя, что ей угрожаетъ паденіе ея партіи и общее признаніе ея сына, плѣнная королева выразила герцогу Шательро и лорду Герризу свое удивленіе и неудовольствіе. Письма ея дошли къ нимъ наканунѣ того дня, въ который должно было открыться собраніе, и очень сильно ихъ тронули. Герцогъ проплакалъ цѣлую ночь, а лордъ Герризъ заболѣлъ. Оба они рѣшились отказаться отъ сдѣланнаго ими признанія власти короля. Поэтому, когда регентъ настаивалъ на томъ, чтобы они утвердили Іакова VI въ королевскомъ достоинствѣ, они поколебались и захотѣли, чтобы прежде всего были разсмотрѣны условія мирнаго договора. По ихъ требованіямъ главнѣйшимъ изъ этихъ условій было возстановленіе королевы. Регентъ, не отступавшій ни передъ чѣмъ, приказалъ схватить ихъ и посадить въ Эдинбургскій замокъ подъ наздоръ лэрда Керкальди Грэнджа. Этотъ насильственный поступокъ раздражилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабилъ, партію Маріи.

Регентъ не остановился на этомъ. Посадивъ подъ стражу престарѣлаго главу западной аристократіи и самаго предпріимчиваго изъ южныхъ бароновъ, онъ выступилъ съ своими привыкшими къ воинскимъ трудамъ войсками противъ вооружившихся графовъ сѣвера. Послѣдніе, видя приближеніе опасности, не рѣши-

лись вступить въ борьбу. Арджиль первый помирился съ своимъ стариннымъ другомъ, регентомъ. Гэнтли и другіе сѣверные лорды, опасаясь пораженія, которое неминуемо повлекло бы за собою ихъ погибель, также покорились. 10-го мая, въ Сентъ-Андре, они признали Іакова VI королемъ, отдали регенту свою артиллерію и вручили ему заложниковъ въ своей будущей вѣрности. Мюррэй тѣмъ не менѣе пошелъ дальше въ сѣверные округи, гдѣ кланы оставались неизмѣнно вѣрными сестрѣ его. Онъ разорилъ ихъ земли, занялъ замки, забралъ у нихъ оружіе, наказалъ ихъ, и отнялъ охоту къ сохраненію прежней привязанности. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сокрушилъ всѣ препятствія и привелъ въ повиновеніе все государство, отъ Инвернеса до Дэмфриза, отъ Дэнбара до Гласго. Послѣ этого, 26-го іюля 1569 года, онъ созвалъ въ Пертъ сословія страны.

Между-тѣмъ какъ Марія Стюартъ теряла свои надежды на Шотландію, ея положеніе въ Англіи улучшалось. Въ этомъ послѣднемъ королевствѣ образовалась могущественная партія, желавшая выдать ее замужъ за герцога Норфолька. Послѣдній изъ честолюбія возвратился къ этому плану о бракѣ, отъ котораго отказался изъ страха послѣ конференціи въ Йоркѣ. Зная, что его поддерживаетъ Леттингтонъ и будучи увѣренъ въ согласіи Мюррэя, онъ, послѣ конференцій въ Вестминстерѣ и Гэмптонъ-Кортѣ, тайно привлекъ на свою сторону сильнѣйшихъ лицъ англійской аристократіи, и даже бо́льшую часть членовъ тайнаго совѣта. Этотъ бракъ, о которомъ хлопотали безъ вѣдома Елизаветы, встрѣтилъ сильное одобреніе и сочувствіе въ обществѣ. Наслѣдованіе престола,

обезпечить которое эта государыня отказывалась до сихъ поръ, возбуждало всеобщія опасенія. Съ ужасомъ вспоминали тогда о династическихъ войнахъ домовъ Йоркскаго и Ланкастерскаго, которыя обагрили Англію кровію за полстолѣтія передъ тѣмъ. Хотѣли избѣжать подобной же борьбы между различными претендентами, жаждавшими наслѣдства послѣ королевы, жизнь которой, угрожаемая частыми болѣзнями, не обѣщала быть продолжительной. Женить сильнѣйшаго вельможу Англіи на самой близкой родственницѣ Елизаветы, на самой непосредственной наслѣдницѣ Генриха VII, соединить католичку Марію съ протестантомъ Норфолькомъ, казалось самымъ удачнымъ и самымъ желаннымъ планомъ для этого.

Весьма многочисленные приверженцы старой религіи видѣли въ этомъ бракѣ надежду на возстановленіе своего могущества или, по-крайней-мѣрѣ, на терпимость ихъ исповѣданія подъ властью Маріи; послѣдователи реформы находили новое ручательство поддержки въ предполагаемой ими религіозной ревности Норфолька. Графъ Арэндель, первое лицо въ королевствѣ по своему значенію, послѣ герцога Норфолька, бывшій, подобно ему, членомъ тайнаго совѣта; графъ Пемброкъ, великій дворецкій королевы и сильнѣйшій вельможа въ Валлисѣ; графы: Уэстморлендъ и Нортэмберлендъ, лордъ Лэмлей, зять графа Арэнделя, католики болѣе или менѣе явные, подписали этотъ проэктъ. Графы Кэмберлендъ, Бэдфордъ, Сэссексъ и Дерби, съ которыми Норфолькъ совѣтовался, были не прочь отъ него. Самъ Лейстеръ принялъ въ немъ участіе, потому ли, что онъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ опору на случай смерти Елизаветы, благосклонность

которой возбуждала къ нему сильную зависть и вражду, или можетъ-быть потому, что онъ хотѣлъ знать обо всемъ, чтобы при случаѣ лучше услужить своей государынѣ. Герцогъ Норфолькъ, достигнувшій согласія высшей аристократіи, разсчитывалъ въ тоже время на поддержку провинціальнаго дворянства, въ графствахъ. Онъ совѣтовался также съ посланниками французскимъ и испанскимъ, съ которыми находился въ тѣсныхъ и таинственныхъ сношеніяхъ и которые дали ему на этотъ счетъ согласіе своихъ кабинетовъ. Главнѣйшіе руководители этого союза были убѣждены, что впослѣдствіи привлекутъ къ нему и Елизавету, или же принудятъ ее согласиться на ихъ требованія.

Нужно было прежде всего отнять у нея бдительнаго министра, управлявшаго ея политикой. Сесиль сдѣлалъ Елизавету всеобщей покровительницей протестантства, убѣдивъ ее назначить опредѣленный пенсіонъ лютеранскимъ государямъ Германіи, поддерживать лордовъ конгрегаціи въ Шотландіи,—воодушевлять вооружившихся гугенотовъ во Франціи и тайно помогать религіознымъ бунтовщикамъ въ Нидерландахъ. Онъ уже увлекъ ее къ чрезвычайно важному поступку относительно Филиппа II. Генуэзскіе купцы, отвозившіе на бискайскихъ и галисійскихъ корабляхъ къ герцогу Альбѣ деньги на жалованье его войскамъ, искали въ англійскихъ портахъ защиты отъ гнавшихся за ними пиратовъ. Елизавета приказала схватить ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они прибыли въ ея государство безъ дозволенія и паспортовъ. Она овладѣла порученными имъ суммами, возвращенія которыхъ герцогъ Альба напрасно требовалъ нѣсколько разъ. Этотъ гордый испанецъ, въ видѣ репрессаліи, задер-

жалъ англійскихъ купцовъ съ товарами, употребивъ мѣру, которую Филиппъ II распространилъ на подданныхъ Елизаветы во всѣхъ своихъ владѣніяхъ. Елизавета, съ своей стороны, подвергла такимъ же притѣсненіямъ подданныхъ Филиппа II, торговавшихъ въ Англіи, и вскорѣ за арестованіемъ посланниковъ двухъ державъ, доктора Джона Мэнна въ Мадридѣ и дона Гвеpальдо Эспеса, заступившаго мѣсто Гусмана да-Сильвы, въ Лондонѣ, послѣдовало насильственное прекращеніе торговли между обѣими странами. Уже находясь въ тайной борьбѣ съ Франціею, торговыя сношенія съ которою были также прекращены вслѣдствіе помощи, оказанной возставшимъ гугенотамъ, Елизавета съ минуты на минуту должна была ожидать войны съ Испаніей. Сесиль побуждалъ ее къ этому. Онъ приводилъ въ оборонительное положеніе англійскіе порты, приготовлялъ оружіе и военные запасы, снаряжалъ корабли, собиралъ войска и, повидимому, презиралъ двухъ самыхъ страшныхъ католическихъ государей материка.

Такая политика становилась опасною. Представители высшей аристократіи нисколько не скрывали этого отъ королевы, и въ ея присутствіи часто нападали на предпріимчиваго министра, по совѣтамъ котораго дѣлалось все. На Елизавету находили минуты сомнѣній и страха. Въ это время она не слишкомъ была увѣрена въ безопасности своего положенія. Жители приморскихъ и вообще большихъ городовъ, много теряли вслѣдствіе прекращенія торговли и обнаруживали крайнее неудовольствіе противъ королевы. Подавленные католики готовы были возстать во имя внуки Генриха VII, католички, которую она задерживала среди нихъ, какъ плѣнницу. Папа Пій V подни-

малъ въ Римѣ противъ нея процессъ, съ цѣлію лишить ея престола, какъ упорную еретичку. Марія Стюартъ писала Филиппу II, что королева англійская намѣрена отравить его. Католическіе вельможи и большинство членовъ тайнаго совѣта, скрытно видясь съ испанскимъ посланникомъ, совѣтовали даже сдѣлать высадку, за успѣхъ которой они ручались. Обстоятельства тѣмъ болѣе благопріятствовали этой высадкѣ, что герцогъ Альба только-что подавилъ возстаніе Нидерландовъ, и бо́льшая часть его войскъ была совершенно свободна. Наконецъ католическая партія, угрожавшая волненіями въ Англіи и торжествовавшая во Фландріи, побѣдила и во Франціи; герцогъ анжуйскій и маршалъ Таваннъ выиграли Жарнакскую битву у адмирала Колиньи и принца Конде́, который погибъ въ ней.

Таково было положеніе дѣлъ, когда герцогъ Норфолькъ, графъ Арэндель и многіе другіе тайные совѣтники Елизаветы возстали противъ мѣръ, вызванныхъ Сесилемъ. Они поколебали на минуту довѣренность къ нему королевы. Елизавета, казалось, оставила политику своего министра. Самъ Сесиль, котораго его противники хотѣли уничтожить, склонился передъ ними, чтобы избѣгнуть паденія. Онъ привлекъ къ себѣ благосклонность герцога Норфолька, выразивъ готовность быть его преданнымъ помощникомъ.

Герцогъ получилъ окончательный перевѣсъ. Покинутая своими совѣтниками, Елизавета, видя, что какъ вѣрность Лейстера, такъ и благонадежность Сесиля слабѣютъ въ отношеніи къ ней, принялась за переговоры со всѣми. При посредничествѣ Роберта Ридольфи, главы компаніи флорентинскихъ купцовъ въ Лон-

донѣ и тайнаго агента папы, она начала договариваться съ испанскимъ посланникомъ, желая мирнымъ путемъ покончить несогласія, происшедшія между нею и Филиппомъ II. Она уступила также настоятельному ходатайству французскаго посланника ла-Мота Фенелона, въ пользу Маріи Стюартъ.

Между-тѣмъ эта государыня, съ нетерпѣніемъ ожидавшая своего освобожденія, приходила въ отчаяніе, видя бѣдствія своей партіи въ Шотландіи. Она писала къ Елизаветѣ, энергически жалуясь на Мюррэя, который, несмотря на обѣщанія, данныя имъ Елизаветѣ, вооруженною рукою тѣснилъ всѣхъ шотландцевъ, оставшихся вѣрными. Она требовала, чтобы королева англійская, *не обманывала ее болѣе*, объявила формально: желаетъ она возстановить ея власть въ Шотландіи, или нѣтъ. Она прибавляла рѣшительнымъ и нѣсколько угрожающимъ тономъ: «Всякій другой отвѣтъ я сочту за отказъ, вслѣдствіе котораго, къ величайшему моему сожалѣнію, я должна буду принять чью-нибудь другую помощь, какую угодно будетъ Богу послать мнѣ.»

Именно этого Елизавета опасалась и всячески старалась избѣгнуть, находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи. На этомъ основаніи, въ маѣ 1569 г., она признала епископа росскаго посланникомъ Маріи Стюартъ и открыла переговоры съ нею на условіяхъ, предложенныхъ уполномоченнымъ своей плѣнницы. Епископъ росскій предложилъ королевѣ и совѣту Англіи слѣдующіе пункты: 1) Королева шотландская не будетъ безпокоить ни королеву англійскую, ни законныхъ наслѣдниковъ, происшедшихъ отъ нея, своими притязаніями на корону Англіи и Ирландіи; но въ

случаѣ, если таковыхъ не будетъ, королева Шотландіи и ея законные наслѣдники сохраняютъ полное право на эту корону. По этому эдинбургскій трактатъ, заключенный въ іюлѣ 1560 будетъ ратификованъ. 2) Между обоими королевствами, съ согласія сословій той и другой стороны, будетъ заключенъ мирный и дружественный договоръ, съ цѣлію положить болѣе прочное основаніе будущему соединенію ихъ. 3) Два предшествующіе пункта, скрѣпленные печатями обѣихъ государынь и утвержденные ихъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, должны кромѣ того получить санкцію обоихъ парламентовъ, что сдѣлаетъ ихъ еще ненарушимѣе. Въ случаѣ надобности и для бо́льшаго обезпеченія, королева шотландская будетъ ходатайствовать передъ королями Франціи и Испаніи, чтобы они гарантировали выполненіе обязательствъ, которыя она приметъ. 4) Чтобы угодить королевѣ англійской, королева шотландская, по ея желанію, распространитъ свое милосердіе на всѣхъ своихъ подданныхъ, которые нанесли ей оскорбленіе, съ условіемъ только, чтобы они возвратились къ прежнему повиновенію, отдали ей принца, ея сына, укрѣпленныя мѣста королевства, драгоцѣнности, которыми они овладѣли и чтобы отнынѣ вели себя какъ прилично вѣрнымъ подданнымъ. 5) Участвовавшіе въ заговорѣ противъ лодра Дарнлея, ея послѣдняго мужа, и совершившіе надъ нимъ убійство, будутъ безотлагательно наказаны, сообразно съ законами королевства. 6) Чтобы увѣрить шотландское дворянство въ томъ, что графъ Ботвель не будетъ возвращенъ, королева обязывается никогда не принимать его въ свои владѣнія и по совѣту этого сословія, развестись съ нимъ,

что лишитъ его возможности изъявлять какія бы то ни было притязанія въ будущемъ. 7) По принятіи этихъ условій, королева шотландская, въ сопровожденіи приличнаго конвоя, назначеннаго королевою англійскою, отправиться въ свое государство, гдѣ сословія, которыя должны на этотъ случай собраться въ парламентъ, возвратятъ ей корону, и гдѣ всѣ постановленія и акты, противные ея власти, будутъ уничтожены и преданы забвенію, какъ-бы несуществовавшіе вовсе.

Эти пункты были разсмотрѣны въ тайномъ совѣтѣ Англіи. Члены совѣта, избранные Елизаветой для переговоровъ съ епископомъ росскимъ, тѣмъ болѣе были расположены принять ихъ, что секретарь регента, Джонъ Вудъ, основываясь на недавно полученныхъ имъ письмахъ, утверждалъ, что регентъ съ радостію сложитъ съ себя бремя управленія Шотландіей, которымъ онъ уже утомленъ. Они требовали только, чтобы мирный договоръ Шотландіи съ Англіей былъ обращенъ въ вѣчный, наступательный и оборонительный союзъ; чтобы Марія Стюартъ не только примирилась, но и возвратила свое благоволеніе лицамъ, поднявшимъ противъ нея оружіе; чтобы она поддерживала въ Шотландіи протестантскую религію; и, наконецъ, чтобы она представила доказательства того, что не уступала своихъ правъ на корону Англіи герцогу анжуйскому. Въ то время, какъ эти переговоры велись открыто, проэктъ брачнаго союза между Маріей Стюартъ и герцогомъ Норфолькомъ, безъ вѣдома Елизаветы, обсуждался членами высшей аристократіи, составлявшей тайный совѣтъ.

Графы Арэндель, Пемброкъ, Лейстеръ и лордъ

Лэмлей отправили дворянина Кэндиша въ Уингфильдъ, для того чтобы представить Маріи Стюартъ статьи, которыя должны были служить основаніемъ трактата. Но они прибавили къ нимъ послѣднее условіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такъ-какъ слѣдуетъ ожидать, что королева Шотландіи вступитъ въ бракъ съ кѣмъ-нибудъ изъ иностранныхъ государей,—что́ можетъ принести вредъ религіи и поставить оба королевства въ опасное положеніе,—то было бы желательно, чтобы она избрала своимъ мужемъ одного изъ вельможъ Англіи, и именно, герцога Норфолька, который будучи первымъ между дворянами этого королевства, больше всѣхъ достоинъ такого выбора.» Дворянинъ, отправленный къ ней членами высшей аристократіи, вручилъ ей, отъ ихъ имени, очень любезное письмо, написанное собственною рукою Лейстера. Марія Стюартъ согласилась на всѣ условія, клонившіяся къ ея возстановленію. Единственный пунктъ, остановившій ее на минуту, былъ наступательный и оборонительный союзъ между Англіей и Шотландіей. Она потребовала, чтобы ей дозволили посовѣтоваться на этотъ счетъ съ французскимъ дворомъ, потому-что́ ее удерживала боязнь потерять свой вдовій доходъ и лишиться прежней поддержки, не пріобрѣвъ новой.

Что касается до брака съ герцогомъ Норфолькомъ, то онъ былъ живѣйшимъ желаніемъ ея, потому-что черезъ него она надѣялась пріобрѣсти расположеніе англійскаго дворянства. Находясь уже въ тайной перепискѣ съ герцогомъ, Марія Стюартъ посылала ему письма, дышавшія нѣжностью и довѣрчивостію. «У меня въ головѣ теперь,—писала она ему,—одно только

ваше предложеніе.» Однако же она притворялась, что колеблется и говорила: «я была такъ несчастлива въ своихъ прежнихъ замужствахъ, что никогда уже не думала болѣе о подобномъ предметѣ и скорѣе имѣла бы намѣреніе провести остатокъ дней своихъ въ одиночествѣ.» Но тутъ же прибавляла въ заключеніи: «что такъ-какъ прочія статьи, клонящіяся къ ея удовлетворенію и чести, уже приняты, то она почтетъ за счастіе слѣдовать желанію англійскаго дворянства, и что ея выборъ преимущественно останавливается на герцогѣ Норфолькѣ, какъ на человѣкѣ, пользующемся наибольшею любовью и уваженіемъ дворянства и прочихъ сословій.»

Марія послала въ Лондонъ съ своимъ отвѣтомъ на всѣ пункты лорда Бойда, и поручила Джемсу Бортуику отправиться во Францію, чтобы выхлопотать тамъ удостовѣреніе въ томъ, что она никогда не уступала герцогу анжуйскому своихъ правъ на англійскую корону. Это удостовѣреніе должно было встрѣтить тѣмъ меньше препятствій, что прежняя уступка этихъ правъ, 4 апрѣля 1558 г., была сдѣлана самому королю Франціи и ктому же на условіяхъ, которыя уже не существовали. Лордъ Бойдъ, послѣ своего совѣщанія съ Елизаветою и важнѣйшими членами совѣта, отправился обратно, съ предложеніями королевы и дворянства Англіи. Онъ проѣхалъ черезъ Уингфильдъ, куда завезъ къ Маріи Стюартъ весьма благосклонныя письма Елизаветы и главнѣйшихъ ея придворныхъ. Марія Стюартъ думала, что приближается конецъ ея испытаніямъ и передала лорду Бойду свои требованія къ регенту и сословіямъ Шотландіи.

Лордъ Бойдъ явился къ Мюррэю, отъ котораго за-

висѣло возстановленіе Маріи и ея бракъ съ Норфолькомъ. Онъ встрѣтилъ его въ Инвернессѣ на возвратномъ пути изъ экспедиціи противъ сѣверныхъ горцевъ, въ минуту когда полная побѣда окончательно утвердила его владычество. Бойдъ вручилъ ему письмо герцога Норфолька, напоминавшаго ему обѣщаніе относительно своего брака съ его сестрою. Норфолькъ писалъ ему, что онъ зашелъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что, по совѣсти, уже не можетъ ни возвратиться, ни съ честью идти дальше, если регентъ не уничтожитъ препятствій, которыя еще удерживаютъ его. Потомъ все пойдетъ хорошо и окончится по желанію къ выгодамъ Мюррэя. «Вотъ почему,—прибавлялъ Норфолькъ,—я обращаюсь къ вамъ, мой добрый лордъ, съ убѣдительнѣйшей просьбою—ускорить исполненіемъ обѣщанія, чтобы враги этого превосходнаго плана,—сліянія, въ будущемъ, этой земли въ одно королевство и поддержанія истинной вѣры въ Бога,—не нашли средствъ воспрепятствовать ему.» Трокмортонъ, исполнившій столько порученій въ Шотландіи, съ неменьшею живостію убѣждалъ своего друга Леттингтона, къ принятію этого проэкта. Онъ просилъ его употребить все свое искусство, для того чтобы успѣшно кончить начатое дѣло, обѣщавшее благоденствіе обоимъ государствамъ. Онъ увѣрилъ, что герцогъ Норфолькъ, графы Арэндель, Пемброкъ, Лейстеръ, Бедфордъ, Шрусберри, вся аристократія Англіи и даже секретарь Сесиль изъявили на это свое согласіе. «Признано нужнымъ,—прибавляетъ онъ,—скрывать этотъ проэктъ отъ королевы Елизаветы до тѣхъ поръ, пока вы, какъ самый способный для этого министръ, не сдѣлаете ей предложенія отъ имени регента и дворянства Шотландіи.

Леттингтонъ пламенно желалъ этого брака, въ которомъ онъ видѣлъ соглашеніе партій въ настоящее время и соединеніе Шотландіи съ Англіей въ будущее. Но Мюррэй, несмотря на обѣщанія, данныя Норфольку въ минуту своего отъѣзда изъ Лондона, былъ другихъ мнѣній. Возстановленіе Маріи Стюартъ отняло бы у него верховную власть, которою онъ очень дорожилъ, вопреки своимъ словамъ; и, кромѣ того, оно грозило сдѣлаться впослѣдствіи страшнымъ и для его безопасности, и для его религіи. Онъ былъ слишкомъ осторожнымъ честолюбцемъ и слишкомъ ревностнымъ сектаторомъ, для того чтобы согласиться на него, и особенно для того, чтобы помогать этой цѣли. Тѣмъ не менѣе онъ, съ своимъ обычнымъ притворствомъ, не обнаружилъ несогласія съ желаніями герцога Норфолька и Маріи Стюартъ, и отослалъ лорда Бойда въ общее собраніе сословій, созванное имъ въ Пертъ къ 26-му іюля. Повидимому онъ остался вѣренъ обязательствамъ, принятымъ въ Англіи; но втайнѣ побуждалъ приверженцевъ молодаго короля и ревнителей протестантства отвергнуть этотъ опасный союзъ.

Собраніе, отъ котораго, казалось, зависила участь Маріи Стюартъ, съѣхалось въ Пертъ къ назначенному дню. Въ немъ насчитывалось больше противниковъ, чѣмъ защитниковъ возстановленія свергнутой королевы. Собраніе выслушало довольно двумысленныя предложенія, сдѣланныя ему не слишкомъ чистосердечной Елизаветой. Такихъ предложеній было три. Королева англійская предлагала сословіямъ Шотландіи: или возвратить Маріи Стюартъ власть бе-

зусловно, или раздѣлить между нею и ея сыномъ верховное управленіе государствомъ, или же принять ее просто, какъ частное лицо, назначивъ ей содержаніе, соотвѣтствующее ея сану. Предоставить сословіямъ свободный выборъ между этими тремя различными предложеніями, значило подать поводъ къ тому, чтобы всѣ три были отвергнуты. Елизавета не обнаруживала столько мягкости и снисходительности къ желаніямъ другихъ, когда она дѣйствительно хотѣла сдѣлать по своему. Поэтому пертское собраніе, воспользовавшись независимостью, которую уважала въ немъ королева, обыкновенно не слишкомъ совѣстливая, не колеблясь отвергло оба первыя предложенія. Оно объявило, что прямое и безусловное возвращеніе Маріи Стюартъ на тронъ, равно какъ и раздѣлъ королевской власти между нею и ея сыномъ, не только опасны, но даже невозможны. Оставалось третье предположеніе, то есть возвращеніе Маріи въ Шотландію въ качествѣ частнаго лица, не имѣющаго никакой власти, но тѣмъ не менѣе находящагося въ положеніи, соотвѣтствующемъ ея прежнему достоинству. Марія не была бы уже больше королевою, но она перестала бы быть плѣнницею. Хотя собраніе считало неудобнымъ и опаснымъ допустить къ королю-ребенку, на-ряду съ регентомъ, которому оно завидовала, королеву, такъ долго управлявшую страною и въ распоряженіи которой находилась такая могущественная партія,— однакоже это условіе не было сначала положительно отвергнуто.

Послѣ того начался разборъ предложенія, сдѣланнаго Маріею Стюартъ собранію объ уничтоженіи ея

брака съ Ботвелемъ для того, чтобы дать ей возможность вступить въ новый бракъ. Она надѣялась пріучить шотландскій парламентъ къ мысли, занимавшей умы англійскаго дворянства, и облегчить герцогу Норфольку возможность брачнаго союза, отъ котораго она ожидала своего освобожденія и возстановленія своей власти. Споры по этому вопросу отличались особенной энергіей и въ нихъ выразились всѣ страсти обѣихъ партій. Леттингтонъ безусловно одобрилъ разрывъ брака, принесшаго столько бѣдствій и утверждалъ, что разводъ королевы могъ быть допущенъ безъ вреда для короля и безъ опасности для господствующей Церкви. Джемсъ Макгиль, секретарь собранія, опровергалъ это мнѣніе съ ненавистью врага, съ фанатизмомъ пресвитеріанина. Марія Стюартъ писала сословіямъ Шотландіи такимъ тономъ, какъ-будто она была все-еще ихъ королевою. Макгиль приходилъ отъ этого въ негодованіе и говорилъ, что онъ не признаетъ другаго государя, кромѣ молодаго короля. Онъ ставилъ также въ укоръ Маріи Стюартъ то, что она отзывалась объ архіепископѣ сентъ-андрейскомъ какъ о главѣ Церкви, тогда-какъ онъ былъ только бунтовщикъ и еретикъ! Онъ объявилъ, что разсуждать о такихъ притязаніяхъ значило допускать ихъ справедливость и становиться виновнымъ въ измѣнѣ государству и въ богохульствѣ противъ Церкви.

Несмотря на сопротивленіе Леттингтона, который съ горькой ироніей удивлялся тому, что видитъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которые еще недавно были такъ ожесточены противъ этого брака, противящимся теперь его разрыву,—ближайшіе интересы побѣдоно-

сной партіи, неумолимыя страсти пресвитеріанской секты и тайные происки честолюбиваго регента одержали верхъ на засѣданіяхъ въ Пертѣ. Послѣ шумныхъ споровъ это собраніе разошлось, не допустивъ даже возможности пребыванія Маріи Стюартъ въ Шотландіи въ качествѣ частнаго лица и не желая принимать участія въ ея разводѣ съ Ботвелемъ. Мюррэй извѣстилъ объ этомъ Елизавету, объявивъ ей: «что онъ не можетъ согласиться на возстановленіе низвергнутой королевы, не оскорбляя своей совѣсти и не поступая во вредъ королю-дитяти, своему государю, и благосостоянію страны.» Онъ прибавлялъ, что «почитаетъ себя достаточно утвердившимъ власть молодаго короля, такъ-что имѣетъ возможность защищать его силою.»

Результатъ собранія въ Пертѣ не долженъ былъ ни огорчить Елизавету, ни удивить ее. Но онъ обманулъ надежды Маріи Стюартъ. Не имѣя возможности разсчитывать болѣе на Шотландію, гдѣ ея приверженцы были отчасти заключены въ тюрьму, отчасти подчинились регенту, и гдѣ ея противники упорно отказывались отъ примиренія съ нею,—эта королева не находила уже для себя другаго исхода, кромѣ рѣшительнаго вмѣшательства высшей англійской аристократіи и поддержки католическихъ государей материка, раздѣлявшихъ убѣжденія важнѣйшихъ лицъ этой аристократіи. Герцогъ Норфолькъ съ нѣкотораго времени сталъ жить открыто, чтобы привлечь къ своимъ планамъ какъ-можно больше лицъ и пріучить этимъ видимымъ великолѣпіемъ къ близкому своему возвышенію. «Дѣла королевы шотландской,—писалъ ла-Моттъ-Фенелонъ къ Катеринѣ

Медичи,—пріобрѣтаютъ сильную поддержку черезъ герцога Норфолька, который разсчитываетъ жениться на ней.... И если королева англійская даже и не одобритъ этого намѣренія, то оно все-таки будетъ приведено въ исполненіе,—такъ далеко, повидимому, зашли уже дѣла.... И если она не согласится на освобожденіе и возстановленіе шотландской королевы, то обойдутся и безъ ея согласія.» Но герцогъ Норфолькъ, обращавшійся къ французскому двору съ просьбою о присылкѣ въ Дэмбартонъ пяти или шести сотъ стрѣлковъ съ военными припасами, призывавшій также на помощь испанскій дворъ,—осмѣлится ли открыто идти къ той цѣли, къ которой онъ стремился до тѣхъ поръ тайными путями? Онъ и его приверженцы, льстили себя надеждою привлечь на свою сторону Елизавету, соединивъ интересы главныхъ лицъ Англіи и Шотландіи. Но теперь, когда они не достигли одобренія шотландцевъ, рѣшатся ли они одни убѣждать англійскую королеву или принудить ее, какъ хвалились многіе изъ нихъ? Это значило бы быть слишкомъ увѣренными въ себѣ и дурно знать эту высокомѣрную, завистливую, жестокосердую государыню, которая не слѣдовала никакому убѣжденію, противному ея интересамъ, и не потерпѣла бы ни малѣйшаго посягательства на ея власть.

Намѣренія герцога Норфолька и Маріи Стюартъ, сообщенныя и въ Англіи, и въ Шотландіи такому множеству лицъ, разныхъ по своему положенію и чувствамъ, не могли не дойти до свѣдѣніи Елизаветы. До нея дошелъ слухъ о приготовленіяхъ къ браку между герцогомъ и королевою, которую хотѣли объ-

явить ея наслѣдницею. Она замѣтила, что расположеніе ея собственнаго совѣта начинаетъ склоняться въ пользу ея соперницы, присутствіе которой воодушевляло католическую партію въ Англіи и становилось для Елизаветы источникомъ затрудненій и опасностей. Поэтому она объявила ла-Моттъ-Фенелону,— который, всё съ бо́льшею настоятельностью, отъ имени своего двора, требовалъ возстановленія Маріи Стюартъ,—что Марія Стюартъ вовсе не будетъ возстановлена и что она заслужила свое заключеніе сдѣланными ею ошибками. «Мнѣ извѣстны,—сказала она французскому посланнику,—всѣ происки, которые она употребляла со времени пріѣзда своего въ это королевство. Слухъ государей хорошъ и они слышатъ все, что́ дѣлается и далеко отъ нихъ и около нихъ.... Она старалась возмутить противъ меня даже собственное мое королевство, при помощи нѣкоторыхъ изъ моихъ подданныхъ, обѣщавшихъ ей очень много; но это—люди, которые насулятъ цѣлыя горы и не дадутъ даже комка земли. Они считали меня слишкомъ глупою, думая, что я не узнаю ни о чемъ.»

Въ своихъ тревожныхъ опасеніяхъ она старалась разузнать обо всемъ, что́ ей необходимо было уничтожить. Ей удалось все открыть. Лейстеръ съ полною откровенностью и боязливымъ раскаяніемъ посвятилъ ее въ тайны переговоровъ. Она сдѣлала запросъ регенту Шотландіи о томъ, какое участіе принималъ онъ въ этомъ дѣлѣ, и регентъ передалъ ей конфиденціальныя письма Норфолька. Еще не зная всѣхъ этихъ подробностей и только подозрѣвая герцога Норфолька, она, дѣлая угрожающій намекъ на его собственныя слова, сказанныя имъ по возвраще-

ніи изъ Йорка, совѣтовала ему *выбрать хорошую подушку для своей головы.* Послѣ того, выразивъ ему свою рѣшительную волю относительно брака, противорѣчившаго ея чувствамъ и опаснаго для ея политики, она запретила ему даже думать о немъ и приказала не сближаться болѣе съ шотландскою королевою, чтобы не нарушить *своихъ подданническихъ обязанностей.* Таинственные происки высшей аристократіи и заговоры въ пользу ея соперницы, въ которомъ приняли участіе даже члены ея совѣта, привели ее въ состояніе гнѣва, заставлявшаго всѣхъ дрожать передъ грозною дочерью Генриха VIII-го.

Герцогъ Норфолькъ, несмотря на повелѣніе своей королевы, не думалъ отказываться отъ намѣренія вступить въ бракъ съ Маріею Стюартъ. Онъ стремился теперь только къ тому, чтобы стать во главѣ своихъ провинціальныхъ приверженцевъ и возмутить ихъ противъ Елизаветы. Побуждаемый отчасти страхомъ, отчасти честолюбіемъ, онъ 23-го сентября внезапно покинулъ дворъ и уѣхалъ въ Норфолькъ. Графъ Арэндель, графъ Пемброкъ и лордъ Лэмлей послѣдовали его примѣру. Они удалились въ свои помѣстья, между-тѣмъ какъ ихъ друзья, графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ находились въ сѣверныхъ графствахъ и уже готовы были къ дѣйствіямъ. Это была самая удобная минута для выполненія половины плана, въ которомъ уже давно приняли участіе всѣ эти могущественныя личности. Ихъ намѣренія дошли уже до того, что они захотѣли измѣнить религію страны; а слѣдствіемъ такой перемѣны было бы паденіе Елизаветы и возвышеніе Маріи.

Испанскій посланникъ, донъ Гвералдо Эспесъ,

передалъ въ это время, отъ имени своего государя, шесть тысячъ экю герцогу Норфольку, графу Арэнделю и лорду Лэмлею и десять тысячъ—Маріи Стюартъ, которая безпрерывно отправляла посольства къ Альбѣ, желая привлечь его къ своему дѣлу и убѣдить его въ томъ, чтобы онъ принялъ на себя ея защиту. Папа Пій V съ увлеченіемъ писалъ къ этому предводителю испанскихъ войскъ въ Нидерландахъ,—гдѣ онъ, казалось, вполнѣ подавилъ возстаніе,—о несчастной плѣнницѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Мы заклинаемъ твое благородство и отъ всей души просимъ его употребить всѣ средства для возвращенія свободы нашей возлюбленной дочери о Христѣ Іисусѣ, королевѣ шотландской и, если возможно, для возстановленія ея прежней власти. Твое благородство не можетъ сдѣлать ничего, что́ было бы угоднѣе и полезнѣе для всемогущаго Бога, чѣмъ освобожденіе этой королевы, оказавшей много услугъ католической религіи и угнетаемой могуществомъ своихъ враговъ, зараженныхъ ересью.»

Дѣйствительно, обстоятельства благопріятствовали возмущенію противъ Елизаветы. Еслибы всѣ недовольные ея поступками и ненавидѣвшіе ея власть, согласились сдѣлать на нее нападеніе разомъ; еслибы члены высшей аристократіи, удалившіеся отъ двора, смѣло бросились въ графства, въ которыхъ они пользовались большимъ вліяніемъ, и соединились съ католиками, готовыми вооруженною рукою требовать возвращенія имъ права отправлять свое богослуженіе; еслибы герцогъ Альба, высадивъ въ Англію часть войскъ, которыя были уже ему ненужны и которыя онъ распустилъ въ Нидерландахъ,—подалъ бы та-

кимъ-образомъ военную помощь своего короля недовольнымъ политическимъ порядкомъ дѣлъ и угнетеннымъ въ религіозномъ отношеніи подданнымъ Елизаветы,—то и она, и протестантство подверглись бы равной опасности.

Елизавета сознала опасность, грозившую ей. Она поспѣшила принять самыя рѣшительныя мѣры для избѣжанія ея. Марія Стюартъ находилась въ Уингфильдѣ, въ графствѣ Дерби, подъ довольно снисходительнымъ надзоромъ графа Шрусберри, нисколько не препятствовавшаго ея перепискѣ и тайнымъ переговорамъ. Елизавета повелѣла перевести ее немедленно въ менѣе доступный замокъ Тэтберри и послала туда графа Гэнтингдона,—бывшаго соперникомъ Маріи въ соискательствѣ на англійскій престолъ и, слѣдовательно, ея врага,—для того чтобы подвергнуть ее болѣе строгому надзору. Разстроенная въ своихъ ожиданіяхъ, трепеща даже за свою жизнь, которую она считала въ опасности, королева-плѣнница, несмотря на то, что прислуга ея была разогнана, и приближенные къ ней люди объисканы, нашла однако возможность послать четырехъ изъ своихъ приверженцевъ съ депешами къ герцогу Норфольку, епископу росскому и французскому посланнику ла-Моту-Фенелону. «Умоляю васъ, — писала она послѣднему, — ободрите друзей моихъ и посовѣтуйте имъ быть готовыми, чтобы помочь мнѣ теперь, или никогда!»

Въ эту рѣшительную минуту, несмотря на опасенія, тревожившія ее, думая больше о своихъ планахъ, чѣмъ объ угрожающей опасности, она приказала сказать герцогу Норфольку, чтобы онъ смѣло

приступалъ къ дѣлу, не безпокоясь ни о ней, ни о ея жизни, которую Богъ сохранитъ.

Герцога, по прибытіи въ Норфолькъ, окружили католики. Изъ своего кенингольскаго дома онъ отправилъ гонцовъ къ графамъ Нортэмберленду и Уэстморленду, которые были гораздо рѣшительнѣе его. Но въ то же время онъ писалъ къ Елизаветѣ покорныя и уклончивыя письма, въ которыхъ увѣрялъ, что ея немилость была единственною причиною его отъѣзда и утверждалъ, что онъ никогда не имѣлъ никакой мысли, которая бы могла повредить *ея коронѣ и ея достоинству*. Елизавета, не принимая ни его объясненій, ни оправданій, повелѣла ему возвратиться въ Лондонъ втеченіи четырехъ дней, прибавивъ, что неповиновеніе будетъ принято ею за измѣну; она предписала также графамъ Арэнделю, Пемброку и лорду Лэмлею немедленно и безъ всякихъ возраженій явиться въ совѣтъ. Она приказала собрать достаточныя силы для поддержанія общественнаго спокойствія въ графствахъ, которыя были сильно взволнованы извѣстіемъ, что герцогъ Норфолькъ удалился отъ двора.

Подданный, не отличавшійся покорностію, Норфолькъ, отказался отъ пріѣзда ко двору, ссылаясь на лихорадку, удерживавшую его дома. Но слишкомъ нерѣшительный заговорщикъ, онъ не осмѣлился открыто возстать, несмотря на обѣщаніе нѣкоторыхъ лицъ его поддержать. Его отказъ раздражилъ королеву, а нерѣшительность охладила его приверженцевъ. Наконецъ, приведенный въ уныніе холодностію, которую самъ возбудилъ вокругъ себя, устрашенный повелительными призывами Елизаветы, которая по-

велѣла ему возвратиться ко двору въ носилкахъ, если лихорадка не позволяетъ ему пріѣхать на лошади, и которая отправила нѣсколькихъ своихъ тѣлохранителей, для того чтобы они, сговорившись съ шерифами, овладѣли его особою внутри графства, въ случаѣ если онъ не захочетъ повиноваться; и надѣявшійся, кромѣ того,—какъ ему писалъ Сесиль,—что гнѣвъ королевы не сильнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ какъ она его выражаетъ на словахъ,—онъ рѣшился возвратиться ко двору. Чтобы не скомпрометировать себя возстаніемъ сѣверныхъ графствъ, которое было бы въ это время слишкомъ несвоевременно, онъ отправилъ изъ Больтона благонадежнаго гонца къ своему зятю, графу Уэстморленду, котораго онъ умолялъ не начинать дѣйствій, если онъ не желаетъ его погибели. По прибытіи въ Лондонъ, онъ былъ посаженъ въ Товеръ, между-тѣмъ какъ его друзья, графъ Пемброкъ, графъ Арэндель и лордъ Лэмлей, изъявившіе покорность прежде него и казавшіеся не столько виновными и менѣе опасными, были арестованы, и подвергнуты надзору и допросамъ въ собственныхъ домахъ.

Слабость, возвращеніе и плѣнъ герцога Норфолька и его главнѣйшихъ соучастниковъ, уменьшили надежды на успѣхъ возстанія, но не предотвратили его. Едва только герцогъ оставилъ дворъ, какъ сильное волненіе разразилось въ сѣверныхъ графствахъ, гдѣ находились графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ, католическіе предводители древнихъ и сильныхъ фамилій Перси и Невиллей, и гдѣ самыя дерзкія надежды воодушевляли всѣхъ довольно многочисленныхъ приверженцевъ запрещенной религіи. Кромѣ этихъ

двухъ графовъ, силы которыхъ были значительны, а имя пользовалось большимъ уваженіемъ въ сѣверныхъ областяхъ, могущественныя фамиліи: Дэкровъ, Нортоновъ, Маркенфильдовъ и Темпестовъ были готовы поднять оружіе. Въ замкахъ Брэнспатъ и Топклифъ, мѣстопребываніи благородныхъ графовъ Уэстморленда и Нортэмберленда собирались *митинги* предводителей недовольной партіи. На этихъ тайныхъ собраніяхъ присутствовали: Леонардъ Дэкръ-Гислендъ, который могъ выставить небольшую армію, старый Ричардъ Нортонъ, съ тремя своими сыновьями, Маркенфильдъ-Маркенфильдзъ, два Темпеста, капитанъ Джонъ Суинбёрнъ, Плэмптонъ-Плэмптонзъ, Вэризонъ Газельвудъ, Андру Огльторпъ и Кристофъ Дэнби. Тутъ дѣлались предположенія, главною цѣлію которыхъ было освобожденіе Маріи Стюартъ и возстановленіе католической религіи. Во время этихъ опасныхъ совѣщаній, графъ Сэссексъ, назначенный главнымъ начальникомъ сѣверныхъ областей, замѣчая безпокоившее ихъ волненіе и слѣдуя благоразумнымъ приказаніямъ королевы, вызвалъ къ себѣ въ Йоркъ графовъ Нортэмберленда и Уэстморленда. Онъ сдѣлалъ имъ запросъ о ихъ намѣреніяхъ, но они съумѣли успокоить его и онъ позволилъ имъ возвратиться.

Они готовы были уже оставить все, когда узнали о малодушномъ возвращеніи герцога Норфолька и о его заключеніи въ Товеръ. Кромѣ того испанскій посланникъ и епископъ росскій просили ихъ, также какъ и герцогъ, не предпринимать ничего въ настоящую минуту. Самые католическіе ученые, которымъ былъ предложенъ вопросъ о томъ, можно ли по законамъ божескимъ поднимать оружіе противъ

своего государя, раздѣлились во мнѣніяхъ. Одни утверждали, что нельзя—до тѣхъ поръ, пока королева не будетъ отлучена отъ Церкви папою; другіе говорили, что можно, что это вполнѣ законно, и что королева уже отлучена тѣмъ самымъ, что отказала въ пріемѣ папскому посланнику. Среди этой неизвѣстности они были принуждены къ дѣйствіямъ страстями руководимой ими партіи и боязнію быть арестованными въ свою очередь. Получивъ снова приглашеніе графа Сэссекса явиться въ Йоркъ и требованіе Елизаветы прибыть ко двору, они отказали въ повиновеніи. Имъ не оставалось ничего болѣе, какъ покинуть страну, или взяться за оружіе. «Наша опасность такъ велика,—говорилъ старый Ричардъ Нортонъ,—и наше дѣло такъ справедливо, что мы должны или начать дѣйствовать силою и подвергнуться участи, какую намъ пошлетъ Богъ, или же удалиться изъ королевства. Но на насъ ляжетъ позорнымъ пятномъ такой отъѣздъ, если мы оставимъ при этомъ дѣло его святѣйшества.» Графъ Нортэмберлендъ оставилъ Топклифъ, гдѣ онъ опасался попасться въ плѣнъ, и отправился въ Брэнспатъ; возстаніе вспыхнуло.

Написавъ къ папѣ Пію V, къ испанскому посланнику и къ герцогу Альбѣ, прося ихъ помощи и извѣщая ихъ, что, для облегченія высадки войскъ, предположено занять какой-нибудь портъ, находящійся на восточномъ берегу Англіи, а также увѣрившись въ помощи графовъ Кэмберленда, Дерби и лорда Уортона, считавшихся самыми сильными владѣльцами въ этихъ провинціяхъ и расположенныхъ въ пользу проэкта, графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ выѣхали, 14 ноября, изъ Грэнспата и, предводитель-

ствуя пятью стами всадниковъ, отправились въ Дёргэмъ. Возмущеніе имѣло характеръ преимущественно католическій. На знамени, которое несъ престарѣлый Нортонъ, воодушевленный больше всего религіознымъ энтузіазмомъ, былъ изображенъ распятый Іисусъ Христосъ, съ пятью кровавыми ранами. Населеніе Дёргэма отворило инсургентамъ ворота и пристало къ нимъ. Городское начальство и главнѣйшіе изъ заговорщиковъ отправились въ соборъ, гдѣ сожгли библію, уничтожили англиканскую *книгу общихъ молитвъ*, разломали престолъ протестантскаго причащенія и возстановили прежнее богослуженіе.

Не объявляя себя противъ Елизаветы, — власть которой они не оспаривали положительно, но которая неминуемо была бы низвергнута съ трона въ случаѣ побѣды инсургентовъ,—оба графа писали въ своихъ прокламаціяхъ, что они желаютъ признанія правъ Маріи Стюартъ на англійское наслѣдство и возстановленія прежней религіи. Они объявили, что герцогъ Норфолькъ, графы Арэндель и Пемброкъ, и лордъ Лэмлей,—которые, какъ слышно, освобождены изъ заключенія, также какъ и католическая наслѣдница,— раздѣляютъ ихъ убѣжденія; и доказывали, что они поднимаютъ оружіе преимущественно противъ Сесиля и другихъ временщиковъ, которыхъ они обвиняли въ томъ, что эти люди вводятъ въ заблужденіе королеву и возмущаютъ государственное спокойствіе: «Лица, говорили они, своевольныя и неблагонамѣренныя, окружающія ея величество, своими хитрыми и коварными поступками, клонящимися къ ихъ собственному возвышенію, ниспровергли въ нашей странѣ истинную вѣру, обманули королеву, про-

извели смуты въ королевствѣ, и наконецъ предприняли уничтоженіе аристократіи; вотъ почему соединились мы, желая, при помощи Божіей и вашей, добрый народъ, сопротивляться имъ силою и исправить разрушенное, возстановить всѣ древніе обычаи, свободу церкви Божіей и этого благороднаго королевства; потому-что если мы не сдѣлаемъ этого сами, то иностранцы предпримутъ это, къ великой опасности нашей страны.» Ихъ призывъ былъ услышанъ, и у нихъ скоро составилось небольшое войско изъ тысячи хорошо вооруженныхъ всадниковъ и пяти или шести тысячъ пѣхоты.

На сѣверѣ не было вовсе войскъ, которыя могли бы сопротивляться имъ; здѣсь даже братъ графа Сэссекса, сэръ Эгремонтъ Рэтклифъ соединился съ ними. Графъ Сэссексъ, оставшійся вѣрнымъ, заперся въ Йоркѣ и привелъ его въ оборонительное положеніе. Три начальника границъ восточной, центральной и западной—лордъ Гэнсдонъ, сэръ Джонъ Форстеръ и лордъ Скрупъ, укрѣпились въ Бервикѣ, Ньюкэстлѣ и Карляйлѣ, гдѣ ихъ позиція была совершенно неприступна. Графы, не встрѣчая никакого сопротивленія въ открытомъ полѣ, овладѣли поочередно Ричмондомъ, Оллертономъ и Райпономъ. Они отправили Кристофа Невилля чтобы овладѣть Гартльпулемъ и укрѣпить этотъ портъ, расположенный на оконечности маленькаго полуострова между Тайномъ и Тизомъ, и удобный для высадки вспомогательныхъ войскъ, которыя, какъ они были убѣждены, пришлетъ къ нимъ герцогъ Альба, узнавъ о ихъ возстаніи. Въ ожиданіи этого, они стали подвигаться на югъ, безпрепятственно занимая всѣ неукрѣпленные города.

Коварная политика, которой держалась, относительно Маріи Стюартъ, Елизавета, подвергла ее смутамъ въ королевствѣ, наслаждавшемся втеченіи одиннадцати лѣтъ спокойствіемъ, и стала угрожать ея власти. Удерживая въ Англіи такую опасную плѣнницу, она сама подала католикамъ и недовольнымъ поводъ къ возстанію и надежду на успѣхъ. Но хотя она и вызвала опасность, однако же не допустила себя до пораженія. У нея явилась чрезвычайная энергія въ минуты опасности. Кромѣ прежнихъ арестовъ, она подвергла заключенію Трокмортона, епископа росскаго и флорентинца Ридольфи, которыхъ подозрѣвала въ единомысліи съ герцогомъ Норфолькомъ. Одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ генераловъ герцога Альбы, Чьяпино Вителли, прибылъ въ это время въ Англію для прекращенія коммерческихъ несогласій, происшедшихъ между Елизаветой и Филиппомъ II-мъ. Опасаясь, что его пріѣздъ есть слѣдствіе другихъ намѣреній, она приказала задержать его военный конвой въ Дуврѣ, и позволила ему только въ сопровожденіи пяти человѣкъ явиться въ Лондонъ, гдѣ онъ былъ подвергнутъ строгому надзору.

Чтобы не дать бунтовщикамъ возможности освободить Марію Стюартъ, присутствіе которой усилило бы ихъ отвагу и увеличило бы надежды на успѣхъ, Елизавета приказала, чтобы королева шотландская была немедленно переведена изъ замка Тэтбери въ Ковентри, укрѣпленное мѣсто графства Уорвикъ, гдѣ она была бы въ безопасности отъ нечаяннаго нападенія. Кажется даже, что ея стражи имѣли приказаніе умертвить ее, если успѣхъ склонится на сторону возстанія. Опасаясь, чтобы инсургенты

не получили помощи моремъ, Елизавета вооружила семь самыхъ большихъ кораблей своихъ, для крейсерства между берегами Англіи и Нидерландовъ. Она объявила бунтовщиками графовъ Нортэмберленда и Уэстморленда; написала собственноручныя письма ко всѣмъ, кого хотѣла укрѣпить въ вѣрности и усилить въ преданности, приказала сэру Ральфу Сэдлеру и лорду Гэнсдону соединить свои силы съ силами графа Сэссекса, который долженъ былъ собрать всѣ сѣверныя войска и приготовиться къ открытію кампаніи. Въ то же время она назначила намѣстниковъ для сбора войскъ въ графствахъ. Она повелѣла образовать, съ возможною скоростію, два отдѣльныхъ корпуса въ южныхъ графствахъ,—одинъ подъ командою графа Уорвика, другой—адмирала Клинтона, которые должны были какъ можно скорѣе отправиться въ Йоркъ и помочь графу Сэссексу въ усмиреніи возстанія.

Пока Елизавета принимала эти благоразумныя мѣры, графы Нортэмберлендъ и Уэстморлендъ оставались повелителями занятыхъ ими округовъ, не дѣлая впрочемъ никакихъ новыхъ успѣховъ. Самый дальній пунктъ, до котораго они достигли, былъ Бёробригъ. Вмѣсто того, чтобы продолжать свой походъ на югъ,—они, можетъ-быть отъ того что не надѣялись на возстаніе провинцій, а можетъ-быть и потому, что хотѣли утвердиться на сѣверѣ и ожидать тамъ помощи Пія V и Филиппа II-го,—возвратились назадъ. Не успѣвъ проникнуть ни въ одно изъ значительныхъ мѣстъ, остававшихся вѣрными королевѣ, они предприняли осаду Барнардъ-Кэстля, гдѣ заперся сэръ Джоржъ Боузъ. Двѣнадцать дней потеряли они подъ этимъ маленькимъ городкомъ, въ которомъ сэръ

Джоржъ Боузъ храбро защищался до тѣхъ поръ, пока недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и возмущеніе его собственныхъ солдатъ не заставили его, наконецъ, 12-го декабря, выдти оттуда. Это былъ послѣдній успѣхъ инсургентовъ.

Черезъ два дня послѣ сдачи Барнардъ-Кэстля, графъ Сэссексъ, предводительствуя отрядомъ около тысячи двухъ сотъ всадниковъ и четырехъ тысячъ пѣхоты, выступилъ противъ нихъ, готовый дать имъ сраженіе, если бы они рѣшились на него. Графъ Уорвикъ и адмиралъ Клинтонъ прибыли съ юга усиленнымъ маршемъ, приведя съ собою около двѣнадцати тысячъ человѣкъ и расположились въ Бёробригѣ. Предводители возстанія, тѣснимые съ сѣвера Джономъ Форстеромъ, шедшимъ изъ Ньюкэстля, съ востока—Сэссексомъ, имѣвшимъ равныя съ ними силы, угрожаемые съ юга Уорвикомъ и Клинтономъ, войска которыхъ значительно превосходили, числительностію, ихъ армію и потерявшіе наконецъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла,—собрали 16-го декабря населеніе Дёргэма, предложили каждому позаботиться о своей личной безопасности, распустили пѣхоту, и въ сопровожденіи своей кавалеріи отправились въ Гексгэмъ. Тамъ они переправились черезъ Тайнъ, очистивъ такимъ-образомъ Гартльпуль, и бѣжали въ Шотландію. Графъ Уэстморлендъ, сэръ Эгремонтъ Рэтклифъ, Нортонъ, Маркенфильдъ, Суинбернъ и Темпестъ нашли убѣжище въ гостепріимныхъ кланахъ Скоттовъ, Керовъ, Юмовъ, и Джонстоновъ. Графъ Нортэмберлендъ, менѣе счастливый, попался въ руки одного пограничнаго бандита, по имени Гекки Армстронгъ, который задержалъ его въ своемъ

замкѣ Гарло, и, черезъ нѣсколько времени послѣ того, передалъ за деньги Мюррэю, который немедленно заключилъ Нортэмберленда въ Лочливнъ.

Такъ окончилось это возстаніе, которое могло сдѣлаться страшнымъ для Елизаветы, если бы оно было лучше задумано и ведено съ бо́льшимъ искусствомъ. Чтобы союзъ знатнаго дворянства съ католическою партіей могъ подвергнуть опасности тронъ протестантской королевы, надлежало, чтобы онъ былъ полнѣе и чтобы, опираясь на имя и права Маріи Стюартъ, признанной Норфолькомъ, поддерживаемой Альбою, онъ высказался съ бо́льшею рѣшительностію и дѣйствовалъ съ бо́льшимъ единствомъ. Но безхарактерность герцога Норфолька, вялость герцога Альбы, который по излишнему благоразумію упустилъ единственный случай, которымъ могъ воспользоваться въ интересахъ своей религіи и своего государя; самая нерѣшительность католиковъ, которые колебались между своею религіею и своею вѣрностью королевской власти,—сдѣлали возмущеніе графовъ Нортэмберленда и Уэстморленда безразсуднымъ, давъ ему слишкомъ частный характеръ и осудивъ его на безсиліе.

Это возмущеніе принесло много вреда дѣлу старой религіи и плѣнной королевы въ странѣ, гдѣ католицизмъ и Марія Стюартъ имѣли наиболѣе приверженцевъ. Перси, Невилли, Нортоны, Маркенфильды, Темпесты удалились оттуда, чтобы не подвергнуться изгнанію. Бѣгство знатнѣйшихъ фамилій и ужасъ, распространенный жестокими казнями въ народѣ, въ глазахъ котораго погибло, по приговорамъ военнаго суда, болѣе трехъ сотъ человѣкъ въ одномъ Дёргэмскомъ графствѣ, уменьшили въ этой странѣ силу

и уничтожили бодрость партіи, враждебной Елизаветѣ.

Католическое возстаніе на сѣверѣ Англіи до крайней степени встревожило шотландскаго регента. Власть его зависѣла отъ успѣха Елизаветы. Поэтому онъ вызвался идти на помощь королевѣ, своей покровительницѣ и союзницѣ, съ шотландскими войсками, которыя онъ собралъ въ Пибльзѣ къ 20-му декабря и которыя подавленіе бунта сдѣлало ненужными. Образъ дѣйствій Мюррэя согласовался съ его критическимъ положеніемъ. Не оказавъ въ пертскомъ собраніи содѣйствія въ пользу предполагаемаго брака королевы, своей сестры, съ герцогомъ Норфолькомъ, и къ примиренію партій, онъ потерялъ поддержку со стороны людей, которые благопріятствовали этому браку и желали этого примиренія. Летингтонъ стоялъ во главѣ ихъ. Недовѣряя регенту, который, съ своей стороны, считалъ его самого лицомъ очень подозрительнымъ, Летингтонъ отправился къ своему неизмѣнному другу, графу Атолю. Мюррэй боялся его интригъ и рѣшился отъ него избавиться. Онъ вѣроломно пригласилъ его въ совѣтъ, какъ секретаря, какъ-будто бы по дѣлу, касающемуся его обязанностей, и когда Летингтонъ пришелъ въ совѣтъ, гдѣ находились: Мортонъ, Маръ, Гленкэрнъ, Линдсэй и лорды, оставшіеся вѣрными молодому королю,— явился капитанъ Крофордъ отъ имени графа Леннокса, чтобы обвинить секретаря и Джемса Бальфёра, какъ участниковъ въ умерщвленіи Дарнлея. Тотчасъ же арестованный, онъ былъ отведенъ въ домъ одного изъ слугъ регента, гдѣ, впрочемъ, оставался не долго. Кёркальди похитилъ его у тѣхъ, которые его стерегли и далъ ему убѣжище въ Эдинбургскомъ замкѣ

до 22-го ноября, т. е. до дня, назначеннаго для суда.

Въ этотъ день друзья секретаря Шотландіи взялись за оружіе и лордъ Юмъ, съ значительнымъ отрядомъ всадниковъ, занялъ улицы Эдинбурга, надъ которыми лордъ Грэнджъ господствовалъ изъ своей цитадели. Судъ надъ Летингтономъ сдѣлался такъ же невозможенъ, какъ и его заключеніе. Мюррэй приказалъ отсрочить рѣшеніе, не желая оправдать его, что доставило бы тріумфъ Летингтону и нанесло бы смертельный ударъ регенту.

Его разрывъ съ человѣкомъ который былъ такъ способенъ и такъ любимъ, много повредилъ ему въ королевствѣ; этотъ разрывъ еще болѣе усилилъ ненависть, съ какою смотрѣли на регента, и отдѣлилъ отъ его интересовъ многихъ людей, которые наиболѣе содѣйствовали его возвышенію послѣ Карберри-Гиля и побѣды при Лангсайдѣ. Между ними были Кёркальди Грэнджъ и Александръ Юмъ. Мюррэя обвиняли въ вѣроломствѣ въ отношеніи къ Маріи Стюартъ, въ измѣнѣ Норфольку, въ жестокости съ Шательро, въ несправедливости и неблагодарности относительно Летингтона, въ раболѣпствѣ предъ Елизаветою. Несмотря на то, что пресвитеріанская Церковь горячо поддерживала его, какъ своего полезнаго руководителя; что городское населеніе благопріятствовало ему, какъ хорошему администратору, строго наблюдавшему вездѣ за правосудіемъ,—большинство дворянства презирало его и желало его паденія.

Чтобы поддержать свою колеблющуюся власть, Мюррэй потребовалъ у Елизаветы помощи въ снарядахъ и деньгахъ. Онъ требовалъ также, чтобы

Марія Стюартъ была возвращена въ Шотландію, гдѣ, какъ онъ увѣрялъ, ея жизнь не могла подвергнуться ни малѣйшей опасности и гдѣ для нея будетъ труднѣе сдѣлаться свободною, чѣмъ въ Англіи. Онъ послалъ аббата дэмферлингскаго, а потомъ Эльфинстона, чтобы напомнить Елизаветѣ сколько смутъ Марія Стюартъ уже причинила при ея дворѣ и въ ея королевствѣ, поставить ей на видъ опасности, которымъ она подвергается, удерживая въ своихъ владѣніяхъ шотландскую королеву, и объяснить, что окруженный въ Шотландіи,—какъ это и было дѣйствительно, — затрудненіями и врагами, онъ скоро будетъ уже не въ состояніи поддерживать общее дѣло, если въ его власть не будетъ передана та, чьи козни ежеминутно грозили опасностью обоимъ государствамъ. Въ возмездіе за возвращеніе Маріи Стюартъ, онъ, съ гнусною уступчивостью, предлагалъ выдать несчастнаго графа Нортэмберленда, котораго требовала Елизавета. Выдачи плѣнной государыни формально просили отъ королевы англійской графы Мюррэй, Мортонъ, Маръ, Гленкэрнъ, мастеры Маршаль и Монтрозъ, лорды Линдсэй, Рутвенъ, Семпель, и о томъ же предметѣ съ жаромъ настаивалъ Ноксъ передъ Сесилемъ, говоря, что пишетъ къ нему, *находясь уже одной ногой въ могилѣ.* Эти переговоры, быть-можетъ, состоялись бы, еслибы одно роковое приключеніе не прервало ихъ.

Джемсъ Гамильтонъ-Ботвель-Го поклялся въ смертельной враждѣ къ регенту. Взятый въ плѣнъ подъ Лангсайдомъ, онъ получилъ свободу на основаніи мирнаго договора, заключеннаго между регентомъ и герцогомъ Шательро, 13-го марта 1562 г. въ Глас-

го. Но онъ былъ лишенъ всего своего имущества. Конфискація, разорявшая побѣжденныхъ и обогащавшая, на ихъ счетъ, побѣдителей, была еще самымъ меньшимъ зломъ изъ всѣхъ приносимыхъ междоусобными войнами. Эта печальная участь побѣжденнаго была бы сносна для Ботвеля- Го, еслибъ ее не раздѣляла вмѣстѣ съ нимъ жена его, на которую не должно было бы падать наказаніе за поступокъ, совершенно ей чуждый. Она владѣла, на берегахъ ручья Эскъ, небольшимъ помѣстьемъ Вудгоузли, которое было отдано Беллендену, одному изъ самыхъ преданныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ жадныхъ креатуръ регента. Такимъ-образомъ съ беззаконностію грабежа соединилось еще и насиліе. Зимою, въ глубокую полночь, несчастная жена Ботвеля-Го была выгнана Белленденомъ изъ своего бѣднаго жилища, въ которое она удалилась, и, полуодѣтая, она блуждала по лѣсу, гдѣ, на другой день, ее нашли помѣшанною. Отчаяніе лишило ее разсудка. Съ этого дня непримиримая ненависть наполнила сердце Ботвеля-Го. Онъ рѣшился убить регента, которому приписывалъ разореніе своего дома. Нѣсколько разъ пытался онъ на это; но безъ удачи.

Ободряемый въ своей ненависти Гамильтонами, онъ искалъ случая наказать виновника своего разоренія, уничтожить человѣка, угнетавшаго его партію. Этотъ случай скоро представился.

Регентъ долженъ былъ возвращаться изъ Стёрлинга въ Эдинбургъ черезъ Линлитгау. На главной улицѣ этого послѣдняго города архіепископъ сентъ-андрейскій, дядя Ботвеля-Го, имѣлъ домъ, мимо котораго Мюррэй съ своею свитою непремѣнно дол-

женъ былъ проѣзжать. Этотъ домъ былъ отданъ въ распоряженіе Ботвеля-Го, который помѣстился въ немъ и приготовилъ все для того чтобы удачнѣе выполнить планъ мщенія, задуманный имъ съ Гамильтонами. Загородивъ на-крѣпко дверь, выходившую на улицу, приготовивъ осѣдланную лошадь позади дома, онъ помѣстился въ деревянной галереѣ, откуда ему удобно было выстрѣлить въ своего врага съ полною увѣренностію, что промаха не будетъ. Кромѣ того, для бо̀льшей предосторожности, онъ разсыпалъ по полу пухъ, которымъ была набита постель, — опасаясь, чтобы его нѐ выдалъ шумъ шаговъ, — и покрылъ заднюю стѣну чернымъ сукномъ, чтобы его тѣнь, упавъ на нее, не была замѣчена. Сдѣлавъ это, онъ, вооруженный съ головы до ногъ, съ ружьемъ заряженнымъ четырьмя пулями, сталъ дожидать проѣзда регента.

Мюррэй провелъ ночь въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ. До него доходили слухи объ угрожавшей ему опасности. Одинъ изъ его друзей убѣдилъ его даже ѣхать не по главной улицѣ Линлитгау, а по внѣшней части города. Но тѣсная толпа, собравшаяся вокругъ него, помѣшала ему возвратиться. Съ своей обычной смѣлостью и спокойствіемъ онъ въѣхалъ въ Линлитгау среди кликовъ слѣдовавшей за нимъ толпы. Медленно проѣзжалъ онъ верхомъ по главной улицѣ до самаго дома архіепископа. Подъѣхавъ сюда, онъ самъ, такъ сказать, подставился подъ ударъ убійцы, который, видя его въ своей власти, сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ. Пораженный пулями по выше пояса, регентъ упалъ; рана была смертельна. При этомъ зрѣлищѣ народъ бросился къ дому, откуда былъ

сдѣланъ выстрѣлъ. Но пока толпа старалась проникнуть въ него, Ботвель-Го выбѣжалъ черезъ заднюю дверь и, вскочивъ на заранѣе приготовленную лошадь, поскакалъ черезъ поле по направленію къ замку Гамильтонъ. Лордъ Клавдій Гамильтонъ, коммандоръ Арбротъ и архіепископъ сентъ-андрейскій ожидали его тамъ и приняли этого убійцу, какъ освободителя своей партіи.

Мюррэй умеръ въ тотъ же день, 23-го января 1570 года; въ послѣднія минуты своей жизни онъ обнаружилъ чувства большой набожности и благородной кротости. Его смерть невообразимо обрадовала партію Маріи Стюартъ въ Шотландіи; ею были довольны также всѣ католическіе государи Европы. Для друзей плѣнной королевы, Мюррэй былъ неблагодарнымъ подданнымъ, безчеловѣчнымъ братомъ, ненавистнымъ бунтовщикомъ; для королей онъ казался торжествующимъ противникомъ законной власти. Въ немъ погибъ искусный вождь шотландскаго протестантизма, смѣлый руководитель правительства молодаго короля и полезный союзникъ Елизаветы. Въ немъ соединялись многія достоинства: неустрашимое сердце, возвышенность и твердость духа, энергическій характеръ, нравъ честный и строгій; и однакоже онъ иногда былъ жестокъ, часто коваренъ и то̀ высокомѣренъ, то̀ раболѣпенъ, смотря по нуждамъ своей партіи и интересамъ своего величія. Онъ дѣйствовалъ какъ сектаторъ и какъ честолюбецъ. Чтобы поддержать свою религію, онъ сдѣлался повелителемъ государства. Обладая верховною властью, онъ былъ неутомимо бдителенъ и заботился о сохраненіи строгой правды; народъ, видя что подъ его управленіемъ

въ государствѣ утверждается строгая справедливость и неизвѣстный прежде порядокъ, далъ ему и сохранилъ за нимъ имя *добраго регента.* Сообразуясь въ частной жизни съ своими религіозными привычками, онъ изъ своего жилища сдѣлалъ скорѣе церковь, чѣмъ дворецъ, и пріобрѣлъ довѣріе и сочувствіе пресвитеріанской секты. Но интересы религіи пересилили въ немъ чувство національности, и въ сношеніяхъ съ Елизаветою въ немъ видѣнъ не столько шотландецъ, сколько протестантъ. Выросшій въ эпоху смутъ, онъ привыкъ къ насиліямъ. Онъ согласился на убійство Риччіо и не былъ строгъ въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, которыя участвовали въ покушеніи противъ Дарнлея. Виновникъ гражданской войны—онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался ея жертвою; соучастникъ перваго умерщвленія и безмолвный зритель втораго,—онъ самъ былъ убитъ. Пути, ведущіе къ возвышенію, ведутъ часто съ тѣмъ вмѣстѣ и къ гибели! Таковъ, обыкновенно, ходъ событій, въ которомъ обнаруживается тайное правосудіе Провидѣнія!

Смерть Мюррэя возвратила уничтоженной партіи королевы всѣ ея прежнія надежды. Эта партія, только-что побѣжденная въ Англіи, внезапно возстала въ Шотландіи. Гамильтоны поднялись съ оружіемъ въ рукахъ. Летингтонъ, безъ труда заставившій оправдать себя отъ обвиненія, которое взводилъ на него регентъ, присоединился скоро къ нимъ вмѣстѣ съ лордомъ Грэнджемъ. Герцогъ Шательро и лордъ Герризъ были освобождены. Партія плѣнной королевы, состоявшая теперь изъ бо̀льшей части дворянства, руководимая самымъ искуснымъ политикомъ, поддерживаемая самымъ храбрымъ полководцемъ,

сдѣлалась скоро господствующею въ Шотландіи. Она овладѣла Эдинбургомъ и, казалось, готова была возстановить Марію Стюартъ, власть которой была признана и объявлена снова. Въ то время, какъ происходило это возвращеніе счастія къ Маріи Стюартъ въ ея государствѣ, ея соперница увидѣла вокругъ себя снова тѣ же опасности, отъ которыхъ она только-что избавилась. Папа Пій V, сожалѣя безъ сомнѣнія о томъ, что не могъ помочь своимъ духовнымъ оружіемъ возставшимъ англійскимъ католикамъ, произнесъ противъ Елизаветы приговоръ, заключавшій ея отлученіе отъ Церкви и низложеніе. Предводители Скоттовъ и Керовъ, лорды Бэкклью и Фарнигёрстъ, вмѣстѣ съ графомъ Уэстморлендомъ бросились въ Англію, гдѣ Леонардъ Дэкръ Гислендъ, который не могъ принять участія въ предшествовавшемъ возстаніи, поднялъ знамя бунта, и въ нѣсколько дней собралъ армію около трехъ тысячъ человѣкъ.

Елизавета думала, что ей угрожаетъ сильная опасность. Послѣдовательныя побѣды католиковъ во Франціи, давъ имъ верхъ надъ гугенотами, разбитыми подъ Монконтуромъ, послѣ Жарнакскаго пораженія, и лишивъ послѣднихъ города Сенъ-Жанъ-д'Анжели, послѣ ихъ неудачной попытки противъ Поатье,—заставляли Елизавету опасаться французской экспедиціи въ Шотландію. Она боялась также, какъ бы герцогъ Альба, который всё болѣе-и-болѣе утверждался въ Нидерландахъ, гдѣ онъ устроивалъ крѣпости, съ цѣлію удерживать въ повиновеніи угнетенныхъ враговъ своего государя,—не задумалъ высадки въ Англію. Умерщвленіе регента Мюррэя столько же опечалило королеву англійскую, сколько обра-

довало Марію Стюартъ. Получивъ это извѣстіе, Елизавета заперлась въ своей комнатѣ, и, плача, говорила, что въ немъ она потеряла лучшаго и полезнѣйшаго друга, какой у нея былъ въ свѣтѣ. Но она не ограничилась одними только безплодными сожалѣніями. Слишкомъ позднее движеніе Дэкра было подавлено соединенными силами лорда Гэнсдона и сэра Джона Форстера, которые напали на этого смѣлаго предводителя втораго возстанія близъ Джельта, въ Кэмберлендѣ. Они разбили его, понеся при этомъ и сами значительный уронъ, и принудили, подобно графамъ Нортэмберленду и Уэстморленду, искать убѣжища въ Шотландіи.

Елизаветѣ больше всего слѣдовало заботиться о сохраненіи своего вліянія на эту послѣднюю страну, которое она успѣла утвердить съ такими значительными пожертвованіями. Еслибы Шотландія сбросила съ себя это вліяніе, Англія могла бы быть отнята у Елизаветы. Низложенная папою, булла котораго черезъ нѣсколько времени послѣ того была прибита къ дверямъ епископа лондонскаго, угрожаемая Испаніей и Франціей, опасавшаяся могущества англійскихъ католиковъ, которые въ такое короткое время уже два раза начинали возстаніе въ одной и той же мѣстности, знавшая о честолюбивыхъ видахъ своей высшей аристократіи, она чувствовала какъ будетъ непрочно ея положеніе на тронѣ, когда Марія Стюартъ взойдетъ на свой престолъ. Сесиль, тоже сильно встревоженный, совѣтовалъ своей государынѣ принять мѣры, которыя скорѣе всего могли поддержать англійскую партію въ Шотландіи. Эта партія, къ которой принадлежало большинство городовъ, и

которую поддерживала пресвитеріанская Церковь, своими представителями изъ среды дворянства имѣла только: графовъ Мортона, Мара, Гленкэрна, Бючэна, лордовъ Глэммиса Рутвена, Линдсэя, Кэткарта, Метвена, Очильтри и Сольтоуна. Партія плѣнной королевы имѣла болѣе многочисленныхъ и болѣе могущественныхъ защитниковъ. Герцогъ Шательро, графы: Гэнтли, Арджиль, Атоль, Эрроль, Крофордъ, Маршаль, Кэтнессъ, Кассилисъ, Эглинтонъ, Сэтерлендъ, лорды: Герризъ, Летингтонъ, Грэнджъ, Юмъ, Ситонъ, Огильви, Россъ, Бортуикъ, Олифантъ, Йестеръ, Флемингъ, Бойдъ, Соммервиль, Инермитъ, Форбзъ и Грэй готовы были оружіемъ доставить ей торжество. Еслибы двѣ эти партіи были оставлены на собственный произволъ, то партія королевы должна была бы уничтожить приверженцевъ короля, которые уже были изгнаны изъ столицы королевства.

Поэтому Елизавета сочла нужнымъ вмѣшаться въ дѣло, для того чтобы не допустить партію короля до полнаго пораженія и воспрепятствовать возстановленію Маріи Стюартъ, которое казалось неизбѣжнымъ и котораго она опасалась больше всего. Набѣги предводителей Скоттовъ и Керовъ на англійскую границу и пріемъ въ Шотландію англійскихъ бунтовщиковъ перваго и втораго возстанія; подали ей для этого благовидный предлогъ. На другой день послѣ смерти регента, она уже поручила агитатору Рандольфу отправиться въ Шотландію, для того чтобы помѣшать примиренію партій.

Весною она приказала графу Сэссексу и лорду Скрупу проникнуть съ своими войсками въ эту страну съ востока и запада. Они опустошили тамъ владѣнія Бекклью, Фарнигёрста, Юма, Максуэля и Гер-

риза; разрушили укрѣпленные замки, разорили деревни, пожгли хлѣбные запасы, и привели въ ужасъ партію королевы, значительно ослабивъ ее. Въ то же время графъ Леннокcъ былъ посланъ Елизаветою въ Шотландію, для того чтобы руководить партіей короля, своего внука, вмѣсто Мюррэя. Въ сопровожденіи своихъ старыхъ друзей, англичанъ Бервика, которыми начальствовалъ сэръ У. Друри, онъ присоединился къ Мортону, вступилъ въ Эдинбургъ и потомъ отправился на Гласго, осажденный Гамильтонами, который и освободилъ. Друри и Леннокcъ сдѣли въ центрѣ Шотландіи опустошенія, которыя Сэссексъ и Скрупъ произвели передъ тѣмъ на югѣ; они опустошили Клайдздэль и Линлитгауширъ, разрушивъ укрѣпленные замки приверженцевъ королевы.

Эти позорныя экспедиціи, продолжавшіяся втеченіи лѣта 1570 г. ввергли Шотландію во всѣ ужасы анархіи. Не доставивъ побѣды приверженцамъ короля, которые снова овладѣли Эдинбургомъ и сохранили Гласго, онѣ не позволили и партіи королевы пріобрѣсти полный успѣхъ. Силы партій, сдѣлавшіяся болѣе равными, колебались. Въ Шотландіи учредились два правительства: правительство короля, признаваемое большинствомъ городовъ и меньшинствомъ дворянства и правительство королевы, которое имѣло въ своей власти самыхъ могущественныхъ бароновъ и бо́льшую часть территоріи. Графъ Леннокcъ, избранный регентомъ 12-го іюля 1570 г. по настоянію Елисаветы управлялъ первымъ; герцогъ Шательро, графы Гэнтли и Арджиль, облеченные властію Маріи Стюартъ, стояли въ главѣ втораго,

Возстановивъ и преобразовавъ такимъ-образомъ

партію молодаго короля, Елизавета удалила свои войска изъ Шотландіи. Оставлять ихъ тамъ долѣе, значило бы вызвать военное вмѣшательство Франціи, которая послала уже Верака въ снабженную припасами крѣпость Дэмбартонъ и обѣщала прислать помощь болѣе значительную. Карлъ IX вскорѣ былъ въ состояніи дѣйствительно помочь своей невѣсткѣ. Третья гражданская война приходила къ концу и переговоры, слѣдствіемъ которыхъ былъ религіозный миръ между католиками и протестантами, подписанный въ Сенъ-Жерменѣ, уже начались. При такомъ положеніи дѣлъ Елизавета, казалось, уступила требованіямъ посланника Карла IX. Она очистила Шотландію, возвратила свободу епископу росскому и возобновила съ Маріею Стюартъ договоръ, заключенный лѣтомъ 1570 года, до собранія въ Пертѣ.

Два члена тайнаго совѣта Англіи, Сесиль и Майльдмэй, были посланы разсмотрѣть условія этого договора въ Чэтсуортъ въ графствѣ Дерби, куда перевели Марію Стюартъ, въ концѣ мая 1570 года; сюда же поспѣшилъ прибыть прежде нихъ епископъ росскій, чтобы познакомить ее заранѣе съ этими условіями и пособить ей своими совѣтами. Характеръ требованій, сдѣланныхъ ей отъ имени Елизаветы, государственное значеніе лицъ, присланныхъ къ ней этой государыней, повидимому показывали, что переговоры были на этотъ разъ серьёзными. Въ то время какъ въ Чэтсуортѣ договаривались о возстановленіи Маріи Стюартъ, Елизавета устроила между партіями въ Шотландіи перемиріе, продолжавшееся отъ сентября 1570 года до апрѣля 1571; это перемиріе должно было служить началомъ всеобщаго мира.

Марія Стюартъ съ надеждою приняла сдѣланныя ей вновь предложенія. Она согласилась на все, что̀ могло успокоить Елизавету, не роняя въ то же время ея собственнаго достоинства. Она признала Эдинбургскій трактатъ и отказалась отъ всякаго права на англійскую корону, во все время жизни Елизаветы, или ея законныхъ потомковъ, если они будутъ. Она не отвергла совершенно наступательнаго и оборонительнаго союза Англіи съ Шотландіей, лишь бы предметъ его былъ опредѣленъ и ограниченъ. Она обѣщалась не входить ни въ какія сношенія съ подданными Елизаветы, безъ согласія на то съ ея стороны. Продолжая отказывать изъ чувства человѣколюбія и чести, въ выдачѣ графа Нортэмберленда, и другихъ англійскихъ бунтовщиковъ, бѣжавшихъ въ Шотландію, она обязывалась удалить ихъ втеченіи опредѣленнаго срока изъ своего королевства. Она соглашалась, до полученія своей свободы, отдать Елизаветѣ заложникомъ, своего сына, который долженъ былъ воспитываться въ Англіи до пятнадцатилѣтняго возраста, и кромѣ-того не выходить самой замужъ безъ согласія Елизаветы.

Такъ-какъ въ обезпеченіе точнаго выполненія договора требовались шесть заложниковъ изъ шотландской аристократіи, то Марія Стюартъ просила, чтобы это число было уменьшено до четырехъ; чтобы герцогъ Шательро, графы Гэнтли, Арджиль, Атоль, лорды Флемингъ и Ситонъ, также какъ защитники границъ государства, были исключены изъ этого числа; чтобы тѣ изъ графовъ и старшихъ сыновей ихъ, лордовъ, и также старшихъ сыновей ихъ, которые будутъ избраны въ заложники, имѣли возможность

возвращаться въ Шотландію, для устройства своихъ дѣлъ, оставляя вмѣсто себя заложниковъ равнаго съ ними достоинства. Она изъявляла согласіе представить этотъ трактатъ на утвержденіе парламенту королевства, и въ случаѣ, еслибы она вздумала нарушить его, объявивъ войну Елизаветѣ, или подавъ помощь ея врагамъ, соглашалась отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ, не только на англійскую, но даже и на шотландскую корону, и передать ее своему сыну. Окончивъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и благородствомъ споръ по поводу заключаемаго договора, условившись во всѣхъ главныхъ пунктахъ его, бѣдная плѣнница, удрученная постояннымъ заключеніемъ, а также душевными и тѣлесными страданіями, отъ которыхъ не спасла ее даже молодость, думала, что приближается наконецъ минута, когда она получитъ свободу и власть.

Исполненная надежды и радости, она писала съ любовью къ Елизаветѣ: «Нѣтъ больше никакихъ недоразумѣній, которыя бы могли мѣшать нашей искренней и взаимной дружбѣ, которой я желаю больше, чѣмъ дружбы всякаго другаго государя, въ доказательство чего и вручаю вамъ самое дорогое сокровище, какое только было послано мнѣ Богомъ въ этомъ мірѣ, мое единственное утѣшеніе, моего единственнаго и дорогаго сына; его воспитаніе хотѣли принять многіе, но я ввѣряю его вамъ, желая чтобы и онъ, такъ же какъ я, предпочиталъ васъ всѣмъ другимъ.» Она увѣряла также, что предпочитаетъ желаніе Елизаветы всякому другому и охотно исполнитъ то, чего отъ нея требуютъ, прибавляя: «Я искренно желаю соблюдать постановленныя между на-

ми условія, рѣшившись теперь, для окончанія моего утомительнаго плаванія, бросить якорь въ пристани вашего врожденнаго расположенія ко мнѣ. Вмѣсто всякаго ручательства, я предлагаю вамъ мою смиренную покорность и повиновеніе, какъ-будто я имѣю честь быть вашею дочерью, такъ же какъ я имѣю честь быть вашею сестрою и ближайшею родственницею; и съ этихъ поръ ни кому не уступлю въ повиновеніи и почтеніи къ вамъ, если вамъ угодно будетъ считать меня вполнѣ своею».

Вѣря въ искренность этихъ переговоровъ, она сообщила королямъ французскому и испанскому дубликаты съ предложенныхъ ей и подписанныхъ ею условій и извѣстила самого папу Пія V, что видитъ необходимость подчиниться имъ. Она оправдывалась смутами Шотландіи, своими плачевными бѣдствіями, безконечными опасностями, окружавшими ее и, наконецъ—всеобщимъ забвеніемъ, въ какомъ она находилась. Она говорила съ горечью: «Призываю во свидѣтели всевѣдущаго Бога! Ему извѣстно, съ какими волнами несчастій приходилось мнѣ бороться до настоящаго времени! И пока продолжалась, безпрерывно усиливаясь, эта яростная буря, люди, обѣщавшіе подать мнѣ помощь, забывая совершенно о своихъ обѣщаніяхъ, ни въ чемъ не помогли мнѣ. Теперь я уже не надѣюсь больше на нихъ, и только случай, можетъ-быть, расположитъ ихъ умы въ пользу моей партіи и заставитъ ихъ поддерживать ее, когда побѣда будетъ уже слишкомъ трудною.» Она выразила готовность къ заключенію мира съ Елизаветою на выгодныхъ условіяхъ, которыя были предложены ей, постоянно увѣряя папу, что она не измѣнитъ ни долгу

совѣсти, ни законамъ чести, и что ея сынъ будетъ воспитываемъ въ Англіи,—куда она принуждена послать его, какъ заложника, — въ духѣ католической религіи.

Этотъ договоръ, заключенный предварительно въ Чэтсуортѣ, долженъ былъ получить окончательное утвержденіе въ Лондонѣ. Шотландскіе коммисары обѣихъ партій были призваны сюда, чтобы условиться съ Елизаветой относительно возстановленія плѣнной королевы и тѣснаго союза обоихъ королевствъ. Епископъ галлоуэйскій и лордъ Ливингстонъ, назначенные партіей приверженцевъ Маріи, поспѣшили прибыть туда и соединились съ епископомъ росскимъ. Но графъ Мортонъ, аббатъ Дэмферлингъ и Джемсъ Макгиль, избранные противною партіей, заставили долго прождать себя. Прошло четыре мѣсяца послѣ того какъ Сесиль и Майльдмэй оставили Чэтсуортъ и два—какъ епископъ галлоуэйскій и лордъ Ливингстонъ прибыли въ Лондонъ,—а Мортонъ, Макгиль и Питкэрнъ еще не пріѣзжали. Когда же они наконецъ явились, трактатъ былъ уже сильно разстроенъ. Герцогъ Альба не одобрялъ его содержанія, а Карлъ IX выражалъ неудовольствіе относительно пунктовъ, наиболѣе выгодныхъ для Елизаветы: разрыва прежнихъ союзовъ между Шотландіей и Франціей и отсылки наслѣднаго принца въ Англію. Но даже и на этихъ условіяхъ, которыя Елизавета предлагала отнюдь не чистосердечно, она не намѣрена была освободить Марію Стюартъ. Она старалась увеличить препятствія и къ своимъ прежнимъ требованіямъ, прибавляла новыя. Мортонъ, Питкэрнъ и Макгиль явились на помощь ея коварству съ своимъ отказомъ.

Они объявили, что не имѣютъ права ни возстановить Марію Стюартъ въ Шотландіи, ни передать въ руки Елизаветы особу своего молодаго государя, и что они уполномочены только установить доброе согласіе между обоими королевствами. Подъ этимъ неполитичнымъ предлогомъ Елизавета прекратила сношенія, начатыя ею въ то время, когда Франція оканчивала третью гражданскую войну. Елизавета тянула эти переговоры до тѣхъ поръ, пока опасалась союза между Карломъ IX и Филиппомъ II, для возстановленія общими силами Маріи Стюартъ; но она объявила ихъ прерванными, когда брачные переговоры между нею и герцогомъ анжуйскимъ окончательно успокоили ее на счетъ французскаго двора.

Марія Стюартъ снова была обманута въ своихъ надеждахъ. Уже два съ половиною года провела она плѣнницею въ Англіи, отъискивая попеременно средствъ для своего освобожденія и возстановленія тò въ усиліяхъ своей партіи въ Шотландіи, тò въ своемъ бракѣ съ главою англійской аристократіи, тò въ возстаніи католическихъ подданныхъ Елизаветы, тò въ союзѣ шотландскихъ лордовъ, поддерживаемыхъ французскимъ дворомъ по смерти Мюррэя, тò, наконецъ, въ примиреніи съ своею счастливой и могущественной соперницей. Ничто не удавалось. Вѣрные ей шотландцы были разбиты Мюррэемъ въ 1569 году и ослаблены Елизаветою въ 1570 г.; бракъ съ герцогомъ Норфолькомъ встрѣтилъ мало сочувствія въ Шотландіи и формальное запрещеніе въ Англіи; англійскіе католики два раза возставали и два раза были побѣждены; союзъ, заключенный въ Чэтсуортѣ съ такими уступками съ ея стороны, былъ отверг-

нутъ; Франція покинула ее и повидимому, отказывалась отъ прежней дружбы съ Шотландіей, для того чтобы свести новую съ Англіей. Что же оставалось ей дѣлать? Король Филиппъ II былъ ея послѣдней надеждой на спасеніе. Она прибѣгала къ нему съ просьбой о высадкѣ испанцевъ въ Англію одновременно съ возстаніемъ, которое она надѣялась возбудить еще разъ въ этомъ государствѣ.

Чтобы уговорить Филиппа II къ вооруженному нашествію на королевство англійское, нужно было обѣщать ему значительную поддержку и увѣрить его въ томъ, что Норфолькъ возьмется за оружіе и приметъ католичество. Этотъ нерѣшительный и осторожный государь былъ нерасположенъ до сихъ поръ къ предпріятію, которое казалось ему слишкомъ невѣрнымъ. Герцогъ Альба утверждалъ уже цѣлый годъ, что нашествіе на Англію представляетъ чрезвычайныя затрудненія; что оно требуетъ значительныхъ суммъ, которыхъ онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи; что оно встрѣтитъ двойное сопротивленіе во Франціи и Германіи: въ первой—изъ политическихъ видовъ, во второй—вслѣдствіе религіозныхъ интересовъ, и что нужно будетъ опасаться, чтобы обѣ эти страны не сдѣлали нападенія на испанскія провинціи, съ цѣлью снова возмутить ихъ или овладѣть ими, какъ только онъ выйдетъ оттуда съ своими войсками. Эти доводы имѣли свою силу. Филиппъ II былъ пораженъ ими. Однако же было время, когда онъ готовъ былъ объявить себя въ пользу графовъ Нортэмберленда и Уэстморленда, узнавъ о католическомъ возстаніи сѣверной Англіи. Изъ Кордовы, гдѣ онъ собралъ кортесы Кастиліи, отправленъ былъ имъ уполномоченный Ге-

оргъ Куемпе съ ободрительными письмами и обѣщаніемъ скорой помощи, которую приказано было герцогу Альбѣ подать имъ, въ случаѣ еслибы они могли продолжать военныя дѣйствія. Ихъ скорое пораженіе помѣшало ему подать помощь, и теперь, для того чтобы побудить его къ экспедиціи, нужно было представить ему, что выполненіе этого предпріятія нетрудно, и успѣхъ вѣренъ при помощи, которую доставитъ ему герцогъ Норфолькъ среди дворянства и въ графствахъ Англіи, гдѣ всѣ возьмутся за оружіе, какъ только покажутся корабли и высадятся солдаты Филиппа II.

Марія Стюартъ сохраняла постоянныя и нѣжныя сношенія съ герцогомъ Норфолькомъ, когда тотъ былъ заключенъ въ Товэрѣ. Она переслала ему свой портретъ и хотя они никогда не видались, однако же писали другъ къ другу письма довольно страстныя. Эта переписка велась цифрами. Она проходила черезъ руки епископа росскаго, секретарь котораго, Джонъ Кэтбертъ, разбиралъ для Маріи письма герцога, между-тѣмъ какъ Бенистеръ, находившійся въ службѣ у послѣдняго, разбиралъ для него письма Маріи. Это тщательно скрывалось отъ Елизаветы, которая думала, что всѣ частныя сношенія и всѣ общія намѣренія были оставлены обоими плѣнниками. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Мюррэя, когда со стороны Шотландіи возобновились надежды Маріи Стюартъ, она писала къ герцогу Норфольку: «Если вы не думаете отказываться отъ этого предпріятія, то я раздѣлю съ вами жизнь и смерть. Ваша судьба будетъ моею; вотъ почему я хочу, чтобы вы сообщали мнѣ всѣ свои намѣренія.»

Въ то самое время, когда переговоры съ Маріею Стюартъ, начатые въ Лондонѣ, были перенесены въ Чэтсуортъ, чума проникла изъ Сити въ Товэръ; поэтому Елизавета согласилась выпустить оттуда герцога Норфолька. Не возвращая ему полной свободы, она дозволила ему жить въ его собственныхъ домахъ, подъ надзоромъ, который былъ не слишкомъ строгъ. Но она потребовала, чтобы, еще до выхода изъ государственной тюрьмы, онъ далъ торжественное обѣщаніе въ томъ, что не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ королевой шотландской и оставитъ намѣреніе жениться на ней. Герцогъ далъ письменное обязательство въ этомъ за своею подписью и съ приложеніемъ своей гербовой печати. Несмотря на страшныя наказанія, которымъ онъ подвергался нарушая это обязательство,—потому-что онъ согласился чтобы его считать, въ такомъ случаѣ, измѣнникомъ,—онъ продолжалъ, при помощи епископа росскаго, свои письменныя сношенія съ Маріею Стюартъ, которая то̀ въ самыхъ пламенныхъ, то̀ въ самыхъ печальныхъ выраженіяхъ возбуждала въ его душѣ то̀ честолюбіе, то̀ преданность; говорила что вся принадлежитъ ему, и съ непреодолимымъ краснорѣчіемъ убѣждала его отдаться ей вполнѣ.

Когда она увидѣла, что переговоры, начатые между ею и Елизаветою,—не болѣе какъ обманъ и не должны привести ни къ какому результату, и снова вступила въ неизбѣжный и опасный путь заговоровъ, — то увлекла съ собою и герцога Норфолька. Епископъ росскій составилъ весь планъ новаго заговора, въ которомъ флорентинецъ Ридольфи долженъ былъ служить агентомъ при сношеніяхъ съ герцо-

гомъ Альбою, Піемъ V и Филиппомъ II. Ридольфи былъ не только богатый банкиръ Флоренціи, родственникъ Медичи и директоръ компаніи итальянскихъ купцовъ, поселившихся въ Лондонѣ, — онъ былъ также тайнымъ корреспондентомъ папы, вліятельнымъ кредиторомъ многихъ могущественныхъ вельможъ Англіи, у которыхъ пользовался довѣренностію, и которыхъ всѣми силами старался отвлечь отъ Елизаветы и протестантства. Задержанный на нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возстанія сѣверныхъ католиковъ, въ которомъ его подозрѣвали какъ соучастника, онъ получилъ свободу, давъ вексель въ тысячу фунтовъ стерлинговъ. Онъ думалъ, что настала минута, для того чтобы освободить, при помощи папы и Филиппа II, королеву шотландскую, выдать ее за мужъ за обращеннаго въ католичество герцога Норфолька, и возстановить прежнюю религію въ обоихъ государствахъ Британскаго острова. Епископъ росскій и Ридольфи имѣли по этому поводу тайныя сношенія и совѣщанія съ герцогомъ Норфолькомъ. Отъ имени герцога и королевы были составлены очень подробныя инструкціи, которыя Ридольфи долженъ былъ передать Пію V и Филиппу II. Герцогъ отказался подписать полномочіе Ридольфи, боясь опасности, которой бы онъ подвергся, въ случаѣ еслибы это открылось, но, по прочтеніи акта, онъ призналъ его и увѣдомилъ объ этомъ испанскаго посланника дона Гвералдо Эспеса.

20-го марта, незадолго до отъѣзда Ридольфи изъ Лондона, Марія Стюартъ послала Джона Гамильтона къ герцогу Альбѣ, къ которому она обратилась прежде другихъ «какъ къ вѣрному совѣтнику короля

испанскаго, защитнику и покровителю католической Церкви.» Она просила у него скорой помощи, «весьма необходимой, говорила она, какъ для дѣла Божія, такъ для меня и моихъ приверженцевъ». Объявляя снова свои притязанія на англійскую корону, она извѣщала герцога Альбу, что сообщитъ ему въ скоромъ времени *свои личныя намѣренія*, и говорила, что договаривается съ нимъ *не для одной только себя*, но для того чтобы обязать вѣчною признательностію «весь этотъ островъ въ отношеніи къ королю испанскому и къ нему, какъ къ вѣрному исполнителю повелѣній своего государя.»

Черезъ четыре дня послѣ того Ридольфи отправился на материкъ, съ инструкціями Маріи и Норфолька. Въ этихъ инструкціяхъ герцогъ Норфолькъ поручалъ ему просить присылки шести тысячъ стрѣлковъ, четырехъ тысячъ ружей, двухъ тысячъ нагрудниковъ или кирасъ, двадцати пяти пушекъ съ необходимыми снарядами и денежной помощи. Онъ желалъ, чтобы количество вспомогательныхъ войскъ было увеличено, въ случаѣ возможности, до десяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ четыре тысячи были бы отдѣлены для полезной диверсіи въ Ирландію. Онъ обѣщалъ присоединить къ этой арміи двадцать тысячъ пѣхоты и три тысячи кавалеріи, овладѣть королевой англійской и всѣми членами совѣта, освободить королеву шотландскую, и ввести ее во владѣніе королевствомъ, которое будетъ приведено снова въ религіозное повиновеніе папѣ. Чтобы внушить болѣе вѣры въ успѣхъ предпріятія, Ридольфи долженъ былъ поименовать всѣхъ, кто приметъ въ немъ участіе, или кто не будетъ сопротивляться ему. Въ прибав-

леніи къ этимъ инструкціямъ онъ имѣлъ съ собою списокъ главнѣйшихъ англійскихъ вельмомъ, съ обозначеніемъ мнѣній каждаго изъ нихъ. Огромное большинство англійскаго дворянства было представлено тамъ расположеннымъ къ перемѣнѣ или долженствующимъ принять въ ней участіе. Марія Стюартъ, раздѣлявшая это заблужденіе, или показывавшая только видъ, что имѣетъ такія мнѣнія, съ цѣлью легче склонить къ этому Филиппа II, писала ему, что герцогъ Норфолькъ готовъ стать во главѣ дворянства и взяться за оружіе. Она предлагала отослать своего сына въ Испанію, для того, чтобы ему было дано тамъ образованіе въ духѣ католической религіи. Она выражала большое сожалѣніе о насиліи, которое ей сдѣлалъ Ботвель, принудивъ ее къ браку, уничтоженія котораго она требовала, какъ только ея страсть къ нему охладѣла. Она обѣщала возстановить римскую вѣру и поручала Ридольфи изложить изустно самую тайную часть его порученія. «И какъ это касается, говорила она, интересовъ всего христіанства вообще, и короля католическаго въ-особенности, то не слѣдуетъ, по невниманію или медленности допускать, чтобы такое вѣрное предпріятіе не имѣло успѣха. Ридольфи изустно передастъ все, что ему было сказано герцогомъ и епископомъ росскимъ.» Французскій дворъ только-что заключилъ миръ съ протестантами и велъ переговоры о брачномъ союзѣ герцога анжуйскаго съ королевой Англіи; поэтому онъ внушалъ Маріи Стюартъ большую недовѣрчивость и она приказала Ридольфи, чтобы тотъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сообщалъ ничего ни Катеринѣ Медичи, ни Карлу IX.

Ридольфи, прибывъ въ Брюссель, былъ допущенъ къ герцогу Альбѣ, которому изложилъ планъ, средства и нужды заговорщиковъ, отправившихъ его къ папѣ и Филиппу II. Этотъ проницательный политикъ отличался столько же безошибочностью сужденій, сколько рѣшительностью своихъ поступковъ. Онъ, казалось, принялъ не слишкомъ довѣрчиво посла-флорентинца, котораго называлъ большимъ болтуномъ (parlanchin), и смотрѣлъ на предпріятіе, о которомъ тотъ сообщилъ ему, какъ на дѣло слишкомъ безразсудное. По этому поводу, 7-го мая 1571 г., онъ послалъ письмо болѣе чѣмъ въ двадцать страницъ къ Филиппу II. Въ этой длинной и любопытной депешѣ, еще не изданной до сихъ поръ и чрезвычайно важной для исторіи, герцогъ Альба изложилъ королю, своему повелителю, планъ, который сообщилъ ему Ридольфи отъ имени королевы шотландской и герцога Норфолька, относительно освобожденія Маріи Стюартъ, возстановленія католичества, арестованія Елизаветы, и взятія лондонской государственной тюрьмы,—прибавлялъ, что герцогъ Норфолькъ извѣщалъ его, что имѣетъ возможность ожидать помощи, требуемой его инструкціями и удерживаться собственными средствами втеченіи сорока дней въ своемъ округѣ, расположенномъ прямо противъ береговъ Голландіи и представляющемъ удобное мѣсто для высадки войскъ въ іюлѣ или августѣ мѣсяцахъ. Герцогъ Альба приказывалъ Ридольфи сохранять строгую тайну при проѣздѣ черезъ Францію, если онъ дорожитъ жизнію королевы шотландской и герцога Норфолька, которыхъ его нескромность неминуемо погубила бы. Въ то же самое время онъ писалъ къ

дону Хуану Цуньига, посланнику Филиппа II при дворѣ Пія V, извѣщая его о скоромъ прибытіи Ридольфи въ Римъ и прося предупредить папу о трудностяхъ проэкта, который будетъ представленъ ему, и предостеречь римскаго первосвященника отъ опрометчиваго согласія на этотъ планъ, которое онъ могъ дать подъ вліяніемъ своего религіознаго рвенія.

Что касается до самаго предпріятія, то герцогъ Альба писалъ о немъ Филиппу II: «принимая во вниманіе участіе и сожалѣніе, — которыя должны внушать вашему величеству королева шотландская и ея приверженцы, вслѣдствіе такого недостойнаго съ ними обращенія, — и вашъ долгъ въ отношеніи къ Богу—помогать, по мѣрѣ возможности, торжеству и возстановленію католичества на этихъ островахъ, а также оскорбленія, наносимыя королевой англійской вашему величеству и вашимъ подданнымъ, разными средствами и съ разныхъ сторонъ, такъ-что нѣтъ надежды быть въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ до тѣхъ поръ, пока она будетъ царствовать,—мнѣ кажется, что намѣреніе королевы шотландской и герцога Норфолька, въ случаѣ удачи, было бы наилучшимъ путемъ, какимъ зло можетъ быть исправлено.»

Но несмотря на то, что онъ одобрялъ предпріятіе, его мнѣніе было таково, что католическому королю не слѣдуетъ приступать къ дѣлу, подавая открытую помощь. Въ этомъ случаѣ будетъ замѣшано столько людей, что сохранять тайну сдѣлается невозможнымъ, а если «тайна не будетъ сохранена, прибавлялъ онъ, то предпріятіе рушится, нужно будетъ опасаться за жизнь королевы шотландской и герцога Норфолька; королева англійская найдетъ случай, котораго ищетъ

уже давно, чтобы избавиться отъ нея и ея приверженцевъ; дѣло католической религіи будетъ потеряно навсегда, и все падетъ на ваше величество..... Вотъ почему никто не можетъ совѣтовать вашему величеству, чтобы вы подали просимую отъ васъ помощь въ такомъ видѣ, какъ ее требуютъ. Но, если королева англійская умретъ *своею естественною или какою либо другою смертью*, или если удастся овладѣть ея особою безъ помощи вашего величества, тогда я не буду уже болѣе видѣть препятствій въ этомъ предпріятіи. Тогда переговоры между королевой англійской и герцогомъ анжуйскимъ прекратятся: опасенія французовъ, что ваше величество желаете овладѣть Англіей—ослабѣютъ; нѣмцы будутъ сморѣть на васъ съ бо̀льшею довѣрчивостью, потому-что единственною цѣлью вашею будетъ поддерживать королеву шотландскую противъ ея соискателей въ принадлежащихъ ей правахъ на корону Англіи. Въ такомъ случаѣ будетъ удобно принять во вниманіе эти просьбы, прежде чѣмъ какой-нибудь другой государь будетъ имѣть возможность вмѣшаться въ это дѣло; потому-что, пользуясь удобствомъ, представляемымъ областью герцога Норфолька, можно будетъ высадить въ ней шесть тысячъ человѣкъ, которыхъ онъ требуетъ, не только втеченіи сорока дней, то есть втеченіи времени пока онъ будетъ въ состояніи удерживаться собственными силами, но въ тридцать и даже въ двадцать пять дней.» Герцогъ Альба настаивалъ, чтобы въ одномъ изъ трехъ случаевъ—естественной смерти, убійства или взятія въ плѣнъ Елизаветы,—Филиппъ II воспользовался возможностью привести къ концу свои предположенія о возстанов-

леніи католической религіи на этихъ островахъ, и обезпеченіи будущаго спокойствія въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Онъ оканчивалъ депешу словами: «И такъ ваше величество можете имъ отвѣчать, что если произойдетъ какой-нибудь изъ помянутыхъ случаевъ, они получатъ изъ Нидерландовъ вспомогательное войско въ шесть тысячъ человѣкъ, котораго требуютъ. Что касается до меня, государь, то я смотрю на это предпріятіе какъ на дѣло такое удобное, почетное и легкое для вашего величества, что, если произойдетъ одинъ изъ этихъ трехъ случаевъ, я не колеблюсь и не ожидая новаго приказанія вашего величества, постараюсь исполнить ихъ требованія, потому-что, думаю, таковы ваши намѣренія; и я сдѣлаю это, если только съ вашей стороны не послѣдуетъ приказанія въ противномъ смыслѣ.»

Эта депеша, отправленная изъ Брюсселя 7-го мая, 22-го была получена въ Мадридѣ. Филиппъ II, присоединивъ свои собственныя опасенія къ совѣтамъ герцога Альбы, написалъ, отъ 20-го іюня, своему посланнику въ Лондонѣ, дону Гвералдо д' Эспесу: «Робертъ Ридольфи еще не пріѣзжалъ сюда. Если сдѣланное ему порученіе будетъ обнаружено, то это послужитъ ножомъ противъ королевы шотландской и герцога Норфолька, такъ-какъ можно разсчитывать навѣрное, что королева англійская, узнавъ объ этомъ, воспользуется такимъ случаемъ для выполненія своихъ злобныхъ намѣреній подъ благовиднымъ предлогомъ. Соблюдайте же необходимую осторожность; каждый вашъ шагъ впередъ долженъ быть разсчитанъ, ваше поведеніе должно сообразоваться съ поведеніемъ герцога Альбы и его приказаніями.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ Мадридъ пріѣхалъ Ридольфи изъ Рима, гдѣ папа съ жаромъ взялся за его предпріятіе. Допущенный, 28-го іюня, въ присутствіе Филиппа II, онъ, вмѣстѣ съ полномочіями герцога Норфолька и Маріи Стюартъ, представилъ слѣдующее письмо верховнаго первосвященника, Пія V: «Нашъ любезный сынъ Робертъ Ридольфи, по соизволенію Божьему, изложитъ вашему величеству нѣкоторыя обстоятельства, не мало касающіяся славы всемогущаго Бога и пользы христіанской республики. Мы требуемъ и умоляемъ, чтобы ваше величество оказали ему въ этомъ отношеніи полнѣйшую довѣренность безъ всякаго колебанія, и особенно заклинаемъ васъ вашимъ совершеннымъ благочестіемъ, принять къ сердцу дѣло, о которомъ ему предстоитъ говорить съ вашимъ величествомъ, и снабдить его всѣми средствами, какія вы найдете наиболѣе удобными для выполненія этого предпріятія. Мы просимъ однако же объ этомъ ваше величество, предоставляя это дѣло на ваше собственное обсужденіе и благоусмотрѣніе и моля нашего Искупителя, изъ глубины сердца, дабы Онъ по своему милосердію, дозволилъ бы исполниться тому, что задумано для восхваленія и прославленія Его имени.»

7-го іюля Ридольфи былъ спрошенъ въ Эскуріалѣ о предпріятіи, съ предложеніемъ о которомъ онъ пріѣхалъ. Филиппъ II назначилъ герцога де-Феріа, для того, чтобы выслушать посла Маріи Стюартъ. Государственный секретарь Цайясъ собственноручно записывалъ отвѣты его. Былъ предложенъ вопросъ объ убійствѣ королевы Елизаветы. Ридольфи сказалъ, что *ударъ* будетъ нанесенъ не въ Лондонѣ, этой столицѣ

ереси, а во время путешествія королевы, и что произвести его долженъ былъ нѣкто по имени Джемсъ Греффсъ *). Въ тотъ же день начались разсужденія государственнаго совѣта по поводу умерщвленія Елизаветы и покоренія Англіи. Были разобраны вопросы: слѣдуетъ ли вступать въ соглашенія съ заговорщиками, относительно *убійства или взятія въ плѣнъ королевы*, которая должна помѣшать ея браку съ герцогомъ анжуйскимъ, и гибели королевы шотландской; слѣдуетъ ли нанести ударъ во время ея пріѣзда въ загородный домъ какого-нибудь изъ заговорщиковъ, имѣющихъ при ея особѣ людей, на которыхъ они могутъ положиться; не нужно ли помочь имъ въ случаѣ, если бы они начали дѣло, къ которому они не должны были приступать безъ приказаній католическаго короля. Государственные совѣтники подали свои мнѣнія, которыя были ими засвидѣтельствованы письменно. Герцогъ Феріа говорилъ первый. «Въ настоящемъ положеніи вещей, сказалъ онъ, дѣло затруднительно, но слѣдовало бы, чтобы король католическій не откладывалъ его. Королева шотландская— *истинная наслѣдница* королевства англійскаго, и она выполнитъ обязанности, предписываемыя ей религіею и дружбою. Если мы допустимъ ее до погибели, мы потеряемъ тогда всѣхъ людей, ей преданныхъ. Близость герцога Альбы должна облегчить дѣло, для котораго не слѣдуетъ терять ни минуты, если только его выполненіе необходимо.» Донъ Гернандо толедскій, великій пріоръ Кастиліи, подавшій свое мнѣніе вторымъ, сказалъ, что Чьяпино Вител-

*) Это имя, вѣроятно исковеркано, потому-что оно не встрѣчается нигдѣ больше.

ли—человѣкъ вполнѣ способный для выполненія такого предпріятія подъ руководствомъ герцога Альбы, и что, по мнѣнію Вителли, мѣсяцы сентябрь и октябрь весьма удобны для этого. Рюй Гомецъ де Сильва, принцъ Эболи, былъ того мнѣнія, что слѣдовало немедленно написать герцогу Альбѣ, чтобы онъ приготовилъ деньги, необходимыя для выполненія предпріятія. Докторъ Мартинъ Веласко казался менѣе другихъ расположеннымъ въ пользу этого плана. Онъ говорилъ, что планъ этотъ основанъ на предположеніи, что королева будетъ взята въ плѣнъ, и что ея смерть окончитъ все; но слѣдуетъ опасаться, какъ-бы сношенія съ лицами могущественными не привели къ опасности; что лучше побуждать ихъ, не вступая въ обязательства съ Ридольфи, ничего имъ не писать, но послать имъ денегъ и косвенно обѣщать имъ помощь въ надлежащую минуту. Великій инквизиторъ, кардиналъ-архіепископъ севильскій утверждалъ, что герцогъ Альба имѣетъ всѣ средства для того, чтобы обезпечить успѣхъ предпріятія, и что слѣдуетъ для этой цѣли дать въ его распоряженіе двѣсти тысячъ экю, объявивъ, что движеніе производится согласно декларацiи папской буллы. Кардиналъ прибавилъ, что Чьяпино Вителли самъ вызвался захватить въ плѣнъ англійскую королеву въ одномъ изъ ея увеселительныхъ дворцовъ, при помощи двѣнадцати или пятнадцати рѣшительныхъ человѣкъ, которые явятся къ ней, какъ бы прося о правосудіи.

Герцогъ Феріа возсталъ противъ мысли, выраженной великимъ инквизиторомъ, чтобы дѣйствовать въ Англіи отъ имени папы; онъ утверждалъ, что слѣдуетъ основываться на наслѣдственныхъ правахъ ко-

ролевы шотландской на это королевство. Онъ не находилъ, чтобы можно было удобно овладѣть королевой Елизаветой, при помощи нѣсколькихъ человѣкъ; это же мнѣніе раздѣлялъ и великій пріоръ Кастиліи, утверждавшій, что побѣдить открытою силой было очень трудно, и что герцогъ Альба не имѣлъ средствъ для этого. Что касается до Рюй Гомеца, то онъ, съ своею обычною ловкостью, хотѣлъ возложить на герцога Альбу исполненіе и отвѣтственность относительно этого плана, который казался ему очень труднымъ, между-тѣмъ какъ папскій нунцій говорилъ о немъ католическому королю, какъ о дѣлѣ весьма легкомъ.

Филиппъ II отвѣчалъ нунцію, что онъ желалъ бы взяться за это предпріятіе, но что его нужно вести съ чрезвычайной быстротою и имѣть огромныя средства для того, чтобы не дать сосѣднимъ государямъ вмѣшаться въ него. Онъ намекнулъ ему, что папа съ своей стороны долженъ дать для этого необходимыя деньги. Около того же времени (13 іюля) онъ писалъ къ своему посланнику въ Лондонѣ: «Меня занимаетъ дѣло Ридольфи, и я намѣренъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами и возможностью. Я бы охотно и немедленно рѣшился на это; но такъ-какъ можетъ случиться, что угнетенные англійскіе католики, движимые ненавистью и жаждой мщенія, изъ желанія скорѣе достигнуть своей цѣли, возстанутъ раньше времени и не въ пору возмутся за оружіе,— то я прошу васъ предупредить ихъ, что они не должны этого дѣлать ни въ какомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ приведено въ зрѣлость и пока все не устроится какъ слѣдуетъ.» Онъ извѣщалъ до-

на Гвералдо д'Эспеса, что по его приказаніямъ Ридольфи писалъ въ томъ же смыслѣ къ королевѣ шотландской, герцогу Норфольку и епископу росскому.

Этотъ могущественный государь, который одинъ только былъ въ состояніи освободить Марію Стюартъ, оставался долго, по своему обыкновенію, въ нерѣшимости, въ которую его постоянно ставили колебанія ума и характера. Его опасенія противорѣчили его желаніямъ. Онъ хотѣлъ взяться за это предпріятіе; но у него недоставало смѣлости. Изъ его совѣтниковъ нѣкоторые, болѣе пылкіе, побуждали его на это, другіе, болѣе благоразумные,—удерживали. Онъ только-что усмирилъ мавровъ, которые возстали въ юго-восточной части Испаніи. Его главныя силы были заняты въ Средиземномъ морѣ противъ турокъ и въ Нидерландахъ противъ религіозныхъ инсургентовъ, колеблющуюся покорность которыхъ старался упрочить герцогъ Альба. Филиппъ II боялся начинать противъ Елизаветы открытую войну, которая, быть-можетъ, не имѣла бы успѣха въ Англіи и сдѣлалась бы въ такомъ случаѣ гибельною для Нидерландовъ. Продливъ такимъ-образомъ свое колебаніе нѣсколько мѣсяцевъ, онъ кончилъ тѣмъ, что вполнѣ положился на герцога Альбу, къ которому онъ писалъ отъ 14-го сентября: «Видя ваше рѣшительное и твердое убѣжденіе, что не слѣдуетъ вдаваться такъ далеко въ это дѣло по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока конфедераты не покажутъ силъ, которыми могутъ располагать, и принимая въ уваженіе ваши искусныя заботы объ этомъ дѣлѣ, я рѣшаюсь передать его въ ваши руки, для того, чтобы вы, сообразивъ все, поступили какъ найдете нужнымъ для служенія Богу и намъ; и я

увѣренъ, что вы поведете это великое предпріятіе съ ревностью, заботливостью и благоразуміемъ, какихъ оно требуетъ».

Пока въ Испаніи разсуждали объ этомъ, въ Англіи самые смѣлые изъ заговорщиковъ побуждали герцога Норфолька къ явному возстанію. Елизавета, послѣ пятилѣтней отсрочки въ собраніи парламента, увеличивавшееся неповиновеніе котораго раздражало и безпокоило ее, наконецъ созвала его, и онъ собрался въ то самое время, когда составлялся заговоръ на континентѣ.

Этотъ парламентъ долженъ былъ издать грозные законы противъ тѣхъ, которые подъ какимъ бы то ни было политическимъ или религіознымъ предлогомъ будутъ оспоривать права англійской королевы. Такимъ-образомъ всякое притязаніе, во время ея жизни, на ея корону; объявленіе, что ея наслѣдство можетъ перейти къ кому-либо другому, кромѣ лицъ, предъявляющихъ на него свои права въ качествѣ *природныхъ ея потомковъ*, или что оно не можетъ быть опредѣлено постановленіями парламента; посягательство на ея королевскую власть подъ предлогомъ, что она еретичка и раскольница, были объявлены государственною измѣной.

Когда парламентъ собрался, но еще не принималъ этихъ предохранительныхъ мѣръ въ пользу Елизаветы и противорѣчившихъ какъ недавно изданной папской буллѣ, такъ и желаніямъ, постоянно выражаемымъ Маріею Стюартъ, епископъ росскій подумалъ, что съѣздъ главнѣйшаго дворянства въ Лондонѣ доставитъ герцогу Норфольку случай объявить о своихъ намѣреніяхъ и достигнуть своей цѣли. Онъ по-

лучилъ изъ Брюсселя отъ Ридольфи извѣстія, которыя были представлены флорентинцемъ благопріятными, и побуждалъ герцога Норфолька сдѣлать рѣшительный шагъ и заставить Испанію подать обѣщанную помощь; воспользовавшись присутствіемъ столькихъ вельможъ, собравшихся въ Лондонѣ, стать во главѣ ихъ, овладѣть Товэромъ, который былъ и арсеналомъ и крѣпостью, и взять въ плѣнъ самую королеву. Опасенія Норфолька были слишкомъ велики для того, чтобы онъ осмѣлился на все это. Самое бо́льшее, на что̀ онъ соглашался, было,—взяться за оружіе, какъ только иностранныя войска появятся въ Англіи для того, чтобы поддерживать его. Такимъ образомъ въ то время, какъ испанцы обусловливали высадку въ Англію, возстаніемъ заговорщиковъ или смертію Елизаветы, боязливый глава заговора не хотѣлъ начинать возстанія иначе, какъ только послѣ появленія испанскихъ войскъ. Такой заговоръ могъ принести только погибель, а не побѣду. Невозможно было, чтобы, при подобной медленности на материкѣ и нерѣшительности на островѣ, заговорщики, безпрестанно писавшіе и ничего не дѣлавшіе, не были открыты и уничтожены подозрительнымъ и бдительнымъ правительствомъ Елизаветы.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ Ридольфи прибылъ въ Брюссель, Сесиль, котораго Елизавета только-что сдѣлала барономъ бёрлейскимъ, напалъ уже на слѣды заговора. Около 10-го апрѣля въ Дуврѣ былъ задержанъ одинъ фламандецъ, по имени Карлъ Байльи, съ помощью котораго епископъ россскій хотѣлъ напечатать въ Брюсселѣ книгу, назначавшуюся для того, чтобы защищать честь и пра-

ва королевы шотландской. Зная полную довѣренность къ нему епископа, Ридольфи сообщилъ ему о своемъ порученіи и вмѣстѣ съ нимъ написалъ условными знаками пять депешъ, адресованныхъ на имя Маріи Стюартъ, епископа росскаго, герцога Норфолька, лорда Лэмлея, зятя графа Арэнделя, и дона Гвералдо д' Эспеса; въ этихъ депешахъ объяснялись намѣренія герцога Альбы и содержалось описаніе его бесѣдъ съ Ридольфи. Письма эти, въ которыхъ открывалась вся тайна заговора, были захвачены вмѣстѣ съ багажемъ Байльи, въ то время, когда онъ уже высаживался на берега Англіи. Захваченный пакетъ былъ отданъ въ канцелярію лорда Кобгэма, губернатора Пяти-Портовъ, который, можетъ-быть вслѣдствіе небрежности, а можетъ-быть и потому, что самъ былъ соучастникомъ заговора, допустилъ, чтобы епископъ росскій подмѣнилъ пакетъ другимъ такой же величины, но содержавшимъ самыя незначительныя бумаги. Тѣмъ не менѣе Байльи былъ посаженъ въ тюрьму въ Маршальси, откуда онъ вступилъ съ епископомъ росскимъ въ переписку; эта переписка, будучи передана Бёрлею, доказала министру Елизаветы, что дѣйствительныя письма Ридольфи были уже въ рукахъ епископа росскаго. Байльи, переведенный послѣ этого въ Товэръ и подвергнутый пыткѣ, открылъ все, что́ ему было извѣстно о заговорѣ. По приказанію Бёрлея, епископъ былъ арестованъ; его бумаги были подвергнуты пересмотру, но въ нихъ не нашли ничего. Послѣ того его стали допрашивать четыре лорда совѣта; епископъ отказался отвѣчать, утверждая, что онъ обязанъ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ одной только королевѣ, своей повелительницѣ. Подвергну-

тый вслѣдствіе этого вторичному заключенію, онъ былъ отданъ, подъ надзоромъ двухъ дворянъ королевы, епископу элійскому, который держалъ его съ середины мая до половины августа въ своемъ гольборнскомъ домѣ въ Лондонѣ, а потомъ отвезъ въ свое епископство. Бёрлей зналъ о заговорѣ, но онъ былъ не въ состояніи доказать его и начать преслѣдованіе.

Бдительность этого страшнаго министра значительно усилилась, когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того новое неблагоразуміе заговорщиковъ разоблачило передъ нимъ предпріятіе вполнѣ. Въ Шотландіи между партіей Маріи Стюартъ и партіей Іакова VI возобновилась война, отличавшаяся необыкновеннымъ ожесточеніемъ. 2-го апрѣля 1571 года, на другой же день по окончаніи перемирія, втеченіи котораго обѣ партіи прекратили свою вражду, графъ Леннокcъ нечаянно овладѣлъ крѣпостью Дэмбартона. Архіепископъ сентъ-андрейскій, котораго онъ презиралъ какъ врага своей фамиліи и какъ соучастника въ убійствѣ короля, своего сына, и регента, своего друга,— былъ въ числѣ плѣнниковъ. Неумолимый Леннокcъ приказалъ судить его и потомъ позорно повѣсилъ. Такой жестокій и унизительный поступокъ съ однимъ изъ предводителей Гамильтоновъ и стариннымъ примасомъ королевства, скоро повелъ къ ужасному сопротивленію противъ новаго регента и сдѣлалъ войну непримиримою. Съ той и съ другой стороны были созваны парламенты, гдѣ обѣ партіи взаимно осудили, какъ измѣнниковъ. Лорды королевы, собравшіеся въ Эдинбургѣ, начальство надъ которымъ Кёркальди Грэнджъ вручилъ страшному предводителю клана

Керовъ,—изгнали, посредстомъ уголовнаго приговора, графовъ Леннокса, Мортона, Мара, лордовъ Линдсэя, Гэя, Кэткарта, Глэммиса, Очильтри, епископа оркнейскаго, Макгиля и около двухсотъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи короля. Лорды короля, съ своей стороны, собравшись въ гораздо бо́льшемъ числѣ въ Стёрлингѣ, куда Мортонъ съумѣлъ привлечь Арджиля, Монтроза, Кассилиса и Эглинтона, объявили герцога Шательро, графа Гэнтли, Летингтона, Кёркальди Грэнджа, лорда Клавдія Гамильтона, аббата комендатарія арброатскаго, сэра Джемса Бальфёра, Роберта Мельвиля и другихъ виновными въ государственной измѣнѣ.

Елизавета поддерживала партію короля военною помощью, которая подавалась болѣе или менѣе открыто, между-тѣмъ какъ короли испанскій и французскій помогали деньгами приверженцамъ королевы. Послѣдніе имѣли крайнюю нужду въ помощи такого рода для того, чтобы держаться съ оружіемъ въ рукахъ и защищать эдинбургскую цитадель. И вотъ именно одна такая сумма денегъ, отданная французскимъ посланникомъ Баркеру, секретарю герцога Норфолька, для передачи вмѣстѣ съ секретными письмами приверженцамъ Маріи Стюартъ въ Шотландіи, подала возможность открыть все. Другой секретарь герцога, Гигфордъ, и его управитель, Бэнистеръ, взялись, получивъ уполномочіе отъ своего господина, передать лорду Герризу и деньги и письма, попавшіяся въ руки Бёрлея, вслѣдствіе измѣны агента, которому это было поручено. Арестованные немедленно всѣ трое, какъ виновные въ сношеніяхъ съ врагами королевы, они были запрошены обо всѣхъ умыслахъ герцога.

Гигфордъ, приведенный прежде другихъ въ лондонскую тюрьму, не только выдалъ тайну своего господина правительству Елизаветы, но указалъ также, гдѣ были спрятаны въ Говардъ-Гоузѣ ключъ, служившій герцогу для переписки съ Маріею Стюартъ, записка, относившаяся къ посольству Ридольфи, и девятнадцать писемъ, полученныхъ герцогомъ отъ королевы шотландской и епископа росскаго. Содержаніе этихъ бумагъ, которыя Гигфорду приказано было сжечь и которыя онъ сохранилъ, можетъ-быть, не безъ умысла, было подтверждено признаніями Баркера, бывшаго главнымъ посредникомъ между Норфолькомъ, Лесли и Ридольфи. Старый и дряхлый Баркеръ не могъ выносить вида орудій пытки и разсказалъ все, что̀ ему было извѣстно. Бэнистеръ сдѣлалъ подобное же признаніе, и епископъ росскій, переведенный изъ Эли въ Товеръ, получилъ запросъ въ свою очередь. Сначала онъ не хотѣлъ отвѣчать, ссылаясь на свое признанное достоинство посланника; но коронные адвокаты объявили, что посланникъ, уличенный въ томъ, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ противъ государства или государя, при особѣ котораго онъ аккредитованъ, теряетъ всякія права, принадлежащія его званію. Поэтому Бёрлей потребовалъ, чтобы онъ объяснился, если не желаетъ быть подвергнутымъ пыткѣ и наказаннымъ какъ простой англійскій подданный. Ужасъ, который епископъ росскій почувствовалъ, зная уже о признаніяхъ, сдѣланныхъ Баркеромъ, Бэнистеромъ и Гигфордомъ, заставилъ его говорить Онъ откровенно разсказалъ все, что̀ произошло между королевою шотландскою и герцогомъ Норфолькомъ, начиная съ конференціи въ Йор-

кѣ до посольства Ридольфи на материкъ. Его признанія еще болѣе отяготили положеніе герцога Норфолька.

Норфолькъ, вовлеченный въ заговоръ, на который онъ только согласился, но руководителемъ котораго почти не былъ, этотъ подданный, то слишкомъ честолюбивый, то слишкомъ боязливый, былъ обвиненъ наконецъ въ государственной измѣнѣ. Его снова отвели въ Товеръ, гдѣ онъ впалъ въ страшное отчаяніе. Сначала онъ отперся отъ всего; но узнавъ, что заговоръ открытъ его собственными слугами и епископомъ росскимъ, онъ вскричалъ: *мнѣ измѣнили*! Онъ рѣшился тогда прибѣгнуть къ средству, которое его компрометировало меньше всего. Онъ сталъ писать къ Елизаветѣ письма, исполненныя покорности и мольбы, признавалъ важность преступленій, въ которыхъ онъ провинился въ отношеніи къ ней, и испрашивалъ ея милостивой пощады.

Но Елизавета, побуждаемая встревоженными и фанатическими приверженцами религіозной реформы, рѣшилась подать бунтовщикамъ сильный и страшный примѣръ. Неоднократныя возстанія сѣверныхъ католиковъ, смѣлое объявленіе низлагающей буллы, провозглашенной противъ нея первосвященникомъ римскимъ, планъ брака между главою англійской аристократіи и соперницей Елизаветы по притязаніямъ на престолъ Англіи и обращеніе къ королю испанскому съ просьбою соединить военную экспедицію со стороны континента съ новымъ возстаніемъ на островѣ—возбудили до крайняго предѣла ея опасенія и строгость. Донъ Гвераль до д'Эспесъ получилъ приказаніе немедленно выѣхать изъ королевства. Лордъ Лэмлей, лордъ Кобгэмъ и его братъ Томасъ

Кобгэмъ, графъ Соутэмптонъ, сэръ Генри Перси, сэръ Томасъ Стэнлей, сэръ Томасъ Джерардъ, Ровистонъ, Лаудеръ, Пауэль, одинъ изъ тѣлохранителей королевы, были арестованы вмѣстѣ съ другими лицами, которые были уличены или захваченными письмами, или вынужденными признаніями; и процессъ герцога Норфолька былъ рѣшенъ. Когда справки по этому важному процессу были уже собраны въ достаточномъ количествѣ, лордъ-мэръ и ольдермэны города были призваны въ Вестминстеръ. Тамъ они увидѣли доказательства виновности герцога и получили предложеніе сообщить объ этомъ въ Гуильдголѣ главнѣйшимъ жителямъ Лондона для того, чтобы подготовить ихъ къ суду и осужденію Норфолька.

Когда все было приготовлено такимъ образомъ, Елизавета приказала привести герцога Норфолька 14-го января 1572 г. предъ собраніе двадцати семи графовъ и лордовъ, составившихъ нѣчто въ родѣ суда присяжныхъ въ главной залѣ Вестминстера, подъ предсѣдательствомъ графа Шрусберри, котораго королева сдѣлала по этому случаю великимъ стьюардомъ. Герцогъ предсталъ предъ своихъ судей съ достоинствомъ, соотвѣтствующимъ его сану, и показалъ при этомъ больше твердости духа, чѣмъ прежде. Обвиненный въ желаніи лишить королеву престола, а слѣдовательно и жизни, въ намѣреніи жениться на Маріи Стюартъ—которую онъ обвинялъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и убійствѣ — единственно изъ честолюбія, съ цѣлью пріобрѣсти титулъ, на который онъ изъявлялъ притязаніе, и взойти вмѣстѣ съ нею на престолъ Англіи; наконецъ въ томъ, что онъ помогалъ врагамъ королевы въ Шотландіи и

вступилъ въ заговоръ на континентѣ съ папою и королемъ испанскимъ, имѣя цѣлью—измѣнить религію и правленіе въ государствѣ, — онъ защищался съ ловкостью и правдоподобіемъ. Соглашаясь на все, противъ чего онъ не могъ спорить, онъ утверждалъ, что ему были извѣстны дѣла, о которыхъ знать ему не слѣдовало бы, но присоединиться къ которымъ онъ не желалъ. Хотя онъ отвергалъ всякую мысль объ измѣнѣ относительно королевы и представлялъ самое бездѣйствіе свое, какъ доказательство своей невинности, однако же онъ былъ признанъ виновнымъ всѣми пэрами единогласно и 16 января осужденъ на смертную казнь. Услышавъ свой приговоръ, онъ протестовалъ, говоря, что умираетъ, сохранивъ королевѣ такую же вѣрность, какую питаютъ къ ней всѣ ея подданные; потомъ, обращаясь къ своимъ судьямъ, онъ произнесъ въ волненіи: «Милорды, вы меня изгоняете изъ вашего общества; но я надѣюсь скоро находиться въ другомъ, лучшемъ. Я не прошу никого изъ васъ ходатайствовать о моей жизни. Для меня все кончено. Я умоляю васъ только передать мою нижайшую просьбу ея величеству королевѣ о томъ, не будетъ ли угодно ей пролить свои благодѣянія на моихъ бѣдныхъ дѣтей, сиротъ, отдать приказаніе объ уплатѣ моихъ долговъ и не допустить до нищеты моихъ несчастныхъ слугъ.»

По возвращеніи въ Товеръ, ему удалось переслать къ королевѣ письмо, дышавшее глубокою скорбью и наполненное самымъ выразительнымъ раскаяніемъ; въ немъ онъ поручалъ своихъ дѣтей великодушію Елизаветы, говоря: «что теперь, когда у нихъ нѣтъ больше ни отца, ни матери, они найдутъ очень мало

друзей». Онъ не переставалъ оплакивать сношенія, которыя имѣлъ съ королевою шотландской и съ горечью, совершенно, впрочемъ, справедливой замѣтилъ, «что не можетъ быть удачи въ томъ, что, дѣлается для нея и ею.»

Между-тѣмъ печальная и несчастная королева, отъ которой отрекался съ такимъ отвращеніемъ герцогъ Норфолькъ, томилась горемъ, находясь подъ стражею въ Шеффильдѣ. Послѣ того, какъ были открыты ея новые умыслы, помѣщеніе ея ограничивалось только двумя комнатами замка. Не имѣя сношеній съ своими чиновниками и пользуясь услугою только нѣкоторыхъ своихъ женщинъ, она жаловалась, «что у нея отнимаютъ воздухъ и власть», и что ее лишаютъ возможности получать извѣстія о своихъ родныхъ и подданныхъ, а также и писать имъ самой. Ея здоровье, уже разстроенное, слабѣло всё больше-и-больше. Процессъ герцога Норфолька причинилъ ей сильную скорбь. Она не выходила изъ своей комнаты въ теченіе цѣлой недѣли, пока происходилъ судъ надъ нимъ, и когда узнала о его осужденіи, то залилась слезами. Елизавета, съ нѣкотораго времени не отвѣчавшая на ея письма, прервала молчаніе, упрекая Марію съ угрожающею строгостью въ ея необузданныхъ страстяхъ, слѣпыхъ ошибкахъ и вѣчныхъ заговорахъ. Она обвиняла ее въ отклоненіи герцога Норфолька отъ его вѣрноподданническихъ обязанностей и въ неблагодарности къ себѣ, которая, говорила она, освободила ее отъ преслѣдованія подданныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ позорной смерти. Марія Стюартъ, противопоставляя свои дѣйствительныя лишенія воображаемымъ благодѣяніемъ Елизаветы, при-

поминала ей, что та оружіемъ поддерживала возстаніе Шотландіи въ регентство ея матери, что она хотѣла помѣшать ея возвращенію въ свое королевство по смерти Франциска II, что она постоянно давала у себя пріютъ или помогала ея возмутившимся подданнымъ и что, наконецъ, ей самой пришлось поплатиться за свою довѣрчивость—плѣномъ. Не признаваясь въ своихъ намѣреніяхъ, которыя она ограничивала только просьбами о приведеніи Шотландіи въ повиновеніе, она не скрывала, однакожь, что, считая себя обманутою послѣдними переговорами, «не желаетъ питаться впредь одними только благими надеждами». «Богъ—говорила она—пославшій мнѣ терпѣніе въ печаляхъ, пошлетъ, въ случаѣ надобности, и бодрость для перенесенія смерти». Что касается до герцога Норфолька, то она увѣряла, что хотѣла избрать его въ мужья только вслѣдствіе просьбы совѣта Англіи. Она прибавляла, «что почтетъ себя заслуживающею названія неблагодарной и злой, если не употребитъ всѣхъ средствъ, которыя Богъ оставилъ ей, для того, чтобы смягчить гнѣвъ королевы англійской въ отношеніи къ герцогу Норфольку и другимъ вельможамъ, которые подвергали себя безпокойствамъ изъ нѣкотораго участія къ ней; и если она не станетъ умолять свою добрую сестру простить имъ, или по-крайней-мѣрѣ воспрепятствовать тому, чтобы они пострадали за нее.»

Но просьбы Маріи Стюартъ было недостаточн для того, чтобы спасти герцога Норфолька. Елизавета нѣсколько разъ подписывала и отмѣняла его смертный приговоръ. Первое повелѣніе ея было дано въ субботу, 8-го февраля, чрезъ нѣсколько недѣль

послѣ суда надъ герцогомъ. Но въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ—день, назначенный для казни этого несчастнаго—Елизавета, которой волненіе не давало заснуть, призвала къ себѣ Бёрлея и приказала ему отложить казнь. Бёрлей повиновался съ неудовольствіемъ. «Когда ея величество—писалъ онъ къ Уэльсингэму, разсказывая ему о волненіи Елизаветы—думаетъ о предстоящихъ ей опасностяхъ, то она желаетъ, чтобы правосудіе исполнилось. Когда же она обращаетъ вниманіе на высокій санъ герцога и на его близкое родство съ нею, то она остается въ нерѣшимости.... Да исполнится воля Божія и да убѣдитъ королеву позаботиться о своей безопасности.» Къ этому-то жестокому рѣшенію не переставали побуждать Елизавету съ высоты каѳедръ и изъ среды ея совѣта. Позволивъ убѣдить себя въ томъ, что интересы церкви и короны равно требуютъ этого, она дала 9-го апрѣля новое повелѣніе, которое опять было отмѣнено въ два часа утра. Неумолимый Бёрлей заставилъ тогда парламентъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы восторжествовать надъ слишкомъ человѣколюбивою нерѣшительностью Елизаветы и ея разсчитанными сомнѣніями. Палата общинъ, въ которой преобладала фанатическая партія пуританъ, объявила, что существованіе герцога несообразно съ безопасностью королевы. Она осмѣлилась даже потребовать смерти Маріи Стюартъ и говорила, что *зло слѣдовало срубить въ самомъ корнѣ.* Елизавета отвѣчала, что она не можетъ предать смерти птицу, которая, спасаясь отъ преслѣдованій коршуна, отдалась подъ ея защиту. Не соглашаясь на погибель Маріи Стюартъ, она пожертвовала герцогомъ

Норфолькомъ. 31-го мая она подписала третье повелѣніе о казни, котораго на этотъ разъ, уже не отмѣняла.

2-го іюня герцогъ Норфолькъ, около восьми часовъ утра, былъ возведенъ на эшафотъ, построенный въ Товеръ-Гиллѣ. Въ эту послѣднюю минуту онъ обнаружилъ много благородной простоты и чрезвычайной твердости духа. Онъ долго говорилъ съ народомъ, не утверждалъ вполнѣ своей невинности, но и не признавалъ себя совершенно виновнымъ. Объявивъ себя вѣрнымъ протестантомъ, онъ извинялся въ томъ, что позволилъ родиться сомнѣніямъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ тѣмъ, что имѣлъ друзей и слугъ между папистами. Онъ благодарилъ королеву за великодушныя распоряженія, сдѣланныя ею относительно его дѣтей, и просилъ народъ любить ее и повиноваться ей: «Пусть тѣ, кто замышляетъ какіе-нибудь заговоры—сказалъ онъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ—берегутся, чтобы не быть скоро оставленными. Не старайтесь дѣлами вашими подвигнуть волю Божію; пусть Богъ дѣйствуетъ на вашу волю.» Послѣ этихъ словъ, возбудившихъ сочувствіе народа, герцогъ Норфолькъ спокойно прочиталъ свои молитвы, положилъ голову на плаху, не позволивъ, чтобы ему завязали глаза, и умеръ съ такимъ мужествомъ, какого не выказалъ въ своемъ заговорѣ.

Его смерть довершила паденіе Маріи Стюартъ въ Англіи. Эта королева, привязанность къ которой приносила погибель, видѣла какъ, одно за другимъ, разбивались различныя орудія ея освобожденія и возстановленія. Возмущеніе 1569 г., къ которому герцогъ Норфолькъ и недовольная аристократія могли,

но не рѣшились, примкнуть, повлекло за собою пораженіе и привело католиковъ въ уныніе. Заговоръ герцога Норфолька, которому король испанскій не съумѣлъ подать благовременной помощи, будучи разрушенъ, разстроилъ слишкомъ смѣлые планы высшей аристократіи. Послѣ подавленнаго возстанія на сѣверѣ, волненія католиковъ прекратились; послѣ казни герцога Норфолька аристократія уже не начинала больше своихъ опасныхъ заговоровъ. Протестантство путемъ грозныхъ постановленій получило господство во всемъ Англійскомъ королевствѣ, и люди новаго порядка, во главѣ которыхъ стаялъ Бёрлей, съ этихъ поръ управляли полновластно совѣтомъ Елизаветы.

—

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Подавивъ возстаніе католиковъ на сѣверѣ королевства, разстроивъ заговоръ герцога Норфолька и Маріи Стюартъ съ Филиппомъ II и папою, Елизавета обратила всю свою заботливость къ предупрежденію опасностей, которыя могли еще угрожать ей. Ея предусмотрительной и изобрѣтательной въ этомъ отношеніи политикѣ удалось разъединить два сильные католическіе кабинета на материкѣ и сдѣлать одинъ изъ нихъ своимъ союзникомъ противъ другаго. Пользуясь третьимъ миромъ, заключеннымъ во Франціи въ августѣ 1570 г., она послѣ проекта о бракѣ съ герцогомъ анжуйскимъ, вступила въ переговоры о заключеніи трактата объ оборонительномъ союзѣ съ

Карломъ IX. Проектъ о бракѣ не имѣлъ въ себѣ ничего серьёзнаго; онъ былъ однимъ изъ средствъ, которыми очень охотно пользовались ея хитрость и тщеславіе, съ цѣлью—заставить другихъ желать ея дружбы и заискивать ея расположенія; она предлагала претендентамъ на ея руку раздѣлить съ ней обладаніе короной, которую она рѣшилась носить одна до конца. Не таковъ былъ трактатъ о союзѣ, который представлялъ обоимъ кабинетамъ взаимныя выгоды. Посредствомъ него англійская королева нѣкоторымъ образомъ пріобрѣтала возможность удержать Марію Стюартъ въ своей власти, между-тѣмъ какъ сама она обязывалась удерживаться отъ возбужденія религіозныхъ смутъ во владѣніяхъ христіаннѣйшаго короля, сдѣлавшагося ея союзникомъ. Этотъ трактатъ, который обезпечивалъ для Англіи помощь Франціи въ случаѣ вторженія католиковъ и, повидимому, долженъ былъ предохранить Францію отъ новой междоусобной войны, лишая съ этихъ поръ гугенотовъ поддержки со стороны Англіи, былъ подписанъ въ Блуа 29-го апрѣля 1572 г. сэромъ Томасомъ Смитомъ и сэромъ Фрэнсисомъ Уэльсингэмомъ—уполномоченными Елизаветы—и маршаломъ Монморанси, хранителемъ печатей Бирагомъ, епископомъ лиможскимъ, Себастьеномъ де л'Обепиномъ и Полемъ де-Фуа—уполномоченными Карла IX.

Успокоенная съ этой стороны, англійская королева была не менѣе искусна и не менѣе счастлива относительно Шотландіи. Партія Маріи Стюартъ оставалась тамъ очень могущественною. Когда возобновились непріязненныя отношенія между лордами королевы и лордами короля, когда тѣ и другіе ста-

ли взаимно изгонять другъ друга во враждебныхъ между собою парламентахъ эдинбургскомъ и стёрлингскомъ, графа Леннокса постигла та же участь, какой подвергся его предшественникъ, графъ Мюррэй. Схваченный утромъ 4-го сентября 1571 г. въ Стёрлингѣ отрядомъ солдатъ, который Кёркальди Грэнджъ посылалъ въ Эдинбургъ и который вошелъ туда неожиданно, подъ начальствомъ графа Гэнтли, лорда Клавдія Гамильтона, лэрда Бёкльо и Кера Фарнигёрста—онъ былъ безжалостно убитъ въ возмездіе за насильственную смерть архіепископа сентъ-Андрейскаго. Въ ту же самую минуту всѣ главнѣйшіе лорды короля, захваченные врасплохъ, были сдѣланы плѣнниками. Спасеніемъ своимъ они были обязаны изгнанію Скоттовъ и Керовъ, которые разбрелись по разнымъ мѣстамъ для грабежа, и дали жителямъ Стёрлинга время взяться за оружіе, а гарнизону замка сойти въ городъ, чтобы освободить ихъ и прогнать оттуда слишкомъ жадныхъ побѣдителей. На другой же день они назначили наслѣдникомъ Леннокса графа Мара, который изъ дядьки молодаго короля сдѣлался регентомъ Шотландіи.

Несмотря на взятіе Дэмбартона и многократную помощь Елизаветы, партія короля не одержала верха надъ партіей королевы. Приверженцы Маріи, находясь въ эдинбургской цитадели, все еще владѣли городомъ; сверхъ-того, они занимали замки Ниддри, Ливингстонъ и Блекнессъ. Адамъ Гордонъ Энчендаунъ, братъ графа Гэнтли, сдѣлалъ ихъ побѣдителями на сѣверѣ, Керъ Фарнигёрстъ и лордъ Герризъ—на югѣ, Гамильтоны—на западѣ. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Елизавета, не будучи въ состоя-

ніи уничтожить партизановъ Маріи, вздумала обезоружить ихъ. По согласію съ французскимъ дворомъ, послѣ заключенія трактата въ Блуа, она начала хлопотать о перемиріи между двумя партіями. Посланникъ ея, сэръ Уильямъ Друри и французскій посолъ дю-Крокъ устроили, что 30-го іюля 1571 г. это перемиріе было подписано со включеніемъ въ него особенной статьи, чтобы дворянство и сословія королевства собрались въ самый короткій срокъ для заключенія общаго мира.

Въ вознагражденіе за услуги Елизаветы въ пользу короля, ей выдали несчастнаго графа Нортэмберленда, который и былъ 15-го августа казненъ въ Йоркѣ. Въ то самое время, когда англійская королева считала себя въ совершенной безопасности, пришла страшная вѣсть объ убійствахъ Варѳоломеевой ночи. Во всей Англіи поднялся крикъ ужаса и гнѣва. Исполненная недовѣрчивости и негодованія, Елизавета созвала свой совѣтъ для разсужденія о томъ, что ей нужно дѣлать. Въ Оксфордѣ она въ теченіе многихъ дней не давала аудіенціи французскому послу ла-Моту-Фенелону, который прибылъ туда, чтобы оправдать это поголовное убійство, приписывая его открытію заговора протестантовъ. Наконецъ она допустила его въ свое присутствіе. При этой аудіенціи она была окружена членами своего совѣта и важнѣйшими дамами своего двора, которые всѣ были одѣты въ трауръ и хранили мрачное молчаніе въ ея особенной комнатѣ, имѣвшей печальный видъ погребальнаго склепа. Ла-Мотъ-Фенелонъ прошелъ черезъ эту безмолвную толпу, всѣ взоры которой, опущенные внизъ, отвращались отъ него, и приблизился къ

королевѣ, которая приняла его съ печальнымъ и строгимъ выраженіемъ лица.

Она не скрыла предъ посланникомъ ни ужаса, внушеннаго ей варѳоломеевскимъ происшествіемъ, ни недовѣрчивости къ объясненіямъ, которыми онъ старался его оправдать, ни своихъ опасеній за послѣдствія, которыя она предвидѣла. Она выразила ла-Моту-Фенелону свое прискорбное удивленіе и горькое порицаніе по поводу поступковъ его государя, и на увѣренія въ дружбѣ, которыя посолъ возобновилъ отъ имени Карла IX, отвѣчала: «я сильно боюсь, какъ бы тѣ, которые побудили этого короля оставить своихъ природныхъ подданныхъ, не побудили его оставить иностранную королеву».

Она въ-самомъ дѣлѣ-думала, что французскій дворъ измѣнитъ ей; ей казалось, что протестантизму во всемъ мірѣ грозитъ огромный заговоръ, къ которому парижское побоище служило сигналомъ. Итакъ она приняла мѣры къ своей защитѣ. Она возобновила союзы въ Германіи, куда послала подготовить наборы солдатъ; укрѣпила Портсметъ, Дувръ и островъ Вайтъ; вооружила десять большихъ кораблей, для крейсированія въ Ла-Маншѣ и охраненія береговъ Англіи; поддерживала сопротивленіе ла-Рошели, оставшейся послѣднимъ оплотомъ протестантства во Франціи; удвоила надзоръ и строгость относительно католиковъ своего государства, и возъимѣла самыя страшныя намѣренія относительно опасной узницы, которая была надеждою этой партіи какъ во Франціи, такъ и въ Англіи.

По открытіи заговора герцога Норфолька, Елизавета формально объявила, что она ни на одинъ часъ

не можетъ оставаться спокойною, если Марія Стюартъ будетъ возстановлена на своемъ тронѣ и что поэтому она рѣшилась никогда не возвращать ей свободы. Написанная Бучананомъ ругательная книга, въ которой были помѣщены секретныя письма Маріи Стюартъ къ Ботвелю, была распространена въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Протестантскіе теологи, съ помощью библіи, старались доказать, что смерть Маріи будетъ дѣломъ справедливымъ; а юристы, основываясь на старинномъ кодексѣ государства, утверждали, что она будетъ дѣломъ законнымъ. Ненависть и фанатизмъ противъ несчастной узницы дошли до того, что обѣ палаты парламента хотѣли издать билль о лишеніи ея всѣхъ гражданскихъ правъ (attainder). Елизавета воспротивилась этому. Несмотря на запрещеніе королевы, парламентъ старался, по-крайней-мѣрѣ, формально, посредствомъ особаго закона, исключить Марію Стюартъ отъ наслѣдованія англійской короны. Чтобы избавить плѣнницу отъ преслѣдованій, Елизавета была принуждена отсрочить сессію парламента. Она ограничивалась тѣмъ, что стращала Марію обвиненіемъ, которое осталось одной угрозой.

Лордъ Делаваръ, сэръ Ральфъ Сэдлеръ, Томасъ Бромлей явились отъ ея имени въ Шеффильдъ и допросили Марію Стюартъ, какъ преступницу, по тринадцати пунктамъ, которые заключали въ себѣ обвиненія противъ нея. Отвѣты Маріи были болѣе благоразумны, чѣмъ искренни. Она утверждала, что въ своемъ планѣ о бракѣ съ герцогомъ Норфолькомъ она не имѣла ни малѣйшаго намѣренія противъ Елизаветы, а въ посольствѣ Ридольфи и въ своихъ сно-

шеніяхъ съ Піемъ V и Филиппомъ II думала единственно объ освобожденіи Шотландіи. Елизавета, которая не могла допустить объясненій Маріи Стюартъ, въ эту минуту не рѣшилась публично предать ее суду. Но послѣ убійствъ Варѳоломеевой ночи она вздумала тайнымъ образомъ избавиться отъ этой несчастной королевы.

Этотъ жестокій и лицемѣрный планъ, составленный Елизаветою вмѣстѣ съ Бёрлеемъ и Лейстеромъ, предполагалось привести въ исполненіе не въ Англіи, а въ Шотландіи. Руководить имъ тамъ было поручено одному изъ самыхъ искусныхъ и надежныхъ англійскихъ агентовъ. Сэръ Генри Кильгру, зять Бёрлея, отправился 7-го сентября, 1572 г. въ Шотландію съ двумя порученіями: открытымъ и тайнымъ. По первому онъ долженъ былъ, въ интересахъ протестантства, которому грозила опасность, устроить примиреніе между Летингтономъ, Кёркальди Грэнджемъ и графами Маромъ и Мортономъ, а по второму—условиться съ Маромъ и Мортономъ о смерти Маріи Стюартъ. Это послѣднее порученіе было дано лично самою Елизаветою въ присутствіи Лейстера и Бёрлея, которые одни знали о немъ. Согласно инструкціямъ, писаннымъ собственною рукою Бёрлея и находящимся въ государственномъ архивѣ Англіи, Кильгру долженъ былъ объяснить двумъ союзникамъ Елизаветы, что жизнь Маріи Стюартъ не можетъ быть сохранена безъ вреда для ихъ общей безопасности и что противъ нея неудобно дѣйствовать въ Англіи, а надобно освободиться отъ нея въ Шотландіи, гдѣ она будетъ предана въ руки ея враговъ. Кильгру получилъ приказаніе употребить всю

свою ловкость къ убѣжденію регента и Мортона потребовать плѣнницу въ Шотландію, не подавая вида, что они дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ по внушенію англійской королевы. Елизавета хотѣла пожать плоды этой кровавой сдѣлки, не подвергаясь ненависти и позору, съ которыми она была сопряжена.

Кильгру нашелъ въ Шотландіи такое же волненіе по случаю Варѳоломеевой ночи, какимъ была возмущена Англія. Старый Ноксъ, удалившійся въ Сентъ-Андре, когда партія королевы заняла Эдинбургъ, возвратился въ этотъ послѣдній городъ послѣ іюльскаго перемирія. Несмотря на то, что онъ наполовину былъ разбитъ параличомъ вслѣдствіе апоплексическаго удара, такъ-что ему уже не долго оставалось жить, онъ попросилъ, чтобы его взвели на каѳедру, гдѣ, подавленный скорьбю и взволнованный негодованіемъ, онъ со всею прежнею силою своего голоса загремѣлъ противъ убійцъ своихъ братьевъ— протестантовъ Франціи, предавая ихъ всеобщему проклятію. Вмѣстѣ съ пасторами, своими учениками, онъ сильно способствовалъ къ тому, чтобы сдѣлать старинный союзъ съ Франціей все болѣе-и-болѣе непопулярнымъ. Кильгру воспользовался этимъ какъ относительно своего секретнаго, такъ и открытаго порученія. Онъ безъ труда побудилъ Мортона къ рѣшимости погубить Марію. Регентъ Маръ принялъ его предложеніе на этотъ счетъ холоднѣе. Дѣло шло не такъ скоро, какъ этого желали въ Англіи, и потому Бёрлей и Лейстеръ, тороня Кильгру, писали ему отъ 29-го сентября слѣдующее: «Употребите всѣ старанія къ серьёзному и быстрому приведенію въ дѣйствіе средства, которое имѣете въ своихъ рукахъ,

наблюдая при этомъ возможную тайну, какой требуетъ настоящій случай. Занимаясь этимъ *дѣломъ* каждый день и даже каждый часъ, мы видимъ, что желать успѣшности его насъ заставляютъ все однѣ и тѣ же причины, внушая намъ вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что *они* должны найти въ этомъ еще бо́льшій интересъ. если примутъ въ соображеніе свою личную безопасность, состояніе своего государства и утвержденіе религіи—относительно чего они находятся въ опасности болѣе нежели мы.... Раскройте имъ всѣ эти опасности подробно, если они не достаточно ихъ видятъ.... Вы окажете самую большую услугу, если будете дѣйствовать съ быстротою.»

Кильгру, съ помощью Нокса, возбудилъ народъ противъ католиковъ и Франціи. Въ то же время онъ имѣлъ многочисленныя совѣщанія съ Маромъ и Мортономъ относительно того, что онъ называлъ *великимъ дѣломъ*. Оба графа наконецъ согласились, въ обезпеченіе своей рѣшимости, *покончить съ дѣломъ*, т. е. съ Маріею Стюартъ, дать заложниковъ въ теченіе четырехъ часовъ послѣ того, какъ она будетъ отдана въ ихъ руки, и такимъ образомъ освободить Елизавету отъ соперницы. При этомъ они постановили слѣдующія условія: чтобы англійская королева приняла ихъ юнаго короля подъ свое покровительство; чтобы права его не были уничтожены приговоромъ, произнесеннымъ противъ его матери, и были утверждены декларацією англійскаго парламента; чтобы между двумя государствами былъ заключенъ оборонительный союзъ; чтобы графы Гэнтингдонъ, Бедфордъ или Эссексъ присутствовали при казни Маріи, съ двумя или тремя тысячами солдатъ, и по-

томъ присоединили свои войска къ войскамъ короля, для взятія эдинбургскаго замка; наконецъ, чтобы этотъ замокъ былъ переданъ регенту и чтобы Англія заплатила все жалованье, недоплаченное шотландскимъ войскамъ.

Эти условія показались Кильгру непомѣрными, Бёрлею — слишкомъ убыточными, а Елизаветѣ, мелочно-разсчетливой и прикрывавшей свою жестокость лицемѣріемъ — унизительными. Ей очень хотѣлось лишить Марію жизни, но она не была расположена давать жалованье ея убійцамъ и показывать себя ихъ подстрекательницей и сообщницей. Высокая плата, которой два шотландскіе графа требовали за кровь своей прежней государыни, и внезапная смерть регента Мара, послѣдовавшая 28-го октября въ Стёрлингѣ и приписываемая отравленію, прекратили на время эти гнусные переговоры, которые, впрочемъ, окончательно были оставлены только въ 1574 г. Видя, что они не удались, Бёрлей, встревоженный и забывшій всякую совѣстливость, написалъ къ Лейстеру письмо въ неясныхъ, но значительныхъ выраженіяхъ. Онъ внушалъ въ немъ королевѣ, при которой находился Лейстеръ, мысль — избавиться отъ Маріи Стюартъ въ Англіи, потому-что ей не удалось отправить ее на смерть въ Шотландію. «Если ея величество — говорилъ онъ — будетъ продолжать свои откладыванья; если она не позаботится о своей собственной безопасности, употребивъ средства, данныя ей Богомъ, то она, также, какъ и всѣ мы, будетъ напрасно умолять Его, когда бѣдствіе разразится надъ нами. Да пошлетъ Богъ ея величеству силу духа для поддержанія дѣла Божія, ея собственной

жизни и жизни милліоновъ добрыхъ подданныхъ, которымъ всѣмъ грозитъ явная опасность единственно вслѣдствіе ея отсрочекъ, такъ-что королева наконецъ можетъ погубить благородное королевство.»

Елизавета не осмѣлилась послѣдовать этому внушенію. Она не лишила Марію Стюартъ жизни, но отняла у нея оставшихся еще въ Шотландіи приверженцевъ, то привлекая ихъ на свою сторону, то уничтожая ихъ. Мортонъ 24-го ноября 1572 г. наслѣдовалъ Мару въ титулѣ и власти регента. Въ самый день возведенія его въ это достоинство, о которомъ онъ давно уже мечталъ, умеръ реформаторъ Ноксъ. Этотъ пылкій и непреклонный человѣкъ, который и своимъ ученьемъ и своими дѣйствіями такъ много способствовалъ къ совершенію религіознаго и политическаго переворота въ Шотландіи, страдая тѣломъ, но ни мало не утративъ бодрости духа и энергіи ума, умеръ на шестьдесятъ восьмомъ году отъ-роду, оплакиваемый пресвитеріанскою церковью, которой онъ былъ основателемъ, любимый гражданами, которыхъ онъ сдѣлалъ болѣе благочестивыми, уважаемый дворянствомъ, которое было отчасти обязано ему своею властью въ государствѣ. Ему не удалось быть свидѣтелемъ окончательнаго и близкаго торжества своей партіи, но онъ его предвидѣлъ. Утвердить это торжество — было удѣломъ Мортона. Еще болѣе своего предшественника преданный протестантизму и англійской политикѣ, Мортонъ на служеніе этому двойному дѣлу употребилъ рѣдкое искусство, всю энергію своего характера, власть, которою онъ обладалъ въ качествѣ регента, всю силу, которую онъ имѣлъ какъ глава фамиліи Дугласовъ.

Съ помощью Кильгру, который убѣдилъ Елизавету дать ему субсидіи и обѣщать войска, онъ возобновилъ переговоры, начатые его предшественникомъ съ главнѣйшими вельможами, которые остались вѣрными королевѣ. Послѣ смерти регента Мюррэя, партія Маріи Стюартъ состояла не только изъ тѣхъ, которые всегда ее поддерживали—каковы были Гамильтоны и Гордоны—но также изъ присоединившихся къ ней дезертировъ партіи короля, каковы были Кёркальди Грэнджъ, Летингтонъ и Юмъ. Мортонъ вздумалъ войти въ соглашеніе съ каждою изъ этихъ частей отдѣльно, изъ опасенія, что если онъ будетъ вести переговоры въ одно и то же время со всею партіей, то будетъ въ ея власти и впослѣдствіи подвергнется новымъ возстаніямъ. Надѣясь съ бо́льшею легкостью отвлечь отъ королевы людей, которые присоединились къ ней послѣдними, и которыхъ еще свѣжія воспоминанія, казалось, должны были возвратить подъ власть короля, ими самими возведеннаго на тронъ, онъ обратился сперва къ Кёркальди Грэнджу и къ Летингтону. Запершись въ эдинбургской цитадели,—которую они считали въ безопасности отъ нападеній шотландцевъ и гдѣ они ждали помощи, обѣщанной французскимъ дворомъ, въ случаѣ если они продержатся тамъ до Духова дня 1573 г.,—Летингтонъ и Кёркальди не приняли частныхъ предложеній Мортона, которому они сильно не довѣряли. Они потребовали, чтобы примиреніе распространилось на всю партію королевы и чтобы за Кёркальди Грэнджемъ осталось начальство надъ эдинбургскою цитаделью въ теченіе шести мѣсяцевъ по заключеніи мира. Этимъ они хотѣли выиграть время, чтобы до-

ждаться французскихъ войскъ, которыя были тогда заняты осадою ла-Рошели, и сохранить для себя возможность возобновить потомъ борьбу, обладая бо̀льшими средствами. Подобная сдѣлка не могла быть по душѣ Мортону. Оставивъ свое намѣреніе—склонить на свою сторону *кастильцевъ*,—какъ ихъ называли отъ слова замокъ (castle), который они занимали,—онъ обратился къ Гамильтонамъ и Гордонамъ.

Послѣдніе, цѣлыя пять лѣтъ безуспѣшно сражаясь за королеву, начинали уже тяготиться своими напрасными стараніями и чувствовать свое безсиліе. Въ особенности они были обезкуражены рѣшительнымъ вмѣшательствомъ Елизаветы. Поэтому они выказали готовность вступить въ переговоры съ регентомъ, при посредствѣ Кильгру. Между ними и Мортономъ тайно было условлено оставить всякія преслѣдованія по дѣламъ объ умерщвленіи Дарнлея и его отца, регента Леннокса, въ которыхъ тѣ или другіе могли быть болѣе или менѣе замѣшаны. Послѣ этой гарантіи, данной и принятой въ качествѣ средства къ миру, условія окончательнаго соглашенія обсуждались въ Пертѣ коммиссарами регента съ одной стороны, графомъ Гэнтли и лордомъ Арбротомъ, сыномъ герцога Шательро—съ другой. При помощи и стараніи Кильгру было постановлено, чтобы католическіе лорды формальнымъ объявленіемъ одобрили преобразованную религію въ томъ видѣ, какъ она была введена въ государствѣ; чтобы они подчинились власти короля и регентству Мортона, признали незаконнымъ все, что̀ было сдѣлано противъ этого правительства со времени коронованія Іакова VI въ Стёрлингѣ; чтобы, въ возмездіе за это, они были возстановлены въ

своихъ имуществахъ и званіяхъ, и чтобы уничтожены были всѣ акты, изданные противъ приверженцевъ королевы, которые должны были получить полную амнистію. Сдѣлка Гамильтоновъ и Гордоновъ, къ участію въ которой графъ Гэнтли склонилъ и своего доблестнаго брата, сэра Адама Гордона, сопровождалась покорностью лордовъ Грэя и Олифанта, шерифа Эйра, лордовъ Бёклью и Джонстона. 23-го февраля 1573 г. регентъ подписалъ условія пертскаго примиренія, которыя обезоружили и уничтожили партію королевы.

У этой партіи не оставалось ничего, кромѣ эдинбургской цитадели. «Теперь—писалъ Кильгру къ Бёрлею—для повсемѣстнаго повиновенія королю и для соединенія государства остается одно только препятствіе—зáмокъ». Положеніе *кастильцевъ* дѣлалось всё болѣе-и-болѣе затруднительнымъ; они были оставлены всѣми. Даже зáмокъ Блекнессъ недавно былъ преданъ женою Джемса Кёркальди Уильяма Мортону, который ее соблазнилъ. Несмотря на эту измѣну и на всѣ трудности дальнѣйшаго сопротивленія, сэръ Уильямъ Керкальди вовсе не думалъ сдаваться. Этотъ храбрый человѣкъ, котораго вѣрность своей государынѣ дошла теперь до упорства, отказался отъ всякой сдѣлки. Онъ не поддался настояніямъ и религіознымъ угрозамъ своего стараго друга Нокса, который, незадолго предъ своею смертью, послалъ къ нему пастора Линдсэя, сказавъ этому послѣднему: отправьтесь въ зáмокъ, къ этому человѣку, котораго—вы знаете—я такъ любилъ, и скажите ему, что я васъ послалъ еще разъ заклинать его именемъ Божіимъ оставить его нехорошее дѣло. Если онъ не

оставитъ этого, то ни крутой утёсъ, на который онъ надѣется, ни плотская мудрость человѣка (Летингтона), котораго онъ считаетъ полубогомъ, ни помощь иностранцевъ—не спасутъ его. Онъ съ позоромъ будетъ исторгнутъ изъ своего гнѣзда и повѣшенъ, если не измѣнитъ безотлагательно своей жизни и не прибѣгнетъ къ милосердію Божію.» Неминуемое приближеніе опасности не поколебало рѣшимости мужественнаго Керкальди, какъ не поколебало ея зловѣщее предостереженіе Нокса Вмѣстѣ съ Летингтономъ, Юмомъ, Робертомъ Мельвилемъ Пайтадрау не—имѣя даже и двухсотъ солдатъ гарнизона, но надѣясь на испытанную твердость цитадели—онъ думалъ, что еще можетъ ждать обѣщанной помощи изъ Франціи. Этой столь желаемой и столь необходимой помощи не суждено было придти. Съ другой стороны, Елизавета, побуждаемая настояніями Кильгру, рѣшилась дать Мортону средства для уничтоженія послѣдняго оплота партіи, дѣло которой было уже почти проиграно. Два инженера, которымъ она поручила осмотрѣть эдинбургскую цитадель, объявили, что, при правильномъ нападеніи, крѣпость не продержится болѣе двадцати дней. Итакъ осада ея была рѣшена и управлять ею было поручено сэру У. Друри, губернатору Бервика. Друри отправился изъ Бервика съ войскомъ изъ пятисотъ стрѣлковъ, пятисотъ человѣкъ вооруженныхъ копьями и съ большими артиллерійскими орудіями. Онъ высадился въ Лейтѣ и оттуда направился къ Эдинбургу, куда вошелъ 25-го апрѣля и гдѣ къ нему присоединились семьсотъ солдатъ регента. Это маленькое войско приготовилось къ осадѣ цитадели въ ту самую минуту, когда собравшійся парла-

ментъ утвердилъ союзъ съ Англіей, возстановилъ, согласно Пертскому трактату, Гэнтли и Бальфёра въ ихъ владѣніяхъ и титулахъ, и произнесъ приговоръ о лишеніи *кастильцевъ* всѣхъ гражданскихъ правъ.

Осажденные, на посланное имъ, отъ имени регента и англійскаго генерала, требованіе—сдаться, объявили, что они скорѣе готовы погибнуть подъ развалинами цитадели. Пушки осаждавшихъ были поставлены на высотахъ, съ которыхъ они господствовали надъ крѣпостью, и 17-го мая съ батарей началась пальба. Огонь ихъ былъ направленъ на главный бастіонъ цитадели, который назывался Давидовою башнею. Онъ скоро заставилъ замолчать пушки замка, прислуга которыхъ была въ неудовлетворительномъ состояніи, и, послѣ шестидневной непрерывной канонады, Давидова башня, 23-го мая въ полдень, обрушилась съ большимъ шумомъ. На другой день, 24-го, башня Уэллеса была тоже уничтожена, а 26-го внѣшнія укрѣпленія цитадели были заняты, безъ сопротивленія, осаждавшими, которые приготовились къ общему штурму.

Но осажденные были не въ состояніи его выдержать. У нихъ не доставало военныхъ припасовъ. Солдаты, не имѣя воды, были почти всѣ больны. Для отраженія приступа оставалось только сорокъ здоровыхъ человѣкъ. Лэрдъ Грэнджъ понялъ, что ему не слѣдуетъ болѣе упорствовать, и вечеромъ 26-го числа явился на валу, съ бѣлымъ жезломъ въ рукахъ. Ему надо было двухдневное перемиріе для приготовленія замка къ сдачѣ. Онъ просилъ, чтобы жизнь и имущество осажденныхъ остались неприкосновенными, чтобы Юму и Летингтону было позволено уда-

литься въ Англію, а ему самому—на свою родину, и чтобы его тамъ не тревожили.

Регентъ не принялъ этихъ условій. Его главные противники были почти совсѣмъ въ его власти и онъ не хотѣлъ выпустить ихъ изъ рукъ. Онъ потребовалъ, чтобы солдаты гарнизона вышли изъ замка порознь и безъ оружія, и затѣмъ шли каждый куда хочетъ; и чтобы девять главныхъ начальниковъ, между которыми были Кёркальди, Юмъ, Летингтонъ и Р. Мельвиль, покорились тому, что̀ повелитъ относительно ихъ англійская королева, согласно трактату, заключенному между нею и королемъ Шотландіи. Другими словами это значило, что имъ нѣтъ пощады. Предвидя ожидавшую ихъ участь, они прекратили переговоры и захотѣли лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ; но солдаты отказались помогать ихъ отчаянному сопротивленію. Они взбунтовались и грозили Летингтону, что повѣсятъ его, если онъ въ теченіе шести часовъ не уговоритъ лэрда Грэнджа сдать цитадель. Доведенный до такой жестокой крайности, доблестный лэрдъ, которому враги грозили смертью, а собственные солдаты — оставленіемъ, рѣшился, по совѣту Летингтона, на то, въ чемъ оставалась по крайней мѣрѣ какая-нибудь надежда. Ночью 29-го числа онъ тайнымъ образомъ впустилъ въ замокъ двѣ роты англичанъ и сдался съ своимъ гарнизономъ сэру Друри, объявивъ, что сдается королевѣ Елизаветѣ, а не регенту Мортону.

Но Мортонъ не былъ расположенъ выпустить изъ рукъ свою добычу. Онъ хотѣлъ избавиться отъ двухъ людей, которыхъ ума и храбрости онъ наиболѣе боялся, дабы на будущее время оградить свою власть

отъ неповиновенія и препятствій. Итакъ, онъ написалъ Бёрлею письмо, требуя плѣнниковъ, чтобы наказать ихъ, какъ главныхъ виновниковъ безпокойствъ и бѣдствій въ Шотландіи. Кильгру, который не питалъ къ нимъ той же злобы и не имѣлъ такихъ опасеній, тѣмъ не менѣе не былъ великодушнѣе Мортона и поддержалъ его требованія. Съ своей стороны Летингтонъ и Грэнджъ тоже обратились къ Бёрлею и именемъ прежней дружбы заклинали его поручить ихъ состраданію, кротости и предусмотрительному благоразумію Елизаветы. «Мы увѣрены — говорили они — что ея величество не захочетъ отступиться отъ насъ и предать насъ въ руки нашихъ смертельныхъ враговъ. Если ей благоугодно будетъ распространить на насъ свою высочайшую милость, то она можетъ быть увѣрена, что мы останемся ей вѣчно преданными, не менѣе кого бы то ни было изъ нашихъ соотечественниковъ и даже изъ ея собственныхъ подданныхъ, потому что теперь мы можемъ поставить себя, относительно къ ней, въ обязательства, которыхъ не могли принять на себя прежде; а благодѣяніе ея величества навсегда привяжетъ насъ къ ней. Правда, въ настоящемъ нашемъ положеніи мы не имѣемъ большой цѣны; но если ея величество дастъ намъ къ тому средство, то, можетъ быть, мы впослѣдствіи будемъ въ состояніи оказать ей услуги. Вашей свѣтлости теперь извѣстна наша просьба: благоволите поддержать ее. Ни въ какое другое время дружба ваша не могла оказать намъ подобную поддержку. Мы много разъ испытали ея силу и умоляемъ не лишать насъ ея въ эту минуту нашего великаго несчастья; мы теперь нуждаемся въ ней болѣе чѣмъ когда-

либо. Если, по ходатайству вашей свѣтлости, ея величество защититъ насъ, то мы навсегда останемся вашими преданными слугами.... Мы находимся во власти ея величества: пусть дѣлаетъ она съ нами что̀ ей угодно.»

Это трогательное письмо, написанное на третій день послѣ сдачи замка, на минуту поколебало Елизавету. Внушило ли оно ей порывъ великодушнаго состраданія, или навело ее на размышленія: не выгоднѣе ли будетъ для ея политики удержать у себя двухъ такихъ способныхъ и вліятельныхъ людей, вмѣсто того, чтобы предать ихъ Мортону? Каковы бы ни были причины ея нерѣшимости, она потребовала сначала свѣдѣній о *качествѣ* и *количествѣ ихъ преступленій*. Но потомъ она уступила новымъ настояніямъ Мортона и Кильгру, и велѣла написать жестокій приказъ о передачѣ плѣнниковъ въ руки регента. Это значило посылать ихъ на смерть. Прежде чѣмъ это рѣшеніе пришло въ Шотландію, Летингтонъ умеръ въ своемъ заключеніи. Его смерть — естественная или добровольная — спасла его отъ казни, на которую холодная мстительность Мортона осудила его рыцарски-доблестнаго товарища, Кёркальди Грэнджа. Напрасно приверженцы узника старались подѣйствовать на извѣстное корыстолюбіе регента и успокоить опасенія его честолюбія. Сто дворянъ, родственники и друзья благороднаго и страшнаго лэрда, предложили выкупить его жизнь посредствомъ уплаты регенту ежегодной ренты въ три тысячи марокъ и ненарушимаго обязательства — сдѣлаться всегдашними слугами дома Ангуса и Мортона. Регентъ былъ неумолимъ. Онъ хотѣлъ застращать всякаго, кто бы

съ этихъ поръ вздумалъ противиться его власти, и не поддался ни на какія просьбы, ни накакія предложенія. Лэрдъ Грэнджъ былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Джемсомъ Кёркальди, 3-го августа на публичной площади Креста въ Эдинбургѣ. Онъ умеръ съ спокойствіемъ великаго мужества, произнося на эшафотѣ слова смиреннаго покаянія и громко выражая постоянную вѣрноподданическую привязанность къ своей плѣнной государынѣ. Вмѣстѣ съ Летингтономъ и Керкальди Грэнджемъ погибла партія и исчезли послѣднія надежды Маріи Стюартъ въ Шотландіи.

Это повергло ее въ скорбь и въ уныніе. Она не подозрѣвала опасности, которою грозили ей таинственные переговоры Кильгру, хотя происшествія Варѳоломеевской ночи подвергли ее новымъ строгостямъ. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ она была лишена возможности выходить и писать. Съ нею стали обходиться нѣсколько мягче только послѣ взятія Эдинбургскаго замка и совершеннаго уничтоженія ея партіи. Несчастная узница въ эту минуту пала духомъ. Англійскіе католики, которые покушались освободить ее въ 1569 и 1570 г. бѣжали или были напуганы; герцогъ Норфолькъ, составлявшій съ нею заговоры, погибъ; шотландцы, которые въ продолженіе пяти лѣтъ сохраняли къ ней повиновеніе, были принуждены теперь признать ея сына королемъ и подчиниться прочно утвердившемуся господству Мортона, какъ регента; король испанскій постоянно обѣщалъ, но никогда не выполнялъ своихъ обѣщаній: ему не столько хотѣлось оказать дѣйствительную помощь Маріи, сколько тревожить Елизавету заговорами и

волненіями; король французскій, боровшійся съ протестантами и подозрѣваемый католиками своего королевства, оставлялъ ее, въ угоду ея страшной и торжествующей соперницѣ.

Въ такомъ положеніи, не имѣя болѣе опоры внутри и не надѣясь на помощь извнѣ, она измѣнила свой тонъ и свой образъ дѣйствій. Она пыталась умилостивить Елизавету своею покорностью. Она старалась добиться, чтобы ей добровольно возвратили, свободу, которой не могла достигнуть посредствомъ силы. Гордость ея сначала была оскорблена молчаніемъ англійской королевы, къ которой она часто писала, не получая никакого отвѣта. Но она подавила въ себѣ порывы гнѣва и гордости. Она терпѣливо вынесла оскорбленіе, и королева — гордая въ чувствахъ и краснорѣчивая въ жалобахъ, пылкая и смѣлая въ своихъ планахъ — превратилась въ тихую, кроткую и почти унижающуюся узницу. Она стала избѣгать всего, что́ могло внушить подозрѣніе Елизаветѣ; она уменьшила свою корресподенцію, которая теперь касалась частныхъ дѣлъ и доходовъ съ ея вдовьей части во Франціи. Въ вознагражденіе за это она получила позволеніе прогуливаться въ садахъ и въ паркѣ Шеффильда. Отъ сырости тюремныхъ стѣнъ у ней сдѣлался ревматизмъ въ рукѣ, который нѣсколько времени мѣшалъ ей писать и прибавилъ новую боль къ болѣзни ея печени, которою она давно уже страдала и которая была очень усилена ея несчастіями. Поэтому она выпросила себѣ позволеніе по временамъ принимать Бэкстонскія ванны, находившіяся въ сосѣдствѣ Шеффильда.

Чтобы нѣсколько развлечь себя въ скукѣ празд-

наго заключенія—уже незанятаго болѣе составленіемъ заговоровъ въ Англіи, въ Шотландіи и на континентѣ, устройствомъ и возобновленіемъ знаковъ, необходимыхъ для ея секретныхъ корреспонденцій, диктовкою писемъ шотландскому ея секретарю Кёрлю и французскому секретарю Роле, отыскиваніемъ и употребленіемъ въ дѣло ловкихъ и вѣрныхъ агентовъ—она выкармливала птицъ, окружала себя собаками разныхъ породъ и занималась шитьемъ. «Г. Гласго,—писала она своему послу во Франціи—прошу васъ прислать мнѣ варварійскихъ горлицъ и куръ для опыта: не могу ли я развести ихъ въ этой странѣ.... для меня было бы удовольствіемъ кормить ихъ въ клѣткѣ, какъ я дѣлаю это со всѣми маленькими птичками, которыхъ мнѣ удается достать. Это служитъ развлеченіемъ для плѣнницы». Въ другой разъ она просила его о присылкѣ собачекъ. «Если г. кардиналъ де-Гизъ, мой дядя—писала она—уѣхалъ въ Ліонъ, то я увѣрена, что онъ пришлетъ мнѣ пару прекрасныхъ собачекъ, и столько же купите мнѣ вы, потому что, кромѣ чтенія и работы, я не имѣю другихъ удовольствій, за исключеніемъ этихъ маленькихъ животныхъ». Она просила также, чтобы ей купили шолку, атласу, лентъ, для маленькихъ собственноручныхъ работъ, которыя потомъ она дарила Елизаветѣ, чрезъ посланника ла-Мота Фенелона. Узнавъ, что королева ихъ благосклонно приняла, она писала ей: «О моя добрая сестра! такъ какъ вамъ угодно было благосклонно выразить г. ла-Моту.... что вамъ пріятна принятая мною смѣлость представить вамъ чрезъ него этотъ маленькій обращикъ моей работы, то я не могу удержаться отъ выраженія вамъ

въ этихъ строкахъ, до какой степени я почту себя счастливою, если вамъ угодно будетъ одобрить мое желаніе—всѣми средствами возвратить себѣ нѣкоторую часть вашей благосклонности. Я очень бы желала, чтобы вамъ угодно было помочь мнѣ какимъ нибудь указаніемъ, чѣмъ бы я могла вамъ угодить и оказать повиновеніе.»

Вполнѣ занятая этимъ, она просила архіепископа гласгоскаго прислать ей изъ Франціи кое-какія вещи, принадлежащія къ предметамъ роскоши, для подарка Елизаветѣ. «Если бы мой дядя кардиналъ, писала она ему, прислалъ мнѣ что-нибудь хорошенькое или браслеты, или зеркало, то я подарила бы ихъ королевѣ.... Если вы найдете что-нибудь новое, то прикажите купить для меня.... и если мой дядя придумаетъ что-нибудь, намекающее на взаимныя отношенія между нею и мною, то эти бездѣлицы скорѣе, чѣмъ что-либо другое заставятъ ее проводить со мною время.»

Эти подарки были приняты благосклонно и Марія Стюартъ, радуясь этому, приготовляла другіе. «Я очень довольна увѣдомленіемъ, что королева, моя добрая сестра, благосклонно приняла мою записную книжку, потому-что я болѣе всего желаю въ большихъ и малыхъ вещахъ угодить ей, въ надеждѣ прежде всего возвратить себѣ ея благосклонность, послѣ чего я не сомнѣвалась бы въ ея ласковой добротѣ относительно всего остальнаго.... Я усердно работаю надъ головнымъ уборомъ для нея; но у меня такъ мало мастерицъ для помощи мнѣ въ тонкихъ работахъ, что онъ еще у меня не готовъ. Если ей нравятся какія-нибудь филейныя работы, преимущественно предъ прочими, то я займусь ими. Между

тѣмъ прошу васъ отыскать золотыхъ узкихъ кружевъ съ серебряными украшеніями, самыхъ красивыхъ и тонкихъ, какія только можете найти, и прислать мнѣ шесть аршинъ, и кромѣ того еще двадцать аршинъ двойныхъ кружевъ, или же узкихъ ажуровыхъ позументовъ совсѣмъ золотыхъ.»

Вотъ до чего доведена была бѣдная Марія Стюартъ! Эта королева, столь гордая и недавно еще столь непокорная, занималась въ своей тюрьмѣ дѣланіемъ уборовъ для той, которая ее держала въ заключеніи, вопреки общенародному праву и достоинству королевскаго сана. Она старалась также снискать благорасположеніе главныхъ совѣтниковъ Елизаветы. Она просила принцевъ своей фамиліи послать подарки, съ выраженіями признательности, Лейстеру, который оказывалъ участіе къ ней. Она дружески писала къ Бёрлею, который видѣлся съ нею на бэкстонскихъ водахъ. Она льстила даже безпокойному Уэльсингэму, сдѣлавшемуся государственнымъ секретаремъ послѣ Бёрлея, которому была ввѣрена должность государственнаго казначея. Она—говоря ея выразительнымъ языкомъ—боялась сумасбродныхъ фантазій (turbulentes imaginations) этого министра, который, получивъ теперь порученіе наблюдать за партіями, заботился о безопасности Елизаветы. Поэтому она писала къ французскому послу: «Обѣщайте ему отъ моего имени, что во всю жизнь мою я не сдѣлаю ничего противъ королевы, его государыни, и что если подъ этимъ условіемъ онъ хочетъ быть моимъ другомъ, я буду считать его таковымъ, совершенно въ противность тому, что́ я думала о немъ до сихъ поръ.»

Восшествіе на тронъ Генриха III послѣ смерти Карла IX нѣсколько оживило надежды Маріи Стюартъ. Въ званіи герцога анжуйскаго, Генрихъ III-й былъ главою католической партіи во Франціи и пріобрѣлъ репутацію искуснаго политика и человѣка съ твердымъ характеромъ, которую онъ потерялъ вскорѣ послѣ того, какъ сдѣлался королемъ. Изъ трехъ деверей Маріи Стюартъ она болѣе всего разсчитывала на чувства Генриха. Нѣкоторое время она думала, что онъ вступится за нея съ большею энергіею, чѣмъ какую наказалъ въ этомъ Карлъ IX. Она просила его не признавать ея сына королемъ Шотландіи и не давать ему этого титула. Она желала, чтобы онъ вступилъ съ нею въ тайный союзъ, съ цѣлью *помочь ей въ возстановленіи ея правъ* и въ особенности, чтобы онъ не возобновлялъ трактата, заключеннаго, въ апрѣлѣ 1572 г. между Карломъ IX и Елизаветой. «Если король оставитъ меня—писала она—и заключитъ союзъ съ нею (съ Елизаветой), то подвергнетъ мою жизнь опасности и усилитъ своихъ и моихъ враговъ.

Но въ это время Марія Стюартъ потеряла свою главную опору при французскомъ дворѣ—кардинала лотарингскаго, того изъ ея родственниковъ, къ которому она имѣла наибольшую привязанность и довѣренность. Эта потеря причинила ей глубокую скорбь, которую она выразила архіепископу гласгоскому, въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ: «Благодареніе Богу за то, что онъ до сихъ поръ еще не посылалъ мнѣ горести, не давая вмѣстѣ съ тѣмъ силъ перенести ее. Хотя въ первую минуту я не могу удержаться отъ слезъ, но продолжительность моихъ не-

счастій научила меня надѣяться, что въ лучшей жизни я утѣшусь во всѣхъ моихъ бѣдствіяхъ. Но вотъ я въ тюрьмѣ и Богъ беретъ у меня одного изъ людей, которыхъ я наиболѣе любила. Что̀ прибавить мнѣ къ этимъ словамъ? Онъ разомъ отнялъ у меня и отца и дядю. Я съ меньшимъ сожалѣніемъ послѣдую за нимъ въ могилу, если это будетъ угодно Богу».

Лишась поддержки при французскомъ дворѣ со стороны кардинала лотарингскаго, Марія въ то же время увидѣла тщету своихъ надеждъ на Генриха III. Этотъ государь, человѣкъ большаго ума, но безпорядочнаго поведенія, полный мужества и лишонный характера, слѣдовалъ подъ руководствомъ своей матери, нерѣшительной политикѣ, которая возмутила и запятнала кровью царствованіе Карла IX. Эта политика—осторожности относительно партій и двуличности относительно отдѣльныхъ людей, смѣшанная съ переговорами и войнами, ведущая къ слабостямъ, изъ которыхъ нельзя было выпутаться иначе, какъ только посредствомъ обмановъ или крайностей, приводящая поочередно то временныя уступки, то слабое сопротивленіе—была, къ несчастью, сообразна съ положеніемъ государства, съ духомъ времени и съ наклонностями Катерины Медичи. Не достигнувъ того, чтобы посредствомъ королевской власти заставить католиковъ оказывать терпимость къ протестантству и возвратить протестантовъ къ католизму, хитрая, но непостоянная Катерина возбудила неудовольствіе попеременно въ обѣихъ партіяхъ. Она оттолкнула, наконецъ, короля наварскаго и протестантовъ къ Елизаветѣ, а Гизовъ и католиковъ — къ Филиппу II.

Покорный совѣтамъ своей матери, Генрихъ III-й послалъ де-ла-Шатра въ Лондонъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, чтобы весною 1575 г. возобновить тамъ союзный трактатъ, заключенный въ Апрѣлѣ 1572 г. Когда Марія Стюартъ увидѣла, что новый король идетъ по слѣдамъ своего предшественника и находится подъ полнымъ вліяніемъ королевы-матери, которая не любила ея, она оставила свои надежды на него и обратилась къ Филиппу II. Она возобновила свои тайные переговоры съ католическою партіей въ Испаніи и обратилась къ папѣ, при посредствѣ епископа росскаго, котораго аккредитовала при римскомъ дворѣ послѣ того, какъ Елизавета возвратила ей свободу, въ декабрѣ 1573 г. Этотъ папа былъ Григорій XIII, который, слѣдуя планамъ своего предшественника, Пія V, долгое время поддерживалъ возстаніе въ Ирландіи и побуждалъ Филиппа II возстановить католицизмъ въ Англіи посредствомъ военной экспедиціи, подъ начальствомъ дона Хуана австрійскаго. Онъ предложилъ устроить бракъ Маріи Стюартъ съ этимъ молодымъ принцемъ, о которомъ ревностные католики Англіи и Шотландіи думали еще въ 1571 г. предпочтительно предъ герцогомъ Норфолькомъ, и который, усмиривъ мавровъ въ Испаніи, побѣдилъ затѣмъ турокъ въ Средиземномъ морѣ. Онъ не сомнѣвался, что герой Лепанта и Туниса «превосходно послужитъ этому предпріятію своею храбростью и счастьемъ, которое онъ носитъ съ собою». Этотъ двойной проектъ о бракѣ и объ экспедиціи, котораго Филиппъ II не принялъ въ 1574, былъ возобновленъ въ 1577 г., когда донъ Хуанъ австрійскій наслѣдовалъ въ управленіи

Нидерландами великому коммандору Реквезенсу, котораго система примиренія сопровождалась не лучшимъ успѣхомъ, какъ и угнетательная система герцога Альбы. Находясь въ тѣсномъ союзѣ съ герцогомъ де-Гизомъ, донъ Хуанъ писалъ королю, своему брату, съ такимъ же честолюбіемъ, какъ и предусмотрительностью, что покорность Нидерландовъ можетъ быть пріобрѣтена только въ Англіи.

Но Филиппъ II обнаружилъ холодность къ этому предпріятію. Онъ не хотѣлъ отвлекать своихъ войскъ отъ береговъ Африки и Фландріи, гдѣ они были въ это время заняты. Онъ не увлекся предложеніемъ, которое, впрочемъ, и трудно было осуществить, но къ которому часто возвращалась Марія Стюартъ, именно: она предлагала отдать ему своего сына, котораго надлежало перевезти изъ Шотландіи въ Испанію. Это предложеніе не было единственнымъ. Вздумавъ отдать своего сына, какъ залогъ католицизма, въ руки Филиппа II, Марія Стюартъ пошла далѣе: она захотѣла лишить его наслѣдства, передавъ всѣ его права могущественному защитнику этой религіи въ Европѣ. Частое повтореніе ея болѣзней, опасности, окружавшія ее въ заключеніи, послѣдствія, которыя могли произойти отъ ея заговоровъ, привели ее къ составленію завѣщанія, въ которомъ находилась слѣдующая статья, конечно, очень католическая, но несовсѣмъ материнская и монархическая. «Для споспѣшествованія славѣ, чести и сохраненію католической, апостольской, римской церкви, въ лонѣ которой я хочу жить и умереть, завѣщаю, что если мой сынъ обратиться къ ней, несмотря на дурное воспитаніе, которое онъ, къ моему величайшему

сожалѣнію, получилъ въ ереси Кальвини, среди моихъ мятежныхъ подданныхъ, то я оставляю его единственнымъ наслѣдникомъ моего королевства — Шотландіи, а также права на корону Англіи и зависящихъ отъ нея земель, на которое объявлено мною справедливое притязаніе; въ противномъ же случаѣ, если мой сынъ будетъ продолжать жить въ сказанной ереси, я передаю, уступаю и дарю всѣ мои права на Англію и проч. католическому королю, или кому-нибудь изъ его родственниковъ, котораго ему будетъ угодно назначить для этого, по совѣту и съ согласія его святѣйшества. Я дѣлаю это, видя въ немъ единственную надежную опору католической религіи; изъ признательности за безкорыстныя милости, которыя я и люди, рекомендованные мною, получили отъ него въ моей великой нуждѣ, а равно и во вниманіе къ правамъ, которыя онъ самъ можетъ объявить на сказанныя государства и земли. Я умоляю его, чтобы, въ вознагражденіе за это, онъ заключилъ союзъ съ лотарингскимъ домомъ и, если возможно, съ домомъ Гизовъ, въ память рода, отъ котораго я происхожу по матери».

Въ этомъ завѣщаніи, писанномъ въ февралѣ 1577г., Марія Стюартъ принимала въ разсчетъ только интересы католической Церкви и имѣла въ виду только собственное торжество. Королева не побоялась подчинить обладаніе коронами—ортодоксальности вѣрованій, какъ впослѣдствіи это сдѣлала во Франціи демократическая партія Лиги. Но и это не послужило ей ни къ чему. Въ этотъ періодъ времени она только волновалась, но не пробовала, да и не могла, ничего сдѣлать: въ Англіи никто не объявлялъ себя

на ея сторонѣ со времени смерти герцога Норфолька; въ Шотландіи Мортонъ обладалъ могуществомъ, которое, несмотря на временное ослабленіе его въ 1578 г., не допускало даже и мысли обратиться къ Маріи Стюартъ; на континентѣ нѣсколько неопредѣленные планы этой неустрашимой государыни встрѣтили препятствія въ формальномъ оставленіи ея со стороны Генриха III, который объявилъ, что предпочитаетъ дружбу королевы англійской свободѣ королевѣ шотландской; въ осторожномъ бездѣйствіи Филиппа II, приготовлявшагося занять своими войсками Португалію, престоломъ которой онъ хотѣлъ овладѣть; въ смерти донъ-Хуана австрійскаго, послѣдовавшей до усмиренія Нидерландовъ; наконецъ въ безсиліи ея кузена, герцога Гиза, бывшаго не въ состояніи предпринять что-нибудь въ ея пользу, безъ поддержки Франціи или Испаніи.

Только въ 1581 г., послѣ окончательнаго паденія Мортона, Марія Стюартъ возобновила свою борьбу съ Елизаветой. Мортонъ одинъ былъ регентомъ гораздо долѣе, чѣмъ всѣ три предшественника его вмѣстѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ сохранялъ Шотландію въ мирѣ, не допуская образованія въ ней новыхъ партій и возобновленія прежнихъ междоусобій. Пользуясь этимъ спокойствіемъ, страна благоденствовала. Она пожала плоды протестантскаго переворота и общественнаго согласія. Промышленость городовъ развилась, мореплаваніе расширилось, благосостояніе народа возрасло и видъ счастливой перемѣны въ Шотландіи возбуждалъ удивленіе и почти зависть въ послахъ Елизаветы. Но оставаться долгое время въ покоѣ и повиновеніи было противо харак-

теру и привычкамъ шотландскаго дворянства. Оно начало тяготиться покоростью Мортону, котораго ненасытное корыстолюбіе и высокомѣрное господство облегчили успѣхъ новыхъ заговоровъ. Для низверженія регента составился союзъ, подъ управленіемъ дядьки короля, Александра Эрскина, и одного изъ его опекуновъ, Дж. Бучанана. Этотъ союзъ, къ которому присоединились многіе члены прежнихъ партій— графы Атоль, Арджиль, Монтрозъ, Гленкэрнъ, канцлеръ Глэммисъ, аббатъ Дэмферлингъ, контролеръ Тулибардинъ, лорды Линдсэй, Рутвенъ, Огильви, Герризъ и проч. — въ мартѣ 1578 г, лишилъ Мортона регентства и вручилъ Іакову VI, недостигшему еще и 12 лѣтъ отъ роду, полную королевскую власть, пользованіе которою союзники раздѣлили между собою. Мортонъ, казалось, безропотно покорился своей участи и, признавъ съ своей стороны личное управленіе короля въ Эдинбургѣ, спокойно удалился въ свой замокъ Дэлькитъ. Отказавшись, повидимому, отъ всякихъ честолюбивыхъ намѣреній, онъ предался мирнымъ сельскимъ занятіямъ, но между тѣмъ втайнѣ приготовлялъ паденіе людей, причинившихъ ему погибель.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ (26 и 28 апрѣля), со времени паденія Мортона, какъ этотъ хитрый и предпріимчивый человѣкъ снова поднялся съ самою ловкою отвагой и съ полнѣйшимъ успѣхомъ. Съ помощью своего союзника, графа Мара, сына прежняго регента, а также фамиліи Дугласовъ, онъ овладѣлъ замкомъ Стерлингомъ и особою короля. Онъ отказался возстановить регентство; но отъ имени шотландскаго парламента, собравшагося въ замкѣ Стерлингѣ (въ іюлѣ) подъ его надзоромъ и вліяніемъ,

онъ составилъ совѣтъ, которому было поручено управлять дѣлами, поддерживая номинальную власть Іакова VI. Предсѣдательство въ этомъ совѣтѣ было предоставлено самому Мортону. Облеченный опять королевской властью, хотя въ другой формѣ, Мортонъ съ нѣкоторыми изъ своихъ враговъ поладилъ, другихъ уничтожилъ. Арджиль, Линдсэй и Монтрозъ были допущены въ число членовъ особаго совѣта. Католическій графъ Атоль скоропостижно умеръ, выходя изъ-за стола, за которымъ пировалъ вмѣстѣ съ Мортономъ. Фамилія Гамильтоновъ, столь могущественная своими помѣстьями и столь приближенная къ трону, была обезсилена. Чтобы пріобрѣсти благорасположеніе короля, который наслѣдовалъ ненависть Леннокcовъ къ Гамильтонамъ, Мортонъ преслѣдовалъ этихъ послѣднихъ до крайности. Старый герцогъ Шательро умеръ уже за много лѣтъ предъ тѣмъ. Изъ трехъ его сыновей одинъ былъ схваченъ, другіе были принуждены бѣжать изъ отечества. Старшій, графъ Аранъ, давно уже лишившійся разсудка, былъ взятъ въ замкѣ Дрэффенъ, вмѣстѣ съ своею матерью, и заключенъ. Второй, лордъ Арбротъ, удалился во Фландрію, а третій, лордъ Клавдій, искалъ убѣжища у Елизаветы. Ниспровергнувъ этотъ страшный домъ—который былъ лишонъ всѣхъ гражданскихъ правъ, какъ виновный въ умерщвленіи двухъ регентовъ, Мюррэя и Леннокса, и котораго имущества и титулы были отданы другимъ—Мортонъ, казалось, прочно утвердился, опираясь на кроткую покорность короля, на открытую поддержку со стороны Англіи и на робкое повиновеніе Шотландіи.

Однакожъ противъ него приготовлялась революція, которая на этотъ разъ должна была повести къ болѣе рѣшительнымъ результатамъ. Она была замышлена двумя молодыми шотландцами, которые, прибывъ незадолго предъ тѣмъ съ материка, вкрались въ довѣренность Іакова VI и сдѣлались его любимцами. Эсме Стюартъ, извѣстный подъ именемъ д'Обиньи, человѣкъ съ пріятнымъ умомъ, недурною наружностью, изящными и деликатными манерами, оставилъ французскій дворъ, гдѣ онъ получилъ воспитаніе, и 8-го апрѣля 1579 г. явился при дворѣ шотландскомъ, съ секретнымъ порученіемъ отъ герцога Гиза. Онъ былъ католикъ и долженъ былъ заступить мѣсто графа Атоля во главѣ партіи, которая осталась вѣрною старой религіи государства и преданною дому своихъ королей. Іаковъ VI, которому онъ приходился кузеномъ, принялъ его съ особенною благосклонностью, очень полюбилъ его, сдѣлалъ своимъ камергеромъ и графомъ Ленноксомъ. Такое внезапное возвышеніе встревожило Мортона и Елизавету. Они стали подозрѣвать намѣренія Леннокса, который, какъ католикъ, подвергся нападеніямъ партіи ревностныхъ пресвитеріанъ, и обвиненію со стороны партіи англійской въ намѣреніи овладѣть королемъ, отвезти его въ Дэмбартонъ, а оттуда—за границу. Это подозрѣніе не было лишено основанія, такъ какъ Марія Стюартъ въ теченіе 1579 и 1580 г. только и думала о томъ, чтобы вывезти сына изъ Шотландіи. Но она еще не сговаривалась объ этомъ съ д'Обиньи и хотѣла отправить молодаго короля не во Францію, а въ Испанію.

Елизавета, извѣщенная Мортономъ, послала сэра

Роберта Бауза въ Шотландію, чтобы ослабить вліяніе агента Гизовъ при дворѣ Іакова VI, предложивъ послѣднему наслѣдство англійскаго престола, если онъ останется вѣрнымъ союзу съ Англіей. Но такая отдаленная перспектива въ умѣ короля-отрока не могла взять верхъ надъ пылкостью его наклонностей и увлеченіемъ его привязанностей. Леннокcъ удержалъ за собою весь свой кредитъ. Онъ искусно успокоилъ пресвитеріанскихъ пасторовъ, перейдя въ протестантство, и честь своего обращенія приписывалъ своему молодому государю, который, будучи воспитанъ Бучананомъ въ пытливой школѣ изслѣдованія, былъ уже опытнымъ бойцомъ въ спорахъ о религіозныхъ предметахъ. Такимъ образомъ онъ польстилъ теологическому тщеславію этого государя, который, очарованный своимъ любимцемъ, ввѣрилъ ему охраненіе замка Дэмбартонъ. Эта крѣпостца была необходима Леннокcу для удобнѣйшаго исполненія его дѣла; но прежде всего ему было нужно низвергнуть Мортона.

Онъ рѣшился на это; въ исполненіи его предпріятія ему помогалъ другой, болѣе смѣлый и искусный, шотландецъ Джемсъ Стевартъ, второй сынъ лэрда Очильтри, который, служивъ прежде въ качествѣ офицера-волонтера, въ континентальныхъ войнахъ, возвратился въ Шотландію и былъ теперь капитаномъ королевской гвардіи. Пользуясь большою благосклонностью своего государя, привязанный къ Леннокcу и находясь въ ладахъ съ могущественнымъ союзомъ того дворянства, которое составляло оппозицію Мортону, капитанъ Джемсъ Стевартъ обвинилъ бывшаго регента какъ сообщника въ умерщвленіи Дарнлея, и велѣлъ его арестовать среди совѣта, въ

присутствіи короля. Этотъ крайне дерзкій поступокъ сопровождался полнымъ успѣхомъ. Онъ возвѣстилъ неминуемое паденіе англійской партіи въ Шотландіи. Елизавета была имъ встревожена до послѣдней степени. Она употребила всѣ мѣры, чтобы спасти Мортона; но все было напрасно: ни ея угрожающія внушенія, ни интриги великаго возмутителя Гандольфа, нарочно посланнаго въ Эдинбургъ, ни сборъ англійской арміи, подъ начальствомъ лорда Гэнсдона, готовый перейти границу и проникнуть въ Шотландію — не спасли этого послѣдняго вождя прежнихъ гражданскихъ войнъ, этого соучастника многихъ убійствъ, одного изъ виновниковъ бѣдственной участи Риччіо, Дарнлея, Мюррэя, Леннокса, Летингтона и Кёркальди Грэнджа, отъ участи, неминовавшей ни Ботвеля, ни Марію Стюартъ, изъ которыхъ одинъ уже умеръ въ датской крѣпости, а другая оставалась въ заключеніи до своего трагическаго конца.

Арестованный 31-го декабря 1580 г., Мортонъ былъ 2-го іюня 1581 г. присужденъ къ обезглавленію, какъ участникъ въ заговорѣ противъ жизни отца короля. Онъ сознался, что ему былъ извѣстенъ заговоръ объ этомъ убійствѣ, но онъ не принималъ въ немъ участія; не открылъ же онъ его потому, что убійство было совершено съ согласія и подъ руководствомъ самой королевы. Онъ умеръ съ мрачною энергіей пресвитеріанина и неукротимою гордостью Дугласа. Его партія была уничтожена, бо́льшая часть его родственниковъ и друзей подверглись осужденію, или бѣжали, и Іаковъ, окончательно избавившись отъ него, далъ главному его противнику, д'Обиньи, титулъ герцога Леннокса, сдѣлалъ его обвинителя,

Джемса Стеварта, графомъ Аранскимъ, передалъ графство Мортонъ католику Моксуэлю, пожаловалъ графу Марчу графство Оркнейское, а лорда Рутвена возвелъ въ званіе графа Гаури.

Смерть Мортона обрадовала Марію Стюартъ, которая, узнавъ о ней, испытала всѣ удовольствія мести и возымѣла надежду на лучшую будущность. Она вошла въ сношенія съ Ленноксомъ, которому прежде не довѣряла. Долгое время отказывая своему сыну въ титулѣ короля и требуя отъ католическихъ державъ континента, чтобы и онѣ, съ своей стороны, дѣлали то же, она теперь приняла планъ *присоединенія* къ коронѣ, на основаніи котораго ея сынъ долженъ былъ получить верховную власть и управлять вмѣстѣ съ нею. Марія Стюартъ дала свое полномочіе герцогу Гизу для переговоровъ и для заключенія этой сдѣлки. Но, кромѣ этого плана, скрывать который не было особенной надобности, былъ составленъ другой, секретный, существованіе котораго было смутно подозрѣваемо и который не вполнѣ извѣстенъ историкамъ. Приготовленный іезуитами, одобренный папою, условленный съ Ленноксомъ, получившій согласіе шотландскаго короля, обезпеченный горячимъ участіемъ лотарингскаго дома и опирающійся на предполагаемую военную помощь со стороны испанскаго короля, онъ состоялъ въ томъ, чтобы возстановить въ Шотландіи господство католической вѣры, освободить Марію Стюартъ изъ тюрьмы и возвести ее на тронъ.

Это былъ заговоръ 1570 г., возобновленный въ другой формѣ. Католическая партія, послѣ послѣдняго пораженія, которое она потерпѣла въ Англіи, же-

стокихъ потерь, которымъ она тамъ подверглась, и строгихъ законовъ, которые тамъ были изданы противъ нея, старались возстановить свои силы и оживить свое рвеніе посредствомъ тайной, но дѣятельной и настойчивой пропаганды. Для этой цѣли основаны были на континентѣ двѣ семинаріи англійскихъ католическихъ священниковъ: одна — докторомъ Уильямомъ Олленомъ (бывшимъ начальникомъ коллегіи св. Маріи въ Оксфордѣ), учрежденная сперва въ Дуэ, а потомъ съ 1575 г. въ Реймсѣ; другая—папою Григоріемъ XIII, который предоставилъ ей въ 1579 г. зданія и доходы двухъ госпиталей въ Римѣ, назначенныхъ для англійскихъ путешественниковъ. Олленъ собралъ вокругъ себя стопятьдесятъ священниковъ, воспиталъ большое число учениковъ въ правилахъ самаго строгаго католицизма и послалъ уже въ Англію около ста миссіонеровъ, которые тайно ходили изъ дома въ домъ проповѣдывать догматы и совершать богослуженіе старой религіи, вопреки запрещенію законовъ и строгости опредѣленныхъ за это наказаній. Многіе изъ нихъ были открыты и погибли.

Религіозный орденъ іезуитовъ, недавно учрежденный для покровительствованія римской религіи тамъ, гдѣ она сохранилась, и возстановленія тамъ, гдѣ она была изгнана, не могъ оставаться чуждымъ этому великому движенію. Его глава отправилъ двухъ англійскихъ іезуитовъ, Роберта Парсонса и Эдмонда Кэмпіэна, въ Англію; они цѣлый годъ путешествовали по этой странѣ, не попавшись въ руки Елизаветы, хотя она, будучи извѣщена о ихъ присутствіи, грозила самыми страшными наказаніями тѣмъ, которые

дадутъ имъ убѣжище. Наконецъ Кэмпіэнъ былъ схваченъ и осужденъ вмѣстѣ съ другими католическими священниками, какъ нарушитель законовъ и составитель заговоровъ противъ королевы. Подвергнутый пыткѣ по приказанію правительства, которое забота о безопасности дѣлала подозрительнымъ, а нравы вѣка дѣлали жестокимъ, онъ затѣмъ былъ безжалостно преданъ смерти вмѣстѣ съ многими изъ его товарищей.

Парсонсъ былъ счастливѣе: его не удалось открыть никакими розысками. Посѣтивъ Англію и Шотландію, онъ возвратился во Фландрію, довольно хорошо узнавъ религіозное состояніе посѣщенныхъ имъ двухъ государствъ. Общество, къ которому онъ принадлежалъ, было предано возвеличенію власти римскаго первосвященника, благопріятно честолюбивымъ видамъ короля испанскаго, соединено съ католическимъ домомъ Гизовъ, заинтересовано освобожденіемъ Маріи Стюартъ; поэтому оно съ необыкновеннымъ рвеніемъ приняло участіе въ заговорѣ, замышленномъ для возстановленія плѣнной королевы и старой церкви. Глава іезуитовъ, папа, испанскій король и д'Обиньи начали думать объ этомъ въ концѣ 1580 г., еще прежде паденія Мортона. Отклоненный отъ дѣятельнаго вмѣшательства въ Англіи необходимостью защищать Португальское королевство отъ нападеній претендента, дона Антоніо де-Крато, и бороться въ Нидерландахъ съ соединенными на этотъ разъ силами принца оранскаго и герцога алансонскаго—который былъ принятъ въ качествѣ защитника Бельгіи и скоро долженъ былъ получить титулъ герцога брабантскаго—Филиппъ II предложилъ только помогать д'Обиньи,

давая Іакову VI субсидіи, равнявшіяся доходамъ шотландской короны. Въ одномъ засѣданіи капитула ордена іезуитовъ, происходившемъ въ Римѣ весною 1581 г. послѣ арестованія Мортона, члены съ возрастающимъ интересомъ занимались дѣлами Шотландіи. Шотландскій іезуитъ Кригтонъ (Chreigton) и англійскій іезуитъ Гольтъ были посланы къ Леннокcу, чтобы условиться о средствахъ исполнить предпріятіе въ пользу плѣнной королевы и изгнанной религіи.

Снабженные вѣрительными грамматами архіепископа гласгоскаго въ Парижѣ, испанскаго посланника дона Бернардино де-Мендоза въ Лондонѣ, они видѣлись съ Леннокcомъ и вошли въ соглашеніе съ нимъ. Леннокcъ далъ, 7-го марта 1582 г., Кригтону, для врученія послу Филиппа II въ Парижѣ, Тассису, письмо слѣдующаго содержанія:

«Вашъ король и папа, повидимому, желаютъ воспользоваться моими услугами въ своемъ намѣреніи— возстановить католическую религію и освободить шотландскую королеву, какъ сообщилъ мнѣ іезуитъ Кригтонъ. Будучи убѣжденъ, что это предпріятіе замышлено для блага и безопасности сказанной шотландской королевы и короля, ея сына, которому будетъ сохранена корона съ согласія королевы, его матери, я для выполненія его готовъ пожертвовать жизнью и имуществомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вручилъ ему записку относительно способа исполненія предпріятія и объявилъ, что отправится во Францію набирать войска, необходимыя для его успѣха.

Прибывъ съ этими бумагами въ Парижъ, іезуиты Кригтонъ и Гольтъ секретно видѣлись съ Тассисомъ,

у котораго собрались герцогъ Гизъ, архіепископъ гласгоскій и докторъ Олленъ, для разсужденій относительно замышляемаго плана. Тассисъ спросилъ у Кригтона: должно ли довести о немъ до свѣдѣнія короля? «Никакимъ образомъ—отвѣчалъ іезуитъ—иначе предпріятіе погибнетъ, потому-что о немъ тотчасъ же будетъ сообщено англійской королевѣ». Во многихъ тайныхъ совѣщаніяхъ—происходившихъ съ половины до конца мая 1582 г. то въ домѣ испанскаго посольства, то въ жилищѣ архіепископа гласгоскаго — было рѣшено, чтобы экспедиція противъ Англіи была сдѣлана не испанскимъ королемъ, но отъ имени одного папы, чтобы не внушить никакого подозрѣнія королю французскому и такимъ образомъ устранить помѣху съ его стороны. Филиппъ II долженъ былъ снабдить папу деньгами для набора десантныхъ войскъ, во главѣ которыхъ долженъ былъ стать герцогъ Гизъ, къ чему этотъ послѣдній выражалъ сильнѣйшее желаніе.

Въ тотъ же день, когда герцогъ Леннокcъ писалъ къ Тассису, онъ послалъ письмо къ Маріи Стюартъ, наполненное выраженіями восторженной преданности. Онъ вызывался посвятить себя дѣлу ея освобожденія, возстановленію католицизма и торжеству ея правъ въ Великобританіи посредствомъ арміи въ пятнадцать тысячъ человѣкъ, которую онъ сформируетъ, съ помощью папы и испанскаго короля, на континентѣ. Онъ прибавлялъ, что съ этой арміей онъ скоро проникнетъ въ Англію и просилъ Марію не унывать, потому-что она найдетъ слугъ, рѣшившихся подвергнуть для нея жизнь свою опасности.

Сообщая письмо Леннокса Мендозѣ, Марія Стю-

артъ написала къ послѣднему 6-го и 8-го апрѣля очень длинную и чрезвычайно любопытную депешу на счетъ замышляемаго предпріятія. Она говорила ему, что для успѣха этого предпріятія необходимо принять въ соображеніе двѣ вещи: вооруженную помощь испанскаго короля и папы и внутреннее содѣйствіе со стороны самихъ шотландцевъ. Она требовала, чтобы помощь, обѣщанная извнѣ, была опредѣлена точными условіями и дѣйствительно доставлена, *дабы не обмануть ни графа Леннокса, ни людей, принадлежащихъ къ его партіи*; она принимала на себя заботу вести дѣло въ самомъ королевствѣ. «Я со всѣмъ стараніемъ буду хлопотать—прибавляла она—объ усиленіи и увеличеніи сказанной партіи въ Шотландіи, а также объ указаніи портовъ и гаваней, необходимыхъ для принятія иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ».

Но она просила вести эти таинственныя дѣла съ крайнимъ благоразуміемъ и ничѣмъ не компрометируя ея. «Дѣло идетъ о моей жизни—говорила она—и о цѣломъ государствѣ моего сына: если они будутъ открыты такъ или иначе, я желаю, чтобы нельзя было доказать, что эти переговоры были ведены отъ моего имени; если же обстоятельства потребуютъ моего вмѣшательства, то я имѣю въ готовности другія средства, болѣе удобныя, которыя я рѣшилась употребить.»

Мендоза отвѣчалъ Маріи Стюартъ, что католическій король и святѣйшій отецъ снарядятъ—въ этомъ онъ увѣренъ—флотъ, подобный обѣщанному, и армію, еще болѣе многочисленную, когда будетъ возможность достичь этой неоцѣненной цѣли; но что, при настоящемъ положеніи вещей, должно стараться

не возбудить подозрѣнія французовъ подобнымъ вооруженіемъ изъ страха, какъ бы они, опасаясь потери своего вліянія въ Шотландіи или въ Англіи, не соединились тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, съ Елизаветой и еретиками. Мендоза въ 1582 г. такъ же мало поощрялъ католическій заговоръ Леннокса и іезуитовъ, какъ въ 1570 г. герцогъ Альба заговоръ герцога Норфолька и Ридольфи. Церковника, который, подъ видомъ дантиста, пришолъ къ нему съ письмами отъ Маріи Стюартъ, онъ отослалъ къ герцогу Ленноксу съ своими письмами, спрятанными въ зеркалѣ. Онъ очень хвалилъ въ нихъ Леннокса; говорилъ ему о славѣ и величіи, которыхъ можетъ ожидать подобный ему человѣкъ отъ этого предпріятія; съ намѣреніемъ не упоминалъ о пятнадцати тысячахъ солдатъ, обѣщанныхъ Кригтономъ, и побуждалъ его осуществить проектъ *присоединенія* къ коронѣ Маріи и Іакова, чтобы всѣ католики и друзья шотландской королевы, удовлетворенные этою сдѣлкой, были готовы слѣдовать за нимъ и, по общему вызову матери и сына, пожертвовать своимъ имуществомъ, жизнью и семействомъ. Вмѣсто того, чтобы указывать на вмѣшательство континента, Мендоза совѣтовалъ только англо-шотландское нападеніе. Въ этомъ-то смыслѣ онъ писалъ доктору Оллену; въ этихъ-то видахъ онъ побуждалъ Парсонса отправиться въ Шотландію съ деньгами, которыя изъ Рима и Мадрида были отданы въ его распоряженіе, и представлялъ архіепископу гласгоскому, до какой степени его возвращеніе на родину и присутствіе тамъ будутъ полезны при подобныхъ обстоятельствахъ. Мендоза сообщилъ королю о своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ относительно предпріятія, задуманнаго іезуитами, въ

депешѣ отъ 26 апрѣля, которая не могла расположить Филиппа къ поддержанію ихъ плана.

Въ ожиданіи, пока воля всѣхъ этихъ личностей согласится насчетъ средствъ и времени дѣйствія, Ленноксъ отважно подвигался на опасномъ пути, на который вступилъ; онъ имѣлъ намѣреніе уничтожитъ все, что́ могло препятствовать его планамъ. Еще не объявивъ себя католикомъ, онъ возобновлялъ епископальную церковь, которая была возстановлена въ 1571 г. въ интересахъ протестантскаго дворянства* и къ которой благоволилъ его молодой государь. Въ это же время онъ объявилъ войну церкви пресвитеріанской, которой упорнаго фанатизма онъ не зналъ и которой всей силы онъ не измѣрилъ. Онъ встрѣтилъ непреодолимое сопротивленіе со стороны сословія пасторовъ. Эти горячіе люди съ каѳедры

---

* Это возстановленіе было болѣе политическимъ, нежели религіознымъ; оно имѣло цѣлью: съ уничтоженіемъ прежнихъ титуляріевъ католической церкви, которымъ законъ предоставлялъ доходъ извѣстнаго епископства и соединенное съ нимъ право засѣданія въ парламентѣ, сохранить этотъ доходъ и это право въ рукахъ протестантскихъ пасторовъ. Избираемые между протестантскими пасторами новые епископы оставляли большую часть дохода свѣтскимъ вельможамъ, которые были ихъ патронами, и ихъ церковная юрисдикція была подчинена общему собранію кальвинистской церкви. Это нововведеніе сдѣланное въ пользу дворянства и для поддержанія политическаго устройства государства, было введено корыстолюбивымъ Мортономъ въ августѣ 1571 г. Архіепископство Сенатъ Андрейское, сдѣлавшись вакантнымъ послѣ казни архіепископа Гамильтонъ было предоставлено его распоряженію. Онъ отдалъ его Джону Дугласу, ректору университета въ Сентъ Андре, который уступилъ ему большую часть епископскаго дохода. Этотъ примѣръ нашолъ подражателей, и такимъ образомъ было назначено много епископовъ. Ихъ называли tuschans, отъ имени, даваемаго чучеламъ, которыя представляли собою теленка и употреблялись для того, чтобы спокойно доить коровъ. (См. M'Crie, Life of Knox, t, II, p. 198—203. Tytler t. VII, p. 407, 408; t. VIII, p. 23, 24.).

говорили о намѣреніяхъ Леннокса и Арана, которыя они угадывали отчасти по своей прозорливости, изощренной боязнью, отчасти вслѣдствіе предостереженій со стороны Елизаветы. Они вооружились противъ прибытія француза Поля, конюшаго герцога Гиза, одного изъ палачей Варѳоломеевой ночи, который привелъ лошадей молодому королю и котораго они считали тайнымъ посланцомъ папистическихъ заговорщиковъ. Они отлучили отъ церкви Роберта Монтгомери, которому было дано епископство глазгоское, возстановленное вліяніемъ и въ интересахъ Леннокса, и представляли даже самому королю свои жалобы и просьбы, выражая ихъ свободнымъ языкомъ и съ неустрашимостью своей секты. Самый смѣлый изъ нихъ Джонъ Друи, эдинбургскій пасторъ, былъ сосланъ и между Ленноксомъ и шотландскимъ пресвитеріанизмомъ завязалась борьба. Всемогущій фаворитъ поражалъ кальвинистскую церковь, не будучи въ состояніи напугать ее. Онъ не только началъ непріязненно дѣйствовать противъ религіозныхъ вождей сословія гражданъ, но и противъ политическихъ вождей дворянства, которые старались возстановить въ Шотландіи англійскую партію, обезсиленную смертью Мортона, бѣгствомъ графа Ангуса, разогнаніемъ Дугласовъ и уныніемъ Эрскиновъ. Молодые графы Гаури и Маръ стали во главѣ, за ними слѣдовали графы Гленкэрнъ, Монтрозъ, Эрлинтонъ, Ротзъ, лорды Линдсэй, Бойдъ и многіе другіе. Непостоянный Арджиль присоединился къ нимъ. Правительство Елизаветы сильно ихъ подстрекало.

Эта королева приняла всѣ мѣры для предотвращенія опасностей, которыми угрожало ей торжество

испано-французской партіи на той границѣ ея королевства, гдѣ католицизмъ имѣлъ наибольшую силу. Въ теченіе тринадцати лѣтъ она съ этой стороны находилась почти въ совершенной безопасности во время регентства Мюррэя, Леннокса, Мара и Мортона, которые всѣ четверо заботились о поддержаніи протестантизма и союза съ Англіей. Въ это время она, была занята единственно предохраненіемъ себя отъ нападеній, которыхъ могла бояться со стороны материка, и она искусно ихъ отклонила, разъединивъ Францію и Испанію. Первое изъ этихъ государствъ она обманывала мирными трактатами и переговорами о бракѣ, поочередно, съ каждымъ изъ трехъ сыновей Катерины Медичи; второе она парализировала, противопоставивъ интриги интригамъ и отдаляя отъ Англіи его войска, удерживаемыя въ Нидерландахъ продолжительностью возстанія, которое она безпрестанно поджигала. Паденіе Мортона и возвышеніе д' Обиньи измѣнили ея положеніе. Напрасно она хотѣла спасти своего давнишняго союзника, объявивъ, что за жизнь его Марія Стюартъ поплатится своею. Послѣ казни Мортона она, побуждаемая отчасти гнѣвомъ, отчасти политикой, была готова избавиться отъ своей плѣнницы судомъ, законность и пользу котораго предложила на обсужденіе своего совѣта. Но она не осмѣлилась это сдѣлать и остановилась на другихъ намѣреніяхъ.

Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое она считала себя поставленною, и противостоять усугубленной ею непріязни, она все болѣе и болѣе возбуждала и согласіе между кабинетами французскимъ и испанскимъ; она ободряла до крайней

степени честолюбіе герцога д'Алансона и открыто помогала его утвержденію въ Нидерландахъ, гдѣ инсургенты избрали его своимъ вождемъ. Она дала ему большія суммы денегъ для исполненія его предпріятія и послала сопровождать его, на двухъ вооруженныхъ корабляхъ, лорда Говарда, графовъ Лейстера, Гэнсдона и многихъ другихъ знатныхъ лицъ государства. Чтобы еще болѣе привязать его къ себѣ и склонить на свою сторону его мать, Катерину Медичи, приманкою англійскаго трона, она завела на этотъ разъ переговоры о бракѣ своемъ съ герцогомъ алансонскимъ гораздо дальше, чѣмъ заходили переговоры того же рода въ 1571 о бракѣ съ герцогомъ анжуйскимъ и въ 1565 съ Карломъ IX. Условія были рѣшены, обѣщанія подписаны, подарки съ той и съ другой стороны сдѣланы. Герцогъ алансонскій много разъ видѣлся съ Елизаветою, которой онъ, повидимому, понравился и которая въ присутствіи своего двора и наединѣ оказывала ему знаки самой живой привязанности и расточала увѣренія въ неизмѣнной своей рѣшимости. Однако же и это былъ только призракъ брака, имѣвшій главною цѣлью произвести разрывъ между двумя великими католическими кабинетами материка. Противъ испанскаго короля Елизавета употребила другія средства: помогая во Фландріи герцогу д'Алансону, она, заодно съ Катериною Медичи подстрекала пріора Антоніо де-Крато отнять Португалію у Филиппа II, котораго онъ былъ совмѣстникомъ по притязаніямъ на тронъ этой страны.

Шотландія была также предметомъ ея бдительности и интригъ. Она послала туда Николая Аррингтона, отличнаго офицера бервикскаго гарнизона, что-

бы поселить раздоръ между герцогомъ Ленноксомъ и графомъ Араномъ; но фавориты остались въ согласіи. Тогда, желая узнать тайныя намѣренія Маріи Стюартъ и открыть ея надежды, она отправила къ ней Р. Биля, секретаря совѣта, и зятя Уэльсингэма. Она поручила ему вступить съ Маріею въ одинъ изъ тѣхъ обманчивыхъ переговоровъ, къ которымъ по временамъ прибѣгала ея политика, для того, чтобы поддержать терпѣніе въ ея плѣнницѣ и заставить ее оставить всякіе другіе планы. Марія Стюартъ не скрыла проекта о совмѣстномъ управленіи ея и сына Шотландіею, не сказавъ ни слова о католическихъ интригахъ, которыя она вела съ герцогомъ Гизомъ, королемъ испанскимъ, папою и герцогомъ Ленноксомъ; но правительство Елизаветы вполовину уже знало о нихъ изъ перехваченныхъ писемъ. Единственною выгодою, которую пріобрѣла Марія Стюартъ отъ этихъ переговоровъ, скоро отложенныхъ, хотя несовершенно оставленныхъ, было незначительное увеличеніе ея свободы и прибавленіе нѣкоторыхъ новыхъ удобствъ въ ея тюрьмѣ.

Англійскій посланникъ въ Шотландіи сэръ Робертъ Баузъ открылъ лордамъ и протестантскимъ пасторамъ планъ *присоединенія* Маріи Стюартъ къ коронѣ. Онъ внушилъ имъ опасенія за ихъ религію и безопасность; поэтому они, посредствомъ одного изъ этихъ bonds (обязательствъ), обыкновенныхъ въ Шотландіи, составили союзъ, имѣвшій цѣлью низвергнуть Леннокса, не допустить королеву къ трону и поддержать новую религію. Къ этому союзу присоединились графы Гаури, Маръ, Гленкэрнъ, Ротзъ, Арджиль, Эглинтонъ, Монтрозъ, лорды Линдсэй,

Бойдъ, мистеръ Глэммисъ, пасторы Лосонъ, Линдсэй, Гэй, Смитонъ, Польуортъ и Андру Мельвиль, стоявшіе во главѣ пресвитеріанской церкви.

Борьба не замедлила вспыхнуть. Леннокcъ, съ бо́льшею смѣлостью, чѣмъ предосторожностью, идя по избранному имъ пути, вздумалъ арестовать соединившихся лордовъ и изгнать ихъ сообщниковъ-пасторовъ, какъ людей, составившихъ заговоръ противъ власти короля; но прежде чѣмъ онъ исполнилъ свое намѣреніе, союзники были извѣщены о немъ сэромъ Робертомъ Баузомъ, которому удалось открыть его и которому Уэльсингэмъ приказалъ увѣдомить ихъ объ этомъ. Баузъ побуждалъ ихъ дѣйствовать, говоря, что, иначе, они погибнутъ. Союзники поняли его и поторопились. Молодой король, удаленный отъ Леннокса, который былъ тогда въ Дэлькитѣ, и отъ Арана, находившагося въ Киннилѣ, предавался удовольствіямъ охоты въ окрестностяхъ Перта. Заговорщики воспользовались этою минутой, чтобы овладѣть его особой и отторгнуть его отъ двухъ его любимцевъ. Графъ Гаури предложилъ ему свой за́мокъ Рутвенъ. Когда Іаковъ VI поселился тамъ, не подозрѣвая измѣны, Маръ, Линдсэй, Глэммисъ, въ сопровожденіи отряда изъ тысячи вооруженныхъ людей, быстро набранныхъ, проникли въ за́мокъ, обезоружили королевскихъ тѣлохранителей, арестовали самого короля, котораго они сдѣлали плѣнникомъ, несмотря на его слезы, и тотчасъ же перевезли въ крѣпость Стёрлингъ. Аранъ поспѣшилъ къ нему на помощь, но было уже слишкомъ поздно: онъ былъ взятъ и подвергнутъ строгому заключенію. Леннокcъ отправился въ Эдинбургъ, но не могъ удержаться самъ, и

былъ принужденъ искать убѣжища въ Дэмбартонѣ. Нѣсколько времени спустя, онъ возвратился во Францію, гдѣ и умеръ вскорѣ послѣ своего прибытія.

Такимъ образомъ Іаковъ палъ въ 1582 г. отъ могущества англійской партіи также, какъ Марія Стюартъ въ 1568 г. Эта несчастная королева, видя, что ея сынъ въ плѣну, а Шотландія снова отдалена отъ вліянія друзей ея, еще разъ потеряла средство и надежду на освобожденіе. Ея горесть можно было сравнить развѣ только съ удовольствіемъ Елизаветы. Она написала своей счастливой соперницѣ письмо, превосходное по краснорѣчивой горечи ея жалобъ и благороднымъ мольбамъ ея отчаянія. Въ этомъ письмѣ, пробѣжавъ длинную исторію своихъ отношеній къ Елизаветѣ, Марія Стюартъ напоминала о своихъ попыткахъ къ дружескому сближенію, встрѣченныхъ враждебными дѣйствіями, о торжественныхъ обѣщаніяхъ, которыя ей были даны, а потомъ нарушены тайнымъ вѣроломствомъ, о своей запятнанной репутаціи, о своемъ возмутившемся государствѣ, объ отнятой у ней коронѣ, о своемъ плѣнѣ, о своемъ разрушенномъ здоровьи, о своемъ сынѣ, сдѣлавшемся предметомъ мятежнаго насилія и угнетенія, которыхъ она сама была жертвою. «Я не могу болѣе выносить этого, государыня — восклицала она — и умирая, должна открыть виновниковъ моей смерти... Самые низкіе преступники въ вашихъ тюрьмахъ, родившіеся вашими подданными, допускаются къ оправданію и имъ всегда объявляютъ кто ихъ обвинитель и въ чемъ состоитъ обвиненіе. Почему же это правило не можетъ существовать для меня, самодержавной королевы, вашей близкой родственницы и законной наслѣдницы? Я

думаю, что это послѣднее качество было до-сихъ-поръ главною причиной появленія у меня враговъ и всѣхъ ихъ клеветъ, посредствомъ которыхъ они удерживаютъ насъ въ разъединеніи и, становясь между нами, хотятъ дать силу своимъ несправедливымъ притязаніямъ. Но, увы! теперь они имѣютъ уже мало основанія и менѣе нужды мучить меня. Клянусь моею честью, теперь я не ожидаю никакого царства, кромѣ царства моего Бога, которое я вижу уготованнымъ мнѣ для лучшаго конца всѣхъ моихъ печалей и минувшихъ бѣдствій».

Она съ трогательною настоятельностью просила о своемъ сынѣ, лишенномъ свободы и безопасности, а также о и своемъ освобожденіи: «Умоляю васъ, говорила она Елизаветѣ, страданіями нашего Спасителя и Искупителя Іисуса Христа, умоляю васъ позволить мнѣ удалиться въ какое-нибудь мѣсто отдыха, гдѣ бы я могла найти нѣкоторое облегченіе для своего бѣднаго тѣла, измученнаго постояннымъ горемъ, и, съ свободою совѣсти приготовить свою душу для Бога, который призываетъ ее ежедневно... Ваша тюрьма безъ всякаго права и справедливаго основанія уже разрушила мое тѣло... остается только душа, которою овладѣть въ вашей власти... Дайте мнѣ это удовольствіе, прежде чѣмъ я умру, чтобы, видя возстановленіе добрыхъ чувствъ между нами, она, освобожденная отъ этого тѣла, не была принуждена изливать предъ Богомъ свои стенанія, памятуя зло, которое вы допустили намъ сдѣлать; но, чтобы, напротивъ того, она, въ мирѣ и согласіи съ вами освобождаясь изъ этого плѣна, воспарила къ Тому, котораго я молю внушить вамъ вниманіе къ моимъ очень справедли-

вымъ и болѣе чѣмъ основательнымъ жалобамъ и воплямъ».

Но просьбы Маріи Стюартъ имѣли такъ же мало успѣха, какъ и ея заговоры. Осужденная оставаться узницей, несчастная оправдывалась—и ей не вѣрили, умоляла—и ея не слушали, составляла заговоры—и не могла успѣть въ нихъ. Послѣдній планъ ея, разрушенный насильственнымъ поступкомъ, былъ чистою химерою. Чтобы занимать мѣсто на шотландскомъ тронѣ, она должна была прежде сдѣлаться свободною или съ согласія Елизаветы, или посредствомъ силы. Но Елизавета менѣе чѣмъ когда-либо была расположена дать ей свободу, а отсутствіе согласія между Франціей и Испаніей, которыхъ соперничество съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе ожесточеннымъ, не допускало возможности, чтобы она была освобождена изъ тюрьмы вторженіемъ чужеземныхъ войскъ въ Англію. Средства Маріи Стюартъ ограничивались слабою помощью короля-ребёнка и двухъ безразсудныхъ его любимцевъ; они были не въ состояніи опять возвести на тронъ королеву, которая не съумѣла удержаться на немъ, возстановить религію, которая не могла быть сохранена во время своего господства. Виновники этого неисполнимаго плана были остановлены на первыхъ же шагахъ, не сдѣлавъ никакихъ попытокъ къ возстановленію разрушеннаго католицизма и королевы, лишенной престола. Милость ихъ возвысила, дерзость уничтожила.

Послѣ происшествія въ замкѣ Рутвенѣ революціи въ Шотландіи умножились. Король былъ неспособенъ ихъ предупредить. Онъ имѣлъ тогда шестнадцать

лѣтъ съ небольшимъ; рано созрѣвшій головою, слабый характеромъ, онъ похожъ былъ на Марію Стюартъ умомъ, на Дарнлея — малодушіемъ. Онъ рано получилъ обширное образованіе въ школѣ своихъ двухъ ученыхъ наставниковъ Дж. Бучанана и П. Юнга. Семи лѣтъ отъ-роду онъ переводилъ Библію, à livre ouvert, съ латинскаго на французскій и съ французскаго на англійскій языки. Онъ сдѣлался опытнымъ теологомъ и тонкимъ резонёромъ; но онъ отличался неисправимою слабостью характера, соединенною съ очень раннимъ притворствомъ. Смуты, среди которыхъ онъ родился и былъ воспитанъ, потрясли его душу, вмѣсто того, чтобы укрѣпить ее. Не имѣя ни власти, ни воли, преданный непостояннымъ привязанностямъ къ временнымъ любимцамъ, онъ былъ неспособенъ наказывать и очень часто сожалѣть. Онъ не любилъ своей матери, не питалъ ненависти къ Елизаветѣ и его одинаково можно было сблизить съ тою или съ другою, отдалить отъ той или отъ другой. Осужденный, какъ по своему характеру, такъ и по своему положенію на то, чтобы подчиняться чужому вліянію, привлекаемый деньгами Филиппа II, побуждаемый рвеніемъ герцога Гиза, колеблемый настояніями Маріи Стюартъ, увелекаемый интригами Елизаветы, онъ поочередно приставалъ то къ заговорамъ католиковъ, то къ интригамъ протестантовъ, не присоединяясь серьёзно ни къ какой партіи, не отдаваясь надолго никому.

Между тѣмъ нахожденіе молодого короля въ плѣну, въ рукахъ шайки Гаури, не уничтожило плановъ нападенія, имѣвшихъ цѣлью возстановить католицизмъ на островѣ и освободить Марію Стюартъ изъ

ея тюрьмы. Герцогъ Гизъ, который долженъ былъ осуществить эти планы вмѣстѣ съ Филиппомъ II, съ папою и съ помощью ихъ денегъ, далъ имъ только другое направленіе. Вмѣсто Шотландіи онъ предполагалъ сдѣлать нападеніе на Англію. Гизъ остановился на этомъ планѣ послѣ смерти герцога Ленокса и возвращенія Менвилля, котораго онъ посылалъ съ тайнымъ порученіемъ въ Эдинбургъ, куда этотъ повѣренный его заговоровъ сопровождалъ ла-Мота Фенелона, имѣвшаго порученіе объявить Іакову VI, что его мать присоединяетъ его къ коронѣ и соглашается, чтобы онъ получилъ титулъ и власть короля.

«Геркулесъ (герцогъ Гизъ)—писалъ 4 мая 1583 г. Тассисъ испанскому королю—послѣ перемѣны, происшедшей въ дѣлахъ Шотландіи, обратилъ свои взоры на католиковъ Англіи, чтобы видѣть, не можетъ ли онъ начать свое предпріятіе оттуда. Онъ подвинулъ дѣла такъ далеко, что считаетъ себя въ состояніи скоро привести свои планы въ исполненіе. Онъ рѣшился лично идти противъ королевы Англіи и увѣренъ въ поддержкѣ со стороны его святѣйшества и вашего величества. Чтобы отважиться на это предпріятіе съ основаніемъ и выйти изъ него съ успѣхомъ, онъ желаетъ, чтобы его святѣйшество и ваше величество какъ можно скорѣе дали въ его распоряженіе сто тысячъ экю, которыя онъ употребитъ въ дѣло, въ случаѣ надобности.»

Герцогъ Гизъ имѣлъ объ этомъ предметѣ тайное совѣщаніе съ испанскимъ посланникомъ въ домѣ папскаго нунція. Онъ считалъ католическую партію довольно могущественною и достаточно приготовленною

къ дѣйствіямъ въ Англіи, чтобы не откладывать ихъ далѣе сентября. Онъ сказалъ, что, для избѣжанія зависти со стороны французскаго короля, должно позаботиться, чтобы экспедиція не имѣла такого вида, будто-бы ею управляетъ король испанскій; послѣдній только снабдитъ войска оружіемъ и сдѣлаетъ диверсію въ Ирландіи, между тѣмъ какъ самъ онъ, Гизъ, во главѣ четырехъ тысячъ человѣкъ, братъ его герцогъ майенскій и его союзникъ герцогъ баварскій, —котораго росскій епископъ привлекъ въ 1578 г. на сторону Маріи Стюартъ—предводительствуя нѣмецкими солдатами и англійскими изгнанниками, которыхъ онъ возьметъ въ Нидерландахъ, бросятся на различные пункты Англіи, гдѣ, по увѣренію доктора Оллена, можно разсчитывать на огромное возстаніе. Несмотря на неудобства и опасности, которымъ подвергалось предпріятіе, въ случаѣ промедленія. Тассисъ доказывалъ невозможность приступить къ его выполненію ранѣе зимы. Итакъ экспедиція была отложена до слѣдующаго года.

Нѣсколько времени спустя, герцогъ Гизъ узналъ, что шотландскій король, согласно тайному плану, условленному съ Менвилемъ, искусно освободился съ помощію графовъ Гэнтли, Крофорда, Арджиля и Маршаля; что онъ находится въ замкѣ Сентъ-Андре, избавился отъ ига англійской партіи. Это освобожденіе совершилось 27 іюня 1583 г. Затѣмъ молодой государь опять вызвалъ къ себѣ графа Арана и возобновилъ проекты Леннокса въ пользу Маріи Стюартъ. 19 августа онъ писалъ къ герцогу Гизу:

«Большая привязанность и дружба, которую вы не перестаете оказывать королевѣ, моей матери и гос-

пожѣ, такъ же какъ и мнѣ,—что́ я узналъ изъ вашихъ писемъ, равно изъ писемъ моей матери отъ 13 августа, гдѣ она говоритъ о полномъ довѣріи своемъ къ вамъ и выражаетъ желаніе, чтобы я слѣдовалъ вашимъ мнѣніямъ и совѣтамъ—заставляютъ меня принять предложенія, сдѣланныя мнѣ отъ вашего имени. Все, замышленное вами для освобожденія моей матери и для достиженія нашихъ цѣлей мнѣ кажется очень хорошимъ, а приготовленныя средства я нахожу очень годными, лишь бы только это дѣло было ведено съ искусствомъ.» Онъ просилъ его прислать въ Шотландію Менвиля или д'Антрега, которые оба были приверженцами и агентами Гиза.

22 августа герцогъ Гизъ отправилъ въ Римъ Ричарда Мелино, съ порученіемъ дать папѣ отчетъ о предпріятіи и просить у него помощи. Въ данныхъ ему инструкціяхъ герцогъ изложилъ планъ экспедиціи, силы, на которыя разсчитывалъ для исполненія его, помощь, которой ожидалъ въ самой Англіи, и имена тѣхъ, которые должны были содѣйствовать. «Королева шотландская—говорилось тамъ—писала, и главные вельможи этого государства извѣстили, что все уже хорошо устроено, въ особенности у границъ Шотландіи, гдѣ долженъ пристать испанскій флотъ, и потому признано достаточнымъ, чтобы католическій король посадилъ на суда четыре тысячи хорошихъ солдатъ, если не найдетъ возможнымъ посадить болѣе. Но съ этимъ флотомъ должны быть присланы деньги, необходимыя для содержанія десяти тысячъ человѣкъ здѣшняго войска въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а также кирасы, пики, ружья, достаточныя для вооруженія пяти тысячъ солдатъ. Въ инструк-

ціи говорилось: «Такъ-какъ приготовительныя средства и расположеніе умовъ въ этомъ королевствѣ подвержены большимъ перемѣнамъ, тайна въ дѣлахъ, проходящихъ чрезъ столько рукъ, въ случаѣ замедленія, подвергается опасности быть открытою, а король шотландскій писалъ, что если ему не будетъ оказана помощь, онъ съ трудомъ можетъ сохранить даже свою свободу—которую онъ, согласно обѣщанію, данному Менвилю, возвратилъ себѣ какимъ-то чудеснымъ образомъ, тѣснимый Елизаветой, не упускавшею ничего для открытія заговора въ Шотландіи, —то вы будете умолять его святѣйшество отъ имени герцога Гиза и всѣхъ католиковъ этого государства, съ нѣкоторою щедростью дать денегъ — единственная вещь, въ которой теперь настоитъ надобность— выдавъ за одинъ разъ сумму, пропорціональную обширности предпріятія, и за тѣмъ возложить на герцога Гиза заботы о скорѣйшемъ исполненіи его, если возможно, еще въ настоящемъ году.»

Онъ извѣщалъ Григорія XIII, что армія, назначенная для вторженія, сядетъ на суда во Фландріи, откуда потомъ можно будетъ послать ей подкрѣпленія, что она высадится на сѣверныхъ берегахъ Англіи гдѣ католики примутъ ее съ радостью. «Эти послѣдніе—прибавлялъ онъ—такъ многочисленны, что въ нѣсколько дней двадцать тысячъ ихъ присоединится, верхомъ, къ экспедиціонной арміи, именно, у шотландской границы—три тысячи человѣкъ графа Мортона и три тысячи барона Фарнигёрста, четыре тысячи баропа Дэкра, одна тысяча графа Уэстморленда, три бысячи графа Нортэмберленда, тысяча графа Кэмтерленда, двѣ тысячи барона Уортона и новаго епис-

кона дёргэмскаго. Всѣ эти владѣльцы находятся въ сосѣдствѣ Шотландіи и порта, гдѣ пристанетъ испанскій флотъ. Есть много и другихъ лицъ внутри королевства, благопріятствующихъ этому предпріятію, каковы напр. графъ Рутлендъ, Байтосберри Уорстеръ, Эвинденъ графъ Монтэгю. Сверхъ того, вы будете умолять его святѣйшество облегчить успѣхъ этого дѣла, возобновивъ буллу Пія V противъ англійской королевы, объявивъ, что онъ поручилъ его католическому королю и герцогу Гизу, а также давъ индульгенціи всѣмъ, которые примутъ въ немъ участіе, и назначивъ доктора Оллена, сдѣланнаго епископомъ дёргэмскимъ, представителемъ своей особы въ качествѣ нунція при экспедиціи.»

Чрезъ шесть дней послѣ того, 28-го августа, герцогъ Гизъ тайно отправилъ въ Англію, подъ ложнымъ именемъ Мопо, эмигранта Чарльза Пэджета, который вмѣстѣ съ Т. Морганомъ управлялъ вдовьимъ имуществомъ Маріи Стюартъ во Франціи и былъ замѣшанъ во всѣхъ заговорахъ въ ея пользу. Въ инструкціи, касательно даннаго ему порученія къ угнетеннымъ католикамъ, было сказано. «Увѣрьте ихъ правдивостью и честью Геркулеса (герцога Гиза), что, предпріятіе неимѣетъ другой цѣли, кромѣ возстановленія католической религіи въ Англіи и мирнаго возвращенія англійской короны шотландской королевѣ, которой она принадлежитъ по праву. Какъ только это будетъ выполнено, всѣ иностранцы оставятъ королевство; а если кто-либо изъ нихъ откажется это сдѣлать, то Геркулесъ обѣщаетъ принудить его къ этому, соединивъ свои силы съ силами туземцевъ».

Папа, принявъ горячее участіе въ проектѣ, испол-

ненiе котораго составлялъ предметъ давнишнихъ желанiй римскаго двора, сталъ побуждать Филиппа II къ безотлагательной дѣятельности. Филиппъ II отвѣчалъ ему чрезъ графа Оливареса, своего посланника въ Римѣ, что онъ очень охотно началъ бы дѣйствовать, но ничто еще не готово и что холодъ и сырой климатъ Англiи не позволяютъ армiи стоять тамъ лагеремъ въ зимнее время. Впрочемъ, онъ увѣрялъ Григорiя XIII, что немедленно отправитъ во Фландрiю солдатъ, возвратившихся съ завоеваннаго острова Терсейры, чтобы за тѣмъ послать ихъ, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ, въ Англiю, когда все будетъ устроено для этой цѣли. И—въ тонѣ увѣренности, какъ будто бы предпрiятiе не могло быть безуспѣшнымъ—онъ прибавилъ, что, «по низверженiи Елизаветы, весь островъ будетъ подчиненъ одному государю, который долженъ быть католикомъ. Для этого надлежитъ, чтобы молодой король Шотландiи былъ исторгнутъ изъ своихъ заблужденiй посредствомъ разговоровъ съ духовными докторами и чтобы его мать вышла опять замужъ, дабы опасенiя возможности другаго наслѣдника англiйской короны возвратило его въ лоно церкви; или чтобы—если онъ будетъ упорствовать въ своей ереси—Богъ помогъ въ этомъ несчастiи, давъ королевѣ католическаго наслѣдника.» Будучи одинъ въ состоянiи нести издержки предпрiятiя, Филиппъ II отдалъ деньги въ руки союзниковъ для начатiя приготовленiй къ нему.

Но этотъ проектъ былъ открытъ, какъ и другiе. Бдительность правительства Елизаветы превосходила дѣятельность правительства Филиппа II. Все, что было пущено въ ходъ съ одной стороны для уни-

чтоженія протестантизма въ Англіи и Шотландіи, было употреблено съ другой къ большей и большей погибели католицизма въ этихъ странахъ. Противопоставляя хитрость хитрости, интригу интригѣ, открытое нападеніе предполагаемому вторженію, шпіонство заговору, Елизавета еще разъ вступила въ переговоры съ Маріей Стюартъ, возбуждая въ ней несбыточную надежду на свободу, послала хитраго Уэльсингэма къ Іакову VI, чтобы привлечь на свою сторону этого молодого и слабаго короля, приготовляла съ графами Ангусомъ, Маромъ, Гаури и всѣми знатными бѣжавшими шотландцами экспидицію въ Шотландію для ниспроверженія силою возстановленнаго могущества графа Арана, поддерживала инсургентовъ Соединенныхъ Провинцій посредствомъ герцога д'Алансона, приказывала Дрэку опустошать поселенія въ Индіи, для произведенія полезныхъ диверсій въ самомъ государствѣ Филиппа II, наконецъ, посредствомъ своихъ агентовъ узнавала самые тайные замыслы католиковъ противъ нея. Уэльсингэмъ вездѣ имѣлъ своихъ шпіоновъ. Онъ купилъ Шереля, секретаря французскаго посланника Кастельно де-Мовисьера, привлекъ на свою сторону Арчибальда Дугласа, котораго Іаковъ VI акредитовалъ при дворѣ Елизаветы и которому Марія Стюартъ открывала свои планы, подкупилъ Уильяма Фаулера, бывшаго слугу графини Маргариты Леннокс, котораго вѣрность плѣнница уже подозрѣвала. Посредствомъ ихъ переписка и тайны Маріи Стюартъ были выданы министру Елизаветы.

Черезъ своихъ шпіоновъ Уэльсингемъ—независимо отъ заговора противъ особы Елизаветы, приписывае-

маго двумъ дворянанъ, — Ардену и Соммервилю и католическому священнику Голю, которые были осуждены на смерть — узналъ въ концѣ 1583 г. объ огромномъ союзѣ для нападенія на Англію. Онъ узналъ, что Пэджетъ пріѣзжалъ туда подъ вымышленнымъ именемъ, видѣлся тамъ съ знатнѣйшими католиками и условливался съ сэромъ Фрэнсисомъ Трокмортономъ, главнымъ судьею честерскимъ, недавно лишеннымъ своихъ должностей, по вліянію Лейстера, Уэльсингемъ велѣлъ арестовать сэра Фрэнсиса Трокмортона. Онъ велѣлъ также задержать новаго графа нортэмберлендскаго Генри Перси, и его сына, потребовать въ присутствіе совѣта графа Арэнделя, его жену, дядю и брата, между тѣмъ какъ лордъ Пэджетъ и Чарльзъ Арэндель, устрашенные этимъ открытіемъ, бѣжали на континентъ. Сэра Фрэнсиса Трокмортона три раза подвергали пыткѣ безъ всякаго успѣха; но въ четвертый разъ онъ признался во всемъ, объявилъ, что онъ указалъ на порты, гдѣ должна была высадиться армія для вторженія въ государство, и что Филиппъ II, посланникъ Мендоза и герцогъ Гизъ были лицами, замыслившими экспедицію и назначенными для управленія ею. Несмотря на то, что впослѣдствіи Трокмортонъ отперся отъ своихъ словъ и продолжалъ отпираться даже на эшафотѣ, онъ былъ подвергнутъ казни, какъ измѣнникъ.

Елизавета рѣшилась избавиться отъ испанскаго посланника, пребываніе котораго въ ея государствѣ и преимущества, которыми онъ, по своему званію, пользовался при ея особѣ, помогали ему интриговать съ бо́льшею дерзостью и безопасностью. 18-го января 1584 г. Мендоза былъ позванъ къ канцлеру

Англіи, у котораго собрались Лейстеръ, великій камергеръ Говардъ, Гэнсдонъ и Уэльсингэмъ. Этотъ послѣдній сказалъ ему на итальянскомъ языкѣ, «что ея величество королева очень недовольна имъ, такъ-какъ онъ покушался возмутить спокойствіе государства, вступилъ въ сношенія съ шотландской королевой, отъ которой получалъ письма, старался, вмѣстѣ съ герцогомъ Гизомъ, освободить ее изъ заключенія и даже вошелъ въ стачку съ Фрэнсисомъ Трокмортономъ, съ однимъ изъ его братьевъ, прибывшихъ изъ Франціи, и съ графомъ Нортэмберлендомъ, и что, поэтому, согласно волѣ королевы, онъ долженъ оставить государство въ двухнедѣльный срокъ». Мендоза не смутился и отвѣчалъ, что это однѣ фантазіи; что онъ не могъ совѣтовать шотландской королевѣ вещей, которыя должны были повести ее къ погибели; что такому лицу, какъ онъ, не свойственно вступать въ переговоры о важныхъ дѣлахъ съ молодымъ человѣкомъ безъ твердости и благоразумія, подобнымъ Трокмортону; что онъ никогда не говорилъ съ Нортэмберлендомъ и что его дѣйствія были далеко не похожи на тѣ, которыя королева и ея министры направляли противъ владѣній его государя. Исчисливъ всѣ эти непріязненныя дѣйствія, онъ прибавилъ, что, не имѣя обыкновенія оставаться тамъ, гдѣ на него смотрятъ съ неудовольствіемъ, онъ выѣдетъ изъ Англіи послѣ того, какъ отправитъ съ донесеніемъ по этому предмету курьера къ его католическому величеству.

Тогда министры Елизаветы, вставъ съ своихъ мѣстъ, объявили ему, что онъ долженъ отправиться немедленно, подъ опасеніемъ, въ противномъ слу-

чаѣ, быть наказаннымъ королевой. Мендоза гордо имъ возразилъ, «что англійской королевѣ и никому въ мірѣ не принадлежитъ право быть судьею его поступковъ, въ которыхъ онъ долженъ давать отчотъ единственно своему государю; что никто изъ нихъ не долженъ позволять себѣ дальнѣйшихъ выходокъ иначе, какъ со шпагою въ рукахъ; что ему смѣшна мысль будто бы королевѣ можетъ придти въ голову идея наказать его; что онъ съ большимъ удовольствіемъ отправится, какъ только получитъ отъ нея свои паспорты, и что, не угодивъ ей въ качествѣ посланника мира, онъ постарается угодить въ качествѣ посланника войны.»

Съ этими словами гордый испанецъ вышелъ и 29-го января оставилъ Англію. Прибывъ въ Мадридъ, онъ подробно объяснилъ положеніе дѣлъ въ Шотландіи Филиппу II, который показалъ себя очень довольнымъ его поведеніемъ и немедленно передалъ въ распоряженіе Маріи Стюартъ двѣнадцать тысячъ экю чрезъ Тассиса. Филиппъ II скоро употребилъ въ дѣло такого смѣлаго и неуступчиваго посланника въ мѣстѣ, гдѣ онъ могъ быть наиболѣе полезнымъ для его видовъ относительно Англіи и Франціи. По смерти герцога алансонскаго, послѣдовавшей 10-го іюня 1584 г. въ Шато-Тьери, онъ послалъ Мендозу для выраженія соболѣзнованія Генриху и Катеринѣ Медичи и скоро уполномочилъ его при дворѣ ихъ, на мѣсто Тассиса, который назначенъ былъ главнымъ инспекторомъ (veedor general) арміи во Фландріи. Изъ Парижа, гдѣ онъ возбуждалъ Гизовъ и одушевлялъ лигу, Мендоза преслѣдовалъ своею ненавистью и своими заговорами Елизавету, которая нашла

въ немъ столько же запальчиваго сколько и неутомимаго врага.

Изгоняя Мендозу и разстроивая планъ Филиппа II и герцога Гиза, Елизавета въ то же время попыталась сама уничтожить въ Шотландіи партію Маріи Стюартъ, съ помощью изгнанниковъ, которые вышли изъ своего убѣжища, чтобы произвести возстаніе. Графъ Гаури отправился въ Дэнди, Графы Ангусъ, Маръ и мистеръ Глэммисъ вошли, 22-го апрѣля, въ Стёрлингъ, съ пятьюстами всадниковъ. Но Іаковъ VI и графъ Аранъ, извѣщенные о заговорѣ, пошли противъ нихъ во главѣ двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Гаури былъ взятъ и обезглавленъ. Ангусъ, Маръ, Глэммисъ и ихъ приверженцы, принужденные бѣжать въ Англію, были объявлены виновными въ государственной измѣнѣ, и Аранъ, болѣе могущественный, чѣмъ когда-либо, началъ безпрепятственно управлять и королемъ и королевствомъ Шотландіи.

Двѣ партіи потерпѣли одинаковую неудачу. Планъ католическаго вторженія въ Англіи былъ открытъ прежде всякой попытки привести его въ исполненіе; протестантское нападеніе въ Шотландіи было остановлено въ самомъ началѣ. Тогда Елизавета обнаружила расположеніе вступить на другой путь, чтобы предотвратить опасности, которыми грозили ей продолжительное заключеніе Маріи Стюартъ и вызванная непріязнь Арана. Эти опасности могли быть тѣмъ важнѣе для Англіи, что она потеряла, одного за другимъ, герцога алансонскаго, который 10-го іюня 1584 г. умеръ въ Шато-Тьери, и принца оранскаго, который 10-го іюля былъ убитъ, въ Дельфтѣ, однимъ фанатическимъ эмиссаромъ испанцевъ и іезуитовъ. Освободясь почти въ одно время отъ главы

десяти провинцій католическихъ и отъ штатгальтера семи провинцій протестантскихъ, Филиппъ II— которому помогалъ искусный политикъ — принцъ пармскій, казалось, былъ готовъ вновь овладѣть всѣми Нидерландами, откуда потомъ ему было бы очень легко сдѣлать нападеніе на Англію. Въ этой опасности Елизавета нѣкоторое время думала лишить испанскаго короля помощи Маріи Стюартъ и содѣйствія Арана, вступивъ съ ними въ соглашеніе. Она не должна была встрѣтить въ этомъ никакихъ трудностей: Аранъ былъ слишкомъ честолюбивъ для того, чтобы не пристать ко всему, что̀ могло утвердить его могущество, а Марія Стюартъ была такъ измучена своею тюрьмою, что не желала теперь ничего, кромѣ свободы.

Послѣ свиданія, происходившаго въ Фаульденъ-Кёркѣ, близь Бервика, между любимцемъ Іакова VI и графомъ Гэнсдономъ сдѣлана была попытка — тѣснѣе сблизить Англію съ Шотландіей и примирить Марію Стюартъ съ Елизаветой, возобновивъ прежніе переговоры. Молодой мастеръ патрикъ Грэй былъ уполномоченъ въ Лондонѣ въ качествѣ посланника Іакова VI и ему было дано это двойное порученіе. Обладая пріятнымъ умомъ и большимъ искусствомъ обманывать, онъ раздѣлялъ съ Араномъ благосклонность короля. Онъ былъ католикъ, воспитаніе получилъ при французскомъ дворѣ, находился въ короткихъ отношеніяхъ съ Гизами, пользовался довѣренностью архіепископа гласгоскаго, зналъ планы Маріи Стюартъ и слылъ за человѣка очень преданнаго ея интересамъ. Такимъ образомъ эта королева, которая около того же самаго времени послала въ Лондонъ своего француз-

скаго секретаря. Но для заключенія условій освобожденія, была увѣрена въ совершенной преданности мастера Грэя. Она, повидимому, отказалась отъ всѣхъ своихъ честолюбивыхъ плановъ. Здоровье ея погибло, терпѣніе было утомлено, воображеніе помрачилось. Она много страдала въ темницѣ. Жена графа Шрусберри, подъ надзоръ котораго Елизавета такъ давно уже отдала Марію, распускала на ея счетъ оскорбительные слухи. Графиня Шрусберри утверждала, что между ея мужемъ и Маріей установилась слишкомъ тѣсная связь и что она сдѣлалась отъ этого беременною.

Чувствительная къ этой чрезмѣрной клеветѣ, которую графиня принуждена была потомъ опровергнуть, разгнѣванная плѣнница жаловалась на нее въ самыхъ горькихъ выраженіяхъ. Она передала, даже, Елизаветѣ, —чтобы внушить ей подозрѣнія противъ Шрусберри,— разсказы этой женщины о любовныхъ связяхъ англійской королевы, и такимъ образомъ мстила за себя, подъ вліяніемъ гнѣва, можетъ быть, не совсѣмъ необдуманнаго своимъ двумъ непріятельницамъ, донося на одну и уязвляя другую. Призываю моего Бога во свидѣтели, писала Марія Стюартъ къ Елизаветѣ, что графиня Шрусберри говорила мнѣ о васъ нижеслѣдующее, и почти въ этихъ самыхъ выраженіяхъ... Во первыхъ, что одинъ (графъ Лейстеръ), которому, по ея словамъ, вы, въ присутствіи одной изъ вашихъ дамъ, дали обѣщаніе выйти за него замужъ, спалъ съ вами безчисленное множество разъ, со всею свободой и короткостью, которая можетъ быть допущена между мужемъ и женою; что ваше замужство не можетъ состояться и что вы никогда не захотите потерять свободу — заниматься любовными интригами и пре-

даетесь удовольствію постоянно съ новыми любовниками, сожалѣя, говорила она, что вы не удовольствовались мастеромъ Гэттономъ и другимъ изъ англичанъ, но связали свою честь съ иностранцемъ Симье, съ которымъ имѣли свиданія ночью, въ комнатѣ одной дамы.... гдѣ вы цѣловали его и дѣлали съ нимъ различныя неблагопристойныя вольности... что вы также распутничали съ герцогомъ (д'Алансономъ), его господиномъ, который однажды ночью пришолъ къ двери вашей комнаты, гдѣ вы встрѣтили его въ одной рубашкѣ и ночномъ плащѣ, и что потомъ вы впустили его, и онъ оставался съ вами три часа». Это странное письмо —въ которомъ Марія доносила Елизаветѣ обо всемъ, что графиня Шрусберри разсказывала ей о чрезмѣрной страсти ея къ вице-камергеру Гэттону; о сумасбродномъ ея тщеславіи, вслѣдствіе котораго она позволила себѣ сказать, чему повидимому сама вѣрила, что *на нее нельзя смотрѣть прямо, потому что ея лицо сіяло какъ солнце*; о бѣшенствѣ ея гнѣва относительно дамъ, находившихся при ея особѣ, изъ которыхъ одной *былъ переломленъ палецъ*, а другая, служа Елизаветѣ за столомъ, *получила большой ударъ ножомъ по рукѣ*; наконецъ объ отвратительной открытой ранѣ, которую она имѣла на ногѣ, — это странное письмо, говоримъ мы, которое было не такого свойства, чтобы доставить ей благосклонность англійской королевы, вѣроятно, не было передано Елизаветѣ. Тѣмъ не менѣе въ Лондонѣ происходили переговоры объ освобожденіи королевы шотландской между секретаремъ Но и англійскими министрами. Въ запискѣ, которую первый вручилъ послѣднимъ, были изложены по этому предмету почти такія же

условія, какія остановились въ Уингфильдѣ въ 1569 и Чэстуортѣ въ 1570. Здѣсь было прибавлено, что Марія Стюартъ откажется отъ буллы, посредствомъ которой папа лишалъ Елизавету ея государства; не будетъ имѣть никакихъ сношеній съ подданными этой послѣдней, для возбужденія междоусобной войны подъ какимъ нибудь религіознымъ или же политическимъ предлогомъ; не станетъ поддерживать тѣхъ, которые сдѣлались уже виновными въ бунтѣ и осуждены какъ измѣнники; не будетъ предпринимать вмѣстѣ съ иностранными государями ничего къ возмущенію спокойствія Англіи, а напротивъ, будетъ всѣми силами защищать его въ случаѣ нападенія на нее внѣшнихъ враговъ; дастъ, оставляя Англію, заложниковъ въ обезпеченіе своего поведенія; не станетъ дѣлать въ Шотландіи никакихъ религіозныхъ перемѣнъ, требуя только свободы въ отправленіи своей религіи для себя и для своихъ слугъ; дастъ всеобщую амнистію во всѣхъ оскорбленіяхъ, которыя были ей тамъ нанесены, и женитъ короля — своего сына — по совѣту и согласію королевы англійской, ея доброй сестры.

Во время этихъ переговоровъ Елизавета еще болѣе проникала въ тайну заговоровъ, составленныхъ противъ нея въ Европѣ. Іезуитъ Кригтонъ и шотландскій католическій священникъ Абди, захваченные однимъ датскимъ корсаромъ, были отданы въ руки Уэльсингэма. Изъ ихъ бумагъ, которыя они поспѣшили разорвать, но которыхъ клочки были опять собраны, и изъ признаній Кригтона, подвергнутаго пыткѣ, открылись въ подробности планы католической партіи континента, такимъ же образомъ, какъ изъ

Фрэнсиса Трокмортона были узнаны намѣренія католической партіи въ Англіи. Протестанты сильно взволновались и угрожали страшными репрессаліями какимъ бы то ни было врагамъ Елизаветы и реформатской религіи. Въ государствѣ былъ составленъ и подписанъ союзъ: члены его обязались преслѣдовать до смерти людей, которые покусятся на жизнь королевы,—и даже ту, въ пользу которой это покушеніе будетъ сдѣлано или замышлено.

Между тѣмъ собравшійся англійскій парламентъ составилъ въ этомъ же духѣ два билля, направленные противъ Маріи Стюартъ и противъ католиковъ. Первый изъ нихъ, въ случаѣ умерщвленія королевы, лишалъ Марію и ея потомковъ всякихъ правъ на наслѣдованіе престола и уполномочивалъ членовъ союза преслѣдовать до смерти всякаго, кого судъ изъ двадцати четырехъ коммиссаровъ объявитъ соучастникомъ въ помянутомъ умерщвленіи. Второй объявлялъ: виновнымъ въ государственной измѣнѣ всякаго, рукоположеннаго римскимъ епископомъ, англійскаго католическаго священника, который останется въ государствѣ долѣе сорока дней; уголовнымъ преступникомъ—всякаго, кто приметъ его или окажетъ ему помощь; подверженнымъ штрафу или заключенію въ тюрьму, по усмотрѣнію королевы,—каждаго, кто, зная о его мѣстопребываніи, не объявитъ о томъ; онъ подвергалъ наказанію, опредѣленному за измѣну, студентовъ, обучающихся въ иностранныхъ семинаріяхъ, которые не возвратятся въ Англію въ теченіе шести мѣсяцевъ по обнародованіи билля; устранялъ дѣтей, которыя безъ позволенія отправятся туда учиться, отъ наслѣдованія въ имуществѣ родителей и налагалъ

конфискацію во сто фунтовъ стерлинговъ на родителей, которые пошлютъ туда своихъ дѣтей.

Эти мѣры напугали королеву шотландскую; она видѣла въ нихъ нѣкоторымъ образомъ свой будущій смертный приговоръ. 25 августа 1584 г. изъ-подъ стражи графа Шрусберри она была отдана подъ надзоръ сэра Ральфа Сэдлера и Соммерса и переведена изъ Шеффильда въ замокъ Уингфильдъ. Когда ей сообщили объ актѣ союза, она предложила присоединить къ нему свое имя. Въ этомъ ей было отказано; но она подписала одна подобную же декларацію. Узнавъ, что мастеръ Грэй началъ отдѣлять интересы ея сына отъ ея собственныхъ, она писала ему, чтобы онъ тщательно остерегался этого, такъ какъ этимъ онъ подвергаетъ сомнѣнію титулъ короля, заимствованный ея сыномъ отъ нея, которая, впрочемъ, думаетъ *предоставить ему правленіе вполнѣ, сохранивъ для себя только власть, подобающую матери, потому что ея бѣдствія и печали уничтожили въ ней всякую охоту ко всему остальному.* Въ настоящую минуту она мечтала только объ отдыхѣ. Объ этомъ она писала 5 января 1585 г. архіепископу Гласгоскому, говоря, что она хочетъ предоставить своему сыну «управленіе государствомъ дѣлами Шотландіи.» Такимъ образомъ, миръ для Елизаветы, власть для Іакова VI, свобода для нея самой—таковы были въ это время послѣднія желанія плѣнницы, которая такъ часто была обманута.

Ей суждено было обмануться и на этотъ разъ. Нѣсколько дней спустя переговоры прекратились, ея скромныя надежды исчезли, мастеръ Грэй ее продалъ, сынъ оставилъ, а королева англійская велѣла ее пе-

ревести изъ замка Уингфильда въ мрачный замокъ Тэтберри. Что за причина была такой внезапной перемѣны и разрыва, уже окончательнаго на этотъ разъ? Открытіе новаго заговора противъ жизни Елизаветы и соединеніе католическаго материка противъ дѣла протестантовъ. Одинъ валліецъ, Уильямъ Парри, тайный агентъ Уэльсингэма, посѣтившій во Франціи и въ Италіи англійскихъ и шотландскихъ эмигрантовъ, подстрекнулъ другаго тайнаго агента, Невиля, къ умерщвленію Елизаветы. Хотѣлъ ли Парри погубить Невиля и получить награду, дѣлая на него доносъ, или думалъ воспользоваться его услугами, чтобы убить англійскую королеву, къ чему, по его словамъ, его побуждали Папа Григорій XIII, нунцій Раггацони и карданалъ-государственный секретарь Комо, съ которымъ его познакомилъ соотечественникъ его изъ Валлиса, неутомимый заговорщикъ Морганъ — это трудно объяснить. Несмотря на то, что Парри ссылался на свои двусмысленныя услуги, онъ подвергся страшной казни измѣнниковъ, и ему за-живо распороли животъ. Устрашенная этими заговорами и боясь участи, которой незадолго предъ тѣмъ подвергнулся принцъ Оранскій, Еливавета начала теперь болѣе безпокойнымъ окомъ смотрѣть на планы католической партіи противъ ея особы, короны и дѣла, и почувствовала нужду помѣшать имъ еще съ большею энергіей и предусмотрительностью. Впрочемъ, для нея наступилъ теперь рѣшительный моментъ.

Смерть герцога д' Алансона ввела католицизмъ въ новый физисъ его существованія во Франціи и приготовила торжество религіи надъ королевскою властью. До сихъ поръ вѣроятный наслѣдникъ короны обы-

кновенно былъ католикъ. Теперь же въ первый разъ два принципа, на которыхъ съ самаго своего начала основывалось обладаніе старою монархіею во Франціи—политическій принципъ мужскаго первородства и религіозный принципъ католической ортодоксальности—не сходились въ одномъ лицѣ: король Наварскій былъ наслѣдникъ по крови и кальвинистъ по вѣрѣ. Въ неизбѣжномъ столкновеніи между этими двумя принципами, правило вѣры взяло верхъ надъ правиломъ государства. Ревностные католики, имѣя во главѣ своей принцевъ Лотарингскаго дома, возбужденные и подкупленные Филиппомъ II, измѣнили порядокъ первородства и признали кардинала Бурбонскаго наслѣдникомъ Генриха III. Образовалась лига. Герцогъ Гизъ и кардиналъ Бурбонскій, тайно соединясь съ испанскимъ королемъ, который велѣлъ выдать имъ триста тысячъ экю золотомъ, подняли въ Реймсѣ знамя междоусобной войны, принудили Генриха III Немурскимъ трактатомъ отмѣнить свои эдикты о вѣротерпимости и вести истребительную войну противъ протестантовъ. Въ то же время новый папа, Сикстъ V, отлучилъ короля Наварскаго и принца Конде отъ церкви. Папа, король испанскій, герцогъ савойскій, французскіе лигисты, которые привлекли на свою сторону и Генриха III, согласились между собою сдѣлать нападеніе на Женеву, бывшую гнѣздомъ протестантовъ, покорить нидерландскихъ кальвинистовъ, уничтожить французскихъ гугенотовъ и серьезнѣе чѣмъ когда-либо вздумали сдѣлать Марію Стюартъ орудіемъ для дѣйствія противъ пресвитеріанъ и англиканцевъ Великобританіи.

Между тѣмъ какъ Филиппъ II показывалъ себя дѣя-

тельнымъ и грознымъ вождемъ католицизма, Елизавета не колебалась соединить силы и управлять сопротивленіемъ протестантизма въ Европѣ. 10 августа 1585 г. она заключила союзный трактатъ съ Нидерландами и обязалась снабдить генеральные штаты войскомъ въ шесть тысячъ человѣкъ, которыхъ скоро и привелъ имъ Лейстеръ. Она тѣснѣе соединилась съ королемъ Наварскимъ, ниспровергла господство Арана въ Шотландіи, съ помощью графовъ Ангуса, Мара и лорда Арброта, главы фамиліи Гамильтоновъ, которые, примиренные съ правительствомъ ея стараніями и поддерживаемые ея деньгами, вновь вступили въ свою страну, во главѣ восьми тысячъ человѣкъ, и безъ труда сдѣлались господами королевства и руководителями короля. Эта революція, послѣ которой всѣ изгнанные пресвитеріанскіе пасторы возвратились въ Шотландію, возстановила протестантство во всей его силѣ и подготовила трактатъ наступательнаго и оборонительнаго союза, который былъ подписанъ 1-го апрѣля 1586 года между Іаковомъ VI и Елизаветой и имѣлъ цѣлью совокупную оборону противъ всякой попытки нападенія на островъ. Заботясь о защитѣ протестантскаго дѣла въ Нидерландахъ, Франціи, Англіи и Шотландіи, королева Елизавета въ то же время подвергла Марію Стюатъ еще болѣе строгому надзору. Министры ея пошли еще дальше. Они считали жизнь этой страшной плѣнницы, которую католики болѣе чѣмъ когда-либо желали сдѣлать своей королевой, несовмѣстною съ существованіемъ ихъ собственной государыни, а ея притязанія на англійскую корону вредными для безопасности государства и религіи. И такъ они стали искать средствъ избавиться отъ нея.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Послѣ того, какъ было открыто столько заговоровъ, напуганное и раздражонное правительство Елизаветы подвергло Марію Стюартъ еще болѣе строгому тюремному заключенію. Взятая изъ-подъ кроткаго и снисходительнаго присмотра графа Шрусберри, остававшагося при ней болѣе пятнацати лѣтъ, Марія Стюартъ была поручена довольно строгому надзору сэра Ральфа Сэдлера и Соммерса. 13-го января 1585 года, въ самой срединѣ зимы, ее перевели изъ Уингфильда въ зàмокъ Тэтберри, приходившій въ развалины. Новое помѣщеніе ея было неудобнѣе всѣхъ, какія только случалось занимать ей до тѣхъ поръ въ теченіе долгаго плѣна. Здѣсь не было конюшни, и шестнацать лошадей, бывшихъ въ ея распоряженіи, остались въ Шеффильдѣ. Безъ нихъ, говорила она Берлею, *я чувствую себя плѣнницею болѣе чѣмъ когда-либо.* Ноги ея, чрезвычайно ослабленныя ревматизмомъ и сидячею жизнію, не позволяли ей дѣлать ни малѣйшаго движенія, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Расположенный въ графствѣ Стэффордъ на возвышенномъ мѣстѣ, посреди обширной равнины, зàмокъ этотъ былъ открытъ со всѣхъ сторонъ для вѣтра; стѣны его были покрыты почти вездѣ трещинами; сырой, холодный, нездоровый, необмеблированный — онъ представлялъ самое невыгодное помѣщеніе какъ для нея, такъ и для ея прислуги, значительно уменьшенной въ числѣ.

Поэтому здѣсь она постоянно болѣла. Къ неудоб-

ствамъ помѣщенія присоединилась суровость самаго заключенія, когдѣ она, въ началѣ мая 1585, перешла изъ-подъ надзора Сэдлера и Соммерса къ Аміасу Полету. Бывшій нѣсколько времени посланникомъ въ Парижѣ, Полетъ былъ строгій пуританинъ, привязанный къ Лейстеру, преданный Елизаветѣ, смотрѣвшій съ презрѣніемъ на католиковъ и неспособный ни на какую снисходительноть или сожалѣніе къ своей плѣнницѣ. Маріи Стюартъ не позволено было даже прогуливаться иначе, какъ только вмѣстѣ съ нимъ и въ сопровожденіи конвоя изъ восьмнацати человѣкъ, вооруженныхъ пистолетами. Онъ не хотѣлъ даже допустить, чтобы она посылала самую ничтожную милостыню бѣднымъ деревни, расположенной въ долинѣ передъ замкомъ и Марія Стюартъ горько оплакивала то, что даже и въ этомъ христіанскомъ утѣшеніи ей было отказано: «*нигдѣ*, писала она, *нѣтъ такого несчастнаго, гнуснаго и презрѣннаго преступника, которому когда бы то ни было и какой бы то ни было законъ отказывалъ въ этомъ*. Когда распространился слухъ, что она пыталась спастись бѣгствомъ, Полетъ написалъ къ лорду-казначею, чтобы разувѣрить его въ справедливости этихъ слуховъ, слѣдующія ужасныя слова: «Марія можетъ скрыться только при полной небрежности съ моей стороны. Въ случаѣ, если бы напали на меня открытою силою, я, слава Богу, увѣренъ, что она умретъ прежде меня.»

Подъ надзоромъ этого неумолимаго стража Марія не могла вести никакой тайной переписки. Всѣ писанныя условными знаками депеши, адресованныя къ ней изъ Франціи, оставались въ рукахъ посланника Генриха III, Кастельно де-Мовисьера, а послѣ его отъ

ѣзда—у его преемника Обепина де-Шатонёфа, прибывшаго въ Лондонъ къ концу августа 1585 года. Она была въ самомъ несчастномъ положеніи, какъ плѣнница, безъ всякой надежды, какъ королева, и удручена горемъ, какъ мать. Сынъ ея, подъ вліяніемъ мастера Грэя, отказался, около этого времени, отъ акта присоединенія, о которомъ Но пріѣхалъ договариваться въ Лондонъ, а черезъ нѣсколько времени принужденъ былъ сблизить союзнымъ трактатомъ Шотландію съ Англіею. Это возбудило въ Маріи сначала сильный гнѣвъ, а потомъ уныніе. Письма ея были полны негодованія и угрозъ противъ поведенія этого сына, котораго она называла безчувственнымъ, неблагодарнымъ, непокорнымъ и дурно руководимымъ. «Я не буду признавать его моимъ сыномъ, говорила она, прокляну его, лишивъ наслѣдства не только въ томъ, чѣмъ онъ владѣетъ уже, но даже и въ томъ, на что онъ можетъ чрезъ меня предъявлять притязанія». Желая, чтобы шотландцы поступили, въ отношеніи къ нему, такъ же, какъ они рѣшились поступить въ отношеніи къ ней, и чтобы чужеземцы наводнили его государство, которое она хотѣла передать въ ихъ власть, она прибавляла: «Я нисколько не сомнѣваюсь и даже имѣю доказательства на то, что въ христіанствѣ найдется довольно наслѣдниковъ, имѣющихъ достаточно силы для удержанія всего, что я отдамъ въ ихъ руки; а послѣ этого пусть съ моимъ тѣломъ дѣлаютъ все, что хотятъ; самый краткій путь будетъ для меня самымъ пріятнымъ».

Она увѣряла, впрочемъ, что не имѣетъ желанія входить въ сношенія съ своимъ сыномъ съ цѣлью устранить себя отъ всякаго вмѣшательства въ управле-

ніе Шотландіею, и даже не хочетъ, чтобы ея нога была въ этомъ королевствѣ. Отказываясь отъ всѣхъ своихъ правъ, она требовала для себя единственно только освобожденія отъ *рабства*, въ которомъ ее такъ долго удерживали, и пра́ва оставить островъ, на которомъ она такъ много перенесла страданій. Она, казалось, готова была принять всѣ условія, лишь бы дать *своей удрученной душѣ и тѣлу хоть сколько нибудь покоя* предъ близкимъ часомъ своей кончины. Но она видѣла хорошо, что никакой цѣной не можетъ купить себѣ свободу и, сознавая свое безвыходное положеніе, съ горестью говорила: «Чтобы удерживать меня въ заключеніи, приводятъ устарѣвшія отговорки: то перемѣны въ Шотландіи, то смятенія во Франціи, то открытіе заговора въ этой странѣ, однимъ словомъ —всякое малѣйшее измѣненіе, которое только можетъ случиться въ мірѣ христіанскомъ; такимъ образомъ меня могутъ выпустить на свободу только тогда, когда весь свѣтъ будетъ въ мирѣ и согласіи. Всемогущій Богъ да будетъ мнѣ помощникомъ и покровителемъ! По своему правосудію, Онъ, я надѣюсь, рано или поздно, разсудитъ дѣло между мною и моими врагами». Спустя годъ послѣ своего пребыванія въ Тэтбёрри, Марія была переведена, въ концѣ декабря 1585 года въ за́мокъ Чартлей, гдѣ помѣщеніе ея хотя было и лучше, но надзоръ надъ нею оставался попрежнему строгимъ.

Если сама Марія не могла составлять заговоровъ, то ея партія дѣйствовала теперь въ ея пользу болѣе чѣмъ когда-либо. Число заговоровъ возрастало само собою среди тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, при которыхъ два великія дѣла, католицизма и про-

тестантизма, въ Европѣ оспоривали другъ у друга Францію, Нидерланды, Англію и Шотландію. Англійскіе эмигранты, желавшіе возвратиться въ свое отечество, изгнанные священники, мечтавшіе о религіозномъ завоеваніи острова, считали время самымъ благопріятнымъ для того, чтобы низвергнуть съ престола Елизавету и возвести на него Марію Стюартъ. Филиппъ II — содержавшій всѣхъ ихъ на жалованьи, выдававшій ежегодно двѣ тысячи золотыхъ экю доктору Оллену, ректору реймской семинаріи, сто экю ежемѣсячно графу Уэстморленду, столько же лорду Пэджету, восемьдесятъ экю Чарльзу Арэнделю, дававшій также содержаніе Чарльзу Пэджету, Томасу Трокмортону и присылавшій, кромѣ того, ежемѣсячно сорокъ экю Моргану даже въ Бастилію — ободрялъ ихъ заговоры противъ Елизаветы и подготовлялъ въ то же время, вмѣстѣ съ герцогомъ Гизомъ, выполненіе стариннаго проекта экспедиціи противъ Англіи. На этотъ разъ съ нашествіемъ на королевство должно было соединиться умерщвленіе королевы.

Первый, вызвавшійся совершить его, былъ англійскій каколикъ, по имени Джонъ Сэведжъ, служившій офицеромъ въ испанской арміи принца пармскаго. Проѣзжая черезъ Реймсъ, онъ видѣлся съ своими соотечественниками и товарищами по семинаріи и разсказывалъ о своихъ заслугахъ священнику Годгсону и доктору Уильяму Гиффорду. Послѣдній внушилъ ему, что онъ можетъ оказать несравненно бо́льшую заслугу, умертвивъ королеву. Сэведжъ выказалъ сначала нѣкоторую нерѣшительность и представлялъ трудности, которыя можетъ встрѣтить исполненіе подобнаго намѣренія. Уильямъ Гиффордъ доказывалъ не-

основательность его опасеній, говоря ему, что убійство государыни-еретички, врага религіи, отлученной отъ церкви папою, будетъ законно и похвально и что онъ ничего не можетъ сдѣлать полезнѣе этого для своей стороны и достойнѣе небесной награды; то же подтвердили и другіе ученые семинаріи. По прошествіи трехъ недѣль, убѣжденный ими, Сэведжъ взялся умертвить королеву; было условлено, что онъ поразитъ ее кинжаломъ, или шпагой, въ то время, когда она будетъ идти въ свою домовую церковь чрезъ галерею, въ которой помѣстится Сэведжъ, или во время прогулки ея по саду, или, наконецъ, когда она отправится въ сопровожденіи однѣхъ женщинъ на прогулку. Сэведжъ, обѣщаніе котораго было сообщено Чарльзу Пэджету и Моргану, отправился въ Англію для приведенія его въ исполненіе.

Около того же времени составился другой заговоръ, въ подобномъ же родѣ. Священникъ Джонъ Баларъ, объѣздившій въ разныхъ одеждахъ Англію вдоль и поперегъ въ теченіе пяти или шести лѣтъ, утверждая при этомъ католиковъ въ ихъ вѣрѣ и ненависти къ Елизаветѣ, возвратился во Францію великимъ постомъ 1586 года. Онъ имѣлъ совѣщаніе съ Чарльзомъ Пэджетомъ, Морганомъ и Мендозой о вторженіи въ Англію и средствахъ къ освобожденію шотландской королевы. Въ этомъ совѣщаніи Чарльзъ Пэджетъ доказывалъ, что предпріятіе не можетъ удасться до-тѣхъ-поръ, пока будетъ жива Елизавета. Баларъ, узнавъ о намѣреніи Сэведжа, поспѣшилъ обратно въ Англію, подъ именемъ капитана Фортскью, надѣясь пріискать средства къ достиженію той цѣли, къ которой стремилась католическая партія, руководясь

своими вѣрованіями и страстями. Прибывъ въ Лондонъ 22-го мая, онъ видѣлся, четыре или пять дней спустя, съ молодымъ дворяниномъ Антономъ Бэбингтономъ изъ Детика въ графствѣ Дерби.

Бэбингтонъ происходилъ отъ хорошей фамиліи и обладалъ значительнымъ состояніемъ. Отличаясь живымъ характеромъ и довольно хорошимъ образованіемъ, онъ былъ сильно привязанъ къ римскому исповѣданію и находился въ тѣсной связи съ самой блестящей молодежью въ Лондонѣ и графствахъ. За четыре года предъ этимъ Бэбингтонъ познакомился въ Парижѣ съ Т. Морганомъ, представившимъ его гласгоскому архіепископу, и перешолъ на сторону шотландской королевы; съ рыцарскимъ великодушіемъ онъ взялся служить дѣлу этой государыни и сдѣлался вскорѣ однимъ изъ горячихъ ея приверженцевъ. По возвращеніи своемъ въ Лондонъ, онъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ посредствующимъ лицомъ при перепискѣ Маріи Стюартъ съ гласгоскимъ архіепископомъ, Пэджетомъ и Морганомъ. Но съ-тѣхъ поръ, какъ Марія была взята изъ-подъ надзора графа Шрусбёрри, переписка эта прекратилась, а съ ней и сношенія Бэбингтона какъ съ парижскими эмигрантами, такъ и съ плѣнницей Тэтбёрри и Чартлея. Въ то время, когда видѣлъ его Баларъ, онъ находился въ страшномъ уныніи и совершенно готовъ былъ уже оставить Англію, собираясь въ одну изъ католическихъ странъ континента, гдѣ онъ надѣялся провести остатокъ дней своихъ.

Посланнику заговорщиковъ было не трудно оживить въ Бэбингтонѣ преданность къ Маріи Стюартъ. Бэбингтонъ держался тѣхъ же мнѣній, какъ и Чарльзъ

Пэджетъ: онъ смотрѣлъ на вторженіе въ Англію какъ на дѣло совершенно невозможное при жизни Елизаветы. Потому, какъ только Баларъ ему сообщилъ, что убійство королевы должно предшествовать нашествію, онъ горячо взялся за предпріятіе; но, по его мнѣнію, предпріятіе это было на столько важно, что его нельзя было ввѣрить одному лицу, и онъ предложилъ присоединить къ Сэведжу пятерыхъ дворянъ, которыхъ онъ взялся найти между своими друзьями. Ему удалось уговорить Патрика Барнуэля, принадлежавшаго къ одной изъ дворянскихъ фамилій Ирландіи, Джона Чарнока изъ Ланкастерскаго графства и Эдуарда Абингтона, отецъ котораго былъ придворнымъ казначеемъ, къ совершенію убійства вмѣстѣ съ Сэведжемъ. Къ этимъ тремъ онъ вскорѣ присоединилъ двухъ другихъ: Чарльза Тильнея, одного изъ дворянъ, получавшихъ пенсію отъ королевы, обращеннаго недавно Баларомъ въ католическую вѣру, и Чидіока Тичбёрна, горячая привязанность котораго къ Бэбингтону заставляла его принимать участіе во всѣхъ планахъ послѣдняго. Изъ остальныхъ друзей Бэбингтона вступили также въ заговоръ: Эдуардъ, братъ лорда Уиндзора, Томасъ Сэлисбёрри, потомокъ знаменитой фамиліи въ графствѣ Дерби; Робертъ Геджъ изъ Серрея, Джонъ Трэверзъ изъ графства Ланкастеръ; Джонъ Томасъ, сынъ бывшаго смотрителя при гардеробѣ покойной королевы Маріи, и клирикъ Генри Доинъ. Они постоянно собирались для совѣщаній или въ Сент-Гильсѣ, около Лондона, или же въ самомъ Лондонѣ.

Все, что они задумывали, было извѣстно Уэльсингему. Этотъ дѣятельный, искусный министръ не спускалъ

глазъ съ католической партіи и слѣдилъ за всѣми ея движеніями. Онъ не только склонилъ на свою сторону многихъ изъ прежнихъ довѣренныхъ лицъ Маріи и подкупилъ секретаря французскаго посольства Шереля, передавшаго ему тайную переписку королевы-плѣнницы и ключъ къ численнымъ знакамъ, на которыхъ она велась, но и огранизовалъ также самую обширную систему шпіонства. Онъ содержалъ при всѣхъ главныхъ заговорщикахъ агентовъ, открывавшихъ ему все, и при этомъ послѣдніе, благодаря своему притворному рвенію къ дѣлу католицизма и Маріи Стюартъ, умѣли такъ дѣйствовать, что подозрѣніе въ измѣнѣ никакимъ образомъ не могло упасть на нихъ. Между ними были такіе, которые принадлежали къ фамиліямъ, наиболѣе преслѣдуемымъ въ Англіи и которые вышли даже изъ реймской семинаріи. Одинъ изъ агентовъ Уэльсингэма, по имени Модъ, не покидалъ Балара во всѣхъ его путешествіяхъ, а другой, по имени Полей, не разъ привозившій Бэбингтону письма съ континента, вошолъ къ нему въ довѣренность и присутствовалъ на тайныхъ собраніяхъ, бывшихъ въ Сент-Гильсѣ между Бэбингтономъ и его друзьями. Къ такому страшному шпіонству Уэльсильгэмъ присоединилъ искусство перехватывать письма, не возбуждая подозрѣнія въ заговорщикахъ. Съ этою цѣлью онъ держалъ при себѣ двухъ лицъ, Артура Грегори и Фелипса; изъ нихъ первый имѣлъ обязанность вскрывать письма, а второй — разбирать условные знаки, которыми они были написаны.

При помощи этихъ презрѣнныхъ орудій онъ приготовилъ гибель Маріи Стюартъ. Вмѣстѣ съ главными министрами Елизаветы и напуганными въ то

время защитниками новой религіи, онъ былъ убѣжденъ, что уже самое существованіе католической королевы возбуждаетъ постоянныя опасности для королевы протестанской. Но если, по мнѣнію его и Бёрлея, нельзя было оставить въ живыхъ Марію Стюартъ, не причинивъ этимъ видимой опасности для Елизаветы, то точно также нельзя было и погубить ее безъ особеннаго повода. Однѣхъ политическихъ причинъ было недостаточно для казни; необходимо было прикрыть ее хоть внѣшнимъ видомъ справедливости. Для этого Уэльсингэмъ употребилъ всѣ усилія, чтобы вовлечь несчастную плѣнницу въ заговоры, которые составлялись въ ея пользу.

Его помощникомъ былъ въ этомъ случаѣ молодой католическій священникъ, происходившій изъ благородной фамиліи въ графствѣ Стэффортъ. Этотъ развращенный и коварный молодой человѣкъ носилъ имя Гильберта Гиффорда. Его отецъ былъ задержанъ въ Лондонѣ за свои религіозныя мнѣнія; онъ самъ, оставивъ Англію на двѣнадцатомъ году, былъ воспитанъ во Франціи іезуитами, и получилъ посвященіе въ реймской семинаріи. Обладая полною довѣренностью своихъ наставниковъ, посѣтивъ Испанію и Италію, зная хорошо языки различныхъ странъ и обнаруживая большую преданность къ дѣлу Маріи Стюартъ, онъ предложилъ свои услуги въ качествѣ дѣятельнаго, умнаго и надежнаго посредника между эмигрантами на континентѣ и католиками въ Англіи, и особенно брался возстановить прерваную переписку царственной плѣнницы съ ея агентами въ Парижѣ, Мадридѣ, Римѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ. Ему не трудно было пріобрѣсти довѣренность Моргана, Чарльзя Пэджета и

архіепископа гласгоскаго. Его молодость и религія заставляли вѣрить въ его искренность и трудно было предположить, чтобы подъ этой личиной горячей преданности скрывалась самая ужасная измѣна.

Первыя сношенія его въ Парижѣ съ Морганомъ и Пэджетомъ начались лѣтомъ въ 1585 году, за восемь мѣсяцевъ до начала заговора и больше чѣмъ за годъ до открытія его. Въ іюнѣ и іюлѣ Морганъ писалъ Маріи Стюартъ о Гиффордѣ и Полеѣ, какъ о лицахъ, услугами которыхъ она можетъ пользоваться совершенно безопасно. Гильбертъ Гиффордъ прибылъ въ Англію только въ концѣ декабря. Съ нимъ условились переписываться подъ вымышленными именами *Піетро*, *Барнэби*, *Николая Корнеліуса*, и въ то самое время, какъ онъ принималъ эти предосторожности, желая показать видъ, что хочетъ укрыться отъ розысковъ англійскаго правительства, онъ жилъ у Фелипса, главы тайныхъ агентовъ Уэльсингэма. Онъ явился къ французкому посланнику Шатонёфу съ письмами отъ гласгоскаго архіепископа Моргана и Чарльза Пэджета и сказалъ, что посланъ въ Англію слугами шотландской королевы, чтобы передать ей секретныя депеши, въ чемъ онъ, можетъ-быть, и успѣетъ, такъ какъ за́мокъ, въ которомъ заключена королева, находится въ сосѣдствѣ съ домомъ его отца. Къ этому онъ прибавилъ, что, увѣдомивъ такимъ образомъ Марію о происходящемъ во Франціи, можно будетъ пріискивать вмѣстѣ съ нею средства къ ея освобожденію изъ плѣна. Шатонёфъ боялся встрѣтить въ немъ шпіона, принялъ его довольно холодно и посовѣтовалъ ему, если онъ дѣйствительно былъ тотъ, за

кого выдавалъ себя, остерегаться, чтобы не быть открытымъ и посаженнымъ въ тюрьму.

Гиффордъ провелъ весь январь въ сношеніяхъ съ католическою партіею въ Лондонѣ. Онъ велъ переписку съ Морганомъ, увѣдомляя его о своихъ проискахъ и успѣхахъ при посредничествѣ французскаго посольства, чрезъ которое и отвѣчалъ ему Морганъ, адресуя свои письма на имя Николая Корнеліуса. Когда Марію Стюартъ перевели въ Чартлей, находившійся возлѣ дома гиффордова отца, Гиффордъ предложилъ Шатонёфу передать письмо шотландской королевѣ. Шатонёфъ, продолжая смотрѣть на него съ недовѣріемъ, вручилъ ему незначительную записку, которую нарочно написалъ условными знаками, чтобы показать видъ, что она заключаетъ въ себѣ важныя извѣстія. Къ его великому удивленію, 1 марта 1586 года Гильбертъ Гиффордъ принесъ ему изъ стэффордскаго графства отвѣтъ отъ Маріи Стюартъ. Она посылала ему новый шифръ для тайной переписки съ нею и пакетъ для передачи гласгоскому архіепископу, прося при этомъ Шатонёфа совершенно положиться на Гильберта Гиффорда, который будетъ съ-этихъ-поръ постоянно передавать ея письма и повелѣнія приверженцамъ ея въ Англіи и слугамъ на континентѣ.

Марія Стюартъ вступила такимъ образомъ на гибельный путь, указанный ей съ такимъ вѣроломствомъ. Нѣсколько недѣль назадъ, она была несравненно осторожнѣе; на письмо Томаса Моргана, пропущенное Аміасомъ Полетомъ, она отвѣчала 17 января: «Остерегайтесь, умоляю васъ, вмѣшиваться въ дѣла, отвѣтственность за которыя падетъ на васъ

и увеличитъ еще болѣе подозрѣнія, которыя питаютъ здѣсь противъ васъ. Что касается меня, то я имѣю причины не писать къ вамъ въ настоящее время, боясь быть неожиданно открытой. Стражъ мой установилъ до такой степени точный и строгій порядокъ, что я не могу ничего получать или посылать безъ его вѣдома». Отчего не сохранила она эту благоразумную недовѣрчивость?... Какъ только ей представилась возможность возобновить переписку и снова начать свои заговоры, горячее желаніе свободы овладѣло ея душою и она, не колеблясь, послѣдовала за обманчивымъ призракомъ, созданнымъ для нея самими врагами ея и долженствовавшимъ привести ее на этотъ разъ къ ступенямъ эшафота.

Какимъ образомъ Гильберту Гиффорду удалось увѣрить Марію, что письма, доставляемыя имъ, доходятъ до нея безъ вѣдома Аміаса Полета, когда послѣдній наблюдалъ за нею съ такою строгостью, сторожилъ за́мокъ Чартлей днемъ и ночью съ пятидесятью вооруженными людьми, сопровождалъ ее во время прогулокъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ отряда изъ восьмнадцати солдатъ съ пистолетами въ рукахъ, и не позволялъ выйти ни одному изъ ея служителей, безъ конвоя и присмотра?

Гиффордъ не бывалъ въ за́мкѣ и ни разу не видалъ Маріи Стюартъ, боясь возбудить въ ней подозрѣніе, получивъ туда слишкомъ свободный доступъ. Но онъ сочинилъ исторію, будто бы имъ подкупленъ пивоваръ, доставлявшій королевѣ пиво. Это пиво относилось каждую недѣлю въ сосудѣ, куда Гиффордъ клалъ деревянный футляръ съ пакетами писемъ. Экономъ Маріи Стюартъ вынималъ футляръ, передавалъ

его секретарю Но, который возращалъ его съ отвѣтами королевы; экономъ снова помѣщалъ его въ пустомъ бочонкѣ, который отвозился къ пивовару, называвшемуся въ перепискѣ *честнымъ человѣкомъ*. Жившіе въ сосѣдствѣ католическіе дворяне, по словамъ Гиффорда, доставляли или получали отъ него пакеты съ письмами, которые относились людьми надежными въ посольство, или приносились оттуда при помощи различныхъ переодѣваній. Таковъ былъ способъ, къ которому прибѣгнулъ Гиффордъ съ согласія Уэльсингэма и при помощи Аміяса Полета для того, чтобы ввести въ заблужденіе Марію Стюартъ. Одинъ изъ нихъ показывалъ видъ будто бы не замѣчаетъ ничего, что получается въ замкѣ и отсылается изъ него; другой, которому сообщались депеши, прежде отнесенія ихъ въ посольство, или помѣщенія въ футляръ, перечитывалъ ихъ при помощи Фелипса и запечатывалъ опять при помощи Грегори, потомъ они отсылались въ точности по адресу; никто не подозрѣвалъ, что они были перехвачены или скопированы.

Маріи Стюартъ сначала ничего не было извѣстно о заговорѣ противъ жизни Елизаветы. Морганъ, казалось, особенно заботился о томъ, чтобы удалить ее отъ этого заговора, Онъ запретилъ Балару стараться войти въ сношеніи съ нею, въ то же время онъ предупредилъ ее, что агентъ этого имени находится въ Англіи и трудится въ ея интересахъ. «Онъ» хлопочетъ тамъ—говорилъ онъ ей—о нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, исходъ которыхъ неизвѣстенъ. До-тѣхъ-поръ, пока онъ будетъ занятъ ими, вашему величеству не слѣдуетъ входить съ нимъ ни въ ка-

кія сношенія». Онъ прибавилъ, впрочемъ, при этомъ слѣдующія слова, которыя могли возбудить въ умѣ Маріи нѣкоторыя догадки: «Я молю Бога, чтобы дѣло, которое находится въ рукахъ его и другихъ, имѣло счастливый конецъ, и тогда ваше величество будете возстановлены всемогуществомъ Божіимъ». Но, будучи не въ силахъ сохранять долѣе ту осторожность, которую онъ считалъ необходимымъ условіемъ для безопасности своей государыни и которую такъ трудно было соблюдать для самонадѣянной гордости заговорщиковъ, онъ пошолъ далѣе въ письмѣ отъ 24 іюня (4 іюля по новому стилю) къ секретарю Кёрлю. Дѣлая неосторожный намекъ на убійственныя намѣренія, для которыхъ онъ не побоялся испрашивать покровительства Божія, онъ писалъ къ нему изъ Бастиліи: «Хотя я и въ заключеніи, но не до такой степени бездѣятеленъ, чтобы не думать о положеніи ея величества и тѣхъ изъ ея слугъ, которые, какъ вы, страдаютъ вмѣстѣ съ нею къ ихъ чести. Очень много приготовлено средствъ для того, чтобы освободиться отъ чудовища, нарушающаго спокойствіе цѣлаго міра».

Какъ только Марія Стюартъ сочла возможнымъ переписываться съ своими прежними друзьями и союзными государями, она снова взялась за проекты, къ которымъ постоянно возвращалась, о католической революціи въ Шотландіи и вторженіи испанцевъ въ Англію. Разгнѣванная до послѣдней степени противъ своего сына, какъ только узнала, что между нимъ и Елизаветою заключена протестантская лига, Марія Стюартъ рѣшилась передать свои права на англійское королевство великому защитнику католицизма въ

Европѣ. Она сообщила это рѣшеніе дону Бернардино де Мендоза въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Принимая во вниманіе упорство моего сына въ ереси—о которомъ, увѣряю васъ, я сокрушаюсь и скорблю день и ночь больше, чѣмъ о моемъ собственномъ бѣдствіи—и предвидя тотъ страшный вредъ, который понесетъ католическая церковь, если наслѣдство надъ этимъ королевствомъ перейдетъ къ нему, я приняла рѣшеніе, въ случаѣ, если мой упомянутый сынъ не обратится прежде моей смерти въ католическую религію—на что я, впрочемъ, мало надѣюсь до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ оставаться въ Шотландіи—уступить и передать, по завѣщанію, мои права на вышерѣченное наслѣдство вашему королю, прося его за это принять меня отнынѣ подъ свое полное покровительство, а также правленіе и дѣла этой страны». Она прибавила при этомъ, что дѣйствуетъ такимъ образомъ для облегченія своей совѣсти и для возстановленія на островѣ католической вѣры, при помощи самаго ревностнаго и самаго способнаго къ тому государя. «Я чувствую себя—говорила она—болѣе обязанной уважать въ этомъ общее благо церкви, чѣмъ частное величіе моего потомства. Прошу васъ хранить это въ тайнѣ, потому-что, если это обнаружится, то повлечетъ за собою во Франціи лишеніе меня пенсіи, въ Шотландіи—совершенный разрывъ съ сыномъ, а въ этой странѣ— мою окончательную гибель и паденіе».

Въ тотъ же день, 20 мая, она написала очень замѣчательное письмо къ Чарльзу Пэджету о средствахъ къ достиженію двоякой цѣли, къ которой она стремилась въ Шотландіи и Англіи. Она побуждала

его, чтобы онъ чрезъ своего брата, лорда Пэджета, бывшаго въ Мадридѣ, и чрезъ посланника дона Бернардино просилъ испанскаго короля взяться за выполненіе предпріятія, которое одно только могло освободить ее изъ плѣна и спасти на этомъ островѣ католическую религію. Чтобы облегчить успѣхъ этого предпріятія, она предлагала вовлечь въ него Шотландію, или убѣдивъ сына къ участію въ немъ или, если сынъ ея не согласится, образовавъ лигу между главными католическими лордами, которые соединились бы съ испанскимъ королемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ она предлагала выдать своего сына въ руки испанскаго короля, или папы, назначить регентомъ Шотландіи лорда Клавдія Гамильтона, давъ ему въ помощь совѣтъ изъ главныхъ лордовъ, безъ согласія котораго онъ не могъ бы сдѣлать никакого распоряженія въ дѣлахъ нѣкоторой важности. Лордъ Клавдій, которому Чарльзъ Пэджетъ долженъ былъ писать отъ ея имени, былъ бы главнымъ намѣстникомъ ея сына до-тѣхъ-поръ, пока тотъ воспитывался бы на континентѣ въ католической религіи, чтобы взойти послѣ ея смерти на престолъ, а главное, чтобы быть спасеннымъ; «послѣдняго— прибавляла Марія Стюартъ—я желаю болѣе, чѣмъ видѣть его монархомъ всей Европы... Сердце мое наполняется тысячью опасеній и сожалѣній, когда я подумаю, что могу оставить послѣ себя тирана и преслѣдователя католической церкви». Она поручила Пэджету сообщить ея планы лорду Клавдію Гамильтону, которому написала въ томъ же смыслѣ.

Знатные шотландцы, остававшіеся вѣрными старой религіи и плѣнной королевѣ, опередили ея же-

ланіе: нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились открыто исповѣдывать католическую религію. Графъ Мортонъ, изъ фамиліи Максуэлей, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ бароновъ южной границы, приказалъ служить мессу въ ликлюденской церкви. Іезуиты Парсонсъ, Гольтъ и другіе отцы этого предпріимчиваго ордена были при графѣ Гэнтли. Эти два графа, а также графъ Монтрозъ, лордъ Крофордъ и многіе другіе владѣльцы условились съ лордомъ Клавдіемъ Гамильтономъ освободить шотландскую королеву, отнять ея сына изъ-подъ власти Елизаветы и возстановить католическое богослуженіе въ своей странѣ. Возвратившись недавно изъ Парижа въ Эдинбургъ съ тайными инструкціями герцога Гиза, лордъ Клавдій сдѣлался душою этого союза, который обратился къ Филиппу II, при посредничествѣ принца лотарингскаго. Къ испанскому королю былъ отправленъ Робертъ Брусъ съ письмами отъ Клавдія Гамильтона, Гэнтли и Мортона; въ нихъ эти вожди католической партіи сообщали ему, что они несравненно сильнѣе своихъ противниковъ въ Шотландіи, но что они нуждаются въ его помощи въ случаѣ вмѣшательства англійской королевы. Они называли Филиппа II *оплотомъ христіанской республики* и прибѣгали къ нему, какъ говорили они, съ полной увѣренностью въ возможности возстановленія католической вѣры въ королевствѣ. «Кромѣ безсмертной славы—прибавляли они—которой вашевеличество достигнете, и особенной заслуги, которую окажете передъ Богомъ, вы пріобрѣтете также, соединивъ свои силы съ нашими, ту выгоду, что вами будетъ сокрушено могущество англійской королевы».

*

Робертъ Брусъ отправился въ Испанію и при проѣздѣ черезъ Францію получилъ отъ герцога Гиза очень убѣдительное письмо къ Филиппу II. «Государь— говорилъ глава лиги этому королю—послѣ столькихъ различнаго рода сношеній, которыя я велъ и о которыхъ старался такъ долго и съ такимъ трудомъ, для возстановленія католической религіи въ Шотландіи, Богъ оказалъ, наконецъ, свое милосердіе: онъ вразумилъ и привелъ самыхъ знатныхъ и могущественныхъ лицъ страны къ благому и святому рѣшенію, которое я всегда считалъ необходимымъ для того, чтобы одержать верхъ надъ англійскими партіями, замедлявшими осуществленіе дѣла до настоящей минуты». Онъ увѣрялъ испанскаго короля, что лордъ Клавдій Гамильтонъ, графы Гэнтли и Мортонъ, съ которыми онъ заключилъ договоръ, располагали двумя третями всей Шотландіи. Но напасть на господствующую партію въ странѣ и сопротивляться силамъ сосѣдней страны, «намъ кажется—прибавилъ онъ—слишкомъ труднымъ безъ помощи и поддержки вашего величества, и поэтому мы избрали васъ единодушно нашимъ покровителемъ и опорой въ этомъ достойномъ и похвальномъ предпріятіи». Онъ соединялъ съ этимъ предпріятіемъ тѣмъ болѣе интереса, что оно подвигало впередъ *намѣренія* Филиппа II относительно Англіи, «намѣренія—говорилъ онъ—для которыхъ я почелъ бы за счастье служить самымъ униженнымъ образомъ, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ и при исполненіи которыхъ я готовъ былъ бы съ копьемъ въ рукахъ стать въ ряды простыхъ солдатъ». Герцогъ умолялъ о помощи въ людяхъ и въ деньгахъ, необходимыхъ для него,

и просилъ въ то же время Мендозу поддержать просьбу шотландскихъ вельможъ предъ королемъ, его повелителемъ.

Такимъ образомъ Мендоза зналъ обо всемъ, что затѣвалось въ Англіи и въ Шотландіи, и давно уже былъ извѣщенъ о замыслѣ умертвить Елизавету. Ему было извѣстно о немъ въ то время, когда въ исполненіи его участвовали только четыре лица, и 12 мая онъ написалъ къ Филиппу II собственноручную короткую депешу, въ которой говорилъ: «Меня увѣдомили изъ Англіи, что четыре знатные человѣка, имѣющіе входъ во дворецъ королевы, рѣшились лишить ее жизни; они поклялись всѣ четверо, что сдѣлаютъ это при помощи яда, или кинжала; они дадутъ знать мнѣ тотчасъ же объ этомъ, чтобы я умолялъ ваше величество о помощи, когда исполнится ихъ намѣреніе, и что они не откроются никому, кромѣ меня, которому столько обязаны и къ которому питаютъ столько довѣрія». Мендоза, увѣдомившій также католическаго короля о намѣреніи Маріи Стюартъ передать ему свои права на англійскую корону въ случаѣ, если бы сынъ ея остался протестантомъ, передалъ ему 23 іюля, вмѣстѣ съ письмами герцога Гиза, статьи, которыми шотландскіе вельможи объявили, что они готовы дѣйствовать тотчасъ же, какъ только дадутъ въ ихъ распоряженіе сумму денегъ во сто пятьдесятъ тысячъ экю, въ которой они нуждались для выступленія въ походъ.

Между-тѣмъ католическій заговоръ продолжалъ развиваться въ Англіи. Бэбингтонъ и друзья его много разъ собирались въ окрестностяхъ Лондона

въ іюнѣ и іюлѣ, чтобы распредѣлить между собою роли. Было условлено, чтобы кромѣ шести лицъ, взявшихся убить Елизавету, нѣкоторыя отправились въ провинціи для возмущенія ихъ, другія въ Чартлей для освобожденія Маріи Стюартъ. Бэбингтонъ, жившій обыкновенно въ своихъ Личфильдскихъ владѣніяхъ, находившихся неподалеку отъ за́мка Чартлея, сталъ чаще бывать и долѣе обыкновеннаго оставаться въ Лондонѣ. Онъ даже видѣлся здѣсь съ Уэльсингэмомъ, предложилъ ему свои услуги съ дерзкой надеждой подмѣтить козни хитраго государственнаго секретаря и отвратить отъ себя его подозрѣнія. Онъ сблизился такимъ образомъ съ нимъ, готовый при первомъ удобномъ случаѣ захватить его. Между тѣмъ заговоръ, ограничивавшійся досихъ-поръ одними совѣщаніями, вслѣдствіе которыхъ онъ становился опаснѣе для самихъ заговорщиковъ, чѣмъ для Елизаветы, принялъ, наконецъ, рѣшительный оборотъ. Марія Стюартъ была въ немъ неблагоразумно замѣшана. Морганъ, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ Г. Гиффорда, часто ѣздившаго въ это время во Францію, просилъ Марію поддержать рвеніе Бэбингтона письмомъ, написаннымъ въ общихъ выраженіяхъ, проектъ котораго онъ позаботился прислать ей изъ Бастиліи. Въ этомъ письмѣ, посланномъ Маріею Стюартъ 25 іюня неосторожному предводителю заговорщиковъ, котораго она называла *своимъ большимъ другомъ*, она благодарила его за привязанность, которую онъ постоянно выражалъ къ ней, и поручала ему пересылать ей чрезъ Гиффорда письма, получаемыя имъ изъ Франціи. Отсылая это письмо черезъ руки предателя,

секретарь Кёрль написалъ послѣднему: «Ея величество проситъ васъ передать это, подъ строжайшею тайной, господину Антонію Бэбингтону».

Это роковое письмо, совершенно невинное по своему содержанію, возобновило сношенія плѣнницы съ Бэбингтономъ и предавало ее въ руки Уэльсингэма. Дѣйствительно, какъ только Бэбингтонъ получилъ его, то немедленно написалъ длинную депешу условными знаками, въ которой съ увлеченіемъ разсказывалъ королевѣ шотландской, своей *драгоцѣннѣйшей государынѣ*, какъ онъ называлъ ее — все, что было сдѣлано въ ея пользу со времени прибытія Балара. Онъ говорилъ ей, что заботится о ея освобожденіи сообразно съ желаніями государей, ея союзниковъ. Онъ излагалъ ей предметъ и открывалъ средства заговора, цѣлью котораго было нашествіе на Англію и смерть Елизаветы. Онъ просилъ Марію Стюартъ, которой обязывался служить до самой своей смерти, назначить лицъ, которыя были бы ея намѣстниками, и могли бы привлечь на свою сторону большинство народонаселенія въ Валлисѣ и графствахъ Ланкастерѣ, Дэрби и Стэффордѣ. «Я самъ — лично, прибавлялъ онъ — съ десятью дворянами и ста человѣками другихъ нашихъ товарищей и приверженцевъ предпринимаю освобожденіе вашей царственной особы изъ рукъ вашихъ враговъ. Что же касается избавленія нашего отъ похитительницы престола, отъ подданства которой мы освобождены церковнымъ отлученіемъ, произнесеннымъ противъ нея, то здѣсь есть шестеро почетныхъ дворянъ, связанныхъ со мною тѣсною дружбой, которые, изъ ревности къ дѣлу католицизма и къ

службѣ вашего величества, возьмутся исполнить трагическое дѣло. Теперь остается только, чтобы, согласно ихъ важнымъ заслугамъ и благости вашего величества, ихъ героическое предпріятіе было достойнымъ образомъ вознаграждено въ нихъ самихъ, если они спасутъ свою жизнь, или въ ихъ потомствѣ, и чтобы я могъ увѣрить ихъ въ этомъ отъ имени вашего величества».

Это страшное письмо, написанное 6 іюля (16 по нов. стилю) было въ тотъ же день передано Гиффордомъ Уэльсингэму. Такъ-какъ Бэбингтонъ долженъ былъ ѣхать въ Личфильдъ, чтобы ожидать тамъ отвѣта на него, то осторожный государственный секретарь опасался, какъ бы значительное промедленіе при передачѣ письма черезъ Лондонъ не открыло глаза заговорщикамъ и не разстроило его плановъ; поэтому онъ рѣшился отправить Фелипса въ самый Чартлей, чтобы перехватить и прочитать письмо на мѣстѣ. Фелипсъ выѣхалъ изъ Лондона 7 (17 н. с.). Онъ везъ съ собою письмо Бэбингтона, которое должно было дойти до Маріи чрезъ пивовара и принести ей погибель. Бѣдная плѣнница, окруженная западнями, получила его 12 іюля (22 н. с.) и, если вѣрить Полету, наблюдавшему за всѣми ея движеніями, очень была довольна. 14 (24 н. с.) Полетъ писалъ къ Уэльсингэму слѣдующее: «Пакетъ, привезенный Фелипсомъ, былъ принятъ съ признательностью; на него данъ короткій отвѣтъ, какъ позволяло время; но обѣщано писать подробнѣе по возвращеніи *честнаго человѣка*». Въ тотъ же день Фелипсъ, уже прочитавшій депешу Маріи Стюартъ къ французскому посланнику Шатонёфу, и пе-

рехватившій два ея нешифрованныя письма къ лорду Клавдію Гамильтону и къ повѣренному въ дѣлахъ, Курселю, писалъ къ Уэльсингэму, пересылая ему эти письма: «Мы ожидаемъ слѣдѣній о ея истинныхъ намѣреніяхъ въ слѣдующемъ письмѣ ея».

Въ то время, какъ этотъ презрѣнный агентъ гнусныхъ козней выполнялъ свою низкую обязанность близь несчастной, которую онъ долженъ былъ погубить, онъ не избѣгалъ встрѣчи съ нею и улыбался ей, когда она проходила мимо. «Она выѣзжала вчера въ своей каретѣ—писалъ онъ къ Уэльсингэму чрезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія въ Чартлей—и я проводилъ ее пріятной улыбкой; но при этомъ я вспомнилъ стихъ: «Cum tibi dicit ave, sucut ab hoste cave» (когда онъ тебѣ кланяется, берегись его, какъ врага). Недовѣрчивая Марія замѣтила этого новаго гостя въ Чартлеѣ; она приняла его за стараго шпіона Бёрлея и Уэльсингэма, и подумала, что его прислали въ помощь Полету, который былъ обыкновенно боленъ. Она спрашивала себя въ то же время, не былъ ли этотъ Фелипсъ предложенъ ей, какъ агентъ для ея тайныхъ сношеній, Морганомъ, который, какъ слишкомъ пылкій заговорщикъ, былъ не очень разборчивъ въ выборѣ своихъ соучастниковъ? Она очертила Фелипса слѣдующимъ образомъ въ одномъ изъ писемъ къ Моргану: «Онъ низенькаго роста и очень непріятной наружности; его волосы темно-желтаго цвѣта, а борода свѣтло-желтаго; на лицѣ видны слѣды; оспы онъ близорукъ и, повидимому, имѣетъ около тридцати-трехъ лѣтъ». Она чувствовала отвращеніе при видѣ этой отталкивающей и лукавой личности; но она не могла подозрѣвать, что

его присутствіе въ Чартлеѣ принесетъ ей погибель, а тѣмъ болѣе не могла предохранить себя отъ этого.

Полагая, какъ прежде, что она можетъ безопасно переписываться и что ея заговоры не открыты, Марія отвѣчала Бэбингтону 17 числа (27 по новому стилю): она хвалила усердіе его и его друзей, одобряла ихъ предпріятіе, входила въ большія подробности о приготовленіяхъ къ вторженію, о средствахъ къ исполненію его какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ; потомъ она прибавила—такъ, покрайней-мѣрѣ говоритъ обвиненіе, взведенное на нее позже правительствомъ Елизаветы—что необходимо разсмотрѣть «какимъ-образомъ эти шестеро дворянъ должны поступать, и какія мѣры надо принять къ освобожденію ея изъ заключенія».

Она настаивала главнымъ образомъ на необходимость войти въ соглашеніе съ Бернардино Мендозой, совѣтовала ничего не начинать, не собравъ предварительно какъ внутри, такъ и внѣ достаточныхъ силъ для возстанія католиковъ и нашествія испанцевъ. Потомъ она говорила—тоже по словамъ ея обвинителей—приготовивъ такимъ образомъ все это... надо будетъ употребить въ дѣло шестерыхъ дворянъ и распорядиться, чтобы, по приведеніи въ исполненіе ихъ намѣренія, я была взята отсюда и чтобы всѣ наши силы выступили въ одно и то же время въ походъ для моей встрѣчи, въ ожиданіи иностранной помощи, которую надо будетъ торопить какъ можно болѣе. Такъ-какъ нельзя назначить опредѣленнаго дня, въ который вышесказанные дворяне совершатъ свое предпріятіе, то необходимо, чтобы они постоянно имѣли при себѣ, или, по крайней-мѣрѣ, во дво-

рѣ, четырехъ храбрыхъ людей на хорошихъ лошадяхъ, для скорѣйшаго сообщенія объ успѣхѣ сказаннаго намѣренія, какъ-скоро оно будетъ исполнено, тѣмъ, которымъ поручено будетъ освободить меня; это дастъ имъ возможность прибыть сюда прежде, чѣмъ предупредить объ этомъ моего стража, или, по-крайней-мѣрѣ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ принять мѣры къ защитѣ дома». Она просила послать двухъ или трехъ изъ нихъ по разнымъ дорогамъ, чтобы, если одинъ будетъ задержанъ, то другой могъ бы прибыть благополучно; кромѣ того, запереть обыкновенные пути для почты и курьеровъ.

Для освобожденія ея изъ Чартлея она указывала на три средства: первое состояло въ томъ, чтобы съ пятьюдесятью или шестьюдесятью людьми ,на хорошихъ лошадяхъ и хорошо вооруженными напасть на ея стража, когда онъ выѣдетъ сопровождать ее на прогулку съ своимъ обыкновеннымъ конвоемъ изъ восьмнадцати, или двадцати всадниковъ. Второе заключалось въ томъ, чтобы около полуночи поджечь амбары и хлѣвы въ замкѣ, гдѣ люди Бэбингтона, узнавая другъ друга по условному знаку, могли бы освободить ее во время этой суматохи; третье, наконецъ, въ томъ, чтобы посредствомъ переодѣтыхъ заговорщиковъ ввезти тележки, которыя входили въ Чартлей на разсвѣтѣ, опрокинуть ихъ у большихъ воротъ замка и поспѣшить тотчасъ же съ вооруженнымъ отрядомъ войти въ нихъ и овладѣть замкомъ. Въ тотъ же день Марія Стюартъ писала Чарльзу Пэджету, гласгоскому архіепископу, Томасу Моргану, Бернардино Мендозѣ, своимъ обыкновеннымъ корреспондентамъ въ Парижѣ и сэру Фрэнсису Энгль-

фильду, своему агенту въ Мадридѣ, стараясь доказать въ этихъ письмахъ благовременность вторженія, совѣтуя ускорить его минуту и соединить его исполненіе съ возстаніемъ въ Англіи.

Перехвативъ письмо Маріи къ Бэбингтону и всѣ тѣ, которыя эта несчастная государыня писала къ заговорщикамъ континента, Фелипсъ почувствовалъ злобную радость. Благородная добыча, преслѣдуемая такъ горячо и съ такой осторожностью Уэльсингэмомъ, попалась наконецъ въ невидимыя сѣти, разставленныя рукою его презрѣннаго слуги. Увѣдомивъ секретаря Елизаветы объ этомъ нетерпѣливо ожидаемомъ результатѣ, Фелипсъ говорилъ ему: «Я надѣюсь, что ваша честь немедленно рѣшитесь на арестованіе этой королевы, чтобы, сообразно этому, я могъ располагать самимъ собою... Въ вашихъ рукахъ теперь находится довольно бумагъ ея... Я желаю, чтобы Провидѣніе внушило ея величеству геройскую твердость, которой требуетъ мщеніе за дѣло Божіе и безопасность ея особы и государства». Съ своей стороны, пуританинъ Аміасъ Полетъ съ фанатическою радостью писалъ къ Уэльсингэму: «Богъ благословилъ мои усилія и я радуюсь, что онъ такимъ образомъ вознаградилъ мою вѣрную службу. Я убѣжденъ, что королева и ея знатные совѣтники съумѣютъ извлечь пользу изъ милосердія Божія къ ея величеству и къ Англіи». Жаркій кальвинистъ Полетъ, также, какъ и презрѣнный интригантъ Фелипсъ, не подозрѣвалъ того, въ какой гнусной несправедливости онъ принимаетъ участіе. Интересы государства и религіи скрыли отъ помраченныхъ глазъ ихъ обоихъ всю гнусность и низость того, что они заставили

впасть въ разставленную ими сѣть заговора бѣдную плѣнницу, которая никогда бы не попала въ нее безъ нихъ. Думая, что всѣ средства къ гибели этой опасной королевы уже готовы, Уэльсингемъ уступилъ просьбѣ Фелипса и нѣсколько дней спустя, 22 іюля (1-го августа по новому стилю), отозвалъ его къ себѣ.

Въ то время, какъ Фелипсъ возвращался въ Лондонъ, Гиффордъ уѣзжалъ въ Парижъ къ Мендозѣ, съ новымъ порученіемъ отъ англійскихъ католиковъ: узнать, могутъ ли они разсчитывать на вооруженную помощь Филиппа II, какъ только Елизавета будетъ убита. Испанскій посланникъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ шпіономъ Уэльсингэма; въ этомъ совѣщаніи Гиффордъ открылъ ему весь заговоръ, познакомилъ его съ религіознымъ состояніемъ Англіи, сообщивъ въ очень любопытной запискѣ свѣдѣнія о взаимныхъ силахъ двухъ партій въ каждой провинціи и представилъ имена главнѣйшихъ лицъ, расположенныхъ, по его словамъ, къ дѣлу Маріи Стюартъ и къ возстановленію католицизма и приверженныхъ къ Филиппу II. Между ними онъ помѣстилъ сына герцога Норфолька, графа Арэнделя, его обоихъ братьевъ Томаса Говарда и лорда Уильяма, молодаго графа Нортэмберленда, отецъ котораго умеръ за годъ передъ тѣмъ въ тюрьмѣ насильственной смертью, лорда Дэкра, лорда Стрэнджа, сына графа Дерби, полковника сэра Уильяма Стэнлея, лорда Монтегю, лорда Комтона, лорда Морлея и др. Число всѣхъ ихъ простиралось до тридцати-девяти. Мендоза послалъ списокъ ихъ именъ къ Филиппу II и сообщилъ этому государю, что онъ сдѣлалъ Гиффорду такой пріемъ

какого заслуживало это посольство, и что, для ободренія заговорщиковъ, онъ написалъ имъ два письма, одно на итальянскомъ, другое на латинскомъ языкѣ, пославъ ихъ разными путями. «Въ этихъ письмахъ—говорилъ онъ—я воодушевлялъ ихъ къ предпріятію, достойному столь ортодоксальныхъ умовъ и древней англійской доблести, утверждая, что если имъ удастся умертвить королеву, то они получатъ просимую ими помощь изъ Нидерландовъ и могутъ быть увѣрены въ поддержкѣ вашего величества. По ихъ просьбѣ, я поклялся имъ въ этомъ моей честью и убѣдительными причинами побуждалъ ихъ поторопиться выполненіемъ ихъ предпріятія». Мендоза предлагалъ заговорщикамъ, тотчасъ же послѣ умерщвленія ими королевы, убить или захватить Сесиля, Уэльсингэма, Гэнсдона и нѣкоторыхъ другихъ и овладѣть дономъ Антоніо, который былъ въ то время въ Англіи, и притязаній котораго на Португалію Филиппъ II постоянно опасался.

Съ чувствомъ удовольствія и гордости Филиппъ II получилъ извѣстіе, что Марія Стюартъ назначаетъ его своимъ наслѣдникомъ въ правахъ на англійскую корону. «Эта королева, писалъ онъ 18 іюля къ Мендозѣ, пріобрѣла такимъ поступкомъ большое уваженіе съ моей стороны и увеличила еще болѣе то доброе расположеніе, которое я всегда имѣлъ къ ея дѣламъ». Онъ хвалилъ ее за то, что она подчинила свою родственную любовь желанію служить Богу и христіанству. Онъ поручалъ Мендозѣ передать ей это, прибавивъ, что считаетъ за особенное удовольствіе принять ее подъ свое покровительство,

чтобы, съ помощью Божіей, возстановить ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она должна быть. Надежды его еще болѣе возрасли и рѣшимость еще болѣе окрѣпла, когда онъ узналъ изъ писемъ Мендозы о всѣхъ подробностяхъ католическаго заговора. Онъ одобрялъ отвѣтъ, сдѣланный его посланникомъ Гиффорду. «Принимая во вниманіе, говорилъ онъ, важность событія, которое окончится счастливо, если будетъ угодно Богу, принявшему его теперь въ свою десницу, вы прекрасно поступили, сдѣлавъ хорошій пріемъ этому дворянину и побудивъ его, равно и тѣхъ, которые послали его, подвинуть дѣло впередъ».

Посовѣтовавъ Мендозѣ принять нѣкоторыя предосторожности для того, чтобы не была открыта тайна, которая, говорилъ онъ, не можетъ быть продолжительною и хорошо сохраняться, если будетъ извѣстна многимъ, онъ прибавилъ: «Читая имена союзниковъ, я вспомнилъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ и объ отцахъ другихъ. Судя по самому составу лицъ, участвующихъ въ союзѣ, дѣло мнѣ кажется основательнымъ и я, ради служенія Богу, свободы католиковъ и блага этого королевства, рѣшился помогать имъ. Потому я немедленно отдалъ приказаніе о приготовленіи необходимой помощи, которая будетъ послана какъ изъ Фландріи, такъ и изъ Испаніи. Правда, что такъ какъ здѣсь успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ тайны и отъ скорости, то войска будутъ приготовлены безъ особеннаго шума и число ихъ будетъ не такъ значительно, чтобы могло замедлить скорость отправленія ихъ изъ Испаніи и Фландріи тотчасъ же по полученіи извѣстія о счастливомъ исходѣ предпріятія Бэбингтона и друзей

его въ Англіи.» Филиппъ II предписывалъ Мендозѣ дать положительное увѣреніе заговорщикамъ въ томъ, что они будутъ поддержаны вовремя и хотѣлъ, чтобы онъ послалъ къ нимъ Гиффорда съ отвѣтомъ, что безопасность католиковъ въ Англіи зависитъ отъ тайны, въ которой будетъ храниться предпріятіе, а тайна предпріятія зависитъ отъ скорости его выполненія».

Въ тотъ же день въ другой депешѣ, написанное *трипликатомъ* по причинѣ ея важности, Филиппъ II отправилъ къ своему посланнику въ Парижъ два письма на имя принца Пармскаго, правителя Нидерландовъ. Однимъ изъ нихъ онъ предписывалъ ему готовиться къ походу, другимъ — выступить въ походъ. Первое, Мендозѣ, долженъ былъ послать непосредственно по назначенію; второе оставить у себя до той минуты, когда онъ узнаетъ, что Бэбингтонъ привелъ въ исполненіе свои планы. «Въ этомъ случаѣ, говорилъ Филиппъ II Мендозѣ, пошлите его тотчасъ же къ принцу, чтобъ онъ вышелъ въ море съ вспомогательными войсками, не ожидая новаго приказанія съ моей стороны, потому что въ этомъ второмъ письмѣ, какъ вы увидите, мое распоряженіе на этотъ счетъ выражено весьма точно.»

Но было уже поздно. Множество дѣлъ, отдаленность, подозрительность, медленность въ принятіи рѣшеній — были постоянною причиною того, что Филиппъ II являлся на помощь, когда въ ней не было ужь нужды. Какъ только Уэльсингэмъ пріобрѣлъ письменныя доказательства заговора и средства къ преслѣдованію всѣхъ тѣхъ, кто, вслѣдствіе его козней, которыя велись съ такимъ терпѣніемъ и ловкостью,

вдался въ него, начиная отъ королевы плѣнницы, отъ которой англійское правительство хотѣло освободиться, до ея слугъ,—онъ рѣшился прекратить дальнѣйшій ходъ этого заговора. Елизавета, извѣщенная имъ о предпологаемомъ покушеніи на ея жизнь и нашествіи на ея королевство, была очень встревожена этимъ и хотѣла начать немедленно аресты, боясь продлить ей угрожавшія опасности. Тогда Модъ сдѣлалъ доносъ на Балара, у котораго онъ былъ довѣреннымъ товарищемъ. Но, съ согласія Уэльсингэма, онъ донесъ сначала на него только какъ на непокорнаго священника, боясь, чтобы болѣе серьёзное обвиненіе не встревожило заговорщиковъ и чтобы Марія Стюартъ, предупрежденная объ открытіи заговора, не уничтожила всѣхъ своихъ бумагъ въ Чартлеѣ. Поэтому министръ Елизаветы отдалъ приказаніе своему секретарю Мильзу арестовать Балара единственно за преступное нарушеніе законовъ королевства. Но этотъ арестъ былъ однакоже труденъ. Баларъ принималъ безчисленныя предосторожности, постоянно перемѣнялъ одежду и мѣстопребываніе. Прежде чѣмъ удалось овладѣть имъ, Бэбингтонъ получилъ уже свѣдѣнія о доносѣ Мода. Онъ не уѣхалъ въ Литчфильдъ, какъ обѣщалъ Маріи, и только 29 іюля (8 августа по нов. ст.), письмо, шотланскою королевою за десять дней передъ тѣмъ написанное, было передано ему въ Лондонѣ, гдѣ оставался для совѣщаній съ другими заговорщиками. Онъ сказалъ человѣку, который привезъ ему письмо, что дастъ ему отвѣтъ 2 августа (12 по нов. ст.). Но измѣна Мода заставила его немедленно оставить Лондонъ: онъ тайно выѣхалъ оттуда верхомъ на лошади, такъ-что никому не было извѣстно въ какую сторону

онъ направился. Несчастный находился въ состояніи невыразимой тревоги. Самая ужасная неизвѣстность и самыя живыя опасенія волновали его душу. Долженъ ли онъ бѣжать или возвратиться?—вотъ былъ вопросъ, который онъ задавалъ себѣ съ тоскою, не зная въ чемъ заключался доносъ, сдѣланный Модомъ. Бѣгствомъ—онъ вредилъ заговору и отказывался отъ освобожденія Маріи, если Уэльсингэму было не все извѣстно; возвращаясь, онъ шолъ на явную гибель, если заговоръ былъ уже открытъ.

Остатокъ надежды привелъ его обратно въ Лондонъ и онъ смѣло явился къ Уэльсингэму. Скрытный министръ, у котораго не все еще было готово, принялъ его съ своей обыкновенной сдержанностью и позволилъ ему уйти. Но онъ поручилъ своимъ агентамъ слѣдить за нимъ и не упускать изъ виду ни малѣйшаго изъ его дѣйствій. Бэбингтонъ, немного успокоенный, писалъ 3 августа (13 по нов. стилю) къ Маріи, увѣдомляя ее объ опасностяхъ этого неблагопріятнаго времени, и говорилъ, что онъ надѣется еще исправить все. Онъ умолялъ ее не терять увѣренности въ счастливый исходъ ихъ предпріятія. «Государыня моя, говорилъ онъ, во имя любви къ Богу, хранившему васъ подъ своей защитой, во имя нашего общаго блага, не приходите въ уныніе.... Это дѣло, Бога, церкви и вашего величества: это предпріятіе честное предъ Богомъ и людьми... Мы посвятили ему себя и приведемъ его въ дѣйствіе, или же поплатимся за него жизнью.» Но на слѣдующій день, 4 августа Баларъ былъ уже арестованъ. Бэбингтонъ боялся, чтобы заключеннаго не предали пыткѣ и чтобы онъ не открылъ всего. Онъ отправился къ Сэвед-

жу и спросилъ его, что̀ надо дѣлать. «Больше нечего — отвѣчалъ ему Сэведжъ—какъ только тотчасъ убить королеву. «Очень хорошо—отвѣчалъ Бэбингтонъ—въ такомъ случаѣ, идите завтра ко двору и нанесите ударъ». Сэведжъ возразилъ на это, что у него нѣтъ параднаго платья, чтобы приблизиться къ королевѣ. Бэбингтонъ отдалъ ему свой перстень и всѣ деньги; какія были у него, чтобъ Сэведжъ пріобрѣлъ такое платье въ тотъ же день. Думая, что слухи о заговорѣ распространились уже и, вслѣдствіе этого, взяты, конечно, извѣстныя предосторожности, которыя помѣшаютъ Сэведжу явиться ко двору, Бэбингтонъ хотѣлъ самъ придти туда съ другими заговорщиками и исполнить задуманное; но на это у него не достало смѣлости. Въ ночь на 5 августа онъ бѣжалъ, въ сопровожденіи своихъ растерявшихся товарищей, изъ Лондона и скрылся въ Сен-Джонскомъ лѣсу. Здѣсь онъ былъ найденъ, вмѣстѣ съ ними, и отведенъ въ Товеръ.

Какъ только Уэльсингэмъ захватилъ въ свои руки Балара, Бэбингтона, Сэведжа и другихъ заговорщиковъ, онъ, не колеблясь, сталъ обращаться съ Маріею Стюартъ какъ съ ихъ соучастницей. Эта государыня еще не знала, что заговоръ былъ открытъ и не получала послѣдняго письма отъ Бэбингтона, которое могло бы возбудить въ ней нѣкоторое опасеніе на этотъ счетъ. Она была совершенно спокойна. 18 августа (18 по нов. ст.) Аміасъ Полетъ предложилъ ей позабавиться охотой въ сосѣднемъ Тиксольскомъ паркѣ. Она съ удовольствіемъ согласилась на это предложеніе. Съ нѣкотораго времени лѣтняя теплота, а можетъ-быть, даже самая надежда укрѣпила ея

здоровье. Но охота была только средствомъ, которое придумали заранѣе Уильямъ Уэдъ, посланный въ Чартлей Уэльсингэмомъ, и Аміасъ Полетъ, чтобы перевести ее въ другое мѣстопребываніе, не возбудивъ подозрѣнія въ ней, разлучить ее съ секретарями прежде чѣмъ она успѣла бы сговориться съ ними, и овладѣть всѣми ея бумагами.

На пути изъ Чартлея въ Тиксоль сэръ Томасъ Джорджъ неожидано встрѣтилъ ее и объявилъ ей, что заговоръ Бэбингтона открытъ и что онъ имѣетъ повелѣніе перевести ее въ за́мокъ Тиксоль. Это неожиданное извѣстіе смутило на минуту Марію; но какъ только она пришла въ себя, смущеніе уступило мѣсто гнѣву. Въ сильныхъ упрекахъ она выразила свое негодованіе и спросила людей, находившихся въ ея свитѣ, что не-уже-ли они позволятъ отнять у себя свою госпожу и не защитятъ ее? Но (Hau) и Кёрль, сопровождавшіе ее, были схвачены въ то же время и отправлены порознь, подъ конвоемъ, въ Лондонъ. Несчастная королева, скоро понявъ свое печальное положеніе и безсиліе, рѣшилась перенести все, что̀ бы ни ожидало ее, и позволила перевезти себя въ Тиксоль, принадлежавшій сэру Уальтеру Эштону. Здѣсь она оставалась семнадцать дней, заключенная въ небольшей комнатѣ, лишоная даже своего капеллана, не имѣя никакой возможности писать и окруженная совершенно неизвѣстной ей прислугой. Во время ея отсутствія Томасъ Уэдъ, при помощи Аміаса Полета, вскрылъ въ Чартлеѣ ея шкапы, захватилъ всѣ бумаги, драгоцѣнности, деньги и переслалъ Елизаветѣ. Эта королева приняла ихъ съ восторгомъ и, благодаря Полета за его ловкость и благоразуміе, писала ему, что

онъ внушилъ ей своею преданностью чувство самой живой благодарности и что его вѣрность выше всѣхъ наградъ.

25 августа, когда все было перерыто съ самымъ мелочнымъ стараніемъ въ замкѣ Чартлей, Марію Стюартъ снова возвратили туда. При выѣздѣ изъ Тиксоля, подъ конвоемъ Полета и ста-сорока сосѣднихъ дворянъ, ее окружили нѣсколько бѣдняковъ, просившихъ у нея милостыни. «Мнѣ нечего вамъ дать—сказала она, заплакавъ—все у меня отнято и я такая же нищая, какъ и вы.» Потомъ она обратилась къ владѣльцу замка, сэру Уальтеру Эштону, и другимъ дворянамъ и сказала имъ, со слезами на глазахъ: «Добрые джентльмены, я ничего не замышляла противъ королевы».

Когда, прибывъ, въ Чартлей, она увидѣла, что ея шкапы отворены, бумаги захвачены, ящики перерыты, и даже шкатулки съ драгоцѣнностями исчезли, она не могла сдержать своего негодованія и выразила его въ горькихъ жалобахъ на Елизавету. «Есть двѣ вещи, вскричала она, которыхъ англійская королева не можетъ отнять у меня, это—королевская кровь, дающая мнѣ право на наслѣдство Англіи, и привязанность къ религіи моихъ отцовъ, наполняющая мое сердце».

Вскорѣ начался процесъ противъ заговорщиковъ, замышлявшихъ убійство королевы и хотѣвшихъ побудить чужеземцевъ къ нашествію на королевство. Елизавета не осмѣлилась еще подвергнуть ему шотландскую королеву, подлинное письмо которой къ Бэбингтону, сверхъ ожиданія, не было найдено; сверхъ того, Елизавета, жившая въ страхѣ, боялась, какъ бы, подвергнувъ Марію суду, не вызвать отчаяннаго пред-

пріятія противъ своей особы. Поэтому сначала были обвинены только Бэбингтонъ, Баларъ, Сэведжъ и ихъ соучастники. Уличенные очевидными доказательствами, они всѣ признали себя виновными и были осуждены на ужасную казнь, которая обыкновенно назначалась за государственную измѣну. Чтобы устрашить всѣхъ тѣхъ, кто вздумалъ бы послѣдовать ихъ примѣру, осужденныхъ не избавили ни отъ одного изъ наказаній, предписанныхъ англійскими законами. 20 сентября Бэбингтонъ, Сэведжъ, Баларъ, Барнуэль, Тильней, Абингтонъ, Тичбёрнъ были приведены въ Сент-Гильзъ, гдѣ собирались они на совѣщанія и здѣсь заживо вынули имъ внутренности въ присутствіи народа, объятаго ужасомъ и отвращеніемъ. На другой день принуждены были сократить и смягчить казнь остальныхъ семи заговорщиковъ.

Сознавая себя виновнымъ, Бэбингтонъ призналъ подлинность своей переписки съ Маріею и, несмотря на то, что письмо, написанное имъ къ ней и полученный на него отвѣтъ сохранялись только въ копіи, онъ подтвердилъ подлинность ихъ содержанія формальнымъ объявленіемъ и помѣтилъ каждую страницу своею подписью. Точно также Тичбёрнъ признался, что онъ помогалъ Бэбингтону разбирать условные знаки, которыми было написано длинное письмо шотландской королевы, а Баларъ и Доннъ объявили, что имѣли съ него копію. Но это письмо не было написано рукой самой Маріи Стюартъ. Оба секретаря ея, Но и Кёрль, отвергли его подлинность. Ихъ отвели въ домъ Уэльсингэма и отдали подъ его надзоръ. Зная, что они могутъ навлечь на себя наказаніе, равное съ наказаніемъ ихъ государыни, если будутъ свидѣтельствовать

противъ нея, потому-что это сдѣлало бы ихъ соучастниками ея, они хранили сначала молчаніе сколько изъ страха, столько изъ вѣрности. Это поняли въ одно и то же время Бёрлей и Уэльсингэмъ; они совѣтовали отдѣлить интересы Но и Кёрля отъ интересовъ королевы, у которой эти лица были только слугами, говоря, что, иначе, нельзя склонить ихъ къ измѣнѣ, какъ успокоивъ ихъ относительно послѣдствій ихъ признанія. Итакъ, Но и Кёрлю стали грозить пыткою, если они будутъ упорствовать въ своемъ молчаніи, и обѣщали имъ свободу, если они согласятся говорить. Тогда эти два слабые служителя прервали честное и спасительное молчаніе, соблюдаемое ими до-сихъ-поръ. Они открыли, какимъ образомъ Марія Стюартъ вела обыкновенно свою тайную переписку. Запершись съ ними въ кабинетѣ, она диктовала Но главные пункты своихъ депешъ, которыя потомъ онъ составлялъ и отдавалъ королевѣ для исправленія; затѣмъ они передавались Кёрлю, который переписывалъ ихъ условными знаками и отсылалъ. Но объявилъ, что письмо къ Бэбингтону, написанное большею частью рукой самой госпожи его, было отдано ему ею и переведено на условные знаки Кёрлемъ. Эти первыя показанія были признаны недостаточными; отъ секретаря Маріи потребовали болѣе точныхъ объясненій и онъ, боясь быть отосланнымъ въ Товеръ, гдѣ съ обвиняемыхъ снимали допросъ подъ пыткою, сдѣлалъ еще нѣкоторыя показанія. Онъ признался, что его государыня приняла полное участіе въ заговорѣ относительно высадки въ Англіи; что же касается заговора противъ жизни Елизаветы, то, извѣщенная только о существованіи его, она не

пыталась указать ничего болѣе на этотъ счетъ и въ то же время не считала необходимымъ доносить о немъ. Наконецъ, при послѣднемъ допросѣ, которому подвергли его 21 сентября, послѣ ужасной казни четырнадцати заговорщиковъ, онъ былъ еще откровеннѣе: онъ сказалъ, что Кёрль разобралъ условныя цифры, которыми было написано письмо Бэбингтона, и что онъ самъ написалъ, подъ диктовку своей госпожи, главные пункты ея отвѣта къ Бэбингтону относительно силъ, которыми могли располагать заговорщики, мѣстъ, въ которыхъ эти силы должны соединиться, — содѣйствія шести дворянъ, взявшихся убить Елизавету, — средствъ, при помощи которыхъ ее самоё освободятъ изъ тюрьмы, наконецъ, всадниковъ, которыхъ должны имѣть при себѣ шестеро дворянъ, чтобы немедленно извѣстить объ успѣхѣ своего намѣренія тѣхъ, кому поручено было освободить ее. Кромѣ того, нашли между бумагами Но, захваченными въ Чартлеѣ, записку его руки, содержавшую извлеченіе изъ писемъ Бэбингтона и Маріи, и въ которой встрѣчалось слово *ударъ*, относившееся, по объясненію Но, къ проекту убійства Елизаветы. Кёрль сдѣлалъ подобныя же показанія, прибавивъ, что королева приказала ему снять копію на англійскомъ языкѣ съ писемъ, посланныхъ къ Бэбингтону, къ которому онъ заклиналъ ее не писать.

Признанія обоихъ секретарей Маріи Стюартъ и собственноручная записка Но подтвердили показанія Бэбингтона и его соучастниковъ. Елизавета надѣялась теперь, что она въ состояніи обвинить несчастную королеву, которую держала въ теченіе девятнадцати лѣтъ въ плѣну. Но достанетъ ли у нея на это

смѣлости? Рѣшится ли она вызвать предъ трибуналъ изъ своихъ собственныхъ подданныхъ государыню и посягнуть такимъ образомъ на неприкосновенность королевской особы? Не-уже-ли, оскорбивъ такъ гнусно международное право лишеніемъ Маріи Стюартъ ради государственнаго интереса, свободы, она нанесетъ еще болѣе тяжкое оскорбленіе уважаемымъ досихъ-поръ правамъ короны, лишивъ шотландскую королеву жизни для своей собственной безопасности? Не-уже-ли она не отступитъ предъ страхомъ возбудить негодованіе всѣхъ королей и прибавить къ страшной непріязни могущественнаго монарха, котораго всѣ католики Европы признаютъ своимъ главою, почти неизбѣжную непріязнь своихъ близкихъ сосѣдей и полезныхъ союзниковъ, королей французскаго и шотландскаго, предавая смертной казни невѣстку одного и мать другаго? Несмотря на эти причины и опасенія, Елизавета съ неслыханой дерзостью и притворствомъ рѣшилась достичь своей цѣли. Она положила предать суду, осудить и погубить королеву, которой подданныхъ она возмутила, предложенія отвергла, довѣренность обманула, сына соблазнила, давъ ему право составлять заговоры и присвоивъ себѣ право удерживать его мать въ заключеніи,— королеву, которую ея министръ Уэльсингэмъ такъ вѣроломно вовлекъ въ западню заговора, выданнаго заранѣе и непредставлявшаго никакого вѣроятія успѣха, а одну только погибель.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Рѣшеніе предать Марію Стюартъ суду подверглось нѣкоторымъ преніямъ, прежде чѣмъ оно было принято окончательно. Англійское правительство, уже не разъ имѣвшее въ виду лишить жизни эту несчастную королеву, думало, что, наконецъ, нашлась возможность избавиться отъ нея и отъ опасностей, которымъ оно подвергалось, девятнадцать лѣтъ удерживая ее въ плѣну. Участь Маріи Стюартъ, рѣшенная сначала Елизаветою и Бёрлеемъ, была отдана на разсмотрѣніе тайнаго совѣта. Нѣкоторые члены этого совѣта думали, что достаточно было бы лишить ее окончательно всякаго вліянія, сдѣлавъ ея заключеніе еще болѣе строгимъ; но другіе совѣтовали предать ее смерти, предполагая, что такимъ образомъ они защитятъ жизнь своей государыни и обезпечатъ торжество протестантства. Лейстера обвиняли въ томъ, что будто онъ предложилъ дѣйствовать тайнымъ путемъ отравы, между тѣмъ какъ Уэльсингэмъ предпочиталъ судебный приговоръ. Послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Но въ силу какого закона можно было призвать Марію Стюартъ на судъ? Статутъ двадцатьпятаго года царствованія Эдуарда III, полагавшій смертную казнь для виновныхъ въ заговорахъ противъ особы короля, въ возбужденіи внѣшней войны противъ королевства и въ сношеніяхъ съ его врагами, какъ за государственную измѣну, казался примѣнимымъ въ этомъ случаѣ. Но сочли за лучшее прибѣгнуть къ постановленію предшествовавшаго года, изданному вслѣдствіе знаменитаго акта союза и на-

значавшему смертную казнь каждому, кто изъявлялъ притязаніе на англійскую корону, или стремился къ тому, чтобы отнять ее у Елизаветы при помощи чужестраннаго нашествія, или заговора противъ ея особы.

На основаніи этого постановленія Марія Стюартъ была обвинена 5 октября 1586 года въ засѣданіи верховнаго суда, составленнаго изъ самыхъ значительныхъ чиновъ и пэровъ Англіи, важнѣйшихъ членовъ королевскаго совѣта и самыхъ искусныхъ судей и юристовъ страны. Эта коммиссія, состоявшая, подъ предсѣдательствомъ канцлера Бромлея, изъ сорока-шести членовъ, почти въ полномъ своемъ составѣ отправилась въ зáмокъ Фотрингэй, въ графствѣ Нортэмптонъ, гдѣ должно было разъиграться послѣднее дѣйствіе этой длинной трагедіи. Обвиняемая королева 6 октября была привезена туда же своимъ стражемъ, сэромъ Аміасомъ Полетомъ, тайнымъ совѣтникомъ, сэромъ Уальтеромъ Майльдмэемъ и нотаріусомъ Баркеромъ. Здѣсь она получила письмо Елизаветы, которая упрекала ее за участіе въ заговорѣ противъ ея государства и ея особы, и повелѣвала ей отвѣчать на обвиненія по этому предмету передъ судьями, облеченными силою закона, подъ покровительствомъ котораго она живетъ и которому должна подчиняться.

Прочитавъ въ присутствіи Полета и Майльдмэя это письмо, написанное строгимъ и повелительнымъ тономъ, Марія не обнаружила сначала волновавшихъ ее чувствъ. Она сказала съ горькой ироніей, что ея сестра плохо знаетъ относившіяся къ ней обстоятельства и припомнила при, этомъ случаѣ, много своихъ собственныхъ неудовольствій, равно какъ и презрѣніе, которымъ отвѣчали на ея предложенія. Находя

страннымъ повелительный тонъ, принятый въ отношеніи къ ней англійской королевой, которая, казалось, ожидала отъ нея отвѣта судьямъ, какъ-будто отъ своей собственной подданной, она вскричала, покраснѣвъ: «Какъ, не-уже-ли ваша государыня не знаетъ, что я родилась королевой и не-уже-ли она думаетъ, что я унижу свой санъ, свое государство, родъ, отъ котораго я происхожу, сына, который долженъ мнѣ наслѣдовать, иностранныхъ королей и государей, права которыхъ будутъ оскорблены въ моемъ лицѣ — не-уже-ли она думаетъ, что я унижу все это, повинуясь подобному письму? Никогда! Хотя я, повидимому, уничтожена, но мое сердце мужественно и не подчинится никакому униженію».

Она прибавила, кромѣ того, что у нея отняли ея бумаги, ея совѣтниковъ, окружили ее врагами; что она не знаетъ законовъ и постановленій королевства, въ которомъ едва-ли найдутся пэры, компетентные для суда надъ нею, и утверждала, что она невинна. «Я — сказала она наконецъ — не задумывала и не поощряла никакого покушенія противъ вашей государыни. Я убѣждена, что ни въ чемъ подобномъ меня нельзя обвинить, хотя я и признаюсь добровольно въ томъ, что когда моя сестра отвергла мои предложенія, то я поручила себя и свое дѣло заботамъ иностранныхъ государей».

Отказъ Маріи признать судебный приговоръ не только былъ сообразенъ съ величіемъ ея сана, въ немъ, кромѣ того, заключалось средство безопасности для ея особы. Если бы она стояла на-своемъ до конца, то трудно было бы осудить ее, не выслушавъ, и сдѣлалось бы невозможнымъ возвести на эшафотъ

королеву во исполненіе приговора некомпетентныхъ подданныхъ другой королевы. Сначала она, казалось, поняла это и принимала главнѣйшихъ коммиссаровъ только у себя въ комнатѣ. Она много разъ видѣлась съ лордомъ-канцлеромъ и лордомъ-казначеемъ, которыхъ она приводила въ смущеніе ловкостью своихъ энергическихъ возраженій.

Елизавета, извѣщенная о ея гордыхъ отвѣтахъ и упорномъ отказѣ, предписала коммиссарамъ приступить къ судебному разбирательству, несмотря ни на что; но она запретила имъ произносить приговоръ до-тѣхъ-поръ, пока они возвратятся и представятъ ей отчотъ обо всемъ дѣлѣ. Она старалась въ то же время съ бо̀льшимъ искусствомъ поколебать рѣшимость Маріи, бросивъ ей лучъ надежды на смягченіе своей строгости, если та обнаружитъ больше уступчивости. «Вы пытались — говорила она ей — различными путями отнять у меня жизнь и погубить мое государство кровопролитіемъ. Я никогда не поступала съ вами такъ жестоко, но, напротивъ, я охраняла васъ, какъ-будто вы — другая я. Эти измѣны будутъ доказаны вамъ и обнаружены. Поэтому будетъ лучше, если вы станете отвѣчать моему дворянству и пэрамъ моего королевства какъ вы сдѣлали бы это въ моемъ присутствіи. Я приказываю вамъ это. Я слышала о вашей надменности; но будьте откровеннѣе — и съ вами будутъ поступать съ бо̀льшею благосклонностью».

Эти послѣднія слова, которыя должны были бы уязвить Марію, поколебали ее. Еще болѣе увлеклась она внушеніями вице-камергера Гэттона. Этотъ любимецъ Елизаветы, знавшій, вѣроятно, ея намѣренія, заклиналъ Марію отвѣчать для того, чтобы ея мол-

чаніе не было принято за признаніе и чтобы процесъ не вздумали вести въ ея отсутствіи. «Вы обвинены— сказалъ онъ ей—но не осуждены. Вы королева,—это правда, но королевское достоинство не избавляетъ отъ обязанности отвѣчать на обвиненіе въ такихъ преступленіяхъ, преслѣдовать которыя не могутъ запретить ни законы гражданскіе, ни законы церковные, ни право международное, ни право естественное. Если вы невинны, то комиссары королевы, люди благоразумные и справедливые, отъ всего сердца обрадуются, когда вы имъ докажете это. Сама королева, повѣрьте мнѣ, будетъ очень довольна. Когда я уѣзжалъ, она увѣряла меня, что для нея ничего не можетъ быть больнѣе, какъ видѣть, что васъ обвиняютъ въ подобномъ преступленіи. Итакъ, отложите въ сторону эти пустыя привилегіи королевскаго достоинства, которыя теперь не могутъ принести пользы, явитесь на судъ, поддержите вашу невинность, не дѣлайте себя подозрительною, избѣгая процеса, и не позволяйте замарать ваше доброе имя вѣчнымъ пятномъ». Бёрлей прибавилъ, что завтра будетъ начатъ процесъ противъ нея, еслибъ даже она и не явилась. Проведя ночь въ тревожной неизвѣстности, Марія согласилась явиться на судъ.

14 октября, въ сопровожденіи отряда алебардистовъ и опираясь на руки своего домоправителя, сэра Андру Мельвиля и своего доктора Бургойна—потому-что ей трудно было ходить—она спустилась въ большую залу Фотрингэя, гдѣ засѣдали коммиссары, составлявшіе трибуналъ. Въ глубинѣ этой залы, подъ балдахиномъ, надъ которымъ возвышался одинъ только гербъ Англіи, стояло пустое кресло, назначенное

для отсутствующей королевы Елизаветы. По обѣимъ сторонамъ балдахина были расположены въ порядкѣ, соотвѣтствовавшемъ ихъ званію, различные коммиссары: по правой—лордъ-канцлеръ Бромлей, лордъ великій казначей Бёрлей, графы: Оксфордъ, Кентъ, Дерби, Уорстеръ, Рутлендъ, Кэмберлендъ, Уорвикъ, Пемброкъ, Линкольнъ и виконтъ Монтегю; по лѣвой—лорды Эбергэвенни, Зоучь, Морлей, Стеффордъ, Грэй, Лэмлей и другіе пэры, вмѣстѣ съ лордомъ тайнаго совѣта Крофтзомъ, Гэттономъ, Уэльсингэмомъ, Седлеромъ, Майльдмэемъ и Полетомъ. Немного впереди ихъ находились, направо, великіе судьи Англіи и первый баронъ казначейства, а налѣво—прочіе судьи и бароны, съ двумя докторами гражданскаго права. Посрединѣ, вокругъ стола, засѣдали генералъ-атторней королевы Попгэмъ, ея соллиситоръ Эджертонъ, коронный юрисконсультъ Годи и коронный клеркъ Томасъ Пауэль, съ двумя писцами, для записыванія допроса. Нѣсколько сосѣднихъ дворянъ, допущенныхъ въ присутствіе, стояли за перилами, отдѣлявшими судей.

Марія Стюартъ, представъ передъ этимъ почтеннымъ собраніемъ, съ достоинствомъ поклонилась лордамъ. Когда ее подвели къ бархатному креслу, приготовленному для нея, и когда она увидѣла, что оно поставленно не подъ балдахиномъ, а внизу, то, казалось, почувствовала это униженіе и проговорила съ гордостью: «Я королева, я была женою короля Франціи и мое мѣсто должно быть тамъ». Потомъ она обвела печальнымъ взглядомъ это торжественное собраніе лордовъ, государственныхъ людей, юрискон-

сультовъ и, садясь, прибавила: «Увы! здѣсь много совѣтниковъ, но нѣтъ никого, расположеннаго въ мою пользу».

Канцлеръ Бромлей всталъ, изложилъ причины, побудившія королеву англійскую предать суду королеву Шотландіи, и объявилъ, что еслибы она и не сдѣлала этого, то заслужила бы обвиненія въ беззаботности о дѣлѣ Божіемъ и въ томъ, что она напрасно держитъ въ рукахъ мечъ правосудія. Затѣмъ коронный клеркъ началъ читать повелѣніе, которымъ утверждался трибуналъ. Выслушавъ его, Марія Стюартъ начала говорить; она напоминала о несправедливо-унизительномъ обращеніи, какому она подверглась въ Англіи, куда она пріѣхала какъ другъ и просительница и гдѣ была задержана, какъ плѣнница. Она сказала членамъ верховнаго суда, что вовсе не признаетъ дѣйствительности постановленія, въ силу котораго они намѣрены судить ее; что, какъ свободная государыня и помазанная королева, она не зависитъ ни отъ кого, кромѣ Бога. Она прибавила, что станетъ отвѣчать имъ только въ предѣлахъ, допускаемыхъ этою протестаціей. Лордъ казначей Бёрлей возразилъ ей, что каждый, живущій въ королевствѣ, находится въ зависимости отъ его законовъ, противъ которыхъ она не должна была спорить и на основаніи которыхъ будутъ судить ее.

Коронный юрисконсультъ Годи, изложивъ ходъ послѣдняго заговора, утверждалъ, что Марія Стюартъ принимала участіе не только въ проектѣ вторженія въ Англію, но также и въ проектѣ умерщвленія королевы Елизаветы, который ею былъ составленъ, одобряемъ и поддерживаемъ. Письма Моргана,

Пэджета, Мендозы, архіепископа гласгоскаго, Энгельфильда, доктора Льюиза, доктора Оллена, ея собственныя, признанія Бэбингтона и другихъ заговорщиковъ, находившіяся въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ на столѣ чиновниковъ королевы, а равно письменныя признанія Но и Кёрля были представлены въ доказательство ея соучастія въ заговорахъ. Марія Стюартъ отреклась сначала отъ всякихъ сношеній съ Бэбингтономъ. Она объявила, что никогда ни видѣла его, что онъ никогда къ ней не писалъ, а она никогда ему не отвѣчала. Она спросила: какимъ образомъ, еслибы письма Бэбингтона и были дѣйствительными, можно доказать, что она получала ихъ и потребовала, чтобы ей представили ея собственныя письма къ нему, въ доказательство, что она ему отвѣчала.

На это ей прочли, но только въ копіи, длинное письмо Бэбингтона отъ 6-го іюля, въ которомъ онъ сообщалъ ей цѣль заговора и средства для его исполненія, а также письмо отъ 17 іюля, которое, какъ говорилось въ обвиненіи, она послала къ Бэбингтону, чтобы вовлечь его въ свои намѣренія. Прочитавъ ей также письменныя признанія Бэбингтона, Тичбёрна, Балара и Донна, генералъ-атторней, также какъ и лордъ-казначей, утверждалъ, что ничего не можетъ быть яснѣе и безспорнѣе, какъ участіе, принятое королевой шотландской въ заговорѣ. Безъ малѣйшаго колебанія и съ чрезвычайною живостью Марія Стюартъ возразила, что эта воображаемая очевидность основывается только на копіяхъ съ документовъ, подлинники которыхъ не представлены, и на свидѣтельствѣ людей, которыхъ она никогда не видала. «Пусть представятъ, сказала она, подлинники, если только

они существуютъ, и тогда я разсмотрю ихъ и стану опровергать». Въ ожиданіи, пока сдѣлаютъ ей это, она объявила, что торжественно протестуетъ противъ обвиненій, которыя возведены на нее. «Я не отрицаю — прибавила она со вздохомъ — что желала свободы и серьёзно заботилась о томъ, чтобы получить ее: это было естественнымъ побужденіемъ; но призываю Бога во свидѣтели того, что я никогда не дѣлала заговоровъ противъ жизни королевы англійской и никогда не давала своего согласія на составленіе подобныхъ заговоровъ. Я признаюсь, что писала къ моимъ друзьямъ и просила ихъ помощи для того, чтобы вырваться изъ жалкихъ тюремъ, въ которыхъ девятнадцать лѣтъ меня удерживаютъ въ заключеніи; я признаюсь также, что часто писала въ защиту преслѣдуемыхъ католиковъ, для которыхъ я готова была бы пролить мою собственную кровь, еслибы этимъ могла избавить ихъ отъ угнетенія; но писемъ, представленныхъ противъ меня, я никогда не писала и не стала бы отвѣчать на опасныя намѣренія людей, доведенныхъ до отчаянія и неизвѣстныхъ мнѣ».

Ловкость, съ какою Марія Стюартъ защищалась, опровергая доказательства своей виновности со всѣхъ сторонъ, гдѣ они представляли возможность къ этому, принудила лорда-казначея Бёрлея возражать ей. Онъ изложилъ исторію заговора, опираясь на письма, которыя меньше всего можно было оспоривать; разсказалъ, основываясь на показаніяхъ Но и Кёрля, какимъ образомъ Марія Стюартъ вела свою тайную переписку и какъ она отвѣчала Бэбингтону; утверждалъ подлинность письма, которое отправляли Но и Кёрль, какъ они сами показали это, въ полученіи котораго

признался Бэбингтонъ, о которомъ знали Тичбёрнъ, Баларъ и Доннъ, и которое было написано знаками, ключъ къ которымъ найденъ какъ у Бэбингтона, такъ и въ ея бумагахъ; онъ утверждалъ, что соучастіе Маріи очевидно изъ самаго содержанія этого письма, вполнѣ согласнаго съ признаніемъ Бэбингтона и свидѣтельствомъ Но и Кёрля, что она не только знала о заговорѣ, но и дала на него свое согласіе. Сильные аргументы лорда-казначея не могли смутить смѣлый умъ королевы шотландской.

До нея мало касается, отвѣчала она, объясненіе Бэбингтона. Она не знаетъ его и не можетъ сказать, было ли то, что̀ выдавали за его признаніе, написано его рукою, или нѣтъ. Почему же не поставили ее на очную ставку съ нимъ до казни? Это было бы средствомъ узнать истину. Но, можетъ-быть, не хотятъ узнать ее? То же было и съ ея двумя секретарями, Но и Керлемъ. Безъ сомнѣнія, они еще находятся въ живыхъ; для чего же ихъ нѣтъ здѣсь, когда такимъ образомъ можно было бы удостовѣриться, рѣшатся ли они въ ея присутствіи утверждать то, что̀ показали безъ нея? Кёрль — человѣкъ простой, но честный, она не сомнѣвается въ этомъ. Секретарь Но способнѣе его, обладаетъ большими талантами, однакоже — хотя онъ былъ секретаремъ кардинала лотарингскаго, который ей рекомендовалъ его черезъ французскаго короля — она не увѣрена, чтобы страхъ наказанія и надежда награды не побудили его сдѣлать противъ нея ложное показаніе и вовлечь въ него Кёрля, изъ котораго онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ. Ея секретари, правда, писали ея письма и перелагали ихъ на цифры, но она нисколько не увѣрена въ томъ, что они не

включали туда вещей, которыхъ она вовсе не диктовала. Развѣ невозможно было, чтобы они получали письма къ ней, непередавая ихъ, и чтобы они отсылали безъ ея вѣдома другія отъ ея имени и написанныя знаками, какіе употребляла она? «Могутъ ли—прибавила она съ силою и достоинствомъ—могутъ ли признать меня, королеву, виновную на основаніи доказательствъ подобнаго рода? Не будетъ ли это свидѣтельствовать, что величество и неприкосновенность государей не значатъ ничего, если они должны будутъ защищать себя отъ писемъ и показаній своихъ секретарей? Я требую того преимущества, чтобы меня судили только на основаніи моихъ словъ и моихъ собственноручныхъ писемъ и я убѣждена, что въ нихъ не найдется ничего, свидѣтельствующаго противъ меня».

Во время этого спора Марія нѣсколько разъ энергически жаловалась на то, что не могла прибѣгнуть къ своимъ бумагамъ, которыя были украдены у нея. Она хотѣла даже обвинить Уэльсингэма въ подмѣнѣ азбуки употребляемыхъ ею знаковъ, и защитники этой несчастной королевы въ теченіе трехсотъ лѣтъ позорили этимъ обвиненіемъ память не слишкомъ совѣстливаго секретаря Елизаветы. «Чѣмъ могу быть я убѣждена—сказала она ему—въ томъ, что это тѣ знаки, которые употребляла я?» И потомъ, съ запальчивостью обращаясь къ нему, она прибавила: «Развѣ вы думаете, господинъ секретарь, что мнѣ неизвѣстны тѣ происки, которые вы вели противъ меня съ такою хитростью? Ваши шпіоны окружали меня со всѣхъ сторонъ; но вы, быть можетъ, не знаете, что нѣкоторые изъ нихъ дѣлали ложныя показанія и сообщили мнѣ объ этомъ. А если со мной поступали

такимъ образомъ, продолжала она, обращаясь ко всему собранію—то могу ли я быть убѣждена, что онъ не поддѣлалъ употребляемые мною знаки для того, чтобы привести меня къ осужденію на смерть? Развѣ онъ не составлялъ тайныхъ козней противъ моей жизни и противъ жизни моего сына?»

Это прямое и грозное нападеніе смутило Уэльсингэма, который немедленно поднялся и сказалъ съ большою энергіей: «Призываю Бога во свидѣтели, что я, какъ лицо частное, не сдѣлалъ ничего неприличнаго честному человѣку, ни какъ слуга моей государыни ничего, что́ было бы недостойно моего званія. Я объявилъ себя въ пользу обвиненія, такъ какъ меня очень заботитъ безопасность королевы и государства. Я со всевозможною тщательностью разслѣдовалъ всѣ интриги, направленныя противъ нихъ. Еслибъ этотъ измѣнникъ Баларъ оказалъ мнѣ свою помощь въ этомъ дѣлѣ, то я бы не отвергнулъ ея». Послѣ непродолжительныхъ разсужденій засѣданіе верховнаго суда было отложено на завтра.

На другой день Марія Стюартъ, защищаясь, уже не опровергала всего, какъ дѣлала это наканунѣ. Она снова отвергла юрисдикцію суда. Послѣ того она продолжала настоятельно поддерживать свою невинность. «Я желала—говорила она—принятія мѣръ къ безопасности католиковъ, но никогда не желала достиженія этихъ результатовъ путемъ крови и убійства. Я предпочла роль Эсѳири роли Юдиѳи и я лучше хотѣла ходатайствовать предъ Богомъ за народъ, нежели лишить жизни послѣдняго изъ народа». Однакожь она признала свои подлинныя письма къ Моргану, Пэджету и Мендозѣ, отъ которыхъ нельзя

было отпереться, и согласилась даже, что ея секретари, дѣйствуя согласно ея приказаніямъ, передали нѣкоторыя бумаги Бэбингтону. Она старалась доказать, что эти письма и бумаги относились единственно къ ея освобожденію и бѣгству, для которыхъ она должна была прибѣгнуть даже къ плану вторженія чужеземцевъ въ Англію. «Но—сказали ей юристы королевы—вы не могли прибѣгать къ подобнымъ средствамъ для своего освобожденія, не нарушивъ тѣмъ законовъ государства, въ которомъ находились, и не угрожая жизни королевы. Нападеніе на королевство и смерть королевы нераздѣльно соединены между собою, и за однимъ неминуемо слѣдуетъ другое. Уже чрезъ самый успѣхъ вторженія ея величество теряетъ и государство и жизнь». Хотя Марія Стюартъ не отрицала своего участія въ планѣ нападенія на Англію, въ который она была вовлечена жестокой необходимостью, и даже соглашалась, что имѣла намѣреніе передать англійское наслѣдство испанскому королю, однакожь она продолжала энергически отрицать проектъ покушенія на жизнь Елизаветы, постоянно отвергая свидѣтельство Бэбингтона, Но и Кёрля.

Въ этомъ новомъ спорѣ, гдѣ ея главнымъ противникомъ опять былъ Бёрлей, она выказала трогательное благородство. Желаніе защитить свое достоинство дѣлало ее краснорѣчивою, а сознаніе безвыходности своего положенія заставляло проливать слезы. «Какъ несправедливо—говорила она—поступаютъ со мною! Мои письма перерыты и ихъ смыслъ извращенъ; подлинники ихъ похищены у меня. Не обращено ни малѣйшаго вниманія на исповѣдуемую мною религію и на священное званіе королевы, которымъ я обле-

чена! Если для васъ, милорды, ничего не значатъ мои личныя чувства, то подумайте, по-крайней-мѣрѣ, о королевскомъ достоинствѣ, которое вы оскорбляете въ моемъ лицѣ; подумайте, какой примѣръ подаете вы!» Потомъ, взывая къ Богу и иностраннымъ государямъ противъ несправедливости обращенія съ ней, она вскричала: «Я вступила въ эту страну довѣряясь дружбѣ королевы англійской»—и, снявъ съ своего пальца перстень, который она показала своимъ судьямъ, прибавила: «Вотъ, милорды, залогъ любви и покровительства, полученный мною отъ вашей царственной повелительницы. Посмотрите на него хорошенько: въ немъ заключалась моя надежда, когда я явилась среди васъ. Вамъ лучше, чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно, какое уваженіе было оказано этому залогу!» Она требовала, чтобы ее выслушали въ полномъ собраніи парламента, или чтобы ей доставили свиданіе съ Елизаветою, и сказала въ заключеніе: «Какъ обвиненная, я прошу права имѣть адвоката, который защищалъ бы мое дѣло; какъ королева, я требуя, чтобы вѣрили моему королевскому слову».

Но она уже не являлась болѣе ни передъ коммиссарами, ни въ присутствіи палатъ, ни передъ лицомъ королевы. Коммиссары произнесли бы немедленно свой приговоръ, если бы ихъ не удержало тайное повелѣніе Елизаветы. Сообразуясь съ письмомъ этой королевы, нерѣшительность и медленность которой приводили въ раздраженіе нетерпѣливаго Уэльсигэма, коммиссары отложили приговоръ до собранія въ Вестминстерѣ, назначеннаго 25 октября. *Королева Замка*, какъ Бёрлей называлъ, въ насмѣшку, бѣдную плѣн-

пицу, была оставлена въ Фотрингэѣ подъ надзоромъ своего необходительнаго стража. 25 октября коммиссары собрались въ Звѣздной залѣ Вестминстера. Они возобновили изслѣдованіе дѣла и подвергли Но и Кёрля новому допросу въ своемъ присутствіи, выслушивая такимъ образомъ въ Фотрингэѣ обвиненную безъ свидѣтелей, а въ Вестминстерѣ—свидѣтелей безъ обвиненной.

Въ этомъ судопроизводствѣ, установленномъ противъ права и веденномъ съ полнымъ презрѣніемъ къ формамъ, вовсе не было очныхъ ставокъ. Секретари Маріи Стюартъ изустно подтвердили свои показанія и въ тотъ же день коммиссары единогласно произнесли приговоръ надъ несчастною королевой. Въ этомъ приговорѣ, подписанномъ всѣми присутствовавшими, было сказано, что съ перваго іюня двадцать-седьмаго года царствованія Елизаветы Антоніемъ Бэбингтономъ и другими были ведены различныя интриги съ вѣдома шотландской королевы, которая, изъявляя притязанія на англійскую корон, приняла участіе въ этихъ заговорахъ, имѣвшихъ уцѣлью ниспроверженіе и смерть королевы, ихъ повелительницы. Коммиссары, бывшіе искусными политиками и неумолимыми судьями; руководимые Бёрлеемъ, хотѣли сохранить доброе согласіе съ сыномъ, жертвуя матерью; они объявили, что ихъ приговоръ нисколько не вредить чести и правамъ шотландскаго короля, которому въ будущемъ они сохраняли надежду на тронъ Англіи, чтобы такимъ образомъ отвратить его отъ исполненія обязанностей приманкою личныхъ интересовъ.

Чрезъ нѣсколько дней англійскій парламентъ со-

брался въ Вестминстерѣ. Онъ подтвердилъ приговоръ, произнесенный надъ королевой шотландской, которую хитрая, но благоразумная Елизавета хотѣла погубить актомъ, имѣвшимъ видъ правосудія и народной воли. Лорды и члены палаты общинъ, соединяя признательность съ фанатизмомъ, преданность съ жестокостью, благодарили Провидѣніе и мудрость королевы, разстроившія заговоръ противъ жизни ихъ достойнѣйшей и милостивой королевы, безопасность которой составляла ихъ единственное счастье—заговоръ, который разрушилъ бы благосостояніе этого благороднаго королевства и подвергъ бы истинныхъ слугъ Всемогущаго и независимость этой прекрасной короны владычеству римской тиранніи. Они требовали, чтобы шотландская королева была наказана за этотъ гнусный заговоръ, а также и за тѣ, которые задуманы были ею прежде. «Не сдѣлавъ этого, говорили они Елизаветѣ, вы подвергнетесь гнѣву небесному и карѣ правосудія Божія, жестокіе примѣры которыхъ мы встрѣчаемъ въ книгахъ священнаго писанія».

Елизавета отвѣчала имъ, выражая при этомъ случаѣ глубокую благодарность къ милосердію Божію, такъ чудесно избавившему ее отъ столькихъ опасностей. Она, казалось, была тронута сердечною привязанностью своихъ подданныхъ, которые послѣ двадцати-восьми-лѣтняго царствованія ея выражали къ ней больше расположенія, чѣмъ въ день ея вступленія на тронъ. Она говорила о несчастной, чьей смерти отъ нея требовали, болѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ ненавистью, и окончила свою рѣчь словами: «Не принуждайте меня къ торопливости: это дѣло очень

важное; а я имѣю привычку долго разсуждать даже о незначительныхъ дѣлахъ, прежде чѣмъ приму какое нибудь рѣшеніе. Я буду просить Всемогущаго Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ мой разумъ и показалъ мнѣ, что́ можетъ служить ко благу его церкви, благоденствію моего народа и вашей собственной безопасности».

Чрезъ два дня послѣ того, волнуемая неопредѣленными мыслями и не рѣшаясь утвердить такой ужасный приговоръ, Елизавета послала въ верхнюю палату лорда-канцлера и предсѣдателя общинъ Пэккерлинга въ нижнюю съ просьбою къ той и другой пріискать какое-нибудь средство для предохраненія ея личной безопасности, пощадивъ жизнь шотландской королевы. Обѣ палаты снова обсудили этотъ вопросъ и 18 ноября единогласно отвѣчали, что королева англійская будетъ находиться въ опасности до-тѣхъ-поръ, пока Марія Стюартъ останется въ живыхъ; во-первыхъ, потому, что чистосердечнаго раскаянія со стороны послѣдней ожидать нельзя; во-вторыхъ, потому, что болѣе тѣсное заключеніе ея, при письменныхъ обязательствахъ и даже при выдачѣ заложниковъ, сдѣлается безполезнымъ въ случаѣ умерщвленія англійской королевы; а втретьихъ, потому, что ея удаленіе изъ государства неминуемо повлечетъ за собою вооруженное вторженіе въ Англію иностранцевъ. «Если справедливый приговоръ, произнесенный противъ нея—говорили двѣ палаты Елизаветѣ—не будетъ приведенъ въ исполненіе, то особа вашего величества остается въ большой опасности; религія не можетъ долго сохраняться между нами и цвѣтущему состоянію этого государства грозитъ близкая и пла-

чевная гибель. Оказывая ей пощаду, ваше величество не только поощряете дерзость враговъ Бога, вашей власти, вашего королевства, вы приводите въ уныніе и отчаяніе сердца вашего преданнаго народа и искушаете месть и кару Божію». Указавъ на самые страшные примѣры изъ древней и средней исторіи и изъ библіи, лордъ-канцлеръ и предсѣдатель нижней палаты Пэккерингъ, при представленіи своей королевѣ въ Ричмондскомъ замкѣ этой кровавой просьбы двухъ палатъ, молили небо склонить ея сердце къ исполненію ихъ справедливыхъ требованій.

Этого, безъ-сомнѣнія, и хотѣла Елизавета. Нетерпѣливо желать, но казаться дѣйствующею по принужденію—было для нея тѣмъ болѣе по душѣ, что она пріобрѣтала поддержку своихъ подданныхъ, сдѣлавшихся чрезъ это ея жаркими соучастниками и на нихъ же сваливала вину этой полезной жестокости. Однако же она еще не сдавалась и отвѣчала имъ съ запутанною двусмысленностью. Она сказала, что никогда во всю свою жизнь не была еще въ подобномъ затрудненіи и не знаетъ, говорить ей или молчать; что она желала бы спасти свою жизнь, не жертвуя для этого чужою; что ей кажется жестокимъ казнить такую великую государыню и допустить, чтобы палачъ омочилъ свои руки въ крови столь близкой ея родственницы. Распространившись потомъ объ опасностяхъ своего положенія, о злобѣ своихъ враговъ, о сомнѣніяхъ своего ума, о тревогахъ своего сердца, она отпустила ихъ съ словами: «Если я соглашусь на вашу просьбу, то этимъ, можетъ-быть, скажу болѣе, чѣмъ что́ я думаю о ней; если же я отвергну ее, то чрезъ это сама брошусь

въ опасность, отъ которой вы хотите меня избавить. Прошу васъ, примите мою благодарность и мои колебанія, и не сѣтуйте на отвѣтъ, который въ сущности нельзя назвать отвѣтомъ».

Несмотря на нерѣшимость, которую она дѣйствительно чувствовала, хотя и преувеличивала, и которая принадлежала столько же къ ея политикѣ, сколько и къ характеру, Елизавета послала въ Фотрингэй лорда Бэкгёрста и клерка совѣта Роберта Биля, для объявленія смертнаго приговора осужденной королевѣ. 10 сентября, войдя къ ней въ сопровожденіи Аміаса Полета и Дру-Друри, который тоже принадлежалъ къ стражѣ Маріи, они объявили этой королевѣ, которой спокойное мужество равнялось крайнему несчастію, что судьи произнесли надъ нею приговоръ; что палаты парламента утвердили его и сверхъ-того требуютъ его немедленнаго исполненія; и что она должна приготовляться къ смерти, такъ-какъ жизнь ея не совмѣстна съ жизнью ихъ государыни и съ сохраненіемъ ихъ религіи. Марія выслушала ихъ безъ малѣйшаго волненія и благодарила Бога, что ее считаютъ орудіемъ, годнымъ для возстановленія католической религіи и призываютъ къ пролитію за нее своей крови. Когда посланные Елизаветы возразили ей на это, что ей не удастся прослыть за святую и мученицу, потому-что она осуждена на смерть за составленіе заговора объ убійствѣ англійской королевы и о лишеніи ея престола, то она опять отвергла это обвиненіе. Съ кротостью и вмѣстѣ съ твердостью она отвергла также сдѣланное ей предложеніе—принять напутствіе англиканскаго епископа или декана,

и потребовала духовной помощи своего капеллана, съ которымъ она была недавно разлучена.

Съ этого дня, Полетъ, не уважая ея крайняго бѣдствія, сталъ поступать въ отношеніи къ ней съ наглою жестокостью. Онъ смѣло вошелъ въ ея комнату и сказалъ ей, что отнынѣ съ нею будутъ обращаться не какъ съ королевой, а какъ съ обыкновенной женщиной, приговоренной къ смерти, и приказалъ снять балдахинъ, украшенный ея гербами. Марія указала ему на распятіе, и съ достоинствомъ отвѣчала, что санъ королевы она получила отъ Бога и отдастъ его одному Богу, вмѣстѣ съ своею душою.

Считая себя близкою къ смерти и все еще не имѣя при себѣ капеллана, она писала къ нему, прося его разрѣшенія, благословенія и молитвъ. Вмѣстѣ съ спасеніемъ своей души она поручала Сиксту V духовные интересы своего сына; она передавала римскому первосвященнику свою собственную власть надъ юнымъ королемъ, прося его быть ему отцомъ и возвратить его къ вѣрѣ его предковъ; она выражала желаніе, чтобы сынъ ея, подъ руководствомъ папы, герцога Гиза и Филиппа II, сдѣлался достойнымъ войти въ семейство католическаго короля, женившись на его дочери. «Вотъ—продолжала она—печаль моего сердца и конецъ моихъ мірскихъ желаній... я повергаю ихъ къ стопамъ вашего святѣйшества, которыя униженно цѣлую».

Довѣренный посолъ, которому было поручено отвезти послѣ ея смерти это письмо къ Сиксту V, долженъ былъ также взять съ собою письма къ Мендозѣ, герцогу Гизу и архіепископу гласгоскому, врученныя уже около года спустя послѣ того. Во всѣхъ

ихъ вѣрная и мужественная Марія выказывала заботливость объ интересахъ католическаго дѣла, думала объ участи своихъ приверженцевъ, доведенныхъ до отчаянія, смотрѣла на свой конецъ съ христіанскимъ и вмѣстѣ съ геройскимъ самоотверженіемъ, и въ трогательно-нѣжныхъ словахъ прощалась съ своими друзьями. Она достигла до невѣдомой ей прежде степени кротости и ясности душевной. Краснорѣчивая попрежнему, она, однакоже, выражалась здѣсь безъ ненависти и запальчивости. Сердце ея оттолкнуло отъ себя всякую житейскую горечь и ея мысль приняла самый высокій религіозный полетъ. Она радовалась, что умираетъ за католическую вѣру. «Я довольна, говорила она, что проливаю кровь мою по желанію враговъ церкви». Она объявляла Мендозѣ, что сохраняетъ прежнія чувства относительно его государя и передаетъ свои права Филиппу II, если ея сынъ не возвратится къ истинной религіи. Прощаясь съ нимъ въ послѣдній разъ, она благодарила его за ревностную привязанность, которую онъ всегда питалъ къ ней. «Вы получите, говорила она ему, отъ меня, на память, подарокъ; это—алмазъ, который дорогъ для меня тѣмъ, что его подарилъ мнѣ покойный герцогъ Норфолькъ, въ залогъ своей вѣрности, и который я постоянно носила. Сохраните его ради любви ко мнѣ».

Она послала также рубиновое кольцо герцогу Гизу и въ письмѣ ея по этому случаю, съ изліяніями нѣжности перемѣшаны восторженные религіозные порывы: «Мой добрый кузенъ, писала она, вы, который для меня дороже всѣхъ въ мірѣ, я прощаюсь съ вами передъ смертью, на которую осуждена не-

справедливымъ приговоромъ... Никогда палачъ не обагрялъ рукъ своихъ нашею кровью, но не стыдитесь, мой другъ, этой казни, потому-что приговоръ еретиковъ и враговъ Церкви, неимѣющихъ никакого права суда надо мною, свободною королевой, полезенъ предъ Богомъ для чадъ ея; меня не постигла бы эта участь, если бы я пристала къ еретикамъ. Всѣ члены нашей фамиліи были преслѣдуемы этой сектой: примѣръ—вашъ отецъ, съ которымъ я надѣюсь быть принятою въ милость Праведнаго Судіи. Да будетъ благословенъ Богъ за все, и да ниспошлетъ вамъ силу—неуклонно служить его Церкви до гроба; и пусть никогда не выйдетъ изъ нашего племени та часть, что мы, какъ мужчины, такъ и женщины, отложивъ въ сторону всѣ мірскія заботы, готовы проливать свою кровь для поддержанія дѣла вѣры. Что касается меня, я считаю себя, какъ по отцу, такъ и по матери рожденною для жертвованія ей своею кровью, и не хочу измѣнить своему происхожденію».

Въ то же время она написала къ Елизаветѣ письмо, гдѣ въ слѣдующихъ патетическихъ выраженіяхъ высказывала ей свои послѣднія желанія: «Государыня, отъ всего моего сердца благодарю Бога за то, что ему угодно, посредствомъ вашего приговора, положить конецъ скучному странствованію моей жизни. Я не прошу продлить ее: я имѣла слишкомъ много времени на то, чтобы извѣдать всѣ ея горечи. Я умоляю ваше величество только о томъ, чтобы вы однѣ, а не кто другой, оказали мнѣ нижеслѣдующія благодѣянія, которыхъ я не должна ожидать отъ ревностныхъ министровъ, занимающихъ первыя степени въ государствѣ Англіи:

«Во-первыхъ—такъ-какъ мнѣ нельзя надѣяться на погребеніе въ Англіи по обрядамъ католической Церкви, которымъ слѣдовали прежніе короли, ваши и мои предки, а въ Шотландіи прахъ моихъ отцовъ подвергся насиліямъ и оскорбленіямъ — прошу васъ, чтобы, когда мои противники запятнаютъ себя моею невинною кровью, тѣло мое было перевезено моими слугами въ какую-нибудь святую землю, для погребенія, и преимущественно во Францію, гдѣ покоится прахъ моей почтенной матери, дабы это бѣдное тѣло, незнавшее покоя во все время своего союза съ душой, могло наконецъ обрѣсти его разлучась съ нею.

«Во-вторыхъ — изъ опасенія тиранніи людей, во власти которыхъ вы меня оставили—я прошу ваше величество, чтобы казнь моя была совершена не въ какомъ-нибудь скрытомъ мѣстѣ, но въ виду моихъ слугъ и другихъ лицъ, которые могли бы засвидѣтельствовать мою вѣрность и мое повиновеніе истинной Церкви и защитить остальныя минуты моей жизни и мои послѣдніе вздохи отъ ложныхъ слуховъ со стороны моихъ враговъ.

«Въ-третьихъ, я требую, чтобы моимъ слугамъ, которые служили мнѣ среди такихъ бѣдствій и съ такою ревностью, было дозволено свободно удалиться куда они пожелаютъ и воспользоваться незначительными отказами, которые моя бѣдность оставила имъ въ моемъ завѣщаніи.

«Заклинаю васъ, государыня, кровью Іисуса Христа, нашимъ родствомъ, памятью Генриха VII, нашего общаго дѣда, и титуломъ королевы, который я еще ношу до самой смерти, не отказать мнѣ въ столь основательныхъ просьбахъ и увѣрить меня въ

исполненіи ихъ, написавъ мнѣ одно слово вашею рукою; затѣмъ я умру—какъ жила—вашею любящею сестрой и плѣнницей.»

Это превосходное письмо, оставленное безъ отвѣта, можетъ быть, не дошло до королевы, которая болѣе чѣмъ когда-либо находилась теперь подъ вліяніемъ своей нерѣшимости. Она желала погубить Марію и не осмѣливалась. Весь свѣтъ былъ удивленъ и взволнованъ судомъ и приговоромъ надъ королевой. Изъ Франціи и изъ Шотландіи, — гдѣ нѣкогда царствовала Марія, гдѣ ея деверь и сынъ еще сидѣли на тронѣ, гдѣ находились ея ближайшіе родственники и самые преданные друзья—къ Елизаветѣ были отправляемы торжественныя посольства съ просьбами: пощадить жизнь шотландской королевы и съ угрозами въ случаѣ неисполненія ихъ.

Посланникъ Генриха III, Шатонёфъ, еще прежде вступался за нее, но напрасно. Елизавета отправила во Францію Уоттона съ засвидѣтельствованными копіями всѣхъ бумагъ, которыя, доказывая дѣйствительность и обширность заговора, соглашеніе Маріи Стюартъ съ королемъ испанскимъ и лигистами Франціи, лучше всего могли убѣдить Генриха и охладить его заступничество. Хотя этотъ государь, повидимому, не былъ далекъ отъ того, чтобы признать виновность своей невѣстки, но тѣмъ не менѣе онъ поручилъ Шатонёфу выразить все участіе, которое онъ принимаетъ въ ней. Въ ея продолжительномъ заключеніи онъ находилъ побудительную причину ея заговоровъ и ни за кѣмъ не признавалъ права судить ее и наказывать. Поэтому онъ повелѣлъ Шатонёфу просить Елизавету отъ имени его—какъ искреннѣй-

шаго ея друга и, кромѣ того, какъ человѣка, котораго честь замѣшана въ этомъ—оказать доброту и милость своей близкой родственницѣ.

Узнавъ объ осужденіи Маріи на казнь, онъ послалъ въ Англію Помпона де-Белльевра — сдѣлать попытку къ спасенію ея отъ смерти. Белльевръ прибылъ въ Лондонъ 1 декабря. Аудіенція, которой онъ просилъ на другой же день, была ему дана только 7 числа. Въ своей длинной рѣчи Белльевръ, ссылаясь на всевозможные примѣры изъ исторіи и на всѣ правила политики, чтобы склонить Елизавету къ оказанію бо̀льшаго милосердія, представилъ доводъ, который долженъ былъ убѣдить ее болѣе чѣмъ всѣ другіе. Намекнувъ на честолюбивые планы и тайныя желанія Филиппа II, онъ сказалъ ей: «Если другіе говорятъ, что повиновеніе вамъ католическихъ подданныхъ ослабляется надеждою на опору, которую они находятъ въ королевѣ шотландской, то ваше благоразуміе внушаетъ вамъ гораздо болѣе вѣрную мысль—что не должно слишкомъ бояться такой слабой опоры; и притомъ я скажу вамъ, государыня, — и въ истинѣ этого увѣрялъ меня одинъ очень почтенный человѣкъ — что министръ одного государя, который можетъ быть для васъ подозрительнымъ, говорилъ открыто, что для величія его государя было бы хорошо, если бы казнь шотландской королевы теперь уже была совершена, потому-что тогда партія англійскихъ католиковъ навѣрное перешла бы на сторону его государя».

Елизавета не была тронута ни совѣтами милосердія, ни доводами пользы, которые были предложены ей Белльевромъ. Она разразилась ругательствами

противъ Маріи Стюартъ и сказала Белльевру и Шатонёфу, «что она была принуждена къ принятому ею рѣшенію, потому-что ей невозможно иначе спасти свою собственную жизнь; но что если они укажутъ ей средство остаться въ безопасности, не предавая Марію казни, то она будетъ много обязана имъ за это.» Тотъ же самый отвѣтъ сдѣлали Белльевру, нѣсколько дней спустя, великій казначей Бёрлей, вице-камергеръ Гэттонъ и секретарь Уэльсингэмъ. Они сказали ему, что спасеніе одной есть погибель другой.

Столько же непреклонною осталась Елизавета и 15 декабря, когда Белльевръ и Шатонёфъ возобновили свои просьбы въ пользу Маріи Стюартъ. Она съ горячностью и громкимъ голосомъ жаловалась, что Генрихъ III не выполняетъ заключеннаго съ нею трактата, отказывая ей въ выдачѣ Моргана Пэджета, которой она требовала. Она кончила словами: «Вы не нашли средства сохранить жизнь королевы шотландской, не подвергая опасности мою, хотя на придуманіе этого я дала вамъ много дней: я не хочу быть жестокою къ себѣ самой и вашъ государь не долженъ находить справедливымъ, чтобы я, невинная, умерла, а королева шотландская, преступница, была спасена.»

Чтобы противопоставить требованіямъ иностранцевъ жаркую опору со стороны своего народа, Елизавета велѣла опубликовать на улицахъ Лондона приговоръ противъ Маріи Стюартъ. Графъ Пемброкъ, лордъ-мэръ и ольдермэны присутствовали при этомъ объявленіи, которое сопровождалось звономъ колоколовъ и самыми пылкими демонстраціями. Колокола

звонили двадцать четыре часа въ Лондонѣ и во всемъ королевствѣ были зажжены огни, въ знакъ одобренія и радости по этому случаю. Когда два посланника Генриха III увидѣли это народное ожесточеніе противъ несчастной Маріи, то стали бояться какъ бы ее не казнили, не дожидаясь болѣе. Они тотчасъ же стали просить Елизавету, отъ имени своего государя, отложить на нѣкоторое время исполненіе приговора. Елизавета дала имъ двѣнадцатидневную отсрочку, и они послали виконта Жанли, сына государственнаго секретаря Брюлара, къ Генриху III, чтобы предупредить его объ этомъ и сказать ему, что только его заступничество и вліяніе могутъ спасти теперь шотландскую королеву.

Генрихъ III приказалъ имъ употребить всѣ убѣжденія, чтобы возвратить Елизавету къ болѣе снисходительнымъ мыслямъ; объявить ей, что если она приведетъ въ исполненіе такой строгій и необычайный приговоръ, то это въ-особенности будетъ больно ему, не говоря уже объ общемъ оскорбленіи, которое этимъ будетъ нанесено другимъ королямъ и владѣтелямъ; наконецъ увѣрить ее, что онъ всею своею силою будетъ отнынѣ предохранять ее отъ подобныхъ нападеній и что родственники его невѣстки обяжутся отъ имени этой послѣдней, а равно поклянутся и за себя самихъ, что ни она сама, ни другой кто-либо за нее не предприметъ ничего противъ англійской королевы.

6 января Белльевръ отправился въ замокъ Гринвичъ, гдѣ королева проводила праздники Рождества Христова. Онъ заклиналъ ее уступить настояніямъ Генриха III и принять его предложенія, доказывая,

что, сохранивъ жизнь Маріи Стюартъ, она сама будетъ въ бо̀льшей безопасности: «Важнѣйшее правило хорошаго и счастливаго царствованія, сказалъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы воздерживаться отъ пролитія крови: одна кровь влечетъ за собою другую; казни обыкновенно сопровождаются послѣдствіями.» Онъ не довольствовался одними убѣжденіями, но присоединилъ къ нимъ и угрозы, думая подѣйствовать страхомъ. «Если же вашему величеству, прибавилъ онъ, не угодно будетъ принять въ уваженіе столь важные поводы и просьбы короля, нашего повелителя, то мы уполномочены сообщить вамъ, государыня, что онъ считаетъ это дѣло общимъ для всѣхъ королей и что невниманіе къ его просьбѣ онъ сочтетъ для себя особенно оскорбительнымъ.» Эти слова раздражили Елизавету и она, почти внѣ себѣ, отвѣчала ему: «Г. Белльевръ! уполномочены ли вы королемъ, моимъ братомъ, говорить со мною подобнымъ языкомъ?

— Да, государыня, отвѣчалъ Белльевръ, таково именно порученіе его величества.

— И вы имѣете, возразила она:—полномочіе на это, подписанное его рукой?

— Точно такъ. Государь, мой повелитель, вашъ августѣйшій братъ, именно уполномочилъ меня инструкціями за его собственноручною подписью, на такое предостереженіе.

— Я хочу имѣть съ нихъ копіи, вами удостовѣренныя, возразила она.

Белльевръ вручилъ ей копію съ предписанія, даннаго ему, и откланялся, потерявъ всякую надежду на успѣхъ. Елизавета отвѣчала ему только, что пошлетъ въ Парижъ посла, который прибудетъ туда не позже

его и увѣдомитъ короля о рѣшеніи дѣла шотландской королевы.

Белльевръ выѣхалъ изъ Лондона 13 января, а 16 онъ сѣлъ на корабль въ Дуврѣ; Елизавета почти въ то же время послала Генриху III,—котораго считала слишкомъ слабымъ, чтобы видѣть въ немъ надежнаго союзника или опаснаго врага — письмо, наполненное искусно-разсчитанными жалобами и самыми надменными упреками. Она спрашивала его, думаетъ ли онъ, что поступаетъ честно и подружески, стараясь такимъ образомъ невинную сдѣлать добычею убійцы. Она говорила ему, что вмѣсто того, чтобы благодарить ее за предохраненіе его отъ людей, которые довели бы его до погибели, онъ былъ столь ослѣпленъ, что послушался ихъ совѣтовъ и заставилъ ее выслушать отъ Белльевра такія выраженія, которыхъ она не можетъ хорошенько растолковать себѣ. «Выражать гнѣвъ на то, что я не оставляю ей жизни— прибавляла она — эта угроза непріятеля, которая, могу васъ увѣрить, никогда не устрашитъ меня; напротивъ, это самый короткій путь для того, чтобы заставить скорѣе уничтожить причину такого множества золъ.» Она просила объяснить ее посланнику, въ какомъ смыслѣ она должна принимать слышанныя ею слова. «Потому-что, продолжала она, я не потерплю, чтобы какой бы то ни было государь могъ похвалиться тѣмъ, что заставитъ меня вынести такое униженіе.»

Усилія шотландскаго короля въ защиту своей матери были не болѣе успѣшны. Когда французскій посланникъ Курсель прибылъ въ замокъ Фольлэндъ, гдѣ безчувственный Іаковъ VI проводилъ время въ

охотѣ — чтобы побудить его къ заступничеству за его мать передъ Елизаветою, король сначала обнаружилъ мало желанія взяться за это. Молодой государь—всѣми дѣлами котораго управлялъ лордъ Гамильтонъ, а чувствами руководилъ легкомысленный мастеръ Грэй, и котораго посланникомъ въ Лондонѣ былъ измѣнникъ Арчибальдъ Дугласъ — только и мечталъ о томъ, чтобы утвердить за собою наслѣдство англійскаго престола, и для этого старался сохранить дружественныя отношенія съ Елизаветою. Онъ поздравлялъ ее съ открытіемъ новаго заговора, и, услышавъ о печальномъ положеніи своей матери, онъ сказалъ съ жестокостію, что мать его нарушила обѣщанія, данныя англійской королевѣ, и что она должна теперь испить чашу, которую сама приготовила. Курсель, лордъ Гамильтонъ и Джорджъ Дугласъ, остававшійся неизмѣнно преданнымъ Маріи Стюартъ съ тѣхъ поръ, какъ освободилъ ее изъ замка Лочливна, представляли королю, хотя сначала и безуспѣшно, какъ онъ повредитъ себѣ, если безпрепятственно дозволитъ осудить и казнить свою мать.

Іаковъ VI, извѣщенный Елизаветою, чрезъ посланника Роберта Биля о всемъ, что̀ замышляла противъ него Марія Стюартъ съ Клавдіемъ Гамильтономъ и испанскимъ королемъ,—отвѣчалъ, что мать его и къ нему расположена не лучше, чѣмъ къ англійской королевѣ; что она хотѣла оставить ему одни только владѣнія Дарнлея, лишить его королевства и дать Шотландіи регента; что англійская королева, какъ онъ убѣжденъ, не посягнетъ на личность его матери, не извѣстивъ его объ этомъ, и что мать его отнынѣ не должна ни во что̀ вмѣшиваться, а только мо-

литься Богу. Онъ не захотѣлъ ни послать кого-нибудь въ Лондонъ, ни написать къ Елизаветѣ въ пользу матери. Правда, онъ не вѣрилъ опасности. Шотландское дворянство, негодовало; оно не хотѣло переносить подобнаго обращенія Елизаветы съ ихъ прежней королевой, тѣмъ болѣе, что въ немъ высказывалось оскорбительное для ихъ страны первенство Англіи; сильнѣйшіе бароны, въ томъ числѣ Ангусъ, Клавдій Гамильтонъ, Гэнтли, Ботвель и Геррисъ объявили, что они предпочитаютъ взяться за оружіе и подвергнуться случайностямъ войны.

Когда назначеніе суда надъ Маріею Стюартъ заставило опасаться ея казни, почти вся Шотландія взволновалась и Іаковъ VI рѣшился послать въ Лондонъ Уильяма Кейта, отправивъ съ нимъ письмо къ Елизаветѣ, въ выраженіяхъ довольно твердыхъ, и грозную ноту къ Уэльсингэму. Кейтъ получилъ предписаніе присоединить свой голосъ къ голосу пословъ Франціи въ защиту матери своего короля. Онъ исполнилъ это порученіе въ точности, но безъ успѣха. Увѣдомивъ Іакова VI о безнадежномъ состояніи дѣла, онъ получилъ отъ короля письмо, наполненное на этотъ разъ чувствами сына и угрозами монарха. Онъ тотчасъ отправился съ этимъ письмомъ къ Елизаветѣ, которая, читая его, пришла въ сильнѣйшее раздраженіе и хотѣла прогнать Кейта отъ себя. На другой же день она отвѣчала молодому государю съ выраженіемъ высокомѣрнаго негодованія; онъ не выдержалъ смѣлаго тона и послалъ къ Елизаветѣ Грэя и Роберта Мельвиля съ малодушными извиненіями.

Въ новыхъ инструкціяхъ, данныхъ своимъ посламъ, Іаковъ VI ограничился требованіемъ, чтобы мать его

отнынѣ строгимъ заключеніемъ и крѣпкимъ надзоромъ поставлена была въ невозможность вредить Елизаветѣ. И, хотя собравшійся парламентъ побуждалъ Іакова VI объявить, что онъ сдѣлаетъ нападеніе на Англію, если сдѣлано будетъ покушеніе на жизнь плѣнной королевы, король отказался отъ этого. Онъ не постыдился даже признаться графу Ботвелю и рыцарю Ситону, что если бы мать его и была казнена, то онъ все-таки не разорветъ сношеній съ Елизаветою, лишь бы только она не вздумала лишить его права на наслѣдованіе Англіей. Этотъ молодой коронованный софистъ, лишонный и благородства, и сердца, имѣлъ смѣлость утверждать за столомъ, что происхожденіе налагаетъ меньше обязанностей въ отношеніи къ родителямъ, чѣмъ дружба въ отношеніи къ союзникамъ, приготовляясебя такими цинически-ми разсужденіями къ тому, чтобы пожертвовать, какъ онъ выражался, сыновними чувствами обязанностямъ короля. Такая извращенность чувствъ сдѣлалась извѣстна народу, который ропталъ при встрѣчѣ съ королемъ, когда послѣдній выходилъ изъ дворца.

Іаковъ VI-й оставилъ свою мать, поручивъ защиту ея Грэю, который не могъ считать себя безопаснымъ, пока будетъ жива королева, которой онъ измѣнилъ. Онъ писалъ уже къ Уэльсингэму, что лучше было бы умертвить ее ядомъ, чѣмъ казнить публично. Прибывъ въ Лондонъ въ то самое время, когда Белльевръ уѣзжалъ, Грэй публично высказывалъ себя защитникомъ Маріи, но тайно дѣйствовалъ противъ нея. Онъ часто говорилъ Елизаветѣ, что «мертвая не кусается» и думалъ только о томъ, чтобы сохранить для своего молодаго повелителя англійское наслѣд-

ство. Вмѣстѣ съ Робертомъ Мельвилемъ, старанія котораго въ защиту своей прежней повелительницы были честны, хотя и безполезны, онъ просилъ, чтобы право на это наслѣдство было признано за сыномъ чрезъ устраненіе матери. «Какъ это можно!—возразила Елизавета: — она объявлена неспособною и потому не можетъ ничего передать.»

«Если она не имѣетъ правъ, замѣтилъ Грэй, то вашему величеству нечего ея опасаться; если же она имѣетъ права, то ваше величество позвольте только, чтобы она передала ихъ сыну, который отъ этого будетъ пользоваться полнымъ титуломъ вашего наслѣдника». Ни одно предложеніе не могло сильнѣе возбудить въ Елизаветѣ завистливую недовѣрчивость и раздражить ее; поэтому она разгнѣваннымъ голосомъ вскричала: «Какъ! не успѣть освободиться отъ одной и вмѣсто нея найти другаго, худшаго? Но этимъ я поставлю себя еще въ болѣе жалкое положеніе, чѣмъ то, въ которомъ находилась прежде. Ради Бога! вѣдь это то же, что̀ самой себѣ рѣзать горло; а вы и подобные вамъ готовы за герцогство или графство подослать кого-нибудь изъ своихъ отчаянныхъ негодяевъ, чтобы убить меня. Нѣтъ, клянусь Богомъ, государь вашъ никогда не будетъ на этомъ мѣстѣ!» Она съ гнѣвомъ вышла и не хотѣла согласиться ни на какую отсрочку казни шотландской королевы.

Болѣе разгнѣванная, чѣмъ встревоженная представленіями двухъ королей, Елизавета, однако, нѣкоторое время была въ нерѣшимости. Но скоро она увидѣла, что ей нечего бояться двухъ слабыхъ государей, которыхъ подданные враждовали между собою, изъ которыхъ одинъ боялся за свое наслѣдство, дру-

гой—за собственную безопасность, и которые, навѣрно, терпѣливо перенесутъ вѣсть о казни, которой они столько старались помѣшать. Чтобы лучше достигнуть этого, Елизавета съ коварнымъ легковѣріемъ и притворнымъ ужасомъ схватилась за призракъ новаго заговора на ея жизнь, о которомъ объявили, замѣшивая въ него французскаго посланника, люди, имѣвшіе необычайную дерзость сдѣлать послѣднему это предложеніе.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Белльевра, Стэффордъ, братъ англійскаго посланника въ Парижѣ, мать котораго двадцать три года была статсъ-дамою Елизаветы, и сестры котораго также находились при ней, явился къ Шатонёфу. Это былъ молодой человѣкъ, пользовавшійся дурной славой, жившій безпорядочно и въ нуждѣ. Онъ объявилъ, что̀ нѣкто Мооди, заключенный за долги, имѣетъ сообщить французскому посланнику нѣчто, касающееся дѣла шотландской королевы, и предложилъ провести къ нему въ Ньюгэтъ секретаря Кордайльо̀. Шатонёфъ, который диктовалъ въ это время Кордайльо̀ депеши, имѣлъ неосторожность послать состоявшаго при посольствѣ Детраппа, къ Мооди, который, въ присутствіи Стэффорда сдѣлалъ самое преступное предложеніе, состоявшее въ томъ, что если французскій посланникъ заплатитъ 120 экю, за которые Мооди содержится въ тюрьмѣ, то послѣдній, по освобожденіи, берется умертвить Елизавету.

Это предложеніе было отвергнуто Детраппомъ, который тотчасъ удалился изъ Ньюгэта, и Шатонефомъ, который запретилъ Стэффорду даже являться въ посольство. Стэффордъ, не успѣвъ получить отъ посла 100 экю, которые онъ просилъ, чтобы уплатить дол-

ги и бѣжать на континентъ, сталъ обвинять посла въ намѣреніи составить заговоръ для умерщвленія Елизаветы, и спасенія королевы шотландской. Англійское правительство было, или притворялось въ чрезвычайномъ негодованіи. Детраппъ былъ посаженъ въ тюрьму, депеши Шатонёфа перехвачены, самъ Шатонёфъ былъ позванъ къ суду передъ Лейстеромъ, Бёрлеемъ, Гэттономъ и Дэвисономъ, которые обвиняли его по меньшей мѣрѣ въ томъ, что онъ зналъ о злоумышленіи на жизнь ихъ королевы, но не открылъ этого; и Елизавета отправила во Францію Уэда, чтобы донести Генриху III, что посолъ его виновенъ въ преступныхъ противъ нея замыслахъ. Въ то же время она приказала запереть порты Англіи, которая нѣсколько недѣль за тѣмъ оставалась безъ сообщенія съ континентомъ. Среди волненія, возбужденнаго открытіемъ вымышленнаго заговора, когда распространялись самые безпокойные слухи—то о высадкѣ испанцевъ, то̀ о прибытіи герцога Гиза съ арміею въ графство Сэссексъ, то̀ о замыслѣ въ Фотрингеѣ, то о возмущеніи сѣверныхъ графствъ, — тайный совѣтъ собирался много разъ, чтобы побудить королеву къ скорѣйшему повелѣнію исполнить смертный приговоръ надъ ея плѣнницей.

Елизавета не поддавалась настояніямъ Лейстера, Бёрлея и Уэльсингэма, но она сдѣлалась разсѣянною и мрачною. Она забывала свои обыкновенныя удовольствія, искала уединенія и шептала часто про-себя ужасныя слова. Слышали какъ произносила она латинское изреченіе, выражавшее ея душевное безпокойство: aut fer aut feri; ne feriare, feri (нужно разить, чтобы не быть сраженнымъ; если не поразишь, то

самъ будешь пораженъ). Она хотѣла, чтобы тайнымъ убійствомъ избавили ее отъ отвѣтственности за офиціальную казнь. Она внушала своимъ министрамъ, что они должны умертвить Марію, избавивъ ее отъ жестокой необходимости дать на это приказъ, и упрекала ихъ, что они слишкомъ много обѣщали, давая пресловутую клятву союза и ничего не сдѣлавъ для ея защиты. Но ея министры отказывались подвергнуться отвѣтственности, которую она не рѣшалась взять на себя; они знали хорошо, что она отступится отъ нихъ на другой же день послѣ того, какъ будетъ исполнено ея желаніе, и даже казнитъ ихъ, чтобы сложить на нихъ всю гнусность убійства, выгодами котораго она хотѣла воспользоваться, не подвергаясь порицанію за него. Королева, увидя, что министры глухи къ ея внушеніямъ, рѣшилась дѣйствовать сама.

1-го февраля секретарь Дэвисонъ, которому она сообщила о своемъ желаніи чрезъ лорда-адмирала Говарда, явился къ ней въ десять часовъ утра съ повѣленіемъ о казни, которое было заранѣе сочинено великимъ казначеемъ Бёрлеемъ. Она взяла его въ руки, прочла, спросила перо и съ рѣшимостью подписала, приказавъ Дэвисону, чтобы онъ отдалъ его государственному канцлеру для приложенія печати. Она требовала хранить это въ возможной тайнѣ и прибавила въ видѣ шутки: «впрочемъ, покажите Уэльсингэму, я боюсь, чтобы его не убила неожиданность удара». Она запретила исполнить казнь публично, назначила мѣстомъ ея большую залу въ Фотрингэѣ, а не во дворѣ замка, и отослала Дэвисона, запретивъ ему говорить ей объ этомъ предметѣ, на счетъ котораго она не же-

лаетъ больше, чтобы ее безпокоили, такъ-какъ она сдѣлала все, что̀ требовалось закономъ и разсудкомъ.

Въ то время, какъ Дэвисонъ собирался уйти, Елизавета удержала его и стала жаловаться на Аміаса Полета и на тѣхъ, которые могли бы облегчить для нея это бремя. Она прибавила, что еще есть средство избавить ее отъ тяжелой необходимости, если онъ и Уэльсингэмъ напишутъ къ Аміасу, чтобы попытать его на счетъ этого предмета. По недостатку ли совѣстливости, или по излишеству повиновенія, Дэвисонъ не возражалъ противъ этого ужаснаго предложенія и тотчасъ же сообщилъ о немъ Уэльсингэму, показавъ ему актъ, подписанный королевою. Въ тотъ же день они написали въ Фотрингэй, — и въ этотъ вѣкъ, когда убійство не было отвергаемо ни одною сектою, не было противно никакой политикѣ, два министра могущественнѣйшей королевы осмѣлились предложить отъ ея имени стражамъ Маріи Стюартъ лишить свою плѣнницу жизни тайнымъ образомъ. Вотъ возмутительное и гнусное письмо, которое они сообща написали Полету и Друри:

«....Изъ словъ, недавно произнесенныхъ ея величествомъ, мы заключаемъ, что она считаетъ васъ недостаточно ревностнымъ и старательнымъ... такъ-какъ вы не нашли сами (безъ посторонняго побужденія) никакого средства отнять жизнь у этой королевы, во вниманіе къ тѣмъ опасностямъ, которымъ постоянно подвергается ея величество, пока будетъ жива сказанная королева. Не говоря о недостаткѣ привязанности къ ней, ея величество замѣчаетъ также, что вы не заботитесь о собственной безопасности или, скорѣе, о сохраненіи религіи, общественнаго блага и счастія ва-

шего отечества такъ, какъ этого требуютъ разсудокъ и политика. Совѣсть ваша была бы спокойна передъ Богомъ и ваша репутація неприкосновенна передъ людьми, потому-что вы дали торжественную клятву *союза* и что, сверхъ-того, поступки этой королевы ясно свидѣтельствуютъ противъ нея. По этой причинѣ ея величество чувствуетъ большое неудовольствіе отъ того, что люди, которые говорятъ о привязанности къ ней, подобно вамъ, не исполняютъ своихъ обязанностей и стараются сложить на нее тяжесть этого дѣла, хотя знаютъ объ ея отвращеніи къ пролитію крови, особенно крови лица одинаковаго съ нею пола и званія, и притомъ столь близкой родственницы.

«Мы видимъ, что эти разсужденія очень безпокоятъ ея величество, которая, увѣряемъ васъ, нѣсколько разъ высказывала, что она никогда не согласилась бы на пролитіе крови этой королевы, если бы не обращала бо́льшаго вниманія на опасности, которымъ подвергаются ея вѣрные подданные и добрые слуги, чѣмъ на свои собственныя. Мы считаемъ необходимымъ извѣстить васъ объ этихъ словахъ, произнесенныхъ недавно ея величествомъ, и представить ихъ вашему благоусмотрѣнію. Затѣмъ поручаемъ васъ покровительству Всевышняго. Ваши истинные друзья.»

Письмо это, которое Дэвисонъ просилъ по прочтеніи сжечь, получено въ Фотрингэѣ 2 февраля вечеромъ. Часъ спустя, Полетъ, мрачный фанатикъ, грубый тюремщикъ, но не низкій убійца, отвѣчалъ Уэльсингэму въ выраженіяхъ глубокой скорби и сдержаннаго негодованія: «Получивъ вчерашнее письмо ваше сегодня въ пять часовъ пополудни, я поспѣшилъ, по

вашему приказанію, отвѣчать вамъ съ возможной скоростью. Я отвѣчаю вамъ съ глубокою скорбію, видя себя столь несчастнымъ, что дождался дня, когда по повелѣнію моей всемилостивѣйшей государыни я избранъ для совершенія дѣла, которое запрещено Богомъ и закономъ. Мое имущество, мѣсто и жизнь находятся въ распоряженіи ея величества, и я готовъ завтра же отъ нихъ отказаться, если на то будетъ ея воля, сознавая, что я пользуюсь ими единственно по ея благосклонной милости; я не желаю обладать всѣмъ этимъ безъ ея воли. Но Богъ да сохранитъ меня отъ такого жалкаго крушенія моей совѣсти и избавитъ потомство мое отъ пятнающаго нареканія въ томъ, что я пролилъ кровь безъ уполномочія закона и безъ публичнаго акта. Надѣюсь, что ея величество, по врожденному своему милосердію, приметъ въ хорошую сторону мой честный отвѣтъ».

Королева Елизавета, когда Дэвисонъ представилъ ей это благородное письмо, прочла его съ выраженіемъ живѣйшаго неудовольствія и произнесла съ гнѣвомъ: «Я презираю этихъ говоруновъ, этихъ высокопарныхъ и запальчивыхъ людей, которые обѣщаютъ все, а не дѣлаютъ ничего и все бремя сбрасываютъ на мои плечи!» — Не оставалось другаго средства, кромѣ публичной казни. Актъ, заключавшій въ себѣ повелѣніе о ней, подписанный королевою, съ приложеніемъ государственной печати, былъ препровожденъ въ тайный совѣтъ, члены котораго, не говоря уже болѣе Елизаветѣ объ этомъ дѣлѣ, рѣшились исполнить приговоръ подъ собственною отвѣтственностію. Они отправили этотъ актъ при письмѣ за

подписью: Берлея, Лейстера, Гэнсдона, Ноллиса, Уэльсингэма, Дерби, Говарда, Кобгэма, Гэттона и Дэвисона къ графамъ Шрусберри и Кенту, которымъ поручили присутствовать при совершеніи казни осужденной королевы. Съ этими двумя бумагами Биль отправился въ Фотрингэй, для исполненія печальнаго порученія.

Въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, протекшихъ отъ подписанія приговора до повелѣнія о совершеніи казни, Марія Стюартъ оставалась въ безпокойномъ ожиданіи. Ей возвратили на время духовника ея, Прео, отдали деньги, захваченныя въ Чартлеѣ вмѣстѣ съ ея бумагами; но эта благосклонность, соединенная съ зловѣщимъ молчаніемъ, заставила ее опасаться внезапной тайной смерти, похожей на ту, какою погибъ недавно графъ Нортэмберлэндъ въ Лондонской башнѣ. Сверхъ-того, она опасалась такой кончины, которая, будучи покрыта неизвѣстностью, не позволила бы ей обнаружить истинныхъ чувствъ своей души. Предвидя, что ей угрожаетъ страшный замыселъ, но не подозрѣвая настоящей виновницы его, она просила помощи у Елизаветы, которая сама придумала его, противъ Полета, который его отвергъ. 19 декабря 1586 г. она послала англійской королевѣ послѣднее письмо, въ которомъ просила не допускать казни безъ своего собственнаго повелѣнія, позволить ея служителямъ присутствовать при ея смерти, чтобы они были свидѣтелями ея вѣрности и повиновенія католической Церкви, и позволить имъ тайно унести ея тѣло. Она оканчивала письмо, какъ-бы призывая Елизавету передъ судъ Божій. «Не обвиняйте меня въ дерзости, писала она, если, покидая

этотъ міръ и приготовляясь къ другому—лучшему, я вамъ напомню, что нѣкогда и вы дадите отчетъ въ вашихъ дѣлахъ, также какъ и тѣ, которые будутъ туда посланы прежде».

Таковы были безпокойства Маріи Стюартъ, когда Робертъ Биль прибылъ въ Фотрингэй, 5 февраля. Онъ привезъ съ собою палача изъ Лондона и, сообщивъ Полету и Друри предписаніе королевы и волю совѣта, отправился къ графамъ Кенту и Шрусберри, чтобы представить имъ приказъ королевы, которымъ повелѣно имъ исполнить казнь 8 числа утромъ. Оба графа, секретарь тайнаго совѣта и шерифъ графства Нортэмптонъ, отправились въ Фотрингэй, куда прибыли 7 числа прежде полудня. При видѣ этого необыкновеннаго собранія, бѣдные служители шотландской королевы пришли въ неописанное волненіе, все еще сомнѣваясь въ несчастіи, которое ихъ ожидало. Что касается Маріи, то она въ это время лежала больная, вслѣдствіе обыкновенныхъ ея недуговъ.

Около двухъ часовъ два графа просили позволенія говорить съ нею: она послала сказать, что она нездорова, но что приметъ ихъ, если дѣло очень нужное. Получивъ отвѣтъ ихъ, что дѣло не терпитъ отлагательства, она одѣлась и, усѣвшись передъ маленькимъ рабочимъ столикомъ у кровати, ожидала ихъ съ видомъ величайшаго спокойствія. Ея дамы и бо̀льшая часть ея служителей стояли подлѣ нея. Великій маршалъ Англіи, сопровождаемый графомъ Кентомъ, Билемъ, Полетомъ и Друри вошелъ съ непокрытою головою и, почтительно поклонясь ей, сказалъ, что приговоръ, который объявилъ ей лордъ Бэкгерстъ два съ половиною мѣсяца тому назадъ, долженъ быть

нынѣ исполненъ, къ чему королева, ихъ повелительница, принуждена настояніями своихъ подданныхъ. Марія выслушала его безъ смущенія, и затѣмъ Биль прочелъ ей конфирмацію казни.

Когда чтеніе было окончено, она перекрестилась. «Благодарю Бога, сказала она, за вѣсть, которую вы мнѣ приносите. Для меня ничто не можетъ быть лучше, потому-что она возвѣщаетъ мнѣ конецъ моихъ несчастій и милость Божію, удостоившую меня умереть за славу Его имени и за Его католическую, апостольскую римскую Церковь. Я не ожидала для себя столь счастливой кончины послѣ такого обхожденія со мною и при такихъ опасностяхъ, какимъ я была подвержена въ этой странѣ, въ теченіи девятнадцати лѣтъ; я, рожденная королевой, дочь короля, внука Генриха VII, близкая родственница королевы англійской, вдовствующая королева французская была заключена въ темницу безъ законной причины, несмотря на то, что я не завишу ни отъ кого и, кромѣ Божьей, не признаю надъ собою ничьей власти въ этомъ мірѣ». Почитая себя жертвою своей вѣры, она ощущала чистую радость мученицы и сохранила до конца спокойное мужество. Она снова опровергала обвиненіе въ желаніи умертвить Елизавету, и, положивъ руку на евангеліе, находившееся на ея столикѣ, произнесла торжественно: «я никогда не замышляла ничего противъ жизни англійской королевы и никогда не давала своего согласія на подобный умыселъ.»

На это графъ Кентъ съ фанатическою грубостью возразилъ, что книга, надъ которой она клялась, есть книга папистовъ, и что ея клятва не имѣетъ значенія...» «Это книга, въ которую я вѣрую, прервала его Марія:

думаете ли вы, что моя клятва была бы искреннѣе если бы я произнесла ее надъ вашею книгою, въ которую не вѣрую?» Графъ Кентъ убѣждалъ ее отказаться отъ того, что̀ называлъ онъ ея суевѣріемъ, и предложилъ ей содѣйствіе протестантскаго декана изъ Петерборо, который наставитъ ее въ истинной вѣрѣ и приготовитъ ее къ смерти. Марія энергически отвергла это предложеніе, которое оскорбляло ея вѣрованія и просила, чтобъ ей возвратили ея духовника, котораго уже давно удалили отъ нея опять. Графы были столь жестоки и безсовѣстны, что отказали въ этомъ духовномъ утѣшеніи королевѣ, которая готовилась къ смерти. Они не хотѣли также дать ей небольшую отсрочку, которой она просила, чтобы тщательнѣе написать свое завѣщаніе и сдѣлать свои послѣднія распоряженія. Тогда Марія спросила, въ которомъ часу назначена ея казнь. «Завтра въ восемь часовъ утра», отвѣчалъ ей графъ Шрусберри.

По уходѣ обоихъ графовъ Марія утѣшала своихъ служителей, которые обливались слезами. Она велѣла поскорѣе подать себѣ ужинъ, чтобы цѣлую ночь писать и молиться. По обыкновенію, она ѣла мало, Бургойнъ, ея медикъ, прислуживалъ ей за столомъ, такъ-какъ ея домоправитель, Андру Мельвиль, былъ удаленъ вмѣстѣ съ духовникомъ. Она говорила о желаніи графа Кента обратить ее въ протестантство и сказала съ улыбкою, что для убѣжденія ея нуженъ былъ бы не такой ученый. Къ концу ужина она позвала всѣхъ своихъ служителей; наливъ въ рюмку вина, она выпила за ихъ здоровье и съ выраженіемъ ласки предложила имъ сдѣлать то же. Они стали на

колѣни и со слезами на глазахъ отвѣчали на ея тостъ, прося у ней прощенія за непріятности, какія могли ей причинить. Она отвѣчала, что прощаетъ ихъ отъ всего сердца и съ своей стороны просила ихъ простить ей неудовольствія, которыя она могла нанести имъ. Она увѣщевала ихъ остаться твердыми въ католической вѣрѣ, жить въ мирѣ и дружбѣ другъ съ другомъ. Только о секретарѣ Но она говорила съ горечью, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ виновникомъ раздоровъ между ними и причиною ея смерти. Затѣмъ она удалилась и писала впродолженіе нѣсколькихъ часовъ собственною рукою письма и свое завѣщаніе, главнымъ исполнителемъ котораго назначала герцога Гиза. Такъ-какъ бо̀льшая часть завѣщанныхъ ею подарковъ могли быть выданы только изъ вдовьей части ея, которая возвращалась со смертью ея къ французскому королю, то она настоятельно просила Генриха III исполнить ея послѣднія распоряженія. «Вы всегда говорили, что любите меня, писала она ему,—покажите это теперь, пособивъ мнѣ въ томъ, чего я не могу сдѣлать безъ васъ: вознаградить моихъ опечаленныхъ слугъ, сохранивъ имъ жалованье, и тѣмъ обязавъ ихъ молиться о королевѣ, которая называлась христіаннѣйшею и умерла католичкою, лишившись всего своего достоянія.»

Когда она кончила писать, было уже около двухъ часовъ утра. Она положила въ ящикъ свое завѣщаніе и свои письма незапечатанными, говоря, что не хочетъ больше заниматься мірскими дѣлами и должна думать о томъ, ка̀къ предстать предъ судъ Божій. Она послала письмо къ своему духовнику, который былъ въ замкѣ, прося его провести, подобно

ей, ночь въ молитвѣ и прислать ей свое разрѣшеніе, такъ-какъ ей не дозволили исповѣдаться у него и пріобщиться св. таинъ. Затѣмъ она велѣла себѣ умыть ноги и искала въ житіи святыхъ, которыя читались ей прислужницами каждый вечеръ, примѣра грѣшника, прощеннаго Богомъ. Она остановилась на трогательной исторіи покаявшагося разбойника, которая показалась ей наиболѣе утѣшительнымъ примѣромъ человѣческаго упованія и божескаго милосердія. Читала —Анна Кѐннеди. «Это былъ великій грѣшникъ, сказала Марія, но не такой, какъ я; молю нашего Владыку, во имя Его страстей, помянуть и простить меня, подобно разбойнику въ часъ его смерти».

Чувствуя нѣкоторое утомленіе и желая подкрѣпить свои силы для послѣдней минуты, она легла. Прислужницы продолжали молиться и во время этого послѣдняго земнаго сна хотя глаза ея были закрыты, видно было по легкому движенію ея губъ и по свѣтлому выраженію лица, что мысли ея направлялись къ Тому, на Которомъ теперь остановились всѣ ея надежды. Съ разсвѣтомъ она встала и сказала, что ей остается жить еще два часа. Она выбрала одинъ изъ платковъ своихъ съ золотою бахромой, чтобы завязать себѣ глаза на эшафотѣ, и одѣлась съ суровымъ великолѣпіемъ. Собравши своихъ служителей, она дала Бургойну прочесть имъ завѣщаніе, которое она подписала; вручила имъ письма, бумаги и подарки, которые они должны были передать ея роднымъ и друзьямъ на континентѣ. Еще съ вечера она распредѣлила между ними свои кольца, драгоцѣнныя вещи, мебель, платье; теперь она раздала каждому приготовленные для нихъ кошельки, въ которыхъ

находились по небольшимъ частямъ остававшіеся у ней пятъ тысячъ экю. Къ этимъ подаркамъ она, съ трогательною добротою и съ граціей, непокидавшей ея даже въ этотъ часъ, прибавляла свои утѣшенія и подкрѣпляла бодрость слугъ своихъ для перенесенія горести, въ которую они будутъ повергнуты ея смертью. «Незамѣтно было въ ней, говоритъ одинъ очевидецъ, никакой перемѣны ни въ лицѣ, ни въ рѣчи, ни въ движеніяхъ, какъ-будто она давала приказанія по дѣламъ своимъ, намѣреваясь переѣхать на жительство въ другой домъ».

Послѣ этихъ послѣднихъ заботъ, посвященныхъ земнымъ предметамъ, она отправилась въ молельню, гдѣ возвышался алтарь, на которомъ ея духовникъ, прежде чѣмъ его удалили, тайно служилъ мессу. Она стала на конѣни передъ этимъ алтаремъ и стала читать съ большимъ жаромъ отходную. Она не кончила еще чтенія, какъ постучались у дверей. Она велѣла отвѣчать, что сейчасъ будетъ готова и продолжала молиться. Спустя немного времени, когда пробило восемь часовъ, снова послышался стукъ въ дверь: на этотъ разъ ее отворили. Вошелъ шерифъ, съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ, приблизился къ Маріи, которая не поворачивала головы и сказалъ ей только слѣдующія слова:—«Государыня, лорды ожидаютъ васъ и послали меня къ вамъ».—«Да, отвѣчала она, вставая, пойдемъ».

Въ то время, какъ она уходила, Бургойнъ подалъ ей распятіе изъ слоновой кости, бывшее на алтарѣ; она поцѣловала его и просила нести передъ нею. Такъ-какъ она не могла идти твердо сама, по слабости въ ногахъ, то ее поддерживали двое слугъ до

выхода изъ комнатъ. Здѣсь эти бѣдные люди, по какой-то особенной деликатности, не хотѣли казаться ведущими ее на казнь и передали ее въ руки двухъ служителей Полета, а сами съ плачемъ пошли сзади. Когда они дошли до лѣстницы, гдѣ графы Шрусбери и Кентъ ожидали Марію Стюартъ, и откуда она должна была сойти въ нижнюю залу, въ глубинѣ которой для нея былъ воздвигнутъ эшафотъ, слугамъ отказали въ утѣшеніи слѣдовать за нею далѣе. Несмотря на ихъ мольбы и стоны, ихъ разлучили съ нею, что̀ стоило нѣкотораго труда, потому-что они бросились къ ея ногамъ, цѣловали у нея руки, хватались за ея платье и не хотѣли ее оставить.

Когда ихъ удалили, она пошла съ благороднымъ и кроткимъ видомъ, держа въ одной рукѣ распятіе, а въ другой—молитвенникъ. Она была въ траурѣ, который надѣвала только въ дни большихъ торжествъ; на ней было платье изъ кармазиннаго бархата съ чернымъ атласнымъ корсажемъ, на которомъ висѣли четки и монашескіе нарамники; сверху накинута была мантія какого же цвѣта изъ узорчатаго атласа съ длиннымъ шлейфомъ, опушенная соболемъ, съ поднятымъ воротникомъ и висящими рукавами; голову ея покрывала бѣлая вуаль, опускавшаяся до самыхъ ногъ. Въ ея фигурѣ соединялось величіе королевы съ кроткимъ самоуглубленіемъ христіянки.

Внизу лѣстницы стоялъ ея дворецкій, Андру Мельвиль, которому позволено было проститься съ нею и который, видя ее идущею на казнь, упалъ на колѣни и, обливаясь слезами, выразилъ ей свою глубокую горесть. Марія обняла его, благодарила за постоянную вѣрность и просила передать сыну ея въ точно-

сти все, что̀ онъ знаетъ и что̀ увидитъ. «О, это будетъ самое горестное порученіе, которое когда-либо на меня возлагали,—объявить о смерти моей дражайшей государыни!»—«Ты скорѣе долженъ радоваться, добрый Мельвиль, отвѣчала она, употребляя въ первый разъ такую фамильярность въ выраженіяхъ, —что Марія Стюартъ пришла къ концу своихъ бѣдствій. Ты знаешь, что этотъ міръ — суета и полонъ заботъ и горестей. Принеси извѣстіе, что я умираю твердою въ своей вѣрѣ, истинною католичкою, истинною шотландкою, истинною французенкою. Богъ да проститъ тѣмъ, которые желали моей кончины. Судія тайныхъ помысловъ и дѣлъ человѣческихъ знаетъ, что я всегда желала соединенія Шотландіи съ Англіей. Передай привѣтствіе моему сыну и скажи ему, что я никогда не сдѣлала ничего вреднаго для блага королевства, или же для его королевскаго достоинства и не погрѣшила ни въ чемъ противъ нашихъ верховныхъ правъ.

Затѣмъ она просила графовъ Шрусберри и Кента, чтобы секретарь ея, Кёрль, былъ прощенъ и чтобы ея слуги и служанки были допущены на мѣсто казни, во время ея совершенія. Графъ Кентъ возразилъ на это, что на подобныя зрѣлища не принято допускать женщинъ и что онъ боится, чтобы онѣ не причинили замѣшательства своими криками или даже скандала, если захотятъ омочить платки свои въ ея крови. «Милордъ, отвѣчала Марія, даю вамъ слово, что они не сдѣлаютъ ничего подобнаго тому, что̀ вы говорите. Увы, эти несчастныя будутъ довольны, если имъ дозволятъ проститься со мною. И я увѣрена, что ваша государыня не откажетъ другой коро-

левѣ имѣть при себѣ женщинъ для помощи въ минуту смерти. Она не могла дать вамъ такихъ жестокихъ приказаній. Она бы мнѣ дозволила больше, еслибы я была даже лицомъ самаго низкаго званія, а вы знаете, милорды, что я кузина вашей королевы. Я убѣждена, что вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ. Мои бѣдныя дѣвушки желаютъ только видѣть мою кончину.» Графы, послѣ кратковременнаго совѣщанія, согласились исполнить ея просьбу и Марія могла позвать къ себѣ четырехъ служителей и двухъ женщинъ. Она выбрала: Бургойна—медика, Горіона—аптекаря, Жерве—хирурга, Дидье—эконома; Анну Кѐнеди и Елизавету Керль, самыхъ любимыхъ своихъ прислужницъ. Они сошли внизъ и королева, въ сопровожденіи Андру Мельвиля, который несъ ея шлейфъ, взошла на эшафотъ съ такимъ же присутствіемъ духа и достоинствомъ, какъ-бы она всходила на тронъ.

Этотъ эшафотъ стоялъ въ нижней залѣ зàмка Фотрингэя. Высота его была два фута съ половиною, площадь — двѣнадцать квадратныхъ футовъ. Онъ былъ покрытъ чернымъ англійскимъ фризомъ, такъ же какъ и стулъ, подушка и плаха, на которыхъ Марія должна была сѣсть, стать на колѣни, и получить роковой ударъ. Она сѣла на это печальное сѣдалище, не утративъ своей обычной граціи и величія; по правую сторону ея сидѣли графы Шрусберри и Кентъ, по лѣвую стоялъ шерифъ, а передъ ней—два палача, одѣтые въ черный бархатъ; невдалекѣ подлѣ стѣны—ея служители; остальное мѣсто залы за барьеромъ, охраняемымъ Полетомъ съ отрядомъ солдатъ было занято почти двумястами сосѣднихъ жителей,

впущенныхъ въ замокъ, ворота котораго были послѣ того заперты. Робертъ Биль прочелъ приговоръ, который Марія выслушала въ молчаніи и въ такой глубокой задумчивости, что казалось, будто все происходившее не касалось ея. Когда Биль кончилъ чтеніе, она перекрестилась и произнесла твердымъ голосомъ:

«Милорды, я родилась королевою, а не подданною; я близкая родственница королевы англійской и ея законная наслѣдница. Послѣ продолжительнаго несправедливаго тюремнаго заключенія въ этой странѣ, гдѣ я много пострадала—хотя надо мною не имѣли никакого права—находясь во власти другихъ, я готовлюсь теперь кончить жизнь, и благодарю Бога, что онъ дозволилъ мнѣ умереть за мою вѣру и въ присутствіи столькихъ лицъ, которыя будутъ свидѣтелями, что я, на краю гроба, протестую — какъ и всегда протестовала публично и частнымъ образомъ, — что никогда ничего не замышляла къ погибели королевы и не соглашалась ни на что̀ противъ ея особы.» За тѣмъ она объявила., что не питаетъ къ ней никакого чувства вражды и напомнила, что для полученія свободы она предлагала такія условія, которыя совершенно могли предупредить всякія волненія въ Англіи. Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ ею въ свое оправданіе, она начала молиться. Тогда докторъ Флетчеръ, протестантскій деканъ въ Петерборо, котораго привели съ собою лорды, приблизился къ ней, съ цѣлью напутствовать ее передъ кончиною. «Государыня, сказалъ онъ ей, королева, моя повелительница, послала меня сюда къ вамъ...» Марія прервала его на этихъ словахъ, и отвѣчала: «Господинъ деканъ,

я тверда въ древней вѣрѣ римско-католической и думаю пролить за нее мою кровь.» Такъ-какъ деканъ съ безразсуднымъ фанатизмомъ настаивалъ, убѣждая ее отказаться отъ своего исповѣданія, раскаяться, возложить надежду на одного Іисуса Христа, ибо одинъ Онъ только можетъ спасти ее; то она рѣшительнымъ тономъ приказала ему молчать, объявивъ что не желаетъ его слушать. Графы Шрусберри и Кентъ сказали ей тогда: «Мы хотимъ молиться за васъ, государыня, чтобы Богъ просвѣтилъ ваше сердце въ послѣдніе часы ваши, чтобы вы умерли въ истинномъ познаніи Бога.» — «Милорды, отвѣчала Марія, если вы хотите молиться за меня, благодарю васъ, но я не могу присоединиться къ вашей молитвѣ, потому-что мы не принадлежимъ къ одной религіи.» Борьба двухъ исповѣданій, продолжавшаяся во всю жизнь ея, продолжалась и на эшафотѣ.

Докторъ Флетчеръ началъ читать отходную молитву, по уставу англиканскому, между-тѣмъ какъ Марія читала въ это время по-латини молитвы покаянія, и съ жаромъ цѣловала распятіе. «Государыня, сказалъ ей грубо графъ Кентъ, вамъ мало поможетъ то, что вы держите въ рукахъ этотъ образъ Спасителя, если онъ не запечатлѣнъ у васъ въ сердцѣ.»— Невозможно! возразила она, держать въ рукахъ это изображеніе и не быть тронутымъ; и для умирающаго христіанина приличнѣе всего смотрѣть на образъ своего Искупителя.»

Когда она прочла на колѣняхъ три псалма: «Помилуй мя Боже»... «На тя, Господи, уповахомъ»... «Живый въ помощи Вышняго»... то начала произносить свои молитвы по-англійски и просила о мирѣ всего

міра, объ обращеніи англичанъ къ истинной вѣрѣ, о терпѣніи для всѣхъ преслѣдуемыхъ и о дарованіи ей помощи Духа Святаго въ эту великую минуту. Она молилась также за папу, за Церковь, за католическихъ государей, за своихъ враговъ и, предоставляя себя волѣ Божіей, кончила слѣдующими словами: «Подобно тому, какъ руки твои, о Христе! простерты были на древѣ, пріими и меня въ распростертыя руки Твоего милосердія.» Ея благоговѣніе было такъ живо, умиленіе такъ трогательно, мужество такъ возвышенно, что всѣ предстоявшіе плакали.

Кончивъ молитву, она встала. Ужасная минута наступила. Палачъ приблизился къ ней, чтобы помочь ей снять верхнюю одежду. Но она отклонила его и сказала съ улыбкой, что никогда не имѣла подобныхъ камердинеровъ. Она призвала Анну Кѐннеди и Елизавету Кёрль, которыя все это время стояли на колѣняхъ у подножія эшафота, и начала раздѣваться при ихъ помощи, замѣтивъ, что она никогда не дѣлала этого въ присутствіи столькихъ лицъ. Безутѣшныя молодыя дѣвушки оказывали ей эту послѣднюю услугу рыдая. Она останавливала ихъ, напоминая о данномъ ею отъ ихъ имени обѣщаніи, что онѣ не выкажутъ слабости. «Вмѣсто того, чтобы плакать, радуйтесь—сказала она имъ—я счастлива, что умираю за такое великое дѣло». Снявъ нѣкоторыя части одежды, она сѣла на скамью и благословила всѣхъ своихъ плачущихъ служителей. Палачъ на колѣняхъ просилъ у нея прощенія. Она отвѣчала, что прощаетъ всѣхъ. Затѣмъ, она поцѣловала Елизавету Кёрль и Анну Кѐннеди, благословила ихъ, перекрестила и послѣ того, какъ Анна Кѐннеди завяза-

ла ей глаза, она приказала имъ удалиться; онѣ ушли, рыдая.

Въ то же время она съ великимъ мужествомъ стала на колѣни и, держа въ рукахъ распятіе, наклонила шею для удара. Она произносила громкимъ голосомъ и съ чувствомъ самой живой вѣры: «Боже мой, на Тебя уповаю, пріими грѣшную душу мою». Она думала, что ее поразятъ въ прямомъ положеніи, и притомъ мечомъ, какъ это дѣлалось во Франціи. Палачи объяснили, что она ошибается и положили голову ея на плаху; она не переставала молиться. Всѣ присутствующіе были глубоко тронуты. Самъ палачъ былъ взволнованъ, рука его дрожала и топоръ вмѣсто шеи упалъ на затылокъ и ранилъ ее. Она не сдѣлала ни малѣйшаго движенія; только при второмъ ударѣ палачъ отрубилъ голову и показалъ ее присутствующимъ, воскликнувъ: «Господи, спаси королеву Елизавету!» — «Такъ погибнутъ всѣ враги ея», прибавилъ докторъ Флетчеръ. Одинъ только голосъ произнесъ въ отвѣтъ: «аминь», это былъ голосъ графа Кента.

Смертные останки были закрыты чернымъ сукномъ. Лорды не оставили, какъ это обыкновенно дѣлалось, палачу золотаго креста, бывшаго у ней на шеѣ, ни четокъ, ни одежды ея, опасаясь, чтобы эти драгоцѣнности, выкупленныя ея служителями, не были обращены въ предметы обожанія. Они все это предали огню съ особенною заботливостью стараясь уничтожить всѣ слѣды крови. Когда тѣло было поднято, для перенесенія въ пріемную комнату замка, гдѣ его должны были бальзамировать, то примѣтили, что любимая маленькая собачка Маріи забралась подъ мантію, между шеей и головой своей мертвой госпо-

жи. Трупъ шотландской королевы, по вынутіи изъ него внутренностей, которыя были тайно преданы землѣ, былъ набальзамированъ, обвернутъ навощенною простынею, положенъ въ свинцовый гробъ и оставленъ въ забвеніи до тѣхъ поръ, пока Елизавета назначила мѣсто, гдѣ его слѣдуетъ схоронить.

Впродолженіе многихъ часовъ ворота замка оставались запертыми и никому не позволялось уйти оттуда до отъѣзда Генри Тальбота, сына великаго маршала Шрусберри, который повезъ Елизаветѣ донесеніе о происшедшемъ, составленное Билемъ и подписанное обоими графами, а также и другими главными свидѣтелями. Отправившись 8-го числа, онъ на другой день утромъ прибылъ въ Гринвичъ, гдѣ находилась королева. Въ тотъ же день послѣ полудня извѣстіе объ этомъ распространилось въ Лондонѣ, жители котораго узнали о смерти королевы шотландской съ тѣмъ же фанатическимъ восторгомъ, какой выражали за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, по поводу ея осужденія. Во всѣ городскіе колокола стали звонить и всѣ улицы города были иллюминованы по случаю этого радостнаго событія....

Какое дѣйствіе произвела эта трагическая и дерзкая казнь на государей Европы и каковы были ея послѣдствія для Елизаветы?

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Смерть Маріи Стюартъ избавляла Елизавету отъ соперницы, но подвергала ее сильной ненависти и

опаснымъ репрессаліямъ. Поэтому, переходя отъ одного страха къ другому, она порицала казнь, которую дозволила; дѣлала видъ будто бы сожалѣетъ о королевѣ, которую ненавидѣла, и даже наказала людей, которые были орудіями ея воли въ этомъ дѣлѣ. Безъ всякаго зазрѣнія совѣсти отпираясь отъ участія въ немъ и притворяясь глубоко огорченною, она старалась избѣжать мщенія государей, которыхъ просьбы она отвергла, которыхъ чувства она оскорбила, которыхъ достоинство она унизила. Впродолженіе четырехъ дней она дѣлала видъ, будто не знаетъ о смерти королевы шотландской, смерти, по поводу которой шумно радовалась вся протестантская Англія. Вѣроятно, она еще не составила себѣ плана — ка́къ ей вести себя и что̀ говорить. Въ понедѣльникъ 13 февраля (нов. ст.) она притворилась, что съ крайнимъ изумленіемъ узнаетъ о казни Маріи Стюартъ и, разыгрывая роль негодующей, разразилась припадками сильнѣйшаго гнѣва. Она говорила, что шотландская королева лишена жизни вопреки ея волѣ и приказаніямъ; что секретарь Дэвисонъ не долженъ былъ принимать во вниманіе повелѣніе, которое она подписала до послѣдняго съ нимъ разговора; что онъ черезчуръ поспѣшилъ отдать его канцлеру для приложенія къ нему государственной печати и превысилъ свои обязанности, передавъ это повелѣніе тайному совѣту для исполненія безъ ея вѣдома; что члены совѣта, самовольно пославъ въ Фотрингэй королевскій приказъ, нанесли оскорбленіе ея достоинству и глубокую горесть ея сердцу. Она съ жаромъ упрекала ихъ за такое самовольное присвоеніе правъ верховной власти, въ которомъ она видѣла покушеніе—держать ее

подъ опекой. Она приказала арестовать Дэвисона, который былъ заключенъ въ Товеръ и отданъ подъ судъ. Она прогнала отъ себя своего стараго слугу Бёрлея, который отдалъ Роберту Билю приказъ отъ имени совѣта, и своимъ жосткимъ обхожденіемъ довела его до того, что онъ, дрожа отъ страха, просилъ уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Лейстеръ и Гэттонъ, два ея любимца, за участіе въ совѣщаніяхъ тайнаго совѣта подверглись на нѣкоторое время удаленію и опалѣ; наконецъ Биль, который отвезъ повелѣніе въ Фотрингэй, былъ, чрезъ нѣсколько времени спустя, отставленъ отъ должности государственнаго секретаря и назначенъ на низшее мѣсто въ Йоркѣ. Только Уэльсингэмъ былъ исключенъ изъ этой фальшивой и запальчивой немилости, потому-что дѣйствительная или притворная боязнь помѣшала ему присоединиться къ дѣлу, изъ котораго Елизавета извлекла выгоду, но отъ котораго она отреклась. Рѣшившись даже надѣть трауръ по своей жертвѣ, англійская королева приказала торжественно похоронить Марію, тѣло которой было положено въ петербороской церкви, подлѣ Екатерины аррагонской, первой жены Генриха VIII, и лежало тамъ, пока сынъ шотландской королевы, вступивъ на великобританскій престолъ, не приказалъ перенести ея прахъ въ Вестминстеръ.

Присоединяя несправедливость къ преступленію и обманъ къ жестокости, Елизавета надѣялась обмануть общее мнѣніе и хотѣла, въ особенности, предотвратить отъ себя неудовольствіе Генриха III и Іакова VI. Ихъ образъ мыслей безпокоилъ ее — и не безъ основанія. Генрихъ III, несмотря на свою нечувстви-

тельность и слабость, очень дурно принялъ заключеніе въ тюрьму Детрапа, допросъ, которому былъ подвергнутъ Шатонёфъ, перехватываніе его курьеровъ и распечатаніе его депешъ. Онъ выказалъ Уэду, который былъ нарочно посланъ къ нему Елизаветой съ жалобой на заговоръ, приписываемый членамъ его посольства, все свое недовѣріе на этотъ счетъ и неудовольствіе по поводу поступковъ королевы. Онъ послалъ въ Лондонъ одного изъ своихъ камердинеровъ, Роже, съ порученіемъ требовать Детрапа, чтобы король самъ могъ приказать подвергнуть его допросу, суду и — въ случаѣ виновности его—наказанію. Пользуясь правомъ репрессалій, онъ отказалъ въ ауэдіенціи посланнику Стэфферту, арестовалъ курьеровъ, распечаталъ депеши Елизаветы въ Дьеппъ и наложилъ эмбарго на англійскія суда во французскихъ портахъ.

Смерть Маріи Стюартъ усилила раздраженіе Генриха, умноживъ его затрудненія. Въ первую минуту двое изъ его министровъ — холодный Белльевръ и осторожный Брюларъ—выразили мнѣніе, что надобно за нее отмстить. Первый говорилъ, что нужно доказать Елизаветѣ, что такъ нельзя поступать съ коронованными особами; второй объявилъ, что не явится въ совѣтъ Генриха III, если король не потребуетъ отчета за подобную смерть. Парижскій народъ чрезвычайно взволновался, узнавъ о трагической кончинѣ королевы, которую видѣлъ въ ея молодые годы на французскомъ тронѣ и на которую теперь смотрѣлъ какъ на мученицу за католическую вѣру. Проповѣдники лиги громили во всѣхъ церквахъ англійскую Іезавель, какъ они называли Елизавету, и призы-

вали на нее мщеніе Бога и государей. Стэффордъ и Уэдъ не смѣли показываться на парижскихъ улицахъ. Первый, котораго мать находилась при Елизаветѣ, испуганный опасностями, которымъ подвергалась королева, былъ убѣжденъ въ ея близкомъ паденіи. Онъ принялъ предосторожности относительно Филиппа II и чрезъ Мендозу предложилъ ему свои услуги. Онъ говорилъ посланнику, что онъ совершенно преданъ католическому королю, *думая, что его государыня проживетъ* очень не долго послѣ того, какъ она допустила казнь королевы шотландской. Наконецъ Генрихъ III приказалъ отслужить въ церкви Божіей Матери, въ своемъ присутствіи, торжественную панихиду по своей несчастной родственницѣ и казался даже расположеннымъ напасть вмѣстѣ съ королемъ испанскимъ на англійскую королеву, которая приказала отсчитать банкирскому дому Паллавичино во Франкфуртѣ двѣсти пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы набрать армію изъ нѣмецкихъ рейтаровъ, готовую идти на помощь къ королю наваррскому.

Елизавета почувствовала болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимость смягчить его гнѣвъ. Она приняла его чрезвычайнаго посланника, Роже, который двѣ недѣли былъ въ Лондонѣ, не добившись у ней аудіенціи. Говоря съ нимъ о смерти королевы шотландской «съ большими выраженіями горести и почти со слезами на глазахъ», она поручила ему увѣрить Генриха III, что эта смерть послѣдовала противъ ея воли, по ошибкѣ Дэвисона, «который за нее будетъ отвѣчать».

Дэвисонъ дѣйствительно былъ присужденъ Звѣздною палатой 28 марта къ денежному штрафу въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ и къ заключенію

въ тюрьму, которое должно было продлиться по благоусмотрѣнію королевы, за ослушаніе противъ ея приказаній и присвоеніе правъ ея власти. Вскорѣ послѣ того Елизавета имѣла съ Шатонёфомъ — котораго не видала впродолженіе многихъ мѣсяцевъ и къ которому посылала Уэльсингэма для возстановленія добрыхъ отношеній между Англіей и Франціей—разговоръ, въ которомъ она пустила въ ходъ всю свою изворотливость. Она отвела въ сторону посланника Генриха III, взяла его подъ руку и сказала ему, смѣясь: «Вотъ кто хотѣлъ меня убить»; она согласилась затѣмъ, что заговоръ, въ который его впутали, былъ выдумкою двухъ безстыдныхъ негодяевъ, желавшихъ попользоваться отъ него деньгами. Признавая невинность Детрапа, она прибавила, что отнынѣ онъ свободенъ и можетъ возвратиться во Францію. «Я узнала, остроумно прибавила она, что онъ юристъ и хочетъ заниматься адвокатствомъ въ Парижѣ: мнѣ очень жаль, что я сдѣлала ему зло, потому-что онъ будетъ на меня сердиться за это всю свою жизнь. Но вы скажете ему, что я надѣюсь никогда не имѣть въ Парижѣ процеса, въ которомъ онъ могъ бы отмстить мнѣ за вредъ, который я ему сдѣлала.»

Дойдя до предмета, который въ-особенности ее занималъ, она начала говорить еще съ бо́льшею горестью, нежели какую выказывала передъ Роже по случаю смерти шотландской королевы. Она увѣряла, что это самое большое несчастіе, какое когда-либо ей приходилось испытать. Она утверждала, что подписала приказъ въ угожденіе своему народу, но что она твердо рѣшилась не лишать королеву шотландскую жизни, если только иностранная армія не сдѣ-

ластъ высадки въ Англію и если въ пользу плѣнницы не произойдетъ значительнаго возмущенія въ королевствѣ. Она прибавила, что еслибы четыре члена ея совѣта, *сыгравшіе съ нею эту штуку*, на которую, по ея увѣренію, она не могла рѣшиться, не были такъ долго въ ея службѣ и не поступали такимъ образомъ единственно изъ усердія къ пользамъ ея и государства, то она велѣла бы отрубить имъ головы. Она сказала Шатонёфу, что онъ не долженъ считать ее на столько слабою и злою, чтобы она сваливала вину на какого-нибудь ничтожнаго секретаря, подобнаго Дэвисону, еслибы онъ не былъ дѣйствительно виноватъ. Указавъ потомъ Шатонёфу выгоду, которую могли извлечь для себя Англія и Франція изъ взаимнаго между собою союза, для противодѣйствія планамъ лигистовъ и честолюбію Филиппа II, которые одинаково угрожали этимъ обоимъ государствамъ, она объявила ему, что пошлетъ Дрэка для нападенія на берега Испаніи, и Лейстера — для поддержанія вновь республики Соединенныхъ Провинцій; предлагала для его короля поддержку со стороны четырехъ нѣмецкихъ государей, которые по ея слову поспѣшатъ къ его услугамъ съ своими войсками и просила его самого сдѣлаться посредникомъ тѣснѣйшей дружбы между нею и королемъ. «Времена теперь таковы, сказала она ему, что мы оба нуждаемся въ ней больше чѣмъ когда-нибудь». Не будучи обманутъ запирательствомъ Елизаветы, но побуждаемый тѣми же самыми политическими причинами, которыя руководили ею, Генрихъ III рѣшился не мстить за смерть Маріи Стюартъ. Интересъ взялъ верхъ надъ родственными чувствами и, чтобы не подвергать опасности

свою корону, онъ пересталъ защищать общее дѣло королевской власти. Онъ боялся, какъ бы, помогая фанатическимъ католикамъ континента овладѣть Англіей, не сдѣлать ихъ побѣдителями въ Нидерландахъ и всемогущими во Франціи, и какъ бы паденіемъ Елизаветы не подготовить увеличенія силъ Филиппа II, возвышенія Гизовъ и своей собственной погибели. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ неудовольствія и траура, онъ, по совѣту королевы, своей матери, уполномочилъ Шатонёфа уладить вмѣстѣ съ Уэльсингэмомъ несогласія, происшедшія между двумя государствами. Впрочемъ, разсориться съ Елизаветой было бы для него столько же трудно, сколько и опасно. Необходимость отразить вторженіе нѣмецкихъ рейтаровъ, которые проникли во Францію лѣтомъ 1587 года и противостоять лигистамъ, которые овладѣли Парижемъ посредствомъ баррикадъ 1588 г., должна была заставить его не нападать на другихъ, а ограничиться собственною защитой.

Короля шотландскаго, повидимому, не такъ легко было успокоить; смерть его матери исполнила его негодованіемъ. Онъ громко говорилъ, что подобный поступокъ не останется безъ отмщенія. Елизавета — опасаясь рѣшеній, которыя онъ могъ принять подъ вліяніемъ собственнаго гнѣва, враждебныхъ чувствъ къ ней со стороны его подданныхъ и совѣтовъ континентальныхъ государей — послала къ нему сына своего двоюроднаго кузена лорда Гэнсдона, молодаго Роберта Кэрея, который съумѣлъ понравиться Іакову VI. Робертъ Кэрей привезъ ему собственноручное письмо Елизаветы, которая разсыпалась въ оправданіяхъ и выраженіяхъ горести одинаково лишенныхъ

искренности. Она говорила «о крайней скорби, которая подавляла ее по случаю плачевнаго событія, происшедшаго вопреки ея намѣреніямъ, и призывала Бога въ свидѣтели, что была въ немъ совершенно невинна». Она умоляла его повѣрить, что еслибы оно совершилось по ея приказанію, то у нея достало бы смѣлости признаться въ этомъ. «Мое сердце не такъ низко,— говорила она, съ притворной гордостью,—чтобы, боязнь навлечь гнѣвъ какого-либо живаго существа, или какого-нибудь короля, могла помѣшать мнѣ сдѣлать то, что̀ справедливо, или заставила бы меня отпереться отъ моего поступка. Родъ, изъ котораго я происхожу, не допускаетъ такихъ низкихъ мыслей. Будьте увѣрены, что, каковы бы ни были для меня послѣдствія моихъ поступковъ, я не стану ихъ сваливать на другихъ.» Она увѣряла Іакова VI, что ни одинъ изъ королей не привязанъ къ нему болѣе чѣмъ она, и выражала самое заботливое участіе къ нему и къ его государству.

Въ первую минуту гнѣва Іаковъ VI не хотѣлъ допустить Роберта Кэрея въ Шотландію, гдѣ національныя чувства высказывались съ большою силою противъ Елизаветы. Онъ заставилъ его остановиться въ Бервикѣ, и туда-то отправились сэръ Робертъ Мельвиль и лэрдъ Кауденаузъ, чтобы выслушать то, что̀ она поручила Кэрею сказать имъ относительно смерти его матери. Въ то самое время, какъ онъ наносилъ это оскорбленіе высокомѣрной Елизаветѣ, онъ позволялъ пограничнымъ начальникамъ своего государства опустошать англійскую границу, а жителямъ подвластныхъ ему острововъ—подавать помощь ирландскимъ инсургентамъ. Казалось даже,

что онъ сблизился съ католиками: онъ принималъ эмиссаровъ короля испанскаго, выслушивалъ іезуитовъ, возвратилъ епископу росскому всѣ его титулы и аккредитовалъ, въ качествѣ своего посланника при Генрихѣ III, вѣрнаго слугу Маріи Стюартъ, архіепископа гласгоскаго, который отъ его имени просилъ помощи этого государя, для отмщенія за смерть его матери.

Елизавета была очень встревожена тѣмъ, что̀ происходило въ Шотландіи. Однакожь она не жаловалась на опустошенія, сдѣланныя Фарнигёрстомъ, Сесфордомъ, Ботвелемъ, Ангусомъ и Джонстономъ, которые съ согласія молодаго короля превратили пограничныя земли въ пустыню. Она боялась, чтобы эти частныя нападенія не перешли во всеобщую войну, такъ какъ все дворянство взялось за оружіе и жители сѣвера, также какъ и юга, съ одинаковою настоятельностью требовали вторженія съ огнемъ и мечомъ до самыхъ воротъ Ньюкэстля. Во время этого движенія національной ярости ненавистный Грэй былъ преслѣдуемъ за государственную измѣну и избѣжалъ смерти только тѣмъ, что подвергся вѣчному изгнанію. Партизаны Елизаветы молчали и никто не осмѣливался уже защищать прежній союзъ, заключенный съ нею.

Но англійская королева ни сколько не отчаявалась опять привлечь на свою сторону честолюбиваго Іакова VI. Это было ей тѣмъ необходимѣе, что ей грозила бы бо̀льшая опасность, еслибы открытая непріязнь Шотландіи присоединилась къ Ирландіи и облегчила бы вторженіе въ Англію, которое приготовлялось на берегахъ Испаніи и Фландріи. Она представила ему

наслѣдованіе англійской короны обезпеченнымъ для него, если онъ сохранитъ миръ, и потеряннымъ, если онъ вступитъ въ войну. По ея приказанію Уэльсингэмъ написалъ Мэтленду, государственному секретарю Іакова VI, искусное письмо, въ которомъ толковалъ единственно объ этомъ великомъ наслѣдствѣ. Онъ говорилъ, что разрывъ съ Англіей будетъ со стороны его короля самымъ неполитичнымъ и самымъ опаснымъ поступкомъ; что онъ пробудитъ воспоминаніе о забытой старинной враждѣ между двумя націями; что онъ сдѣлаетъ его ненавистнымъ англійскому народу, въ глазахъ котораго безвозвратно повредитъ своимъ правамъ; что Іаковъ VI не можетъ надѣяться на помощь короля французскаго, мало расположеннаго поддерживать близкаго родственника государей изъ дома Гизовъ, и естественно враждебнаго соединенію двухъ коронъ Англіи и Шотландіи на одной головѣ; что, наконецъ, онъ будетъ въ этомъ случаѣ работать для короля испанскаго, въ которомъ долженъ видѣть скорѣе соперника, нежели союзника.

Эти доводы поразили Іакова VI, но еще не заставили его рѣшиться на что-нибудь. Выслушавъ политическіе совѣты англійской королевы, онъ все-таки оставался въ тайныхъ сношеніяхъ съ Филиппомъ II, не желая отказаться ни отъ англійской короны, ни отъ мщенія за мать. Онъ долго оставался въ этомъ двусмысленномъ положеніи и съ напрактиковавшимся уже двоедушіемъ ладилъ съ двумя великими сторонами, готовыми вступить въ борьбу, не объявляя себя ни за одну изъ нихъ. Онъ позволилъ іезуитамъ свободно разъѣзжать по его королевству, и графамъ Гэнтли, Мортону, Кро-

форду, предводителямъ шотландскихъ католиковъ, сговариваться съ герцогомъ пармскимъ въ пользу экспедиціи, которую готовилъ Филиппъ II.

Король испанскій одинъ серьёзно думалъ отмстить за смерть Маріи Стюартъ. Онъ былъ побуждаемъ къ этому и необходимостью распространить католическую вѣру и желаніемъ увеличить свое владычество. Итакъ возстановить прежнюю религію на островѣ, который былъ тогда гнѣздомъ самаго жаркаго протестантизма и вѣрнѣйшею точкою опоры для возмущеній въ остальной Европѣ; пріобрѣсти новый престолъ, наказать Елизавету за совершенное ею преступленіе, потребовать отъ нея отчета въ нападеніяхъ, которыя она позволяла себѣ втеченіе столь долгаго времени; подавить бунтъ Соединенныхъ Провинцій покореніемъ Англіи: таковы были обширные планы, исполненію которыхъ Филиппъ II посвятилъ всѣ силы своего государства. Какъ-только онъ увидѣлъ, что требованія его честолюбія согласны съ его чувствами, то не колебался болѣе.

Послѣ смерти Маріи Стюартъ онъ не отказался отъ своихъ притязаній на двойное наслѣдство, которое она оставила ему. «Богъ, писалъ ему Мендоза, допустилъ, чтобы эта отверженная нація впала въ состояніе проклятія не только относительно того, что̀ касается служенія ему,—грѣша противъ него своею ересью, но и въ томъ, что̀ касается дѣлъ человѣческихъ, совершивъ такое преступленіе, и потому очевидно, что онъ хотѣлъ дать вашему величеству эти двѣ короны въ полную собственность.» Епископъ россiй написалъ на языкахъ французскомъ, латинскомъ и англійскомъ сочиненіе, въ доказатель-

ство того, что Филиппъ II есть законный наслѣдникъ англійскаго престола, на который король шотландскій не имѣетъ права, будучи еретикомъ. Испанскій посланникъ говорилъ съ папскимъ нунціемъ о правахъ своего государя и рѣшился даже говорить о нихъ Катеринѣ Мѐдичи. Герцогъ Гизъ призналъ ихъ. «Ни родство, писалъ онъ къ Мендозѣ, ни другіе какіе-либо личные интересы не могутъ пересилить во мнѣ обязанности любви и нижайшей преданности къ испанскому королю. Я считаю его католическое величество общимъ отцомъ всѣхъ католиковъ, и моимъ въ особенности». Онъ предоставлялъ ему мщеніе за Марію Стюартъ и принялъ на себя трудъ доставить торжество католицизму во Франціи, между-тѣмъ, какъ Филиппъ II возстановитъ его въ Англіи.

Располагая кораблями и моряками Италіи, Португаліи и Испаніи, Филлиппъ, которому служили солдаты, привыкшіе къ войнѣ болѣе всѣхъ другихъ въ Европѣ, и который обладалъ сокровищами Новаго Свѣта, казалось, болѣе всякаго другаго имѣлъ средствъ успѣть въ томъ, что̀ рѣшался предпринять. Проэктъ вторженія, который онъ уже замышлялъ въ 1570 году, и приготовленія къ которому началъ въ 1583, былъ причиною самаго обширнаго морскаго вооруженія, небывалаго до этихъ поръ. Надъ нимъ работали очень дѣятельно во всѣхъ портахъ Испанской монархіи. Сборнымъ пунктомъ всего флота былъ лиссабонскій рейдъ, куда всѣ суда Сициліи, Неаполя, Каталоніи, Андалузіи, Галисіи, Бискаіи, подъ предводительствомъ самыхъ неустрашимыхъ и искусныхъ моряковъ, должны были придти весной 1588 года. Этотъ флотъ, который получилъ имя *непобѣдимой армады*,

состоялъ изъ 135 судовъ разныхъ размѣровъ. Кромѣ каравеллъ, урковъ, забръ, галеръ,—которыя были обыкновенными парусными и весельными судами того времени,—въ немъ было нѣкоторое число гальоновъ и четыре галеассы. Гальоны были круглые, а галеассы—плоскіе корабли гигантскихъ размѣровъ, съ укрѣпленными башнями и пушками, поставленными въ нѣсколько этажей. Этотъ флотъ, на которомъ было 8 тысячъ человѣкъ экипажа и 20 тысячъ десанта, нагруженный оружіемъ, снарядами, всякаго рода запасомъ провизіи на шесть мѣсяцевъ, и везущій, для обращенія острова, главнаго викарія инквизиціи, въ сопровожденіи болѣе нежели ста іезуитовъ и другихъ монаховъ, принадлежащихъ къ нищенствующимъ орденамъ, былъ ввѣренъ начальству маркиза Санта-Круца, опытнаго адмирала, который два раза разбилъ подлѣ Терсейры пріора Антонія де-Крато, когда этотъ послѣдній старался овладѣть Португаліей.

Въ самое то время, какъ дѣлались эти огромныя приготовленія на Испанскомъ полуостровѣ, герцогъ пармскій собиралъ не менѣе значительныя силы на берегахъ Фландріи. Этотъ искусный генералъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ экспедиціи. Кромѣ войскъ, которыя онъ имѣлъ въ своихъ гарнизонахъ и подъ своими знаменами, пять тысячъ человѣкъ шли къ нему изъ сѣверной и средней Италіи, четыре тысячи изъ королевства Неаполитанскаго, шесть тысячъ изъ Кастиліи, три тысячи изъ Аррагоніи, три тысячи изъ австрійской Германіи съ 4 эскадронами рейтаровъ, и онъ долженъ былъ получить также войска изъ Франшъ-Контѐ и южныхъ Нидерландовъ. По его приказанію Ваесскій лѣсъ былъ срубленъ для по-

стройки плоскихъ судовъ, которыя, будучи спущены по рѣкамъ и каналамъ въ Нью-Портъ и Дюнкирхенъ, должны были перевезти еще тридцать тысячъ человѣкъ до устьевъ Темзы, подъ защитой главнаго испанскаго флота. Артиллерійскія принадлежности, фашины, осадные инструменты и всѣ матеріалы, необходимые для наведенія мостовъ, устройства лагерей и крѣпостей, должны были помѣститься на корабляхъ герцога пармскаго, который продолжалъ завоеваніе Нидерландовъ, дѣлая въ то же время всѣ нужныя приготовленія для вторженія въ Англію. Благопріятствуемый несогласіями, происшедшими въ 1586 году между инсургентами союзныхъ провинцій и Лейстеромъ, онъ снова пріобрѣлъ Девентеръ и фортъ передъ Цутфеномъ,—которые англійскіе начальники сэръ Уильямъ Стэнлей, другъ Бэбингтона и сэръ Роландъ Йоркъ сдали ему, перешедши съ своими войсками, послѣ смерти Маріи Стюартъ, на службу Филиппа II, — и взялъ Эклюзъ. Онъ думалъ оставить графу Мансфельду силы, достаточныя для продолженія этого дѣла, сдѣлавшагося второстепеннымъ, и идти самому съ 50 тысячами человѣкъ *армады* и флотиліей для исполненія главнаго предпріятія.

Это предпріятіе, которое чрезвычайно близко касалось папской власти, Филиппъ замыслилъ вмѣстѣ съ папой. Сикстъ V обѣщалъ содѣйствовать деньгами. Онъ обязался доставить мильонъ дукатовъ, когда экспедиція достигнетъ британскихъ береговъ. Въ ожиданіи этого, онъ, по просьбѣ Филиппа II, далъ кардинальскую шапку доктору Оллену, директору англійской семинаріи въ Реймсѣ и начальнику католическихъ эмигрантовъ, который былъ назначенъ

папскимъ легатомъ въ Англіи. Буллой, которая должна была остаться въ тайнѣ до высадки, Сикстъ возобновлялъ проклятіе, которому предали Елизавету Пій V и Григорій XIII; онъ объявлялъ ее лишенной престола. Новый легатъ, съ своей стороны, приготовлялъ громовый манифестъ, въ которомъ упрекалъ ее безчестіемъ ея рожденія, дерзостью ея еретичества, коварствомъ ея характера, развращенностью ея права, жестокостью ея поступковъ. Экземпляры этого манифеста предполагалось распространить по прибытіи армады къ мѣсту назначенія, чтобы, потрясенное презрѣніемъ и ненавистью англійскаго народа, правительство Елизаветы пало скорѣе при испанскомъ нападеніи.

Какъ ни было велико вооруженіе, надъ которымъ трудились на столькихъ пунктахъ, объемъ его и назначеніе оставались неизвѣстными. Секретъ предпріятія сохранился между Филиппомъ, Сикстомъ V, герцогомъ Пармскимъ, Мендозой и герцогомъ де-Гизомъ. Онъ былъ старательно скрытъ отъ французскаго двора и даже отъ находившагося при этомъ дворѣ нунція Моризини, который, родомъ венеціянецъ, былъ слишкомъ преданъ выгодамъ Генриха III и склонялся на сторону политики Екатерины Медичи. Такимъ-образомъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ спрашивали: назначена ли эта экспедиція для наказанія Нидерландовъ, или для вторженія въ Англію, или же для отправленія въ Индію? Мендоза искусно поддерживалъ эту неизвѣстность, въ которой долгое время находилась и сама Елизавета.

Несмотря на свою проницательность и на тревогу, отъ которой она не могла избавиться, эта коро-

лева надѣялась, что собирающаяся буря, не разразится надъ ея королевствомъ. Еще весною 1587 года, гораздо прежде нежели испанскій флотъ былъ готовъ соединиться на водахъ Таго, она послала Фрэнсиса Дрэка съ 37 кораблями, чтобъ наблюдать за берегами полуострова. Этотъ неустрашимый морякъ, дѣлая больше нежели ему было приказано, заходилъ въ кадикскую бухту и въ лиссабонскій рейдъ, гдѣ надѣлалъ много вреда. Кромѣ того, лѣтомъ того же года Лейстеръ вернулся въ Нидерланды съ 5 тысячами человѣкъ, чтобы помогать встревоженной республикѣ Соединенныхъ Провинцій противъ Испаніи. Такіе оскорбительно-враждебные поступки не помѣшали Елизаветѣ начать переговоры съ Филиппомъ II и даже думать, что ей удастся обезоружить его негодованіе.

Она назначила своими коммисарами графа Дерби, лорда Кобгэма, сэра Джемса Крофта и двухъ юрисконсультовъ, Дэля и Роджерса, которые поѣхали во Фландрію въ началѣ 1508 года и тамъ встрѣтились съ уполномоченными Филиппа II. Такой же скрытный, какъ Елизавета, умѣя обманывать еще съ большимъ спокойствіемъ и съ такимъ же искусствомъ какъ она, Филиппъ принялъ предложеніе переговоровъ о мирѣ, чтобы ее успокоить и напасть на нее внезапно.

Англійскіе коммиссары просили, чтобы старый союзъ между Англіею и Бургундскимъ домомъ былъ возобновленъ; чтобы иностранныя войска были вызваны изъ Нидерландовъ и чтобы эти провинціи пользовались свободою совѣсти. Испанскіе коммиссары согласились на первое изъ этихъ условій и отвергли два другія, какъ противныя выгодамъ и религіи сво-

го государя и притомъ мало сообразныя съ поведеніемъ королевы Елизаветы, требовавшей для протестантовъ въ Нидерландахъ терпимости, въ которой она отказывала католикамъ въ Англіи. Также не поладили относительно возвращенія городовъ, заложенныхъ Штатами, Елизаветѣ, и уплаты суммъ, которыя она давала имъ въ займы.

Эти переговоры, продолжавшіеся въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1588 г. встревожили Генриха III: онъ въ-особенности боялся сближенія между Испаніей и Англіей, послѣ котораго Филиппъ II покорилъ бы Соединенныя Провинціи и затѣмъ подчинилъ бы своему вліянію Францію. И потому, чтобы отвратить Елизавету отъ всякаго соглашенія съ Испаніею, онъ предложилъ ей, въ случаѣ нападенія на испанцевъ, силы вдвое большія противъ тѣхъ, которыя трактатъ 1574 г., обязывалъ его послать ей на помощь. Онъ имѣлъ съ посланникомъ Стэффортомъ продолжительное совѣщаніе по этому предмету и сказалъ ему, что папа и католическій король соединились противъ Елизаветы, что они приглашали также его и венеціянцевъ вступить съ ними въ союзъ, но получили отказъ. «Если англійская королева, прибавилъ онъ, заключитъ миръ съ католическимъ королемъ, этотъ миръ не продолжится и трехъ мѣсяцевъ, потому-что католическій король употребилъ всѣ свои силы въ помощь лиги, для низверженія меня, и вы можете себѣ вообразить, какія послѣдствія могутъ изъ этого произойти для вашей государыни.» Съ другой стороны, чтобы лучше помѣшать этимъ переговорамъ, онъ предложилъ Филиппу II болѣе тѣсный союзъ между Франціей и Испаніей и въ то же время

тайно послалъ въ Константинополь довѣренное лицо съ порученіемъ—предупредить султана, что если онъ не объявитъ снова войны испанскому королю, то Филиппъ II, владѣя уже Нидерландами, Португаліей Испаніей, Индіей и почти всей Италіей, овладѣетъ, также и Англіей, и затѣмъ обратитъ силы цѣлой Европы противъ турокъ.

Филиппъ II зналъ обо всѣхъ этихъ интригахъ, которыя думалъ сдѣлать безуспѣшными быстротою своихъ ударовъ. Онъ придумывалъ самыя вѣрныя средства исполнить предпріятіе, которое онъ приготовилъ съ такою тщательностью, и которое не хотѣлъ далѣе откладывать. Онъ отвергъ совѣты очень благоразумные, хотя чрезвычайно различные: поданные людьми, извѣстными своею опытностью. Чтобы не подвергать такой большой флотъ, какъ *армада*, опасностямъ моря, такъ часто возмущаемаго бурями, сэръ Уильямъ Стэнлей предложилъ сдѣлать высадку въ Ирландіи, гдѣ можно было укрѣпиться и откуда легко было вторгнуться въ Англію. Шотландскій полковникъ Семпль, вмѣстѣ съ итальянскимъ инженеромъ Плато, составившимъ карту британскихъ береговъ, стоялъ, напротивъ-того, за высадку въ Шотландію, гдѣ дворянство было готово взяться за оружіе, а народъ былъ расположенъ отмстить за умерщвленіе Маріи Стюартъ. Наконецъ, адмиралъ Санта-Круцъ и принцъ пармскій совѣтовали прежде всего обезпечить за собою какой-нибудь большой портъ на берегахъ Голландіи или Зеландіи, чтобы армада, войдя въ Ламаншъ, могла укрываться тамъ отъ бурь и оттуда безпрепятственно пройти въ Англію. Филиппъ не принялъ ни одной изъ этихъ благораз-

умныхъ мѣръ. Этотъ осторожный государь, который такъ часто вредилъ своимъ планамъ проволочками и уничтожалъ свои приготовленія нерѣшительностью, на этотъ разъ своею поспѣшностью подвергнулъ риску самое важное предпріятіе своего царствованія.

Но если онъ не согласился на предварительное занятіе принцемъ пармскимъ Флессинга и устьевъ Эско, то не хотѣлъ также, чтобы *армада* вышла изъ лиссабонской гавани прежде, чѣмъ герцогъ Гизъ и лигисты подымутъ оружіе противъ Генриха III, чтобы воспрепятствовать всякой диверсіи со стороны Франціи въ пользу королевы Елизаветы. Съ этою цѣлію командоръ Хуанъ Инигуэцъ Морео отправился, около первыхъ чиселъ апрѣля, къ герцогу Гизу въ Суассонъ, между-тѣмъ какъ принцъ пармскій отослалъ обратно въ Шотландію графа Мортона, который пріѣзжалъ договариваться съ нимъ отъ имени католиковъ своего отечества, и который сопровождалъ полковника Семпля, имѣвшаго порученіе—предложить Іакову VI отмстить, наконецъ, за смерть своей матери и за оскорбленіе, нанесенное шотландской націи. Командоръ Морео имѣлъ полный успѣхъ въ Суассонѣ. Онъ предложилъ герцогу Гизу, какъ только послѣдній разойдется съ Генрихомъ III, триста тысячъ экю, шесть тысячъ ландскнехтовъ и тысячу двѣсти копейщиковъ, отъ имени своего государя, который, кромѣ того, долженъ былъ отозвать своего посла при французскомъ дворѣ и аккредитовать другаго при католической партіи. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ трактатъ, и герцогъ Гизъ вошелъ въ Парижъ, гдѣ его ждали лигисты и от-

куда 12 мая онъ выгналъ Генриха III возстаніемъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого возмущенія,—которое привело Генриха III въ безсиліе и не позволяло ему даже, по выраженію герцога пармскаго, *помогать королевѣ англійской своими слезами, въ которыхъ онъ самъ имѣлъ нужду, для оплакиванія своего собственнаго несчастія,*—испанскій флотъ вышелъ изъ Таго и направился къ Британскимъ островамъ.

Елизавету застали въ расплохъ: обманутая переговорами, которые продолжались въ Нидерландахъ, она раздѣляла надежды на миръ, питаемыя лордомъ-казначеемъ, котораго предусмотрительность и тактъ на этотъ разъ обманулись. Несмотря на совѣты Уэльсингэма и Лейстера, которые представляли ей неизбѣжность вторженія, она, ради скупости, пожертвовала безопасностью и очень плохо приготовилась къ защитѣ. Въ ту минуту, когда *армада* выходила уже въ море, флотъ англійской королевы еще не былъ снаряженъ и на почвѣ Англіи не было набрано ни одного солдата. Къ счастію, ей помогла буря. Не миновавъ еще береговъ Испаніи, армада противъ мыса Финистерре была застигнута первымъ ураганомъ, который разсѣялъ ее и заставилъ войти въ бискайскіе и галисійскіе порты, причинивъ ей большія поврежденія. Сверхъ того, она теперь уже не состояла подъ начальствомъ маркиза Санта-Круца. Этому опытному моряку, несмотря на его ревность и успѣхи, не удалось снискать благосклонность своего государя, который, въ своей горячности, сдѣлался нетерпѣливымъ. Филиппъ II упрекалъ его въ медлительности и съ неблагодарною суровостью сказалъ ему: «Вы очень мало признательны за мою благосклон-

ность къ вамъ.» Эти слова, сказанныя столь самовластнымъ королемъ, не любившимъ говорить даромъ, были убійственны для Санта-Круца. Измученный трудами и скорбью, онъ умеръ, и Филиппъ II назначилъ на его мѣсто Алонзо-Переца-Гусмана, герцога де-Медина-Сидонія, одного изъ самыхъ знатныхъ вельможъ Испаніи, но мало способнаго къ управленію подобною экспедиціей. Впрочемъ, помощниками его были два искусные моряка—бискаецъ Хуанъ Мартинецъ де-Рекальде и Мигуэль Оквендо.

Между-тѣмъ какъ армада собиралась вновь и чинилась у береговъ Испаніи, Елизавета поняла наконецъ всю важность опасности и позаботилась о предотвращеніи ея. Энергія и предусмотрительность возвратились къ ней; она составила военный совѣтъ для принятія мѣръ къ защитѣ королевства; предписала завербовать въ графствахъ всѣхъ людей мужскаго пола, способныхъ носить оружіе, отъ восемнадцати до шестидесяти-лѣтняго возраста; приказала собрать двѣ арміи: одну — изъ 31,932 человѣкъ пѣхоты и 2400 кавалеріи, предназначенную, подъ начальствомъ Лейстера, идти противъ непріятеля, другую — изъ 34,400 человѣкъ пѣхоты, 1914 человѣкъ кавалеріи и 36 артиллерійскихъ орудій разнаго калибра, назначенную, подъ начальствомъ Гэнсдона, защищать особу королевы. Она вздумала укрѣпить позицію Тильбюри, близь устья Темзы, гдѣ должны были сдѣлать вторженіе испанцы, и велѣла удалить на островъ Эли и во внутренность королевства наиболѣе подозрительныхъ англійскихъ католиковъ, подвергнувъ остальныхъ строгому надзору. Двѣ арміи — Лейстера и Гэнсдона были созваны: первая—къ 28 іюня, вторая

—къ 23 іюля. Этотъ срокъ былъ бы слишкомъ позднимъ, если бы армада не была остановлена бурею; и даже при этой помѣхѣ онъ былъ недостаточно скоръ для приведенія этихъ армій въ такое состояніе, чтобы онѣ могли бороться съ испытанными испанскими войсками. Но постоянное благопріятствованіе судьбы и неустрашимость англійскаго флота предотвратили вредъ, который могъ произойти отъ медленности Елизаветы и спасти ее отъ ошибокъ, въ которыя вовлекли ее легкомысліе и скупость.

Число собранныхъ ею кораблей было значительно. Съ помощію лондонскаго Сити, которое одно отдало тридцать восемь судовъ въ ея распоряженіе, и благодаря преданности своихъ подданныхъ, которые шли на защиту своей родины и религіи, она скоро собрала флотъ изъ девяносто-одного корабля, на которыхъ находилось 15,272 человѣка. Впрочемъ, эти суда большею частью были малаго размѣра. Наиболѣе значительными командовали Дрэкъ, Форбишеръ, Уинтеръ, Гокинсъ и всѣ тѣ смѣлые моряки, которые на отдаленныхъ моряхъ ознаменовали себя подвигами въ борьбѣ противъ испанскаго могущества. Этотъ многочисленный и легкій флотъ — на который стеклись волонтеры, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Англіи, на которомъ находились люди, обладавшіе такою же храбростью, какъ искусствомъ— былъ ввѣренъ адмиралу Говарду Эффингему. Помощникомъ его былъ Фрэнсисъ Дрэкъ. Флотъ собрался въ Плимутѣ, гдѣ онъ ожидалъ *армады* у входа въ каналъ, отдѣляющій островъ отъ континента, междутѣмъ какъ сильная дивизія подъ начальствомъ лорда Генри Сеймера и Уинтера отправилась на другую

сторону Па-де-Кале, чтобы соединиться съ голландскимъ адмираломъ Лонкомъ и адмираломъ Зеландіи Юстиномъ Нассау, блокировать вмѣстѣ съ ними берега Фландріи и мѣшать соединенію флотиліи принца пармскаго съ армадою герцога Медина-Сидоніи.

Послѣдняя 20 іюля вышла опять въ море. Подъ спокойнымъ небомъ, по невозмущенному океану плаваніе ея сначала было благополучно. Этотъ флотъ, самый большой, какой только когда-либо носился по волнамъ Атлантики, величественно подвигался впередъ. Онъ считался непобѣдимымъ, заключая въ себѣ семь тысячъ пятьсотъ моряковъ, которые управляли его движеніями, везя девятнадцать тысячъ солдатъ дессанта и многочисленное полчище священниковъ и монаховъ, для завоеванія и обращенія Англіи. Съ своими гигантскими галеассами и страшными гальонами онъ похожъ былъ на какой-то укрѣпленный городъ, плывущій по водамъ. Онъ возбуждалъ повсюду восторгъ и удивленіе. Миновавъ ю. з. оконечность Британіи, онъ напослѣдокъ, очутился противъ англійскихъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ Плимутѣ. Будучи сильнѣе и благопріятствуемый вѣтромъ, который дулъ съ юга, онъ могъ напасть на Говарда и Дрэка и однимъ ударомъ очистить путь въ Англію. Этого-то и требовали наперерывъ испанскіе капитаны; но герцогъ Медина-Сидонія, собравъ ихъ, показалъ имъ повелѣніе короля, который запрещалъ вступать въ битву до соединенія съ герцогомъ пармскимъ и пока всѣ войска не будутъ перевезены на берега Темзы. Донъ-Хуанъ де-Рекальде утверждалъ, однако же, что нападенія должно дѣлать тогда, когда существуетъ увѣренность въ побѣдѣ и что въ

настоящемъ случаѣ должно служить королю неповиновеніемъ. Но робкій герцогъ Медина-Сидоніа, строгій исполнитель полученныхъ имъ инструкцій, продолжалъ свой путь къ берегамъ Фландріи. Онъ слишкомъ покорно повиновался приказанію, которое, будучи дано вдали отъ мѣста и обстоятельствъ, было ошибочнымъ, потому-что запрещало пользоваться удобнымъ случаемъ дать сраженіе и не предохраняло отъ необходимости принять его при неблагопріятныхъ условіяхъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ Говардъ и Дрэкъ, избѣгнувъ этой опасности, послѣдовали за армадой, — которая, выстроившись въ видѣ полумѣсяца, медленно подвигалась впередъ, — и сдѣлали удачное нападеніе на ея арьергардъ. Въ этомъ узкомъ каналѣ, котораго проходы и подводные камни имъ были хорошо извѣстны, ихъ легкіе корабли всегда умѣли найти вѣтеръ и, избѣгая столкновенія съ ужасной массой, о которую они бы разбились, они все-таки значительно вредили ей. 4 августа они дали удачное сраженіе противъ острова Уайта и безпокоили армаду постоянно до Кале, гдѣ она бросила якорь 6-го. Находясь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Дюнкирхена и Ньюпорта, она, повидимому, была недалеко отъ цѣли своего предпріятія.

При приближеніи армады, принцъ пармскій, прервавъ переговоры между испанскими и англійскими коммиссарами, приготовилъ все, чтобы соединиться съ нею. 7 и 8 августа онъ посадилъ четырнадцать тысячъ человѣкъ на ньюпортскую флотилію и затѣмъ отправился, чтобы посадить остальныя войска экспедиціи на суда флотиліи дюнкирхенской. Герцогъ

Медина-Сидонія приготовлялся присоединиться къ нему и конвоировать его плоскіе корабли къ устьямъ Темзы. Но Дрэкъ не далъ ему времени для этого. Съ своимъ горячимъ и неутомимымъ упорствомъ онъ не переставалъ преслѣдовать армаду и бросилъ якорь недалеко отъ нея. Стихіи помогли его нападеніямъ. Ночью 8 и 9 небо помрачилось и наэлектризованная атмосфера предвозвѣщала бурю, Дрэкъ велѣлъ наполнить восемь самыхъ негодныхъ маленькихъ судовъ своего флота селитрою, смолою и другими горючими веществами и поставить ихъ въ сосѣдствѣ испанскаго флота. Въ нѣкоторомъ разстояніи ихъ подожгли и восемь брандеровъ, освѣтивши вдругъ ночной мракъ своимъ зловѣщимъ свѣтомъ, пошли къ армадѣ. Испанскій флотъ былъ объятъ ужасомъ. Онъ побоялся какъ-бы не сгорѣть подобно другому флоту, сгорѣвшему за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ у Анжера, — и испанцы, поднявъ якоря и обрубивъ канаты быстро оставили берегъ и въ безпорядкѣ бросились въ открытое море. Но, избѣгнувъ пожара, они подверглись бурѣ.

Она разразилась въ эту минуту и юго-западный вѣтеръ подулъ съ страшною силой. Гонимая этимъ ураганомъ, армада, которую англійскій флотъ преслѣдовалъ во весь слѣдующій день, громя ее пушечною пальбою, была брошена къ берегу между Кале и устьями Эско; она съ трудомъ выбралась изъ этихъ мелей, гдѣ потерпѣли крушеніе многіе изъ ея галеоновъ и одна изъ четырехъ большихъ галеассъ. Армада потеряла уже пятнадцать кораблей съ 4791 человѣкъ и могла избавиться отъ дальнѣйшихъ потерь только выйдя изъ этого опаснаго канала. Экс-

педиція не удалась, и герцогъ Медина-Сидоніа, гонимый съ юга на сѣверъ бурею, которая не позволяла ему опять идти чрезъ Ламаншъ, не подвергаясь вѣрной гибели, бросился на дорогу, почти столько же опасную. Онъ обогнулъ Англію, Шотландію и Ирландію и чрезъ Сѣверный океанъ направился въ Испанію. Тревожимый бурями, онъ въ этомъ переходѣ усѣялъ обломками своего флота незнакомое ему море, и у береговъ одной Ирландіи оставилъ 17 кораблей.

Между-тѣмъ какъ армада испытывала эти бѣдствія, а принцъ Пармскій, приведенный въ уныніе такою большою неудачей, снималъ свои войска съ плоскихъ судовъ, король шотландскій сдѣлалъ наконецъ свой выборъ между Филиппомъ II и Елизаветой. Долго онъ ладилъ и съ тѣмъ и съ другимъ. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ благосклонно принялъ полковника Семпля, присланнаго къ нему принцемъ. Онъ писалъ къ этому послѣднему въ выраженіяхъ, изъ которыхъ можно было заключить, что онъ намѣревается быть его союзникомъ. Но когда графъ Мортонъ, согласно тому, что̀ было условлено въ Нидерландахъ, подалъ шотландскимъ католикамъ сигналъ къ возстанію, для поддержанія испанской экспедиціи, то Іаковъ VI понялъ, что ему грозитъ общая съ Елизаветой опасность. Несмотря на стараніе испанскихъ агентовъ не говорить ничего о религіозной цѣли предпріятія и скрыть отъ него честолюбіе Филиппа II, подъ видомъ мщенія за смерть матери Іакова, послѣдній хорошо понялъ, что дѣло шло о возстановленіи старой религіи въ Англіи и о покореніи этой страны владычеству католическаго короля. Итакъ онъ не колебался

болѣе. Онъ сказалъ, что испанскій король дѣлаетъ ему ту же милость, какую хотѣлъ оказать Одиссею Полифемъ, т. е. предоставляетъ ему быть съѣденнымъ послѣ всѣхъ, — и пошелъ противъ Мортона, взялъ у него замокъ Лочмэбенъ и заключилъ самого Мортона въ тюрьму, разбивъ его при Дэмфризѣ. Эта рѣшительная мѣра остановила предпріятія шотландскихъ католиковъ и избавила отъ большаго безпокойства Елизавету, которая еще не успѣла привести сѣверную границу своего королевства въ оборонительное положеніе. Она тотчасъ же послала къ молодому королю — который и своею религіею и интересами былъ побуждаемъ возобновить съ нею союзъ—Уильяма Эшби, чтобы поздравить его и предложить ему отъ ея имени герцогство въ Англіи, какъ ступень къ трону, пять тысячъ фунтовъ стерл. пенсіи и деньги на содержаніе пятидесяти тѣлохранителей изъ шотландскихъ дворянъ. Эти обязательства, которыя Елизавета приняла на себя въ минуту опасности и отъ исполненія которыхъ она уклонилась по минованіи этой опасности, окончательно склонили Іакова VI на ея сторону. Онъ снова вступилъ въ соглашенія съ Елизаветой; честолюбіе говорило въ немъ громче родственныхъ чувствъ; и потому, тѣ же самыя причины, которыя дѣлали его столь уступчивымъ относительно плѣна его матери, помѣшали ему потребовать отчета въ ея смерти.

Англійская королева торжествовала вполнѣ. Если она не видѣла опасности издали, то, по-крайней-мѣрѣ, встрѣтила ее съ благороднымъ мужествомъ. Она воодушевляла Англію своею неустрашимостью и увѣренностью; она хотѣла стать во главѣ своихъ войскъ,

которыя она посѣтила въ ихъ лагерѣ въ Тильбюри, гдѣ была встрѣчена привѣтомъ шумнаго восторга. Англійскій народъ, проникнутый признательностью и благоговѣніемъ, видѣлъ въ ней свою избавительницу и считалъ себя обязаннымъ ей и сохраненіемъ своей независимости, и безопасностью своей религіи.

Что касается до Филиппа II, котораго политическіе планы были остановлены описаннымъ бѣдствіемъ, то онъ узналъ о погибели армады съ спокойною гордостью могущественнѣйшаго монарха Европы. Вѣсть объ этомъ взялся ему сообщить любимый его министръ донъ Кристоваль де-Моура. Донъ Кристоваль засталъ его за писаніемъ писемъ въ кабинетѣ. Филиппъ II выслушалъ его не измѣнившись въ лицѣ. «Благодарю Бога, сказалъ онъ, за то, что Онъ даровалъ мнѣ средство перенести безъ труда подобную потерю, и что я въ состояніи отправить въ море другой такой же большой флотъ». Взявъ опять перо, онъ спокойно продолжалъ писать. Однако же армада, если вѣрить тому, что̀ говорилъ посланникъ Мендоза историку Ту, стоила ему болѣе ста мильоновъ червонцевъ! Остатки ея прибыли въ сентябрѣ въ порты Сантандера и Коруньи, подъ предводительствомъ герцога Медина-Сидоніи, который не былъ допущенъ къ королю и получилъ приказаніе удалиться въ свое помѣстье, и дона Хуана де Рекальде, который скоро умеръ отъ понесенныхъ имъ трудовъ. Филиппъ II сообщилъ своимъ подданнымъ о происшедшемъ бѣдствіи возвышеннымъ и покорнымъ языкомъ христіанскаго государя; онъ просилъ всѣхъ архіепископовъ и епископовъ своего государства вознести къ Богу торжественныя молитвы: «Счастіе на морѣ, писалъ

онъ имъ, измѣнчиво, какъ это всѣмъ извѣстно и какъ недавно это испытала армада». Приписывая случившееся несчастіе причинамъ, которыхъ не могла предотвратить человѣческая предусмотрительность, онъ просилъ ихъ молиться за него предъ Богомъ: «Поручите, говорилъ онъ имъ въ заключеніе, всѣ мои дѣйствія нашему Господу, дабы Онъ обратилъ ихъ къ пользѣ своей религіи, къ возвышенію своей Церкви, къ благу и сохраненію христіанства. Вотъ все, чего я желаю».

Хотя отвѣтъ Филиппа II дону Кристовалю де-Моура повидимому обѣщалъ скорое снаряженіе новаго флота и хотя Мендоза совѣтовалъ ему приготовить другую экспедицію, но испанскій король не могъ вновь взяться за исполненіе плана, надъ которымъ онъ трудился пять лѣтъ, думалъ восемнадцать лѣтъ и который былъ разстроенъ въ нѣсколько дней! Обстоятельства не позволили ему это сдѣлать. Двое изъ Гизовъ—герцогъ и кардиналъ — въ концѣ 1588 г. были убиты въ Блуа, служа тому же дѣлу, за которое погибла Марія Стюартъ въ Фотрингэѣ; Генрихъ III былъ умерщвленъ однимъ монахомъ около половины 1589 г. въ Сенъ-Клу, — и смерть его въ первый разъ отдѣлила дѣло католицизма отъ королевской власти; лигисты вели въ теченіи пяти лѣтъ горячую, упорную борьбу противъ протестантовъ, присоединившихся къ роялистамъ — все это принудило Филиппа II оставить свои виды на Англію и обратить свое вниманіе на Францію. Онъ употребилъ свои финансы на поддержаніе тамъ лиги, свои войска—на ея защиту и, стараясь лишить Генриха IV престола, онъ не могъ въ то же время думать о сверженіи Елизаветы. По-

слѣ смерти Маріи Стюартъ и разсѣянія армады, англійской королевѣ уже нечего было бояться. Для лишенія ея престола и для возстановленія въ Англіи католической вѣры не было уже дѣлаемо никакихъ важныхъ попытокъ и даже замысловъ. Протестантизмъ сдѣлался навсегда господствующей религіей. Утвердивъ въ своемъ государствѣ переворотъ, сдѣланный ея отцомъ, Генрихомъ VIII, Елизавета помогла на континентѣ Генриху IV усмирить лигу, а республикѣ Соединенныхъ Провинцій—сдѣлаться независимою отъ Испаніи. Вездѣ, гдѣ Филиппъ II хотѣлъ возстановить старую религію, она старалась поддержать новую; и это дѣло она выполнила съ помощью державы менѣе сильной, чѣмъ государство испанскаго короля, но съ бо̀льшимъ противъ него искусствомъ или счастьемъ, потому-что она доставила торжество протестантизму въ Англіи, Шотландіи въ Голландіи и поддержала его во Франціи. Какъ политика Филиппа II, такъ и политика Елизаветы была запятнана вѣроломствомъ и жестокостью; но со временъ Филиппа начинается паденіе Испаніи, а въ царствованіе Елизаветы начало возникать величіе Англіи.

Таковъ былъ конецъ продолжительной и неравной борьбы двухъ религій въ Великобританіи. Марія Стюартъ погибла вмѣстѣ съ прежнею. Елизавета утвердилась вмѣстѣ съ новою. Поддерживая дѣло, такъ сказать, уже проигранное, Марія Стюартъ не была ни счастлива во время своей жизни, ни отмщена послѣ своей смерти. Положеніе, въ которое она была поставлена со времени возвращенія своего изъ Франціи въ Шотландію, и вѣра, которую она надѣялась тамъ

возстановить, способствовали ея несчастіямъ, по-крайней-мѣрѣ столько же, какъ ея страсти и ошибки.

Защищать Шотландію и управлять ею — всегда было трудно. Пять королей изъ дома Стюартовъ погибли, покушаясь упрочить ея независимость относительно Англіи и утвердить въ ней общественную власть противъ феодальнаго дворянства. Послѣднимъ изъ государей, который былъ подавленъ тяжестью этого труда, былъ Іаковъ V, несчастный отецъ еще болѣе несчастной Маріи Стюартъ. Умирая на тридцать первомъ году своей жизни и оставляя на своемъ престолѣ дочь, имѣвшую только шесть дней отъ роду, онъ съ грустною предусмотрительностью предсказалъ участь своего отечества и своего рода. У колыбели его злополучной наслѣдницы возгорѣлась война, долженствовавшая рѣшить: будетъ ли она принадлежать къ фамиліи Валуа, или къ фамиліи Тюдоровъ; выйти ли ей замужъ за внука Франциска I, или за сына Генриха VIII; останется ли Шотландія независимою подъ покровительствомъ Франціи, или сольется съ Англіей посредствомъ присоединенія, которое было предметомъ столь долгихъ стараній. Партія независимости взяла верхъ надъ партіею соединенія, и Марія, еще ребенкомъ была отвезена во Францію. Тамъ протекли ее самые тихіе и счастливые годы. Между-тѣмъ въ Шотландіи собиралась буря, которая должна была возмутить остальное время ея жизни. Управляемая сперва регентомъ, принадлежавшимъ къ французской партіи, герцогомъ Шательро, потомъ регентшей французскаго происхожденія, Маріею лотарингскою, сестрою Гизовъ, Шотландія находилась въ борьбѣ съ Англіей и въ союзѣ съ Фран-

цiей и все болѣе и болѣе впадала въ безпорядки раздоровъ. Къ постоянно существовавшимъ и теперь подновленнымъ причинамъ прежнихъ ссоръ, прибавились другiя: религiозный переворотъ утвердилъ феодальную независимость и присоединилъ горячность новыхъ вѣрованiй къ энергiи старинныхъ интересовъ. Онъ сдѣлалъ пресвитерiанскую демократiю союзницей территорiальной аристократiи. Это великое событiе совершилось во время отсутствiя Марiи Стюартъ, которая, возвращаясь около осени 1561 г. на тронъ своихъ предковъ, увидѣла себя окруженною опасностями гораздо болѣе страшными, чѣмъ тѣ, противъ которыхъ не могли устоять столько другихъ королей, ея предшественниковъ.

Какiе задатки имѣла Марiя Стюартъ для того, чтобы покоролевски повелѣвать всемогущему дворянству—и не вызвать возстанiй; отправлять католическое богослуженiе — и не возбудить непрiязненной подозрительности протестантовъ; сохранить вполнѣ самодержавную независимую власть относительно Англiи—и не подвергнуться интригамъ и нападенiямъ безпокойной Елизаветы?—она не знала обычаевъ страны, въ которой должна была царствовать, и осуждала ея религiю. Получивъ воспитанiе при блестящемъ и утонченномъ дворѣ, она съ сожалѣнiемъ и неохотно возвращалась въ дикiя горы, въ общество необразованныхъ жителей Шотландiи. Болѣе любезная въ обращенiи, нежели искусная въ политикѣ, очень пылкая и неосторожная, она возвратилась въ свое отечество съ неумѣстною грацiей, съ опасною красотой, съ умомъ сильнымъ, но непостояннымъ, съ душою благородною, но готовою на всякiя увлеченiя, съ лю-

бовью къ искусствамъ и приключеніямъ, — со всѣми страстями женщины, при полной свободѣ вдовы. Не смотря на то, что она обладала большимъ мужествомъ, она воспользовалась имъ только для ускоренія хода своихъ несчастій и употребила свой умъ для того, чтобы лучше дѣлать ошибки, къ которымъ ее побуждали положеніе и характеръ ея. Она имѣла неблагоразуміе объявить себя законною наслѣдницей англійской короны и такимъ-образомъ сдѣлалась соперницей Елизаветы; она послужила опорою и надеждою католицизма, потерпѣвшаго пораженіе на островѣ, и тѣмъ подверглась неумолимой враждѣ протестантовъ, которые, во что̀ бы то ни стало, хотѣли отстоять сдѣланный ими религіозный переворотъ.

Это еще не все. Она усилила грозившія ей опасности ошибками своей частной жизни. Внезапная привязанность, которую она почувствовала къ Дарнлею, чрезмѣрная короткость ея съ Риччіо и довѣренность, которую она ему оказывала, наконецъ необузданная страсть ея къ Ботвелю—все это было для нея одинаково гибельно. Сдѣлавъ своимъ мужемъ и королемъ молодаго человѣка, который не обладалъ ничѣмъ, кромѣ пріятной наружности, и который такъ скоро ей опротивѣлъ; избравъ своимъ секретаремъ и любимцемъ католика; согласившись выйти замужъ за убійцу своего мужа, она сама уничтожила свою власть. Потерявъ корону, она безразсудно подвергла опасности свою свободу. Она искала убѣжища въ государствѣ своей непріятельницы, не увѣрившись напередъ, что тамъ будетъ сохранена ей эта свобода, и отдавшись въ руки Елизаветы, она начала составлять противъ нея заговоры, имѣя мало шансовъ свергнуть ее

съ престола. Изъ глубины своей тюрьмы, куда ее несправедливо заключили и гдѣ ее несправедливо удерживали, она хотѣла, при помощи католической партіи, подготовить свое освобожденіе—но трудилась только для своей погибели. Эта партія была слишкомъ слаба на островѣ и слишкомъ разъединена на континентѣ для того, чтобы возстать и чтобы ея помощь дѣлу Маріи не осталась безполезною. Возстанія, которыя дѣлала эта партія съ 1589 и договоры, которые она составила до 1586, довершили ея паденіе, подвергнувъ отважнѣйшихъ ея предводителей смерти или изгнанію. Морской крестовый походъ, о которомъ разсуждали въ Римѣ, Мадридѣ и Брюсселѣ въ 1570 г. и условились въ 1586 г. для низверженія Елизаветы и возстановленія Маріи Стюартъ, не только не послужилъ къ возведенію послѣдней на великобританскій тронъ, но еще привелъ ее къ эшафоту.

Итакъ эшафотъ—таковъ былъ конецъ этой жизни, начавшейся удаленіемъ изъ отечества, усѣянной препятствіями, наполненной ошибками,—жизни, почти постоянно горькой, иногда преступной, но украшенной такимъ очарованіемъ, трогательной по такому множеству несчастій, очищенной такимъ длиннымъ рядомъ искупительныхъ жертвъ и конченной съ такимъ величіемъ. Марія Стюартъ—жертва стариннаго шотландскаго феодализма и новой религіозной революціи, унесла съ собою надежды абсолютной власти и католичества. Однако же ея потомки, достигнувъ англійскаго трона чрезъ шестнадцать лѣтъ послѣ ея смерти, слѣдовали за нею по опасному пути, на которомъ предшествовали ей многіе изъ ея предковъ. Внукъ ея, Карлъ I, желая установить неограниченную

монархію, былъ, подобно ей, обезглавленъ, а правнукъ Іаковъ II, пытаясь, какъ она, возстановить католицизмъ, былъ свергнутъ съ престола и изгнанъ.

Съ нимъ погасъ на чужой землѣ этотъ домъ Стюартовъ, который, по своему безразсудству, предпріимчивому характеру и злополучной судьбѣ, игралъ одну изъ самыхъ трагическихъ ролей въ исторіи.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 057281278